

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 1

**Ростов-на-Дону
2021**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Ушаков Д.С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В.А., докт. экон. наук, доц.; Голобородько А.Ю., докт. полит. наук, доц.; Золочевская Е.Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я.Я.; докт. экон. наук, доц.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А.П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е.М., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М.А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Р.К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е.П., докт. экон. наук, проф.; Понделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е.А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н.Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В.А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О.А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.
Тел. 8-863-203-63-89,
e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 1

**Rostov-on-Don
2021**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V.A., Doctor of Economic Science, Docent; *Goloborodko A.Yu.*, Doctor of Political Sciences, Docent; *Zolochevskaja E.Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kyle Ya.Ya.*, Doctor of Economics, Docent; *Kislitsyn S.A.*, Doctor of Historic Science, Professor; *Kozlyuk N.V.*; Doctor of Economics, Docent; *Kokin A.V.*, Doctor of Geological and Mineralogical Science, Professor; *Kryukova E.M.*, Doctor of Economics, Professor; *Kolyadin A.P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovakimyan M.A.*, Candidate of Economic Science, Docent; *Ovcharenko R.K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E.P.*, Doctor of Economics, Professor; *Ponedelkov A.V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E.A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N.G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V.A.*, Doctor of Sociology, Professor; *Chernova O.A.*, Doctor of Economics, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216
Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

РУБРИКА НОМЕРА:

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 13

С.А. Воронцов, Т.В. Игнатова, А.В. Понеделков, А.А. Шетов

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТЬЮ ТРУДА, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА.....13

И.П. Добаев, А.И. Добаев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АТАК
РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТОВ НА ОБЪЕКТЫ В США (11.09.2001 г.).....18

Л.Л. Иванова, А.Т. Батов

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....24

Г.В. Косов, С.А. Нефедов, Д.Н. Тишкин

НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ.....30

И.Ж. Сарсембаев

СОЗДАНИЕ «АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ»
КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 36

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ 48

Н.Ю. Коротина

АСИММЕТРИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА:
ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ.....48

Г.В. Овчаренко, Н.Г. Ларкина

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ.....54

Н.В. Пржедецкая, Д.С. Жуков

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КОМПАНИИ
КАК ЭЛЕМЕНТА МАРКЕТИНГОВОЙ HR-СТРАТЕГИИ.....60

Т.И. Просандеева, А.В. Ляхов, В.В. Стеценко ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В ПРОЦЕССЕ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	64
А.В. Скидан, Ю.А. Чипига, А.А. Исюк ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ.....	71
В.А. Фоменко, М.Н. Плякич, А.О. Балабанова УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩИХ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ	77
М.А. Черкасова СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И СМЕНА ПАРАДИГМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ.....	82
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	87
Е.С. Аكوпова, Е.К. Пиливанова, С.И. Самыгин МИРОВАЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ 2020 ГОДА	87
Ф.И. Белозор ЗАКУПКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД: ГАРМОНИЗАЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	93
О.С. Белокрылова, В.П. Кузнецова, Л.П. Вардомацкая ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В МИРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	102
Г.Ю. Волков ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО ТРАНЗИТА)	108
А.В. Глущенко, Е.А. Довгань РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	114
Н.Н. Евченко, П.А. Морозова ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЫНКА ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ США).....	120
В.В. Келарев МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННЫХ КРИЗИСОВ И ВОЛАТИЛЬНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ	127
Л.В. Китаева, Н.Н. Ажогина ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ И МОНЕТИЗАЦИЯ ДОХОДОВ КАК ФОРМА РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА.....	138
Т.Б. Малкова, М.Н. Танчук МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ.....	144
Т.В. Мартыненко МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: АКТУАЛЬНА ЛИ ОНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?	151
И.В. Мошкин, А.Б. Бабанов МАЛЫЙ БИЗНЕС РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19	156
А.В. Павлюкова, Д.Е. Иванова, В.Е. Иванов АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ КОЛИЧЕСТВА РАЗРАБОТАННЫХ ПЕРЕДОВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОТ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	160

А.И. Петровский, Н.В. Капустина ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЧНОСТИ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ	165
Т.В. Подольская, Ф.Е. Шкель, Е.А. Васюта РАЗВИТИЕ ДОЛГОВЫХ ПРОБЛЕМ В СТРАНАХ МИРА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19.....	170
В.П. Полуянов, Е.В. Полуянов ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЫНКА ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ.....	176
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	186
Д.К. Григорян, К.П. Малянова, А.Г. Меликян РОЛЬ ОППОЗИЦИИ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ. НЕЗДОРОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И МЕТОДЫ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА МАССЫ.....	186
А.А. Ковалев, Е.Ю. Князева СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В КНР: ОПЫТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	191
С.И. Кузина, Т.Ю. Пастухов НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА.....	199
С.В. Островский, Л.А. Лобова, Е.Н. Тованчова ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЛНЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	204
С.В. Петрова, А.В. Сидорова ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	209
С.П. Поцелуев, А.В. Курбатов, А.С. Маник ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА: К ИРОНИИ ОДНОГО КОНЦЕПТА	214
Т.П. Черкасова, М.В. Шутов ТРЕНДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	224
Г.В. Ярошенко, А.С. Куреневский РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИЗМА.....	229
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	233
Я.В. Артамонова, Н.Х. Гафиагулина ЖИЗНЕННЫЙ МИР МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: УСТОЙЧИВОСТЬ И РИСКИ РАСПАДА.....	233
В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиагулина, И.М. Вакула ПАНДЕМИЯ И СИСТЕМА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР КАК ФАКТОР ТРАВМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ	237
И.Е. Пономарев, С.В. Барсуков ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	243
Р.О. Рамазанов ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	248
М.М. Шахбанова, Р.И. Ремиханова, Д.С. Шихалиева РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ.....	255

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	263
Ю.Ю. Дубина	
О ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАТРАТ НА РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	263
Г.Е. Косач	
ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ЖИЗНЕННЫХ ПРОЕКТАХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА).....	268
Р.Н. Первякова	
АНАЛИЗ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	274
А.Б. Понамарёв	
БАРЬЕРЫ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА.....	279
Г.В. Туманян	
О ПОРЯДКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ. ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ?	284
Б.З. Цанава	
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА	291
В.А. Чебан	
ФОРСАЙТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	296
ПАМЯТИ УЧЕНОГО.....	300
ВОРОНЦОВ Сергей Алексеевич (1.11.1948 – 13.03.2021).....	300
МИНАЕВА Елена Вячеславовна (28.12.1967 – 16.02.2021)	301
СЕРГЕЕВ Владимир Никитович (23.04.1942 – 4.03.2021).....	302
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	303

CONTENTS

SPECIAL TOPIC OF ISSUE: PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY	13
<i>Vorontsov Sergey Alexeevich, Ignatova Tatiana Vladimirovna, Ponedelkov Alexandr Vasilievich, Shetov Arthur Arsenovich</i> ANTICORRUPTION POLICY AS A FACTOR OF MANAGEMENT OF SECURITY OF LABOR, BUSINESS AND STATE	13
<i>Dobaev Igor Prokopievich, Dobaev Andrei Igorevich</i> IDEOLOGICAL PREREQUISITES FOR TERRORIST ATTACKS BY RADICAL ISLAMISTS ON FACILITIES IN THE UNITED STATES (11.09.2001).....	18
<i>Ivanova Lyudmila Leonidovna, Batov Alim Timurovich</i> ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS ONE OF THE AREAS OF CORRUPTION PREVENTION IN RUSSIAN FEDERATION	24
<i>Kosov Gennady Vladimirovich, Nefedov Sergey Aleksandrovich, Tishkin Dmitriy Nikolayevich</i> DIRECTIONS OF ADJUSTMENT OF THE STATE POLICY ON COUNTERING ORGANIZED CRIME IN THE CONDITIONS OF A HYBRID WAR	30
<i>Sarsembayev Ilyas Zhazitovich</i> SETTING UP THE 'ANTI-DRUG INTELLIGENCE' AS AN IMPORTANT ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY PROVISION IN RUSSIAN FEDERATION	36
PROBLEMS OF MANAGEMENT	48
<i>Korotina Natalya Yurievna</i> ASYMMETRY OF THE ECONOMIC FEDERALISM SYSTEM: CONCEPT AND CLASSIFICATION	48
<i>Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Larkina Nataliya Georgievna</i> INSTITUTIONALIZATION OF THE FORMATION OF A NATIONAL SCIENTIFIC AND INNOVATIVE SYSTEM IN RUSSIA	54
<i>Przhedetskaya Natalia Vitovna, Zhukov Dmitry Sergeevich</i> MODERN METHODS OF SHAPING A COMPANY'S IMAGE AS AN ELEMENT OF MARKETING HR STRATEGY	60
<i>Prosandeeva Tamara Iranovna, Lyakhov Andrey Viktorovich, Stetsenko Vladimir Vadimovich</i> FORMATION AND DEVELOPMENT OF HEAD STAFF IN THE SPHERE OF MUNICIPAL EDUCATION IN THE PROCESS OF STRENGTHENING INTERACTION CONCERNING EXECUTIVE AND LAW POWER	64
<i>Skidan Anastasia Vasilyevna, Chipiga Yulia Andreevna, Isyuk Anastasia Aleksandrovna</i> DIGITALIZATION AS A FACTOR OF INCREASING PUBLIC ADMINISTRATION PERFORMANCE: PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT	71
<i>Fomenko Vita Alexandrovna, Plyakich Manushak Nazaretovna, Balabanova Anna Olegovna</i> MANAGERIAL DEVELOPMENT OF FUTURE YOUNG SPECIALISTS IN THE PROCESS OF ORGANIZING AND PARTICIPATING IN EVENT ACTIVITIES.....	77
<i>Cherkasova Marina Aleksandrovna</i> ONLINE COMMUNITIES AND CHANGE OF PARADIGMS OF MUNICIPAL GOVERNANCE ON THE EXAMPLE OF MOSCOW	82

PROBLEMS OF ECONOMICS	87
<i>Akopova Elena Sergeevna, Pilivanova Elena Kshgorovna, Samygin Sergey Ivanovich</i>	
WORLD TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE: DOWNLOAD THE 2020 DIGITAL TRANSFORMATION	87
<i>Belozor Fedor Ivanovich</i>	
PUBLIC PROCUREMENT: HARMONIZATION OF FAIR COMPETITION AND ECONOMIC EFFICIENCY	93
<i>Belokrylova Olga Spiridonovna, Kuznetsova Valentina Petrovna, Vardomatskaya Lyudmila Petrovna</i>	
FINANCIAL LITERACY IN THE WORLD OF THE DIGITAL ECONOMY (REGIONAL DIMENSION)	102
<i>Volkov Gennady Yuryevich</i>	
THE POLITICAL DOMINANT IN THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN TRADE STRATEGY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC TRANSIT)	108
<i>Glushchenko Alina Vladislavovna, Dovgan Evgeny Aleksandrovich</i>	
IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECTS AS A FACTOR OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF ENTERPRISES.....	114
<i>Yevchenko Natalia Nickolaevna, Morozova Polina Alexandrovna</i>	
E-COMMERCE MARKET ATTRACTIVENESS FACTORS IN THE POSTPANDEMIC PERIOD (THE USA CASE)	120
<i>Kelarev Vladimir Viktorovich</i>	
SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER CONSTANT CRISES AND VOLATILE BUSINESS ENVIRONMENT	127
<i>Kitaeva Ludmila Vasilievna, Azhogina Natalia Nikolaevna</i>	
REDISTRIBUTION AND MONETIZATION OF INCOME AS A FORM OF RENT-ORIENTED STATE BEHAVIOR	138
<i>Malkova Tatyana Borisovna, Tanchuk Marina Nikolaevna</i>	
METHODS OF RISK OPTIMIZATION IN THE ENTERPRISE	144
<i>Martynenko Tatyana Vasilievna</i>	
MOBILIZATION ECONOMY: IS IT RELEVANT FOR MODERN RUSSIA?	151
<i>Moshkin Igor Valerievich, Babanov Andrei Borisovich</i>	
RUSSIA SMALL BUSINESS AT THE FACE OF COVID-19 PROLIFERATION	156
<i>Pavlyukova Antonina Viktorovna, Ivanova Daria Evgenievna, Ivanov Vyacheslav Evgenievich</i>	
ANALYSIS OF THE DEPENDENCE OF THE NUMBER OF DEVELOPED ADVANCED PRODUCTION TECHNOLOGIES ON THE SOURCES OF FUNDING FOR SCIENCE AND INNOVATION	160
<i>Petrovskiy Alexander Ilyich, Kapustina Nadezhda Valerievna</i>	
RELATIONSHIP BETWEEN CONSTRUCTION COST ESTIMATION ACCURACY AND COST EFFECTIVENESS OF INVESTMENT AND CONSTRUCTION PROJECTS	165
<i>Podolskaya Tatiana Valentinovna, Shkel Fedor Evgenievich, Vasyuta Evgenia Aleksandrovna</i>	
DEVELOPMENT OF DEBT PROBLEMS IN THE WORLD IN THE PANDEMIC COVID-19	170
<i>Poluyanov Vladimir Petrovich, Poluyanov Evgeny Vladimirovich</i>	
FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE DRINKING WATER SUPPLY MARKET IN THE WORLD PRACTICE	176

POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	186
<i>Grigoryan David Kromvelovich, Malyanova Karina Petrovna, Melikyan Arnold Garrikovich</i>	
ROLE OF THE OPPOSITION AND THEIR LEADERS IN RUSSIAN SOCIETY. UNHEALTHY LIBERALISM AND ITS INFLUENCE ON THE MASSES.....	186
<i>Kovalev Andrey Andreevich, Knyazeva Ekaterina Yuryevna</i>	
SOCIAL CREDIT SYSTEM IN CHINA: EXPERIENCE OF POLITICAL ANALYSIS.....	191
<i>Kuzina Svetlana Ivanovna, Pastuhov Taras Yurjevich</i>	
NATIONAL IDEA THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF SOCIAL CONTRACT.....	199
<i>Ostrovskiy Sergey Viktorovich, Lobova Larisa Aleksandrovna, Tovanchova Elena Nikolaevna</i>	
STATE-FORMING PROCESSES. METHODOLOGY OF THE STUDY.....	204
<i>Petrova Svetlana Vladislavovna, Sidorova Anna Vyacheslavovna</i>	
TRANSFORMATION OF THE POLITICAL AND ELECTORAL PROCESS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION.....	209
<i>Potseluev Sergey Petrovich, Kurbatov Andrei Vladimirovich, Manik Anastasia Sergeevna</i>	
POLITICAL CORRECTNESS AS POLITICAL CENSORSHIP: TOWARDS THE IRONY OF ONE CONCEPT.....	214
<i>Cherkasova Tatiana Pavlovna, Shutov Mikhail Vasilievich</i>	
POLITICAL COMPETITION TRENDS IN MODERN RUSSIA	224
<i>Yaroshenko Galina Vasilievna, Kurenevsky Alexey Sergeevich</i>	
DEVELOPMENT OF RUSSIA: THE PROBLEM OF DETERMINISM.....	229
SOCIOLOGY PROBLEMS	233
<i>Artamonova Yana Viktorovna, Gafiatulina Natalya Khalilovna</i>	
LIFE WORLD OF YOUNG FAMILY IN SPACE OF MULTICULTURAL REGION: SUSTAINABILITY AND RISKS OF DISINTEGRATION.....	233
<i>Kasyanov Valery Vasilievich, Gafiatulina Natalya Halilovna, Vakula Ivan Mikhailovich</i>	
PANDEMIC AND THE SYSTEM OF RESTRICTIVE MEASURES AS A FACTOR OF INJURY TO THE SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION.....	237
<i>Ponomarev Igor Evgenievich, Barsukov Sergey Vladimirovich</i>	
FORMATION OF HEALTH-SAVING COMPETENCES OF UNIVERSITY STUDENTS IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES.....	243
<i>Ramazanov Rashid Omarievich</i>	
SCHOOL AT THE MOSQUE IN MODERN DAGESTAN SOCIETY: BASED ON SOCIAL RESEARCH.....	248
<i>Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Remikhanova Ramila Idrisovna, Shihaliyeva Dagmara Sergoevna</i>	
RELIGIOUS COMPONENT IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN: THE ROLE AND IMPORTANCE	255

YOUNG SCIENTISTS	263
<i>Dubina Julia Yuriyevna</i>	
ON APPROACHES TO COST-EFFICIENCY ASSESSMENT OF THE HEALTHCARE SECTOR DEVELOPMENT	263
<i>Kosach Gennady Evgenyevich</i>	
PREFERRED EMPLOYMENT OF THE TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS IN LIFE PROJECTS (BASED ON THE SOCIOLOGICAL SURVEY)	268
<i>Pervyakova Raisa Nikolaevna</i>	
ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL OF THE ACTIVITIES OF THE STATE AUTHORITIES OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION	274
<i>Ponamaryov Alexander Borisovich</i>	
BARRIERS TO ACHIEVING THE PUBLIC SOLVENCY OF THE INSTITUTION OF CITY-MANAGEMENT	279
<i>Tumanyan Garnik Vaginakovich</i>	
ON THE PROCEDURES FOR THE FORMATION OF ADVISORY BODIES UNDER THE LEGISLATIVE AUTHORITIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION. IS IT POSSIBLE CONFLICT OF INTEREST?	284
<i>Tsanava Bachuki Zurabievich</i>	
MODERN APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THOMAS HOBBS'S PHILOSOPHY	291
<i>Cheban Victoria Alexandrovna</i>	
FORESIGHT AS A TECHNOLOGY OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION	296
 IN MEMORY OF THE SCIENTIST	 300
VORONTSOV Sergey Alekseevich (1.11.1948 - 13.03.2021)	300
MINAEVA Elena Vyacheslavovna (28.12.1967 – 16.02.2021)	301
SERGEEV Vladimir Nikitovich (23.04.1942 – 4.03.2021)	302
 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	 303

УДК 32

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-13-17

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТЬЮ ТРУДА, БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВА**

**Воронцов
Сергей
Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: raven_serg@mail.ru

**Игнатова
Татьяна
Владимировна**

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

**Понеделков
Александр
Васильевич**

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и этнополитики, зав. лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

**Шетов
Артур
Арсенович**

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного регулирования экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84). E-mail: shetov_artur@mail.ru

Аннотация

В статье определены основные характеристики антикоррупционной политики: последовательность, эффективность, социальная ориентация в целях безопасности труда, бизнеса и государства. На базе использования системного подхода, методов экспертной рефлексии, социологического опроса, анализа и синтеза получены научные результаты и выработаны рекомендации, касающиеся совершенствования профилактической работы, выбора целевых групп населения при проведении антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, национальная безопасность, безопасность труда, безопасность бизнеса, последовательность, эффективность, государство, профилактика.

В современной России проблема противодействия коррупции находится в центре внимания государства и общества, что объясняет регулярное обращение к данному вопросу со стороны компетентных представителей науки, руководителей органов власти и сотрудников правоохранительных структур. Последовательная антикоррупционная политика – это основа эффективной системы государственного и муниципального управления и национальной безопасности в целом. Важность эффективной работы по организации противодействия коррупции сложно переоценить.

Поэтому президентская академия, как системообразующий вуз, в своем сегменте ведет регулярную масштабную работу по содействию этой деятельности. Южно-Российский институт управления проводит обучение по основам противодействия коррупции представителей органов власти и местного самоуправления, ведет информационно-просветительскую работу со студентами, преподаватели вуза выступают экспертами на заседаниях комиссии по конфликту интересов и соблюдению

принципов служебного поведения, входят в состав Комиссии по противодействию коррупции при Губернаторе Ростовской области. Научные дискуссии становятся значимым этапом в осмыслении подходов к противодействию коррупции и позволяют сформулировать эффективные пути реализации антикоррупционной политики [1-3].

9 декабря 2020 г. в Международный день борьбы с коррупцией состоялся Всероссийский Круглый стол с международным участием «Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России». Круглый стол проведен в режиме онлайн, объединившем две дискуссионные площадки в городах Москве на базе Дома общественных организаций и в Ростове-на-Дону, на базе коворкинга «Рубин».

Организаторами дискуссии выступили Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Общероссийское движение «Сильная Россия», Юридический факультет Южного Федерального университета, Академия права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП), Управление противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области.

В данной статье на основе экспертной рефлексии и анализа точек зрения, высказанных на целом ряде конференций и круглых столов, подобных указанному, проводимых на антикоррупционную тематику, авторы определяют ключевые проблемы обеспечения национальной безопасности в процессе реализации антикоррупционной политики по следующим направлениям:

- последовательность проведения антикоррупционной политики, равенство всех коррупционеров, включая государственных чиновников высокого ранга, перед законом;
- эффективность проведения антикоррупционной политики, которая может быть измерена через индексы предпринимательской активности и сокращения административных барьеров;
- социальная ориентация антикоррупционной политики, реализация которой позволит защитить человека труда, его семью в сфере здравоохранения, образования, безопасности и охраны труда, в целом ежедневной практики жизнедеятельности.

Последовательность антикоррупционной политики. Непоследовательность антикоррупционной политики, по мнению А. Михайлова, проявляется в том, что очень часто завышается роль пойманных на коррупции представителей власти, а некоторые до сих пор при должности и формируют политику государства. «Ранее арест конкретного лица за нарушение, преступление рассматривался не только как мера пресечения, но и как мера профилактики», сегодня же арест чиновника уже не воспринимается обществом как какое-то значимое событие. Граждане полагают, что наказание для служащих если будет, то самым минимальным и сразу после срока бывший чиновник получит новую должность. А. Михайлов указывает еще на одну актуальную проблему, которая может спровоцировать протестные настроения в обществе: инициативу депутатов Государственной Думы по «закрытию» информации и недопустимости средств массовой информации и общественности «проникать в жизнь депутатов и государственных служащих». При этом А. Михайлов отмечает, что данная инициатива «прикрывается законом о конфиденциальности деятельности сотрудников правоохранительных органов, военных и других структур» [4], тогда как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является ключевым принципом Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции».

Результаты проведенного учеными ЮРИУ РАНХиГС в 2020 году социологического исследования в форме опроса экспертов из 13 субъектов РФ: в областях – Ростовской, Волгоградской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Смоленской, краях – Краснодарском, Алтайском, Приморском, республиках – Татарстан, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми показывают, что хотя в последние годы в антикоррупционную практику внедрены стандарты, позволяющие своевременно выявлять и предупреждать коррупционные риски, эксперты, характеризуя причины коррупции, на первую ранговую позицию поставили ответ «недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами». Эксперты обратили внимание на то, что наряду с принципом обеспечения «неотвратимости наказания» в противодействии коррупции в обществе сформирован запрос на обеспечение адекватности наказания, которое во многих случаях, не соответствует тяжести деяния. В качестве значимой причины коррупции эксперты указали на низкий уровень правовой культуры у населения, что говорит о необходимости активизации антикоррупционного и правового просвещения, внедрения прогрессивных форм данной деятельности [5].

Эффективность антикоррупционной политики для бизнес-среды. Изучение динамики влияния коррупции на предпринимательские свободы и активность приводит экспертов к мнению о совершенствовании институциональной компоненты бизнес-среды.

О. Дереза высказывает конкретные предложения о необходимости внесения изменений в Федеральный закон № 44 ФЗ (О закупках) в части критериев определения победителей в конкурсах и аукционах; об изменении определения стоимости товаров и услуг на момент заключения договора, а не по ценам прошедших периодов, умноженным на коэффициенты, неподкрепленные рыночными реалиями; об изменении норм контрольно-надзорных органов, в части исключения из них положений, которые прямо не влияют на жизнь и здоровья граждан и являются зачастую устаревшими и избыточными [6].

Эксперты отмечают и опасность сращивания по линии корыстных интересов частных служб и государственных силовых структур. Службы безопасности разных бизнес-структур – это тот коммуникатор между бизнесом и МВД, который носит развращающий и разлагающий характер. Некоторые такие структуры, наводненные бывшими сотрудниками, порой заказывают (за взятки) возбуждение уголовных дел и так же их закрывают [4].

Белоусов Б.Т. предлагает «среди подразделений компании, взаимодействие с которыми способно принести максимальный эффект в деле борьбы с коррупционными проявлениями, следует выделить те, которые непосредственно связаны с выполнением контрольных функций. Не оставившись на дискуссионной теме различий между подразделениями комплаенс-контроля, внутреннего аудита и внутреннего контроля, отметим, что все они располагают существенными возможностями для выявления как непосредственных признаков действий коррупционного характера, так и факторов, способствующих совершению таких действий. В связи с этим представляется крайне важным организовать рабочее взаимодействие между подразделениями корпоративной безопасности, с одной стороны, и подразделениями комплаенс-контроля, внутреннего аудита и внутреннего контроля, с другой, в вопросах борьбы с коррупцией [6, с. 41].

Социальная ориентация антикоррупционной политики. И. Андронников отмечает, что коррупция стоит в одном ряду с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, и не случайно при ее характеристике часто употребляют термин «угроза». Она наносит серьезный ущерб не только развитию государства и общества в целом, но и отдельного гражданина. Коррупция – одна из наиболее острых тем, существующих в российском обществе. Люди теряют веру в законность и справедливость, в обществе начинает формироваться мнение, что все можно решить через коррупционные схемы, обычному человеку ничего не добиться честным трудом, что, в конечном счете, ведет к росту протестных настроений [6]. Поэтому ключевое значение приобретает профилактика коррупции, к которой следует активно привлекать молодежь.

Применимо к России с богатой коррупционной историей, эксперты также отмечают, что карательные меры, применяемые государством, в первую очередь, к субъектам криминальной коррупции, если и приносили, то только временный результат, а потом ее вирус продолжал поражать чиновников и хозяйственников, которые придумывали новые хитроумные ходы для обмана и ограбления государства [7].

Основной упор сегодня должен быть сделан не на расширении репрессивных мер по отношению к выявленным коррупционерам, а на работе по противодействию коррупции в молодежной среде, на комплексном воспитании у представителей зарождающейся политико-административной элиты и управленцев устойчивого негативного отношения к коррупции на уровне подсознания, используя для этого весь комплекс средств убеждения и взаимодействия, в том числе и религиозных, устанавливающих моральные запреты и ограничения.

Поэтому в высших учебных заведениях молодежь должна принимать участие в работе по профилактике и предупреждению коррупционных нарушений. Реализовывать свои права представители студенчества могут через имеющиеся институты, такие как студенческий совет, аппарат общественных уполномоченных представителей по правам студентов в конкретных вузах. Только совместные усилия общества и государства в идеологическом и морально-нравственном воспитании у представителей российской молодежи нетерпимости к природе коррупционной составляющей могут привести к устранению данной угрозы.

Проведение антикоррупционной политики включает проведение предупредительно-профилактической работы, прежде всего, со следующими группами населения:

- во-первых, в сфере государственной и муниципальной службы, где в настоящее время фиксируется основное число правонарушений коррупционного характера, так как служащие в силу своего должностного статуса наиболее уязвимы со стороны искушений коррупционного характера;

- во-вторых, в среде студентов высших учебных заведений, которые в ближайшее время волеются в ряды государственных и муниципальных служащих, соответственно, у молодых

специалистов должно быть воспитано отторжение к использованию коррупционных механизмов и схем в будущей практической деятельности, что, в конечном счете, будет способствовать минимизации уровня коррупции в стране; следует также учитывать, что обсуждение в студенческой среде с привлечением квалифицированных экспертов проблем противодействия коррупции, вызывает живой интерес молодежи к данной дискуссии и в конечном счете усиливает профилактический эффект антикоррупционной работы;

- в-третьих, среди населения, отдельные представители которого при взаимодействии с органами власти могут выступать как в качестве лиц, у которых вымогают взятки чиновники, так и в качестве лиц, провоцирующих чиновников на получение взятки за решение вопросов коррупционными методами.

Рост числа уголовных дел по коррупционным преступлениям связан с совершенствованием методов и получением опыта сотрудниками правоохранительных ведомств. В 2020 году было открыто на 4% больше уголовных производств по коррупционным преступлениям, чем в 2019-м, – в общей сложности их количество составило 15 861. При этом коррупционеры возместили государству и потерпевшим почти 80% причинённого ущерба от своих действий [6, с. 174].

Вместе с тем, есть статистика, подтверждающая недостаточную эффективность реализуемого комплекса мер по антикоррупционному просвещению населения. Так, по данным прокуратуры Ростовской области в 2019 году свыше полутора тысяч чиновников понесли дисциплинарную и административную ответственность, в суды были направлены 270 дел и осуждены 243 коррупционера. Однако, при наличии в Ростовской области 15 тысяч государственных и муниципальных служащих, только в 4-х случаях госслужащие сообщили о том, что их склоняют к совершению преступления¹. Поэтому необходимо вносить коррективы в проведение антикоррупционной политики в 2021 году. При использовании различных информационно-коммуникационных моделей в коррупционных целях применяются самые современные технологии, которые не всегда удается сразу расшифровать даже специалистам. Те, кто по своей должности призван служить разоблачению коррупционеров, соответственно, в совершенстве владеть этими технологиями.

Приоритетом для проведения профилактической работы становится ориентация на молодежной аудитории, чтобы в процессе обучения целенаправленно формировать устойчивые установки на соблюдение законодательных ограничений, а также моральных запретов.

Литература

1. Артюхин О.А., Крицкая А.А., Цомартов Д.С. Элитологические факторы антикоррупционной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 12 (115). С. 141 – 143.
2. Воронцов С.А. Противодействие коррупции: принуждение или убеждение? // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 23 – 28.
3. Игнатова Т.В., Бабанов А.Б., Шетов А.А. Функциональный спектр GR-менеджмента как фактор реализации антикоррупционной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 18 – 21.
4. Михайлов А. Борьба с коррупцией без работы над ошибками / Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России. Материалы круглого стола, 9 декабря 2020 г. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 22 – 28.
5. Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России. Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. 240 с.
6. Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России. Материалы круглого стола, 9 декабря 2020 г. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. 585 с.
7. Григорян Д.К., Крицкая А.А., Киселев И.В. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 140 – 145.

¹ Коррупционерами оказались более 1,5 тысяч чиновников Ростовской области. Доступ: https://www.donnews.ru/Korrupsionerami-okazalis-bolee-15-tysyach-chinovnikov-Rostovskoy-oblasti_102137

Vorontsov Sergey Alexeevich, Doctor of Legal Science, Professor, Professor of Cathedra of Process Law; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: raven_serg@mail.ru

Ignatova Tatiana Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, Head of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Ponedelkov Alexandr Vasilievich, Doctor of Political Science, Professor, Head of Cathedra of Politology and Ethnopolitics; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Shetov Arthur Arsenovich, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra of Government regulation of Economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation). E-mail: shetov_artur@mail.ru

ANTICORRUPTION POLICY AS A FACTOR OF MANAGEMENT OF SECURITY OF LABOR, BUSINESS AND STATE

Abstract

In the article the main characteristics of anticorruption policy are determined: consistency, efficiency, social orientation with aim of provision of security if labor, business and state. On the basis of systemic approach and methods of expert reflection, sociological reviews, analysis and synthesis the authors got research results and elaborated the recommendations concerning the enhancement of preventive work, the choice of target groups of population during implementation of anticorruption policy.

Keywords: corruption, anticorruption policy, national security, labor security, business security, consistency, efficiency, state, prevention.

References

1. Artyuhin O.A., Krickaya A.A., Comartov D.S. Elitologicheskie faktory antikorrupcionnoj politiki // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 12 (115). P. 141 – 143.
2. Voroncov S.A. Protivodejstvie korrupcii: prinuzhdenie ili ubezhdenie? // Filosofiya prava. 2019. № 1 (88). P. 23 – 28.
3. Ignatova T.V., Babanov A.B., SHetov A.A. Funkcional'nyj spektr GR-menedzhmenta kak faktor realizacii antikorrupcionnoj politiki // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 1 (92). P. 18 – 21.
4. Mihajlov A. Bor'ba s korrupciej bez raboty nad oshibkami / Aktual'nye problemy protivodejstviya korrupcii v sovremennoj Rossii. Materialy kruglogo stola, 9 dekabrya 2020 g. Rostov-na-Donu: YURIU RANHiGS, 2021. P. 22 – 28.
5. Protivodejstvie korrupcii na gosudarstvennom i municipal'nom urovne v sovremennoj Rossii. Informacionno-analiticheskie materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Rostov-na-Donu: YURIU RANHiGS, 2021. 240 p.
6. Aktual'nye problemy protivodejstviya korrupcii v sovremennoj Rossii. Materialy kruglogo stola, 9 dekabrya 2020 g. Rostov-na-Donu: YURIU RANHiGS, 2021. 585 p.
7. Grigoryan D.K., Krickaya A.A., Kiselev I.V. Puti povysheniya effektivnosti protivodejstviya korrupcii v organah gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii: elitarnyj podhod // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 2 (93). P. 140 – 145.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АТАК РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТОВ НА ОБЪЕКТЫ В США (11.09.2001 г.)

Добаев Игорь Прокопьевич	доктор философских наук, профессор, эксперт Российской академии наук, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: dobaev@gmail.com
Добаев Андрей Игоревич	кандидат экономических наук, эксперт Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: andrros61@gmail.com

Аннотация

Двадцать лет назад на ряд значимых объектов в Соединенных Штатах были совершены террористические атаки. В результате погибло несколько тысяч человек, а террористами были объявлены члены радикальной исламистской группировки «Аль-Каида» и персонально ее лидер – Усама бен-Ладен, хотя имеются и другие мнения относительно организаторов и заказчиков этих терактов. В данной статье авторами рассматриваются те идейные предпосылки, которые веками накапливались в некоторых течениях в исламе, которые могли бы стать движущим мотивом совершения актов терроризма приверженцами радикального исламизма.

Ключевые слова: джихад, идеология, исламизм, радикализм, салафизм, такфир, терроризм, «чистый» ислам.

11 сентября 2021 г. исполняется двадцать лет с того дня, когда на ряд объектов в США были совершены террористические атаки. Несмотря на то, что до сих пор достоверно не установлены организаторы и заказчики этих преступлений, американцами немедленно были обвинены радикальные исламисты из «Аль-Каиды» и их лидер – Усама бен-Ладен. Такое развитие событий позволило американскому руководству развязать войну в Афганистане, через два года – в Ираке, а уже в 2010 г. запустить процесс т.н. «Арабской весны», что серьезным образом переформатировало геополитическую ситуацию на Ближнем, Среднем Востоке и в Северной Африке. Как известно, американцы – известные инспираторы всякого рода провокаций. Тем не менее, не исключая версию исламистских атак, рассмотрим те идеологические предпосылки, которые могли бы побудить их.

Как известно, исламистский терроризм представляет собой сложное и многомерное социально-политическое явление, в основе которого лежит идеологическая доктрина современных такфиритов-джихадистов. Ее основы были разработаны в средние века салафитскими авторами, среди которых – Ибн Ханбал (780–855 гг.), Ибн Таймийя (1263–1328 гг.), их ученики и последователи, которые последовательно и неуклонно развивали это учение. Главным в установках салафитов было возвращение к т.н. «золотому веку» ислама, времени получения пророком Мухаммадом божественных откровений и правления первых четырех «праведных» халифов – Абу-Бакра, Омара, Османа и Али (610–661 гг.). Салафиты решительно выступали против внесения в ислам каких-либо нововведений, требовали очищения религии от новаций, последовавших вслед за завершением «золотого века». В последующие века известными идеологами «очищения» ислама стали такие салафиты, как Мухаммад Абн абд аль-Ваххаб из аравийского Неджда (1703–1799 гг.), вплоть до авторитетных авторов современного салафитского учения, среди которых выделим аль-Маудуди (Пакистан), а также египтян – Хасана аль-Банну, Сайида Кутба, Мухаммада Фараджа, Аймана аз-Завахири и некоторых других. Подробнее рассмотрим вклад указанных лиц в развитие идеологической доктрины современного исламизма.

Багдадский теолог и правовед Ахмад Ибн Ханбал известен, прежде всего, как основатель одного из четырех ныне действующих суннитских мазхабов (мазхабы – религиозно-правовые школы в исламе – И.Д., А.Д.) – ханбалитского. В отличие от других мазхабов в суннитском исламе (суннитский, шафиитский, маликитский), ханбалитский возник как религиозно-политическое движение и уже позднее оформился в религиозно-правовую школу. Это движение выражало взгляды наиболее консервативных сторонников традиционализма того времени (ныне это идейное течение в исламе именуется фундаментализмом, или салафизмом) и систематизировало соответствующую концепцию вероучения. Ханбалиты отвергают как буквальное, так и аллегорическое толкование текстов Корана и хадисов, отрицают возможность любого рационалистического истолкования догматов веры. Признавая безусловность божественного предопределения, тем не менее, считают, что иман (вера человека) зависит от совершаемых им благих поступков, чем обуславливается его социальная активность. Они отвергают любые нововведения (бидаа), считая их «греховными», в области вероучения и права, не имеющие прямого обоснования в Коране и хадисах. Вместе с тем, отличаясь фанатической строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата, решительно выступают против

любых крайностей как в вероучении, так и в жизни общины. Взявшие на себя роль носителей ортодоксального суннитского правоверия, на протяжении средневековья неоднократно становились во главе массовых движений [1, с. 43-44]. Сегодня ханбалитский толк в суннитском исламе принят в ряде монархий Персидского залива, прежде всего, в Королевстве Саудовская Аравия.

На рубеже XIII-XIV вв. в Дамаске учение Ибн Ханбала развивал средневековый религиозный мыслитель Ахмад Таки ад-Дин Ибн Таймийя. Особенностью его взглядов стал крайний радикализм, как по отношению к представителям других религий, так и к тем мусульманам, которые не разделяли его воззрения. Основными идеологическими конструктами этого теолога являются: «чистый ислам» (требование очищения ислама, возврата к «золотому веку»), обвинение в неверии (такфир) некоторых категорий мусульман, ведение вооруженного джихада. Отношение к государству, в целом, и к судебной власти, в частности, было заимствовано им у различных сект хариджитов (хариджизм, наряду с суннизмом и шиизмом, является одним из направлений в исламе – И.Д., А.Д.). Безусловно, появление такой личности, как Ибн Таймийя, и популярность его идей была обусловлена падением Арабского халифата и завоеванием монголами многих государств Ближнего и Среднего Востока, что и породило очередной глубокий кризис в мусульманских обществах того периода. Однако идеи Ибн Таймийи оказались востребованными в последующие века, в том числе при формировании новейших идеологических доктрин современных тафриитов-джихадистов.

Последователем идей Ибн Ханбала и Ибн Таймийи стал вероучитель Мухаммад Ибн Ад-аль-Ваххаб из аравийского Неджда. Его учение оказалось востребованным на Аравийском полуострове в середине XVIII века в связи с необходимостью консолидации проживавших там арабских племен с целью построения собственного государства. К тому времени на родине ислама наблюдался явный отход от основополагающих принципов этой религии. В этой связи, стремясь возвратить исламу его чистоту, аль-Ваххаб стал проповедовать строжайшее соблюдение принципа единобожия (таухид), отказ от поклонения суфийским святым (вали) и святым местам (мазары и зияраты), необходимость очищения ислама от поздних наслоений и нововведений (бидаа) и возврата к его первоначальной чистоте. Главным письменным трудом вероучителя стал трактат «Китаб ат-Таухид» («Книга единобожия») [9]. Таухид – центральный принцип ваххабитской доктрины, суть которого заключается в строжайшем монотеизме. Шейх категорически выступал против посредничества между Богом и верующими. Он также был непримиримым противником нововведений, выходящих за рамки Корана и Сунны. Проявляя определенную терпимость в отношении «людей Писания» – христиан и иудеев – ваххабитский взгляд на такфир (обвинение в неверии) сводился к ужесточению требований собственно к мусульманам. В этой связи вероучитель наполнил новым содержанием понятия отступничества от ислама и лицемерия. Другое системообразующее положение в идеологии ваххабитов – понятие джихада (война за веру). Джихад аль-Ваххабом трактуется, в первую очередь, как вооруженная борьба, вменяющаяся в обязанность каждому мусульманину, а его объектом являются не только каферы (неверные), но и те мусульмане, которые не разделяют установок приверженцев «чистого ислама» [4, с. 88].

Таким образом, становится очевидным, что уже с первых веков ислама шел процесс неуклонной политизации этой религии. В XX веке появляется понятие «политический ислам», а вслед за ним – «радикальный ислам», или «исламизм», трактуемые как крайние проявления «политического ислама». Одновременно осмысливаются два крыла «исламизма» – умеренный и радикальный. Цель у всех исламистов одна – построение исламского государства и жизнь по шариату, однако пути достижения желаемого разные. Умеренные предлагают идти к намеченному эволюционным, мирным путем, а их радикальные единомышленники готовы достичь желаемого силой. Разумеется, появились и авторитетные идеологи обоих направлений исламизма.

Одним из наиболее известных идеологов «умеренных» является основатель и многолетний лидер партии «Джамаат-и Ислами» («Исламское общество»), пакистанец аль-Маудуди (1903 – 1979), признанный теоретик исламского фундаментализма, автор популярной в исламском мире теории «исламского государства». Теоретическое наследие аль-Маудуди, насчитывающее более 120 книг и тысячи статей, затрагивает самый широкий спектр проблем: от вопросов государственного устройства до положения женщин в исламском обществе. Выдвинутые им в рамках исламского фундаментализма идеи оказали значительное влияние на государственное строительство в Пакистане, появившегося после предоставления в 1947 г. Британской Индии независимости и раздела этого пространства по религиозному признаку на две части – Индию и Пакистан. Следует подчеркнуть, что в ходе создания и последующего развития Пакистана взгляды аль-Маудуди претерпели существенные изменения. Если первоначально он был сторонником диктаторской формы правления в духе халифата, то уже к началу 70-х годов он и его партия признали необходимость всеобщих выборов на партийной основе, потребовали созыва выборной ассамблеи, получающей ограниченное право законотворчества, и даже стали допускать участие немусульман и женщин в работе парламента. При всем этом Маудуди последовательно и решительно выступал против построения исламского государства силовым

путем [3, с. 63 – 66]. К единомышленникам аль-Маудуди можно отнести албанца Насира ад-Дина аль-Албани, сирийца Мухаммада Саид Рамадана аль-Бути и др.

К «умеренным» можно отнести и основавшего со своими единомышленниками в 1929 г. в Египте организацию «Братья-мусульмане» (БМ) Хасана аль-Банну (1906 – 1949). В первые годы своего существования идеологическая доктрина «братьев» носила эклектический характер, а применение силы для распространения ислама, по их мнению, было допустимо лишь тогда, когда другие средства убеждения не достигают цели [2, с. 19].

Однако после убийства Хасана аль-Банну в 1949 г. и провал надежд на сотрудничество с правительством «Свободных офицеров», пришедших к власти в Египте в 1952 г., «братья» отходят с позиций «умеренных», а их главным идеологом в 50-х и 60-х гг. становится Сейид Кутб, развивший в своих произведениях положения радикального исламизма.

В своих книгах С. Кутб переосмыслил традиционные исламские концепции для того, чтобы приспособить их для использования в политической деятельности, основной целью которой стало оправдание насильственного захвата власти в государстве. Он рассматривал ислам как сугубо политическое движение, политическую систему, поэтому отвергал традиционную точку зрения мусульманских ортодоксов, которые отодвигали вооруженный джихад на второй план, используя его в исключительных случаях. Убеждение об обязанности ведения джихада каждым мусульманином (фард айн), а также идеи т.н. «джахилии» (доисламское невежество – И.Д., А.Д.) он позаимствовал из работ Ибн Таймийи. Об этом свидетельствуют прежде всего его книги: «Маалим фи тарик» ("Вехи на пути") [7], которая была опубликована в 1964 году, и «Фи зияль аль-Куран» («Под сенью Корана») [8], в которых в наиболее полном виде с радикальных позиций описаны понятия джихада и джахилии.

С. Кутб, вслед за Ибн Таймийей и аль-Маудуди развил концепцию абсолютного Единобожия (таухид). Ибн Таймийя был убежден в том, что принцип Единобожия требует неукоснительного следования законам Бога, то есть соблюдения Шариата. Поэтому использование законов, созданных человеком, равносильно повиновению или поклонению кому-то, кроме Бога, и, следовательно, вероотступничеству. Аль-Маудуди, а за ним и С. Кутб, приняли эту позицию и провели резкую грань между «партией Бога» и «партией Сатаны». В последнюю, по их мнению, входили мусульмане, которые придерживались законов, созданных человеком. С. Кутб в своем учении объединил концепцию аль-Маудуди о «современной джахилии» с воззрениями Ибн Таймийи о том, что единство Бога требует, чтобы мусульмане следовали божественному закону, создав синтез, который усилил бы резкое различие между партией Бога и партией Сатаны: все те, кто не следуют исламской правовой системе и не подчиняются повелениям Бога, являются частью современной джахилии и отошли от ислама, то есть являются вероотступниками.

В своей книге «Вехи на пути» Кутб впервые представил ясное определение врага, как человека, принадлежащего к системе джахилии, и призвал к ее уничтожению. Средством для устранения данной системы власти, по его мнению, является вооруженный, наступательный джихад, который несет защиту исламской вере. Поэтому эти два пункта в его учении неразрывно связаны, так как джихад - инструмент устранения джахилии. Джахилия, по его мнению, означает господство (хакемия) человека над человеком, или, скорее, подчинение человека человеку, а не Аллаху. Оно означает отвержение божественности Бога и преклонение перед смертными. Концепция джахилии, безусловно, является базовой в его теоретических построениях.

Отметим, что С. Кутб проповедовал радикальный разрыв со сложившимися в стране и установленными веками в религии порядками, что привлекало к нему определенную часть молодежи – как образованной, так и малоимущей. С. Кутб стремился сформировать «новое кораническое поколение», главной целью которого было создание новой исламской общности на руинах национализма, подобно тому, как пророк Мухаммад и его сподвижники построили государство из общины правоверных на обломках языческого учения. С. Кутб ратовал за создание исламского государства посредством вооруженного джихада. При этом он выступал против устоявшихся исламских юридических взглядов о том, что джихад – это, прежде всего, борьба за духовное самоусовершенствование (джихад аль-нафс) или оборонительная война для защиты мусульманской общины. Он обосновывал вооруженный, наступательный джихад, в том числе против правителей мусульманского мира, которые используют не исламские правовые кодексы, а потому являются частью современной джахилии и, следовательно, не являются настоящими мусульманами. Он считал, что с ними необходимо бороться как с неверными и отстранять от власти, потому что главная цель мусульман – установить господство Бога на земле (божественный хукм). Такой джихад, по мнению С. Кутба, является наиболее эффективным способом борьбы с джахилией, которая выступает препятствием для справедливого и свободного общества, основанного на принципах таухида. Таким образом, вслед за Ибн Таймийей он отрицал деление джихада на малый (вооруженный) и большой. Кроме того, сегодня приверженцы радикальных трактовок джихада, ссылаясь на труды Ибн Таймийи и его последователей – Ибн аль-Кайима, С. Кутба и др. считают дозволенным в ходе исламистского джихада

убийство гражданского населения. Так, Ибн Таймийя утверждал, что когда неверные убивают мирных мусульман, становится дозволенным убивать мирное население противника. Современные джихадисты трансформировали аргументацию Ибн Таймийи в выгодном для себя ключе и взяли на вооружение принцип, что люди, которые помогают вражеской армии в бою, даже если они не являются военными, являются законными целями для уничтожения. Напомним, что изначально подобные радикальные трактовки методов ведения джихада пришли еще из учений различных хариджитских сект. Однако на протяжении всей исламской истории существует общее понимание того, что гражданские лица не должны становиться мишенью на войне, но экстремистские группировки определили термин “гражданское население” таким образом, чтобы превратить каждого человека, живущего в западных странах, объектом для террористических атак.

Подчеркнем, что развитие С. Кутбом в радикальном ключе концепций джахилийи и джихада стали явным отходом от традиционной точки зрения исламских теологов, и даже от позиции основателей партии «Братья-мусульмане». Считается, что он не довел развитие этих постулатов до окончательного логического конца только лишь потому, что в августе 1966 г. был повешен в каирской тюрьме за свою антигосударственную деятельность. Однако его последователи, особенно египтяне А. Фарадж и А. Завахири, еще более радикализировали эти концепции и направили их не только на смену власти, но и на борьбу со всем обществом. По их мнению, все египетское общество не является мусульманским. Как представляется, данная позиция является хариджитской точкой зрения, и большинство улемов на протяжении веков не придерживались ее, поскольку следование ей приводит к раздорам внутри мусульманского сообщества. Именно подобные концепции и подготовили почву для развития различных форм современного терроризма. Различные интерпретации учения С. Кутба распространились и за пределами Египта. Сегодня многие ученые небезосновательно утверждают, что С. Кутб является главным идеологом современного исламистского терроризма.

Идейными наследниками С. Кутба стали египтяне – Мухаммад Абдуссалам Фарадж (1954 – 1982) его единомышленники, основавшие в 1979 году группировку «Исламский джихад». Именно боевиками этой организации во время парада в Каире был убит президент Анвар Садат (1918 – 1981). Как следствие, Фарадж и двое его сообщников были казнены в каирской тюрьме Баб аль-Хальк. Некоторыми исследователями А. Фарадж считается одним из ведущих теоретиков-исламистов, другие же ставят под сомнение уровень его религиозного образования, указывая на то, что он не получил гуманитарного образования, обучался на инженера-электрика и работал по специальности в Каирском университете. Это давало ему дополнительную возможность вербовать сторонников среди молодежи. Но, так или иначе, именно он, вслед за С. Кутбом, внес значительный вклад в повышение роли вооруженного джихада в деятельности радикальных организаций в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия, проповедуя свои идеи в мечетях Египта и активно вербуя сторонников.

Основной тактикой «Джихад ислами» стало проведение вооруженных атак против высокопоставленных правительственных чиновников, чаще всего с помощью заминированных автомобилей, а также террористические акции против коптского населения. Считается, что именно А. Фарадж в XX в. перевел понятие «джихад» из теоретической в практическую плоскость. Свое видение концепции джихада А. Фарадж изложил в брошюре «Джихад – забытый долг» [11], в котором он напоминал своим приверженцам о необходимости ведения джихада, который он провозгласил шестым столпом веры. Это произведение считается одним из наиболее последовательных манифестов современной джихадистской идеологии. Она, в основном, построена на интерпретации работы Ибн Таймийи «Китаб аль-джихад» («Книга о джихаде»). Следуя позиции Ибн Таймийи, Фарадж отнес джихад к категории «фард-айн» и счел его индивидуальной обязанностью каждого мусульманина. Если Ибн Таймийя полагал джихад возможным в случае нападения врагов на мусульманские земли, то Фарадж считал его обязательным в принципе. При этом, как и С. Кутб, он отвергал понятие «большого джихада», как борьбы со своими страстями. Отметим, что в этой книге А. Фарадж постоянно упрекает исламских теологов в том, что они пренебрегают и даже отрицают обязательность джихада. За ним в этом вопросе следуют и другие исламские идеологи джихадизма, которые полагают, что ведение джихада сегодня остается обязательной для каждого мусульманина, до тех пор, пока не будет освобожден последний клочок земли, который находился в руках мусульман, но был оккупирован неверными.

А. Фарадж считал, что невозможно построить подлинно исламское общество мирным способом, и это реально только с помощью джихада. Он был уверен в том, что джихад позволит мусульманам править миром и восстановить халифат. В начале XXI в. идеи Фараджа могли быть реализованы Аль-Багдади, основавшем на базе «Аль-Каиды в Ираке» новую группировку – «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, или ИГ).

Вслед за Ибн Таймийей его последователь Фарадж занял довольно радикальную позицию в вопросе наказания «вероотступников» (в Египте под вероотступниками он подразумевал, в первую

очередь, представителей государственной власти – И.Д., А.Д.), и, ссылаясь на работы Ибн Таймийи, утверждал, что они достойны более сурового наказания, чем представители других религий.

В своей работе А. Фарадж, в частности, пишет, что согласно Сунне было установлено, что отступника от мусульманской веры следует наказывать гораздо серьезнее, чем представителя другой религии. Согласно одному из видов наказания вероотступника необходимо убить: от него не принимается джизья (подушная подать – И.Д., А.Д.), как от людей Писания, и нельзя с ним заключать какие-либо договоры. Считается, что вероотступник должен быть убит, даже если он не способен защитить себя, в отличие от представителей других религий, которые не воюют с мусульманами.

К числу вероотступников, вслед за Ибн Таймией, он относил мусульман, которые по каким-либо причинам соблюдают не все законы Шариата, и, даже в том случае если они произносят исламские свидетельства. В этой связи он полагал, что мусульмане, которые не соблюдают что-либо из Шариата, находятся в худшем положении, чем те, которые вообще никогда не были мусульманами. В итоге он считал необходимым сражаться с каждой группой мусульман, которая совершила самое малейшее отступление от норм Шариата. Здесь четко прослеживается заимствование данного постулата Ибн Таймией и Фараждем из воззрений различных хариджитских сект. Также со времен хариджитов среди различных экстремистских групп считалось, что осуществление власти – это прерогатива Бога, а не людей.

Особенно непримиримо Фарадж относился к руководству Египта и других мусульманских стран, считая их отступниками. Вслед за С. Кутбом правителей исламских стран он называет «ближними врагами», а не исламские страны – «дальними врагами». Отметим также, что А. Фарадж, в отличие от представителей других радикальных группировок, не одобрял деятельность исламских благотворительных организаций, так как их деятельность находится под контролем государства. Он говорил, что их работа не способствует созданию Исламского государства, что он считал смыслом всей своей жизни.

Идеи, содержащиеся в брошюре «Джихад – забытый долг», стали знаменем для египетских исламистских группировок на протяжении 80-х и 90-х гг. прошлого столетия. Известно, что нынешний лидер «Аль-Каиды» Айман аль-Завахири был его другом и ближайшим соратником, и использовал его идеологическое наследие применительно к группировкам «Аль-Каида» и ИГИЛ.

В течение многих веков мусульманские ученые вели полемику об отношении мусульман к тем людям, которые мусульманами не являются. Как следствие появилась концепция, получившая название «Дружба и непричастность в исламе». Ее положения нашли отражение в небольшой брошюре с одноименным названием, принадлежащей перу Салеха бен Фаузана аль-Фаузана [10]. В ней автор требует от мусульман отвергать дружбу с «неверными», а проявлениями этой «дружбы», как подчеркивает аль-Фаузан, являются: уподобление им в одежде, словах и прочем; проживание в странах неверных и отказ от переезда в какую-нибудь из стран ислама ради сохранения своей религии; совершение поездок в страны неверных для развлечений и наслаждений; использование их летоисчисления, особенно если речь идет об их обрядах и праздниках наподобие рождества; участие в проведении их праздников, оказание им помощи в их организации и поздравление их в связи с этим; их восхваление за достижения их культуры и цивилизации и выражение восхищения их нравами и мастерством, без учета порочности их воззрений и ложности их религии и т.д.

Дальнейшее развитие идеологической доктрины такфиритов-джихадистов связано с Айманом аз-Завахири, который был главным теоретиком «Аль-Каиды», а после уничтожения американцами Усамы бен-Ладена стал лидером «Аль-Каиды». Он, опираясь на труды своих предшественников и единомышленников, адаптировал их доктрины и концепции, включая «Дружбу и непричастность в исламе», к состоянию и целям радикального исламистского движения. Разработанная им радикальнейшая лженаучная концепция «Симпатии и антипатии» (Аль-валяа ва-ль-бараа) [6, с. 14] делит всех людей на планете на три группы:

1. тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности;
2. тех, кого следует только ненавидеть. Не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств;
3. Тех, кто с одной стороны заслуживает любви, а с другой стороны – ненависти.

Разумеется, в первую группу попадают единомышленники, во вторую – все не мусульмане. Что касается третьей группы, то речь идет о тех мусульманах, кто не встал на путь радикального исламизма. Таких людей надо убеждать, осуществляя т.н. «исламский призыв», вплоть до включения в свои ряды. Если же эти меры не приведут к желаемому результату, то «непокорных» следует обвинить в «неверии», «многобожии», «отступничестве» или «лицемерии», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Доктрина, разработанная Айманом аз-Завахири, на сегодняшний день является самой радикальной. Хотя это вовсе не означает, что не найдется новый теоретик, который еще более «усовершенствует» наработки своих предшественников.

Исходя из анализа содержания идеологических доктрин от Ибн Ханбала до Аймана аз-Завахири, можно сделать вывод, что их доктринальные интерпретации основываются на требовании очищения ислама, вплоть до достижения состояния «чистого ислама» [5, с. 202 – 216], через определение т.н. «врагов ислама» (неверные, многобожники, отступники, лицемеры) и ведение против них вооруженного джихада. Несмотря на то, являются ли эти «враги» военными или гражданскими. Концепция «врагов дальних» и «врагов ближних», упор в последние два десятилетия на врагов дальних» позволяет, в принципе, говорить, о возможности террористических атак радикальных исламистов на объекты в США (9/11). Сомнения на этот счет все же остаются.

Литература

1. Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2000. 200 с.
2. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. 80 с.
3. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 416 с.
4. Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011. 200 с.
5. Добаев И.П. К вопросу о религиозной чистоте «истинного ислама» // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9 (43). № 3. С. 202 – 215.
6. Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика / Отв. ред. В.Я. Белокриницкий и А.З. Егорин. М.: Изд-во РИСИ, 2001.
7. Кутб С. Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. Махачкала: Изд-во «Бадр», 1997. 370 с.
8. Кутб С. Под сенью Корана. М.: Изд-во «ИММАН», 2003.
9. Мухаммад Ибн Сулейман ат-Тамими (Ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. М.: «Бадр», 2000. 254 с.
10. Салех бен Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberpedia.su/7x5ect7.html> (дата обращения 11.01.2021).
11. Фарадж М.А. Джихад – аль-фарида аль-гайба («Джихад – забытый долг», на араб. яз.). б/м. б/г.

Dobaev Igor Prokopyevich, Doctor of Philosophy, Professor, Expert of Russian Academy of Sciences, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: dobaev@gmail.com

Dobaev Andrei Igorevich, Candidate of Economic Sciences, Expert of the Center for Regional Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: andrros61@gmail.com

IDEOLOGICAL PREREQUISITES FOR TERRORIST ATTACKS BY RADICAL ISLAMISTS ON FACILITIES IN THE UNITED STATES (11.09.2001)

Abstract

Twenty years ago, terrorist attacks were carried out against a number of significant targets in the United States. As a result, several thousand people died, and members of the radical Islamist group Al-Qaeda and personally its leader, Osama bin Laden, were declared terrorists, although there are other opinions about the organizers and customers of these attacks. In this article, the authors examine the ideological prerequisites that have accumulated for centuries in some trends in Islam, which could become the driving motive for committing acts of terrorism by adherents of radical Islamism.

Keywords: *Kjihad, ideology, Islamism, radicalism, Salafism, Takfir, terrorism, “pure” Islam.*

References

1. Dobaev I.P. Islamskij radikalizm v mezhdunarodnoj politike. Rostov n/D.: Rostizdat, 2000. 200 p.
2. Dobaev I.P. Politicheskie instituty islamskogo mira: ideologiya i praktika. Rostov n/D.: Izd-vo SKNC VSH, 2001. 80 p.
3. Dobaev I.P. Islamskij radikalizm: genezis, evolyuciya, praktika. Rostov n/D.: Izd-vo SKNC VSH, 2003. 416 p.
4. Dobaev I.P., Dobaev A.I. Terrorizm i antiterroristicheskaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii. Rostov n/D.: Izd-vo YUFU, 2011. 200 p.
5. Dobaev I.P. K voprosu o religioznoj chistote «istinnogo islama» // Gumanitarij YUga Rossii. 2020. Tom 9 (43). № 3. P. 202 – 215.
6. Ignatenko A.A. Samoopredelenie islamskogo mira // Islam i politika / Otv. red. V.YA. Belokrinickij i A.Z. Egorin. M.: Izd-vo RISI, 2001.
7. Kutb S. Budushchee prinadlezhit islamu. Eta religiya. Vekhi na puti Allaha. Mahachkala: Izd-vo «Badr», 1997. 370 p.
8. Kutb S. Pod sen'yu Korana. M.: Izd-vo «IMMAN», 2003.
9. Muhammad Ibn Sulejman at-Tamimi (Ibn Abd al'-Vahkhab). Kniga edinobozhiya. M.: «Badr», 2000. 254 p.
10. Salekh ben Fauzan al'-Fauzan. Druzhba i neprichastnost' v islame [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberpedia.su/7x5ect7.html> (data obrashcheniya 11.01.2021).
11. Faradzh M.A. Dzhihad – al'-farida al'-gaiba («Dzhihad – zabytyj dolg», na arab. yaz.). b/m. b/g.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванова кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Людмила и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал
Леонидовна Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
70/54). E-mail: ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

Батов магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал
Алим Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Тимурович при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
70/54). E-mail: alimbатов@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется такое направление антикоррупционной политики, как антикоррупционное просвещение. Авторы анализируют трактовки данного понятия, предложенные в научных исследованиях, и предлагают широкий подход к термину. Авторы представили взгляд на структуру антикоррупционного просвещения и выделили основные проблемы, связанные с оценкой эффективности антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, антикоррупционное просвещение, коррупция, общесоциальная профилактика, верховенство закона, демократия, коррупционное поведение, теневые общественные отношения, общественная жизнь.

Коррупция – недуг, присущий обществу на протяжении длительного времени, и несмотря на «антикоррупционные прививки», современному обществу пока не удастся справиться с этой болезнью. Она словно мутирующий вирус, постоянно развивается, трансформируется, с завидной легкостью приспосабливаясь к новым условиям, неизменно выполняя в сфере социального управления функцию регулятора теневых общественных отношений. Коррупция, подрывая основы демократии, расшатывая ее институциональные основы, также замедляет темпы развития экономики страны, нанося в том числе, не поддающийся оценке вред избирательной системе и уничтожению доверия к ней со стороны избирателей, разлагает и деморализует один из основополагающих принципов современной государственности – принцип верховенства закона. От этого социального недуга нет универсального средства, которое могло бы искоренить его существование. Но уменьшить вредное воздействие на общество и экономику возможно, для чего в Российской Федерации создано объемное и содержательное законодательство, регулирующее все сферы общественной жизни. Российскому праву была сделана «антикоррупционная вакцина», и это принесло свои плоды. Теперь, когда этап формирования и становления законодательства о противодействии коррупции завершился, настало время перехода к новому циклу. В вопросах борьбы с коррупцией нужны прорывы, связанные с поиском новых ответов на коррупционный вызов.

Задача антикоррупционной политики состоит в том, чтобы создать юридические основы для функционирования целостной системы противодействия коррупции. Это можно сделать с помощью комплексного подхода, учитывающего все возможные направления и тренды борьбы с коррупцией.

Основополагающей идеей борьбы с коррупцией на государственном уровне является исключительно нормативно-правовой аспект в форме установления мер юридической ответственности за правонарушения либо преступления, которые находят свое выражение в противоправных или преступных целях коррупционной направленности и содержания. Эффективность антикоррупционной деятельности в условиях нового цикла можно повысить, если наряду с правом использовать богатый потенциал иных социальных регуляторов. В частности, антикоррупционная политика, проводимая на государственном уровне, подразумевает помимо выработки эффективных упреждающих мер также создание специальных уполномоченных субъектов и разработку надлежащего отраслевого законодательства. Относительно существующего механизма упреждения и предотвращения коррупции в стране стоит особо выделить иерархически взаимосвязанные друг с другом разноуровневые задачи, достойные более подробного рассмотрения.

Первой задачей является так называемая общесоциальная профилактика, цель которой состоит в воздействии на устранение причин и условий, способствующих преступности в целом.

Вышеперечисленные меры обладают превентивным характером, а их целью является санирование взаимоотношений в социуме как таковом. Множество специалистов-криминологов подмечают наличие непосредственной, тесной связи между уровнем развития национальной экономики в стране, правосознанием, образованностью граждан, здоровой жизнедеятельностью гражданского общества и структурой совершаемой преступности.

Второй задачей является упреждение появления и предотвращение распространения различных типов преступного поведения, включая взяточничество и иные типы коррупционных проявлений (профилактические меры).

Третьей задачей является недопущение совершения правонарушений конкретными гражданами, получившее название в специальной литературе – индивидуальная криминологическая профилактика, суть которой состоит в раннем и прямом воздействии на личность, обладающую криминогенными качествами. Речь идет об оказании точечного воздействия, позволяющего конкретным индивидуумам избежать совершения преступлений, то есть предупреждение криминализации отдельных личностей. Действенность профилактического воздействия выражается, кроме того, и в том, что во-первых, антикоррупционное просвещение имеет широкий охват, а, во-вторых, направлено на формирование «готовности противостоять рискам и угрозам коррупционной направленности» [6], что свидетельствует о высшей степени развития правосознания, правового воспитания и правовой культуры граждан.

Несмотря на это, нужно принимать во внимание тот факт, что правовое воспитание, повышение правосознания личности, неразрывно сопряжено с антикоррупционным просвещением: вышеупомянутые процессы характеризуются обязательностью и взаимной обусловленностью. Антикоррупционное просвещение используется в Российской Федерации в числе основных инструментов противодействия коррупции длительное время с различной степенью результативности. При этом следует согласиться с мнением отечественных ученых о том, что оно занимает особое место среди названных инструментов в большинстве государств мира [7].

Антикоррупционное просвещение имеет в нашей стране нормативно-правовую основу. Статьей 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» предусмотрены ключевые методы борьбы с коррупцией: одновременное применение политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер¹. Наиболее важной профилактической мерой в антикоррупционном воспитании граждан, на наш взгляд выступает формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. В то же время на законодательном уровне понятие антикоррупционного просвещения не нашло нормативного определения, что, с одной стороны, создает свободу творчества для региональных и муниципальных органов власти, а также научного сообщества, с другой – создает препятствия в общем понимании данного феномена, внося своего рода терминологический хаос. В связи с этим существует проблема отграничения антикоррупционного просвещения от других инструментов противодействия коррупции, например, таких как антикоррупционное образование, антикоррупционная пропаганда и др. Данная проблема, безусловно, нуждается в решении.

Для институционализации антикоррупционного просвещения на федеральном и региональном уровнях в начале 2014 года Правительством России была утверждена Программа по антикоррупционному просвещению, действие которой было рассчитано на ограниченный период – по 2016 г.² Надо заметить, что в законодательстве отдельных субъектов РФ вышеупомянутый способ предотвращения коррупции был зафиксирован еще раньше, при реализации документов антикоррупционного планирования³, в том числе в качестве относительно самостоятельного инструмента. Однако действие федеральной Программы по антикоррупционному просвещению прекратилось, а новый аналогичный документ перспективного планирования после ее исполнения не был принят. Данный пробел был восполнен лишь спустя два года, когда Правительство Российской Федерации утвердило многоуровневый план просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение

¹ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) // Российская газета. 2008. 30 декабря. № 4823.

² Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы: Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 14.05.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 21. Ст. 2721.

³ О плане (программе) противодействия коррупции в Челябинской области до 2010 года: постановление Губернатора Челябинской области № 322 от 29.09.2008 (в ред. от 17.06.2009 № 156) // Южноуральская панорама. 2008. 14 октября.

эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019-2020 годы¹. На наш взгляд, ресурсы и резервы антикоррупционного просвещения поистине безграничны. Работать с мнением людей, прежде всего молодых, над формированием и коррекцией у них смыслов поведения, ценностей и установок можно всегда. Антикоррупционное просвещение имеет и быстрый, и отложенный эффект. Причем последний, как представляется, значительно мощнее первого.

Однако для начала следует разобраться с правовой трактовкой антикоррупционного просвещения и детально рассмотреть ее содержание. Выполнение сравнительно-правового анализа нормативно-правовых актов, принятых на общефедеральном уровне, а также на уровне отдельных субъектов и муниципалитетов и посвященных проблемам борьбы с коррупцией (более 430 источников), отраженного в научном исследовании Бикеева И.И. и Кабанова П.А.[2], продемонстрировало, что законодатели имеют принципиально отличающиеся представления об используемой терминологии, сопряженной с подготовкой и реализацией антикоррупционного просвещения на практике. В частности, федеральное законодательство использует термин «антикоррупционное просвещение», но, к сожалению, не раскрывает его.

В отдельных регионах РФ антикоррупционное просвещение трактуется как особый способ информационной работы с гражданами – антикоррупционное информирование. При этом в антикоррупционных законах ряда иных субъектов РФ безосновательно устанавливается тождество между антикоррупционным просвещением и пропагандистской либо соответствующей образовательной деятельностью. Двойственность представлений об антикоррупционном просвещении в значительной степени объясняется тем фактом, что в антикоррупционных законах, принятых на уровне субъектов, порой в роли основного способа профилактики упоминается правовое просвещение.

В последних редакциях отечественных антикоррупционных словарей наблюдается два разных способа толкования антикоррупционного просвещения. В первом случае данный термин трактуется довольно широко – как распространение достоверных и объективных знаний о коррупции, ее первопричинах и антикоррупционной деятельности государства и общества [4]. Во втором случае речь идет не только о практико-ориентированности антикоррупционного просвещения, но и принятии его «в качестве единой системы воспитательно-образовательных мер, целью которых является усвоение населением знаний о коррупции и причинах, по которым она угрожает национальной безопасности» [1]. Не оставляет сомнений тот факт, что оба сформулированных определения не в полной мере раскрывают суть антикоррупционного просвещения как метода борьбы с коррупционными проявлениями. И законодательные, и академические трактовки понятия «антикоррупционное просвещение» (далее АП) не охватывают его ключевые компоненты, к числу которых мы предлагаем отнести:

- цели и задачи АП;
- субъекты АП;
- объекты АП;
- средства АП.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем под антикоррупционным просвещением понимать комплекс мероприятий, направленный на формирование в обществе в целом, и у отдельных социальных групп или индивидов антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры, осуществляемый субъектами государственной антикоррупционной политики любым способом, в любой форме, в том числе с использованием информационно-коммуникативных средств. Мы полагаем, что вышеприведенная формулировка обладает рядом достоинств, выгодно отличающих ее от существующих академических и правовых трактовок:

– В первую очередь, признак системности говорит о том, что, невзирая на невероятное разнообразие разноуровневых мер антикоррупционного просвещения, они неразрывно взаимосвязаны, всецело дополняют друг друга и ориентированы на достижение общей цели.

– Во-вторых, она указывает на субъекты, уполномоченные заниматься просветительской деятельностью в данном направлении.

– В-третьих, обозначает основные цели антикоррупционного просвещения – сформировать в социуме определенные мировоззренческие, культурные и поведенческие установки, а также

¹ Об утверждении комплексного плана просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019-2020 годы: Распоряжение Правительства РФ № 2884-р от 21.12.2018 // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 19.12.2020).

правосознание надлежащей направленности.

– В-четвертых, обозначает субъектов просветительской деятельности, в роли которых выступает неопределенный круг лиц, что, однако, позволяет при необходимости оказывать информационное воздействие на некоторые группы населения (так называемые целевые группы, фокус-группы).

– В-пятых, чтобы решить первоочередные задачи антикоррупционного просвещения, можно пользоваться всеми имеющимися в распоряжении и подходящими для этого инструментами информационного характера.

– В-шестых, предложенная нами формулировка нивелирует противоречия, существующие между разноуровневыми по своей юридической силе нормативно-правовыми актами, и гармонизирует современное отечественное антикоррупционное законодательство, исключив при использовании данного словосочетания подтекст и возможность неоднозначной трактовки.

Такой подход к определению совершенно не исключает того, что роль субъектов просветительской деятельности станут исполнять иные госорганы, организации и физические лица. Эту функцию могут взять на себя работники СМИ, научно-образовательных организаций, органов прокуратуры, негосударственных объединений и пр. Также эту функцию смогут взять на себя любые граждане, имеющие полное представление о степени распространенности коррупции, первопричинах ее появления, а также способах борьбы с этим опасным феноменом. Участники данного круга обязаны обладать соответствующими компетенциями антикоррупционной направленности, т.к. без надлежащей подготовки они способны скорее навредить, чем помочь при реализации этой функции.

На наш взгляд, в современных условиях недостаточно используются возможности по антикоррупционному просвещению общественных объединений. Они взаимодействуют с широкими слоями населения, их представители способны разговаривать с людьми на понятном для них небюрократизированном языке. В связи с этим можно предположить, что в роли объектов просветительской деятельности на тему коррупции сегодня должны выступать все категории российского общества. Нужно подчеркнуть, что это не помешает заниматься узконаправленной просветительской деятельностью, затрагивающей только ряд целевых групп, а также поможет оказывать избирательное воздействие и учитывать специфику подготовки участников подобных групп.

Наиважнейшим компонентом организации и ведения антикоррупционного просвещения выступают ее средства. В роли таковых нормативно-правовые акты, принятые на общедоверальном уровне, уровне отдельных регионов и муниципалитетов, признают опосредованные способы информационного влияния: СМИ, Интернет, академическую, методическую и узкоспециальную литературу, плакаты, проведение конкурсов и организацию выставочных мероприятий, а кроме того, прямое информационное влияние через чтение лекционного материала, консультации, тренинги, встречи, общие собрания и пр.

Разработка, опубликование и доведение до широких слоев населения памяток по вопросам борьбы с коррупционными проявлениями также являются важнейшей составляющей антикоррупционного просвещения. Памятки могут разрабатываться различными субъектами, организующими и проводящими антикоррупционное просвещение, в качестве которых могут выступать федеральные органы, региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, образовательные и научные организации.

Основная задача антикоррупционного просвещения сводится к начальной стадии процесса – выработке антикоррупционного мировоззрения, поведенческих установок, правосознания и культуры, что разграничивает антикоррупционное просвещение и одноименное образование. Одним из критериев соотношения антикоррупционного образования и соответствующего просвещения является специфика их правового регулирования. Правовое регулирование содержания антикоррупционного образования осуществляется по федеральным государственным образовательным стандартам и образовательным программам в соответствии с федеральным законодательством об образовании¹. При этом базовое региональное антикоррупционное законодательство лишь фиксирует необходимость осуществления антикоррупционного образования, да и то в качестве дополнительного антикоррупционного образования определенной категории лиц – государственных и/или муниципальных служащих.

Несколько по-особенному выглядят объекты исследуемых видов антикоррупционной деятельности. Объектом информационного воздействия при осуществлении антикоррупционного просвещения выступают любые люди, а антикоррупционного образования, по мнению отдельных

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. №303. 31.12.2012.

авторов, – обучающиеся образовательного учреждения или определенная категория населения, получающая антикоррупционные знания, навыки и умения (компетенции). На наш взгляд, в последнем случае достаточно упоминания обучающихся как физических лиц, осваивающих образовательную программу. Следовательно, объект информационного воздействия антикоррупционного просвещения значительно шире, чем объект антикоррупционного образования.

Важнейшую роль при оценке качества организации антикоррупционного просвещения в органах публичной власти, организациях играет наличие механизмов обеспечения общественного контроля над организацией и осуществлением антикоррупционного просвещения. Эти механизмы до настоящего времени не разработаны, поэтому их разработка является одним из перспективных направлений исследований по антикоррупционной тематике на ближайшую перспективу. Не менее значимым показателем оценки качества организации антикоррупционного просвещения в органах публичной власти, организациях является наличие специальных информационных стендов, антикоррупционных библиотек, секторов (уголков) в библиотеках, выставок печатной продукции по вопросам противодействия коррупции, раскрывающих содержание антикоррупционной деятельности этих органов и организаций, а также их количество и качество.

В связи с этим считаем необходимым для определения качества осуществления антикоррупционного просвещения использовать показатели, учитывающие результаты социологических исследований: анкетирование, интервьюирование, экспертные опросы, фокус-группы. Они позволяют приблизиться к обоснованным ответам на вопросы об эффективности отдельных мероприятий применительно к различным социальным группам, о формировании и изменении ценностных и поведенческих установок.

К сожалению, правовое регулирование антикоррупционного просвещения в России в целом и в субъектах Федерации в частности, в настоящее время характеризуется неоднородностью, разнонаправленностью и противоречивостью, а потому нуждается в совершенствовании. Делаются лишь первые, но последовательные шаги к его систематизации.

Хотелось бы, чтобы внимание к антикоррупционному просвещению не было временным и не носило формальный характер. Ввиду чего считаем, необходимым принятие отдельного нормативного правового акта об организации и осуществлении антикоррупционного просвещения (программы, плана, положения, порядка, регламента, графика и т. д.), в том числе и по вопросам антикоррупционного консультирования. Эта мера позволяет избежать искушения заниматься антикоррупционным просвещением формально, то есть лишь путем включения его в перечень антикоррупционных инструментов. Вдобавок у рассматриваемого инструмента должен быть предусмотрен правовой механизм реализации, то есть так называемые процессуальные формы.

В то же время хотелось бы отметить, что проведение многочисленных и разнообразных мероприятий по антикоррупционному просвещению, а также вовлечение в них большого количества участников не гарантирует успешного достижения желаемых целей. Многие подобные мероприятия имеют неочевидный эффект. Не хотелось бы, чтобы субъекты противодействия коррупции тратили свое время на формальные и, возможно, бесплодные действия. В связи с этим считаем необходимым для определения качества осуществления антикоррупционного просвещения ввести проверочные показатели, основанные на методах социологических исследований: результаты анкетирования; результаты интервьюирования; результаты экспертных опросов; результаты социологических наблюдений. Они позволят оценить эффективность отдельных мероприятий (их видов) применительно к различным социальным группам по формированию и изменению ценностных и поведенческих установок.

Литература

1. Агеев В. Н., Бикеев И. И., Кабанов П. А. и др. Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / Под общ.ред. И.И. Бикеева, П.А. Кабанова: серия в 3 т. Т. 2. Казань: Изд-во «Познание» Института, экономики, управления и права, 2014. 240 с.
2. Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. В 3 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. 240 с.
3. Бикеев И. И., Кабанов П. А., Чирков Д. К. и др. Коррупция и антикоррупционная политика: терминологический словарь / под общ.ред. Г. И. Райкова, П. А. Кабанова, Д. К. Чиркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: МедиаПресс, 2010. 139 с.
4. Бикмухаметов А. Э., Кабанов П. А., Чирков Д. К. и др. Коррупция и антикоррупционная политика: Словарь-справочник / под общ.ред. П. А. Кабанова. М.: МедиаПресс, 2008. 141 с.
5. Марзоева И.О. Антикоррупционное просвещение и антикоррупционное образование как меры противодействия коррупции // Диалектика противодействия коррупции: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2015. С. 100–102.

6. Тищенко Т.Г. Антикоррупционное обучение как один из элементов системы предупреждения преступности на примере Беларуси и зарубежных стран // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39). С. 159 – 164.
7. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М. и др. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации. М.: Проспект, 2019. 224 с.

Ivanova Lyudmila Leonidovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

Batov Alim Timurovich, Master's student, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: alimbатов@mail.ru

ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS ONE OF THE AREAS OF CORRUPTION PREVENTION IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article analyzes such a direction of anti-corruption policy as anti-corruption education. The authors analyze the interpretations of this concept proposed in scientific research and offer a broad approach to the term. The authors presented a look at the structure of anti-corruption education and highlighted the main problems associated with assessing the effectiveness of anti-corruption education.

Keywords: *anti-corruption policy, anti-corruption education, corruption, social prevention, rule of law, democracy, corrupt behaviour, shadow public relations, public life.*

References

1. Ageev V. N., Bikeev I. I., Kabanov P. A. i dr. Vse o korrupcii i protivodejstvii ej: terminologicheskij slovar' / Pod obshch.red. I.I. Bikeeva, P.A. Kabanova: seriya v 3 t. T. 2. Kazan': Izd-vo «Po-znanie» Instituta, ekonomiki, upravleniya i prava, 2014. 240 p.
2. Antikorrupcionnoe prosveshchenie: voprosy teorii i praktiki / I. I. Bikeev, P. A. Kabanov. V 3 t. T. 3. – Kazan': Izd-vo «Poznanie» Kazanskogo innovacionnogo universiteta, 2019. 240 p.
3. Bikeev I. I., Kabanov P. A., CHirkov D. K. i dr. Korrupciya i antikorrupcionnaya politika: terminologicheskij slovar' / pod obshch.red. G. I. Rajkova, P. A. Kabanova, D. K. CHirkova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: MediaPress, 2010. 139 p.
4. Bikmuhametov A. E., Kabanov P. A., CHirkov D. K. i dr. Korrupciya i antikorrupcionnaya politika: Slovar'-spravochnik / pod obshch.red. P. A. Kabanova. M.: MediaPress, 2008. 141 p.
5. Marzoeva I.O. Antikorrupcionnoe prosveshchenie i antikorrupcionnoe obrazovanie kak mery protivodejstviya korrupcii // Dialektika protivodejstviya korrupcii: Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Kazan', 2015. P. 100–102.
6. Tishchenko T.G. Antikorrupcionnoe obuchenie kak odin iz elementov sistemy preduprezhdeniya prestupnosti na primere Belarusi i zarubezhnyh stran // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2020. № 1 (39). P. 159 – 164.
7. Habrieva T.YA., Andrichenko L.V., Cirin A.M. i dr. Organizacionno-pravovye mekhanizmy protivodejstviya korrupcii v sub"ektah Rossijskoj Federacii. M.: Prospekt, 2019. 224 p.

НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКТИРОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Косов Геннадий Владимирович	доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет (299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33). E-mail: kossov1@yandex.ru
Нефедов Сергей Александрович	доктор политических наук, научный сотрудник, Пятигорский государственный университет (357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9). E-mail: offiziell@yandex.ru
Тишкин Дмитрий Николаевич	зам. начальника кафедры тактико-специальной подготовки, Волгодонский филиал Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (347340, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: dntishkin@list.ru

Аннотация

В статье анализируется генезис вариативных форм организованной преступности в мировом социально-политическом пространстве в условиях «цифровизации» и гибридной войны. Авторами предлагается внедрение превентивной политики с целью защиты государственного суверенитета и предотвращения попыток дестабилизации политической системы.

Ключевые слова: государство, война, организованная преступность, государственная политика, политические процессы, политическая элита, гибридная война, терроризм, экстремизм.

С момента появления полиса (государства) как основного политического института исторически доказанным фактом представляется и идентификация таких понятий как преступное деяние и преступность. Эволюционные процессы, развивающие межгосударственные отношения, приводили к тому, что параллельно эволюционировала и преступность, а, особенно, ее организованные формы. Таким образом, в XX веке уже четко зафиксировано такое явление как организованная преступность (далее – ОП). Манускрипты, свитки и другие объективные исторические документы доказывают многовековое существование, а также синтез и симбиоз следующих паттернов насилия: преступность, война, экстремизм, устрашение, терроризм, шантаж, диверсия, убийства, человеческие жертвы и разрушения. Если сопоставить тот факт, что государство обладает легитимной монополией на применение принуждения и насилия, а политика представляется как «искусство управления государством» (Аристотель), то становится очевидной аналогичная по длительности историческая связь между государством, политикой и вышеуказанными формами организованного насилия.

Несмотря на множественность дефиниций исследуемых явлений, необходимо выделить ключевые и системные факторы, которые полностью отражают их внутреннее содержание.

Корреляции между войной и политикой, раскрываются в преобладающем количестве их определений. Распространенным в научном сообществе является следующее: «война – продолжение политических отношений ... иными средствами» (К. Клаузевиц) [1, с. 193, 212]. А.Е. Вандам в качестве военного термина определяет политику как «высшую стратегию и особое искусство» [2, с. 6]. Но, наиболее системными представляются концептуальные выдержки китайского мыслителя Сунь-цзы о том, что война не просто «путь обмана», а «бесконечный путь хитрости», прокладываемый политикой в мирный (в качестве основного) и военный (удобно подобранный) период, при этом, одновременно, оценивая ее как «великое дело государства» (базис жизни и смерти) и, соответственно, в качестве приоритета определяя необходимость «заставить неприятельское войско покориться без сражения» [3, с. 30-31, 51].

Таким образом, многие паттерны организованного насилия, в частности, война, политика, ОП, экстремизм и терроризм коррелируют на протяжении множества веков, при этом обладают высокой долей келейных процессов, что, в свою очередь, для достоверности и объективности их изучения, заставляет исследователей прибегать к междисциплинарным методикам.

Рассмотрим, более системно, такие явления как ОП, экстремизм и терроризм. В этой связи основательной представляется исследовательская позиция профессора В.Н. Фадеева, который в качестве пикового критерия генезиса ОП, выделяет не просто ее антигосударственную направленность, но и «открытую конфронтацию государственной власти» [4, с. 39-57], сопряженную с одновременным

компромиссным сотрудничеством с субъектами политического управления и фактической трансформацией в «производительные силы теневой экономики» [4, с. 39-57], развивающие криминальные технологии, вводя, соответственно, такой термин как «профессионально-организованная преступность» [4, с. 39-57].

Исследовательский коллектив в составе М.П. Клейменова, И.М. Клейменова и А.И. Кондина считает операциональной такую синонимичную дефиницию как служебная ОП, сущность которой сводится к функционированию организованных криминальных групп (сообществ), осуществляемому в корреляции с нелегитимным использованием (эксплуатацией) «интересов муниципальной и государственной служб» [5, с. 184]. В качестве базисных характеристик служебной ОП, выделяются следующие: функционирование криминала под видом реализации государственных функций, прикрываясь («легендируясь») легальными структурами; трансфер от «коррупционеров-одиночек» к коррупционным сетям [6, с. 156]; завершение процесса трансформации государственных политических институтов (в идеале – гармонизирующих общественные отношения), в зеркальную противоположность – антигосударственные профессионально-криминальные структуры [5, с. 184]. М.П. Клейменовым и И.М. Клейменовым установлена динамика выделения «современных форм преступного сообщества: коррупционного, общеуголовного, экстремистского, транснационального, террористического» [6, с. 156].

Д.А. Пономарев, определяя научную модель будущего ОП, не исключает возможность ее трансформации в сетевые структуры на основе инноваций в информационной сфере и способах манипулирования сознанием населения, при этом, терроризм им четко идентифицируется в качестве «первой формы диверсификации преступного сообщества» [7]. В унисон с его выводами, представляется мнение иных исследователей, выделяющих экстремизм и терроризм как вариативные формы ОП [8].

Профессором В.С. Овчинским в своих трудах, отмечается, что «цифровизация» заполнила все мировое социально-политическое пространство, включая ОП, соответственно, данный трансфер в киберсферу существенно снизил эффективность реализации госполитики по противодействию этому феномену, проводимой субъектами политического управления [9, с. 2]. Еще более существенный антигосударственный потенциал, указанного трансфера в симбиозе с «глобализацией», заключается в ликвидации условных граней между «терроризмом, гибридными войнами и преступностью» [9, с. 377], а, соответственно, превращение его в катализатор процессов трансформации государств-наций (далее – ГН) в государства-корпорации (далее – ГК), с их параллельной криминализацией [9, с. 2]. В качестве примера трансформации ГН в ГК, с параллельной этатизацией ОП может служить Косово, являющееся «криминальным государством» [10, с. 483-487].

Рассмотрим подробнее, особенности политических процессов, связанных с информационными технологиями. «Цифровизация» и масштабное внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) во все социальные и государственные сферы, невзирая на ряд объективно-положительных факторов, должны реализовываться, парируя вероятную возможность криминального и иностранного вмешательства (в том числе скрытно-дистанционного), не создавая угроз национальной безопасности РФ.

В этой связи, 23.05.2020 экспертом А.Г. Михайловым, критично оценены законодательные инновации в области глобального накопления данных (системы единого информационного регистра¹), отмечена реальная степень проникновения к ним, вследствие отсутствия национальной элементной базы, а также обозначена невозможность гарантированной сохранности личных данных² в соответствии с Доктриной информационной безопасности РФ³. А.Г. Михайлов дополнительно отметил наличие определенной ретардации в процессе легитимного доступа представителям спецслужб к личным данным, а, в зеркальном отражении доступ к аналогичным сведениям для представителей банковской сферы, охранных предприятий и иных фирм⁴.

¹ ФЗ РФ от 08.06.2020 № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74132857/> (дата обращения: 03.03.2021).

² Единый регистр данных – это подарок АНБ и ЦРУ. Интервью с генералом Михайловым // URL: <https://www.osnmedia.ru/politika/edinyj-registr-dannyh-eto-podarok-anb-i-tsru-intervyu-s-generalom-mihajlovym/> (дата обращения: 03.03.2021).

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Единый регистр данных – это подарок АНБ и ЦРУ. Интервью с генералом Михайловым // URL: <https://www.osnmedia.ru/politika/edinyj-registr-dannyh-eto-podarok-anb-i-tsru-intervyu-s-generalom-mihajlovym/> (дата обращения: 03.03.2021).

30.10.2020 глава Минцифры РФ М.И. Шадеев констатировал в качестве одной из основных проблем при внедрении цифровых технологий – «технологическая зависимость от зарубежных решений»¹.

Сенатор А.А. Климов 15.12.2020 г. в рамках «круглого стола» Временной комиссии Совета Федерации заявил, что из общего количества зарубежных кибератак на российские существенные объекты, в процентном соотношении их ежегодная доля из США находится в диапазоне от 48 % до 52 %².

Эксперт А.О. Безруков 15.12.2020, говоря о защите суверенитета РФ, отметил неизменные концептуальные тренды США, сохранившиеся со времен «холодной войны», обозначив ряд американских концептуальных мер 2018-2020 гг., связанных с созданием самостоятельных агентств по кибербезопасности, подчиненных контрразведывательным органам США, а, главное, актуализировав необходимость константного мониторинга концептуальных решений США и внедрения в субъекты российского политического управления «упреждающей» культуры принятия решений³.

Советник Минобороны РФ А.М. Ильницкий 15.12.2020 в своем выступлении отметил факт ведения в отношении России «гибридной войны» и, соответственно, определил следующие «болевые точки»: в соответствии с доктринальными документами НАТО (октябрь 2020) «гибридное» воздействие на Черноморский макрорегион и другие государства постсоветского пространства; давление транснациональных корпораций (далее – ТНК) на политический истеблишмент различных стран посредством «зеленой повестки», усиления «антиковидных» мер, «цифровизации» и «идеологических симулякров», с целью выстраивания мировой конфигурации, где властные функции сосредоточены в руках корпораций; целенаправленные действия ТНК по «десуверенизации РФ и Китая»; российские законодательные инициативы в области инноваций, не в полной мере учитывающие потенциальные угрозы национальной безопасности и факт доступа к глобальной информации, составляющей гостайну, гражданских структур, неспособных гарантированно обеспечить их сохранность; применение технологий ИИ в качестве активного оружия «пробивания» суверенитета; нерациональное проникновение технологий ИИ во все сферы государственной власти, без учета потенциальной возможности его деструктивного (двойного) применения; использование гуманитарных знаний как деструктивных технологий⁴.

А.М. Ильницкий сделал акцент на то, что в условиях ведущейся против РФ «гибридной войны», приоритетом может быть только обеспечения национальной безопасности, а использование индикаторов «экономической нецелесообразности» неприемлемо⁵.

Ряд экспертов, в своих научных работах, детально исследовали так называемую «зеленую повестку» и пришли к выводу о том, что «экополитическое насилие есть некая разновидность насилия политического» [11, с. 149], используемого некоторыми субъектами политического управления иностранных держав для достижения множества целей, включая геополитические.

Другие эксперты, на основе анализа значительного массива исторической и специальной информации пришли к следующим выводам: древняя система «хавала», используя «цифровизацию», трансформировалась и нередко используется различными структурами и формированиями ОП, включая террористические и экстремистские [12, с. 102-103]; ряд особенностей системы «хавала», объективно, представляют «потенциальные угрозы безопасности финансово-экономической системы» [13, с. 132-134] в мировом социально-политическом пространстве, требуя своевременно упреждающей корректировки и реализации отраслевого (иного) законодательства национального и международного уровня [13, с. 132-134].

В качестве промежуточных выводов, объективной представляется позиция эксперта Б.Н. Мирошникова о существующих «двойных стандартах» международного сотрудничества в информационной сфере (нежелание оказывать содействие спецслужбам РФ), а, соответственно, как

¹ Глава Минцифры рассказал о проблемах внедрения цифровых технологий // 30.10.2020 РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201030/tekhnologii-1582316311.html> (дата обращения: 03.03.2021).

² Сенатор провел «круглый стол» Временной комиссии СФ по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации // 15.12.2020 Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/122232/> (дата обращения: 03.03.2021); В Совете Федерации прошел «круглый стол» Временной комиссии на тему: «О зарубежных попытках использовать постсоветское пространство (ближнее зарубежье) с целью дестабилизации политической системы России». URL: https://www.youtube.com/watch?v=qfqsbBTH5uw&feature=emb_rel_end (дата обращения: 03.03.2021).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

вынужденная необходимость – создание единого органа по борьбе с киберпреступлениями (координирующего действия МО РФ, ФСБ, МВД, МИД и др.)¹.

В этой связи, 24.02.2021 В.В. Путиным на заседании коллегии ФСБ России дана современная характеристика вызовов и угроз национальной безопасности: сохранение уровня глобальных вызовов терроризма, экстремизма, трансграничной преступности и киберпреступности; превращение цифрового пространства в поле жёсткого геополитического соперничества; политика сдерживания РФ; попытки создания проблем по внешнему контуру, совмещенные с провоцированием внутренней нестабильности, с целью её постановки под внешний контроль; активное использование арсенала иностранных спецслужб как инструмента по дестабилизации политических процессов; повышение уровня защиты конфиденциальной, закрытой информации и недопущение её утечек². В.В. Путин акцентировал внимание на необходимости выверено-упреждающих оперативных действий, глобального анализа и прогнозирования ситуации, учитывая использование новых приёмов пропаганды и втягивания молодёжи в различные преступно-радикальные сообщества, а, главное, вскрытие источников финансовой подпитки и контактов террористических групп с зарубежными спецслужбами³. Президентом РФ приведена следующая специальная статистическая информация за 2020 год: предотвращено 72 преступления террористической направленности (2019 год – 57); пресечена деятельность 72 кадровых сотрудников и 423 агентов иностранных спецслужб; в сфере обеспечения экономической безопасности пресечена деятельность 87 преступных формирований; возросло почти в 3,5 раза количество опасных атак на национальные информационные ресурсы (в том числе органов власти и управления)⁴. В.В. Путин подводя итоги, определил как базис и приоритет – безопасность граждан и право нашего народа самому определять своё будущее при абсолютном суверенитете России и обеспечении её национальных интересов⁵.

Таким образом, необходимо с уверенностью констатировать, что весь спектр, исследуемых нами проблем, постоянно находится в центре внимания руководства страны, при этом, уровень угроз по некоторым направлениям не снижается, а существенно возрастает.

На основе доктринальных документов США и НАТО, зарубежными экспертами сформулирована дефиниция «гибридной войны», позволившая идентифицировать и соединить весь кластер, исследуемых деструктивных явлений в единую условную систему – «активные действия любого противника, синхронно использующего сочетание обычных вооружений, эпизодической тактики, терроризма и преступного поведения в зоне боевых действий»⁶, сочетаемые с латентной манипуляцией различными структурами ОП.

Наиболее системно-мировоззренческим спектром охвата обладает дефиниция «психоисторической войны» или «организационной войны», используемая другими экспертами, сущностное наполнение которой сведено к «систематическому долговременному воздействию на психосферу общества-мишени (общества в целом), в основном его властной и интеллектуальной элиты» [14, с. 85-86] с целью «провести классовое и/или цивилизационное перекодирование» [15, с. 18-19]. Процесс перекодирования в связи с «цифровизацией», приобрел свойства реактивности, но глобальный тренд уровней фальсификации остался прежним: «информационный (факты), концептуальный (стадия пакетирования фактов) и метафизический (смысловой)» [14, с. 85-86].

Некоторыми экспертами, концептуально систематизировавшими сущность и внутреннюю структуру «гибридной войны» сделаны выводы, позволяющие раскрыть симбиоз ее компонентов таких как «ОП, "информационная война", терроризм, политическая элита, экстремизм, "пятая колонна", "цветная революция" и другие» [16, с. 201].

Для объективности, вновь обратимся к стратагемам Сунь-цзы – «состоянии дел у противника можно узнать только от шпионов», при этом шпионы подразделялись на следующие виды: местные (граждане государства-мишени), внутренние (чиновники государства-мишени), обратные (перевербованные), которые должны умереть («невозвращенцы», для распространения дезинформации),

¹ Основатель российской киберполиции против новых ИТ-статей в Уголовном кодексе // CNews.ru 10.01.2020 // URL: https://cnews.ru/news/top/2020-01-10_osnovatel_rossijskoj_kiberpolitsii (дата обращения: 04.03.2021).

² Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии ФСБ России 24.02.2021 // URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html> (дата обращения: 04.03.2021).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ MCIS-2019: «Цветные» революции и «гибридные» войны. 27.04.2019 // URL: <http://veche-info.ru/main-themes/6009> (дата обращения: 04.03.2021).

которые должны жить (возвращение с из стана врага с донесением) [3, с. 183 – 184]. Одним из величайших искусств полководца считалось выжидание благоприятного момента для нападения, а сам утонченно-тайный процесс ожидания должен был сочетаться с согласованными действиями всех пяти видов шпионов, осуществляющих передачу информации (дел) «по кругу друг другу ... непостижимо для других» и тогда «они могут сотворить божество» [3, с. 183 – 184, 189].

Завершая исследование логического ряда деструктивных явлений, представляется, что весь их спектр симбиотично встроен в понятие «гибридной» и «организационной» войны, а ОП приобретая политические свойства, одновременно стала необходимым элементом этих войн.

На наш взгляд, на пути «объективного становления России в качестве мощного субъекта мировой политики» [16, с. 202], обеспечивающем национальную безопасность в условиях «гибридной войны», необходимо следующее: внедрение превентивной политики, уходя от мер реагирования постфактум, навязывая в мировом социально-политическом пространстве собственный политический вектор; внедрения в субъекты политического управления «упреждающей» культуры принятия решений, основанной на константном мониторинге концептуальных решений геополитических противников; сплочение общества на платформе легитимизированной государственной идеи и реактивное развитие национально-экономической системы, сопровождаемое устранением антагонизма между социумом и элитой; «создание госструктур, комплексно противодействующих гибридной агрессии» [17, с. 163], возвращения в МВД «централизованных подразделений по борьбе с ОП» [18, с. 131]; создание «единого ведомства (органа) по борьбе с киберпреступлениями» [16, с. 202], обеспечивая гарантированную сохранность глобальных баз данных и парируя возможные (скрытые) угрозы.

Литература

1. Свечин А.А. Клаузевиц. Гений военного искусства. М.: Вече, 2019. 336 с.
2. Вандамъ А.Е. Наше положеніе: Изданіе въ авторской дореформенной орѳографіи. Н. Новгородъ, 2016. 208 с.
3. Искусство войны / Сунь-цзы; перевод, сост., предисл., коммент. В. Малявина. М.: Изд. АСТ, 2020. 192 с.
4. Фадеев В.Н., Тэсс Л.В. Онтология и антология криминологии будущего (профессионально-организованная преступность – часть 3 – XXI в.) // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 39 – 58.
5. Клейменов М.П., Клейменов И.М., Кондин А.И. Феномен служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. №4(49). С. 184 – 189.
6. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Детерминация служебной организованной преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16. № 1. С. 156 – 166.
7. Пономарев Д.А. Коррупция и организованная преступность как современные формы социальной и правовой девиантности в условиях глобализации: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис...канд. юрид. наук. М., 2005. 160с.
8. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 136 – 141.
9. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. 384 с.
10. Фурсов А.И. Русский интерес. Издание третье. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. 501 с.
11. Косов Г.В., Нефедов С.А. Некоторые методологические аспекты анализа экополитического насилия // Власть. 2013. № 11. С. 149 – 152.
12. Добаев А.И., Добаев И.П., Игнатова Т.В. Криминологические особенности финансовых операций посредством системы "хавала" // Россия и мусульманский мир. 2019. №4(314). С. 102 – 118.
13. Dobayev A., Dobayev I., Ignatova T. Criminological Features of Financial Operations by the Havala System // Russia and the moslem world. 2020. № 3 (309). С. 117 – 136.
14. Пономарева Е.Г. Да не будет забыто! Агрессия НАТО против Югославии: причины и последствия // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 6 (293). С. 83 – 100.
15. Фурсов А.И. Психоисторическая война, реальная картина мира и новая сетка обществоведческих дисциплин // В сборнике: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019. С. 18 – 23.

16. Косов Г.В., Тишкин Д.Н., Солдатов Н.Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 198 – 203.
17. Тишкин Д.Н., Артюхин О.А., Крицкая А.А. К вопросу о технологии гибридной войны: проблемы организованной преступности // Философия права. 2020. № 1(92). С. 157 – 164.
18. Тишкин Д.Н. Политические аспекты борьбы с российской организованной преступностью в контексте обеспечения национальной безопасности // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 127 – 132.

Kosov Gennady Vladimirovich, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department «International relations and foreign regional studies», Sevastopol State University (33, st. University, Sevastopol, 299053, Russian Federation). E-mail: kossov1@yandex.ru

Nefedov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Political Science, Researcher, Pyatigorsk State University (9, Kalinin ave, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation). E-mail: offziell@yandex.ru

Tishkin Dmitriy Nikolayevich, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training, Volgondsk Branch of Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (40, st. Stepnaya, Volgondsk, 347340, Russian Federation). E-mail: dntishkin@list.ru

DIRECTIONS OF ADJUSTMENT OF THE STATE POLICY ON COUNTERING ORGANIZED CRIME IN THE CONDITIONS OF A HYBRID WAR

Abstract

The article analyzes the genesis of variable forms of organized crime in the global socio-political space, in the context of "digitalization" and hybrid war. The authors propose the introduction of a preventive policy in order to protect state sovereignty and prevent attempts to destabilize the political system.

Keywords: state, war, organized crime, state policy, political processes, political elite, hybrid war, terrorism, extremism.

References

1. Svechin A.A. Klauzevic. Genij voennogo iskusstva. M.: Veche, 2019. 336 p.
2. Vandam" A.E. Nashe polozhenie: Izdanie v" avtorskoj doreformennoj orografii. N. Novgorod", 2016. 208 p.
3. Iskusstvo vojny / Sun'-czy; perevod, sost., predisl., komment. V. Malyavina. M.: Izd. AST, 2020. 192 p.
4. Fadeev V.N., Tess L.V. Ontologiya i antologiya kriminologii budushchego (professional'no-organizovannaya prestupnost' – chast' 3 – HKHI v.) // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 3. P. 39 – 58.
5. Klejmenov M.P., Klejmenov I.M., Kondin A.I. Fenomen sluzhebnaj organizovannoj prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2016. №4(49). P. 184 – 189.
6. Klejmenov M.P., Klejmenov I.M. Determinaciya sluzhebnaj organizovannoj prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. T. 16. № 1. P. 156 – 166.
7. Ponomarev D.A. Korrupciya i organizovannaya prestupnost' kak sovremennye formy social'noj i pravovoj deviantnosti v usloviyah globalizacii: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz: dis....kand. yurid. nauk. M., 2005. 160 p.
8. Bogdanov A.V., Il'inskij I.I., Hazov E.N. Terrorizm i ekstremizm kak odna iz form organizovan-noj prestupnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 3. P. 136 – 141.
9. Ovchinskij V.S. Mafiya: novye mirovye tendencii. («Kollekcija Izborskogo kluba»). M.: Knizhnyj mir, 2016. 384 p.
10. Fursov A.I. Russkij interes. Izdanie tret'e. M.: Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, 2019. 501 p.
11. Kosov G.V., Nefedov S.A. Nekotorye metodologicheskie aspekty analiza ekopoliticheskogo nasiliya // Vlast'. 2013. № 11. P. 149 – 152.
12. Dobaev A.I., Dobaev I.P., Ignatova T.V. Kriminologicheskie osobennosti finansovyh operacij posredstvom sistemy "havala" // Rossiya i musul'manskij mir. 2019. №4(314). P. 102 – 118.
13. Dobayev A., Dobayev I., Ignatova T. Criminological Features of Financial Operations by the Havala Sys-tem // Russia and the moslem world. 2020. № 3 (309). P. 117 – 136.
14. Ponomareva E.G. Da ne budet zabyto! Agressiya NATO protiv YUgoslavii: prichiny i posledstviya // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer. 2014. № 6 (293). P. 83 – 100.
15. Fursov A.I. Psihoistoricheskaya vojna, real'naya kartina mira i novaya setka obshchestvedcheskih disciplin // V sbornike: Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: rol' gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste tekhnologicheskikh i sociokul'turnyh izmenenij XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Doklady i materialy. V 2-h chastyah. Pod obshchej redakciej I.M. Il'inskogo. 2019. P. 18 – 23.
16. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. Organizovannaya prestupnost' kak element gibridnyh vojn: politologicheskij analiz // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 4. P. 198 – 203.
17. Tishkin D.N., Artyuhin O.A., Krickaya A.A. K voprosu o tekhnologii gibridnoj vojny: problemy organizovannoj prestupnosti // Filosofiya prava. 2020. № 1(92). P. 157 – 164.
18. Tishkin D.N. Politicheskie aspekty bor'by s rossijskoj organizovannoj prestupnost'yu v kon-tekste obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Vlast'. 2019. T. 27. № 1. P. 127 – 132.

СОЗДАНИЕ «АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ» КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сарсембаев доктор политических наук (PhD Франция), магистрант,
Ильяс Институт государственной службы и управления, Российская академия
Жазитович народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84).
E-mail: Iliyas.sarsembaev@gmail.com

Аннотация

Данная статья подготовлена в период после ликвидации Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и передачи ее функций в ведение Министерства внутренних дел РФ. Рассматриваются возможные негативные последствия исчезновения из оперативного поля такого серьезного механизма по борьбе с организованной преступностью, как российские органы Наркополиции. Вместе с этим рассматривается возможность в перспективе создать новую службу – «Антинаркотическую разведку России», используя наработанный опыт борьбы с транснациональной организованной преступностью американского управления по борьбе с наркотиками – DEA. Показано, что, используя небольшой по численности оперативный аппарат и весь спектр возможностей, которые предоставлены законодательством американским коллегам, DEA добивается высочайшей эффективности в борьбе с преступностью за пределами своих национальных границ.

Ключевые слова: ФСКН России, DEA, национальная юрисдикция, Антинаркотическая разведка, наркотрафик, транснациональная организованная преступность, Программа зон наркотрафика повышенной интенсивности, разведывательное сообщество, ЧВК, частный подрядчик, оперативные мероприятия, специальные операции.

Наркопреступность представляет собой одну из важнейших угроз национальной безопасности для большинства современных государств, включая Россию. Незаконный оборот наркотиков и преступления, связанные с производством, распространением и использованием наркотических и психотропных средств, являются одной из наиболее сложных вызовов для российской правоохранительной системы. Во-многом это связано с тем, что в структуре российской наркопреступности отмечается рост тяжких преступлений, а также увеличение роли крупных транснациональных преступных организаций [1; 2]. В этих условиях борьба с наркопреступностью требует постоянного совершенствования нормативной, институциональной и технологической базы и создание новых механизмов, отвечающих масштабу угроз.

Одним из важнейших событий в современной российской системе борьбы с наркопреступностью стало принятие 5 апреля 2016 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным решения о ликвидации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН)¹. Ее функции переданы в Министерство внутренних дел Российской Федерации в новое созданное Главное управление по контролю за оборотом наркотиков².

Решение вызвало неоднозначную реакцию специалистов [3-5]. Для многих офицеров это было давно предсказуемым и ожидаемым решением, но для большей части оперативного состава ФСКН России пессимистические ожидания ограничивались лишь слухами о сокращении и реформировании службы при сохранении в качестве единого центра по борьбе с организованной наркопреступностью. Однако, события стали развиваться по пути полного пересмотра роли ФСКН России как субъекта оперативно-розыскной деятельности, как государственного института в сфере контроля за оборотом наркотиков и как основного механизма по борьбе с организованной преступностью. В данной статье будет сделана попытка развернутого анализ возможных негативных последствий ликвидации ФСКН России, а также изложено видение будущего антинаркотической политики в сфере борьбы с организованной наркопреступностью.

¹ Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков упразднена Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». Функции и полномочия ФСКН России переданы МВД России.

² Главное управление по контролю за оборотом наркотиков / МВД РФ. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/gunk

В 2013 году увидел свет Доклад «Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов Российской Федерации»¹, подготовленной сотрудниками института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в сотрудничестве с Фондом «Индем». Данная концепция была хорошо изучена, при этом, при признании ряда интересных новаторских моментов, изложенных в ней, некоторые предложения вызвали серьезную обеспокоенность у специалистов-практиков в области оперативно-розыскной деятельности [6]. Так, особой критике подверглось предложение ликвидировать ФСКН России, с размыванием ее функций по другим полицейским организациям и даже передачи части ее функций в Роспотребнадзор.

Ранее, в 2012 году, эксперты-практики в области оперативно-розыскной деятельности совместно с сотрудниками ФСКН России, ответственными за проведение специальных мероприятий, была опубликована статья в журнале «Наркоконтроль» под названием «Переосмысление государственной антинаркотической политики: оперативно-розыскная деятельность-ключевой приоритет ФСКН России» [7]. В данном материале на комплексной основе, при принятии во внимание серьезных угроз со стороны международной транснациональной организованной преступности, была предложена глубокая реформа органов ФСКН России через трансформацию этой службы в совершенно новую организацию, которая вела бы свою деятельность как внутри государства, так и за пределами Российской Федерации с упором на проведение самостоятельных специальных мероприятий против наркопреступности.

До последнего момента прогнозы о ликвидации ФСКН России рассматривались экспертами-криминалистами и криминологами как чисто гипотетическую версию, которая не могла бы быть реализована ни при каком негативном развитии событий. Последние несколько лет в отношении как руководства, так и простых сотрудников ФСКН велась открытая информационная война, когда Служба обвинялась в «крышевании» наркотрафика из Средней Азии, «тотальной коррумпированности» и в «умышленном препятствовании онкологическим больным получать обезболивающие лекарства», содержащие наркотические средства.

При подробном рассмотрении многих заказных публикаций в прессе было установлено прямая выгода и даже «заказ» со стороны этнических организованных преступных группировок, которые прекрасно освоили методологию ведения информационных войн и «вбросов», а также прямая заинтересованность со стороны крупных производителей фармакологической продукции – лишить ФСКН функций контроля за оборотом наркотических средств на территории Российской Федерации.

Однако наряду с ангажированными и заказными публикациями, озвучивалась и справедливая критика в адрес руководства ФСКН России, которое обвинялось в низкой эффективности, и значительной забюрократизированности работы практически всех подразделений службы. Следует признать, что ряд руководителей департаментов (не оперативного блока) ФСКН России пошли по пути видимости активной работы через создание избыточного документооборота и многоступенчатых согласований по самому незначительному поводу. Оперативные подразделения службы попросту утонули в бумагах и подготовке отчетов о проделанной работе².

Еще в конце 2013 года руководство ФСКН России, проведя оценку ситуации внутри службы и изучив негативные сигналы от руководства структурных подразделений, приняло своевременные кадровые решения, которые значительно облегчили оперативным подразделениям возможность выполнять свою работу по прямому назначению. С другой стороны, отдельные эксперты не понимали важность поставленных перед ФСКН Россией задач по проведению оперативных мероприятий за рубежом Российской Федерации и построению работающей связей международного антинаркотического сотрудничества.

В медийной среде стали говорить и писать об «увлечении» руководства службы частыми зарубежными визитами. Несмотря на это, большинство специалистов признают критическую значимость международного сотрудничества и деятельности за пределами национальных границ для борьбы с хорошо организованной международной наркопреступностью [8]. Высшее политическое

¹ Волков В. и др. Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ. Санкт-Петербург: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. URL: http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf

² Так, были случаи, когда оперативный сотрудник ФСКН России семьдесят процентов своего служебного времени был вынужден тратить на подготовку многочисленных отчетов в Административный департамент и всего тридцать процентов времени оставалось на конкретно оперативную работу.

руководство государства также продемонстрировало понимание этого, а Президент В.В. Путин дал прямое указание усилить международную составляющую оперативной работы службы¹.

Следует отметить, что политическое руководство любого отстаивающего свои национальные интересы иностранного государства придает первостепенное значение международному взаимодействию своих специальных служб и правоохранительных органов в рамках организации и проведения совместных (многосторонних) оперативных мероприятий за пределами своих национальных границ. *Это не только повышает престиж государства на мировой арене, но и является важнейшим элементом в политике по обеспечению национальной безопасности.* Положительный результат от международных специальных оперативных мероприятий усиливает позиции государства их иницилирующие, и наносит ощутимые удары по транснациональной организованной преступности.

Можно с уверенностью утверждать, что ФСКН России, в части усиления роли Российской Федерации в сфере борьбы с транснациональными преступными организациями, полностью выполнила возложенные на нее задачи. *Так, на момент ликвидации Службы, органы ФСКН России (при активном участии других членов правоохранительного блока Российской Федерации), совместно со своими партнёрами по ОДКБ и ШОС, а также в формате двусторонних соглашений по оперативному взаимодействию, построила достаточно эффективную систему борьбы с организованной преступностью и наркотрафиком на всех оперативно-опасных и оперативно-значимых направлениях.*

ФСКН России заложила традицию проведения на регулярной основе операции «Канал»². К концу 2015 года было реализовано 23 этапа этой операции. Более того, в этих операциях принимают участие еще целый ряд полицейских организаций других стран. В рамках этого формата, в частности, проведено четыре этапа оперативно-тактических мероприятий с участием подразделений специального назначения компетентных органов ОДКБ, входящих в состав КСОР. Были проведены три тактико-специальных учения сил специального назначения антинаркотических ведомств под условным наименованием «Гром» в России, Киргизии и Таджикистане, с использованием авиации и беспилотных летательных аппаратов. На регулярной основе проводится работа Координационного совета и его рабочих групп руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков в государствах-членах ОДКБ.

В 2015 году при активном взаимодействии с Министерством общественной безопасности КНР была проведена операция «Совместный удар», в результате которой из незаконного оборота изъято около 300 кг высококонцентрированных синтетических наркотиков, задержано 25 активных участников преступного бизнеса, в том числе и их лидер. В период с 21 по 25 сентября этого года проведена антинаркотическая операция «Канал-Синтетик-Почта», в которой приняли участие не только члены ОДКБ, но и компетентные органы Афганистана, Ирана, Китая и Таиланда. В рамках этой операции было изъято более 1600 килограмм синтетических наркотиков.

В конце 2015 года руководство ФСКН России дало поручение начать проработку и расширить уровень проведения региональной антинаркотической операции «Канал», добавив в повестку дня новую масштабную операцию «Центр» («Первоисточник»), к которой планировалось привлечь партнёров из правоохранительных органов из Афганистана и Ирана, используя в том числе формат Центрально-Азиатского антинаркотического квинтета. В основу операции «Центр» должна быть положена Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.

Как могут заключить эксперты в сфере международной безопасности, усилия ФСКН России в сфере противодействия международному наркотрафику вышли на совершенно новый уровень по-

¹ В. Путин: «Вы знаете, что наркоугроза очень велика и наносит колоссальный ущерб здоровью граждан, экономике страны. Это реальная угроза для нашей страны. И я ожидаю, что вы и ваши коллеги, другие правоохранительные органы в координации с вами, ваши партнёры в зарубежных странах – Вы сейчас только говорили о сотрудничестве с коллегами за рубежом, – что всё это будет мобилизовано максимальным образом для того, чтобы эту проблему решать кардинально» // Пресс-релиз ФСКН России. 13.01.2016.

URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/events_all/2016/0113/231142132/detail.shtml

² Хотя в учредительных документах Организации Договора о коллективной безопасности борьба с наркотрафиком как одно из направлений обеспечения совместной безопасности упоминается вскользь, на Душанбинском саммите, прошедшем 28 апреля 2003 г., было принято решение Совета коллективной безопасности об усилении борьбы с наркоугрозой. В рамках реализации Плана мероприятий по выполнению решений Совета, начиная с 2003 года, правоохранительные и антинаркотические ведомства стран – членов ОДКБ стали ежегодно проводить комплексную оперативно-профилактическую операцию «Канал», целью которой является выявление и пресечение каналов нелегального провоза наркотиков и их прекурсоров по «Северному маршруту».

лицейского сотрудничества. От проведения двусторонних (между двумя государствами и ограниченного масштаба) оперативных мероприятий по пресечению деятельности отдельных преступников и преступных группировок ФСКН России перешли к оперативному сотрудничеству на уровне, равному военно-политическому блоковому сотрудничеству.

Такое усиление более чем логично и отвечает вопросам национальной безопасности РФ и ее союзников по ОДКБ. Следует признать, что масштабное производство наркотиков в Афганистане и их последующее перераспределение через государства-транзитеры к конечным потребителям не только не сокращается, но и имеет тенденцию к росту. В целом, в период с 2001 по 2014 гг. посевные площади опийного мака в Афганистане выросли более чем в 28 раз с 8 до 224 тыс. га.

Кроме того, проблематика производства, транспортировки и распространения наркотиков стала тесно увязываться с финансированием незаконных вооруженных формирований и террористической деятельности. Еще в 2003 г. американская сторона ввела в оборот термин «наркотерроризм», признав, что 39% организаций, признанных Госдепартаментом США в качестве «террористической угрозы», в той или иной степени замешаны в производство и реализацию наркотиков. Таким образом доказывается тезис тесной связи транснациональной организованной преступности с террористическими организациями¹. С этого времени понятие наркотерроризма стало основой для объединения антинаркотической и антитеррористической деятельности правоохранительных органов в разных странах [9]. Так, по данным информации, переданным в ФСКН России по линии межведомственного сотрудничества, имеются веские доказательства причастности террористической организации «Исламское государство» к незаконному обороту наркотиков из Афганистана. Более того, именно нарко-трафик является ресурсной базой обеспечения террористической деятельности. В этой связи логично предположить, что активизация деятельности указанного незаконного вооруженного формирования приведет к росту масштаба контрабандных перевозок наркотиков по «северному маршруту».

Принимая во внимание необходимость усиления активных действий на внешнем направлении, были созданы сильные информационно-аналитические подразделения в составе ФКУ НИЦ ФСКН России, которые были ответственны за сбор (получение по различным официальным каналам) и анализ конфиденциальных данных об опыте иностранных специальных служб в сфере проведения активных оперативных и оперативно-боевых мероприятий (за пределами национальных территорий) против транснациональных преступных группировок². В частности, отделом проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России были установлены рабочие контакты с зарубежными представителями экспертного сообщества из Института криминалистики Франции (Пантеон Ассас, Париж 2), Академией французской жандармерии³, криминалистами из Центрального управления по борьбе с незаконным распространением наркотиков французской полиции (МВД Франции)⁴, Магистерской программой по криминалистике и борьбе с терроризмом

¹ См: Hendin R. DEA digging into Al Qaeda drug links // CBS News. 18.07.2008. URL: <http://www.cbsnews.com/news/dea-digging-into-al-qaeda-drug-links>; Berry L.V. et al. A Global Overview of Narcotics-Funded Terrorist and Other Extremist Groups. FDA, 2002. URL: http://www.loc.gov/rr/frd/pdf-files/NarcsFundedTerrs_Extrems.pdf; Rollins J., Wyler L.S. Terrorism and Transnational Crime: Foreign Policy Issues for Congress. Congressional Research Service, 2013. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/terror/R41004.pdf>

² Таким подразделением был Отдел проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России, сотрудники которого, совместно с Оперативно-розыскным департаментом ФСКН России, участвовали в подготовке оперативных мероприятий за рубежом России. В своей работе сотрудники ставили акцент на изучении опыта иностранных специальных служб в сфере проведения специальных оперативных и оперативно-боевых мероприятий, нацеленных на ликвидацию транснациональных преступных группировок и их лидеров.

³ Так, совместно с представителями французской жандармерии были изучены материалы по проведению специальных операций против организации так называемых «нарко-конвоев» (Hold Up) и разрушению логистической инфраструктуры, используемой европейскими и латиноамериканскими преступными группировками, поставляющими наркотики в страны ЕС через страны Средиземноморья. На сегодняшний день, организованная преступность использует самые последние модернизированные технические средства доставки наркотиков с одного континента на другой: из Латинской Америки, Среднего Востока и Африки в Европейский Союз. Здесь задействованы морской, авиа, и автотранспорт. Представители французской стороны на примерах показали высокий уровень организации преступников при транспортировке наркотиков. Наркокартели отправляют в путь хорошо вооруженные конвои, с транспортом сопровождения и прикрытия с земли и воздуха, которые в случае необходимости в состоянии дать организованный вооруженный отпор попыткам полиции задержать их транспорт во время нахождения на маршруте следования.

⁴ Office Central pour la Répression du Trafic Illicite des Stupéfiants (L'O.C.R.T.I.S.).

Консерватории искусств и ремесел Франции – CNAME. На постоянной основе происходили встречи и обмен практическим опытом с такими ведущими французскими криминалистами, как Алан Баур, Франсуа О, и Ксавье Руфер. Представители НИЦ получили приглашение посетить разведывательный центр DEA¹ в Эль-Пасо - EPIC и Разведывательное управление в Штаб-квартире организации в Квонтико для изучения опыта организации и проведения специальных операций Управления по борьбе с наркотиками США (DEA) за пределами национальной территории в странах Латинской Америки, Африки и в Европейском Союзе.

Также ФСКН России, не будучи уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, наделенным полномочиями и возможностью вести оперативно-розыскную работу в иностранных государствах, выстроила работоспособное оперативное взаимодействие с другими государственными органами Российской Федерации, уполномоченными за проведение специальных мероприятий оперативного характера за рубежом России. Ряд сотрудников ФСКН России прошли соответствующую специальную подготовку в учебных подразделениях вышеупомянутых служб.

В последние годы существования ФСКН России, руководство службы неоднократно предпринимало попытки на законодательном уровне изменить статус этого федерального органа исполнительной власти и получить право самостоятельно проводить специальные операции за пределами Российской Федерации, как это могут делать СВР РФ, ГРУ РФ, и ФСБ РФ. В идеале речь шла о глубокой качественной трансформации ФСКН России в организацию с полномочиями, сходными с теми, которые есть в распоряжении у Управления по борьбе с наркотиками США, а именно, реализацией специальных оперативных операций за пределами своей национальной территории.

Говоря о необходимости реформирования ФСКН России, следует учитывать ряд важных моментов. Упразднение ФСКН России не соответствует той действительности в сфере незаконного оборота наркотиков, которая в настоящий момент существует в РФ. Учитывая те результаты и опыт, которые были наработаны ФСКН России за недолгий период ее существования, упразднение этого органа может нанести больше вредных последствий, чем положительных результатов. Мировая практика свидетельствует о том, что наиболее эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков осуществляется именно благодаря выделению данного процесса в самостоятельный в рамках правоохранительной деятельности, посредством создания самостоятельного органа, занимающегося разработкой национальной политики в данной сфере, координацией деятельности иных органов власти и реализацией правоохранительных функций на практике [6].

Сможет ли МВД России, после передачи ему функций ФСКН России с такой же эффективностью поддерживать тот уровень активности международных операций, проводимых органами наркополиции, – этот вопрос остается открытым. Не следует забывать, что МВД России, как и упраздненная ФСКН России, не имеет полномочий самостоятельно проводить специальные операции за рубежом государства. Однако в отличие от МВД России, ФСКН была структурой более компактной и внешне-ориентированной, в силу понимания того факта, что центры наркопреступности находятся за пределами Российской Федерации.

При этом у сегодняшнего МВД России вопрос борьбы с наркотиками является главным, но не приоритетным по сравнению с другими задачами по противодействию иным типам организации преступной деятельности. В чем-то МВД России сможет заменить ФСКН при организации мероприятий, проводимых в рамках ОДКБ и ШОС, но будут ли выделяться контакты с профильными антинаркотическими ведомствами тех же стран СНГ в отдельное направление деятельности министерства? – этот вопрос также остается открытым.

На сегодняшний день известно решение о передаче Внутренних войск, подразделений СОБР, ОМОН, а со стороны ФСКН России – отрядов специального назначения (Управления специального назначения и охраны – УСНО 9 Департамента ФСКН России²) в ведение Федеральной службы национальной гвардии (ФСНГ). Таким образом, возобновление практики проведения таких международных

¹ Разведывательный центр El Paso (EPIC), управляемый DEA, был учрежден в 1974 году для поддержки усилий правоохранительных органов при общей координации со стороны DEA в борьбе с контрабандой наркотиков и иностранцев через юго-западную границу США. Со временем Центр расширил границу оперативного поиска со стран Латинской Америки на все наркогенно-опасные направления. С течением времени EPIC стал оказывать большую помощь правоохранительным органам на федеральном и региональном уровне. Впоследствии разведывательно-аналитическое управление Министерства внутренней безопасности (DHS) учредила в 2010 году в EPIC общее координационное подразделение пограничной разведки (BIFS), которое имеет задачи обеспечения всех американских правоохранительных органов, в том числе и пограничных правоохранительных органов, следственных органов в получении разведывательной информации.

² Департамент специального и криминалистического обеспечения.

мероприятий как операция «Канал» логически должна была быть в компетенции скорее ФСНГ России, а не МВД России. Однако насколько это будет отвечать потребностям и задачам Национальной гвардии остается пока непонятным. На сегодняшний день данный вопрос законодательно не урегулирован.

Вместе с этим, следует отметить, что американская сторона, в частности Управление по борьбе с наркотиками – DEA, с каждым годом усиливает количество (чистоту) и качество проведения своих зарубежных оперативных мероприятий, выделяя данные мероприятия в абсолютный приоритет по обеспечению национальной безопасности США в борьбе против транснациональной организованной преступности.

Попробуем подробно разобрать опыт организации проведения специальных антинаркотических операций, которые сегодня успешно реализует Управление по борьбе с наркотиками США (DEA) за пределами своей национальной юрисдикции, зачастую игнорируя суверенитет и интересы других государств. Эта американская служба прошла путь от небольшой структуры, которая занималась контролем производства и распространения психотропных веществ до специальной службы (одной из важнейших составляющих разведывательного сообщества США) с мощным разведывательным аппаратом, группами специального назначения, действующими за пределами США, крупными резидентурами¹.

И это только в рамках реализации американской стратегии по «охоте за главарями преступности» – «Кингпин стратегии» (The Kingpin Strategy) по поиску и нейтрализации вплоть до физической ликвидации лидеров преступного мира, главарей наркокартелей, руководителей группировок, занимающихся торговлей людьми. Стратегия была принята в 1992 г. и имела сначала географически ограниченные цели в Мексике и Колумбии (центры в городах Медельин и Кали) и других странах Латинской Америки: остановить распространение влияния кокаиновых наркокартелей. Деятельность DEA в регионе стала важным институциональным фактором антинаркотической политики в Латинской Америке [10]. Затем, со временем, по мере роста и трансформации небольших преступных групп в вертикально-интегрированные² транснациональные преступные организации, угрожающие национальной безопасности США, «кингпин стратегия» стала применяться ко всем значимым источникам угроз со стороны организованной преступности.

Столкнувшись с глобальным характером угрозы со стороны наркопреступности, компетентные органы США первыми стали выделять наиболее наркогенно-опасные зоны, угрожающие внутренней безопасности США. Так в оборот было введено определение «ЗНПИ» (NIDTA) – «Национальная Программа Зон наркотрафика повышенной интенсивности» – «ЗНПИ», которое тесно привязано к географическому фактору направлений наркотрафика на территорию США. Центры по контролю за реализацией программы расположены в крупных американских городах, зачастую вблизи пограничной линии и прибрежной зоны. Это преимущественно крупные портовые города и логистические центры, замыкающие на себе приграничное движение грузов. Также это наиболее критические зоны, через которые, по мнению американских экспертов и оперативников, проходит наиболее крупный поток наркотиков на территорию США. Преимущественно, это линия американо-мексиканской границы, часто атакуемая мексиканскими наркокартелями.

Программа ЗНПИ была принята на вооружение американских правоохранителей в 1990 г. после принятия в 1988 г. Конгрессом закона об усилении борьбы с незаконным употреблением наркотиков. Основанная задача Программы ЗНПИ – усиление координации всех правоохранительных органов США – местных, федеральных, общенациональных специальных служб страны, – в целях сокращения незаконного оборота наркотиков и его пагубного последствия для здоровья граждан страны. Также, программа ставит перед собой цель по сокращению производства, транспортировки, продаже и употребления наркотиков, отмывания средств, полученных от реализации наркотиков на территории США.

Опыт реализации положений американской программы силами DEA был использован оперативными подразделениями ФСНГ России для пресечения деятельности транснациональных

¹ Сегодня численный состав DEA состоит следующим образом: 4600 специальных агентов, 680 аналитиков и 4100 сотрудников вспомогательного персонала, включая специалистов-химиков, следователей по контролю за утечкой прекурсоров и наркотических лекарств и административных специалистов. Утвержденный бюджет DEA на 2002 год составил около 1,8 миллиарда долларов. При этом всего несколько сотен человек, организованных в оперативные группы, занимаются «охотой» за лидерами организованной преступности по всему миру. Часть из них, это «частные гражданские подрядчики», не имеющие формального отношения к государственным правоохранительным органам США.

² Организации с замкнутым циклом нарко-производства – выращивание сырья на плантациях, производство наркотиков, логистическая сеть, дистрибьютерская сеть, отмывание наркодоходов. Также сюда включается серые банковские схемы.

преступных группировок, контролирующей перевозку наркотиков из стран Центральной Азии на территорию Российской Федерации. ФСКН России изучила опыт американских правоохранительных органов, который мог бы быть со временем применен для организации аналогичной российской системы ЗНПИ, но на наиболее опасных наркогенных направлениях в приграничных регионах РФ, например, на границах с Казахстаном. Также, в случае заключения двусторонних соглашений с республиками Киргизстан и Таджикистан, подобная система может быть построена с участием ФСКН России (на сегодняшний день уже другим, уполномоченным исполнительным органом) на территории этих стран.

Центры «ЗНПИ» (HIDTA) в США создаются, когда оборот наркотиков в том или ином регионе страны достигает угрожающих масштабов. Так, для принятия решения по созданию штаб-квартиры «ЗНПИ» (HIDTA) необходимо наличие одной из нижеперечисленных угроз:

- город или штат становится центром нелегального производства, ввоза, и распространения наркотиков;
- правоохранительные органы местного и общегосударственного уровня значительно задействованы в проведение антинаркотических операций в регионе;
- регион (зона) стал представлять угрозу и оказывать крайне негативное влияние на развитие наркогенной ситуации в соседних штатах и городах;
- борьба с наркотрафиком требует значительного увеличения средств на оперативные мероприятия из федерального бюджета (в таком случае штаб-квартира ЗНПИ выступает также в роли финансового супервайзера).

Следует особо подчеркнуть, что структура программы ЗНПИ очень компактна, но при этом располагает серьезным федеральным финансированием. Так, на всю страну, в штаб-квартирах ЗНПИ работают 282 специальных агента, а ежегодное финансирование достигает 186 миллионов американских долларов. Фактически, на сегодняшний день Программа ЗНПИ в США играет роль центрального координатора по усилиям всех заинтересованных специальных служб США в сфере противодействию международному наркотрафику внутри страны.

В интересах правоохранительных органов России изучить опыт работы штаб-квартир «ЗНПИ» (HIDTA) как единого координационного центра всех специальных служб США в борьбе с наркоугрозой. Подобный опыт может быть использован в будущем как единый механизм по координации усилий МВД, ФСБ, ФСНГ¹ по противодействию международному наркотрафику в приграничных и наркогенных регионах страны. При условии, что аналогичная российская программа будет разрабатываться и руководится непосредственно из одного центра.

Отдельно следует акцентировать внимание на системе вовлечения в оперативный поиск особо опасных и разыскиваемых преступников «частных подрядчиков» в лице частных охранных агентств, частных детективов, «баунти хантеров» (охотников за головами), а также частных военных компаний (ЧВК). Американская сторона имеет давнюю традицию привлечения гражданских лиц, не являющихся гражданскими и военными служащими, к поиску, задержанию и аресту разыскиваемых преступников за пределами своей национальной территории, что является эффективным механизмом реализации оперативных работ различных подразделений разведывательного сообщества США.

В России, к сожалению, такая практика отсутствует. Однако в нынешней ситуации, когда наблюдается постоянное обострение оперативной обстановки, необходимо искать новые формы и методы борьбы с угрозой со стороны транснациональной преступности. Одной из таких отработанных мировым опытом практик может быть активное привлечение частных лиц к выявлению и задержанию, аресту, а в особых случаях и нейтрализации разыскиваемых преступников².

Одним из эффективных механизмов по борьбе с международной организованной преступностью, действующим в США, является «Программа вознаграждения за предоставление информации о наркотрафикантах». Она была введена в действие Конгрессом в 1986 г. в качестве инструмента,

¹ В случае если ФСНГ России получит полномочия самостоятельно проводить боевые операции против транснациональных преступных группировок.

² Следует упомянуть, что в 2014-2015 гг. ряд российских ЧВК выходили на руководство ФСКН России с предложением использовать их оперативные возможности в рамках проведения антинаркотических операций в Центрально-азиатском регионе, а также в зоне активного наркотрафика в Африке и Средиземном море. В адрес ФСКН были направлены интересные предложения по созданию системы защиты таджико-афганской границы от проникновения на территорию страны-участницы ОДКБ членов афганских наркогруппировок. Отмечаем, что на территории России эти организации зарегистрированы вполне легально, как частные охранные предприятия – ЧОП, однако за пределами России, находясь в другой юрисдикции, российские ЧВК активно используют иностранное законодательство в плане транспортировки и использование оружия для защиты интересов заказчика.

помогающего правительству США выявлять и привлекать к суду крупных нарушителей антинаркотического законодательства США. Программа даёт Госсекретарю установленные законом полномочия предлагать награду в размере до 5 млн долларов США за информацию, способствующую аресту и/или вынесению обвинительного приговора крупным наркотрафикантам, которые за пределами США осуществляют деятельность по ввозу наркотиков в страну.

Управление по международной борьбе с наркотиками и охране правопорядка (Bureau of International Narcotics and Law Enforcement Affairs – INL) Государственного департамента курирует программу в тесном взаимодействии с Министерством Юстиции, Министерством Национальной Безопасности, Иммиграционной и Таможенной Службой, DEA, ФБР и другими заинтересованными агентствами. Предложения о выплате вознаграждений представляются в Госдепартамент послом США по распоряжению правоохранительного органа США. Предложения о награде рассматриваются межведомственной комиссией, которая дает Госсекретарю рекомендации по выплате вознаграждения. Только Госсекретарь имеет право решать, следует ли выплачивать награду, и в случаях, когда действует федеральная уголовная юрисдикция, Госсекретарь должен получить согласие Генерального прокурора. С момента внедрения программы, Госдепартамент в качестве награды выплатил более 62 млн долларов лицам, которые предоставили информацию, способствующую аресту и/или вынесению обвинительного приговора крупным лидерам преступного мира.

Правительство США гарантирует конфиденциальность лиц, которые предоставляют информацию о крупных наркобаронах, при необходимости, переселяет этих лиц и членов их семей, задействует систему защиты свидетелей. За пределами США лица, желающие предоставить информацию о разыскиваемых преступниках, могут обратиться в ближайшее посольство или консульство США. В США гражданам следует обращаться в DEA, ФБР или непосредственно в Иммиграционную и Таможенную Службу. При этом должностные лица и сотрудники правительства (и другие государственные служащие) не могут претендовать на финансовое вознаграждение.

Президент США Б. Обама 15 января 2013 г. подписал новый закон, который даёт Государственному секретарю полномочия предлагать денежное вознаграждение за информацию, которая поможет привлечь к ответственности лиц, причастных к транснациональной организованной преступности и иностранных граждан, обвиняемых в военных преступлениях (New Rewards Program Confronts Transnational Crime). Закон отводит Управлению по международной борьбе с наркотиками и охране правопорядка (INL) Государственного департамента ведущую роль в реализации стратегии президента США под наименованием «Стратегия борьбы с транснациональной организованной преступностью», которая внедряет новую программу наград как один из важных инструментов борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Новая Программа вознаграждения за предоставление информации о транснациональной организованной преступности дополняет программу вознаграждения за предоставление информации о наркотрафикантах, санкционируя выплату вознаграждения за информацию о членах транснациональных преступных организаций, занимающихся преступной деятельностью помимо незаконного оборота наркотиков, и затрагивает такие серьезные преступления, как торговля людьми, отмывание денег, торговля оружием, а также другими видами международной незаконной деятельности, угрожающими национальной безопасности США.

Для борьбы с угрозой национальной безопасности, исходящей от транснациональной организованной преступности, Государственный департамент и другие члены разведывательного сообщества США применяют единый подход в сфере борьбы с транснациональными преступными угрозами, которые подрывают стабильность страны и причиняют вред гражданам США во всем мире. Государственный департамент считает программу вознаграждения ключевым элементом в борьбе с быстрорастущими транснациональными преступными сетями, а также в диверсификации их незаконной деятельности.

Предложения о выплате вознаграждений представляются в послом США по запросу правоохранительного органа США. Предложения о награде тщательно рассматриваются межведомственной комиссией, которая дает Госсекретарю рекомендации по выплате вознаграждения. Только государственный секретарь имеет право решать, следует ли выплачивать награду. Целесообразно отметить, что решающее слово в данном вопросе имеет Государственный департамент, то есть правительственная, но не правоохранительная структура.

В этой связи крайне важно идти по пути изменения законодательства Российской Федерации и адаптации его к новым вызовам и угрозам в том числе и со стороны международной организованной преступности. Возможно, опыт США будет востребован при построении новой антинаркотической политики Российской Федерации. Следует отметить, что «частные подрядчики» разведывательного сообщества США – крайне удобный и эффективный механизм реализации оперативной

информации в отношении любой из признанных государством угроз национальной безопасности¹. Формальным порядком США не задействовано в проведении оперативных мероприятий в отношении объекта оперативной разработки, и в случае негативной реакции правительства тех стран, где действует «частный подрядчик», американская сторона полностью снимает с себя ответственность. При успешном же развитии событий «частный подрядчик» (контрактор) ликвидирует потенциальную угрозу нацбезопасности США без задействования крупных вооруженных сил и значительных бюджетных средств. Одновременно соблюдается высокий уровень секретности, не задействуются дипломатические каналы, что исключает утечку информации². Также «частный подрядчик» и его действия могут быть проще «залегандированы» перед властями тех стран, где находится разыскиваемое лицо.

Следует особо подчеркнуть, что американской стороне удалось создать из DEA полноценную разведывательную службу мирового класса, которая на международном уровне играет важную роль в борьбе с транснациональной организованной преступностью, используя все возможные законодательные механизмы и оперативные возможности, которыми обладают такие организации, как ЦРУ, ФБР и АНБ. Уступая в численности «старшим товарищам» по разведывательному сообществу США, она успешно решает глобальные задачи в любой точке мира, откуда, по мнению правительства США, исходит угроза национальной безопасности государству.

При этом первостепенная задача DEA – не политическая и военная разведка, а ведение всего комплекса активных разведывательных мероприятий против лидеров преступного мира, – установление их местонахождения, задержание, арест, ликвидация транснациональных каналов поставки наркотиков.

В случае особой необходимости, как показывает опыт проведения специальных операций силами DEA в таких странах, как Афганистан, Колумбия, Мексика, Венесуэла, Филиппины, Бразилия, а также на территории африканских стран³, американская сторона способна вести активные боевые действия против вооруженных преступных группировок. И все это возможно силами общей численностью 4600 специальных агентов и 680 аналитиков. *Из этого следует, что США сознательно создали независимую разведывательную организацию, работающую только по линии противодействия организованной преступности.*

Рассмотрим подробно оперативный инструментарий, который использует DEA для проведения активных мероприятий за пределами национальной юрисдикции. Не будем раскрывать всю инфраструктуру Управления по контролю за оборотом наркотиков, но выделим ряд структурных подразделений, которые более типичны для организации разведывательной службы, чем для обычной полиции. В сфере проведения специальных оперативно-боевых мероприятий за рубежом это:

- Управление Специальных Операций (DEA's Special Operations Division - SOD)⁴;
- Управление глобальных силовых мероприятий (Office of Global Enforcement);
- Консультативная группа поддержки зарубежного развертывания (DEA Foreign-deployed Advisory Support Team).

Эти структуры совместно оперируют «Отрядами⁵ быстрого реагирования» – (Rapid Response Teams) и Специальными отрядами быстрого реагирования – (Special Response Teams)⁶. Также DEA располагает своим авиационным подразделением (Форт Ворс в Техасе) для доставки специальных команд в том числе и в зону боевых действий повышенной интенсивности.

¹ Небольшая оперативная группа «частных подрядчиков» может состоять, в зависимости от сложности выполнения оперативных задач, от 4-6 до 12-15 хорошо подготовленных бойцов и специалистов в области радиотехнической разведки.

² По одной из версий, в отслеживании передвижении и задержании гражданина России Виктора Бута были задействованы «частные подрядчики».

³ U.S. drug war expands to Africa // Africa blogs. 05.09.2012. URL: <https://africablogs.wordpress.com/category/drug-war-expands-to-africa>

⁴ Отдел проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России вел работу по изучению проводимых SOD DEA специальных мероприятий за пределами национальной юрисдикции США. Было получено приглашение посетить это управление в Квонтико, США.

⁵ Подготовка отрядов проходит в Квонтико в Виргинии на базе «Морских котиков» ВМС США в соответствии с программой боевой подготовки NAVY SEAL.

⁶ Различие в действиях этих команд состоит в том, что одна группа специализируется на обычных антинаркотических операциях против организованных преступных групп и их руководителей. Вторые занимаются также вопросами противодействия наркотерроризму и были успешно использованы на территории Афганистана и приграничных районах Пакистана.

- В сфере проведения разведывательных мероприятий за пределами национальной юрисдикции:
- Управление разведки в сфере обеспечения национальной безопасности (Office of National Security Intelligence);
 - Управление стратегической разведки (Office of Strategic Intelligence);
 - Управление специальной разведки (Office of Special Intelligence);
 - Разведывательный центр¹ в Эль Пасо «Эпик» (El Paso Intelligence Center).

Также в рамках разведывательного механизма DEA надо выделить две специальные программы:

- Объединённые силы по борьбе с организованной преступностью и распространением наркотиков (Organized Crime Drug Enforcement Task Force – OCDEF), – эта программа объединяет усилия всех заинтересованных силовых ведомств (включая разведывательное сообщество США) по борьбе с транснациональной организованной преступностью, и действует с 1982 года;
- Объединённый центр (Fusion center), – межведомственные центры², которые действуют на непостоянной основе в рамках проведения совместных оперативных мероприятий между DEA, ЦРУ, ФБР и Американской Армией.

Следует отметить, что проблематика борьбы с «наркотерроризмом» является важнейшим приоритетом для деятельности всего разведывательного сообщества США, включая армейские подразделения.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию после упразднения ФСКН России и реформирование внутренней антинаркотической политики России, а также основываясь на изложенном материале, справедливо поставить вопрос о создании в ближайшей перспективе «российской антинаркотической разведки», тем более, что необходимость такой службы жизненно необходима уже сегодня. Россия – большое евроазиатское государство, границы которого пролегают в совершенно различных геополитических условиях, в средах от дружественных, до агрессивно враждебных национальным интересам РФ. Государственная граница России является главной целью и зоной криминального интереса для транснациональных преступных группировок, контролирующих производство и транспортировку наркотиков. Как показывает оперативная информация, практически все лидеры наркогруппировок, организующий доставку наркотиков в Россию, находятся далеко за пределами Российской Федерации и чувствуют себя в абсолютной безопасности. Российские правоохранительные органы в этой ситуации будут обречены реализовывать оперативную информацию «глубоко» на территории РФ без возможности ликвидации основного очага угрозы. При такой ситуации МВД России будет обречено постоянно ловить мелких курьеров и распространителей, и отчитываться об очередной победе над преступностью. Это не решит кардинально вопрос с распространением наркотиков в России.

При этом остается недооцененным тот факт, что сегодня финансовые возможности транснациональных преступных группировок достигли того уровня, когда они способны финансировать и рекрутировать исполнителей на уровне административного и силового аппарата развитых государств, создавая прямую конкуренцию традиционным государствам и заменяя их. По сути, это уже настоящие криминальные квазигосударства, обладающие развитой военной и разведывательной инфраструктурой.

Как показывает опыт проведения антитеррористической операции силами Министерства обороны РФ против боевиков запрещенного в России «Исламского государства» на территории Сирии, здесь задействованы силы вплоть до ВМС и Военно-космических сил с развертыванием организационно-штатных структур за пределами Российской Федерации – на территории иностранных государств. Здесь ИГИЛ – террористическая организация, выросшая до уровня квазигосударства, распространившая свое влияние на определенной территории, став региональной силой, и начала угрожать общей системе международной безопасности и стабильности. Таким образом локальная террористическая группировка вырастает до государственных масштабов.

Рассматривая ситуацию с наркотеррористическими организациями, напрашивается вывод о том, что возникновение сегодня похожих квазигосударственных образований возможно в любой точке мира. Преступность постоянно трансформируется и идет в ногу со временем, тогда как

¹ Отдел проектов в сфере международного сотрудничества ФКУ НИЦ ФСКН России при содействии представителей DEA в России получили возможность ознакомиться с работой Центра.

² По сути своей межведомственные рабочие группы, но координируемые под руководством DEA проведения специальных операций в каждом конкретном случае. При этом оперативные возможности как ЦРУ, так и ФБР используются Министерством юстиции США.

правоохранительные институты не хотят меняться и адаптироваться к новым вызовам и угрозам. В этой ситуации государственные институты РФ рискуют утратить контроль за ситуацией с ростом наркотрафика в пределах страны. Создание новой федеральной службы, целью которой будет борьба с транснациональной преступностью, станет актуальным вопросом ближайшего времени.

Напомним, что широкий спектр сложнейших оперативных задач та же DEA осуществляет силами чуть более четырех тысяч человек. Для создания ее аналога в России нет необходимости заново воссоздавать громоздкий аппарат ликвидированного ФСКН России. ФКУ НИЦ ФСКН России в рамках поручений Президента РФ проводило анализ эффективности деятельности зарубежных специальных служб антинаркотической направленности и докладывало, что в России могут быть использованы уже отработанные наработки западных коллег в сфере борьбы с организованной преступностью.

С одной стороны, Россия может адаптировать опыт создания «антинаркотической разведки»¹, который существует сегодня в США. С другой стороны, может быть воссоздано и использовано то, что было признано эффективным в оперативной практике ФСКН России.

В этой ситуации требуются внести ряд изменений в Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», дав полномочия будущей службы активно действовать за рубежом, а во-вторых, нужна политическая воля признать необходимость борьбы с угрозой наркотерроризма в качестве одного из приоритетов национальной безопасности России. Тем более, что сегодня Россия доказала, что в случае необходимости она использует свои вооруженные силы за пределами своей национальной территории.

При правильном подходе к выстраиванию оперативного взаимодействия с западными партнерами, используя их площадки и оперативные возможности², новая служба очень быстро станет эффективным механизмом решения внешнеполитических задач в сфере обеспечения национальной безопасности и борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Литература

1. *Тепляшин П.В.* Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // *Lex Russica (Русский закон)*. 2017. № 10. С. 147 – 157.
2. *Готчина Л.В.* Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. №4. С. 767 – 775.
3. *Тагиров З.И., Кузнецов Д.В.* Обзор выступлений на круглом столе журнала «Мир юридической науки» на тему «Новая реформа правоохранительной системы России» (Санкт-Петербург, 16 мая 2016 года) // *Мир юридической науки*. 2016. № 4-5. С. 78 – 90.
4. *Алиева Э.Б., Сурхаева Х.М.* Административная реформа МВД в сфере контроля за оборотом наркотиков: предпосылки и итоги // *Евразийский юридический журнал*. 2018. №6. С. 156 – 158.
5. *Славская Н.В.* Очередная реформа МВД РФ: достижения и проблемы в разрезе эффективности работы субъектов предупреждения преступности // *Вестник СевКавГТИ*. 2016. № 3. С. 75 – 78.
6. *Корчагин О.Н., Колесников К.А.* Рецензия на доклад «Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов Российской Федерации», подготовленный сотрудниками Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в сотрудничестве с фондом «ИНДЕМ» // *Российский следователь*. 2014. № 3. С. 37 – 40.
7. *Носов А.Л., Корчагин О.Н., Колесников К.А.* Переосмысление государственной антинаркотической политики: оперативно-розыскная деятельность – ключевой приоритет ФСКН России // *Наркоконтроль*. 2012. №2. С. 8 – 11.
8. *Хатаев А.Ц.* Интеграция антинаркотических усилий государств как условие успешного противодействия транснациональной организованной наркопреступности // *Административное право и процесс*. 2013. № 8. С. 9 – 14.
9. *Björnehed E.* Narco-terrorism: The merger of the war on drugs and the war on terror // *Global Crime*. 2004. Vol. 6. No. 3-4. P. 305 – 324.
10. *Ricart C.A.P.* The role of the DEA in the emergence of the field of anti-narcotics policing in Latin America // *Global Governance*. 2018. Vol.24. P. 169 – 191.

¹ Во Франции это «Специальные бригады по борьбе с наркотиками МВД Франции», которые также ведут активный оперативный поиск как в Латинской Америке, так и в Африке.

² Следует сказать, что западные коллеги неоднократно предлагали использовать их возможности для проведения совместных оперативных мероприятий в Афганистане, на территориях приграничных с Пакистаном, Африке и Латинской Америке. Что-то удалось реализовать, как на территории Афганистана, так и в зоне Сахельского пояса в Африке.

Sarsembayev Ilyas Zhazitovich, Doctor of Political Science of France (PhD), Studying Master's Degree, Institute of public administration and civil service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Pr. Vernadskogo, Moscow, 119606, Russian Federation).
E-mail: Ilyas.sarsembaev@gmail.com

SETTING UP THE 'ANTI-DRUG INTELLIGENCE' AS AN IMPORTANT ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY PROVISION IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article is written after the liquidation of the Federal Drug Control Service of Russia and the transfer of its functions to the Ministry of Internal Affairs of Russia. Possible negative consequences of eliminating such a powerful anti-drug operational structure are considered. At the same time prospects for setting up a new service, Anti-drug intelligence, using the USA Drug Enforcement Administration's (DEA's) accumulated experience of struggle with the transnational organized crime are also analyzed. It is shown that DEA, exploiting a relatively small operational staff together with the legal opportunities provided by the US legislature, can be extremely effective in fighting the crime beyond the national borders.

Keywords: *FDCS of Russia, DEA, national jurisdiction, anti-drug intelligence, drug trafficking, transnational organized crime, HIDTA, intelligence community, private military companies, private contractors, operational activities, special operations.*

References

1. Teplyashin P.V. Sostoyanie narkoprestupnosti v Rossijskoj Federacii: osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendencii // Lex Russica (Russkij zakon). 2017. № 10. P. 147 – 157.
2. Gotchina L.V. Kriminologicheskaya harakteristika rossijskoj narkoprestupnosti: struktura, dinamika i prognoz // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. №4. P. 767 – 775.
3. Tagirov Z.I., Kuznecov D.V. Obzor vystuplenij na kruglom stole zhurnala «Mir yuridicheskoy nauki» na temu «Novaya reforma pravoohranitel'noj sistemy Rossii» (Sankt-Peterburg, 16 maya 2016 goda) // Mir yuridicheskoy nauki. 2016. № 4-5. P. 78 – 90.
4. Alieva E.B., Surhaeva H.M. Administrativnaya reforma MVD v sfere kontrolya za oborotom narkotikov: predposylki i itogi // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. №6. P. 156 – 158.
5. Splavskaya N.V. Ocherednaya reforma MVD RF: dostizheniya i problemy v razreze effektivnosti raboty sub"ektov preduprezhdeniya prestupnosti // Vestnik SevKavGTI. 2016. № 3. P. 75 – 78.
6. Korchagin O.N., Kolesnikov K.A. Recenziya na doklad «Koncepciya kompleksnoj organizacionno-upravlencheskoj reformy pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii», podgotovlennyy sotrudnikami Instituta problem pravoprimeneniya pri Evropejskom universitete v Sankt-Peterburge v sotrudnichestve s fondom «INDEM» // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 3. P. 37 – 40.
7. Nosov A.L., Korchagin O.N., Kolesnikov K.A. Pereosmyslenie gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki: operativno-rozysknaya deyatel'nost' – klyuchevoj prioritet FSKN Rossii // Narkokontrol'. 2012. №2. P. 8 – 11.
8. Hataev A.C. Integraciya antinarkoticheskikh usilij gosudarstv kak uslovie uspeshnogo protivodejstviya transnacional'noj organizovannoj narkoprestupnosti // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 8. P. 9 – 14.
9. Björnehed E. Narco-terrorism: The merger of the war on drugs and the war on terror // Global Crime. 2004. Vol. 6. No. 3-4. P. 305 – 324.
10. Ricart C.A.P. The role of the DEA in the emergence of the field of anti-narcotics policing in Latin America // Global Governance. 2018. Vol.24. P. 169 – 191.

УДК 332.14:342.24

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-48-53

АСИММЕТРИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Коротина Наталья Юрьевна кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (454071, Россия, г. Челябинск, ул. Комарова, 26).
E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы асимметрии системы экономического федерализма, которую на сегодняшний момент не позволяет комплексно решить проводимая государством федеративная политика. Методологическая основа исследования представляют совокупность научных представлений в области пространственной и региональной экономики. В качестве базовых методов исследования были использованы методы контент-анализа, систематизации, анализ статистических данных, представленных в открытом доступе. Теоретическая значимость исследования заключается в формулировании понятий «асимметрия системы экономического федерализма», «вертикальная асимметрия», «горизонтальная асимметрия», выявлении факторов, форм, типов асимметрии федерализма, а также видов в разрезе вертикальной и горизонтальной асимметрии. Результаты исследования могут служить основой для разработки экономического инструментария федеративной и региональной политик в условиях асимметрии отношений федерализма.

Ключевые слова: федерализм, система экономического федерализма, асимметрия федерализма, вертикальная асимметрия, горизонтальная асимметрия, социально-экономическое развитие, управленческие полномочия, территориальные образования.

Теоретические представления о региональных аспектах развития государства свидетельствуют об объективности пространственного неравенства, являющегося следствием неравномерной концентрации конкурентных преимуществ территорий, которое ведет к неравномерности социально-экономического развития.

Сложившиеся реальные ситуации в федеративных государствах показывают, что в подавляющем большинстве для их экономических отношений характерна асимметрия. Исследовательский интерес к асимметрии федеративных стран появился относительно недавно, во второй половине XX в. с работы Ч. Тарлтона «Симметрия и асимметрия как элементы федерализма: теоретические предположения» [1], в которой акцент был сделан на асимметрию федеральных политических систем.

В современной научной литературе, посвященной проблемам федерализма, термины «симметричный» и «асимметричный» применяются в практике конституционно-правового строительства государственности. Понятия «симметричный» и «асимметричный» федерализм используются преимущественно при характеристике статуса субъектов в государствах с федеративным устройством.

Симметричные федерации представляет собой объединение субъектов, которые характеризуются однородностью и равностатусностью, а также обладают равными полномочиями в осуществлении государственных функций. Абсолютно симметричной федерацией провозгласила себя Эфиопия, но, в соответствии с экспертным мнением, сможет просуществовать в таком виде только ограниченный промежуток времени [2]. Даже в традиционно симметричных федерациях (таких как Австрия, Германия, Объединенные Арабские Эмираты), наблюдаются отдельные элементы асимметрии [3].

Асимметричные федерации характеризуются неравным статусом субъектов федерации в политических, административных, финансовых и иных сферах, и допускающие вариативность во взаимоотношениях с федеральным центром.

Асимметричность большинства федераций предопределена объективными основаниями, которые являются причинами фактического неравенства территориальных образований, входящих в состав федерации. К предпосылкам асимметрии относят исторические, географические, климатические, этнические, конфессиональные, культурные условия и обстоятельства, лежащие в основе диспропорций социально-экономического развития территорий, которые, в свою очередь, обуславливают дифференциацию субъектов федерации, оказывают влияние на развитие федеративных единиц и ведут к их асимметричному состоянию. Это определяет существующее региональное разнообразие, которое в большинстве своем не подлежит корректировке путем применения административных рычагов.

Понимание возможности и необходимости воздействия на асимметрию федерализма позволило выделить признаки, положенные в основу дифференциации влияющих на асимметричность факторов. Факторы асимметричности федерализма, по мнению автора, можно классифицировать:

- по источникам возникновения: на внутренние и внешние;
- по степени управляемости: на управляемые, трудноуправляемые, неуправляемые;
- по продолжительности воздействия: на кратковременные, долговременные;
- по характеру воздействия: на экономические, неэкономические;
- по возможности прогнозирования: на прогнозируемые, непрогнозируемые;
- по сфере формирования: на экономические, географические, исторические, социокультурные, политические.

Большинство российских и зарубежных авторов, исследуя асимметрию федерализма, рассматривают ее с позиций конституционного закрепления правового положения субъектов [4, 5]. В данном исследовании упор сделан на исследование асимметрии экономических отношений в федеративном государстве.

Объективные и субъективные факторы изначально предопределяют экономическую асимметрию в системе экономического федерализма. В качестве объективных факторов выступают неравномерность территориального размещения природных ресурсов, что влечет за собой неравномерность размещения налоговой базы: регионы с технологичными производствами аккумулируют в большом объеме налог на прибыль организаций, с высокой плотностью населения – налог на доходы физических лиц, регионы с развитой добычей и реализацией природных ресурсов – налог на добавленную стоимость и налог на добычу полезных ископаемых, с развитой инфраструктурой, помимо прочих, налоги на имущество [6].

Субъективное влияние на асимметрию в отношениях федерализма оказывают установленные федеральным центром правила разграничения государственных функций, управленческих полномочий и экономических ресурсов по уровням устройства страны.

Понятие асимметрии в системе экономического федерализма можно рассматривать как наличие неравенства в состоянии экономических отношений на региональном уровне, когда перераспределение ресурсов между регионами с целью снижения экономических и социальных диспропорций между ними улучшает в долгосрочном плане положение всей страны и не ухудшает положение ни одного из регионов, что обуславливает необходимость сглаживания экономической асимметрии развития регионов [7].

Асимметрия в системе экономического федерализма, на наш взгляд, проявляется в следующих формах:

- 1) в диспропорции возложенных государственных функций на соответствующий уровень власти и располагаемых экономических ресурсов;
- 2) в дисбалансе ресурсных источников, которые выражается в значительном преобладании в ресурсах отдельных его видов;
- 3) в диспропорции ресурсов, располагаемых публичными образованиями одного уровня государственной иерархии;
- 4) в противоречии механизмов и целей развития, что выражается в отсутствии реальных механизмов на региональном уровне преодолеть межрегиональные диспропорции, а на муниципальном уровне преодолеть значительные внутрирегиональные диспропорции.

Познание асимметричности федерализма проявляется в необходимости целостного осмысления его содержательных процессов. Нарушение устойчивости на низовом уровне ведет к нарушению устойчивости на более высоком порядке иерархии: нарастание асимметрии экономического федерализма на муниципальном уровне ведет к нарастанию асимметрии на региональном уровне, что, в свою очередь, способствует нарастанию асимметрии федерализма на федеральном уровне.

Эффективное взаимодействие в процессе функционирования различных уровней иерархии ведет к снижению или снятию асимметричности в рамках обеспечения целостности внутри каждого уровня с точки зрения совокупного единства их внутренних элементов.

По мнению автора, в системе экономического федерализма следует выделять следующие типы асимметрии:

- функциональная – появляется в неравномерности реализации интересов публичных образований всех уровней вертикали власти; в неравномерном осуществлении социально-экономических реформ;
- ресурсная – связана с нерациональным распределением ресурсных источников, обеспечивающих изменяющиеся потребности в процессе экономического обеспечения выполнения государственных функций;
- институциональная – проявляется в асимметричном функционировании базовых институтов экономического федерализма, неравномерной институционализации политических статусов, представляет собой несоответствие институциональной структуры элементам системы экономических отношений, которая выражается в несоответствии экономической политики, проводимой на федеральном и региональном уровнях, возникновении конфликтных ситуаций между государственными и субфедеральными институтами;
- временная – предполагает влияние на состояние отношений экономического федерализма фактора времени, отражающегося на ретроспективные, текущие и перспективные изменения;
- конъюнктурная – обусловлена изменениями на федеральном уровне иерархии, распространяющимися на уровень регионов и муниципальных образований;
- пространственная – появляется в социально-экономической неоднородности и неравномерности развития отдельных территорий страны.

Отношения экономического федерализма складываются последовательно между федеральным центром, регионами, муниципальными образованиями верхнего и низового уровней, а также между территориями с одинаковым статусом. Проблема асимметричного развития актуальна для каждой из этих групп отношений как на всех иерархических уровнях построения государства, так и по горизонтали территориального устройства. Потому проблемы симметрии и асимметрии отношений федерализма имеют две плоскости: симметрия/асимметрия субъектов в отношениях с федеральным центром, его закрепление в институциональной структуре федеративного государства (вертикальная асимметрия), и симметрия/асимметрия территорий, образующих федерацию (горизонтальная асимметрия). При этом горизонтальная асимметрия может наблюдаться в территориях как обладающих статусом субъектов федерации, так и не имеющих этого статуса (муниципальных образований, частей субъектов, объединений нескольких субъектов).

По мнению автора, вертикальная асимметрия экономических отношений федерализма – это ситуация несовпадения, несоответствия между выполняемыми государственными функциями и экономическими ресурсами, обеспечивающими выполнение этих функций, в разрезе уровней структур федеративного устройства.

Горизонтальная асимметрия экономических отношений федерализма – это ситуация несовпадения, несоответствия между показателями развития территорий одного уровня государственного устройства.

Вертикальная асимметрия возникает вследствие превышения объема функций, выполняемых разными уровнями власти, над закрепленными доходными источниками, то есть разной степени децентрализации государственных функций и децентрализации государственных ресурсов по иерархическим уровням государства. Такая вертикальная асимметрия потенциально заложена в любой модели экономической системы федеративного государства [8].

В связи с этим в данной работе предлагается выделять в системе экономического федерализма вертикальную и горизонтальную асимметрию.

К вертикальной асимметрии экономического федерализма предлагается отнести следующие виды:

- внутристрановая асимметрия (асимметрия соотношения социально-экономических показателей федерального центра и регионов)
- внутрирегиональная асимметрия (асимметрия соотношения социально-экономических показателей региона и муниципальных образований, входящих в него);
- внутримunicipальная асимметрия (асимметрия соотношения социально-экономических показателей муниципальных образований верхнего и низового уровня, например: муниципального района и поселений, входящих в него; городского округа с внутригородским делением и его внутригородских районов).

При рассмотрении горизонтальной асимметрии экономического федерализма также предлагается выделять виды:

- макрорегиональная асимметрия (асимметрия социально-экономических показателей различных федеральных округов между собой);

- межрегиональная асимметрия (асимметрия социально-экономических показателей различных регионов между собой);
- межмуниципальная асимметрия (асимметрия социально-экономических показателей муниципальных образований одного типа и уровня между собой в отдельном регионе);
- межтерриториальная асимметрия (асимметрия социально-экономических показателей территорий, не имеющих статус субъекта или муниципальных образований).

Схематично виды вертикальной и горизонтальной асимметрии в системе экономического федерализма представлены на рис. 1.

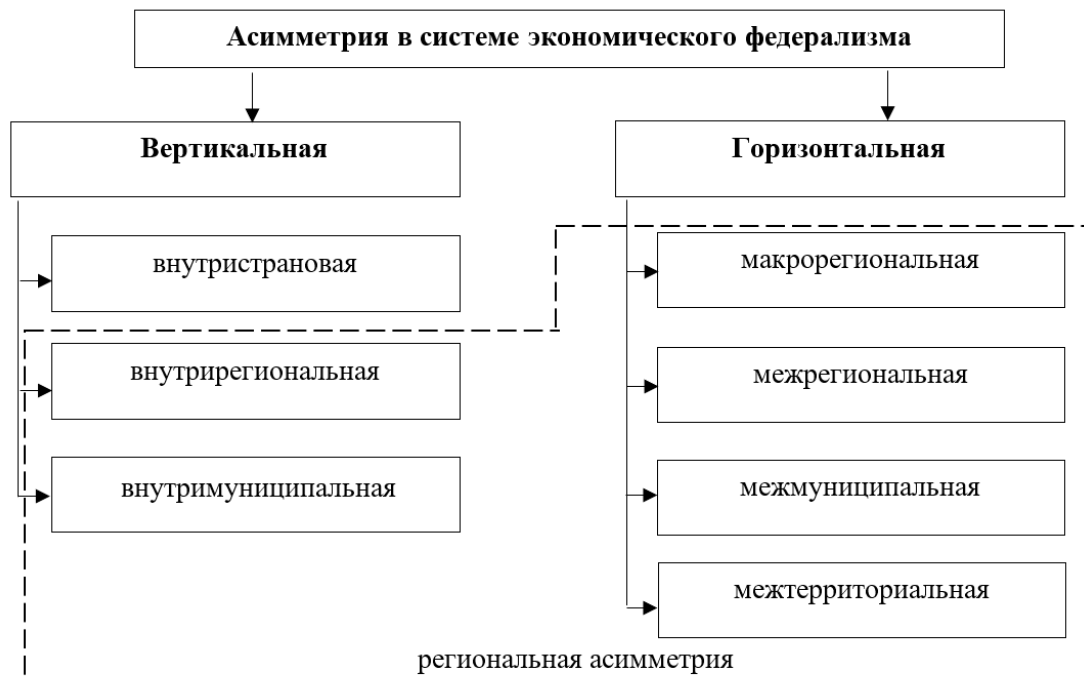

Рис. 1. Виды вертикальной и горизонтальной асимметрии в системе экономического федерализма

По мнению автора, отличительным аспектом сущности вертикальной асимметричности федерализма являются преимущества одного участника отношений федерализма перед другим участником, которое тот не может преодолеть.

Федеральный центр имеет преимущества в вопросах установления полномочий, доходных источников бюджетов разных уровней, налогового регулирования, источников покрытия дефицитов соответствующих бюджетов, а регионы не имеют действенных механизмов эти преимущества преодолеть. Аналогично, асимметрия на уровне «субъекты федерации – муниципальные образования», а также на уровне «муниципальные образования верхнего уровня – муниципальные образования низового уровня» заключается в отсутствии действенных механизмов преодоления преимуществ регионального центра перед муниципалитетами, а также муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением перед муниципалитетами поселенческого типа.

Таким образом, под асимметрией системы экономического федерализма автором понимается такая структурная организация, в которой нарушен функциональный порядок, равновесие, пропорциональность и соразмерность как по вертикали государственного построения, так и по горизонтали территориального устройства страны.

Обычно вертикальная асимметрия в отечественной и зарубежной литературе сводится к бюджетному федерализму, а горизонтальная – к асимметрии экономического развития территорий, хотя назваться могут разными терминами.

Для характеристики вертикальной асимметрии экономического федерализма в зарубежных странах используется методика Всемирного банка, позволяющая оценить «вертикальный дисбаланс – степень, в которой субнациональные правительства опираются на доходы центрального правительства для поддержки своих расходов¹». Оценивается вертикальная асимметрия Всемирным Банком

¹ Fiscal Decentralization Indicators. The World Bank Group // Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. <http://www1.worldbank.org/publicsector/decentralization/fiscalindicators.htm> (дата обращения 18.11.2020).

коэффициентом вертикального дисбаланса, который определяется долей субнациональных расходов, покрываемой за счет федеральных трансфертов.

Используя данные по зарубежным странам, представленные Организацией экономического сотрудничества и развития¹, в данной работе страны по показателю вертикального дисбаланса были разделены на 3 группы. Первая стран указанный показатель находится на уровне менее 30%: в США 22 %, в Германии 25%, в Канаде 27%, в Австралии 29%. Во второй группе стран показатель находится на уровне от 30 до 50%: в Бразилии показатель составляет 41%, в Австралии 49%. В третьей группе показатель дисбаланса выше 50%: в Бельгии примерно 62%; самая высокая асимметрия в Мексике, значение которой значительно выше, чем в остальных странах – 81%. Россия по оцениваемому показателю относится к первой группе, у нее самое низкое значение из представленных стран – 19%², что опровергает широко распространенный тезис о высокой вертикальной асимметрии в России.

При анализе федерализма проблема вертикальной асимметрии между отдельными уровнями публичной власти является наиболее часто обсуждаемой. В то же время единицы, значительно богаче или беднее других, встречаются на каждом территориальном уровне [9, 10]. Разница между показателями развития территорий одного уровня государственного устройства, возникающую из-за неравномерного распределения, определяется как горизонтальная асимметрия.

Горизонтальная асимметрия характерна для всех стран без исключения. Дифференциация регионов по среднему валовому региональному продукту составляет в Германии 2,47 раза³, в США – 2,05 раза⁴, в Австрии – 1,67 раза⁵, Швейцарии – 3,28 раза⁶. По степени межрегиональной асимметрии Российская Федерация занимает первое место в мире, а различия между российскими регионами в разы превышают различия между регионами развитых стран. В России этот показатель дифференциации регионов по среднему ВРП составляет 54,15 раза⁷.

Таким образом, всем федеративным государствам свойственна вертикальная и горизонтальная асимметрия. Вертикальная асимметрия складывается из-за субъективных причин, связанных с политическими решениями по разграничению полномочий по вертикали государственного устройства. Горизонтальная асимметрия определяется как субъективными причинами, связанными с решениями федерального центра в части региональной политики, так и объективными, которые складываются в силу естественных причин, связанных с территориальной неравномерностью размещения ресурсов.

Литература

1. *Tarlton Charles D.* Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation // *The Journal of Politics*. 1965. No. 4 (Nov.), Vol. 27, pp. 861-874. https://www.jstor.org/stable/2128123?seq=1#page_scan_tab_contents (Дата обращения 17.11.2020).
2. *Исмаилова Р.Н.* Афар Эфиопии в системе этнического федерализма // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2018. № 2 (43). С. 126 – 146.
3. *Литвинов В.А.* Вопросы симметрии и асимметрии в федеративном государстве // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2012. № 1 (30). С. 53 – 57.

¹ Источник: Данные по зарубежным странам – Экономические обзоры ОЭСР [Электронный ресурс] OECD Economic Surveys: Australia 2014 https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-australia-2014/vertical-fiscal-imbalance-over-time-and-across-countries_eco_surveys-aus-2014-graph38-en (дата обращения 07.03.2020).

² Р расчеты автора по Информации официального сайта Федерального казначейства. Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов за 2019 год <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/> (дата обращения 18.11.2020).

³ Расчеты автора на основе данных за 2017 год Statistische ämter des bundes und der länder <https://www.regionalstatistik.de/genesis/online/data;jsessionid=41190307B046E65578D8ECD2400C0BD8.reg3?operation=statistikAbruftabellen&levelindex=0&levelid=1547136315088&index=2> (дата обращения: 15.03.2019).

⁴ Расчеты автора на основе данных за 2017 г. / <https://www.statista.com/statistics/248063/per-capita-us-real-gross-domestic-product-gdp-by-state/> (дата обращения: 15.03.2019).

⁵ Расчеты автора на основе данных за 2018 г. / Statistische Datenbank STATcube der Bundesanstalt Statistik Österreich https://www.statistik.at/web_de/statistiken/wirtschaft/volkswirtschaftliche_gesamtrechnungen/regionale_gesamtrechnungen/nuts2-regionales_bip_und_hauptaggregate/index.html (дата обращения 18.11.2020).

⁶ Расчеты автора на основе данных за 2016 год <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/statistiken/kataloge-datenbanken/tabellen.assetdetail.6369946.html> (Дата обращения: 26.09.2020).

⁷ Данные Росстата за 2017 год <http://russia.duck.consulting/maps/114/2016> (дата обращения 18.11.2020).

4. Federalism as a political ideology and system of government: the theoretical perspectives. International Journal of Advanced Academic Research (Sciences, Technology & Engineering). 2017 Vol. 3, Issue 9 Page 52-80. [accessed Nov 18 2020].
5. Лексин И.В. Правовая асимметрия в территориальном устройстве государства: теория и практика // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 10.
6. Коротина Н.Ю. Методологические подходы к исследованию асимметричности отношений экономического федерализма // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12. № 2. С. 37 – 44.
7. Колесниченко Е.А. Дифференциация регионального развития: концепция финансовой самостоятельности // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. Выпуск 3 (71). С. 376 – 380.
8. Бетин О.И. Системные преобразования механизмов регулирования и управления межбюджетными отношениями в Российской Федерации. М., 2002. 315 с.
9. Иванова Д.Е., Иванов В.Е., Мнацаканова Э.Р. Факторный межрегиональный анализ потенциала инновационного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 282 – 286.
10. Кашиникова Т.В. Социально-экономическое неравенство населения в России: причинно-следственный анализ и пути сглаживания // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 112 – 115.

Korotina Natalya Yurievna, Candidate of Economics, associate professor, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting, Chelyabinsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (26, Komarova St., Chelyabinsk, 454071, Russian Federation).

E-mail: korotina-nyu@ranepa.ru

ASYMMETRY OF THE ECONOMIC FEDERALISM SYSTEM: CONCEPT AND CLASSIFICATION

Abstract

The article is devoted to the research of the problem of asymmetry of the economic federalism system. It is not allowed to comprehensively solve the federal policy problems. The methodological basis of the study is represented by a set of scientific concepts in the field of spatial and regional economics. The basic research method was the methods of content analysis, systematization, analysis of statistical data. The theoretical significance of the study lies in the formulation of the concepts of "asymmetry of the economic federalism system", "vertical asymmetry", "horizontal asymmetry", identifying factors, forms, types of asymmetry of federalism, and kind of vertical and horizontal asymmetry. The research results can serve as a basis for the development of economic tools for federal and regional policies in the context of the asymmetry of federalism relations.

Keywords: federalism, the system of economic federalism, the asymmetry of federalism, vertical asymmetry, horizontal asymmetry, socio-economic development, managerial powers, territorial entities.

References

1. Tarlton Charles D. Symmetry and Asymmetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation // The Journal of Politics. 1965. No. 4 (Nov.), Vol. 27, pp. 861-874.
https://www.jstor.org/stable/2128123?seq=1#page_scan_tab_contents. (Data obrashcheniya 17.11.2020)
2. Ismagilova R.N. Afar Efiopii v sisteme etnicheskogo federalizma // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2018. № 2 (43). P. 126 – 146.
3. Litvinov V.A. Voprosy simmetrii i asimmetrii v federativnom gosudarstve // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2012. № 1 (30). P. 53 – 57.
4. Federalism as a political ideology and system of government: the theoretical perspectives. International Journal of Advanced Academic Research (Sciences, Technology & Engineering). 2017 Vol. 3, Issue 9 Page 52-80. [accessed Nov 18 2020].
5. Leksin I.V. Pravovaya asimmetriya v territorial'nom ustrojstve gosudarstva: teoriya i praktika // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2012. № 35. P. 10.
6. Korotina N.YU. Metodologicheskie podhody k issledovaniyu asimmetrichnosti otnoshenij ekonomicheskogo federalizma // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment. 2018. T. 12. № 2. P. 37 – 44.
7. Kolesnichenko E.A. Differenciatsiya regional'nogo razvitiya: koncepciya finansovoj samodostatochnosti // Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. Vypusk 3 (71). P. 376 – 380.
8. Betin O.I. Sistemnye preobrazovaniya mekhanizmov regulirovaniya i upravleniya mezhbyudzhethnymi otnosheniyami v Rossijskoj Federacii. M., 2002. 315 p.
9. Ivanova D.E., Ivanov V.E., Mnacakanova E.R. Faktornyj mezhregional'nyj analiz potenciala innovacionnogo razvitiya // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 2. P. 282 – 286.
10. Kashnikova T.V. Social'no-ekonomicheskoe neravenstvo naseleniya v Rossii: prichinno-sledstvennyj analiz i puti sglazhivaniya // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2019. № 4. P. 112 – 115.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Овчаренко доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента,
Георгий Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
Васильевич народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
 (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
 E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Ларкина кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг
Наталья и коммуникации в бизнесе», Южный федеральный университет
Георгиевна (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
 E-mail: nat1-la@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются аспекты становления национальной инновационной системы (НИС) в России на основе инновационных знаний и интеллекта человека, как источника и создателя инновационного развития необщества. Обосновывается значимость и необходимость создания НИС России в условиях кризиса экономики, способствующая созданию новой модели экономики – **инновационной** с учетом формирования инновационной инфраструктуры и функционирования подсистем инновационной сферы с учетом инвестиционной валентности всех регионов.

Ключевые слова: инновационные знания, инновационное развитие, новая модель экономики, национальная инновационная система, инновационные технологии, инновационный климат, глобализация экономики, социальный заказ, интеллектуальная собственность.

Первые теоретические исследования, направленные на разработку **методологических** основ концепции национальной инновационной системы (НИС) были проведены основоположниками теории формирования НИС: К. Фримэн (Институт исследования научной политики, Великобритания), Б.А. Лундвалл (университет г. Упсала, Швеция) и Р. Нельсон (Колумбийский университет, США), проанализировавшими развитие **инновационной деятельности** в различных странах и давшими определение понятия НИС.

В современном мире глобализация экономики определяет **методологию нового познания** управления инновационным развитием **общества** при **понимании** высшей ценностью **знания** за которые идет борьба, так как особенность **критической ситуации** в экономике сейчас состоит в возрастающем противоречии **социального** заказа на **инновационные знания** и их реализации для **социально-инновационного развития НЕОбщества** при приоритетности **социальных механизмов** в контексте **становления** **новой модели экономики в России**.

Фактически формируется **новая парадигма инновационного развития необщества** в России на основе **нанотехнологий, геоинженерии, биотехнологий** и **новых особых знаний** людей, что предопределяет высокую их **значимость наукознания**, которое становится **инновационным ресурсом**, определяющим **создание инновационной системы** с национальной **спецификой** ее структуры в соответствии с **инновационной политикой** государства, создающего необходимые условия для ее **функционирования**, а также стимулирования **инновационной инфраструктуры** в кризисных условиях развития экономики.

С практической точки зрения **НИС** должна **обуславливать объединение** усилий и **взаимовыгодное взаимодействие** государственных и региональных органов управления всех уровней научно-инновационно-технологическими сферами и малого инновационного сектора экономики для **инновационного прорыва** в экономике России на основе:

- создания гибкой доверительной экономической и правовой среды для участников, создающих новшества с учетом защиты интеллектуальной собственности;
- гибкой системы государственной инвестиционной привлекательности всех регионов;
- разработки и применения **отечественных** инновационных технологий.

«В развитых странах **инновационная активность** экономики приобрела характер целенаправленного социально-экономического процесса обуславливающего изменения в структуре факторов производства, что выражается в возрастании их информационной, интеллектуальной и инновационной составляющих» [1].

Практика функционирования НИС развитых стран показывает, что определяющим аспектом **перехода** к экономике **инновационного типа** является создание **собственной национальной научной**

инновационной системы, которая обуславливает создание **инновационных знаний**, как интеллектуального ресурса развития экономики.

С теоретической точки зрения созрело **понимание** того, **как** надо строить новую модель **инновационной системы в России** с применением *новых подходов к интеграции* государства, науки, образования, производства и общества в экономике знаний, предопределяющая **инновационные отношения** в деятельности коллективов всех отраслей промышленности.

Постановление правительства «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2030 года и дальнейшую перспективу», где отмечается, что «НИС должна обеспечить **объединение** усилий государственных органов управления всех уровней, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора экономики в интересах **ускоренного** использования достижений науки и технологий в целях *реализации* стратегических **национальных приоритетов страны**».

На практике в кризисных условиях «**инновационная активность** экономики приобретает характер целенаправленного социально-экономического процесса обуславливающего **инновационные изменения** в структуре факторов производства, что выражается в возрастании их информационной, интеллектуальной и инновационной составляющих» [1], так как **инновационное развитие экономики** определяет создание высокоразвитой технологической, информационно-коммуникационной и социокультурной среды для *психологического равновесия* населения регионов.

Таким образом, национальная инновационная система (НИС) – это «такая совокупность различных институтов, которые совместно и каждый в отдельности вносят свой вклад в создание и распространение новых технологий, образуя основу, служащую правительствам для формирования и реализации политики, влияющей на инновационный процесс. Как таковая – это система взаимосвязанных институтов, предназначенная для того чтобы создавать, хранить и передавать знания, навыки и артефакты, определяющие новые технологии» [2].

Анализируя национальные инновационные системы развитых стран, авторы отмечают, что **инновационное обучение** и создание **инновационных знаний** обуславливают их институциональный аспект, а сама **инновационная система** формируется из доверительных отношений элементов **инновационной сферы** и **инновационной инфраструктуры** [3].

Современные экономические реформы в России обуславливают **становление новой экономики** при обеспечении государством **инновационного развития** всех регионов, реализующих **инновационные знания в отечественные инновационные технологии** при реализации **инновационных программ и проектов**.

Значимость НИС в преодолении кризиса предопределяется, как отмечалось нами ранее, «**объединением** усилий государственных органов управления всех уровней научно-инновационно-технологических центров и инновационного предпринимательского сектора экономики при гибком использовании достижений **науки** и **информационно-цифровых технологий** в целях реализации стратегически-инновационных национальных проектов страны» [4].

На практике **эффективное функционирование** НИС предопределяется интегрированным совершенствованием системы государственной поддержки коммерциализации результатов **интеллектуально-инновационной деятельности** регионов с **обновлением производства** во всех отраслях экономики для создания **инновационной продукции** (услуг), а также **руководителей с инновационным мышлением** в **инновационной деятельности организаций** при сформированной **инновационной культуре** в коллективах, способствующая **инновационной восприимчивости** персонала к **инновационным изменениям** в **инновационных организациях**.

Практика показывает, что функционирование НИС обусловлено **партнерским** взаимодействием научной сети институтов, образующих ее институциональную среду, которая способствует **коммерциализации инноваций** во всех отраслях новой экономики.

Среднесрочная цель Стратегии-2030 сформулирована следующим образом: «... **формирование сбалансированного** сектора исследований, разработок и эффективной **инновационной системы**, обеспечивающих технологическую модернизацию экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе передовых технологий и **превращение научного потенциала** в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста»¹.

При этом **российская научно-инновационная система** должна гибко функционировать с учетом **национальных интересов** на основе элементов взаимовыгодного взаимодействия **инновационной инфраструктуры** и **цифровых информационных технологий** с использованием

¹ Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2030 г. Режим доступа: <http://energetika.onet.ru/index.php&id=67>.

биоинженерии и нанотехнологий в контексте инновационного развития экономики страны при создании региональных инновационных систем (РИС).

Развитие РИС будет определять интеграцию объектов инновационной деятельности как на **мезоуровне**, так и на **микроуровне** при одновременном создании **инновационного климата** для эффективной реализации инновационной активности малого бизнеса в партнерстве с крупными организациями и **наукой** с учетом изменяющихся конкретных потребностей **неообщества**. С одной стороны, **малое инновационное** предпринимательство аккумулирует в себе **векторность** создания инновационного продукта, а с другой стороны, дает **импульс** для становления и наращивания **инновационного потенциала** в организациях способных к инновационному развитию при взаимодействии всех структурных элементов в региональной инновационной системе.

Таким образом, **пришло понимание** того, **как надо** создавать новую модель **инновационного развития России** с применением инновационных подходов при интеграции государства, науки и неообщества, так как новая экономика приобретает черты **экономики инновационных знаний**, которые становятся **интеллектуальным ресурсом** и производительной силой в контексте инновационного развития страны.

Поэтому важным условием **создания** национальной инновационной системы является **обновление** трансформации способов и моделей самой государственной деятельности – это **переход** к гибкой государственной инновационной политике **доверительного партнерства** с наукой, образованием и производством с учетом тенденций **конъюнктуры** и глобализации экономики.

Инновационно-активные организации, составляющие основу национальной инновационной системы, служат **катализатором** инновационного обмена и **источником** реализации инновационной деятельности, определяющая инновационный импульс **инновационной сферы**, генерирующая **новые знания** в **инновационные** [3].

Приоритеты **научно-инновационной политики** государства предопределяются ее интеграцией в систему мировой НИС с ориентацией на **отечественный внутренний рынок** для становления инновационной экономики при формировании **сетевого взаимодействия** всех регионов для реализации **приоритетных инновационных программ и проектов**.

В связи с этим эффективное **функционирование национальной инновационной системы** предопределяет **создание единого инновационного пространства**, включающее в себя науку, образование и неообщество, **генерирующие знания** в **отечественные инновационные технологии**, обеспечивающие **инновационные потребности** общества при решении **задач**:

- **гибкое** инвестирование инновационной сферы и инфраструктуры;
- **реализация** национальных инновационных проектов;
- **создание** малого инновационного бизнеса;
- **инвестиционная привлекательность** регионов.

Создание национальной инновационной системы с учетом международного опыта и ее функционирование определяется **спецификой** инновационного развития регионов на основе **отечественного научно-инновационного комплекса** в контексте создания и применения **инновационных знаний** и **инновационных компетенций** руководителей всех уровней управления для **создания новой модели экономики – инновационного типа**.

В России **научные исследования** в области создания и развития НИС начались во второй половине **XX в.** При этом были детально изучены проблемы формирования НИС при переходе от административно-командной экономики к рыночной с учетом особенностей федеративного устройства государства [5-7].

В ряду российских ученых, стоящих у истоков формирования концепции **национальных инновационных систем**, необходимо, в первую очередь, отметить академика А.И. Анчишкина, вскрывшего экономическую природу **материализации знаний** как **воспроизводственного процесса**, разработавшего комплексную теорию научно-производственного цикла, связавшего **технологическую** сторону **научно-производственной интеграции** с экономическими интересами, который в своей работе **«Наука – техника – экономика»** обосновал **содержание** теоретической концепции национальных инновационных систем [8].

В своих исследованиях Н.И. Иванова отмечает, что **«национальная инновационная система** представляет собой комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих **инновационные процессы** и имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности» [5].

Интенсивность **диффузии** инновационных знаний между элементами национальной инновационной системы определяется **инновационной восприимчивостью** регионов и общества, создающая **инновационный импульс** для реализации **инновационного рывка** в развитии новой экономики.

В последнее время высшие учебные заведения активно взаимодействуют с другими организациями в сфере *инновационной деятельности*. Преобразование знаний в *инновации* в рамках технических университетов предопределило их трансформацию в учебно-научно-инновационные комплексы, имеющие квалифицированные кадры, материально-техническую базу – создание **ЮФУ** на базе РГУ как *центра инновационной активности* при партнерстве с производством и обществом, а **ДГТУ** – подготовка *руководителей-организаторов* в области **АПК**, способных определять приоритеты развития научно-технологической и инновационной деятельности, отвечающих современным потребностям экономики при осуществлении *инновационных программ и проектов* в регионах с применением технологий ВПК с учетом его особенностей, что предопределяет *инновационный тип* развития экономики **России**.

Реализация приоритетов в области *научно-инновационной политики* должна предопределяться на основе *прорывных отечественных технологий*, создавая *инновационные* российские товары-услуги *мирового уровня* качества. *Научно-инновационная кооперация* в рамках российского научно-технического развития имеет пока *линейный* характер, а должен быть *сетевой нелинейной*.

Развитие *национальной инновационной системы* требует усложнения ее структурно-функциональных характеристик (рис. 1), которые создают **единое инновационное пространство**, включающее в себя *инновационные организации, технополисы и инновационные центры, генерирующие знания* для становления *научно-инновационно-технологической системы*, обеспечивающие *инновационные потребности общества*, прежде всего, *внутреннего спроса* [3].

Рис. 1. Институциональная структура НИС

Эффективность *национальной инновационной системы* страны, соответствующая по уровню организации развитым странам, предопределяется:

- наличием инновационных центров по созданию *инновационных знаний* в региональных отраслях экономики;
- уровнем инвестирования инновационных исследований;
- созданием инновационной инфраструктуры в регионах;
- развитием малого инновационного предпринимательства;
- обеспечением инвестиционной привлекательности регионов;
- госрегулированием инновационной сферы.

Инновационная цель создания **НИС** – обеспечение **инновационного развития** новой экономики и **кратное** повышение качества жизни населения на основе реализации **интеллектуального потенциала**, его **генерации** для **трансферта** инновационных знаний и **прорывных отечественных технологий** во все отрасли экономики.

Создание НИС России предопределяет решение аспектов: экологии, социального развития, **воспроизводство бесплатных: медицины, образования и отдыха** всего населения страны.

По мнению авторов, **национальная инновационная система** – это доверительное взаимодействие субъектов и объектов **инновационной сферы** и **инновационной инфраструктуры** в процессе **создания** и реализации **инновационных продукт-услуг** и осуществляющих **инновационную деятельность** в соответствии государственной **инновационной политикой** инновационного развития экономики России.

Актуальна вместе с тем необходимость **государственной** научно-инновационно-технологической политики с учетом разного уровня развития регионов для обеспечения **взаимовыгодных партнерских доверительных отношений** государства, науки, образования, производства и необщества

в создании *новшеств* и их *диффузии* с учетом **особенностей** развития всех *инновационных отраслей* промышленности в регионах.

Анализ значимости *инновационной системы России* показывает, что быстрому развитию НИС препятствует:

- *низкий уровень* инновационной активности регионов и бизнеса;
- *низкий уровень* долевого инвестирования высокоэффективных *инновационных программ* в регионах;
- *отсутствие стимулирования стратегических инвесторов*, вкладывающих средства в наукоемкое, высокотехнологичное производство;
- *некорректное* инвестирование отечественных **инноваторов** и *инновационных фирм* за создание и внедрение новшеств через *инновационные фонды*;
- *отсутствие* инновационных институтов социально-экологических норм;
- *низкий уровень валентности* регионов.

Научный анализ вышеизложенного показывает, как отмечают авторы, что **НИС** – это создание и **взаимоверительное взаимодействие** составляющих *инновационной сферы* и *инновационной инфраструктуры* на основе *инновационных знаний* персонала, *уникальных компетенций* руководителей-организаторов с *инновационным мышлением*, способных их реализовать *инновационный рывок* с учетом национальной специфики *становления инновационной модели экономики* в **России** при партнерстве государства, науки и необщества.

Понимание вышеизложенного руководителями всех уровней управления позволяет **осознать**, что другого пути *развития России* и *выживания* населения **нет**, что подтверждается *инновационной теорией русского ученого Н.Д. Кондратьева*, так как **гносеологически Россия** на этом этапе развития должна развиваться *инновационным путем* [9], основываясь на *научно-инновационное нейромоделирование воздействия* внешних факторов и *неравновесное* социальное состояние внутренней среды организации (регионов).

Представляется правомерным и *актуальным* утверждение академика **Д.С. Львова**, что «наиболее *слабым звеном* в решении проблем является экономическая сторона, экономические условия, обеспечивающие государственность России» [10].

Так в своих исследованиях академик **В.В. Иванов** отмечает, что «уникальное разнообразие территорий России определяет на начальном этапе *перехода к инновационному развитию* *решение* двух задач:

- *выработка* принципов формирования политики инновационного развития регионов в рамках **единой стратегии** инновационного развития страны;
- *разработка* конкретных *инновационных программ* и **стратегии** развития, учитывающих территориальные особенности» [11].

Однако, авторы отмечают, что **Стратегия государственной инновационной политики** должна разрабатываться с учетом *интересов* всех уровней управления экономики, что позволит формированию *региональных инновационных систем*.

Уровень эффективности **региональных инновационных систем** определяется:

- *высоким уровнем* жизнедеятельности населения;
- *созданием* инновационных центров;
- *инновационно-инвестиционной валентностью*;
- *формированием* инновационной инфраструктуры;
- *инновационной активностью* отраслей промышленности;
- *умением* руководителей взаимодействовать с другими регионами по реализации инновационных проектов;
- *созданием* инновационно-социально-экологической среды;
- *отсутствием* безработицы;
- *инновационным мышлением* руководителей региона;
- *реализацией* отечественных инновационно-цифровых технологий во всех отраслях.

Практическая реализация вышеназванных аспектов позволит создать **региональный инновационный потенциал (РИП)**, определяющий не только *инновационное* развитие региона, но и формирование *инновационной культуры* региона на **нравственном** уровне *социально-экологических аспектов* для *психологического равновесия* в обществе, учитывая национально-территориальный *менталитет* и *традиции* населения, так как качество уровня жизни человека определяется уровнем **инновационно-социального** развития, что требует *уникально-гибкого* подхода его решения с учетом *демографического* состояния и *образовательного* уровня.

В своем послании Федеральному собранию Президент РФ отмечал, что главная задача государственного аппарата и элиты России *инновационное управление* страной в современном обществе.

Таким образом **человек** в своей жизнедеятельности создает **интеллектом новое нравственное** пространство жизни на основе **инновационной культуры**, определяющей *инновационно-гуманные традиции*, то есть реализуется **синергия творческого саморазвития** всего общества с *гуманистической парадигмой* социально-экологического духовного жития.

Литература

1. Оголева Л.Н. Инновационный менеджмент: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 238 с.
2. Гохберг Л. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. 2003. №3. С. 26 – 44.
3. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Учебник / ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону, 2019. 333 с.
4. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г., Мелихова Б.С., Овакимян М.А. Инновационные знания – ключевой вектор развития современной организации: монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 138 с.
5. Иванова Н.И. Национальные инновационные системы. М., 2012. 244 с.
6. Иванов В.В. Национальные инновационные системы: теория и практика формирования. М., 2004. 186 с.
7. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М., 2006. 396 с.
8. Анчишкин А.И. Наука-техника-экономика. М.: Экономика, 1989. 386 с.
9. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
10. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов; Отд. экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 793 с.
11. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI. – 2-е изд., доп. М.: Наука, 2015. 383 с.

Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Larkina Nataliya Georgievna, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra “Marketing and Communications in Business”, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: nat1-la@yandex.ru

INSTITUTIONALIZATION OF THE FORMATION OF A NATIONAL SCIENTIFIC AND INNOVATIVE SYSTEM IN RUSSIA

Abstract

The article analyzes the aspects of formation of NIS in Russia on the basis of innovative knowledge and human intelligence as a source and Creator of innovative development of the neo-society. The importance and necessity of creation of NIS of Russia in the conditions of crisis of economy promoting creation of new model of economy – innovative taking into account formation of innovative infrastructure and functioning of subsystems of the innovative sphere taking into account investment valence of all regions is proved.

Keywords: *innovative knowledge, innovative development, new model of economy, national innovation system, innovative technologies, innovative climate, globalization of economy, social order, intellectual property.*

References

1. Ogoleva L.N. Innovacionnyj menedzhment: uchebnoe posobie. M.: INFRA-M, 2010. 238 p.
2. Gohberg L. Nacional'naya innovacionnaya sistema Rossii v usloviyah «novoj ekonomiki» // Voprosy ekonomiki. 2003. №3. P. 26 – 44.
3. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Uchebnik / YURIU RANHiGS, Rostov-na-Donu, 2019. 333 p.
4. Ovcharenko G.V., Larkina N.G., Melihova B.S., Ovakimyan M.A. Innovacionnye znaniya – klyuchevoj vektor razvitiya sovremennoj organizacii: monografiya. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2018. 138 p.
5. Ivanova N.I. Nacional'nye innovacionnye sistemy. M., 2012. 244 p.
6. Ivanov V.V. Nacional'nye innovacionnye sistemy: teoriya i praktika formirovaniya. M., 2004. 186 p.
7. Golichenko O.G. Nacional'naya innovacionnaya sistema Rossii: sostoyanie i puti razvitiya. M., 2006. 396 p.
8. Anchishkin A.I. Nauka-tehnika-ekonomika. M.: Ekonomika, 1989. 386 p.
9. Kondrat'ev N.D. Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 2002. 767 p.
10. Put' v XXI vek: strategicheskie problemy i perspektivy rossijskoj ekonomiki / Ruk. avt. koll. D.S. L'vov; Otd. ekon. RAN; nauch.-red. sovet izd-va «Ekonomika». M.: OAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 1999. 793 p.
11. Ivanov V.V. Innovacionnaya paradigma XXI. – 2-e izd., dop. M.: Nauka, 2015. 383 p.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КОМПАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТА МАРКЕТИНГОВОЙ HR-СТРАТЕГИИ

Пржедецкая доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный
Наталья экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
Витовна ул. Б. Садовая, 69). E-mail: nvpr@bk.ru
Жуков аспирант, Ростовский государственный экономический университет
Дмитрий (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69).
Сергеевич E-mail: z@alibaba-service.ru

Аннотация

Статья решает проблему неполного раскрытия возможностей генерирования бизнес-выгоды из управления человеческими ресурсами в российской «экономике знаний» из-за несовершенства подхода к данному управлению. Для решения поставленной проблемы автором предлагается в качестве альтернативы сложившемуся подходу материального стимулирования труда маркетинговый подход, предполагающий стратегическое управление человеческими ресурсами с применением методов нематериального стимулирования труда и обеспечивающий преимущество для компании в виде укрепления ее имиджа. Статья нацелена на определение перспективных современных методов формирования имиджа компании как элемента ее маркетинговой HR-стратегии. Для этого проводится регрессионный и корреляционный анализ и экономико-математическое моделирование международного опыта формирования имиджа компании как элемента ее маркетинговой HR-стратегии. В итоге предлагаются рекомендации по использованию успешного международного опыта для укрепления имиджа российских компаний как элемента их маркетинговых HR-стратегий.

Ключевые слова: формирование имиджа компании, человеческие ресурсы (HR), маркетинговая HR-стратегия, международный опыт, компании России, трудовое законодательство, бизнес-менеджмент, внедрение инноваций, стимулирование труда.

Introduction (Введение)

В условиях сформированной в России «экономики знаний» повсеместно подчеркивается и признается значимость человеческих ресурсов (human resources, HR). Уникальность деловой среды в условиях «экономики знаний» подчеркивается в работах таких ученых, как Д.Е. Бекбергенева [1], А.А. Копылова [6], В.Л. Супоницкий, М.И. Кутернин, Я.Д. Вишняков [8], А.В. Боговиз, С.В. Лобова [9] и Е.Г. Popkova [10, 11].

Повышенная ценность и стратегическая значимость человеческих ресурсов (HR) отмечается и обосновывается в трудах таких авторов, как Е.С. Буракова, Т.Д. Самойлова [2], П.А. Климова [3], Д.В. Когтева, Р.Э. Акопян [4], И.А. Кондаурова, В.В. Жильченкова, В.А. Геммерлинг [5] и З.Ю. Пронина [7]. Тем не менее, сохраняется неопределенность в отношении того, каким образом человеческие ресурсы создают преимущества для компаний, что является пробелом в современной концепции бизнес-менеджмента персонала.

Как показывает практика, большинство российских компаний осуществляют управление человеческими ресурсами через, во-первых, детеневизацию и соблюдение трудового законодательства и, во-вторых, стимулирование труда, преимущественно материальное. Это создает ограниченную и не всегда ощутимую ценность для компании. Проблема заключается в том, что возможности генерирования бизнес-выгоды из управления человеческими ресурсами в российской «экономике знаний» реализуются не полностью (а лишь в малой доле) из-за несовершенства подхода к данному управлению.

В этой статье выдвигается гипотеза о том, что перспективной альтернативой сложившемуся подходу материального стимулирования труда является маркетинговый подход, предполагающий стратегическое управление человеческими ресурсами с применением методов нематериального стимулирования труда и обеспечивающий преимущество для компании в виде укрепления ее имиджа.

Цель статьи состоит в определении перспективных современных методов формирования имиджа компании как элемента ее маркетинговой HR-стратегии. Для достижения поставленной цели решаются две исследовательские задачи:

- анализ и экономико-математическое моделирование международного опыта формирования имиджа компании как элемента ее маркетинговой HR-стратегии;
- использование международного опыта для укрепления имиджа российских компаний как элемента их маркетинговых HR-стратегий.

Materials and methods (Материалы и методы)

Для изучения ведущего мирового опыта сформирована выборка этого исследования, включающая в себя страны, компании из которых представлены в рейтинге самых уважаемых компаний в мире за 2021-й год от Fortune¹. В списке стран выборки на рис. 1 в скобках указана компания (международное название на английском языке), занимающая наилучшее положение в указанном рейтинге среди компаний из выбранной страны, а также отображено место этой компании в рейтинге за 2021-й год. Также в выборку стран включена Россия, хотя отечественные компании не вошли в рейтинг за 2021-й год.

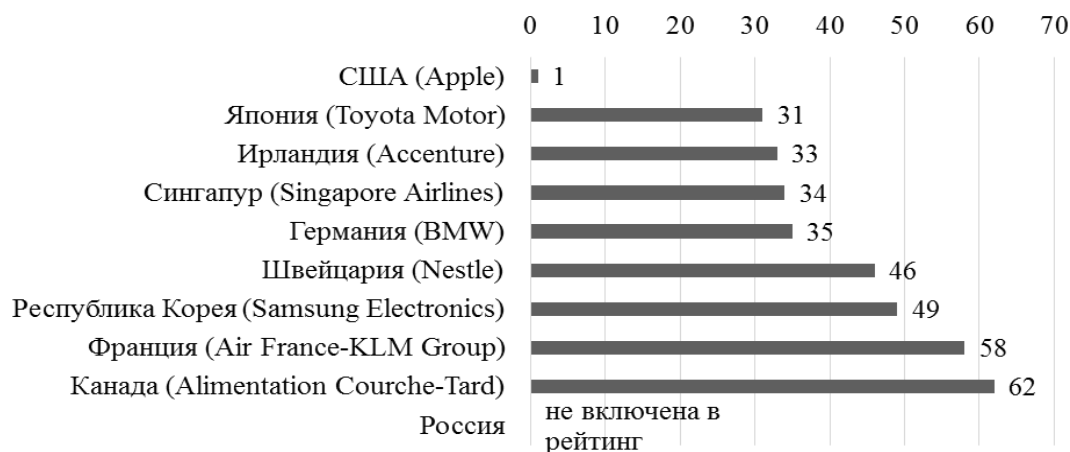

Рис. 1. Выборка стран с самыми уважаемыми компаниями в мире и Россией в 2021 г.²

Для верификации выдвинутой гипотезы с помощью методов корреляционного и регрессионного анализа определяется зависимость имиджа компании (стоимостной оценки брендов 5000 глобальных компаний страны: 7.1.2) от применения различных доступных методов формирования имиджа компании как элемента маркетинговой HR-стратегии, среди которых: обеспечение знаниеемкой занятости (5.1.1), корпоративное обучение (5.2.1), прием на работу женщин (5.1.5), финансирование и внедрение инноваций (5.1.4) и раскрытие исследовательских талантов работников (5.3.5).

Все показатели взяты из официальной международной статистики WIPO³ за 2020-й год, в скобках указаны порядковые номера показателей из соответствующего доклада. Данные по странам выборки систематизированы в табл. 1.

Таблица 1

Методы формирования имиджа компании как элемента маркетинговой HR-стратегии и стоимостная оценка имиджа (бренда топ-5000 компаний) в странах выборки в 2020 г.⁴

Страна	Имидж компании (7.1.2), % ВВП	Методы формирования имиджа компании				
		Обеспечение знаниеемкой занятости (5.1.1), %	Корпоративное обучение (5.2.1), баллы 1-100	Прием на работу женщин (5.1.5), %	Финансирование и внедрение инноваций (5.1.4), %	Раскрытие исследовательских талантов работников (5.3.5), %
США	203,3	48,0	75,7	26,8	62,4	71,3
Япония	146,2	24,8	62,4	21,8	79,1	74,4
Ирландия	70,0	43,4	67,3	26,3	52,2	48,3
Сингапур	132,3	56,9	71,3	35,1	52,2	49,9
Германия	143,4	45,2	70,7	13,5	66,2	60,4
Швейцария	234,5	53,8	77,5	19,5	68,6	49,7
Республика Корея	156,9	39,5	57,4	19,3	76,6	82,0
Франция	178,0	45,6	58,5	22,5	56,1	62,3
Канада	133,2	43,7	65,9	18,2	41,1	56,7
Россия	49,6	44,1	46,8	26,2	29,5	44,2

¹ World's Most Admired Companies [Электронный ресурс]. – Fortune. – Режим доступа: <https://fortune.com/worlds-most-admired-companies/2021/search/?ordering=asc> (data accessed: 04.02.2021).

² Там же.

³ Global Innovation Index 2020 [Электронный ресурс]. – WIPO. – Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (data accessed: 04.02.2021).

⁴ Там же.

Results (Результаты)

В результате корреляционного анализа данных из табл. 1 получены следующие результаты (рис. 1).

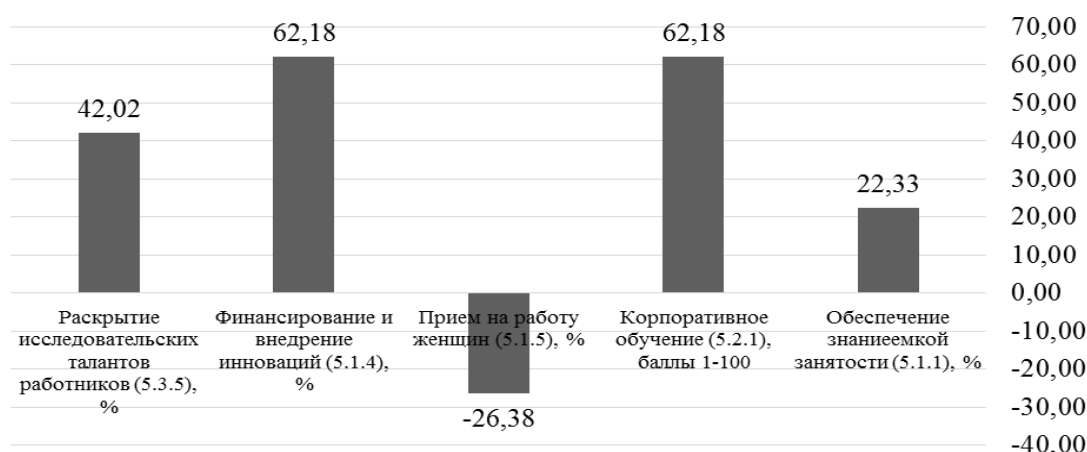

Рис. 2. Корреляция имиджа компании с применением доступных методов его формирования как элемента маркетинговой HR-стратегии, %

Источник: авторский.

В соответствии с рис. 2 прием на работу женщин не вносит вклад в укрепление имиджа современных компаний (об этом свидетельствует отрицательная корреляция) и потому исключается из дальнейшего моделирования. С учетом отобранных факторов получена следующая регрессионная модель:

$$y = -286,67 + 3x_1 + 1,67x_2 + 1,36x_3 + 1,82x_4 \quad (1)$$

Согласно полученной модели, повышение знаниеемкой занятости (x_1) на 1% приводит к укреплению имиджа компаний на 3% ВВП. Развитие корпоративного обучения (x_2) на 1 балл приводит к укреплению имиджа компаний на 1,67% ВВП. Увеличение финансирования и внедрения инноваций (x_3) на 1% приводит к укреплению имиджа компаний на 1,36% ВВП. Повышение раскрытия исследовательских талантов работников (x_4) на 1% приводит к укреплению имиджа компаний на 1,82% ВВП.

Discussion (Обсуждение)

Чтобы использовать успешный международный опыт для укрепления имиджа российских компаний методом автоматической компьютерной подстановки различных значений факторных переменных (x_1 - x_4) в модель (1) найдено одно из Парето-оптимальных их сочетаний, при котором в России достигается такая же высокая стоимость брендов 5000 крупнейших международных компаний, что и у лидера выборки по этому показателю (234,5% ВВП, США), что наглядно демонстрирует рис. 3.

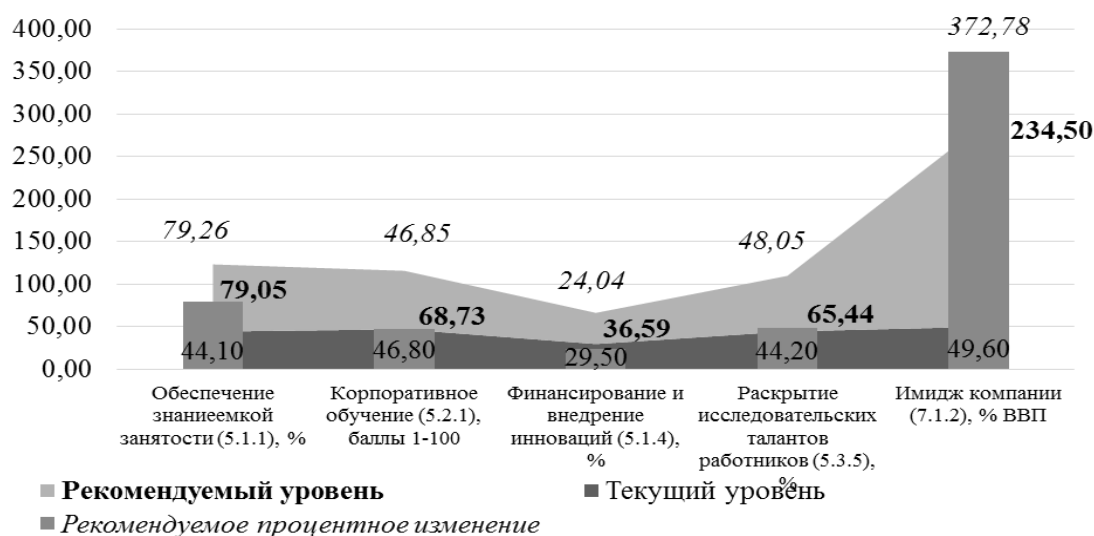

Рис. 3. Перспективный Парето-оптимум использования международного опыта для укрепления имиджа российских компаний как элемента их маркетинговых HR-стратегий

Источник: авторский.

Conclusion (Заключение)

Итак, международный опыт показал, что прием на работу женщин является доступным, но не действенным методом формирования имиджа компании как элемента маркетинговой HR-стратегии, а наиболее перспективными являются такие методы как с обеспечение знаниеемкой занятости, корпоративное обучение, финансирование и внедрение инноваций, а также раскрытие исследовательских талантов работников.

На основе результатов экономико-математического моделирования успешного международного опыта применения этих методов выявлено, что при повышении их уровня до рекомендованных значений (знаниеемкой занятости на 79,296% до 79,05%, корпоративного обучения на 46,85% до 68,73 баллов, финансирования и внедрения инноваций на 24,04% до 36,59%, а также раскрытия исследовательских талантов работников на 48,05% до 65,44%) обеспечит укрепление имиджа российских компаний на 372,78% до 234,50% ВВП (аналогично мировому лидеру – США в 2020 г.). Это подтверждает действенность и перспективность предложенных современных методов формирования имиджа компании как элемента маркетинговой HR-стратегии в России.

Литература

1. Бекбергенова Д.Е. Подходы к содержанию и точки роста экономики знаний в цифровизации региональной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1 (61). С. 27 – 29.
2. Буракова Е.С., Самойлова Т.Д. Человеческие ресурсы как источник конкурентного преимущества наряду с другими ресурсами компании // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 458 – 460.
3. Климова П.А. Анализ состояния управления человеческими ресурсами как составляющей человеческого потенциала // Менеджер. 2020. № 2 (92). С. 190 – 196.
4. Когтева Д.В., Акопян Р.Э. Управление человеческими ресурсами. Человеческий капитал // Modern Science. 2020. № 11-3. С. 99 – 103.
5. Кондаурова И.А., Жильченкова В.В., Геммерлинг В.А. Развитие человеческих ресурсов в системе управления человеческим капиталом предприятия // Друkerовский вестник. 2020. № 1 (33). С. 208 – 215.
6. Копылова А.А. Экономика знаний как этап развития постиндустриальной экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 6. С. 297 – 300.
7. Пронина З.Ю. Экономика знаний: от управления человеческими ресурсами к управлению человеческим капиталом // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 4-2 (38). С. 109 – 111.
8. Супоницкий В.Л., Кутернин М.И., Вишняков Я.Д. Создание активного элемента новой отрасли экономики знаний – цифровой экономики // Вестник университета. 2020. № 4. С. 99 – 106.
9. Bogoviz A.V., Lobova S.V., Popkova E.G. Transformational leadership as a factor in the success of knowledge-intensive companies // В сборнике: MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. С. 10001.
10. Popkova E.G. A new treatment of quality of goods and services in the conditions of the knowledge economy: opposition of traditions and innovations // International Journal for Quality Research. 2020. Т. 14. № 2. С. 329 – 346.
11. Popkova E.G. Preconditions of formation and development of industry 4.0 in the conditions of knowledge economy // Studies in Systems, Decision and Control (см. в книгах). 2019. Т. 169. С. 65 – 72.

Przhedetskaya Natalia Vitovna, Doctor of Economics, professor, Rostov state economic university (RINH) (69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: nvpr@bk.ru

Zhukov Dmitry Sergeevich, Graduate Student, Rostov state economic university (RINH) (69, B. Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: z@alibaba-service.ru

MODERN METHODS OF SHAPING A COMPANY'S IMAGE AS AN ELEMENT OF MARKETING HR STRATEGY

Abstract

The article solves the problem of incomplete disclosure of opportunities for generating business benefits from human resource management in the Russian "knowledge economy" due to the imperfect approach to this management. To solve this problem, the author proposes, as an alternative to the existing approach of material incentives for labor, a marketing approach that involves strategic management of human resources using methods of non-material incentives for labor and provides an advantage for the company in the form of strengthening its image. The article is aimed at identifying promising modern methods of forming a company's image as an element of its marketing HR strategy. For this, regression and correlation analysis and economic and mathematical modeling of the international experience of forming a company's image as an element of its marketing

HR strategy are carried out. As a result, recommendations are offered on the use of successful international experience to strengthen the image of Russian companies as an element of their marketing HR strategies.

Keywords: *formation of the company's image, human resources (HR), marketing HR strategy, international experience, Russian companies, labor legislation, business management, innovation, labor incentives.*

References

1. Bekbergeneva D.E. Podhody k sodержaniyu i tochki rosta ekonomiki znaniy v cifrovizacii regional'noj ekonomiki // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2020. № 3-1 (61). P. 27 – 29.
2. Burakova E.S., Samojlova T.D. Chelovecheskie resursy kak istochnik konkurentnogo preimushchestva naryadu s drugimi resursami kompanii // *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. 2020. № 1. P. 458 – 460.
3. Klimova P.A. Analiz sostoyaniya upravleniya chelovecheskimi resursami kak sostavlyayushchej chelovecheskogo potentsiala // *Menedzher*. 2020. № 2 (92). P. 190 – 196.
4. Kogteva D.V., Akopyan R.E. Upravlenie chelovecheskimi resursami. Chelovecheskij kapital // *Modern Science*. 2020. № 11-3. P. 99 – 103.
5. Kondaurova I.A., ZHil'chenkova V.V., Gemmerling V.A. Razvitie chelovecheskih resursov v sisteme upravleniya chelovecheskim kapitalom predpriyatiya // *Drukerovskij vestnik*. 2020. № 1 (33). P. 208 – 215.
6. Kopylova A.A. Ekonomika znaniy kak etap razvitiya postindustrial'noj ekonomiki // *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki*. 2020. № 6. P. 297 – 300.
7. Pronina Z.YU. Ekonomika znaniy: ot upravleniya chelovecheskimi resursami k upravleniyu chelovecheskim kapitalom // *EvrAzijskoe Nauchnoe Ob"edinenie*. 2018. № 4-2 (38). P. 109 – 111.
8. Suponickij V.L., Kuternin M.I., Vishnyakov YA.D. Sozdanie aktivnogo elementa novoj otrasli ekonomiki znaniy – cifrovoj ekonomiki // *Vestnik universiteta*. 2020. № 4. P. 99 – 106.
9. Bogoviz A.V., Lobova S.V., Popkova E.G. Transformational leadership as a factor in the success of knowledge-intensive companies // *V sbornike: MATEC Web of Conferences. electronic edition*. 2018. P. 10001.
10. Popkova E.G. A new treatment of quality of goods and services in the conditions of the knowledge economy: opposition of traditions and innovations // *International Journal for Quality Research*. 2020. T. 14. № 2. P. 329 – 346.
11. Popkova E.G. Preconditions of formation and development of industry 4.0 in the conditions of knowledge economy // *Studies in Systems, Decision and Control (sm. v knigah)*. 2019. T. 169. P. 65 – 72.

УДК 35

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-64-70

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В ПРОЦЕССЕ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Просандеева Тамара Ирановна кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и предпринимательства, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48).
E-mail: tamara.prosandeewa@yandex.ru

Ляхов Андрей Викторович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: andrei99999@mail.ru

Стеценко Владимир Вадимович аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: rch7666@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы рационального формирования и использования кадрового потенциала в системе образования. Исследуются вопросы элитогенеза в контексте воспроизводства управленческих кадров и повышения качества их функционирования, в частности, в рамках муниципальной системы образования.

Ключевые слова: *система образования, социально-экономический прогноз, управленческие кадры, модернизация системы образования, ландшафт инноваций в системе подготовки кадров, элитогенез, культурный императив в рамках воспроизводства субъектов системы управления.*

Современный мир переживает радикальные и болезненные трансформации, связанные с изменениями многих фундаментальных систем ценностей. Существующие риски изоляции экономики, тенденции к спаду ВВП России и, как следствие, возможное относительное снижение финансирования системы образования и науки, обостряют потребность в модернизации системы образования.

Важный фактор, обладающий возможностью противостояния служить основой демпфирования существующих угроз, – создание и улучшение условий для воспроизводства качественного человеческого капитала, т.е. способных к самореализации и функционированию в новых социально-экономических условиях специалистов, сочетающих в себе высокий уровень культуры, образованности и профессиональной компетентности. В этой связи, усиливается необходимость совершенствования и повышения эффективности управления системой образования, что, в свою очередь, обуславливает актуальность предметного и глубокого ее исследования в контексте поиска «точек роста» ее развития.

Возрастающая роль муниципальных органов управления в аспекте обогащения ландшафта инноваций как предпосылки повышения продуктивности функционирования системы образования обуславливает необходимость повышения качества управленческих кадров – квалифицированных специалистов. Формирование кадрового резерва на замещение муниципальных должностей компетентными кадрами, соответствующих квалификационным требованиям, обеспечит решение ряда вопросов и задач, установленных Федеральным законом № 131-ФЗ Федеральный закон от 06.10.2003 (ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и иными законами.

Развитие административно-управленческого и человеческого потенциала управленцев (кадрового состава местного самоуправления) является значимым вкладом в ценный воспроизводимый ресурс укрепления жизнеспособности общества и государства.

В современных условиях особую важность приобретает проблема повышения качества российской элиты, что обусловлено дефицитом управленческих кадров, действующих в рамках ценностно-смысловой парадигмы, заданной актуальными потребностями развития государства и общества.

Данная проблематика серьёзно рассматривается в трудах, в частности, российских политологов, занимающихся вопросами формирования российской управленческой элиты в рамках актуального политологического дискурса.

Российский исследователь В.Э. Багдасарян указывает на недостаток в элитном капитале гражданско-патриотических, ценностных ориентиров, направленности на достижение прорыва в развитии российского государства и социума. Учёный довольно справедливо констатирует материальную и ценностную зависимость российской политической элиты от западных стран, доминирование эгоистичных стремлений, дефиците нравственности, отдалённости от народа, высоком уровне бюрократизма и коррумпированности [1].

Один из самых авторитетных российских исследователей региональной элиты А.В. Понеделков отмечает, что российские управленцы должны обладать профессионализмом, образованностью, высокой нравственностью, патриотизмом [2].

Рассматривая смену модели воспроизводства управленческих кадров, известный российский элитолог А.М. Старостин заявил о важности выработки ценностно-смыслового вектора в контексте развития элитного потенциала [4].

Отечественный публицист С.Г. Кара-Мурза заявляет о важности актуализации в контексте совершенствования элиты таких доминант как самобытное культурное ядро, центральная мировоззренческая матрица русского народа, русское самосознание, духовные ценности, коллективная память, национальный тип мышления [13].

В свете рассмотренных выше позиций, рефлексивный контур которых воплощен нами в своего рода «авторском преломлении», считаем целесообразным отметить, что в пространстве формирования российской элиты должны возобладать меритократические тенденции, предполагающие объединение в политической/управленческой элите как профессионально-компетентных качеств, так и нравственно-ценностных императивов акторов управленческой деятельности.

В этом контексте полагаем важным обеспечить связь образовательной составляющей в подготовке управленцев с культурно-ценностной и просветительской «нишами», что обусловлено законодательным закреплением рассматриваемых направлений деятельности в актуальном нормативно-правовом ландшафте развития отечественной системы образования; в российском законодательстве, как известно, не так давно зафиксированы понятия «просвещение» и «просветительская деятельность», что является, на наш взгляд, своевременной инициативой в рамках обсуждения «точек роста» подготовки управленческих кадров. По нашему мнению, примером эффективных мер, предпринимаемых государством в контексте выстраивания, в частности, института «социальных лифтов», выступают такие инициативы, как молодежные форумы «Таврида», «Селигер», государственная программа «Лидеры России», в ходе которых формируются управленческие компетенции, лидерские качества и активная гражданская позиция мотивированной на личностное и профессиональное развитие молодежи России.

Процесс модернизации системы образования является одной из важнейших составляющей проводимых социально-экономических реформ, определяющий, тем самым, новую организационно-экономическую модель системы образования Российской Федерации, требующую проведения процессов институционализации преобразований на каждом из законодательно закрепленных уровней системы управления образованием в целом.

Вопрос о необходимости разработки новых теоретико-методологических основ управления развитием системы образования муниципалитета, обеспечивающей взаимодействие органов исполнительной и законодательной власти в целях повышения качества образования и профессионального развития, ориентированного на удовлетворение запросов личности и общества, является актуальным и требующим особого внимания.

Главным ресурсом для развития системы образования муниципалитета является совокупный ресурс всей территории – экономический, организационный, социокультурный и т.д.

Система образования, объединяющая институциональные структуры (учреждения различных уровней образовательной системы) является важнейшим измерением социально-экономического развития территории, в которой используются различные виды ресурсов.

Из основных положений концепции человеческого потенциала следует, что расходы на образование являются инвестициями с различными, преимущественно длительными, сроками окупаемости. Таким образом, вопросы оптимизации бюджетных расходов и затрат организаций, связанных с образованием (подготовкой кадров), являются приоритетными в рамках установления связи данных инвестиционных затрат и критериев оценки эффективности системы образования в целом.

В настоящее время значимость образования как социального института является неоспоримой. В значительной степени, именно от уровня качества и эффективности образования зависит перспективы развития государства в целом, что обуславливает необходимость модернизации системы образования на всех ее уровнях (муниципальном, региональном и федеральном).

Целенаправленная последовательная модернизация системы образования подразумевает согласование краткосрочных и долгосрочных государственных приоритетов, которые, соответственно, отражаются в концепциях социально-экономического развития Российской Федерации. Таким образом, принимая решение о развитии высшего образования, государство должно обеспечить и рабочие места для высококвалифицированных специалистов. В противном случае оно готовит их для экономик других государств. Наоборот, сокращение расходов на образование, оправдываемое отсутствием рабочих мест для специалистов, ограничивает возможности развития страны [3].

При конструировании и структурировании содержания образования должна учитываться специфика регионального образовательного пространства, которое способно сфокусировать внимание на образовательных потребностях и интересах жителей.

В рамках проведения анализа системы образования на муниципальных уровнях нами было осуществлено изучение деятельности и оценки функциональной нагрузки учреждений, входящих в структуру органа управления образованием конкретного муниципального образования – Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района Ростовской области.

Проведенный анализ деятельности Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района, а также подведомственных ему учреждений (МБУ «Информационно-Аналитический Центр Развития Образования» (МБУ «ИАЦРО»), МБУ «Расчетный Центр» (МБУ «РЦ»), 23 общеобразовательных учреждения, 23 дошкольных образовательных учреждения и 2 учреждения дополнительного образования детей) позволил выявить ряд факторов, оказывающих негативное воздействие на работу системы образования в целом.

В рамках разработки предложений по модернизации деятельности Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района были подготовлены две Проектные модели Структуры Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района:

1) Ребрендинг МБУ «ИАЦРО», входящего в структуру Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района, в рамках переименования учреждения в МБУ «Центр по контролю качества образования».

Включение в наименование МБУ «Центр по контролю качества образования» дефиниции «ЦЕНТР» позволит в значительной мере усилить смысловую составляющую функциональной задачи создания данного учреждения как единой площадки воспитательно-образовательного пространства в рамках деятельности всех подведомственных образовательных учреждений Матвеево-Курганского района.

2) Реорганизация МБУ «ИАЦРО», входящего в структуру Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района, в рамках передачи всех его полномочий Отделу образования Администрации Матвеево-Курганского района.

Важно отметить, что в условиях существующего дефицита бюджетных средств, решение вопроса определения приоритетов при финансировании объектов, конечных целей и задач инвестиций, основываясь на оценке экономической и социальной эффективности проектов, является крайне затруднительным, но, очевидно, стратегически важным, в том числе в контексте поиска «точек роста» повышения продуктивности деятельности управленческих кадров.

Своевременно вносимые корректировки в деятельность структурных подразделений органов местного самоуправления позволят выйти на новый, более высокий, уровень в рамках повышения эффективности использования муниципального имущества и организации учебно-воспитательного процесса, а также создания современной материально-технической базы за счет привлеченных финансовых ресурсов.

«Оценка качества образования» в контексте деятельности Отдела образования Администрации Матвеево-Курганского района подразумевает оценку образовательных достижений обучающихся, качества образовательных программ, условий реализации образовательного процесса, как в каждом конкретном образовательном учреждении, так и деятельности всей образовательной системы муниципалитета, в целом.

Таким образом, содержательно-смысловой фон реализации программы в рамках обеспечения прозрачной и объективной «оценки качества образования» имманентным образом предусматривает необходимость рефлексии над возможностями консолидации усилий специалистов различного профиля в рамках мониторинга и диагностики образовательных достижений обучающихся, организацию и проведение экспертно-аналитических мероприятий применительно к комплексной оценке деятельности образовательных организаций, разработку и обогащение программ повышения квалификации управленцев и педагогических работников, разработку методических рекомендаций, контроль и развитие школьного (дошкольного) здравоохранения.

В рамках работ по модернизации структуры органов муниципального образования весьма актуальной задачей, на наш взгляд, является создание постоянно действующей образовательно-просветительной площадки с целью повышения качества подготовки высококвалифицированных специалистов на основе совершенства практических и коммуникативных компетенций обучающихся; при этом важной целью образовательно-просветительной площадки является создание пространства для выстраивания продуктивного сотрудничества представителей научного и образовательного сообщества, формирование экосистемы партнерства вузов, органов управления образованием и сегментов образовательного пространства муниципалитета.

Полагаем, формирование и развитие экосистемы партнерства (муниципалитетов, региона, государства) будет способствовать повышению эффективности функционирования системы образования, кроме того, создаст условия для оптимизации организационных ресурсов и финансовых затрат и, на основе внедрения системы моделирования социально-экономических явлений, позволит в реальной степени понять значимость мультипликативного эффекта образовательной составляющей как инвестиционной компоненты.

В современных условиях сфера образования, являющаяся «поставщиком» кадров, является приоритетным направлением государственной социально-экономической политики высокоразвитых стран. Вектором развития системы образования стали стратегические цели развития страны, которые были сформулированы в «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Минэкономразвития России).

В этой связи отметим, что в настоящее время с целью реализации социально-экономической политики на уровне муниципальных образований применяется программно-целевой подход, сущность которого заключается в формировании системы программ социально-экономического развития территории.

Программно-целевой подход предусматривает разработку плана в виде программы, которая, в свою очередь, представляет совокупность задач, мероприятий, увязанных между собой в пространстве и во времени, и ресурсного обеспечения для достижения единой цели. Концепциями социально-экономического развития территорий предусматривается решение социально-экономических проблем определенной территории, планирование развития и построение модели эффективного муниципального управления¹.

В рамках формирования целостного представления о деятельности муниципальных образований с различным ресурсным потенциалом гамии проведен анализ следующих нормативно-правовых актов:

¹ <https://schetuchet.ru/strategicheskoe-planirovanie-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-municipalnogo-obrazovaniya/>

1. Постановление Администрации города Таганрога от 19.01.2021 № 53 «О внесении изменения в постановление Администрации города Таганрога от 07.11.2018 № 2098 «О прогнозе социально-экономического развития города Таганрога на долгосрочный период 2019 – 2030 годов».

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 г. № 2464-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2024 года».

3. Закон Кемеровской области от 26 декабря 2018 г. N 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» (принят постановлением Совета народных депутатов Кемеровской области от 21 декабря 2018 г.)¹;

4. Постановление Правительства Сахалинской области от 24.12.2019 № 618 «Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2035 года»²;

5. Закон Ставропольского края от 27.12.2019 года № 110-кз «Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года»;

6. «Сыктывдинский» Республика Коми от 02.09.2020 № 53/9-1 «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования муниципального района «Сыктывдинский» на период до 2035 года»;

7. Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. N 3930-КЗ "О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года".

Анализ информационного содержания Стратегий социально-экономического развития вышеуказанных регионов и муниципалитетов позволяет сделать вывод о том, что главная целевая направленность стратегического планирования заключается в формировании комфортной и благоприятной среды для проживания населения, фокусируясь на поиске путей решения наиболее острых социальных проблем. В рамках усиления взаимодействия органов законодательной и исполнительной властей с органами муниципальной системы образования основные направления действий по реализации Стратегий детализируются в Планах мероприятий, с обязательным указанием ответственных исполнителей, а также ожидаемых (прогнозных) результатов реализации.

Таким образом, основная работа по обеспечению выполнения положений Стратегии согласовывается с контролем по реализации Плана мероприятий и государственных (региональных, муниципальных) программ, обеспечивая взаимосвязь и регулярное внесение скоординированных обновлений Стратегий, Плана мероприятий и государственных (региональных, муниципальных) программ.

В условиях модернизации российской системы образования актуализируется проблема подготовки управленческих кадров, «приближения» их в рамках территорий к реальной практической деятельности. Это соответствует Федеральной государственной политике по реализации системных приоритетов, содержащихся в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. в части развития кадрового потенциала различных территорий.

Таким образом, подводя промежуточный итог репрезентируемого этапа нашего комплексного исследования, отметим, что в качестве основ проектирования муниципальной модели в рамках решения многоаспектных задач повышения качества функционирования муниципальной системы образования в контексте конструирования ландшафта развития ее управленческого потенциала как одной из важнейших «точек роста», выступают следующие принципиально важные направления:

- усиление экспертно-аналитических аспектов деятельности в рамках формирования экосистемы партнерства муниципалитета в контексте создания условий для внедрения, в частности, продуктивного инструментария организационно-методического и научно-исследовательского сопровождения этой работы со стороны вузов в рамках муниципалитета;

- развитие платформы стратегического планирования / стратегического управления системой образования муниципалитета, предусматривающей, в частности, внедрение инструментария оценки кратко – и (или) долгосрочной потребности в педагогических кадрах в узком (в части конкретной образовательной организации) и широком (в разрезе муниципалитета в целом) аспектах с учетом предметных, возрастных, гендерных и других факторов;

- развитие кадрового потенциала муниципального района – решением проблемы полифункциональной ориентации системы образования в контексте развития потенциала педагогических кадров [8];

¹https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/

² Там же.

- создание условий для профессионального роста молодых специалистов, повышение их мотивации к развитию своего «компетентностного поля», в том числе, посредством развития тематических «линеек» кадрового резерва в разрезе муниципалитета;

- апробирование принципиально новой модели взаимодействия высшей школы и системы общего образования муниципалитета, в рамках решения задачи повышения качества человеческого потенциала ее акторов, эксплицируемое, в частности, формированием и расширением экосистемы многоаспектного партнерства вуза и сегментов образовательной системы муниципалитета.

Таким образом, развитие системы вертикальных (органы управления образованием во взаимодействии с представительной властью/ образовательные организации) и горизонтальных (образовательные организации различного уровня) связей, способствующее конструированию актуального ландшафта профессионального партнерства и обмена продуктивным педагогическим опытом, позволит обеспечить повышение уровня кадровой составляющей успешного функционирования системы образования, в том числе на основе выдвижения в авангард целевых ориентиров кадровой политики меритократических компонентов.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Устранение несuverенных элит [Электронный ресурс]. URL: <http://vbagdasaryan.ru/ustranenie-nesuverennyih-elit-aktualnaya-povestka-rossii>. (дата обращения: 26.01.2021).
2. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Информационно-аналитические материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 288 с.
3. Сидорова А.А. Высшее образование в современной России: государственная стратегия / МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет государственного управления. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 192 с.
4. Старостин А.М. Исследовательская философия в системном и инструментальном измерении. Ростов н/Д., 2018. 704 с.
5. Шпилова Н.А. Система оценки качества образования – основополагающий принцип государственной политики в сфере образования // Регион: государственное и муниципальное управление. 2015. № 2 (2). С. 10.
6. Резинкина Л.В. Образовательные среды и типологические особенности их развития в муниципальной системе // Человек и образование. 2015. № 1(42). С. 109 – 114.
7. Монахова Л.Ю. Информационные ресурсы и стратегии управления многообразием в сфере образования // Человек и образование. 2018. № 2. С. 4 – 10.
8. Резинкина Л.В., Марон А.Е. Моделирование полифункциональной системы непрерывного образования педагогических кадров в муниципальном районе // Вестник НовГУ. 2015. № 5(88). С. 67 – 70.
9. Кувшинов М.А. Понятие управления устойчивым развитием социально-экономической системы муниципального образования // Молодой ученый. 2011. № 7. Т. 1. С. 86 – 91.
10. Мануйлова Е.А. Инновационное развитие региона: формирование региональных образовательных кластеров // Инновации. 2007. № 7. С. 75 – 79.
11. Шкабара И.Е. Роль аналитической деятельности в педагогическом мониторинге // Стандарты и мониторинг в образовании. 2004. № 1. С. 34 – 37.
12. Роговцева Н.И. Управление развитием муниципальной системы образования в сверхкрупном городе (на примере С.-Петербурга). СПб., 1999.
13. Кара-Мурза С.Г. Российское обществоведение. Становление, методология, кризис. М., 2017. 480 с.

Prosandeeva Tamara Iranovna, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Economics and Entrepreneurship, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH) (48, Initiative street, Taganrog, 347936, Russian Federation). E-mail: tamara.prosandeewa@yandex.ru.

Lyakhov Andrey Viktorovich, Post-graduate student, South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: andrei99999@mail.ru

Stetsenko Vladimir Vadimovich, Post-graduate student, South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rch7666@gmail.com

FORMATION AND DEVELOPMENT OF HEAD STAFF
IN THE SPHERE OF MUNICIPAL EDUCATION IN THE PROCESS
OF STRENGTHENING INTERACTION CONCERNING EXECUTIVE AND LAW POWER

Abstract

The given article is about an actual problem of rational usage in the sphere of staff potential in the educational system are observed. The questions about elitogenesis in the process of headstaff reproduction and quality of their work especially in the sphere of municipal educational system.

Keywords: *educational system, socio economical forecast, headstaff, educational modernization, innovation landscape in the system of headstaff, elitogenesis, cultural imperative in the frameworks of reproduction connected with subjects of management system.*

References

1. Bagdasaryan V.E. Ustranenie nesuverennyh elit [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vbagdasaryan.ru/ustranenie-nesuverennyih-elit-aktualnaya-povestka-rossii>. (data obrashcheniya: 26.01.2021).
2. Rossijskaya elitologiya: innovacionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira. Informacionno-analiticheskie materialy Tret'ego Vserossijskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem. Rostov n/D: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2019. 288 p.
3. Sidorova A.A. Vysshee obrazovanie v sovremennoj Rossii: gosudarstvennaya strategiya / MGU im. M.V. Lomonosova. Fakul'tet gosudarstvennogo upravleniya. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2015. 192 p.
4. Starostin A.M. Issledovatel'skaya filosofiya v sistemnom i instrumental'nom izmerenii. Rostov n/D., 2018. 704 p.
5. SHipilova N.A. Sistema ocenki kachestva obrazovaniya – osnovopolagayushchij princip gosudarstvennoj politiki v sfere obrazovaniya // Region: gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2015. № 2 (2). P. 10.
6. Rezinkina L.V. Obrazovatel'nye sredy i tipologicheskie osobennosti ih razvitiya v municipal'noj sisteme // CHelovek i obrazovanie. 2015. № 1(42). P. 109 – 114.
7. Monahova L.YU. Informacionnye resursy i strategii upravleniya mnogoobraziem v sfere obrazovaniya // CHelovek i obrazovanie. 2018. № P. S. 4 – 10.
8. Rezinkina L.V., Maron A.E. Modelirovanie polifunkcional'noj sistemy nepreryvnogo obrazovaniya pedagogicheskikh kadrov v municipal'nom rajone // Vestnik NovGU. 2015. № 5(88). P. 67 – 70.
9. Kuvshinov M.A. Ponyatie upravleniya ustojchivym razvitiem social'no-ekonomicheskoy sistemy municipal'nogo obrazovaniya // Molodoj uchenyj. 2011. № 7. T. 1. P. 86 – 91.
10. Manujlova E.A. Innovacionnoe razvitie regiona: formirovanie regional'nyh obrazovatel'nyh klasterov // Innovacii. 2007. № 7. P. 75 – 79.
11. SHkabara I.E. Rol' analiticheskoy deyatel'nosti v pedagogicheskom monitoringe // Standarty i monitoring v obrazovanii. 2004. № 1. P. 34 – 37.
12. Rogovceva N.I. Upravlenie razvitiem municipal'noj sistemy obrazovaniya v sverhkrupnom gorode (na primere S.-Peterburga). SPb., 1999.
13. Kara-Murza S.G. Rossijskoe obshchestvovedenie. Stanovlenie, metodologiya, krizis. M., 2017. 480 p.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

**Скидан
Анастасия
Васильевна**

кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, директор центра научно-образовательной политики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tark-anastasiya@yandex.ru

**Чипига
Юлия
Андреевна**

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: yulia_chip_12@mail.ru

**Исюк
Анастасия
Александровна**

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: anastasiya.isyuk@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы цифровой трансформации государственного управления, проанализированы причины возникновения данных проблем, особенности приобретения новых компетенций государственными служащими, определена модель цифровых компетенций государственного служащего. Авторами проведен анализ показателей международного рейтинга конкурентоспособности и инновационности стран. Определены возможные пути решения проблем, способствующие развитию новых направлений цифровизации государственного управления.

Ключевые слова: цифровая экономика, кризис, пандемия, импортозамещение, государственное управление, государственные служащие, проблемы государственного управления, органы власти, информационная безопасность.

Одним из наиболее приоритетных аспектов перехода Российской Федерации к цифровой экономике является цифровизация государственного управления. Реализация проекта «Цифровое государственное управление» Национальной программы «Цифровая экономика» предусматривает изменения в деятельности органов государственной власти, основанные на внедрении цифровых технологий, способствующие повышению результативности и эффективности государственного управления.

Рейтинг России в международных показателях, оценивающих уровень конкурентоспособности и инновационности стран в 2019-2020 годах, изменился незначительно: преимущественно Россия уступает странам Западной Европы и США (рис. 1).

Предполагается, что повышение уровня цифровизации государства позволит обеспечить высокий уровень качества государственного управления как в целом, так и в его отдельных полномочиях при реализации государственных функций. Тем не менее, существуют проблемы при внедрении цифровых технологий, которые до сих пор остаются актуальными, так как требуют регламентации и принятия решений по их устранению.

Проблемы цифровизации государственного управления:

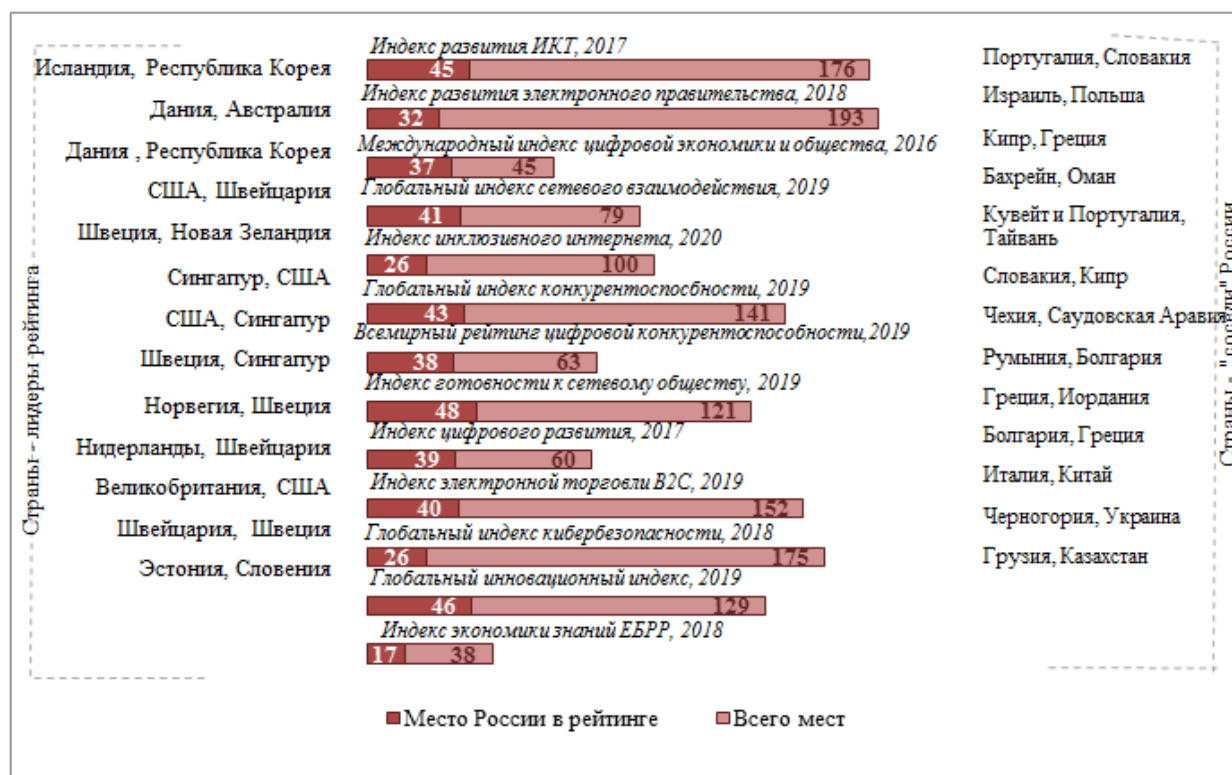
1. Проблемы систематизации и структурирования: нормативное регулирование цифровизации, недостаточная согласованность процессов цифровизации на федеральном и региональном уровнях, проблема ведомственного принципа цифровизации.

2. Организационные и технологические проблемы: неподготовленность технологического оснащения и оборудования, недоступность цифровых технологий и услуг для граждан, низкий уровень современных цифровых компетенций и профессиональной квалификации государственных служащих.

3. Проблемы обеспечения безопасности: проблемы информационной безопасности, проблемы импортозамещения.

Для эффективной цифровой трансформации государственного управления необходимо рассмотреть основные проблемы, существующие на данном этапе развития:

1. Нормативно-правовое регулирование цифровизации государственного управления. Данную проблему можно охарактеризовать как правовое ограничение процесса цифровизации государственного управления. Правовые ограничения – это правовые нормы, ограничивающие возможности правомочности создания, внедрения и применения в государственном управлении цифровых технологий [1].

Рис. 1. Позиции России в международных рейтингах¹

В Рекомендациях Совета организации экономического сотрудничества и развития по стратегиям цифрового правительства одним из принципов является «принцип организации законодательных и регуляторных аспектов». Согласно данному принципу содержание правового регулирования в сфере цифровизации государственного управления должно основываться на следующих положениях:

- 1) «Цифровое Правительство по умолчанию» и «Цифровое Правительство от начала до конца»;
- 2) использование открытых стандартов, открытых данных и открытого программного обеспечения;
- 3) конфиденциальность информационной безопасности всех субъектов отношений (государство, органы государственной власти, организации и персональные данные граждан).

В России на данный момент уже происходит становление нормативно-правовой базы цифровизации, подтвержденное на основе принятых нормативно-правовых актов и внесенных изменениях в существующие нормативные документы, касающиеся и регламентирующие процесс цифровизации в Российской Федерации. Однако по мере дальнейшего развития для правомочности использования цифровых технологий в деятельности государственных органов необходимо пересмотреть и внести дополнительные поправки во многие нормативно-правовые документы.

2. Недостаточная согласованность процессов цифровизации на федеральном и региональном уровнях. Данная проблема обусловлена дефицитом информации от федеральных органов исполнительной власти по направлениям развития цифровой трансформации. Данная тенденция приводит к неравномерности развития регионов в данной сфере, что также отражается на эффективности работы региональных органов власти. Так как цифровая трансформация касается всех субъектов государства, поэтому необходимо в части реализации мероприятий в рамках цифрового государственного управления принятие и доведение до региональных органов власти методических материалов. Также проведение различных семинаров, конференций, дополнительных образовательных программ с участием федеральных и региональных органов власти позволит привести к согласованности и единому пониманию основных аспектов и принципов цифровизации государственного управления между разными уровнями власти.

¹ Обзор: ИКТ в госсекторе 2020 [Электронный ресурс] URL: https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossektore_2020/articles/gosudarstvo_menyaet_podhod_k_tsifrovizatsii (Дата обращения: 25.02.2021 г.)

3. Ведомственный принцип цифровизации является тормозящим механизмом. Одной из основных тенденций является создание «единых» или типовых информационных систем государственных органов, в результате применения данного принципа возникает большое количество повторяющихся друг друга по функционалу информационных систем. Данная тенденция носит убыточный характер, так как государство платит за поддержание функционирования данных систем. Таким образом, это приводит к противоречию поставленных задач в национальной программе «Цифровая экономика». Для решения данной проблемы необходимо проводить мониторинг эффективности функционирования государственных информационных систем, что позволило бы оценить функционал деятельности данных систем и, в целях сокращения повторяющихся, возможность их консолидации.

4. Неподготовленность технологического оснащения и оборудования, которое является причиной низкой работоспособности и эффективности государственных органов. Из-за недостаточно проработанных цифровых технологий, внедряемых в государственном управлении, часто возникают сбои в процессе работы, что приводит не только к неэффективности государственного управления, но и недоверию к этим технологиям со стороны населения.

Одним из примеров проявления данной проблемы можно выделить ситуацию неготовности электронного портала «Государственные услуги» к массовому обращению населения за оформлением заявлений на прямые выплаты семьям с детьми сразу после объявления о данных выплатах в период пандемии COVID-19 весной 2020 года. Также, пользователи неоднократно обращали внимание на сбои в работе данного портала и в работе личного кабинета на сайте Федеральной налоговой службы, связанные с пиковыми датами, например, в приближении срока уплаты налога на принадлежащее имущество, землю и транспорт [2]. Стоит отметить, что зачастую данные сбои, особенно в части выплат или предоставлении отчетных документов, могут принести не только административный ущерб, но и материальный – в виде пени за задолженность или штрафов.

Актуальность данной проблемы особенно характерна в период кризиса, связанного с пандемией, когда электронное взаимодействие между населением и государственными органами является необходимостью. Эффективное решение данной проблемы может быть взаимосвязано с предыдущей проблемой. Так как консолидация схожих по функционалу и взаимодействующих друг с другом информационных систем приведет к их объединению, и, соответственно, к сокращению государственных расходов на поддержание их работы, то есть это позволит увеличить материальные и финансовые ресурсы для поддержания и обеспечения эффективного функционирования данных технологий.

5. Проблема неравенства доступа граждан к цифровым технологиям и услугам. При цифровизации государственного управления все больше обостряется проблема неравенства доступа между различными социальными группами, так как до сих пор существуют населенные пункты без доступа к сети Интернет, что соответствует технической проблемы недоступности сервисов. Отсутствие цифровой грамотности и недоступность сервиса из-за особенностей здоровья также оказывают препятствующее воздействие на цифровизацию. Для решения данной проблемы необходимо:

- 1) преодолеть цифровой разрыв между различными социальными группами;
- 2) обеспечить инклюзивную среду, предусматривающий на этапе разработки доступ для людей с особыми потребностями;
- 3) обеспечить со стороны государственных органов контроль взаимодействия пользователя с цифровым сервисом;
- 4) обеспечить альтернативные варианты доступа к цифровым сервисам.

6. Низкий уровень современных цифровых компетенций и профессиональной квалификации государственных служащих. Цифровая компетенция должна включать компетенции для цифровой совместной работы, безопасности и решения проблем. Современный государственный служащий должен обладать более обширными компетенциями и навыками, так как процесс цифровизации затрагивает все структуры государственных органов. На рис. 2 выявлены основные цифровые компетенции, которые обеспечат повышение уровня цифрового образования государственных служащих.

Необходимо разработать и провести повсеместное обучение данным компетенциям, в особенности на региональном уровне. Мы считаем, что необходимо оптимизировать должностной регламент в части совершенствования квалификационных требований в области цифровых компетенций.

7. Проблемы информационной безопасности для процесса цифровизации является одной из самых приоритетных и сложно регулируемых проблем. За последние года принципы обеспечения кибербезопасности сменились. В современных условиях развития цифровизации наиболее актуальной и эффективной линией обеспечения информационной безопасности является максимально быстрое обнаружение взлома и нахождение постороннего в системе, а также своевременное сокращение его возможностей в системе настолько, чтобы он не успел нанести вред. Данная тенденция обуславливает рост востребованности высокоинтеллектуальных средств защиты, которые позволяют решать задачи по оперативному выявлению инцидентов и атак.

Рис. 2. Модель цифровых компетенций государственного служащего

Одним из решений данной проблемы послужит переход государственных структур на российское программное обеспечение, что позволит защитить вмешательство в государственные данные со стороны других государств, а также позволит на основе собственных разработок обеспечить кибербезопасность. Согласно приказу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, доля отечественного программного обеспечения в государственных органах в 2020 году должно составлять 80%. По состоянию на 2020 год в России зарегистрировано около 6654 отечественных программ для электронных вычислительных машин и баз данных, многообразие представленного программного обеспечения вполне соответствует достижению данного показателя [3].

На современном этапе развития информационной безопасности наиболее эффективной концепцией кибербезопасности считается внедрение подхода глубокой многоуровневой защиты («Defense in Depth» или «эшелонированная оборона»), то есть когда различные уровни защиты распределены по стратегически важным, ключевым элементам сети и действуют в рамках унифицированной стратегии. В рамках данной концепции определены шесть мер, представленные на рис. 3.

Данные меры обеспечивают выполнение политики безопасности и расширяют возможности контроля и управления информационной безопасностью.

На наш взгляд, для достижения соответствующего уровня кибербезопасности на государственном управлении концепция информационной безопасности должна опираться на данные меры обеспечения безопасности информационной инфраструктуры, что позволит повысить уровень информационной безопасности.

8. Проблема импортозамещения является продолжением указанной выше проблемы. Можно выделить два основных направления импортозамещения – это применимость таких продуктов и их сопровождение. Так, при проведении перевода документооборота государственных органов в электронный вид с включением в систему управления базой данных, возникают проблемы надежности и масштабируемости. Если применять отечественные системы, то является целесообразным и применение отечественных продуктов обеспечения кибербезопасности, что на данный момент является затруднительно, так как отечественные разработки в области кибербезопасности не способны на данный момент обеспечить соответствующий уровень информационной безопасности. Также существуют сложности с включением в органы власти специалистов, знающих импортозамещающие продукты, что порождает проблемы с сопровождением таких систем и решений.

Контроль	Идентификация	Идентификация и классификация пользователей, сервисов, трафика и оконечных устройств
	Мониторинг	Мониторинг производительности, поведения, шаблонов использования, событий и соответствия политике
	Выявление аномалий	Сбор, анализ и выявление взаимозависимостей событий в масштабе системы
Управление	Повышение устойчивости	Повышение устойчивости оконечных устройств, сервисов, приложений и инфраструктуры
	Изоляция и сегментация	Изоляция пользователей, систем, сервисов для сдерживания и защиты
	Обеспечение выполнения политики информационной безопасности	Обеспечение выполнения политики разграничения доступа, политики безопасности и противодействие угрозам безопасности

Рис. 3. Матрица обеспечения безопасности инфраструктуры

Решение данной проблемы представляется двумя путями: расширение численности обслуживающих специалистов узкой специализации в государственном органе или применение аутсорсингов и отведение данной функции компаниям, занимающимся разработкой данных продуктов. Второй вариант решения данной проблемы является более реальным, так как количество специалистов данной категории неохотно идут в органы власти в виду достаточно низких заработных плат, в сравнении с заработными платами специалистов данной категории на рынке труда. Таким образом, проблема импортозамещения цифровых продуктов является актуальной не только для государственного сектора, но и распространяется на все сферы цифровизации [4 – 6].

При принятии решений для устранения существующих проблем цифровизации государственного управления следует учитывать возможности использования цифровых технологий как инструментов повышения результативности органов власти, для этого целесообразно предусмотреть следующие направления цифровизации государственного управления:

1. «Платформа для результатов»: трансформация работы всех ведомств, а именно от формирования и предоставления отчётов о результативности деятельности к определению ответственности ведомств за наличие информации, формируемой автоматически, на единой платформе с дальнейшим принятием управленческих решений основываясь на полученную информацию.
2. «Знание – сила»: расширение сферы использования «больших данных» для формирования и реализации государственной политики, составления официальной статистики, координации и контроля доходов, а также реализации иных государственных функций.
3. «От светофора к спектру»: смена методов оценки эффективности деятельности государственных органов – переход от бинарной оценки «выполнено – не выполнено» к применению предиктивной аналитики, то есть выборочных испытаний, основанных на технологиях искусственного интеллекта.
4. «Рассчитывать, чтобы оптимизировать»: цифровизация, представляется как инструмент оптимизации и сокращения бюджетных расходов, то есть внедрение системы расчёта транзакционных издержек и мониторинг результативности их сокращения от внедрения системы цифровизации.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что в силу незавершенности целого ряда проводимых ранее реформ государственного управления, сохранившиеся негативные управленческие практики сокращают возможности для внедрения цифровых технологий. Также стремительное развитие цифровизации государственного управления позволяет выявить проблемы, без решения которых дальнейшее развитие в данном аспекте представляется затруднительным. Поэтому необходимо своевременное эффективное и результативное принятие управленческих решений для совершенствования системы государственного управления в рамках цифровой трансформации.

Литература

1. Южаков В.Н., Талапина Э.В. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. №3. 268 с.

2. Скидан А.В., Чипига Ю.А. Новые тренды высшего образования в условиях цифровой трансформации // В сборнике: Молодежная инициатива – 2020. Материалы Городской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 146 – 149.
3. Скидан А.В., Чипига Ю.А. Последствия цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // В сборнике: Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология. Сборник по итогам научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 87 – 90.
4. Дудукалов Е.В., Лаптандер А.Б. Образование и наука: как продолжать модернизацию в условиях рецессии? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 1. С. 7 – 13.
5. Игнатова Т.В., Дудукалов Е.В., Черкасова Т.П. Знаниевые экосистемы и рейтинги цифровизации национальных экономик / Цифровая экосистема экономики : сборник статей по итогам VII-й международной научно-практической видеоконференции; отв.ред. Л. Г. Матвеева; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. С. 391 – 397.
6. Фоменко Н.М. Применение информационно-коммуникационных технологий в системе публично-го управления // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 5.

Skidan Anastasia Vasilyevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of taxation and accounting, director of the Center for scientific and educational policy, South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tark-anastasiya@yandex.ru

Chipiga Yulia Andreevna, Master's Degree student at the Faculty of Economics, South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: yulia_chip_12@mail.ru

Isyuk Anastasia Aleksandrovna, Master's Degree student at the Faculty of Economics, South-Russian Institute of Management - branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: anastasiya.isyuk@mail.ru

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF INCREASING PUBLIC ADMINISTRATION PERFORMANCE: PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Abstract

The article examines the main problems of the digital transformation of public administration, analyzes the causes of these problems, the peculiarities of acquiring new competencies by civil servants, and defines a model of digital competencies of a civil servant. The authors analyzed the indicators of the international rating of competitiveness and innovativeness of countries. Possible ways of solving problems that contribute to the development of new directions of digitalization of public administration have been identified.

Keywords: digital economy, crisis, pandemic, import substitution, public administration, civil servants, problems of public administration, authorities, information security.

References

1. YUzhakov V.N., Talapina E.V. Pravovye ogranicheniya dlya ispol'zovaniya proryvnyh cifrovyyh tekhnologiy v gosudarstvennom upravlenii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2018. №3. 268 p.
2. Skidan A.V., CHipiga YU.A. Novye trendy vysshego obrazovaniya v usloviyah cifrovoj transformacii // V sbornike: Molodezhnaya iniciativa – 2020. Materialy Gorodskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2020. P. 146 – 149.
3. Skidan A.V., CHipiga YU.A. Posledstviya cifrovoj transformacii gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii // V sbornike: Sovremennye tendencii razvitiya obshchestva: obrazovanie, kommunikaciya, psihologiya. Sbornik po itogam nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. 2020. P. 87 – 90.
4. Dudukalov E.V., Laptander A.B. Obrazovanie i nauka: kak prodolzhat' modernizaciyu v usloviyah recessii? // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2015. № 1. P. 7 – 13.
5. Ignatova T.V., Dudukalov E.V., CHerkasova T.P. Znaniyeve ekosistemy i rejtingi cifrovizacii nacional'nyh ekonomik / Cifrovaya ekosistema ekonomiki : sbornik statej po itogam VII-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy videokonferencii; otv.red. L. G. Matveeva; YUzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo YUFU, 2020. P. 391 – 397.
6. Fomenko N.M. Primenenie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v sisteme publichnogo upravleniya // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. 2014. № 5.

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БУДУЩИХ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Фоменко Вита Александровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94). E-mail: vitafofomenco@mail.ru
Плякич Манушак Назаретовна	кандидат социологических наук, помощник проректора по воспитательной и социальной работе, Сочинский государственный университет (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94). E-mail: mb.sgu@mail.ru
Балабанова Анна Олеговна	старший преподаватель кафедры административного управления, бухгалтерского учета и аудита, Сочинский государственный университет (354055, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94). E-mail: annabalabanovasochi@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена управленческому развитию будущих специалистов с учетом непосредственного и долгосрочного участия в различных событийных мероприятиях. Представлен подробный обзор нормативно-правовых актов, литературных источников, которые раскрывают понятия «молодёжь», «молодой специалист». Обусловлена важность и значение событийных мероприятий в совершенствовании и развитии трудового потенциала будущих молодых специалистов. Проанализированы статистические данные Росстата, компании HeadHunter в части занятости молодежи и требованиям к ним на рынке труда России. Обозначены ключевые аспекты эффективности и целенаправленности событийных мероприятий для будущих молодых специалистов. Доказана необходимость участия молодежи в событийных мероприятиях для дальнейшего успешного трудоустройства, повышения трудового потенциала для профессий, которые востребованы на бирже труда.

Ключевые слова: управление, молодёжь, событийные мероприятия, волонтерство, событийное волонтерство, развитие, трудовой потенциал.

Современные управленческие тенденции, постепенно формирующиеся на рынке труда молодежи, показывают возрастающую ценность участия в событийных мероприятиях в процессе обучения в средней профессиональной и высшей школе. Будущим молодым специалистам, получившим профессиональное образование необходимо в значительной степени быть конкурентоспособными в условиях рыночной экономики. В связи с этим, наблюдается появление и развитие нового сегмента на рынке труда для молодых специалистов, который обладает своими выделяющимися особенностями. Поэтому необходимо провести анализ характеристик и сущности молодёжи как отдельной социальной общности.

В конце 2020 года Государственная Дума приняла новый Федеральный закон №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в соответствии с которым, молодым специалистом является гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет, включительно, завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения, впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией.

Важностью и актуальностью выступает управленческое развитие в части формирования личностных и профессиональных ориентаций, социализации и вхождения в новые социальные институты по результатам участия молодёжи (будущих молодых специалистов) в событийных мероприятиях международного и национального уровней в процессе получения среднего профессионального и высшего образования. Федеральный закон №489-ФЗ раскрывает также понятие «молодёжь, молодые граждане», которое тесно связано с понятием «молодой специалист» как социальной общности и социально-демографической группы лиц. В современном российском обществе роль молодёжи значительно возросла именно с принятием вышеупомянутого закона, кроме этого учёные-социологи, в большинстве своем, посвятили достаточно много научных трудов проблеме молодёжи и ее места в любой социальной структуре общества [10].

С точки зрения научных исследований, первая формулировка понятия «молодёжь» была предложена советским социологом Владимиром Тимофеевичем Лисовским. Он определял данную дефиницию как поколение граждан в возрасте от 16 до 30 лет, учитывая конкретную историческую

обстановку и находящиеся в процессе освоения социального, культурного, образовательного, профессионального и другого опыта. Позднее другой советский ученый Игорь Семёнович Кон относил молодёжь в особую социально-демографическую группу с учетом возрастной периодизации и социально-психологических свойств [9].

В современных условиях к будущим молодым специалистам относят особую категорию потенциальных трудовых ресурсов страны, региона, муниципального образования. Их стратегическое предназначение состоит в том, чтобы влиться и компенсировать естественные процессы по выбытию опытных и не соответствующих по возрастному параметру работников, а также внести в экономическую и финансовую деятельность компании новые рациональные решения и оригинальные идеи. Молодым специалистам свойственны задатки огромного потенциала в самых разных областях, которыми управленцы, в силу стереотипного (традиционного) подбора кадров, еще не в полной мере пользуются. Молодёжь обладает неповторимым и успешным сочетанием энергичности, индивидуальности жизненной и гражданской позиции, целеустремленности, работоспособности, исполнительности, коммуникабельности. Кроме этого, у молодёжи отсутствуют привычные устоявшиеся стереотипы о трудовой деятельности, адаптации на рабочем месте, восприимчивости к новой информации [3].

Однако современные реалии не трансформировали в глазах работодателей данные качества молодых специалистов в достоинства и их не хотят трудоустраивать, виду того, что их в 90% случаях необходимо обучать и приставлять наставников. Руководитель, в этом случае, сталкивается с проблемой больших временных затрат, вложения денежных инвестиций, наличия необходимых преподавателей (наставников, мастеров) и обеспеченности материально-технической базой.

Для того, чтобы избежать возникающих дополнительных проблем у управленцев с подбором молодых перспективных кадров, существует следующая рациональная альтернатива, которая помогает молодёжи показать свои достоинства с учетом практического опыта, без отрыва от образования. Таким вариантом, который удовлетворяет в будущем спрос и предложение на молодёжном рынке труда, является работа и участие в событийных мероприятиях – здесь будущие молодые специалисты проявляют свою обучаемость, активность, предприимчивость. Участие в большом количестве таких мероприятий помогает молодым людям доказывать свою конкурентоспособность перед будущим работодателем; а для руководителей, в свою очередь, отпадает вопрос о «выращивания» нового сотрудника. Кроме этого, молодые специалисты находятся только в начале карьерного пути – они являются достаточно недорогим ресурсом и имеют большое желание приобрести трудовой и практический опыт в различных профессиях [6].

Однако, вместе с тем, что у будущих молодых специалистов есть преимущества, но следует отметить также некоторые недостатки в их профессиональном развитии:

1. Наличие разрыва и оторванности научных и теоретических знаний, компетенций от реалий трудовой деятельности.
2. Невозможность практически решать краткосрочные и долгосрочные задачи, нести ответственность за результат.
3. Постоянные проявления излишнего молодёжного максимализма, эмоциональности, самоуверенности, упрямства.
4. Недостаточность определенности в своих будущих профессиональных интересах.
5. Отсутствие высокого уровня мобильности и адаптации к реалиям деловой и профессиональной среды.
6. Завышенные ожидания от трудовой деятельности (стремительная карьера, высокий уровень вознаграждения, получение различных привилегий) [8].

Данные недостатки позволяют в дальнейшем пройти через процесс совершенствования и саморазвития молодого поколения с профессиональной и личностной точки зрения, которые в будущем повлияет на благополучие, обучение, участие в политической жизни государства. Событийные мероприятия, которые в последние годы, которые включают в себя событийное волонтерство, событийный туризм, МІСЕ-туризм и т.д., открывают перед молодёжью большие возможности для освоения знаний, навыков, получения новых компетенций, необходимых для того, чтобы найти свое место в обществе (занять соответствующую нишу), добиться самостоятельности. Молодежь воспринимает участие в событийных мероприятиях как позитивное времяпрепровождение с учетом групповой сплоченности и возникающей солидарности [4].

Событийные мероприятия – это целый комплекс, в который входят все стратегические аспекты, связанные с молодёжью: волонтерское движение, программы организации досуга, мобильность, программы работы с молодёжью, информация для молодёжи, платформы для участия молодых людей в процессе принятия решений, занятость/предпринимательская деятельность, формальное образование и т.д., а также такие «сквозные» темы, как социальная инклюзия, участие

молодежи в жизни общества, гендерное равенство и т.д. При такой трактовке событийные мероприятия по возможности подлежат координации с другими областями, имеющими отношение к молодежи. Событийные мероприятия ориентированы на всё молодое поколение и рассчитаны на конкретные группы молодежи с учетом социального положения, финансового состояния, принадлежности к городским и сельским агломерациям [7].

Будущие молодые специалисты имеют возможность принимать участие в различных видах событийных мероприятий, соотношение которых в мире представлены на рис. 1:

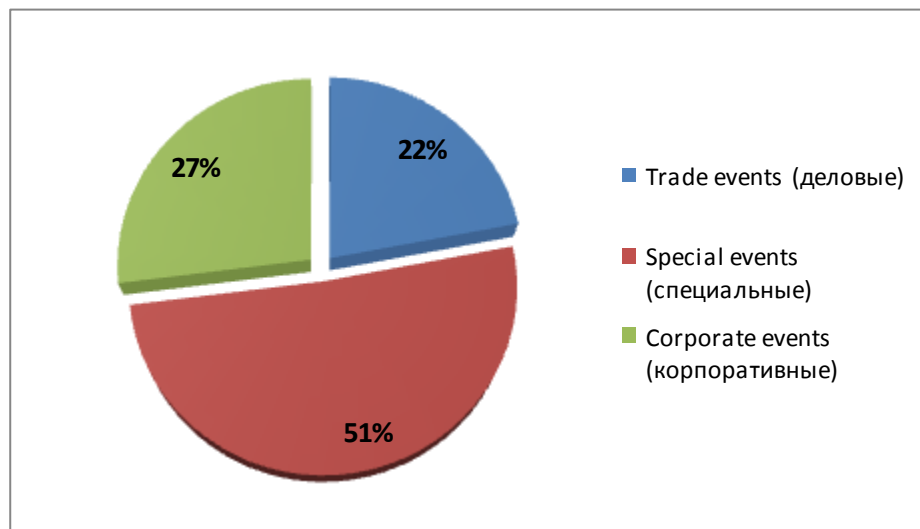

Рис. 1. Соотношение различных видов событийных мероприятий в мире, %

Ключевые аспекты эффективности и целенаправленности событийных мероприятий для будущих молодых специалистов:

- конкретная структура (орган), которая отвечает, направляет, координирует и консолидирует всю работу с молодыми людьми в этой сфере;
- установленная целевая аудитория с четкими возрастными границами и/или полное описание групп, являющихся бенефициарами событийных мероприятий;
- четкость и прозрачность стратегии и плана действий, а также структурированные механизмы мониторинга и оценки для того, чтобы научиться извлекать уроки из опыта в целях совершенствования трудового потенциала молодежи;
- наполненность и постоянное обновление научно-информационной базы в части идентификации и категоризации потребностей разных групп молодежи, исследования и статистики, эмпирических данных, получаемых в процессе реализации событийных мероприятий;
- утвержденная концепция, согласно которой будущие молодые специалисты являются перспективным трудовым ресурсом, и направленной на поддержку молодых людей и содействие им в раскрытии имеющегося у них потенциала и в полноценном и позитивном участии в жизни общества;
- устойчивые связи между местным, региональным и национальным уровнями, признание компетенций и зон ответственности всех участников процесса, ориентация на сотрудничество, координацию усилий и партнерство;
- согласование с международной практикой, ориентация на существующие нормы, рекомендации и позитивный опыт [2].

В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики, уровень молодежной безработицы в возрасте от 15 до 19 лет в конце прошлого года составил 22,1%, а в возрасте от 20 до 24 лет – 15,1%, что в среднем в 4 раза выше общего уровня безработицы в стране (рис. 2).

Статистические исследования за 2020 год показывают, что на молодежном рынке труда требуются специалисты по продажам. Если сравнивать с 2019 г. спрос на такие вакансии составлял 40,7%, то по итогам 1 квартала прошлого года – уже 46,2%. Также наблюдается рост доли вакансий в сфере консалтинга, индустрии туризма и гостеприимства, ресторанного бизнеса, информационных технологий.

Приведенный ниже рис. 3 подтверждает информацию о том, что для востребованных вакансий по специализациям для молодых специалистов, среди которых продажи, консультирование, туристская отрасль, административный персонал, необходимы навыки, которые приобретаются в результате участия в событийных мероприятиях.

Рис. 2. Динамика безработицы молодежи в России, % (по данным Росстата)

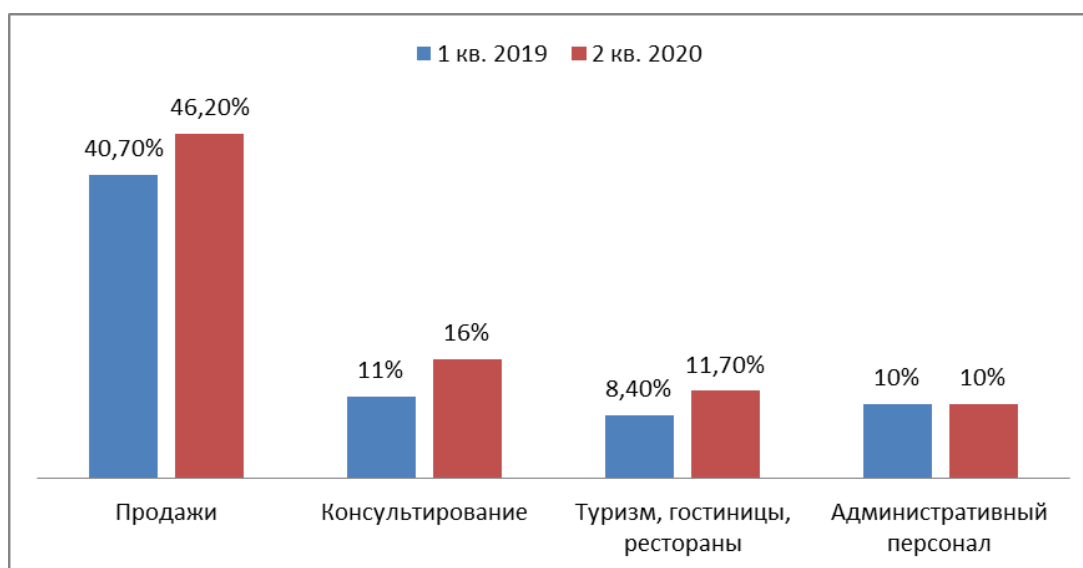

Рис. 3. Доля основных вакансий по специализациями от общего числа вакансий для молодых специалистов в России, % (по данным компании HeadHunter)

Современные требования для успешного функционирования рынка труда, которые выдвигают существующие жизненные условия и особое социальное развитие нового поколения, выдвигают необходимость совершенствования своих «soft-skills» и будущих профессиональных компетенций молодежи («hard-skills») в процессе получения специального профессионального и высшего образования.

Теория человеческого капитала в совокупности с общественными вызовами вынуждает по-иному смотреть на участие студентов и молодежи в событийных мероприятиях, в том числе в процессе обучения, так как это уже не просто временные и точечные события. Событийные мероприятия выступают важным инструментом для успешного вхождения на молодежную биржу труда, и в будущем для формирования перспективного коллектива специалистов на предприятиях, обладающих ценными деловыми и личностными качествами. Постоянное участие и работа на событийных мероприятиях предоставляет будущим молодым специалистам возможность социализации посредством выполнения профессиональных, культурных и общественных функций, формирование самостоятельности и целеустремленности индивида [1]. Наличие таких формирующихся профессиональных установок преобразовывается в преимущество при создании необходимого уровня конкурентоспособности на молодежном рынке труда. Данная естественная трансформация удовлетворяет потребность и непосредственный спрос работодателя в будущем молодом сотруднике через его нестандартные взгляды, творческое мышление, целеустремленность и динамичное саморазвитие.

Таким образом, для будущих молодых специалистов достижение желанных должностей обуславливает необходимостью постоянного участия в появившихся и развивающихся в нашей стране мероприятиях – событийных. Они позволяют молодежи в процессе постоянного участия в них совершенствовать свой трудовой потенциал, развиваться как личность, постигать основы коммуни-

кабельности, быстрого решения задач, и нести ответственность за свои действия и поступки. Участие в событийных мероприятиях является стартовым практическим опытом, успешно совмещаемой с теоретическим образованием. Международные и российские компании, организующие событийные мероприятия готовы тратить ресурсы на обучение новых сотрудников, так как они заинтересованы в долгосрочном сотрудничестве и возможности трудоустройства молодых специалистов.

Литература

1. Романова Г.М., Петрова С.В., Мазниченко М.А., Бревнова С.В., Григорашенко-Алиева Н.М. Молодёжный центр духовно-нравственного и социального развития: вклад в улучшение городской и региональной среды // Высшее образование в России. Т. 27. № 11. 2018. С. 97 – 107.
2. Петрова С.В., Фоменко В.А., Плякич М.Н. Социально-культурный анализ управления волонтерской деятельностью в условиях политико-экономических трансформаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 204 – 211.
3. Balabanova A.O. The research of rural settlement tourist territory's social development management // Промышленность и сельское хозяйство (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская аграрная академия» (Макеевка)). № 8 (25). 2020. С. 49 – 52.
4. Юдина Т.А., Малухина Г.М., Чеснокова Е.Н. Роль мега-событий в развитии предприятий социокультурной сферы и культурной политики региона (на примере города Волгограда и города Сочи): монография. Волгоград: Изд-во ИП Никулина, 2016. 132 с.
5. Балабанова А.О., Кещян Н.А. Значение и необходимость подготовки профессиональных кадров государственного муниципального управления для туристической сферы // Туризм: гостеприимство, спорт, индустрия питания. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. К.Г. Томилин. Сочи, 2016. С. 24 – 27.
6. Fomenko V.A. Educational youth tourism in Russia as a basis for the formation of the labor potential of regional staff // European Journal of Economic Studies. 2019. 8(2): 104-109.
7. Мазниченко М.А., Папазян Г.С., Попов Д.И., Черемшанов С.В. Исследование развивающего потенциала студенческого событийного волонтерства // Вестник РМАТ. Изд-во: Российская международная академия туризма. № 2. 2019. С. 25 – 34.
8. Киреева А.В. Трудовой потенциал молодежи Российской Федерации в современных условиях // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. Под редакцией С.А. Михайличенко, Ю.Ю. Бурыка. Белгород, 2020. С. 333 – 337.
9. Сихынбаева Ж.С., Жумабеков Р.К., Асанов Т.И. Трудовой потенциал как один из путей повышения социальной активности студенческой молодежи // Наука и инновации – современные концепции. Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. Отв. ред. Д.Р. Хисматуллин. Уфа, 2020. С. 40 – 46.
10. Мазниченко М.А., Папазян Г.С. Воспитательный потенциал студенческого событийного волонтерства // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 6 (63). С. 80 – 97.

Fomenko Vita Alexandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354055, Russian Federation). E-mail: vitafofomenco@mail.ru

Plyakich Manushak Nazaretovna, Candidate of Sociological Sciences, Assistant Vice-Rector for Educational and Social Work, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354055, Russian Federation). E-mail: mb.sgu@mail.ru

Balabanova Anna Olegovna, Senior Lecturer, Department of Administration, Accounting and Audit, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354055, Russian Federation). E-mail: annabalabanovasochi@gmail.com

MANAGERIAL DEVELOPMENT OF FUTURE YOUNG SPECIALISTS IN THE PROCESS OF ORGANIZING AND PARTICIPATING IN EVENT ACTIVITIES

Abstract

The article is devoted to the managerial development of future specialists, taking into account direct and long-term participation in various event events. A detailed review of regulatory legal acts, literary sources that reveal the concepts of «youth», «young specialist» is presented. The importance and significance of event events in improving and developing the labor potential of future young specialists is determined. Analyzed the statistical data of Rosstat, HeadHunter company in terms of youth employment and requirements for them in the Russian labor market. The key aspects of the effectiveness and focus of event activities for future young

specialists are outlined. The necessity of youth participation in event activities for further successful employment, increasing labor potential for professions that are in demand at the labor exchange has been proved.

Keywords: *management, youth, event activities, volunteering, event volunteering, development, labor potential.*

References

1. Romanova G.M., Petrova S.V., Maznichenko M.A., Brevnova S.V., Grigorashchenko-Alieva N.M. Molodyozhnyy centr duhovno-nravstvennogo i social'nogo razvitiya: vklad v uluchshenie gorodskoy i regional'noy sredy // Vysshee obrazovanie v Rossii. T. 27. № 11. 2018. P. 97 – 107.
2. Petrova S.V., Fomenko V.A., Plyakich M.N. Social'no-kul'turnyy analiz upravleniya volonterskoj deyatel'nost'yu v usloviyakh politiko-ekonomicheskikh transformacij // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 4. P. 204 – 211.
3. Balabanova A.O. The research of rural settlement tourist territory's social development management // Promyshlennost' i sel'skoe hozyajstvo (Gosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Donbasskaya agrarnaya akademiya» (Makeevka)). № 8 (25). 2020. P. 49 – 52.
4. YUDina T.A., Maluhina G.M., CHesnokova E.N. Rol' mega-sobytij v razvitii predpriyatij sociokul'turnoj sfery i kul'turnoj politiki regiona (na primere goroda Volgograda i goroda Sochi): monografiya. Volgograd: Izd-vo IP Nikulina, 2016. 132 p.
5. Balabanova A.O., Keshchyan N.A. Znachenie i neobhodimost' podgotovki professional'nyh kadrov gosudarstvennogo municipal'nogo upravleniya dlya turisticheskoy sfery // Turizm: gostepriimstvo, sport, industriya pitaniya. Materialy II Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Otv. red. K.G. Tomilin. Sochi, 2016. P. 24 – 27.
6. Fomenko V.A. Educational youth tourism in Russia as a basis for the formation of the labor potential of regional staff // European Journal of Economic Studies. 2019. 8(2): 104-109.
7. Maznichenko M.A., Papazyan G.S., Popov D.I., CHeremshanov S.V. Issledovanie razvivayushchego potentsiala studencheskogo sobytijnogo volonterstva // Vestnik RMAT. Izd-vo: Rossiyskaya mezhdunarodnaya akademiya turizma. № 2. 2019. P. 25 – 34.
8. Kireeva A.V. Trudovoj potentsial molodezhi Rossiyskoj Federacii v sovremennykh usloviyakh // Sodejstvie professional'nomu stanovleniyu lichnosti i trudoustrojstvu molodykh specialistov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-h chastyah. Pod redakciej S.A. Mihajlichenko, YU.YU. Buryaka. Belgorod, 2020. P. 333 – 337.
9. Sihynbaeva ZH.S., ZHumabekov R.K., Asanov T.I. Trudovoj potentsial kak odin iz putej povysheniya social'noj aktivnosti studencheskoy molodezhi // Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii. Sbornik nauchnykh statej po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Otv. red. D.R. Hismatullin. Ufa, 2020. P. 40 – 46.
10. Maznichenko M.A., Papazyan G.S. Vospitatel'nyj potentsial studencheskogo sobytijnogo volonterstva // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2019. T. 1. № 6 (63). P. 80 – 97.

УДК 378.147

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-82-86

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И СМЕНА ПАРАДИГМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ Г. МОСКВЫ

Черкасова

Марина

Александровна

доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный университет управления (109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр., 99). E-mail: Msk-1972@mail.ru

Аннотация

Стремительный рост городов и численности их населения требует смены парадигмы управления городскими муниципальными образованиями. Более эффективному управлению городскими территориями будут содействовать новейшие цифровые технологии, способствующие формированию не только комфортной жизненной среды локальной территории, но и нового уклада жизни, в основе которого будут лежать сетевые взаимодействия. В статье содержится краткая характеристика технологий и концепций, наиболее практикуемых муниципальными органами власти. Подчеркивается значение цифровых технологий в формировании коммуникативных связей между органами власти и сетевыми сообществами муниципальной территории. Раскрывается роль сетевизации в смене парадигмы муниципального управления.

Ключевые слова: *парадигма управления, сетевое сообщество, цифровые технологии, коммуникативные связи, управленческий процесс, муниципальная власть, городская среда, городское пространство, управленческие технологии.*

Стремительный рост городов, как в территориальном плане, так и в плане численности их населения, обусловил определенные трудности в осуществлении эффективного управления городским пространством. В новых условиях развития парадигмы эффективность формирования безопасной и комфортной городской среды зависит от степени интеграции в управленческий процесс новейших информационных технологий, в числе которых ведущую роль играют цифровые.

Цифровизация национальной экономики в первую очередь преследует цель обеспечения эффективного функционирования управленческой системы современного города, что в течении последних десятилетий является определяющим трендом экономики России. Внедрение интерактивных цифровых технологий в управленческий процесс позволит муниципальной власти более эффективно управлять распределением ресурсов для повышения качества жизни населения и городским пространством, формируя комфортную городскую среду. Развитие единого информационного пространства в России невозможно без внедрения в него локальных информационных программ муниципалитетов, являющихся основными составляющими этого пространства.

Целью нашего исследования стало изучение инновационных технологий, способствующих повышению эффективности муниципального управления, а так же роли сетевизации в достижении устойчивого развития территории.

Зависимость эффективности управления от условий внешней среды и действующих в ней факторов побуждает органы муниципальной власти осуществлять стратегическое управление, применяя управленческие технологии, учитывающие динамичность и неопределенность внешней среды.

На сегодняшний день, по мнению научно-экспертного сообщества, альтернативными концепциями, обеспечивающими высокий уровень качества обслуживания граждан и прозрачности управленческой деятельности в муниципальном образовании, служат такие, как: «умный город», «открытый муниципалитет», «город-корпорация», «Сити-менеджмент», «менеджмент качества».

Информационная технология «Умный город» призвана ускорить развитие города, создавая в нем комфортные условия для жизни. Используя данные, накопленные в результате цифровизации муниципальной экономики, проще выявлять городские проблемы и принимать эффективные решения по их устранению, более целенаправленно осуществлять распределение городских ресурсов, глубже изучать запросы и потребности горожан.

Альтернативная концепция «Открытый муниципалитет» полагает реализацию взаимодействия власти и общества с целью соблюдения принципов открытого муниципального управления. То есть исполнительная и представительная власти, проводя политику открытости, повышают не только уровень доверия, но и престиж своей деятельности.

Идея концепции «Город - корпорация» заключается в сплочении узкокорпоративных интересов с интересами городского сообщества в развитии корпоративного управления муниципальным образованием. Такой тип управленческой технологии должен устранить конфронтацию, имеющую место на сегодняшний день.

Технология управления «Сити-менеджмент» призвана встроить в вертикаль власти органы местного самоуправления. Для российской системы управления это сравнительно новая технология. Но, несмотря на незначительный практический опыт, концепция «Сити-менеджмент» реализуется более чем в 20 % муниципальных администраций. Свыше 40 субъектов Российской Федерации в своих административных центрах имеют «управленца по контракту». И все же, на данный момент, все еще отсутствует единое мнение ученых и экспертов по поводу эффективности модели управления «Сити-менеджмент». Одни видят в этой модели только недостатки, другие, ссылаясь на положительные эффекты, пытаются обосновать необходимость дальнейшего функционирования модели с целью совершенствования отечественной системы муниципального управления.

Новый этап реализации муниципальной реформы, направленный на расширение прав местных органов власти субъектов Российской Федерации в осуществлении местного самоуправления, связан с переходом к модели управления муниципальным образованием с Сити-менеджером.

Достижению целей по повышению качества управления и предоставляемых услуг местной администрацией может способствовать одна из новых технологий «Менеджмент качества». Цель этой технологии - направить деятельность муниципальной власти по пути ее совершенствования и повышения эффективности.

Начало интеграции очередного этапа закона о муниципальной реформе в систему управления связано с ярко выраженным трендом цифровизации экономики - сетевизацией.

Сетевизация - это инновационный тип управления, при котором одной из главных является цель интеграции органов местного самоуправления в вертикаль власти.

Характеризуясь виртуальностью функционирования, сетевая организация требует для своего развития, в качестве важнейшего ресурса, определенного уровня знаний сетевой логики. Если обратиться к работам Мануэла Кастельса, то становится очевидным, что в 21 веке «доминирование информации перестает быть главной особенностью. На смену этому тренду приходит потребность в сетевой логике ее использования, а стремительная интеграция интернет-технологий в социально-экономические системы привела к формированию нового мироустройства, при котором сетевые структуры взаимодействия становятся основой общественно-экономической организации» [2].

Для технологий управления инновационного типа сетевая форма организации становится способом адаптации отдельных видов социальной практики. В условиях возрастающей конкуренции изменяются стиль и методы управления, опирающиеся не только на рост объема информации, но и на рост ее ценности.

Н.А. Серова в своих работах указывает на тот факт, что «инновационное обновление методов управления невозможно без координации отдельных видов социальной практики, без роста объема и ценности социальной информации» [4]. Современные медийные средства коммуникации сравнительно быстро интегрируют проблемные вопросы в социальную практику, невзирая на все еще слабую централизацию общественных проблем локальной территории.

До июля 2012 года в границах Москвы располагалось 125 муниципальных округов, наделенных отдельными полномочиями, в соответствии с законом города Москвы от 11.07.2012 г. № 39 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных округов в городе Москве отдельными полномочиями города Москвы¹».

Такие полномочия органам местного самоуправления представлялись:

- в решении вопросов благоустройства муниципальной территории;
- в решении проблем содержания и капитального ремонта жилищного фонда;
- в определении места размещения объектов капитального строительства;
- в организации эффективной работы управляющего органа муниципального района и входящих в него городских организаций;
- в разработке и утверждении дополнений к плану социально-экономического развития муниципальной территории.

С июля 2012 года в состав города Москвы вошло еще 2 городских округа и 19 городских поселений, за которыми сохранились права по решению значительного перечня вопросов местного значения, согласно положениям закона города Москвы от 28.07.2011 г. № 36 «Об особенностях организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, включенных в состав внутригородской территории города Москвы в результате изменения границ города Москвы, и о внесении изменений в статью 1 Закона города Москвы от 6 ноября 2002 года № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве²».

Поскольку Москва, помимо того, что это город - столица, является еще и городом - поселением, в данном случае ее правомерно рассматривать как муниципальное образование (субъект федеративного государства), а, следовательно, системе местного самоуправления, прошедшей долгий путь становления, необходимо вновь вступить в процессе реформирования.

Московское Правительство, для привлечения к участию в решении городских проблем жителей столицы, разработало специальный сайт и программу для мобильных телефонов, посредством которых было проведено 580 голосований по всем вопросам, требующим мнения москвичей, и принято 250 решений. С помощью on-line сервиса «Активный гражданин» - [ury:http://ag.mas.ru](http://ag.mas.ru) к участию в решении городских проблем за период с мая 2014 года по март 2015 года было привлечено более 1 миллиона жителей Москвы.

Основным трендом современного этапа социального развития российского общества стало желание осмысленного участия граждан в процессах принятия решений, влияющих на их жизнь, на изменение среды обитания. Традиционные формы гражданской активности за счет перехода на цифровую основу приобретают возможность прямого воздействия на принятие решений, влияющих на жизнь сообществ, на удовлетворение их запросов и интересов.

Став свидетелями появления новой социальной реальности, имеющей свои закономерности развития, нельзя не отметить появление локальных интернет-сообществ, которые характеризуются виртуальностью и двумя принципиальными особенностями:

- доминирующее число участников интернет-сообществ проживает в городской черте;
- коммуникативной целью участников сетевой организации являются проблемы этой локальной территории.

Ответы на стратегические вызовы способна дать новая парадигма муниципального управления, основанная на цифровых технологиях, позволяющая развивать отношения муниципальных

¹ Закон № 39 от 11.07.2012 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных округов в городе Москве отдельными полномочиями города Москвы».

² Закон № 36 от 28.07.2011 «Об особенностях организации местного самоуправления в муниципальных образованиях, включенных в состав внутригородской территории города Москвы в результате изменения границ города Москвы, и о внесении изменений в статью 1 Закона города Москвы от 6 ноября 2002 года № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве».

органов власти с местным сообществом в горизонтальной плоскости, что для российских процессов администрирования является новым типом отношений, который вовлекает всех участников в динамичные, насыщенные коммуникацией, взаимодействия.

Для сферы муниципального управления важно иметь сформированные социальные связи, как по горизонтали, так и по вертикали. Оба направления социальных связей возможно формировать с участием сетевых сообществ. Построенные на доверии и повседневном общении, горизонтальные связи служат мотивацией для самоорганизации граждан с целью решения территориальных проблем без участия государственных органов власти. Участники определенной группы, включенной в сеть, имеют возможность использования и обмена информацией, эмоциональными ресурсами, материальной базой, увеличивая социальный капитал группы, способный в определенных условиях повышать эффективность и качество жизни его владельцев. По мнению П. Бурдые, «социальный капитал представляет совокупность как реальных, так и потенциальных ресурсов, социальных контактов, институционализированных отношений участников социальных связей. Увеличиваясь через взаимодействия участников таких связей, социальный капитал создает платформу для коллективных действий».

Качество непосредственно процесса управления муниципальной территорией возможно повысить построением вертикальных связей, которые будут способствовать развитию подотчетности муниципальных органов власти сетевым организациям горожан. Необходимость формирования устойчивых горизонтальных и вертикальных социальных связей стала особенно актуально в эпоху глобальной цифровизации [3]. Появление и развитие интернет-технологий стало инструментом формирования принципиально новых форм и технологий управления. Благодаря развитию сетевого общества, появилась новая - сетевая публичность, затрагивающая электоральные процессы. Сетевая организация гражданской активности, согласно мнению А.А. Фролова, может проявляться в «трех видах сетевых движений:

- сетевые инициативы, организуемые гражданами по собственному решению для устранения общих проблем городской территории или они же низовые сетевые инициативы;
- сетевые движения организациями, созданными посредством властных структур для решения вопросов по актуальным темам локальной территории или протровертикальные сетевые движения;
- сетевые движения, получающие поддержку властных структур разного уровня и опирающиеся на активность простых участников движения, так называемые гибридные сетевые движения» [1].

Коммуникационные площадки, создаваемые цифровыми технологиями для горизонтального взаимодействия субъектов управления, способствуют формированию сетевых сообществ. Теперь уже сетевые сообщества, а не отдельные люди, становятся участниками обсуждения городских и региональных программ, определяют будущее территории. Сетевые сообщества задают требования к инфраструктуре и городской среде, обсуждают предложения по изменению преобладающих социально-экономических практик.

Сетевые сообщества имеют опыт обсуждения проблемных вопросов на различных коммуникативных площадках, онлайн-форумах, что особенно актуально в городах. На городской территории социальные связи большей плотности, поэтому эффект взаимозависимости среды и деятельности людей проявляется наиболее ярко.

Таким образом, для смены парадигмы управления городскими муниципальными образованиями, необходимо привлекать сетевые сообщества, проживающие на данной территории, с применением цифровых технологий модерировать различные коммуникативные площадки, способствовать горизонтальному взаимодействию людей на локальной территории, перейти к инновационно-ориентированному типу управления - сетевизации.

Литература

1. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России.// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2.С. 195 – 198.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. 2000/ Мануэль Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М., 2000. 606. с.
3. Рослякова М.Н. Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления. // Политика и Общество, 2018. № 8. С. 42 – 55.
4. Серова Н.А. Институциональная организация органов местного самоуправления в условиях российской муниципальной реформы // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 2 (23). С. 5 – 10.

5. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. Т. 13. № 4. Сентябрь 2012 г. С. 186 – 210.
-

Cherkasova Marina Alexandrovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of State and Municipal Management, State University of management (99, Ryazan Av., Moscow, 109542, Russian Federation). E-mail: Msk-1972@mail.ru

ONLINE COMMUNITIES AND CHANGE OF PARADIGMS OF MUNICIPAL GOVERNANCE ON THE EXAMPLE OF MOSCOW

Abstract

The rapid growth of cities and their population requires a change in the management paradigm of urban municipalities. More effective management of urban areas will be promoted by the latest digital technologies that contribute to the formation of not only a comfortable living environment of the local territory, but also a new way of life, which will be based on network interactions. The article contains a brief description of the technologies and concepts most practiced by municipal authorities. The importance of digital technologies in the formation of communication links between the authorities and the network communities of the municipal territory is emphasized. The role of network management in changing the paradigm of municipal management is revealed.

Keywords: management paradigm, network community, digital technologies, communications, management process, municipal government, urban environment, urban space, management technologies.

References

1. Golovin YU.A., Frolov A.A. Praktiki setevoy grazhdanskoj aktivnosti v sovremennoj Rossii. // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2016. № 2. P. 195 – 198.
2. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. 2000/ Manuel' Kastel's; per. s angl. pod nauch. red. O.I. SHkaratana; Gos. un-t. Vyssh. shk. ekonomiki. M., 2000. 606. p.
3. Roslyakova M.N. Gorodskie soobshchestva kak ob"ekt i vazhnejshij resurs municipal'nogo upravleniya. // Politika i Obshchestvo, 2018. № 8. P. 42 – 55.
4. Serova N.A. Institucional'naya organizaciya organov mestnogo samoupravleniya v usloviyah rossijskoj municipal'noj reformy // Municipalitet: ekonomika i upravlenie. 2018. № 2 (23). P. 5 – 10.
5. Smorodinskaya N.V. Smena paradigmy mirovogo razvitiya i stanovlenie setevoy ekonomiki // Ekonomicheskaya sociologiya. T. 13. № 4. Sentyabr' 2012 g. P. 186 – 210.

**МИРОВАЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА:
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ 2020 ГОДА**

Акопова Елена Сергеевна	доктор экономических наук, профессор кафедры коммерции и логистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: akopova-sovet@mail.ru
Пиливанова Елена Кишгоровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры коммерции и логистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: porova_plk@mail.ru
Самыгин Сергей Иванович	доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы мировой транспортно-логистической инфраструктуры в условиях цифровой трансформации. В рамках теоретико-методологического исследования анализируются три базовых понятия: цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровая платформа. Основная идея «download the 2020 digital transformation» редуцируется к интерпретации переформатирования, цифровой трансформации 2020 года, в том числе и по отношению к мировой транспортно-логистической инфраструктуре. Современные инновационные инструменты, применяемые в рамках мировой транспортно-логистической инфраструктуры в условиях цифровой трансформации, направлены на то, чтобы участники рынка могли произвести оптимизацию своих временных и денежных ресурсов, при этом сохранить качество выполняемой работы не повышая стоимость производимых услуг.

Ключевые слова: *мировая транспортно-логистическая инфраструктура, цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровое переформатирование, цифровизация мировой экономики, цифровая платформа, цифровые технологии, глобализационные процессы, бизнес-процессы.*

В настоящее время мировая транспортно-логистическая инфраструктура испытывает на себе влияние глобализационных процессов и активное внедрение цифровых технологий. А в 2020 г. на фоне коронавирусного кризиса, усиливающего неопределенность и глобальные вызовы, все больше заявило о себе нестабильное быстро изменяющееся социально-экономическое пространство [1, 2]. При этом, как показывает практика, цифровые технологии и ключевая роль так называемой диджитализации продолжают расширять свое тотальное влияние в рамках транспортной логистики, трансформируя количественный и качественный состав элементов транспортно-логистической инфраструктуры [3]. Как подчеркивают Ю.И. Енин и Н.А. Подобед, «базовая инфраструктура цифрового мира теперь обеспечивает широкополосным доступом в сеть Интернет миллиарды пользователей в сегментах B2B и B2C» [4, с. 4].

Мировая транспортно-логистическая система оказалась одной из наиболее пострадавших сфер в результате пандемии COVID-19. В основе негативных последствий лежат самые разные факторы, в числе которых: закрытие государственных границ, введение ограничений на передвижение людей и товаров, разрыв производственно-сбытовых цепочек, снижение спроса и покупательной способности. Совокупность данных факторов в связи с цифровой трансформацией (digital transformation) отразилась на всех видах транспортно-логистической инфраструктуры – от использования личного и общественного транспорта в городах до осуществления пассажирских и грузовых перевозок как внутри стран, так и между ними.

Методологическая и теоретическая база данного исследования состоит из концептуальных положений экономической теории, а также цифровизации мировой экономики, раскрывающих три базовых понятия: цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровая платформа, что позволяет обратиться к предметному полю исследования – мировой транспортно-логистической инфраструктуре в условиях download the 2020 digital transformation.

Процесс цифровизации в широком смысле данного понятия обозначает трансформацию социально-экономической сферы с активным использованием информационных технологий, направленных на создание, обработку и обмен информацией¹.

Касаясь цифровой экономики, отметим, что ее создание влечет за собой организацию такой системы, где распространены цифровые данные, являющиеся основным фактором производства (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р). Цифровая экономика представлена такими уровнями, как рынки, где взаимодействуют потребители и поставщики, информационные платформы, которые помогают в формировании необходимых компетенций и непосредственно среда для развития цифровых технологий.

Цифровая трансформация влечет за собой изменения в бизнес-процессах посредством активного внедрения цифровых технологий. Данные трансформации влекут за собой увеличение рынка и конкурентную среду².

В рамках цифровой экономики активно используются цифровые платформы, которые представляют собой инструмент, направленный на цифровую трансформацию традиционных отраслей и рынков³.

А.С. Сеницына дает более развернутую трактовку цифровой платформы, подчеркивая, что это «совокупность цифровых данных, стандартов, моделей, методов и средств информационно и технологически интегрированных в единую автоматизированную функциональную систему, предназначенную для управления целевой сферой, ее субъектам и организацией взаимодействия между ними и с ними; открытая для присоединения новых субъектов и позволяющая субъектам создавать собственные продукты и услуги и в дальнейшем предоставлять их на платформе. В такой системе алгоритмизированных взаимоотношений участников рынка создается единая информационная среда, позволяющая снизить транзакционные издержки за счет применения пакета цифровых технологий и изменения системы разделения и кооперации труда» [5, с. 292].

Что же означает актуализировавшееся в 2020 году и распространившееся в научном обороте понятие «download the 2020 digital transformation»?

Заметим, что сегодня существует целый ряд активно используемых значений понятия «download the 2020 digital transformation», основная идея которых редуцируется к интерпретации переформатирования, цифровой трансформации 2020 года⁴, в том числе и по отношению к мировой транспортно-логистической инфраструктуре.

В имеющейся научно-исследовательской практике при изучении факторов цифровой трансформации в области мировой транспортно-логистической инфраструктуры преобладают качественные методы анализа, такие, например, как кейс-стади, библиометрические исследования, интервью с представителями логистической отрасли, а также анализ данных опросов и мониторингов с помощью статистических методов [6, 7].

Основные предпосылки цифрового переформатирования мировой транспортно-логистической инфраструктуры связаны с такими процессами, как организация цифровых рынков, куда можно отнести рынки капитала, товаров, услуг и рабочей силы. Также цифровизация проникает в процессы управления и появляются новые виды труда из-за цифровой кросс-отраслевой трансформации [8].

По мнению В.Г. Варнавского, транспортно-логистический процесс активно используется в процессе транспортировки грузов. В глобальном масштабе данный процесс в настоящее время представляет отдельную отрасль. В.Г. Варнавский утверждает: «Издержки на нее, если отделить их от затрат на собственно перевозку, сейчас составляют до половины всех транспортных расходов» [9, с. 7].

На транспортно-логистический рынок выходят новые акторы процесса, которые выстраивают свою деятельность при помощи новейших технологий. Данный рынок совершенствуется и разрастается, и если у перевозчиков среднего звена не будет денежной поддержки на то, чтобы внедрять цифровые технологии в процесс перевозок, то через несколько лет они рискуют покинуть рынок. Е.А. Яковлева, В.А. Зеликов выделяют следующие факторы, которые сдерживают цифровизацию транспортно-логистической отрасли [10, с. 245]:

- Осознание компаний, работающих в данной сфере, что необходимо меняться.
- Готовность компаний к изменениям.

¹ Данное определение приводится, в частности, экспертами UNCTAD (The Transformative Economic Impact of Digital Technology, http://unctad.org/meetings/en/Presentation/ecn162015p09_Katz_en.pdf)

² Месропян В. Цифровые платформы - новая рыночная власть. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?*=qzwUI2ykweS6MSIAcseAliAkhTp7InVyBCL6Imh0dHBz0i8vd3d3LmVjb24ubXN1LnJ1L3N5c.

³ Там же.

⁴ <https://www.abbreviationfinder.org/ru/acronyms/download.htm>

- Финансовые возможности.
- Размер компании.
- Профессиональные кадры.

И.С. Лола и М.Б. Бакеев делают следующий вывод, касающийся факторов цифровой трансформации и происходящего цифрового перехода: первостепенным в ближайшей перспективе «должно стать изучение цифровой зрелости, заключающейся в качественном переходе к опоре на использование цифровизированных бизнес-моделей от стадии отдельных экспериментов и спорадических инициатив. По мере нарастания этих тенденций исследователям удастся глубже охарактеризовать особенности текущего цифрового технологического перехода, сравнить его с предыдущими индустриальными трансформациями» [11, с. 94].

Согласно Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 г., цифровая трансформация транспортно-логистической отрасли представляет собой радикальное и всеобъемлющее повышение эффективности данной отрасли благодаря применению цифровых технологий наряду с традиционными инструментами, а также интеграции данных из разных направлений бизнеса¹.

Евразийский экономический союз отмечает, что сформировать единое цифровое пространство транспортно-логистической отрасли – это очень важно и необходимо в современных условиях. Данное пространство позволяет внедрять новые идеи, которые можно будет использовать в рамках реализации «дорожных карт». Также это поможет и в трансформации транспортной системы.

11 октября 2017 г. прошло очередное заседание Высшего Евразийского экономического совета, где был утвержден следующий документ: «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.».

Данный документ закрепил следующие направления развития:

- цифровизация экономики, куда входит транспортно-логистическая инфраструктура;
- развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов.

Специалисты предполагают, что эффект от цифровизации будет весьма высок. Например, по экспертным оценкам, может произойти прирост ВВП Союза за счет цифровизации к 2025 г. и может составить до 10% [12, с. 6].

Ключевыми процессами перехода на цифровые технологии всей мировой транспортно-логистической инфраструктуры в целом, и российской транспортно-логистической инфраструктуры, в частности, по заключению отечественных исследователей Н.А. Клычевой и Е.С. Прокофьева, являются:

- во-первых, переход от элементарной автоматизации процессов к их трансформации, связанной с разработкой инновационных технологических процессов;
- во-вторых, актуализация и переработка нормативно-правовой базы, наряду с разработкой отраслевых стандартов;
- в-третьих, модернизация и оптимизация объектов транспортно-логистической инфраструктуры «в едином транспортном пространстве на основе ориентированности на клиентов» [13, с. 51 – 52];
- в-четвертых, внедрение и привлечение мировых инновационных технологий в области транспортно-логистической инфраструктуры;
- в-пятых, интеграция с программой Цифровая экономика Российской Федерации и «создание цифровых сервисов транспортно-логистической инфраструктуры» [13, с. 54].

Анализируя ситуацию в отрасли в целом, экспертами Всемирного банка выделена группа типовых мер, реализованных предприятиями транспортно-логистического комплекса, имеющих отношение к вопросам сокращения риска передачи инфекции контексте пандемии, которые, в том числе, и стали причиной дополнительных экономических издержек и феномена реформирования «download the 2020 digital transformation». Так, в Дайджесте 2020 г., посвященном анализу транспортно-логистической сферы в контексте COVID-19, отражено, что в транспортной сфере наблюдается адаптация к обновленным условиям деятельности, но при этом сохраняется целый ряд рисков и фактор роста количества заболевших создает неопределенность в отношении глобальных транспортно-логистических систем. При этом, как сказано в документе, «неопределенность касается не только сроков возвращения к докризисным показателям, но и будущего образа транспортной сферы в посткоронавирусном мире в целом»².

Что касается мер, связанных с «download the 2020 digital transformation», то на мировом уровне произошло внедрение технологий отслеживания контактов, расширение использования

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.

² Транспортная сфера в контексте COVID-19. Дайджест. 2020. С.3
https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/?page=27&*=%3D%3D&lang=ru

цифровых технологий для определения потенциально зараженных граждан и находившихся с ними в непосредственной близости пассажиров¹.

Цифровая трансформация мировой транспортно-логистической инфраструктуры – это не просто тактически-технологическая, но, главным образом, стратегически-управленческая задача, стоящая перед мировым экономическим пространством.

Сегодня мировой транспортно-логистической инфраструктурой разрабатываются новые эффективные методы управления материальными потоками в сферах производства и обращения и одной из стратегических задач, стоящих перед мировой логистикой, является построение различных вариантов математических моделей функционирования мировых логистических систем.

Как подчеркивает Т.В. Лабутина, весьма востребованными и широко применяемыми в практике мировой логистики стали различные методы моделирования, т.е. «исследования логистических систем и процессов путем построения и изучения их моделей» [14, с. 65].

Наиболее распространенными методами в области мировой транспортно-логистической инфраструктуры стали две разновидности цифрового моделирования: аналитическое и имитационное.

Аналитическое моделирование связано с математическим приемом исследования логистических систем, оно осуществляется посредством современных компьютерных технологий.

Что касается имитационного моделирования, то закономерности, влияющие на количественные отношения транспортно-логистических процессов, остаются непознанными [14, с. 65].

Ю.И. Енин и Н.А. Подобед выделили шесть групп факторов, влияющих на «download the 2020 digital transformation» [4]:

- глобальная цифровизация экономики. В мировом масштабе были созданы и стали активно развиваться новые модели бизнеса с использованием цифровизации, создание и внедрение информационных цифровых платформ;

- трансформационные процессы в рамках международной торговли. Например, объемы торговли между Европой и Азией увеличились, также возникли новые транспортные и торговые маршруты. Одним из перспективных направлений в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) выступает формирование единой мультимодальной компании, которая сможет интегрировать транзитные маршруты при помощи альянсов с национальными операторами Союза;

- также в процессы бизнеса активно внедряются новые технологии, например, технологии искусственного интеллекта, использование анализа больших данных, блокчейн- технологии и многое другое) [15];

- происходит трансформация внутренних рынков ЕАЭС. Данная трансформация идет при помощи внедрения элементов электронной коммерции бизнесом, что позволяет увеличить местное потребление;

- внедрение цифровых технологий в коммерческие процессы. Также здесь активно используются процессы роботизации, что в перспективе позволит увеличить мировой рынок роботизации к 2021 г. на 35%. Например, роботизация используется в системе транспортно-складского оборудования;

- кластеризация мировой транспортно-логистической инфраструктуры, что позволит обеспечить наиболее целесообразное перераспределение ресурсов в модели «центр-периферия» [16].

Если мы обратимся к современным автомобилям, то производители создают сейчас умные машины подобные компьютерам. Водитель может получать информацию о характеристиках автомобиля по установленным датчикам. Использование интеллектуальных двигателей поможет водителю переключаться между различными источниками топлива в зависимости от условий движения. Также и программное обеспечение, установленное в машине, будет давать возможность автомобилю самовосстановиться – найти и устранить сбой до того, как они дадут о себе знать, что позволит избежать аварийных ситуаций.

Современные инновационные инструменты, применяемые в рамках мировой транспортно-логистической инфраструктуры в условиях цифровой трансформации, направлены на то, чтобы участники рынка могли произвести оптимизацию своих временных и денежных ресурсов, при этом сохранить качество выполняемой работы не повышая стоимость производимых услуг.

Транспортно-логистическая инфраструктура стала расти за счет организации мультимодальных транспортно-логистических центров, отвечающих за перегрузку, обработку, хранение и распределение грузов. Также данные центры ведут информационное и правовое сопровождение товарных потоков. Мультимодальные транспортно-логистические центры способны принимать и обрабатывать огромные объемы продукции. В связи с тем, что активно внедряются цифровые технологии в транспортно-логистической отрасли, в процессе доставки сохраняется высокое качество продукции, а также сокращаются сроки доставки товара.

¹ Транспортная сфера в контексте COVID-19. Дайджест. 2020.

В ближайшем будущем облик цифрового пространства будет определяться такими направлениями:

- мультимодальные перевозки грузов;
- прямые смешанные перевозки пассажирского типа;
- применение единых стандартов при управлении цифровой транспортно-логистической инфраструктурой;
- транспортно-логистическая безопасность.

В связи с тем, что интересы участников экономического рынка многополярны и между ними существует жесткая конкуренция, требуется обеспечивать конфиденциальность информационных потоков. Но в то же самое время, информация о технологических процессах контрагентов дает возможность каждому участнику рынка повысить уровень своей эффективности.

А.С. Сеницына считает, что если будет создана единая цифровая платформа транспортно-логистического комплекса, то это позволит России активным образом войти в мировую транспортную систему, где будет реализован потенциал России. Также цифровая платформа позволит улучшить транспортно-логистические услуги, «обеспечить максимальную загрузку отечественной инфраструктуры, осуществить перевод национальной транспортной отрасли на электронный документооборот с использованием лучших международных и отечественных стандартов и практик, а также открыть новые возможности для роста транспортной отрасли в условиях цифровизации мирового транспортного и логистического рынка» [5, с. 295].

Таким образом, события 2020 года повысили ценность и актуальность цифровой трансформации, в том числе и в сфере мировой транспортно-логистической инфраструктуры. Экономические и социальные ограничения, вызванные пандемией, стали своеобразным драйвером перехода на инновационные бизнес-модели, цифровые платформы и сервисы.

Литература

1. Гафиагулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. Монография. М., 2020.
2. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. 2020. Т. 9. № 4. С. 830-845.
3. Zelikov V.A., Akopova E.S., Pilivanova E.K., Popova L.K. Model of Management of the risk component of Intermodal transport: Information and communication technologies of transport logistics // Advances in intelligent system and computing. Т. 726. 2018. С. 668 – 675.
4. Енин Ю.И., Подобед Н.А. Цифровая трансформация транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС: факторы, уровни и особенности // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2020. №2 (56). С. 4 – 11.
5. Сеницына А.С. Цифровая трансформация транспортного комплекса // Российский университет транспорта РТУ. 2019. С. 291 – 296.
6. Nissen V., Lezina T., Saltan A. The Role of IT-Management in the Digital Transformation of Russian Companies // Foresight and STI Governance. 2018. Т. 12. № 3. С. 53 – 61.
7. Osmundsen K., Iden J., Bygstad B. Digital Transformation: Drivers, Success Factors, and Implications // MCIS 2018 Proceedings, 37. 2018.
8. Подобед Н.А. Формирование единой транспортно-логистической инфраструктуры в контексте евразийской интеграции // Научные труды БГЭУ. Минск, 2019. С. 351 – 359.
9. Варнавский В.Г. Глобальная транспортно-логистическая инфраструктура // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Том 64. № 1. С. 5 – 14.
10. Яковлева Е.А., Зеликов В.А., Титова Е.В., Субхонбердиев А.Ш., Костина Д.К., Губертов Е.А. Цифровизация транспортно-логистической отрасли в условиях глобализации мировой экономики // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. С. 243 – 250.
11. Лола И.С., Бакеев М.В. Драйверы внедрения цифровых технологий в обрабатывающей промышленности России // Информационное общество. 2020. №5. С. 89 – 97.
12. Абдильдин Н.К., Мизанбеков И.Т. Формирование единого цифрового пространства транспортного комплекса // В сборнике: Цифровое сельское хозяйство региона: основные задачи, перспективные направления и системные эффекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию экономического факультета. 2019. С. 6.
13. Клычева Н.А., Прокофьев Е.С. Цифровая трансформация транспортно-логистических услуг // Сборник научных трудов Донецкого института железнодорожного транспорта. 2020. № 56. С. 49 – 55.
14. Лабутина Т.В. Использование методов моделирования при решении задач транспортной логистики // Инновационная наука и современное общество. Уфа, 2015. С. 65 – 67.
15. Аكوпова Е.С., Крятова Г.А., Самыгин С.И. Национальный бизнес в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 343 – 346.

16. Natalia V. Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster // Espacios. Vol. 33 (Number 42). Year 2018. P. 33. <http://www.revistaespacios.com>.

Akopova Elena Sergeevna, Doctor of Economics, Professor of Department of Commerce and Logistics, Rostov state economic university (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: akopova-sovet@mail.ru

Pilivanova Elena Kshgorovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Commerce and Logistics, Rostov state economic university (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: popova_plk@mail.ru

Samygin Sergey Ivanovich, Doctor of Sociology, Professor of Department of Human Resources, Rostov state economic university (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: darya.maksimovich@gmail.com

WORLD TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE: DOWNLOAD THE 2020 DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract

This article examines the problems and prospects of the global transport and logistics infrastructure in the context of digital transformation. Within the framework of theoretical and methodological research, three basic concepts are analyzed: digital economy, digital transformation, digital platform. The main idea of download the 2020 digital transformation is reduced to the interpretation of the reformatting, digital transformation of 2020, including in relation to the global transport and logistics infrastructure. Modern innovative tools used in the global transport and logistics infrastructure in the context of digital transformation are designed to help global market participants optimize operations, reduce costs and time, guaranteeing the reliability of delivery, cargo safety, its quality and consumer value.

Keywords: *global transport and logistics infrastructure, digital economy, digital transformation, digital reformatting, digitalization of the world economy, digital platform, digital technologies, globalization processes, business processes.*

References

1. Gafiatulina N.H., Kas'yanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Rossijskoe obshchestvo v usloviyah sa-moizolyacii. Social'nye efekty i posledstviya pandemii COVID-19. Monografiya. M., 2020.
2. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber social-ization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. 2020. T. 9. № 4. P. 830-845.
3. Zelikov V.A., Akopova E.S., Pilivanova E.K., Popova L.K. Model of Management of the risk component of Intermodal transport: Information and communication technologies of transport logistics // Advances in intelligent system and computing. T. 726. 2018. P. 668 – 675.
4. Enin YU.I., Podobed N.A. Cifrovaya transformaciya transportno-logisticheskoy infrastruktury EAES: faktory, urovni i osobennosti // Vesnik Magilyoŭskaga dzyarzhajna ŭniversiteta imya A.A. Kulyashova. Seryya d. Ekanomika, sacyyalogiya, prava. 2020. №2 (56). P. 4 – 11.
5. Sinicya A.S. Cifrovaya transformaciya transportnogo kompleksa // Rossijskij universitet transporta RUT. 2019. P. 291 – 296.
6. Nissen V., Lezina T., Saltan A. The Role of IT-Management in the Digital Transformation of Russian Companies // Foresight and STI Governance. 2018. T. 12. № 3. P. 53 – 61.
7. Osmundsen K., Iden J., Bygstad B. Digital Transformation: Drivers, Success Factors, and Implications // MCIS 2018 Proceedings, 37. 2018.
8. Podobed N.A. Formirovanie edinoj transportno-logisticheskoy infrastruktury v kontekste evrazijskoj integracii // Nauchnye trudy BGEU. Minsk, 2019. P. 351 – 359.
9. Varnavskij V.G. Global'naya transportno-logisticheskaya infrastruktura // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2020. Tom 64. № 1. P. 5 – 14.
10. YAKovleva E.A., Zelikov V.A., Titova E.V., Subhonberdiev A.SH., Kostina D.K., Gubertov E.A. Cifrovizaciya transportno-logisticheskoy otrasli v usloviyah globalizacii mirovoj ekonomiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tekhnologij. 2019. P. 243 – 250.
11. Lola I.S., Bakeev M.V. Drajvery vnedreniya cifrovyyh tekhnologij v obrabatyvayushchej promyshlennosti Rossii // Informacionnoe obshchestvo. 2020. №5. P. 89 – 97.
12. Abdil'din N.K., Mizanbekov I.T. Formirovanie edinogo cifrovogo prostranstva transportnogo kompleksa // V sbornike: Cifrovoe sel'skoe hozyajstvo regiona: osnovnye zadachi, perspektivnye napravleniya i sistemnye efekty. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu ekonomicheskogo fakul'teta. 2019. P. 6.
13. Klycheva N.A., Prokof'ev E.S. Cifrovaya transformaciya transportno-logisticheskikh uslug // Sbornik nauchnyh trudov Doneckogo instituta zheleznodorožnogo transporta. 2020. № 56. P. 49 – 55.
14. Labutina T.V. Ispolzovanie metodov modelirovaniya pri reshenii zadach transportnoj logistiki // Innovacionnaya nauka i sovremennoe obshchestvo. Ufa, 2015. P. 65 – 67.
15. Akopova E.S., Kryatova G.A., Samygin S.I. Nacional'nyj biznes v usloviyah globalizacii // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 12. P. 343 – 346.
16. Natalia V. Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster // Espacios. Vol. 33 (Number 42). Year 2018. P. 33. <http://www.revistaespacios.com>.

ЗАКУПКИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД: ГАРМОНИЗАЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Белозор Федор Иванович кандидат социологических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (241007, Россия, г. Брянск, ул. Дуки, 61). E-mail: fbelozor@yandex.ru

Аннотация

Отечественная и зарубежные системы регулирования государственных закупок подвержены периодической модернизации в контексте обеспечения национальной экономической безопасности, развития добросовестной конкуренции и экономической эффективности, снижения коррупционных рисков. Современная актуализация государственных и общественных запросов на совершенствование контрактной системы, регулирующей отношения в сфере публичных закупок, требует гармонизации добросовестной конкуренции и экономической эффективности. На основе аналитических исследований автор пришел к заключению, что сбалансированность нормативных правовых, экономических и административных подходов к конкуренции и экономической эффективности в контрактной системе позволят повысить в среднесрочной перспективе эффективность закупок и ответственность за их результаты.

Ключевые слова: закупки для государственных нужд, добросовестная конкуренция, экономическая эффективность, принципы контрактной системы, правовое регулирование, конкурентная среда, эффективность закупок, конкурентное регулирование, система заказов.

Для органов публичной власти при осуществлении закупок актуальна двудеяная, но весьма противоречивая задача: с одной стороны, по оптимальным затратам получить необходимого качества продукт, а с другой, выполнить конкурентные требования контрактного и антимонопольного законодательства, задав некий абстрактный коридор характеристик продукта: не конкретизировав производителя, не указав однозначных и конкретных характеристик товара, страны происхождения товара и т.п. Таким образом, на этом поле в качестве и союзников, и соперников выступают добросовестная конкуренция и эффективность.

Цель данного исследования – раскрыть проблему эффективности закупок для государственных нужд в ее конкурентном и финансовом контексте на основе результатов анализа нормативного правового регулирования и современной практики функционирования контрактной системы.

Проблеме функционирования конкурентной среды и эффективности закупок в государственной контрактной системе посвящены труды многих авторов.

Так, Е.В. Бурденко, А.В. Лазарев, А.Р. Лазарева в своем исследовании раскрывают теоретические и практические аспекты применительно к формированию конкурентной среды при организации государственных закупок, приходят к выводам об усилении роли конкуренции и развитию мер административной ответственности за несоблюдение заказчиками норм конкурентного регулирования в этой сфере» [1, с. 2445 – 2456].

Близкие по актуальности проблемы раскрывает в своем исследовании Н.Ю. Андреев. Автором выделено содержание правовых основ применительно к формированию конкурентной среды в сфере государственных закупок, предложен механизм экономической конкуренции с использованием электронных торговых площадок, обозначены имеющиеся резервы в повышении конкуренции» [2, с. 40 – 46].

Н.Л. Кремповая рассматривает эффективность государственных закупок в измерении экономики, полученной от разницы начальной максимальной цены контракта и цены по заключенному контракту во взаимосвязи с принципами контрактной системы [3, с. 108 – 112].

Н. С. Матвеева, основываясь на проведенном критическом анализе, выделяет более широкий круг вопросов в оценке эффективности и результативности. Автором раскрыты концептуальные подходы к содержанию мониторинга, аудита, экономической оценки эффективности, в т.ч. через результативность расходов на закупку и социально-экономический эффект [4, с. 505 – 521].

Н.В. Нестерович в ретроспективном критическом анализе системы нормативного правового регулирования государственных закупок рассматривает эффективность государственных закупок, как через принцип экономичности закупок [5, с. 56 – 63], так и в контексте конкуренции [6, с. 8 – 15].

Проблемы коррупционных рисков и их преодоление на основе развития антикоррупционных механизмов исследованы и предложены автором в монографии «Коррупция: глобальные вызовы, региональное измерение» [7, с. 56-73].

При наличии частных и комплексных взглядов исследователей на проблему обоснования оценки эффективности государственных закупок следует согласиться с выводами Л.И. Немченко [8, с. 5-6], Л.И. Юзвович, Н.Ю. Исакова, Ю.В. Истомина [9, с. 102-123] в части того, что вопросам эффективности в сфере государственных закупок уделяется недостаточно внимания и «научные взгляды на оценку эффективности государственных закупок, сформированные в рамках системы заказов на поставки товаров, работ, услуг, требуют доработки с учетом развития контрактной системы».

Проблема высокой зависимости экономической эффективности от жестких требований норм права к конкурентности в сфере закупок научным сообществом пока не актуализирована.

В правовых источниках понятие «конкуренция» и ее принципов раскрыты в Федеральном законе «О защите конкуренции», где конкуренция – это «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»¹.

К установленным в законе признакам ограничения конкуренции применительно к предмету нашего исследования относятся: рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке, установление органами публичной власти и организациями, участвующими в предоставлении государственных или муниципальных услуг, при участии в предоставлении таких услуг требований к товарам или к хозяйствующим субъектам, не предусмотренных законодательством Российской Федерации².

В части защиты конкуренции, нормами статьи 17 рассматриваемого закона «запрещается координация между заказчиком и организатором (заказчиками), либо заключение соглашений между заказчиком и участником», которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, при проведении торгов; создание преимущественных условий для каких-либо участников (если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации); создание участнику преимущественных условий участия в торгах включения в состав лотов товаров, работ, услуг, технологически и функционально не связанных с товарами, работами, услугами, поставками, выполнение, оказание которых являются предметом торгов.

В то же время определения добросовестной конкуренции нет ни в юридических, ни в экономических официальных источниках. В законе отражены только понятия «конкуренция», «недобросовестная конкуренция» и др. Определяя дискуссионный характер затрагиваемой проблемы, для целей нашего исследования под добросовестной конкуренцией следует понимать такую, которая не содержит признаков недобросовестной и по своему содержанию тождественна определению конкуренции, приведенному в Федеральном законе «О защите конкуренции»³.

В Конституции Российской Федерации провозглашён принцип государственной поддержки конкуренции, что закрепляет его существенную роль в экономических отношениях государства и субъектов экономической деятельности. Этим демонстрируется то, что право на конкуренцию, как равное и самостоятельное соперничество с другими участниками рынка, является одним из основополагающих элементов предпринимательской деятельности⁴.

На этом основании, принцип обеспечения конкуренции в контрактной системе нашел свое отражение в статье 8 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Здесь определено, что «контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок и должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг»⁵.

Отметим, что конкуренция может нести в себе, как положительные, так и отрицательные явления при формировании отношений в экономической сфере.

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

² Там же п. 17 ст. 4.

³ П. 7 Ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

⁴ Ст. 8 Конституции Российской Федерации.

⁵ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

К положительным относят развитие инициативности хозяйствующих субъектов, что стимулирует производство, повышает качество продукции и развитие экономики; перераспределение товаров на те территории, где в них нуждаются (в противном случае, субъекты экономической деятельности насыщали бы только весьма выгодные для них рынки сбыта); защита представителей бизнеса от случаев криминализации рынка соперниками, применения ими недобросовестных методов соперничества.

Иная, деструктивная сторона конкуренции, может нести в себе источник дестабилизации сложившейся ситуации на рынке; стремление субъектов предпринимательских отношений к монополизации своего сектора деятельности, что может быть фактором ограничения новых участников по их выходу на данный рынок; стремление повысить доходы подталкивает субъектов экономической деятельности к методам, которые будут замораживать рынок (например, недобросовестная реклама, манипулирование информацией и т.п.), одностороннее отражение результатов закупок только через конкуренцию, в ущерб экономической эффективности.

Сущностное содержание эффективности трактуется авторами в зависимости от сферы их исследования. В современных источниках выделено не менее пятидесяти определений. Применительно к проблеме нашего исследования рассмотрим наиболее отвечающие требованиям публичных закупок. В этой связи, эффективность можно рассматривать как достижение результатов закупки с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема определенной продукции исходя из затраченного на их приобретение количества финансовых и других ресурсов.

Ее можно определить и как уровень достижения плановых результатов, и, как оценка результата в сопоставлении с затраченными ресурсами. В классическом подходе, эффективность является отношением результата и затрат, совершенных для его достижения.

В свою очередь в статьях 1 и 12 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» продекларировано отношение к эффективности, где выделено, что закон направлен на повышение эффективности, результативности осуществления закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в этой сфере, а заказчики «при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Уместно заострить внимание на принципах эффективности, которые могут быть применимы в контрактной системе. Такие принципы могут носить следующую направленность:

- соизмеримость и сопоставимость критериев оценки;
- учет социально-экономических условий, воспроизводственных пропорций и органического строения рынка товара (работ, услуг) на данной территории (регионе);
- соотношение целей и задач закупок с государственной политикой в определенной сфере (отрасли) деятельности;
- учет фактора времени, риска и неопределенности.

В контрактной системе к наиболее востребованному, и, в тоже время недостаточно раскрытому в теории, праве и практике следует отнести первый из указанных принципов. Актуален и принцип учета неопределенности. Например, сколько будет подано заявок? Далее, здесь будет наблюдаться зависимость в снижении начальной максимальной цены контракта или его заключении по максимальной стоимости, часто далекой от реально сложившейся цены на рынке.

Таким образом, оценивая современное правовое установление понятий конкуренция и эффективность в нормах права, наблюдается глубокое и исчерпывающее раскрытие содержания конкуренции, её принципов как в общих подходах, так и в контрактной системе. В то же время мы отмечаем декларированный, абстрактный подход к определению содержания эффективности, ее видов, ее принципов, ее прикладном закреплении в контрактной системе.

В подтверждение этому отметим. В нормах права применительно к контрактной системе, на сегодняшний день на защиту конкуренции направлен весь закон «О защите конкуренции» и ряд положений закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В противоположность, эффективность рассматривается как желаемое явление, без глубокого теоретико-правового обоснования ее содержания и аргументированных подходов к ее оценке, без надлежащего нормативного правового регулирования.

Заметим, что и противодействие коррупции, которое неразрывно связано с добросовестной конкуренцией и эффективностью, в законе о контрактной системе только продекларировано. Есть запрос на введение в закон о контрактной системе еще одного принципа – принципа «предотвращения».

щение коррупции», который в критическом подходе позволит по-новому сформулировать многие нормы этого документа, в первую очередь с позиций добросовестной конкуренции и высокой эффективности.

В целях объективности наших исследований отметим, что субъектами государственного управления, начиная от Президента Российской Федерации, предпринимаются попытки повысить конкуренцию и экономическую эффективность деятельности многих отраслей экономики, в том числе и сферу закупок.

Министерство финансов Российской Федерации с 2017 года¹ на плановой основе осуществляет мероприятия, направленные на упрощение контрактной системы, внедрение цифровых технологий в сферу закупок, сокращения процедур в процессе закупок заказчиками. В тоже время, в контрактном законодательстве, в технологиях размещения закупок и проведении процедур закупок имеются значительные не востребуемые резервы и проблемы, влияющие как на обеспечение добросовестной конкуренции, так и на эффективность функционирования всей контрактной системы. Наибольшие противоречия наблюдаются в достоверности и объективности определения начальной максимальной цены контракта методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка), описании требований к объекту закупки, содержании и исполнении контракта, реализации требований по национальному режиму, проведении контрольно-надзорных процедур при осуществлении закупок.

В 2017 г. Президентом Российской Федерации принят Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018-2020 гг.² В документе определено снижение количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления к 2020 г. не менее чем в два раза и увеличение к 2020 г. доли закупок, участниками которых являются только субъекты малого предпринимательства и социально ориентированные некоммерческие организации, не менее чем в два раза по сравнению с 2017 г.

В целях исполнения этого документа правительство утвердило своим распоряжением план мероприятий («дорожную карту») по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации³. Ряд мероприятий направлен на повышение конкуренции в сфере закупок.

На этой основе, в настоящее время, предпринимаются попытки формирования критериев оценки конкурентности и эффективности закупок.

Во исполнение указа органы исполнительной власти федерального уровня утвердили в 2018-19 годы свои перечни показателей, характеризующих эффективность закупок⁴.

В общих подходах ими, как правило, определены такие критерии оценки эффективности, как:

- экономия расходования средств бюджета по результатам конкурентных процедур (%);
- среднее количество заявок участников закупки, поданных для участия в конкурентных процедурах (шт.);
- доля заявок, допущенных к участию в конкурентных процедурах;
- доля освоённых бюджетных средств к доведённым лимитам бюджетных обязательств за отчётный период;
- доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур (%) (при полном отсутствии жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур показатель считается достигнутым - 0).

Учитывая, что ранее Министерством экономического развития Российской Федерации определялся только один критерий эффективности – это объем экономии средств как разница между начальными ценами контракта и ценами, предложенными победителем и конкуренция как количество

¹ Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.08.2013 № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» Министерство финансов Российской Федерации уполномочено на регулирование отношений в контрактной системе, начиная с 2017 года.

² Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 - 2020 годы»).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.08.2018 №1697-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") по развитию конкуренции в отраслях экономики Российской Федерации и переходу отдельных сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка на 2018 – 2020 годы».

⁴ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 134. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 12 ноября 2018 г. № 1523/18.

поданных заявок на ту или иную закупку, то теперь наблюдается прогресс в расширении таких критериев до пяти.

Осуществим анализ каждого из них.

Экономии расходования бюджетных средств по результатам конкурентных процедур определяется как разница между начальной максимальной ценой контракта и ценой предложенной победителем. Методика имеет определенные погрешности и склонна к недостоверности в интегральной оценке, что зависит от ряда обстоятельств.

Когда на данный товар, работу, услугу имеется широкий рынок, и, даже в случае, если заказчик допустил завышение цены, то рынок выравнивает цену и победитель предложит оптимальную. Здесь показатель работает.

Второй вариант – это случай, когда есть дефицит предложений на региональном рынке и подана только одна заявка. Экономии нет, но это не значит, что заказчик неэффективно работает.

Третий вариант. Заказчик использовал лимит на закупки у единственного поставщика (по пп. 4, 5 ст. 93 44-ФЗ) и лимит закупок на основе применения запроса котировок (10% от совокупного годового объема закупок). При таком раскладе он вынужден использовать электронный аукцион с небольшими начальными максимальными ценами. В этом случае его ждет либо отсутствие заявок, либо их минимальное количество. Он будет удовлетворен и одной заявкой. Для «небольших» заказчиков это в порядке вещей. Чтобы исключить такой сценарий было бы целесообразным снять предельное ограничение закупок способом запроса котировок в 10%. Тем более, что результаты мониторингов ставят запросы котировок по оценке конкуренции и эффективности на первое место.

Четвертый вариант. Заказчик идеально просчитал начальную максимальную цену и участникам убыточно пойти на высокие снижения. Автор считает, что эта закупка проведена эффективно.

Пятый вариант. По оценке Счетной палаты Российской Федерации, в 2019 году 76 % общего объема закупок в рамках Федерального закона № 44-ФЗ составляют контракты, заключенные с единственным поставщиком, и несостоявшиеся закупки; в рамках закона № 223-ФЗ на закупки, осуществленные прочими способами, и закупки у единственного поставщика приходится 86,1%¹.

Предпримем попытку оценить эффективность с позиций ценообразования, основываясь на рекомендациях Минэкономразвития Российской Федерации.²

По их методике начальную максимальную цену на товар (часто на услугу, работу) заказчик определяет методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) по средневзвешенной цене, предложенной не менее чем тремя возможными участниками. Даже рекомендовал в отдельных случаях повышающие коэффициенты.

Исследуем возможное развитие событий.

Каждый участник, формируя по предварительному запросу заказчика свое предложение цены желает (часто так и делает) несколько завысить цену, чтобы потом у него была возможность снизить ее на торгах. Много заявок – цена определится с учетом рыночной стоимости товара. Возвращаясь к оценке Счетной палаты, мы видим, что 76% закупок осуществлено у единственного поставщика. Таким образом – ни конкуренции, ни эффективности. Закупаем товар по заведомо завышенной цене. Это наглядно демонстрируется в Отчете Счетной палаты Российской Федерации о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год», см. табл. 1³.

Таблица 1

Объем закупок товаров, работ, услуг у единственного поставщика...

% закупок у единственного поставщика... по заключенным контрактам в результате несостоявшихся торгов, %	2014	2015	2016	2017	2018	2019
	32,2	30,9	43,1	41,7	41,0	58,5

¹ Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации: <https://ach.gov.ru/news/konkurentnost-goszakupok-na-portale-gosraskhody-opublikovan-novyuy-reyting>.

² Приказ Министерства экономического развития России от 2 октября 2013 г. № 567 «Об утверждении методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)».

³ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год» // Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации: <https://ach.gov.ru/news/konkurentnost-goszakupok-na-portale-gosraskhody-opublikovan-novyuy-reyting>. С. 21, рис. 12.

При реализации национальных проектов в 2019 году в пятерку лидеров, по заключенным контрактам с единственным поставщиком вошли проекты «Международная кооперация и экспорт» (64,4%), «Цифровая экономика Российской Федерации» (38,5%), «Демография» (14,9%), «Образование» (10,5%), «Культура» (6,8%)¹.

Результаты расчетов показывают, что при более совершенной системе определения цены по заключаемому контракту с единственным поставщиком, в результате несостоявшихся торгов, бюджетная система страны могла бы иметь экономический эффект в 185,0 -210,0 млрд. рублей, что равноценно 2-3 годовым бюджетам многих субъектов Российской Федерации.

Снижение эффективности контрактной системы наметилось по другим оценкам. Так, по результатам, указанного мониторинга Счетной палаты у поставщиков понижается доверие к контрактной системе. В 2019 году их стало меньше в сравнении с предыдущим годом на 25,8% (331,8-246,1=85,7 или 25,8%).

В этой связи, Министерству финансов Российской Федерации целесообразно предложить иные подходы к определению начальной максимальной цены методом сопоставимых рыночных цен и своим правовым актом закрепить право заказчика применять минимальную из предложенных участниками цен на этапе ее формирования, либо заключать контракт с единственным по минимальной из предложенных участниками цен до размещения закупки. В случаях, когда конкурс, аукцион, запрос котировок признается несостоявшимся, по причине подачи только одной заявки, было бы справедливым при заключении контракта снизить цену на процент снижения начальной максимальной цены контракта сложившийся в контрактной системе по результатам прошлого года, либо установить конкретный показатель, например, 5%. Такой подход уместен для распространения и в случаях закупок по Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Близкие к этому подходы в законодательстве уже закреплены, например, заключение контракта (в установленных законом случаях) на поставку товара иностранного происхождения. Такие меры будут способствовать, как развитию добросовестной конкуренции, так и повышению эффективности закупок.

Учитывая желание и правовые возможности завышения цен, было бы правильным отнести и издательства, которые продают печатные или электронные издания (в том числе используемые в них программно-технические средства и средства защиты информации) определенных авторов к субъектам естественных монополий (п. 14. ст. 93. 44-ФЗ), т.к. они имеют все признаки формирования монопольных цен на свою продукцию.

Продолжая исследование отметим, что Счетная палата Российской Федерации в своих мониторингах при оценке конкуренции использует в качестве основного критерия – количество заявок в закупке поданных для участия в конкурентных процедурах².

На протяжении последних пяти лет ежегодно на одну закупку приходится по статистике три заявки. Это следует оценивать как положительное явление, отражающее возможности рынка и сформировавшиеся рыночные отношения между заказчиками и участниками закупок. В этой связи подход к оценке, предлагаемой Счетной палатой, был актуален на начальной стадии внедрения контрактного законодательства. Применительно к современной практике он искажает результаты, как конкуренции, так и эффективности. Оценка по этому показателю должна определяться по существенным отклонениям в ту или иную сторону от среднего показателя, а не у кого больше всех. Количество заявок может зависеть от многих факторов и в первую очередь от объема закупки, структуры закупок, региональных рынков, удаленности от центров логистики и т.д. Тем более, неуместно подвергать критике регионы по причине того, что победителями стали местные участники. Часто препятствием для внешних поставщиков становятся не барьеры региональных органов власти, а высокие накладные расходы на доставку товара. Либо, более оптимальные цены, предлагаемые местными производителями.

Следующий критерий оценки – доля заявок, допущенных к участию в конкурентных процедурах. Наблюдения показывают – в случае регулярного отклонения заявок по каждой закупке или

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год» // Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации: <https://ach.gov.ru/news/konkurentnost-goszakupok-na-portale-gosraskhody-opublikovan-novyy-reyting>. С. 20.

² Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год». // Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации: <https://ach.gov.ru/news/konkurentnost-goszakupok-na-portale-gosraskhody-opublikovan-novyy-reyting>.

по многим закупкам заказчика, здесь усматривается либо низкие компетенции контрактной службы (контрактного управляющего), либо злоупотребления. И в таких случаях показатель однозначно указывает на эффективность или не эффективность, конкурентность или наоборот.

Но возможен и другой вариант. Это, когда участники имеют недостаточные компетенции в сфере торгов, которые впоследствии приводят к отклонению их заявок. Такие закупки при оценке действий заказчика нельзя считать неэффективными.

Третий критерий, из предложенных органами исполнительной власти – это доля освоенных бюджетных средств к доведенным лимитам бюджетных обязательств за отчетный период. Критерий однозначно подчеркивает профессионализм заказчика в сфере закупок или недостаточность такового. Второе указывает на низкую эффективность.

Последний из рассматриваемых показателей – доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур (%) (при полном отсутствии жалоб на действия (бездействие) заказчика при проведении конкурентных процедур показатель считается достигнутым – 0). Критерий заслуживает внимания. Его необходимо применять.

В своих, более поздних комментариях, Счетная палата занимает несколько иную позицию по ряду критериев (в отличие от ранее ею принятой) и отмечает, что «для дальнейшего развития контрактной системе, прежде всего, не хватает качественных критериев оценки эффективности закупок. Регуляторы в сфере закупок используют для оценки такие показатели, как среднее количество заявок на один лот и относительную экономию по результатам проведения закупочных процедур. Первый должен показать общий уровень конкуренции, а второй – эффективность закупки». Отсылая к опросу, который провел Институт анализа предприятий рынка Высшей школы экономики, отмечают, что «заказчики и поставщики иначе подходят к оценке эффективности».

Согласно результатам этого опроса, подавляющее большинство участников считают закупку эффективной, если по ее результатам поставлен качественный товар и контракт исполнен в срок.

Одновременно в их оценке, показатели высокой конкуренции и значительной экономии, как основные критерии оценки эффективности деятельности заказчиков (в видении той же Счетной палаты и ряда регуляторов контрактной системы), одобряют немногие участники закупок¹.

Заказчики отмечают, что в законодательстве за пределы правового регулирования и далее требований заказчика при описании объекта закупки выходят товары производителей, которые дискредитировали себя, которые пользуются дурной славой, которые непригодны для использования... Часто темой полемики становятся абсурдные требования, например, не указывать конкретный цвет изделия. Или, сколько процентов в объеме стоимости объекта строительства должно составлять оборудование? Наглядно это демонстрируется в сфере закупок лекарств. Например, аналоги лекарств в отдельных случаях, существенно отличаются по своим свойствам от оригинальных препаратов. И по оценке врачебного сообщества, применяя первые, не всегда можно добиться желаемого успеха в лечении. Но заказчику настоятельно рекомендовано не вносить в закупочную документацию ограничений и отличий между ними. Регуляторы считают, что это равноценные продукты. Обеспечивая конкуренцию, теряем в качестве (эффективности). Т.е. заказчик подвержен риску «купить коша в мешке». Все это снижает эффективность закупок.

Обратим внимание на другую проблему контрактной системы. На рынках товаров, работ, услуг всегда присутствуют высококачественные, хорошие, посредственные и плохие предложения. Чтобы разобраться в их индивидуальных различиях сотрудник контрактной службы либо контрактный управляющий должен владеть компетенциями юриста, экономиста, технолога, инженера, логиста, биолога, химика, фармацевта, программиста и т.д. Таких универсальных кадров не готовят вузы мира, и напрашивается вопрос, а стоит ли овчинка выделки, если даже поставить задачу их многопрофильной подготовки?

В этой связи, можно добиться значительных успехов в повышении эффективности закупок при большей динамике внедрения цифровых технологий в контрактной системе. Особенно нуждаются в этом такие операции как определение начальной максимальной цены контракта, мониторинг рыночных цен на широко закупаемые товары и услуги с целью их использования заказчиками, описание объекта закупки, заключение и исполнение контракта, контрольные мероприятия.

Весьма важно в краткосрочной перспективе завершить создание каталога товаров работ и услуг, библиотеки типовых контрактов и типовых условий контрактов. Это позволит стандартизировать многие закупки и соответственно, повысить конкуренцию, в целом – эффективность контрактной системы.

¹ Официальный сайт Счетной Палаты Российской Федерации: <https://ach.gov.ru/news/konkurentnost-goszakupok-na-portale-gosraskhody-opublikovan-novyy-reyting>.

Такие способы закупок, как конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, запрос предложений изначально подвергались критике большинством заказчиков, так как несут в себе высокую степень коррупционных угроз, в силу возможной субъективной оценки при определении победителя. К тому же на практике они не получили широкого применения. Отказ от их использования повысит как конкуренцию, так и эффективность закупок.

Отмена предельного значения объема закупок способом запроса котировок, который сейчас установлен законодателем в 10% от общего годового объема закупок заказчиком, также будет направлена на повышение эффективности контрактной системы.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всей истории развития контрактной системы в Российской Федерации, ни научным сообществом, ни государственными регуляторами, ни Счетной палатой Российской Федерации не была сформулирована концепция гармонизации добросовестной конкуренции и эффективности закупок в контрактной системе. Каждый институт решал и решает свои ведомственные задачи, не выходя на более высокий уровень разрешения запросов государства и общества.

Каждый из них констатирует, что такая проблема существует, что ее необходимо решать. В то же время никто не берет на себя ответственности выступить инициатором и организатором такой работы.

На основании Постановления Правительства Российской Федерации от 26.08.2013 № 728 Министерство финансов Российской Федерации определено федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Этот институт государственной власти по своему назначению, изначально обязан обеспечивать эффективность вложения бюджетных ресурсов, в том числе и в контрактной системе.

Федеральная антимонопольная служба, в указанном документе, определена органом исполнительной власти, обеспечивающим контроль (надзор) в контрактной системе¹. Одним из важных полномочий этой службы и основным, применительно к закупкам, является защита конкуренции в этой сфере.

В свою очередь, Статьей 98 закона о контрактной системе Счетная палата Российской Федерации, контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований наделены полномочиями осуществлять экспертно-аналитическую деятельность посредством проверки, анализа и оценки информации об эффективности и о результативности расходов на закупки по планируемым к заключению, заключенным и исполненным контрактам. Вместе с государственными и муниципальными институтами общественные организации могут осуществлять независимый мониторинг закупок и оценку эффективности закупок².

Таким образом, в системе государственного управления определены институты, которые являются регуляторами отношений в контрактной системе. Которые на компромиссной основе и в рамках своих полномочий имеют основания сбалансировать свои отношения и необходимый предел требований к конкуренции и величине эффективности в контрактной системе закупок. Выстроить критерии их интегральной оценки.

В этой связи, в качестве заключения уместно предложение. С учетом «веса» Министерства финансов Российской Федерации в системе исполнительной власти, его заинтересованности в эффективном расходовании бюджетных ресурсов, а также обладание Министерством компетенциями по разработке государственной политики в контрактной системе, этот орган может выступить таким координатором и возглавить работу по гармонизации в контрактной системе добросовестной конкуренции и эффективности закупок.

В целях поиска и выработки предложений по уравниванию добросовестной конкуренции и эффективности, завершению реформирования контрактной системы, в том числе модернизации базовых положений нормативного правового регулирования отношений в контрактной системе, начиная с введения в закон принципов предотвращения коррупции, уместно сформировать межведомственную группу, в состав которой включить представителей заинтересованных органов законодательной и исполнительной власти, бизнес-сообщества и вузовского представительства из числа образовательных организаций активно занимающихся подготовкой кадров для контрактной системы.

¹ Постановления Правительства Российской Федерации от 26.08.2013 № 728 «Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

² Ст. 98, 102 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Литература

1. Бурденко Е.В., Лазарев А.В., Лазарева А.Р. Формирование конкуренции при организации государственных закупок // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 10. С. 2445-2456.
2. Андреев Н.Ю. Экономическая конкуренция на рынке государственных закупок товаров, работ, услуг // Сегодня и завтра российской экономики. 2016. №78. С. 40 – 46.
3. Кремповая Н.Л. Оценка эффективности закупок в контрактной системе// Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2017. №4. С. 108 – 112.
4. Матеева Н.С. Оценка эффективности и результативности государственных (муниципальных) закупок// Финансы и кредит. 2018. Т. 24. Вып. 9. С. 505 – 521 <http://fin-izdat.ru/journal/fc/>.
5. Нестерович Н.В. Эффективность государственных закупок: Экономика должна быть// Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2015. № 40. С. 56 – 63.
6. Нестерович Н.В. Эффективность государственных закупок-конкуренция// Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2015. №41 [июль/сентябрь]. С. 8 – 15.
7. Белозор Ф.И. Как преодолеть коррупцию / Коррупция: глобальные вызовы, региональное измерение. Исследования Брянских ученых. Коллективная монография / Под общей редакцией С.А. Шачнева. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2019. С. 56 – 73.
8. Немченко Л.И. Инструментарий оценки эффективности и векторы развития системы закупок в сфере государственных и муниципальных финансов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2017. 162 с.
9. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты: монография / Л.И. Юзвович, Н.Ю. Исакова, Ю.В. Истомина и др.; под ред. Л.И. Юзвович, Н.Ю. Исаковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 223 с.

Belozor Fedor Ivanovich, Candidate of Sociological Sciences, Professor at the Department of Public Administration and Management, Bryansk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (61, Duki Str., Bryansk, 241007, Russian Federation). E-mail: fbelozor@yandex.ru

PUBLIC PROCUREMENT: HARMONIZATION OF FAIR COMPETITION AND ECONOMIC EFFICIENCY

Abstract

National and foreign systems for regulating public procurement are subject to periodic modernization in the context of ensuring national economic security, promoting fair competition and economic efficiency and reducing corruption risks. The updating of state and public requests to improve the contract system governing public procurement requires the harmonization of fair competition and economic efficiency. On the basis of the analysis the author concluded that the balance of the legal, economic and administrative approaches to competition and cost-effectiveness in the contractual system will improve procurement efficiency and accountability in the medium term.

Keywords: *procurement for government needs, fair competition, economic efficiency, contractual principles, legal regulation, competitive environment, procurement efficiency, competitive regulation, order system.*

References

1. Burdenko E.V., Lazarev A.V., Lazareva A.R. Formirovanie konkurencii pri organizacii gosudarstvennyh zakupok // Kreativnaya ekonomika. 2020. Tom 14. № 10. P. 2445-2456.
2. Andreev N.YU. Ekonomicheskaya konkurenciya na rynke gosudarstvennyh zakupok tovarov, rabot, uslug // Segodnya i zavtra rossijskoj ekonomiki. 2016. № 78. P. 40 – 46.
3. Kremповая N.L. Ocenka effektivnosti zakupok v kontraktnoj sisteme// Nauchnyj vestnik: Finansy, banki, investicii. 2017. №4. P. 108 – 112.
4. Mateveeva N.S. Ocenka effektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennyh (municipal'nyh) zakupok// Finansy i kredit. 2018. T. 24. Vyp. 9. P. 505 – 521 <http://fin-izdat.ru/journal/fc/>.
5. Nesterovich N.V. Effektivnost' gosudarstvennyh zakupok: Ekonomika dolzhna byt'// Goszakaz: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie. 2015. № 40. P. 56 – 63.
6. Nesterovich N.V. Effektivnost' gosudarstvennyh zakupok-konkurenciya// Goszakaz: upravlenie, razmeshchenie, obespechenie. 2015. №41 [iyul'/sentyabr']. P. 8 – 15.
7. Belozor F.I. Kak preodolet' korrupciyu / Korrupciya: global'nye vyzovy, regional'noe izmerenie. Issledovaniya Bryanskih uchenyh. Kollektivnaya monografiya / Pod obshchej redakciej S.A. SHachneva. Bryansk: Izd-vo Bryanskogo filiala RANHiGS, 2019. P. 56 – 73.
8. Nemchenko L.I. Instrumentarij ocenki effektivnosti i vektory razvitiya sistemy zakupok v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh finansov. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 2017. 162 p.
9. Sistema gosudarstvennyh zakupok: teoreticheskij i prakticheskij aspekty: monografiya / L.I. YUzvovich, N.YU. Isakova, YU.V. Istomina i dr.; pod red. L.I. YUzvovich, N.YU. Isakovej. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. 223 p.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В МИРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Белокрылова Ольга Спиридоновна	доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической теории, Южный федеральный университет (344007, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88). E-mail: belokrylova@mail.ru
Кузнецова Валентина Петровна	доктор экономических наук, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48). E-mail: vpr1000@yandex.ru
Вардомацкая Людмила Петровна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических и социальной теории, Ростовский государственный медицинский университет (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29). E-mail: vardomatskaya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены условия и предпосылки повышения финансовой грамотности в условиях явного ее несоответствия расширяющемуся ассортименту предоставляемых услуг и их качеству, что ограничивает возможности населения использовать их в бизнесе и в быту. Определены современные качественные и количественные подходы к оценке уровня финансовой грамотности, на основе которых осуществлен анализ финансовой грамотности в различных регионах России, выявлены те из них, где уровень финансовой грамотности ниже среднего по стране. Осуществлен сравнительный анализ финансовой грамотности в России и зарубежных странах. Предложены основные инструменты повышения финансовой грамотности, определена роль государства в защите прав потребителей путем совершенствования законодательства, регулирующего финансовый рынок. Показаны необходимость и организационные формы, направления деятельности и распространения опыта волонтерского движения для ускорения реализации в России Стратегии финансовой грамотности в РФ на 2017 – 2023 годы. Методика данного исследования построена на общенаучных методах познания, на анализе статистических данных регионов.

Ключевые слова: финансовая грамотность, волонтерское движение, финансовые цифровые платформы, человеческий капитал, финансовое образование, цифровая экономика, финансовый сектор, финансовый рынок.

В современных условиях перехода на цифровую экономику совершенствуются, модернизируются различные её сектора. Самые значительные изменения наблюдаются в финансовом секторе, создающем новые продукты и финансовые услуги, удовлетворяющие многочисленным интересам общества. Во многих работах экономистов современная экономика получила название «новой экономики», характеризующейся развитием глобальной электронной сети, цифровых технологических платформ, кардинально меняющих технологическую базу производства и место человека в нем, созданием условий не только для более полной реализации человеческого капитала, но и замены живого труда роботами с искусственным интеллектом. Наряду с традиционной экономикой постоянно расширяет свое внедрение в производство цифровая экономика.

Цифровая экономика меняет человека и мир вокруг человека. Появляются новые финансовые продукты и финансовые услуги, трудные для понимания. Ярко стало проявляться несоответствие знаний населения быстроменяющемуся рынку финансовых услуг. Это привело к осознанию необходимости повышения финансового просвещения, к разработке стратегии повышения финансовой грамотности в стране. В связи с этим была разработана Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 – 2023 годы, определяющая цели и задачи, основные направления решения задач, разграничение сфер ответственности между государственными органами и другими участниками финансового блока, которая легла в основу государственных программ страны и её субъектов¹.

¹ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAdEVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf>

В Стратегии «финансовая грамотность» рассматривается как результат процесса финансового образования, который определяется как сочетание осведомленности, знаний, умений и поведенческих моделей, необходимых для принятия успешных финансовых решений и в конечном итоге для достижения финансового благосостояния¹. Корпорация S&P Global, занимающаяся вопросами оказания широкого спектра финансово-информационных услуг, определяет финансовую грамотность как способность понимать основные финансовые концепции для принятия правильных финансовых решений при формировании сбережений, осуществлении инвестиций и заимствований². То есть финансовая грамотность – это способность физических лиц правильно управлять своими финансами и принимать взвешенные финансовые решения.

Одним из основных условий реализации Стратегии «финансовой грамотности» является общедоступность ко многим финансовым услугам и продуктам. Проблема понимания финансовых инструментов, продуктов стала очень актуальной для большинства населения не только в нашей стране, но и во всем мире. По данным Корпорации S&P Global следует отметить, что самый высокий показатель финансовой грамотности населения стран мира наблюдается в странах Западной Европы и англоязычных странах, т.е. в странах с развитой экономикой. Самый высокий уровень финансовой грамотности у Дании, Норвегии, Швеции. Финляндия стоит на последнем месте из десяти лучших по уровню финансовой грамотности. Хотя по результатам исследования, осуществленного в 2013 года Организацией экономического сотрудничества и развития, взрослое население Финляндии заняло второе место в мире (после жителей Швеции и Японии) по уровню владения компьютером. Распределение развитых стран по уровню финансовой грамотности представлено ниже:

Топ-10 стран по уровню финансовой грамотности населения, в %

1. Дания – 71 %
2. Норвегия – 71 %
3. Швеция – 71 %
4. Канада – 68 %
5. Израиль – 68 %
6. Соединенное Королевство Великобритании – 67 %
7. Германия – 66 %
8. Нидерланды – 66 %
9. Австралия – 64 %
10. Финляндия – 63 %

В Африке, кроме Ботсваны, чрезвычайно низкий уровень финансовой грамотности. Финансовая грамотность в Южной Америке составляет менее 50%³.

Состояние экономики любой страны определяется не только уровнем внедрения инновационных производственных и финансовых технологий, но и способностью населения к использованию этих технологий, поскольку рост финансовой грамотности приводит к уменьшению рисков мошенничества, пониманию работы с налоговыми декларациями, эффективному выбору пенсионных планов, сбережению накоплений, рациональному размещению денежных ресурсов и их использованию, защищенности от кризисных ситуаций, пониманию поведения в условиях пандемии, в условиях перехода на цифровую валюту и др.

Программы, разработанные в рамках этого направления, нацелены на всех потребителей финансовых продуктов и услуг. В тоже время мировой опыт показывает, что акцент делается на целевые группы: обучающихся в образовательных учреждениях, университетах, работающих граждан и лиц элегантного возраста [1–3].

Программа повышения финансовой грамотности в РФ охватывает все слои населения, начиная со школьников со 2 по 11 классы, людей, имеющих высшее образование; квалифицированных специалистов; людей в браке; неработающих; лиц «серебряного» возраста; людей, не пользующихся финансовыми продуктами; многодетных семей; жителей сел, деревень, малых городов, а также потенциальных инвесторов.

Оценки реализации Стратегии определяются по двум группам показателей: количественных и качественных, измеряемых каждый год. Так, в 286 вузах количество преподавателей, которые прошли подготовку по программам повышения финансовой грамотности по линии Министерства финансов России, составило 1960 преподавателей, 32450 школьных учителя, 10440 студентов из

¹ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRrkPLAdEVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf>

² Financial Literacy Around the World/ <https://howmuch.net/articles/financial-literacy-around-the-world>

³ Там же.

педагогических вузов. С 24 по 31 октября 2020 г. прошла Неделя финансовой грамотности для детей и молодежи, в которой приняли участие 5665000 человек.

В ходе этого мероприятия были проведены также онлайн-уроки финансовой грамотности¹, которые просмотрели 1027 334 участника, были задействованы 10782 школы, в которых проведено 59332 урока 132 лекторами. Было охвачено 27% школ разных регионов России. Если посмотреть на Топ 5 регионов по охвату школ, то места распределились следующим образом:

1. ЦФО Курская область 94,02 %
2. ЦФО Рязанская область 92,99 %
3. ЮФО Краснодарский край 76,68 %
4. ПФО Республика Татарстан 74,32 %
5. ЮФО Севастополь 70,18 %.

Рейтинг по охвату школ по округам РФ выглядит следующим образом:

Таблица 1

**Рейтинг по охвату школ в мероприятиях по финансовому образованию
в регионах России (в %)**

Федеральные округа	1 место ЮФО	2 место СЗО	3 место ПФО	4 место СКФО	5 место ДФО	6 место УрФО	7 место СФО
показатели	40,68	38,12	29,11	26,97	21,45	20,84	14,69

Несмотря на широкий охват регионов, школ, различных групп населения обучению финансовой грамотности, качество и уровень знаний не всегда отвечает современным требованиям. В связи с этим для определения качества и уровня финансовой грамотности разработан показатель, получивший название Индекса финансовой грамотности. Индекс финансовой грамотности включает в себя такие параметры, как знания в области финансов, навыки управления доходами и расходами, владение установками в отношении собственных денежных средств и измеряется в диапазоне от 1 – 21 балла. В 2019 году ИФГ в России в среднем вырос на 2 %. Первые три места по качеству финансовых знаний стали Кировская область, Республика Коми, Калининградская область. Что касается возрастной группы, то следует отметить, что наиболее финансово грамотными являются мужчины и женщины в возрасте 30-45 лет. Высокий индекс имеют люди, имеющие высшее образование, среднее специальное образование, руководители, семейные пары. Низкий уровень финансовой грамотности присущ неработающим, особенно, лицам элегантного возраста, многодетным семьям, и жителям сел, деревень, людям, которые не используют в своей повседневной жизни финансовые продукты и услуги.

Таким образом, для повышения финансовой грамотности всех слоев населения необходимо проводить работу по различным направлениям:

- включение в каждом регионе дисциплины «Основы финансовой грамотности» в программу школьного образования²;
- организация дополнительных занятий по финансовой грамотности в образовательных учреждениях России во внеурочное время;
- вовлечение старшеклассников в онлайн-уроки по финансовой грамотности на всей территории России;
- приглашение старшеклассников в начальные классы для занятий по финансовой грамотности;
- организация занятий с различным уровнем подготовленности населения через YouTube, телевидение для различных групп населения;
- регулярное проведение on-line – занятий по финансовой грамотности,
- развитие и поддержка волонтерского движения;
- продвижение различных инициатив Банка России в области финансовой грамотности.

¹ Итоги реализации проекта Минфина России по повышению финансовой грамотности за 2019 год / <https://vashifinancy.ru/for-smi/press/news/itogi-realizatsii-proekta-minfina-rossii-po-povysheniyu-finansovoy-gramotnosti-za-2019-god/>

² Годовой отчет за 2019 год проекта «онлайн-уроки финансовой грамотности» / <http://www.iro48.ru/%d0%93%d0%be%d0%b4%d0%be%d0%b2%d0%be%d0%b9%20%d0%be%d1%82%d1%87%d0%b5%d1%82%202019.pdf>

В масштабе проекта Министерства финансов Российской Федерации «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» с октября по ноябрь 2020 года был проведен Фестиваль финансовой грамотности в игровом формате, соединив в себе образовательную и развлекательную функции. В нем приняли участие более 20 тысяч челок. Он проходил в режиме on-line на сайте familymoneyfest.ru¹.

Реализация Стратегии повышения финансовой грамотности осуществляется как государственными учреждениями, так и различными финансовыми организациями. Однако анализ сложившейся ситуации, уровень финансовой грамотности населения страны свидетельствует о необходимости создания отдельного финансового института, который непосредственно занимался бы вопросами финансового образования. Главной его целью должна быть координация работы других участников стратегии, внесение собственных предложений по повышению финансового образования и законодательства. Этот институт должен проводить мониторинг реализуемых мероприятий, постоянно анализировать уровень финансовой грамотности, изучать международные программы и опыт их реализации.

Сегодня к вопросам повышения финансовой грамотности привлечено внимание более 75 стран мира. Создано более 150 институтов, многие из которых входят в Международную сеть финансового образования (INFE). Эти финансовые институты в некоторых странах финансируются из бюджета страны. Международный опыт и российская практика указывает на то, что самым главным участником повышения финансовой грамотности населения должно выступать само государства в лице своих государственных учреждений и ведомств.

В реализации Стратегии финансовой грамотности в России приняли непосредственное участие партнеры госорганов: Пенсионный фонд РФ, ФНС РФ и Партнеры-участники финансового рынка: Банк России, АК Барс Банк, Финам, Московская биржа, Сбербанк, САК Энергогарант, БКС, Открытие Брокер, Ингосстрах, Волонтер финансового просвещения.

Ассоциацией Развития Финансовой Грамотности, созданной в мае 2019 года Банком России, 25 июня 2020 года было положено начало I этапу VI Всероссийского конгресса волонтеров финансового просвещения, который состоялся в форме «Цифрового марафона»². В течение месяца каждый четверг Ассоциацией проводились онлайн-занятия для волонтеров финансового просвещения всей страны. Было выбрано около 15 регионов страны в качестве пилотных площадок для распространения опыта организации волонтерского движения. В волонтерскую работу было включено более 1500 волонтеров и 300 экспертов – практиков и охвачено более 200 тысяч участников. В процессе волонтерского движения выявлены и поддержаны лучшие практики и новые возможности проектов в сфере финансовой грамотности. Так, например, в Якутии запустили онлайн-уроки для обучения жителей финансовой грамотности. Для общения и консультаций через портал можно вступить в группу в WhatsApp. Всего на ресурсе доступны пять уроков: «Вводный урок», «Кешбек от государства – налоговые вычеты», «Страхование жизни», «Семейный бюджет», «Уменьшение кредитной нагрузки».

В стране сегодня растет число волонтеров, занимающихся повышением финансовой грамотности. В финансовое просвещение вовлечены волонтеры разных профессий и возрастов. Все они работают по разным направлениям финансовой грамотности: обучение работе с информацией, оценке рисков, контролю налогов, анализу доходов и расходов физических лиц, поиска и использования инструментов поддержки малого предпринимательства, финансовому планированию.

Фондом «Общественное мнение» в начале 2019 года было проведено исследование, которое показало, что 34% респондентов следят за своими финансовыми расходами, однако только 24% из них делают это постоянно и планируют свои расходы. А 26% респондентов вообще не обращают внимания на доходную и расходную части своего бюджета. В связи с этим целью финансовых волонтеров стало обучение граждан навыкам финансового планирования как основе финансово грамотного поведения. Волонтеры также учат людей работать с информацией: искать нужные сведения, рационально выбирать финансовые продукты, вычислять мошенников, оценивать риски, отстаивать свои права, контролировать налоги, находить и использовать инструменты поддержки малого предпринимательства. Каждая аудитория имеет свои приоритеты в области финансовых знаний, что во многом предопределяет форму и методы обучения финансовой грамотности. Программы, в которых участвуют волонтеры, нацелены на работающих граждан, наемных сотрудников,

¹ Мельникова Т. Россиянам рассказали о финансовой грамотности в игровом формате <https://nation-news.ru/572003-rossiyanam-rasskazali-o-finansovoi-gramotnosti-v-igrovom-formate>

² Набулина Э. Цифровой марафон волонтеров финансового просвещения - YouTube <https://www.youtube.com/watch?v=jEt7pLKhF5s>

на предпринимателей, которые сами создают рабочие места. Эта аудитория требует от волонтеров гораздо больших компетенций, иногда личного предпринимательского опыта. Особой сферой ответственности финансовых волонтеров являются дети-сироты, учащиеся школ, средних образовательных учреждений, вузов.

Важную роль в реализации Стратегии финансовой грамотности выполняют Проекты и практики повышения финансовой грамотности для лиц с ограниченными возможностями по здоровью, циклы семинаров «Методики успешных практик по финансовой грамотности»¹.

Как показывает международная практика, стратегия повышения финансовой грамотности населения – составная часть государственной политики. Многие вопросы финансового образования указаны в государственных программах. Поэтому ответственность за реализацию данных программ несет на себе определенное государственное учреждение. Это еще раз доказывает, что государство является главным координатором мероприятий по повышению финансовой грамотности.

Государственный институт должен бороться с мошенничеством на финансовом рынке, разрабатывая и изменяя финансовое законодательство, а также проводя работу по защите прав потребителей. Помимо этого, он должен проводить информационную политику, контролируя все информационные порталы с целью снижения различий и несоответствий в предоставляемой финансовой информации, а также упрощать предоставляемые материалы для увеличения доступности всем слоям населения.

Быстрое и устойчивое развитие экономики страны зависит не только от разработки и внедрения новых, более эффективных финансовых технологий, но и от готовности населения их воспринимать и использовать, доверять этим современным финансовым продуктам и услугам [4].

Таким образом, в мире цифровизации, особенно в условиях пандемии, задача повышения финансовой грамотности жителей различных регионов России, в том числе, взрослого населения, лиц с ограниченными возможностями по состоянию здоровья становится еще более актуальной. Условия режима самоизоляции создают возможности изучения новых сфер деятельности и повышения финансовой грамотности. Такими сферами знакомства с продуктами цифровой экономики становятся YouTube-каналы – для одной части населения, для другой – телевидение, по которому необходимо проводить занятия по финансовой образованности, используя различные каналы и в различных формах, вплоть до игровых.

Сегодня создан целый список YouTube-каналов, на которых известные экономисты размещают свои ролики, где в доступном для понимания изложении объясняют формы взаимодействия с финансами, например такие, как принципы инвестирования, анализируют ситуацию на рынках и дают советы по наиболее целесообразному вложению средств².

Анализ Стратегии повышения финансовой грамотности в регионах России, показал, что она является одной из самых крупных по масштабу реализации. Это выражается в том, что Стратегия ориентирована на решение двух важных направлений: создание системы финансового образования, а также усовершенствование законодательства в вопросе защиты прав потребителей.

Литература

1. *Игнатова Т.В., Дудукалов Е.В., Филimonцева Е.М.* Цифровые финансы и цифровое образование в системе финансовой безопасности / Социальные институты в цифровой среде. Сборник трудов второй международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» г. Ростов-на-Дону, 19-20 ноября 2020 г. Под редакцией Игнатовой Т.В., Корсунова Д.А., Брюхановой Н.В. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС. 2020. С. 682-687.
2. *Фёдорова Е.А., Нехаенко В.В., Довженко С.Е.* Влияние финансовой грамотности населения РФ на поведение на финансовом рынке (эмпирическая оценка) // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 110-111.
3. *Шевченко Д.А., Давыденко А.В.* Финансовая грамотность населения как фактор сберегательного поведения домашних хозяйств // Terra economicus. 2013. Том 11. № 4. Часть 2. С. 139-144.
4. *Вахтина М.А.* Является ли доверие признаком института // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 3. С. 22-36.

¹ Проекты и практики повышения финансовой грамотности для лиц с ограниченными возможностями здоровья <https://fincubator.ru/info/news/news/proekty-i-praktiki-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-dlya-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdo/>

² *Гусев В.* СМИ составили список YouTube-каналов для повышения финансовой грамотности / <https://rueconomics.ru/vse-novosti>

Belokrylova Olga Spiridonovna, Doctor of Economics, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, Southern Federal University (88, st. Maxim Gorky, Rostov-on-Don, 344007, Russian Federation). E-mail: belokrylova@mail.ru

Kuznetsova Valentina Petrovna, Doctor of Economics, Professor of the Department of Branch Economics and Finance, Herzen State Pedagogical University (48, Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation). E-mail: vpr1000@yandex.ru

Vardomatskaya Lyudmila Petrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory, Rostov state medical University (29, Nakhichevan lane, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: vardomatskaya@yandex.ru

FINANCIAL LITERACY IN THE WORLD OF THE DIGITAL ECONOMY (REGIONAL DIMENSION)

Abstract

The article examines the conditions and prerequisites for increasing financial literacy in the context of its obvious discrepancy with the expanding range of services provided and their quality, which limits the ability of the population to use them in business and in everyday life. The article identifies modern qualitative and quantitative approaches to assessing the level of financial literacy, on the basis of which the analysis of financial literacy in various regions of Russia is carried out, identifies those where the level of financial literacy is below the national average. A comparative analysis of financial literacy in Russia and foreign countries is carried out. The main tools for increasing financial literacy are proposed, the role of the state in protecting consumer rights by improving legislation regulating the financial market is determined. The necessity and organizational forms, directions of activity and the dissemination of the experience of the volunteer movement to accelerate the implementation in Russia of the Strategy of Financial Literacy in the Russian Federation for 2017-2023 are shown. The methodology of this research is based on general scientific methods of cognition, on the analysis of statistical data from regions.

Keywords: financial literacy, volunteer movement, financial digital platforms, human capital, financial education, digital economy, financial sector, financial market.

References

1. Ignatova T.V., Dudukalov E.V., Filimonceva E.M. Cifrovye finansy i cifrovoe obrazovanie v sisteme finansovoj bezopasnosti / Social'nye instituty v cifrovoj srede. Sbornik trudov vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «SOCIAL SCIENCE (Obshchestvennye nauki)» g. Rostov-na-Donu, 19-20 noyabrya 2020 g. Pod redakciej Ignatovoj T.V., Korsunova D.A., Bryuhanovoj N.V. Rostov-na-Donu: YURIU RANHiGS. 2020. P. 682-687.
2. Fyodorova E.A., Nekhaenko V.V., Dovzhenko S.E. Vliyanie finansovoj gramotnosti naseleniya RF na povedenie na finansovom rynke (empiricheskaya ocenka) // Problemy prognozirovaniya. 2015. № 4. P. 110-111.
3. SHEvchenko D.A., Davydenko A.V. Finansovaya gramotnost' naseleniya kak faktor sberegatel'nogo povedeniya domashnih hozyajstv // Terra economicus. 2013. Tom 11. № 4. CHast' 2. P. 139-144.
4. Vahtina M.A. YAvlyaetsya li doverie priznakom instituta // Journal of Economic Regulation. 2018. T. 9. № 3. P. 22-36.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ СТРАТЕГИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИБАЛТИЙСКОГО ТРАНЗИТА)**

Волков Геннадий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gvolkow061@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы переориентации транзитных грузов РФ из портов стран Балтии в связи с политико-экономическими причинами, необходимостью решения основных задач, поставленных в рамках политики импортозамещения и сохранения достигнутых показателей конкурентоспособности российского транспортного сегмента. Данные меры помогут значительно ускорить развитие, повысить инвестиционную привлекательность для российского крупного бизнеса и реализовать потенциал российской портовой структуры.

Ключевые слова: российский бизнес, прибалтийский транзит, портовая структура, мировая экономика, прибалтийский регион, контейнерные перевозки, пропускная способность.

По мере развития глобализации роль политического фактора начинает приобретать все более деструктивное значение, поскольку экономически развитые страны пытаются использовать агрессивную политику в качестве одной из стратегий сохранения конкурентоспособности. Используя основные элементы политики неолиберализма, большинству стран мировой экономики навязываются экономико-политические модели, полностью игнорирующие объективные требования глобализирующейся мировой экономики.

В частности, используя агрессивную настроенность политико-экономических элит разных стран и, особенно, старательно культивируемую русофобию, экономически развитые страны направляют вектор национального развития этих стран в заданном направлении. Особенно наглядно доминирование политической составляющей во внешнеэкономической политике можно рассмотреть на примере постсоветского этапа развития прибалтийских стран [1, с. 57].

С точки зрения геополитического фактора все три прибалтийских государства имеют одинаковые особенности: выход к морю, зависимость от аграрного сектора, одинаковый политико-социальный вектор развития. Необходимо подчеркнуть еще одну особенность, которую в последнее время стараются максимально игнорировать: историко-географическую зависимость от внешнеэкономической деятельности с Россией.

Именно благодаря исторически обусловленному товарообмену этим странам удавалось удовлетворять спрос внутреннего рынка. Превалирование субъективно-политического фактора над экономической объективностью обусловило кардинальный слом обозначенной модели [2, с. 9].

С экономико-геополитической точки зрения страны прибалтийского региона занимали исключительно выгодное положение для транзита экспортно-импортных товаров. Исторический анализ позволяет говорить о том, что еще в период активного развития капитализма в Российской империи этот факт определил темпы экономического развития этих стран, а в советский период прибалтийские республики активно использовали все экономические преференции, предоставляемые им как «визитной карточке» советской экономической модели. Однако яростное стремление получить самостоятельность от Российской Федерации определило политический выбор данного региона: превалирование субъективно-политического фактора над экономической необходимостью обусловило кардинальный слом данной модели [3, с. 390–391].

После развала СССР в прибалтийских республиках активно культивировалась идея экономико-политической оккупации, согласно которой развитие этих государств активно сдерживалось в рамках административно-плановой советской экономики. В это период Россия столкнулась с тем, что транзитные государства резко начинают использовать созданную инфраструктуру, созданную в советский период, в качестве действенного инструмента политического давления. Речь идет, прежде всего, об украинской газотранспортной системе и морских портах Прибалтики. Фактически имела место ситуация прямого шантажа перекрытием потока экспортных позиций, оправданная созданной монополией [4, с. 106].

После получения статуса независимости Латвия, Литва и Эстония начинают активную интеграцию в состав ЕС с одновременным выстраиванием рыночной модели экономики, хотя современное состояние экономики данных стран далеко от совершенства. Более того, их экономика

по-прежнему сохраняет свой «иждивенческий» тренд развития, но на данном этапе в качестве драйвера выступают средства ЕС, а не всего СССР как это было до 1991 года.

Сильное негативное влияние на ситуацию в странах Балтии оказывает спонтанность действий в условиях отсутствия национального проекта у каждой из стран. Явный дисбаланс в сторону политической составляющей в ущерб экономике вносит постоянное культивирование национализма, трансформировавшегося в особую форму нацизма. Постановка русофобного фактора во главу политической стратегии изначально предопределило появление ряда проблем чисто экономического характера.

Морская отрасль, благодаря которой и развивались страны прибалтийского региона, находясь в составе СССР, финансировалась и модернизировалась по приоритетному принципу, поскольку речь шла о торговых связях с Западной Европой. Естественно, одновременно расширялась железнодорожная сеть и соответствующая инфраструктура, позволяющие осуществлять перевозку грузов западных торговых партнеров вглубь страны с последующим перенаправлением на внутренние рынки союзных республик. Однако постоянное расширение пропускной способности портовой и транспортной структуры имело и обратную сторону для всего народнохозяйственного комплекса. Остальные «торговые ворота СССР» – Мурманск, Ленинград, Калининград и т.д. – испытывали хронический дефицит финансовых средств, необходимых для проведения всего совокупного комплекса модернизационных мероприятий. В итоге многолетнее недофинансирование этих портов привело их к началу 90-х к целому ряду серьезных проблем.

Одновременно необходимо отметить, что прибалтийские страны к началу 90-х гг., когда они обрели полную независимость, обладали самой передовой к тому времени портовой структурой, на которую они и возлагали надежды в процессе перехода к рыночной модели [5, с. 210].

Однако ускоренная политика приватизации и перехода к рынку обусловили фактическое уничтожение экономической базы, созданной в период нахождения в составе Советского Союза. Особую роль в этих процессах сыграли представители западного бизнеса, для которых экономический потенциал прибалтийских республик представлял конкурентную угрозу. В конечном итоге, благодаря повсеместной ускоренной рыночной адаптации, уцелели только транспортная отрасль, энергетическая инфраструктура и сектор туристических услуг. Необходимый социально-экономический уровень поддерживался только благодаря функционированию перечисленных составляющих национальной экономики.

Потеря всего портово-транспортного комплекса в постсоветский период серьезно ударила по российской экономике. При этом, учитывая объективную необходимость участия во внешнеторговом обмене, представители российского бизнеса были вынуждены использовать портовую инфраструктуру, даже несмотря на постоянно меняющиеся условия. Портовая инфраструктура российских портов, которые финансировались по остаточному признаку, не соответствовала потребностям переходного периода в силу целого ряда причин.

Несвоевременное проведение очистных и дноуглубительных работ, недостаточные темпы модернизации причалов, терминалов и погрузочно-разгрузочных процессов не позволяли обслуживать современные торговые суда с повышенной грузоподъемностью и постоянно увеличивающимся дедвейтом. Анклавный характер калининградской области также не оставлял выбора, вынуждая использовать литовскую железнодорожную сеть.

В итоге прибалтийские страны, как и в период нахождения в составе СССР, активно пользовались портово-транспортной рентой, позволяющей получать доход от инфраструктуры, созданной в советский период силами всего Союза.

Любая составляющая экономической деятельности объективно предполагает перманентные процессы модернизации, расширения и перестройки, что требует соответствующих финансовых и инвестиционных вложений. На протяжении всего постсоветского периода главы прибалтийских стран настаивали на постоянном увеличении объемов финансирования со стороны ЕС, объясняя это необходимостью проведения соответствующих адаптационных мероприятий, поддержанием должного уровня социальной стабильности, а также спекулируя необходимостью сдерживания потенциальной угрозы со стороны России.

Выделяемые средства расходовались государством по принципу временной приоритетности, в основном на социальные выплаты и разного рода комплексные социально-политические мероприятия. При этом ни прибалтийский железнодорожный комплекс, ни портово-терминальная структуры необходимых средств не получали. За время эксплуатации степень материального износа железнодорожной структуры достигла своего максимума, что в условиях постоянно растущих объемов внешнеторгового обмена не может обеспечить должный уровень пропускной способности. Некогда передовые порты балтийского побережья также выработали свой ресурс, поскольку

в условиях финансового дефицита, модернизационно-технологические работы не проводились. Логичным итогом стали резкое увеличение стальной времени при обработке судна в портах, нарушение графиков погрузочно-разгрузочных работ, несоответствие контейнерных терминалов постоянно растущим требованиям [6, с. 63].

В совокупности с поступательно снижающейся эффективностью железнодорожной перевозки и ростом уровня конечной себестоимости, в условиях активнейшей поддержки антироссийских торгово-экономических санкций, нецелесообразность использования прибалтийского транзита стала очевидной. Тем не менее, учитывая отработанные модели внешнеторговых и транспортных операций, представители российского бизнеса выступили с инициативой покупки части портовой и железнодорожной структуры, что с экономической точки зрения представлялось достаточно выгодным предложением в условиях, в которых оказалась экономика прибалтийских стран. Однако субъективный политический фактор пересилил экономический: данное предложение было воспринято прибалтийской элитой как очередная попытка «латентной оккупации» и было категорически отвергнуто.

Правительства прибалтийских стран были уверены в том, что благодаря их выгодному положению в качестве «незаменимых транзитеров», российский бизнес никогда не переориентирует экспортно-импортный поток, а тем более его остановит. Эта уверенность определила все более агрессивную антироссийскую политику и явные враждебные действия [7, с. 10–11].

Однако всему есть предел, и в итоге представители российского бизнеса приняли решения отказаться от неэффективного прибалтийского транзита. Ставка была сделана на развитие портовой структуры Ленинградской области, даже с учетом относительно высоких капитальных затрат и отсутствия должного числа инвесторов.

Необходимо особо отметить, что для российского бизнеса в числе решающих факторов отказа сработали чисто экономические моменты. Аналитический анализ позволяет говорить о совокупности прямых и косвенных экономических потерь и недополучении должного объема импортных таможенных сборов. Механизм транзитного перемещения предполагает в числе основных транспортных операций процесс «перетарки» более 90% контейнеров, доставляемых морскими контейнеровозами на терминалы прибалтийских портов непосредственно на автомобильный и железнодорожный транспорт. Именно на этом этапе и осуществляется составление необходимой документации относительно груза, принятого для дальнейшей транспортировки. В процессе подготовки документов происходит смена номенклатуры груза, изменение весовых данных, таможенной стоимости и т.д., в сторону уменьшения, т.е. именно тех показателей, которые необходимы для исчисления таможенных платежей. В итоге российский бюджет недополучает весьма значительные суммы. Фактически речь идет о так называемом «сером импорте», который доставляется потребителям на территории РФ. Аналитики считают, что при использовании портово-транспортной структуры РФ, например, порта Санкт-Петербург, экономия на каждом контейнере составит как минимум 30–40 тыс. руб.

Таким образом можно говорить о том, что в сложившейся политико-экономической ситуации, строительство транспортной инфраструктуры в Северо-Западном федеральном округе трансформировалось в вопрос экономико-стратегической национальной безопасности.

На начальном этапе на уровне правительства Петербурга было принято решение о выделении компании «Петролеспорт» необходимого участка для расширения мощностей действующих терминалов. Согласно предварительным расчетам, реализация намеченного проекта могла позволить увеличение совокупной мощности портовой структуры минимум на 40–45%. При таком развитии событий возврат к использованию прибалтийских портов окончательно потерял смысл.

Следующим шагом стало начало строительства в порту Усть-Луга терминала для переработки поставляемых на экспорт компаниями «Еврохим», «Уралкалий», «Акрона» и другими сухих удобрений, сдача в эксплуатацию которого планируется на 2022 г. Параллельно осуществляется переориентация схем транзитных операций компанией «Новотранс» и оператором вагонов «Технотранс», планирующих строительство зерновых терминалов на территории нового портового комплекса в Приморске и морского порта «Высоцк». «Технотранс», один из крупнейших железнодорожных операторов России, строит там специализированный зерновой терминал общей мощностью до 4 млн тонн в год, при этом сумма запланированных вложений составляет около 17 млрд руб., а сроки сдачи объекта намечены на начало 2023 года.

Реализация упомянутых проектов фактически «обнулит» прибалтийский транзит таких важнейших товарных позиций как зерно, железорудное сырье, лесные грузы, черные металлы и т.д.

Одновременно аналитики отмечают максимальное уменьшение объемов прибалтийского транзита сырой нефти и каменного угля через порты Латвии, Литвы и Эстонии. Согласно данным таможенной статистики, только за первую половину 2019 года отгрузка антрацита в портах

Прибалтики снизилась более, чем на 20%. За первое полугодие 2019 года совокупные объемы перевалки российских экспортных грузов в портах прибалтийских государств сократилась примерно на 12,4% – до 16,76 млн тонн [1, с. 60].

Согласно данным по итогам 2019 года, опубликованных Джеймстаунским фондом, объемы грузооборота в Риге сократился на 8,7%, в Лиенае – на 5,1%, в Таллине – на 8,3%, а российский трафик через эстонские, латвийские и литовские морские порты уменьшился на 12,4%. В Эстонии железнодорожники отметили спад перевозок по транзиту, которые составили всего 3,5 миллиона тонн, т.е. падение составило около 12%

Принимая во внимание поступательное падение грузооборота и снижение спроса на железнодорожные перевозки, компания «Латвийская железная дорога» получила ультимативное предписание от Министерства транспорта относительно пересмотра общего объема расходов и возможности проведения сокращения среди персонала. При этом программа электрификации национальной железнодорожной сети оказалась «замороженной» в силу недостаточных объемов финансирования. После долгих переговоров ЕС наконец-то выделил €318 миллионов, которых оказалось недостаточно, поскольку для проведения необходимых мероприятий необходимо еще как минимум €100 миллионов. Учитывая темпы падения объемов транзита и фактическую невозможность получения недостающей суммы, аналитики считают, что сама идея электрификации фактически бессмысленна.

Одновременно экономисты отмечают увеличение грузопотока в российских хабах Финского залива: в Приморске – на 16,7%, Усть-Луге – на 7,3%, Высоцке – на 5,3%¹. Необходимо особо подчеркнуть, что, в 2022 году на 2 – 4 млн тонн (до 14 – 16 млн тонн соответственно) ожидается совокупный рост мощностей по перевалке особо востребованных на мировом рынке светлых нефтепродуктов портового терминала «Усть-Луга Ойл». Уже в краткосрочной перспективе, согласно прогнозным расчетам, общая стоимость перевалки грузов, переориентированных из портов Балтии на терминал LUGAPORT, ежегодно будет в среднем составлять примерно 17,5 млрд руб.

Учитывая темпы строительства и объемы финансирования, составляющие примерно 90 млрд руб., в 2022 году в порту Приморск откроется специальный универсально-перегрузочный комплекс (УПК), которому изначально была отведена роль ключевого транспортного узла Северного морского пути (СМП) [8, с. 118]. Кроме того, данный проект занимает одно из ведущих мест в реализации основных направлений социального развития, поскольку предполагает создание свыше 3 тыс. новых рабочих мест. Выход на полную проектную мощность позволит обрабатывать до 70 млн тонн различных грузов, среди которых определяющее место будет занимать каменный уголь (20 млн т), минеральные удобрения и зерно (по 5 млн тонн на каждую позицию), генеральные грузы (1,2 млн т). Учитывая общемировую тенденцию развития контейнерных перевозок, планируется обслуживание 2 млн TEU. Принимая во внимание только приведенные цифры, без учета перспективного роста объемов обработки грузов, можно говорить о том, что после ввода в эксплуатацию УПК тема прибалтийского транзита для российского бизнеса будет закрыта навсегда.

Сохранение санкционного давления и переориентация с европейских на азиатские рынки, объективно актуализирует проблематику расширения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей. Учитывая рост стоимости угля в азиатском регионе и темпы развития азиатской экономики при одновременном падении спроса на европейских рынках, необходимость использования прибалтийских портов полностью отпадает.

Несмотря на явные признаки катастрофического спада в экономике прибалтийских стран, представители правящих кругов всеми силами пытаются опровергнуть классические представления о международном товарообмене: вместо того, чтобы покупать товары у ближайшего соседа, они предпочитают приобретать аналогичный товар на значительно удаленном рынке. Транспортная составляющая естественным образом повышает конечную цену товарной позиции, что значительно снижает возможность ее реализации. Однако приоритетность политической составляющей (русофобия + санкционная поддержка) порождает поступательно углубляющуюся конфронтацию между объективностью реализации экономического интереса и субъективной политической амбиции. В конечном итоге экономика полностью заменяется политикой.

В качестве еще более абсурдного примера можно привести попытку организации экономического сотрудничества администрации Северного порта Палдиски китайской компании Changchun International Land Port development. Китайские партнеры предложили свои услуги по модернизации портовой структуры и разработали схему маршрута по ускоренной доставке продукции китайских производителей в скандинавские страны. Однако главной проблемой реализации стала необходимость использования российского транзита. Политические амбиции опять взяли вверх – проект остался

¹ <https://ria.ru/20200804/1575328929.html>

на бумаге, поскольку прибалтийская сторона не согласовала с РЖД вопросы прохождения контейнерного транзита по прибалтийской территории.

Что касается американо-европейских инвесторов, то их экономические интересы не предполагают широкомасштабных вложений в прибалтийскую портовую инфраструктуру. Определённый интерес к инвестированию и приобретению контрольного пакета акций порта Клайпеда проявили представители китайского бизнеса, однако проблемой по-прежнему остается урегулирование вопросов транзитных перевозок.

Со стороны представителей заинтересованных структур прибалтийских стран неоднократно предпринимались попытки вызвать экономическую заинтересованность в использовании транзитно-логистической структуры белорусских внешнеторговых организаций. Однако данные попытки также потерпели фиаско, поскольку все три прибалтийских государства фактически развязали между собой «демпинговые войны предложений», а белорусские бизнесмены так и не определились с выбором окончательного партнера. Предложения к сотрудничеству с индийским, азербайджанским бизнесом также остались без внимания.

С российской стороны проблема прибалтийского транзита все больше теряет актуальность, поскольку бизнес активно инвестирует в ускоренные процессы строительства и модернизации терминалов «Новотранса» и «Лавана», портов Усть-Луга и Высоцк, одновременно предлагая российским экспортерам угля, удобрений, нефти и металлов заключать долгосрочные контракты непосредственно с российскими портами, терминалами и РЖД.

Помимо отмеченных мероприятий в городе Пионерское Калининградской области строится крупный грузопассажирский порт, который сможет принимать более 400 судов в год, принято окончательное решение о создании глубоководного грузового порта в Янтарном, который расположен в том же российском регионе. Крайне важным представляется решение о проведении работ по очистке и углублению Калининградского морского судоходного канала с нынешних 9–12 м до 13,5–14.

На отечественных верфях начато строительство 3 универсальных паромов, каждый из которых способен перевозить до 66 грузовых вагонов и 200 автомобилей, которые будут выполнять регулярные рейсы между Калининградской областью и «большой Россией».

Также необходимо особо отметить решающее значение поправок, внесенных в Конституцию РФ посредством всенародного голосования. В частности, речь идет об абсолютно конкретной поправке, согласно которой провозглашается приоритетность национального права над международными соглашениями. Это значит, что теперь Россия вправе решать все возникающие экономические споры не в арбитражных судах Стокгольма и Лондона, а Москвы или Петербурга. Надежда на вынесение вердикта с формулировкой «в связи с неудовлетворительным состоянием национальной экономики» в пользу Прибалтики или Украины однозначно отпадает. Следовательно, согласно логике рыночной модели, этим государствам придется самостоятельно находить партнеров, используя фактор ценовой и условной привлекательности.

При реализации обозначенного сценария в краткосрочной перспективе прибалтийские порты могут оказаться в ситуации полного банкротства в секторе грузовой перевозки, а пассажирские терминалы явно не смогут компенсировать финансовые потери и обеспечить поступление должного объема средств.

Объективный анализ реальной ситуации позволяет сделать весьма неутешительные выводы: прибалтийские страны несут не только совокупные финансовые потери, объемы которых исчисляются сотнями миллионов евро, но и сталкиваются с очень серьезными социальными проблемами. Число безработных неуклонно растет, число мигрантов в ЕС в поисках работы постоянно увеличивается, а массовые сокращения персонала стали уже обыденным явлением.

В заключении хотелось бы привести самый элементарный расчет финансовых потерь прибалтийских стран от переориентации российских импортеров на отечественные порты. Предположим, что средняя загрузка универсального контейнера составляет 10 тонн, а общее число ввезённых контейнеров составило 200 тысяч. Средняя стоимость полного цикла обслуживания (обработки) одного контейнера составляет примерно 65 тыс. руб. В перечень операций обязательных входит: постановка судна к причалу, выгрузка с борта судна на территорию порта, осуществление всех необходимых таможенных процедур («растаможка»), перегрузка на необходимый наземный транспорт (авто или ж/д), оформление товаротранспортных документов, процесс доставки конечному получателю. Применительно к общему числу контейнеров, стоимость составит более 13 млрд руб.)¹ – это реальные финансовые потери прибалтийских государств.

¹ <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-12-02--pribaltikozameschenie-kak-rossija-uvodit-gruzy-v-sobstvennye-porty-46277>

Можно говорить о том, что в складывающихся реалиях сохранения темпов развития мировой экономики, серьезно трансформированной негативным влиянием санкционного противостояния и коронавирусных ограничений, страны прибалтийского региона постепенно вовлекаются в новую реальность. Особенности данного этапа проявляются в том, что в экономико-политические интересы ЕС и России практически не затрагивают экономического пространства стран Прибалтики. В условиях отказа в финансировании модернизационных мероприятий портово-транспортной структуры со стороны ЕС и транзитных услуг со стороны российского бизнеса, правительству данных стран придётся в кратчайшие сроки разрабатывать программу антикризисных мер.

Литература

1. Смирнов В.А. Участие стран Прибалтики в политике санкций Евросоюза в отношении России: теоретические аспекты // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С. 56–61.
2. Воротников В.В. 25 лет независимости государств Балтии: из советского в европейский союз // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 7. № 5. С. 7–23.
3. Бойков С.С. Эволюция внешней политики России в отношении стран Балтии на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 3. С. 389–406.
4. Баранчик Ю.В. Перспективы политического и экономического влияния Российской Федерации на страны Прибалтики // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 103–114.
5. Тепляков В.В. Исторические предпосылки формирования новой транзитной политики России в Прибалтике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 21 (1). С. 209–218.
6. Захаров Г.В., Фадеева А.В. Морские порты постсоветской Прибалтики в условиях противостояния России и Запада // Постсоветский материк. 2020. № 2 (10). С. 49–62.
7. Шамахов В.А., Еремина Н.В., Межевич Н.М. Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия // Управленческое консультирование. 2019. № 3(123). С. 8–23.
8. Волков Г.Ю. Перспективы использования северного морского пути в международной транспортной системе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 2. С. 117–123.

Volkov Gennady Yuryevich, PhD (Econ.), Associate Professor of the International Economic Relations Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: gwolkow061@rambler.ru

THE POLITICAL DOMINANT IN THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN TRADE STRATEGY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC TRANSIT)

Abstract

The article presents a comprehensive analysis of Russian cargo transit reorientation problems from the Baltic States ports due to politico-economic factors associated with the import substitution industrialization and conservation of the competitiveness achieved indicators of the Russian transport segment. These activities will help significantly accelerate development, increase investment attractiveness for Russian large businesses and realize the potential of the Russian port structure.

Keywords: Russian business, Baltic transit, port structure, world economy, Baltic region, Containerization, capacity.

References

1. Smirnov V.A. Uchastie stran Pribaltiki v politike sankcij Evrosoyuz v otnoshenii Rossii: teoreticheskie aspekty // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. 2017. T. 21. P. 56–61.
2. Vorotnikov V.V. 25 let nezavisimosti gosudarstv Baltii: iz sovetского в evropejskij soyuz // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2016. T. 7. № 5. P. 7–23.
3. Bojkov S.S. Evolyuciya vneshnej politiki Rossii v otnoshenii stran Baltii na sovremennom etape // Problemy postsovetskogo prostranstva. 2020. T. 7. № 3. P. 389–406.
4. Baranchik YU.V. Perspektivy politicheskogo i ekonomicheskogo vliyaniya Rossijskoj Federacii na strany Pribaltiki // Postsovetskij materik. 2020. № 1 (25). P. 103–114.
5. Teplyakov V.V. Istoricheskie predposylki formirovaniya novoj tranzitnoj politiki Rossii v Pribaltike // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. 2019. № 21 (1). P. 209–218.
6. Zaharov G.V., Fadeeva A.V. Morskie porty postsovetskoy Pribaltiki v usloviyah protivostoyaniya Rossii i Zapada // Postsovetskij materik. 2020. № 2 (10). P. 49–62.
7. SHamahov V.A., Eremina N.V., Mezhevich N.M. Osnovnye harakteristiki politicheskogo razvitiya stran Pribaltiki i ih ekonomicheskie posledstviya // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2019. № 3(123). P. 8–23.
8. Volkov G.YU. Perspektivy ispol'zovaniya severnogo morskogo puti v mezhdunarodnoj transportnoj sisteme // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 2. P. 117–123.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Глушченко Алина Владиславовна аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: alina.glushchienko.1995@mail.ru

Довгань Евгений Александрович полковник полиции, зам. начальника кафедры специальных дисциплин, Волгодонский филиал Ростовского юридического института Министерства внутренних дел РФ (347360, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: dovghan_72@mail.ru

Аннотация

В статье обоснована взаимосвязь формирования и реализации инновационных проектов и конкурентоспособности предприятий. На основе проведенного анализа теоретико-методологических подходов к определению понятия и сущности «инновационный проект» и практических аспектов реализации были выявлены основные разделы и этапы реализации инновационного проекта. Установлены факторы и элементы, способствующие повышению конкурентоспособности предприятия, а также предложены дальнейшие меры по эффективной реализации инновационных проектов.

Ключевые слова: экономический рост, инновации, инновационный проект, конкурентоспособность, наука, технологическое развитие, инвестиции, экономическая система.

В сложившихся условиях российской экономической системы формирование и использование достижений науки и техники, инновационных товаров и услуг детерминируется как основополагающий способ поддержания и развития конкурентоспособности организаций. Инновационный тип функционирования экономической сферы Российской Федерации основывается на модернизации различных секторов хозяйствования, в первую очередь на росте их инновационной составляющей.

Анализируя основные положения и характеристики осуществления инноваций и инновационной деятельности в организации, было выявлено, что одним из важнейших элементов данной системы выступает инновационный проект, который характеризуется как особый элемент управления и развития инновационной деятельности любой организации.

Именно инновационный проект характеризует фактор инновационного развития организации и обуславливает её систематическое и планомерное развитие, основанное на формировании организационных рамок инновационного процесса, который опирается на формирование методик получения знаний, умений и навыков.

Несомненно, разными авторами и исследователями даются различные характеристики и определения понятию «инновационный проект». Стоит рассмотреть хотя бы некоторые из них. Так, ряд ученых, изучая сущность и специфику инновационного проекта, отталкиваются от происхождения слова, которое образовано от латинского «projectus». Данное слово в переводе с латинского означает «брошенный вперед» и описывает совокупность работ и различных мероприятий, которые основаны на формировании, освоении и использовании новых разработок.

Кроме этого, интересной представляется позиция таких авторов, как: Ю.В. Ананьева, О.А. Горбунова, которые рассматривают сущность инновационного проекта как путь к комплексному и системному осуществлению работ, которые нацелены на достижение единой цели. Данной целью выступает производство, продвижение и использование высокотехнологичных и наукоемких товаров и услуг, с обязательным указанием исполнителей и источников инновационных идей [1, с. 56].

Подобной точки зрения придерживается Я.С. Поташник, который обуславливает сущность инновационного проекта через призму организационных, технологических, кадровых работ и услуг, которые нацелены на создание, потребление и использование новых процессов, основой которых является инновационная составляющая [2, с. 129].

Ряд авторов, а именно, О.Н. Владимирова, Т.В. Живаева, К.С. Черных, А.С. Горошко, исследуя в своих работах категорию «инновационный проект», пришли к выводу о том, что сущность инновационных проектов опирается на характеристику определенных мероприятий и работ, которые приурочены к сфере создания, производства и распространения продуктов и услуг, которые обусловлены такими характеристиками как высокотехнологичность и инновационность [3, с. 104].

А.В. Вихрев детерминирует инновационный проект на основе совокупности различных мероприятий, которые позволяют создавать или совершенствовать продукт или услугу и имеют практическую реализацию, а также нацелены на повышение эффективности управления [4, с. 12].

Рассматривая специфику и особенности управления инновационным проектом, стоит отметить, что основополагающей задачей данного процесса является разработка и организация комплекса мер, которые будут направлены на достижение цели на основе приоритетных направлений науки и техники, так как на современном этапе технологического развития данному аспекту уделяется повышенное внимание. Именно поэтому исследователями и учеными уделяется повышенное внимание расширению и характеристике сущности данного понятия из-за приоритетных направлений деятельности многих хозяйствующих субъектов.

Рассмотренные выше определения и характеристики инновационного проекта характеризуют единое понимание данной категории наук, так как в составе любого определения присутствуют такие компоненты как: комплекс взаимосвязанных работ, необходимые ресурсы, специфика, время реализации, ограничения.

Актуальность внедрения инноваций обусловлена еще и тем фактом, что на сегодняшний день потенциал наукоемкого бизнеса значительно возрос, вследствие чего многочисленные исследователи и практики полагают, что именно реализация инновационных проектов в организационной и производственной деятельности способствует формированию устойчивого роста и развития предприятий и адаптации их к современным рыночным условиям.

Для того чтобы повысить конкурентоспособность компаний применяется широкий спектр мероприятий и методов, нельзя сказать, что компания, которая будет осуществлять реализацию инновационных проектов, но при этом совсем забудет про формирование системы сбыта или поиск новых инвестиций, достигнет устойчивого положительного эффекта. Совокупность факторов, которые обеспечивают устойчивую конкурентоспособность, представлена на рис. 1.

Рис. 1. Факторы, способствующие повышению конкурентоспособности предприятия

Данная классификация факторов, представленная первоначально В.Д. Дорофеевым [5, с. 90], была доработана с учетом повышения роли и влияния человеческого фактора и потенциала и необходимостью внедрения энергосберегающих технологий в процесс производственной деятельности. Полагаем, что подобное дополнение является необходимым аспектом в классификации факторов, которые влияют на повышение конкурентоспособности предприятий, так как современный производственный процесс диктует свои требования, которые опираются на последовательный процесс: от разработки стратегии развития до внедрения факторов, которые снижают издержки производства.

На современном этапе развития провести анализ роста конкурентоспособности и оценить показатели деятельности предприятия возможно на основе показателей рентабельности и доли присутствия на рынке. Таким образом, можно сделать вывод, что показатели конкурентоспособности опираются на такие элементы как: товары, финансы, технологии. Из этого, полагаем, что необходимо осуществлять формирование нового концептуального подхода относительно анализа инновационной составляющей в деятельности организаций.

Необходимо отметить, что характеристика и учет инновационной составляющей в деятельности организаций в обязательном порядке должно сопровождаться применением системного подхода к организации всех составляющих инновационного процесса. Исходя из этого, многие компании, которые реализуют инновационную деятельность, применяют многоуровневую модель формирования и реализации конкурентоспособности предприятия.

Подобная модель характеризуется наличием пяти основополагающих элементов, которые образуют взаимосвязь и диалектическое единство всех процессов в целях обеспечения конкурентоспособности (см. рис. 2).

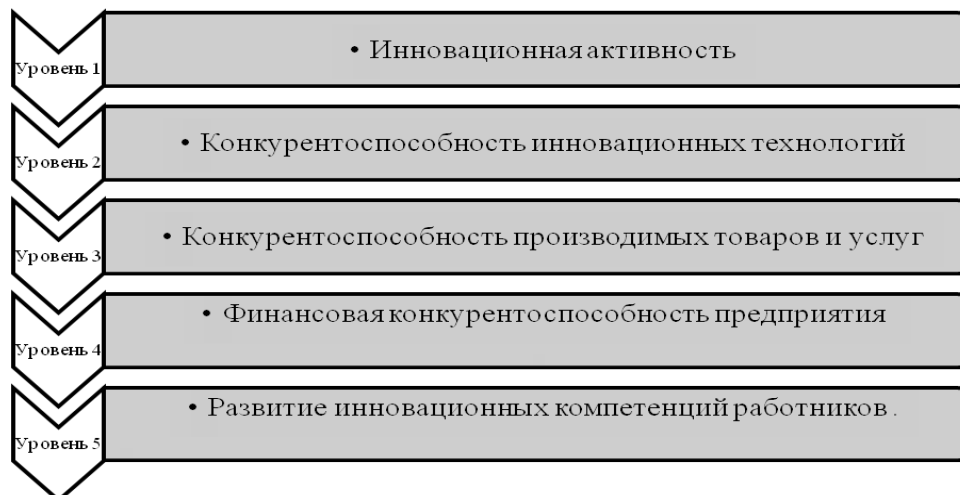

Рис. 2. Основные элементы инновационной конкурентоспособности предприятия
(Разработано авторами с использованием [6, с. 28])

Реализация подобной модели обеспечения конкурентоспособности предприятия на основе инновационной составляющей позволяет оценить, насколько скоординированной и эффективной будет реализация деятельности организации, и как от внедрения инноваций будет зависеть уровень конкурентоспособности.

Проводя анализ предприятий и организаций, которые на территории Российского государства занимаются инновационной деятельностью, консалтинговая компания КПМГ совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ), проведя социологический опрос, пришло к выводу о том, что до пандемии каждая 2 компания из числа опрошенных хотя бы единожды реализовывали в своей деятельности инновационные проекты или проекты цифровой трансформации. Проводя анализ основной цели реализации инновационных проектов и работе с инновациями, было выявлено, что в большинстве случаев компаниям инновационные проекты и их реализация необходимы для защиты текущего положения дел (31 %) и лишь незначительное количество (2 %) используют инновации для выхода на новые рынки и повышения конкурентоспособности.

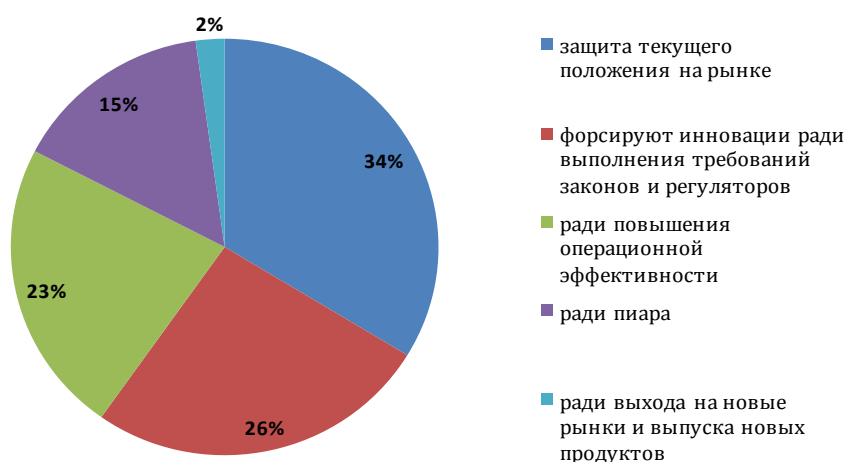

Рис. 3. Основная цель реализации инновационных проектов¹

¹ Агентство стратегических инициатив и КПМГ изучили открытость российских компаний к инновациям // Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://asi.ru/news/153157/>

Одной из особенностей реализации инновационных проектов и программ выступает тот факт, что в большей степени они реализуются на основе предпринимательских идей и научных исследований. основополагающей целью инновационного проекта выступает формирование и применение новых технологий и продуктов, которые обеспечивают развитие и совершенствование различных подсистем организации. Совокупность всей системы реализации инновационного проекта характеризуется наличием определенных подсистем (разделов), которые должен содержать проект. В результате реализации всех разделов может быть достигнута эффективность реализации инновационного проекта. Основные разделы общей системы инновационного проекта представлены на рис. 4.

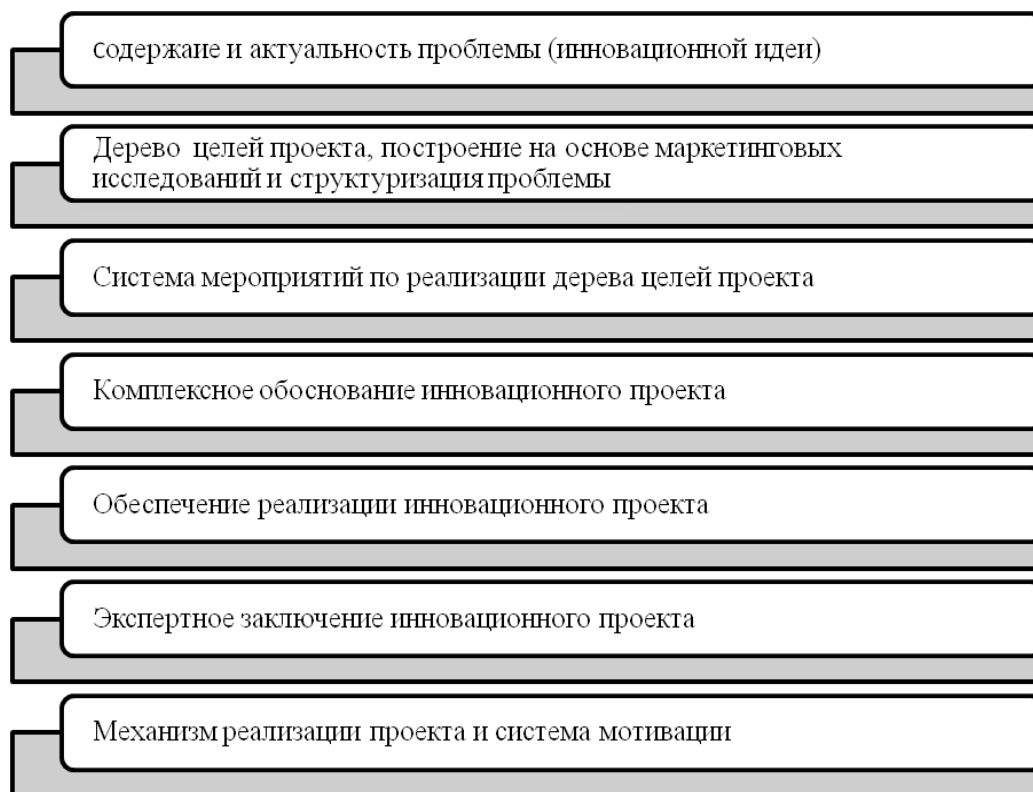

Рис. 4 Основные разделы инновационного проекта [8, с. 74]

Процесс реализации инновационного проекта зачастую смешивают с инвестиционными процессами в организации, что неслучайно, так как инвестиции и инновации характеризуются как взаимосвязанные категории вследствие чего, как процессу реализации инвестиционного проекта необходимо проводить анализ технико-экономического обоснования, так и инновационный проект требует проведения данной технологии, так как она позволяет обосновать целесообразность следующих аспектов [7]:

- инвестиционных аспектов, которые направлены в производственные фонды с длительным сроком амортизации;
- совокупность всех вложений в товарно-материальные запасы, а также иные оборотные активы, которые направлены на расширение производственного процесса;
- совокупность всех вложений в нематериальные активы.

Кроме этого, процесс формирования, утверждения и реализации инновационного проекта характеризуется как достаточно длительный, вследствие того, что проходит различные этапы: от зарождения идеи до эксплуатации товара или услуги. Этот период рассматривается как жизненный цикл инновационного проекта и охватывает три фазы: прединвестиционную, эксплуатационную и инвестиционную. Формирование технико-экономического обоснования структуры инновационного проекта имеет прямую зависимость от источников финансирования проекта.

На основе анализа специфики и сущности всех процессов реализации инновационного проекта, можно сказать, что источники финансирования инновационной деятельности формируются за счет инвестиций, так как на этапе разработки и анализа технико-экономического обоснования целесообразности инновационного проекта проводится анализ альтернативных вариантов [9, с. 55].

На предварительном этапе технико-экономического анализа проводится всестороннее рассмотрение экономических альтернатив: спрос на рынке, анализ сфер и сегментов рынка, анализ маркетинговых мероприятий и сбытового процесса, изучение затрат на технологическую часть проекта и срок ее окупаемости, расчеты коммерческой эффективности.

По результатам предварительного анализа экспертами дается один из выводов, которые характеризуются необходимостью реализации инновационного проекта [10, с. 70]:

- осуществлять инвестирование в реализацию инновационного проекта настолько эффективно, что решение относительно целесообразности реализации проекта принимается на предварительном этапе;
- информационная база содержит всю необходимую информацию для принятия решения относительно окупаемости и жизнеспособности инновационного проекта;
- специфика реализации инновационного проекта обуславливает необходимость проведения более комплексного и детального анализа.

Несомненно, анализ инновационной составляющей в деятельности организаций и предприятий является необходимым аспектом, но следует осуществлять анализ всего спектра факторов и условий, которые определяют потенциал и конкурентоспособность предприятия, а также тот факт как инновационная составляющая влияет на развитие конкретной кампании. Кроме этого, в целях формирования и эффективного управления общей системы конкурентоспособности организации, следует учитывать ряд основополагающих принципов, а именно:

- взаимозависимость и взаимосвязь между всеми элементами системы организации и то как на организацию и на её отдельные элементы оказывает влияние инновационная деятельность;
- анализ и оценка факторов, которые влияют на процесс реализации инновационных проектов;
- функциональная направленность конкретного предприятия;
- учет и анализ специфики рынка труда, на котором реализуется деятельность;
- учет показателей, а также их ранжирования, в соответствии со степенью влияния.

Комплексное применение данных принципов позволит сформировать систематизированную систему оценки конкурентоспособности предприятия, а также улучшить многие показатели развития.

Исходя из проанализированного материала о пользе реализации инновационных проектов в деятельности компаний, можно сделать ряд выводов:

1. Рост конкурентоспособности на основе реализации инновационных проектов будет осуществляться лишь при анализе и учете всех факторов развития организации.
2. В целях системного и непрерывного роста конкурентоспособности внедрения и реализация инновационных проектов должны быть одним из основополагающих элементов стратегии развития предприятия.
3. При реализации инновационных проектов необходимо учитывать внешние и внутренние факторы развития и задействовать человеческий потенциал.
4. Необходимо пользоваться государственными и региональными программами развития в сфере поддержки предприятий, реализующих инновационную деятельность.

Особое внимание следует уделять не только внутренним процессам формирования и развития инновационных проектов, но и внешними процессами, которые оказывают влияние на общую конкурентоспособность компании, так как реализация инновационных процессов во многом зависит от экономической и политической ситуации в стране и в мире. Вследствие этого особое значение следует уделять подготовки к внешним факторам и угрозам, которые могут повлиять на конкурентоспособность компании.

Резюмируя представленный материал, можно отметить, что современный процесс обеспечения конкурентоспособности компаний характеризуется как комплексная и гибкая система, которая ориентирована на долгосрочную перспективу. Реализация инновационных проектов в рамках деятельности предприятий и организаций существенно повышает конкурентоспособность, поскольку обеспечивает дополнительные направления для роста и развития.

Литература

1. *Ананьева Ю.В., Горбунова О.А.* Инновационный проект как инструмент реализации инновационной стратегии предприятия // Научное обозрение. Экономические науки. 2020. № 3. С. 62-66.
2. *Поташник Я.С., Храбан Г.С., Пулин И.С.* Модели управления инновационным проектом // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 100-103.

3. Владимирова О.Н., Живаева Т.В., Черных К.С., Горошко А.С. Аналитическое обеспечение инновационной деятельности в разрезе жизненного цикла инноваций // *Фундаментальные исследования*. 2017. № 6. С. 115–120.
4. Шмонин А.Р., Вихрев А.В. Подготовка бизнес-плана инновационного проекта. В сборнике: *Дни науки студентов ИАСЭ - 2019. Материалы научно-практической конференции*. 2019. С. 61-64.
5. Дорофеев В.Д., Дресвянников В.А. *Инновационный менеджмент: учебное пособие*. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2003.
6. Лапаев П.А. Методические основы инновационного развития предприятия // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016. № 6. С. 36.
7. Коссов В.В., Лившиц В.Н., Шахназаров А.Г. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: третья редакция, исправленная и дополненная. М.: Экономика, 2018. 421 с.
8. Александрова Т.В., Бобин А.В. Создание организационной инфраструктуры для реализации инновационного проекта на предприятии // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2019. №1. С. 90.
9. Игнатова Т.В., Глушченко А.В. Особенности регулирующего воздействия на развитие инновационной деятельности в России // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. № 26 (4). С. 54-59.
10. Куликов Д.В. Проектный менеджмент в инновационном предпринимательстве // *Креативная экономика*. 2018. №2. С. 67.

Glushchenko Alina Vladislavovna, Graduate Student, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: alina.glushchchenko.1995@mail.ru

Dovghan Evgeny Aleksandrovich, Police Colonel, Deputy Chief of Department of Special Disciplines, Volgogradsk branch of Rostov legal institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (40, Stepnaya St., Volgogradsk, 347360, Russian Federation). E-mail: dovghan_72@mail.ru

IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECTS AS A FACTOR OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF ENTERPRISES

Abstract

The article substantiates the relationship between the formation and implementation of innovative projects and the competitiveness of enterprises. Based on the analysis of theoretical and methodological approaches to the definition of the concept and essence of "innovative project" and the practical aspects of implementation, the main sections and stages of the implementation of an innovative project were identified. The factors and elements that contribute to increasing the competitiveness of the enterprise have been established, and further measures have been proposed for the effective implementation of innovative projects.

Keywords: economic growth; innovation; innovative project; competitiveness; the science; technological development; investments; economic system.

References

1. Anan'eva YU.V., Gorbunova O.A. Innovacionnyj projekt kak instrument realizacii innovacionnoj strategii predpriyatiya // *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki*. 2020. № 3. P. 62-66.
2. Potashnik YA.S., Hraban G.S., Pulin I.S. Modeli upravleniya innovacionnym projektom // *Aktual'nye voprosy ekonomiki, menedzhmenta i innovacij. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2019. P. 100-103.
3. Vladimirova O.N., Zhivaeva T.V., Chernyh K.S., Goroshko A.S. Analiticheskoe obespechenie innovacionnoj deyatel'nosti v razreze zhiznennogo cikla innovacij // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2017. № 6. P. 115–120.
4. Shmonin A.R., Vihrev A.V. Podgotovka biznes-plana innovacionnogo projekta. V sbornike: *Dni nauki studentov IASE - 2019. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2019. P. 61-64.
5. Dorofeev V.D., Dresvyannikov V.A. *Innovacionnyj menedzhment: uchebnoe posobie*. Penza: Penz. gos. un-t, 2003.
6. Lapaev P.A. Metodicheskie osnovy innovacionnogo razvitiya predpriyatiya // *Intellekt. Innovacii. Investicii*. 2016. № 6. P. 36.
7. Kossov V.V., Livshic V.N., Shahnazarov A.G. Metodicheskie rekomendacii po ocenke effektivnosti investicionnyh projektov: tret'ya redakciya, ispravlenaya i dopolnennaya. M.: Ekonomika, 2018. 421 p.
8. Aleksandrova T.V., Bobin A.V. Sozdanie organizacionnoj infrastruktury dlya realizacii innovacionnogo projekta na predpriyatii // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2019. №1. P. 90.
9. Ignatova T.V., Glushchenko A.V. Osobennosti reguliruyushchego vozdejstviya na razvitie innovacionnoj deyatel'nosti v Rossii // *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 2020. № 26 (4). P. 54-59.
10. Kulikov D.V. Proektnyj menedzhment v innovacionnom predprinimatel'stve // *Kreativnaya ekonomika*. 2018. №2. P. 67.

**ФАКТОРЫ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЫНКА ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ
В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ США)**

Евченко Наталья Николаевна доктор экономических наук, профессор кафедры инновационного и международного менеджмента факультета управления, Южный федеральный университет (344090, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 212). E-mail: natayevch@yandex.ru

Морозова Полина Александровна соискатель факультета управления, Южный федеральный университет (344090, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 212). E-mail: morozovar_96@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы состав, тенденции развития и динамика факторов, определяющих привлекательность использования электронной торговли как метода выхода на новый рынок в постпандемийный период на примере США. К ним отнесены: объем электронной торговли и общих продаж товаров, выручка американских маркетплейсов, личный и реально располагаемый доход, расходы на личное потребление товаров и услуг, индекс потребительской уверенности. Сделан вывод о сохранении для бизнеса привлекательности рынка электронной торговли в сравнении с традиционными продажами. Выявлен тренд на замедление темпов роста электронной торговли, свойственный как рынку США, так и России.

Ключевые слова: международная электронная торговля, пандемия, маркетплейсы, личное потребление товаров и услуг, внешняя торговля, тренды.

Мировые рынки находятся в состоянии операционного восстановления, связанного с результатом глобальной пандемии и введения жесткого локдауна. Современные экономические условия проверяют все сферы бизнеса и его игроков на стойкость и выживаемость. Многие компании пытаются удержаться и надеются на экономический рост, некоторые организации смогли подстроиться под текущие правила, а многие не выдержали резких изменений и были вынуждены покинуть рынок. Одним из ключевых условий сохранения бизнеса для многих секторов экономики стал переход в сектор электронной торговли. Данная тенденция повлияла на структуру рынка. Так, продажи в онлайн магазинах в США выросли на 44% по сравнению с 2019 г.¹

Жизненность значимости электронной торговли для компаний формирует повышенный интерес бизнеса к анализу факторов выбора каналов, условий, форм и методов ее использования.

Цель настоящей статьи – предложить набор факторов, стимулирующих принятие решений по расширению использования форм электронной торговли на примере маркетплейсов, на основе анализа избранных макроэкономических показателей рынка США, влияющих на ее привлекательность на национальном рынке.

Пандемический мировой кризис создал шоковые условия для бизнеса многих отраслей. Руководители компаний были вынуждены принимать быстрые и эффективные решения в условиях абсолютной неопределенности. Очевидно, правильные решения принял менеджмент организаций, показывающих ныне заметный рост, несмотря на пока сохраняющийся спад спроса. Ныне, когда постпандемийная ситуация становится яснее, а руководители уже имеют релевантный опыт, им нужно также быстро принимать решения о выходе на новые, освобождающиеся рынки [1]. Многие российские компании уже смогли перестроить бизнес в онлайн сектор. Например, за период апрель-июнь 2020 г. продажи сети магазинов «Детский мир» через онлайн канал выросли в 3,2 раза, онлайн продажи «М. Видео-Эльдорадо» выросли более чем в 2 раза². В результате расширяется значимость как локальных, так и удаленных маркетплейсов, на которые приходят компании, в том числе, зарубежные.

В российской экономической литературе в последние три-четыре года появился значительный объем научных источников, посвященных электронной торговле, ее формам, методам использования в практике значительного числа отраслевых производителей.

¹ US ecommerce grows 44,0 % in 2020. [Электронный ресурс]: Digital commerce 360. – URL: // <https://www.digitalcommerce360.com/article/us-ecommerce-sales/#:~:text=Consumers%20spent%20%24861.12%20billion%20online,the%2015.1%25%20jump%20in%202019> (дата обращения: 28.01.2021).

² Как онлайн почти спас ритейл от коронакризиса. [Электронный ресурс]: Интерфакс – URL: // <https://www.interfax.ru/business/742683> (дата обращения: 24.02.2021).

Постоянный и устойчивый рост рынка электронной коммерции позволяет компаниям развивать новые формы торговли, одной из которых является D2C (Direct-to-consumer), детально представленная в научном обзоре [2, с. 128]. Данная форма способна существенно расширить номенклатуру продаж товаров, имеющих возможность использования различные традиционные формы электронной коммерции за счет включения в нее товаров производственного назначения. Использование данным сегментом экспорта новых форм электронного товарооборота особенно перспективно для российских компаний-производителей, поскольку рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров отнесен к целевым показателям национального проекта «Международная кооперация и экспорт», утвержденного в 2018 г. Нацпроект предусматривает, что «доля экспорта продукции обрабатывающей промышленности и сельхозпродукции в ВВП страны должна быть увеличена до 20 %» к концу 2024 г.¹

Ключевым направлением и современной тенденции развития мировой электронной торговли является усиление значимости маркетплейсов, особенно, в крупных экономических системах и на рынках, значимых в международной торговле [3]. Маркетплейс – это «рыночная площадка», особая форма организации торговли, где сводятся вместе продавец и покупатель для осуществления удаленной коммерческой сделки.

Исследователи выделяют две ключевых тенденции современного развития маркетплейсов: 1) укрепление, подключение к ним крупных брендов, и 2) расширение присутствия на маркетплейсах компаний малого и среднего бизнеса. Так, за 2 года вклад средних и мелких экспортеров, которые ведут онлайн продажи через маркетплейсы и осуществляют доставку при помощи почтовых операторов, вырастет с 15 % отправок до 36 % по прогнозу на конец 2018 г. [4, с. 111 – 112].

В настоящее время маркетплейсы предоставляют компаниям более широкий спектр услуг, чем просто представление продукта в электронном торговом центре. Маркетплейс является ресурсом, обеспечивающим бизнес широким спектром услуг от сбыта, используя свои ресурсы для упаковки и доставки товара, до продвижения товара на новых и уже действующих рынках.

Взаимодействие компаний с маркетплейсами может быть разделено на два направления: сбыт путем представления бренда на площадке, взаимодействие по продвижению продукта на данной площадке. Однако в обоих случаях организации освобождаются от многих задач, таких как упаковка и доставка товара, маркетинговое продвижение, запуск продукта на новых рынках.

Взаимодействие компаний с маркетплейсами имеет ряд преимуществ перед физическим присутствием бизнеса на иностранном рынке. Среди них: сокращение расходов на содержание офисов, магазинов, сотрудников, логистику, маркетинг. Преимуществом является предоставление статистики продаж определенной категории товаров на маркетплейсе для более корректного планирования поставок.

К минусам торговли посредством услуг маркетплейса относятся: поверхностное знание продукта, ценностей и политики компании, значит, существует возможность некорректного взаимодействия с покупателями, низкая заинтересованность в продвижении продукта.

Несмотря на существующие недостатки работы с маркетплейсами, это хороший и менее затратный способ для компании протестировать свой продукт на новом рынке, понять, кто будет потребителем, какие у него предпочтения. После этого менеджмент компании может провести более детальный анализ стратегии работы на зарубежном рынке и адаптировать свой продукт для местного потребителя.

Для отечественного бизнеса актуально наращивание объемов экспортных продаж, поскольку в электронной форме торговли импорт в 7,6 раза превышает экспорт (по данным 2018 г.). Рынок США в онлайн экспорте российских товаров является лидирующим: из 60 % общего объема поставок, приходящихся на дальнее зарубежье, 17 % продается в США, 4,3 % – в Германии, 3,6 % – в Великобритании [7, с. 112].

Минимизация рисков в условиях постпандемийного восстановления экономических процессов требует многофакторного анализа потенциального рынка экспансии, макроэкономических показателей, определяющих потенциал продаж товаров. Так как эпидемиологическая обстановка остается непредсказуемой, и возможен повторный локдаун, данная тенденция должна оставаться стабильной.

В период 2010-2020 гг. рынок электронной торговли США растет существенно более быстрыми темпами, чем традиционная торговля. Линия тренда роста объемов рынка электронной торговли сменилась с понижающейся на повышающуюся вследствие взрывного увеличения объемов продаж 2020 г. (рис.1).

¹ Национальные проекты: Международная кооперация и экспорт // <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/>.

Интересным фактом представляется и то, что в 2020 г. на рынке США выросли не только онлайн продажи, но и объем традиционной торговли.

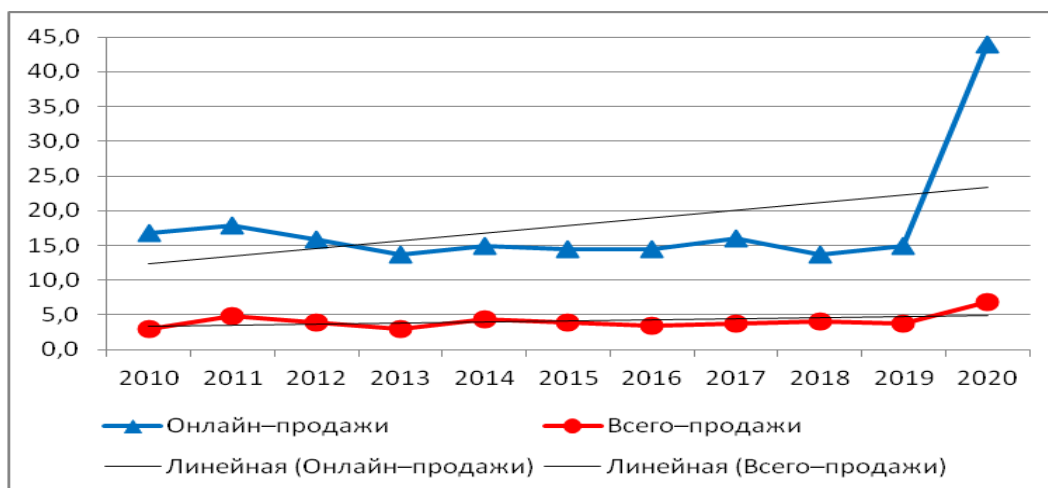

Рис. 1. Сравнение динамики (темпов роста) онлайн продаж и общих продаж товаров в США, 2010 – 2020 гг. (в %)¹

Элиминирование данных 2020 г. характеризует достаточно слабую, устойчивую динамику рынка продаж в США: для традиционных форм продаж – слабо растущую динамику в доли процентов – от 3,8 до 4,0 % и понижающуюся – для электронной торговли. При этом заметим, что электронная торговля развивается существенно более динамично (рис. 2).

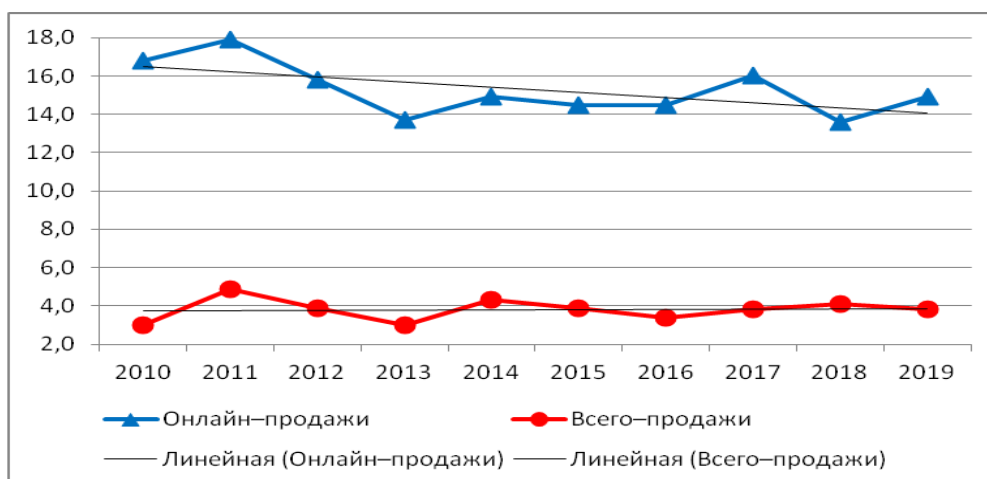

Рис.2 Сравнение роста онлайн продаж и общих продаж товаров в США, 2010 – 2019 гг. (в %)²

Amazon, Walmart, eBay являются наиболее значимыми американскими маркетплейсами. На рис. 3 представлены данные об их выручке за 2019 – 2020 гг.

Выручка ведущих американских маркетплейсов растет, хотя и с различной динамикой, поскольку доля онлайн продаж от всех розничных продаж также постоянно растет. В 2018 году их доля составляла 14,3%, в 2019 году – 15,8%, в 2020 году достигла 21,3% от общих продаж товаров³.

¹ US ecommerce grows 44,0 % in 2020. [Электронный ресурс]: Digital commerce 360. – URL: // <https://www.digitalcommerce360.com/article/us-ecommerce-sales/#:~:text=Consumers%20spent%20%24861.12%20billion%20online,the%2015.1%25%20jump%20in%202019> (дата обращения: 28.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

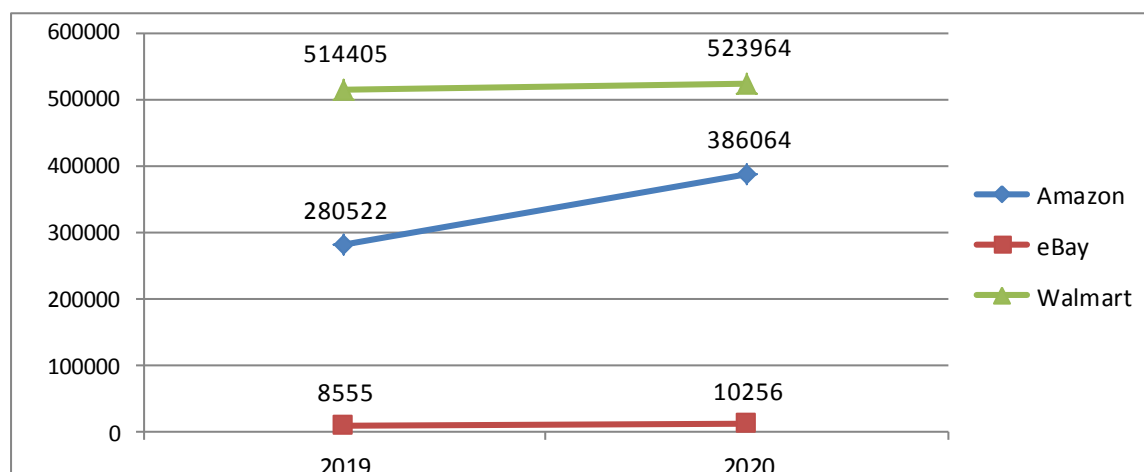

Рис. 3. Выручка ведущих маркетплейсов США в 2019-2020 гг., млн долл. США¹

Во время пандемии на поддержку бизнеса и населения США было выделено более 2,3 трлн долл.² Средства были выделены для оплаты вынужденного отпуска, проведения бесплатных тестов, предоставления дешевых кредитов. По условиям программы поддержки компании могли получить кредиты до 2 млн долл. для пополнения оборотных средств под низкую процентную ставку. Данные средства могли быть использованы на компенсацию заработных плат, фиксированных расходов, имеющих задолженностей.

Были утверждены: прямые выплаты гражданам в размере 1200 долл. США и дополнительно 500 долл. на каждого ребенка, государственная программа кредитования на 500 млрд долл. для компаний, переживающих последствия кризиса, гарантированные займы микро предприятиям³. Одновременно многие штаты анонсировали локальные меры поддержки бизнеса и населения.

Благодаря господдержке реально располагаемый доход в 2020 г. вырос на 7,2% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., а личный доход населения в 2020 г. увеличился на 6,3%⁴. Данные показатели свидетельствуют о том, что государственная поддержка помогла сохранить денежные поступления и избежать резкого обеднения населения, сохранив уровень потребления как потенциал сохранения бизнесов.

На рис. 4 представлена информация об изменении личных и реально располагаемых доходов населения США в четвертом квартале 2020 г. в сравнении с третьим кварталом 2019 г. После значительных выплат в разгар пандемии во втором квартале 2020 г. доходы населения в третьем и четвертом квартале снижаются. Наблюдаемая отрицательная динамика связана с прекращением выплат, в то время как ограничения продолжают действовать. Однако, если сравнивать доходы в четвертом квартале 2019 г. и 2020 г., то рост составил 4,4 %.

На рис. 5 представлена предварительная информация бюро экономического анализа о расходах населения США в период с третьего квартала 2019 г. по четвертый квартал 2020 г. По итогам 2020 г. расходы на личное потребление снизились на 3,9%⁵.

После резкого снижения расходов в период неопределенности во втором квартале 2020 расходы населения демонстрируют положительную динамику и продолжают расти. Американцы тратят больше средств на услуги, чем на товары. Однако, если сравнивать итоги 2019 г. и 2020 г., то расходы на товары выросли, в то время как оплата услуг сократилась. В целом, после падения уровня потребительских расходов американцев в начале пандемии уже в третьем квартале 2020 г. их расходы начинают расти.

¹ Составлено авторами по Amazon.com Inc., eBay Inc., Walmart Inc. [Электронный ресурс]: WSJ Markets // URL: // <https://www.wsj.com/market-data/quotes/WMT/financials/annual/income-statement> (дата обращения: 28.01.2021).

² United States of America. Government and institution measures in response to COVID-19. KPMG [Электронный ресурс]: // URL: // <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/united-states-of-america-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html> (дата обращения: 28.01.2021).

³ Там же.

⁴ Personal Income and Outlays, December 2020 [Электронный ресурс]: Bureau of Economic Analysis. // URL: // <https://www.bea.gov/sites/default/files/2021-01/pi1220.pdf>. (дата обращения: 28.01.2021).

⁵ Там же.

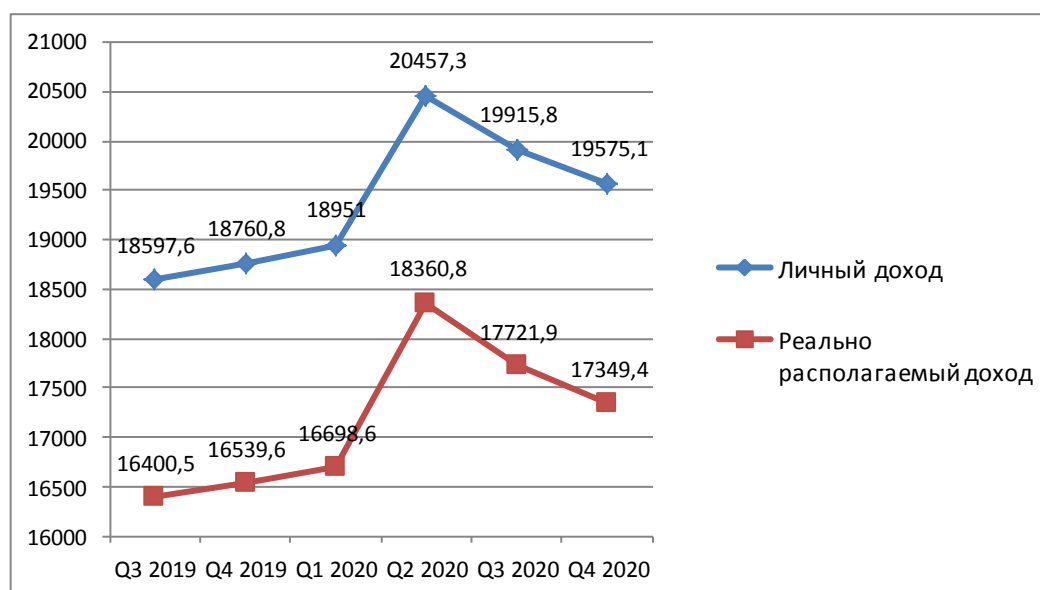

Рис. 4. Личный и реально располагаемый доходы населения США, Q3 2019 г. - Q4 2020 г., млрд долл. США¹

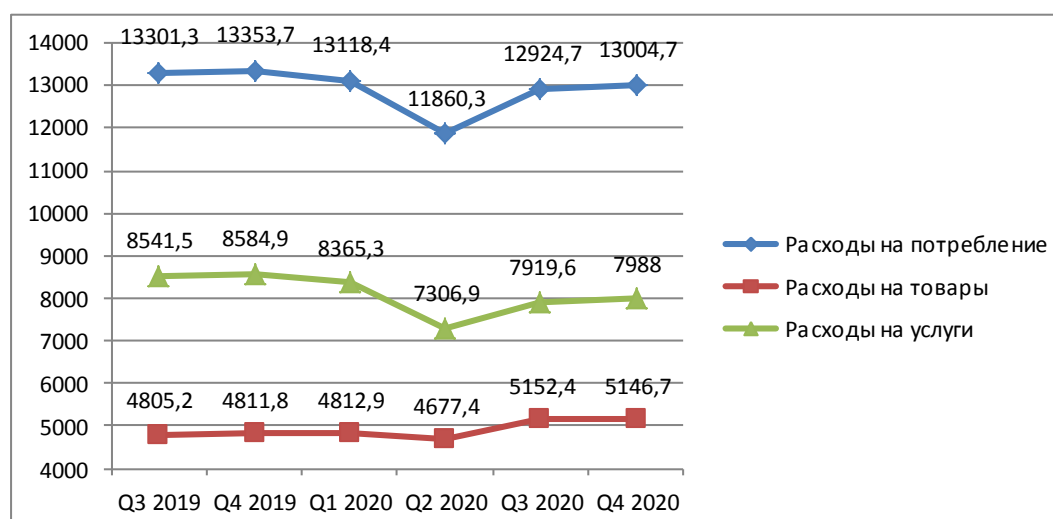

Рис. 5. Расходы на личное потребление, включая потребление товаров и услуг в США в период с Q3 2019 г. по Q4 2020 г., млрд долл. США²

На рис. 6 представлена динамика изменения потребительской уверенности в США в период с декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. Потребительская уверенность американцев снизилась, однако остается на высоком уровне и показывает стабильную положительную динамику, что говорит о стабилизации отношения населения к существующим экономическим условиям и готовности выступать активными покупателями.

В целом, пандемия COVID-19 оказалась для мировой торговли 2020 г. особо важным событием с комплексом последствий. Национальные государства приняли собственные и, во многом, схожие стратегии преодоления ее последствий³, анализ которых еще предстоит сделать в последующем.

¹ Personal Income and Outlays, December 2020 [Электронный ресурс]: Bureau of Economic Analysis. // URL: // <https://www.bea.gov/sites/default/files/2021-01/pi1220.pdf>. (дата обращения: 28.01.2021).

² Там же.

³ Cybersecurity Alert: Measures to Consider as Firms Respond to the Corona virus Pandemic (COVID-19) [Электронный ресурс]: Finra. // URL: // <https://www.finra.org/rules-guidance/notices/information-notice-032620> (дата обращения: 28.01.2021); Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения COVID-19 [Электронный ресурс]: Росконгресс. // URL: // https://roscongress.org/upload/medialibrary/c98/Obzor_eco_mer_final2.pdf. (дата обращения: 28.01.2021).

Тем не менее, важно использовать новые условия ведения бизнеса для решения задач международной экспансии отечественных компаний. Очевидно, что необходимо, в первую очередь, проанализировать резервы, которыми располагают фирмы для расширения объемов электронной торговли.

Следует согласиться с авторами, которые относят к проблемным сферам: изменение системы управления с учетом особенностей электронной коммерции, рост эффективности управления проектами, оптимизация выбора формы и способа самостоятельных электронных продаж или взаимодействия с посредниками, развитие системы платежей и повышение надежности доставки товаров [5, с. 88–89].

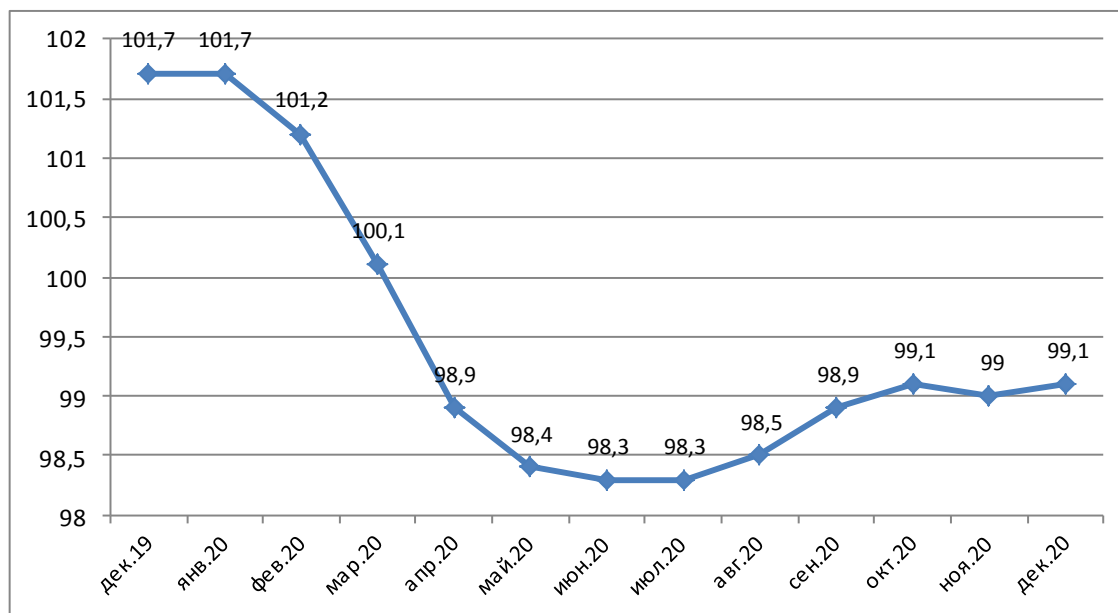

Рис. 6. Индекс потребительской уверенности в США, декабрь 2019 г. – декабрь 2020 г.¹

Объем электронных продаж в России растет, но происходит постепенное уменьшение (понижение интенсивности) их динамики. Если в 2012, 2013, 2014 гг. рост объемов онлайн продаж составлял 34,0 %, 31,7 % и 34,9 % соответственно, то в 2015, 2016, 2017 гг. рост объемов продаж составил 16,1%, 23,1% и 18,0 соответственно. Интенсивность увеличения продаж снизилась примерно на 40 %. Тренд интенсивности продаж демонстрирует явное замедление, аналогично процессам на рынке США, а поскольку в России онлайн продажи начали развиваться позднее, то и темпы их роста остаются пока выше, чем в США: в России - 20% +– 2%, в США - 15% +– 1%².

Таким образом, на основании анализа данных, приведенных в статье, возможно сделать вывод о том, что доходы американцев медленно и незначительно снижаются в пандемийный период, однако текущая положительная динамика расходов американцев на товары и услуги свидетельствует, что рынок быстро оживает. Кроме того, появление вакцин приближает возвращение населения к привычному ритму жизни и деятельности рынка.

На основании данной информации можно сделать вывод о том, что рынок США является перспективным для экспансии российскими компаниями. Поскольку рынок онлайн торговли в США растет, и использование услуг маркетплейсов является привлекательным для бизнеса способом тестирования своего продукта на новом рынке, то компаниям целесообразно изучить возможности сотрудничества с наиболее эффективными маркетплейсами за рубежом.

Литература

1. Афанасьев М.А. Методы удержания на плаву и развития компаний в эпоху коронавируса // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 146 – 148.

¹ Consumer confidence index (CCI) [Электронный ресурс]: OECD Data. // URL: <https://data.oecd.org/leadind/consumer-confidence-index-cci.htm> (дата обращения: 28.01.2021).

² Рассчитано авторами по: Интернет-торговля в России 2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.datainsight.ru> (дата обращения: 30.01.2021).

2. Гаврюшин О.Ю. Новое направление развития международной электронной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 127 – 134.
3. Твердохлебова М.Д., Никишкин В.В. Роль маркетплейсов на рынке розничных торговых услуг // Практический маркетинг. 2019. № 6. С. 3 – 8.
4. Гаврюшин О.Ю. Новое направление развития трансграничной электронной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 6. С. 107 – 117.
5. Быстрова Н.В., Максимова К.А. Электронная коммерция и перспективы ее развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 7 (33). Т. 1. С. 86 – 90.

Yevchenko Natalia Nickolaevna, Doctor of Science (Economics), Professor of the Innovation and International Management Department, Faculty of Management, Southern Federal University (app. 212, bldg. 1, 200/1, Stachki Ave, Rostov-on-Don, 344090, Russian Federation).

E-mail: natayevch@yandex.ru.

Morozova Polina Alexandrovna, applicant, Faculty of Management, Southern Federal University (app. 212, bldg. 1, 200/1, Stachki Ave, Rostov-on-Don, 344090, Russian Federation).

E-mail: morozovap_96@mail.ru.

E-COMMERCE MARKET ATTRACTIVENESS FACTORS IN THE POSTPANDEMIC PERIOD (THE USA CASE)

Abstract

The article analyzes the composition, development trends and dynamics of factors that determine the attractiveness of using e-commerce as a method of entering a new market in the post-pandemic period the United States' market. These include: the volume of online and total sales of goods, the revenue of American marketplaces, personal and real disposable income, spending on personal consumption of goods and services, and the consumer confidence index. The conclusion is made that the attractiveness of e-commerce market for business is preserved in comparison with traditional sales. A trend has been revealed for a slowdown in the growth rate of e-commerce, which is characteristic of both the US and Russian markets.

Keywords: international e-commerce, pandemic, marketplace, personal consumption of goods and services, foreign trade, trends.

References

1. Afanas'ev M.A. Metody uderzhaniya na plavu i razvitiya kompanij v epohu koronavirusa // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2020. № 3. P. 146 – 148.
2. Gavryushin O.YU. Novoe napravlenie razvitiya mezhdunarodnoj elektronnoj trgovli // Rossijskij vshne-neekonomicheskij vestnik. 2019. № 4. P. 127 – 134.
3. Tverdohlebova M.D., Nikishkin V.V. Rol' marketplejsov na rynke roznichnyh trgovykh uslug // Prakticheskij marketing. 2019. № 6. P. 3 – 8.
4. Gavryushin O.YU. Novoe napravlenie razvitiya transgranichnoj elektronnoj trgovli // Rossijskij vshne-neekonomicheskij vestnik. 2019. № 6. P. 107 – 117.
5. Bystrova N.V., Maksimova K.A. Elektronnaya kommerciya i perspektivy ee razvitiya // Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya. 2018. № 7 (33). Т. 1. P. 86 – 90.

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННЫХ КРИЗИСОВ И ВОЛАТИЛЬНОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ

Келарев Владимир Викторович доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: vkelarev@yandex.ru

Аннотация

Становление малого и среднего предпринимательства в экономике происходит постоянно в условиях кризисов. На данный момент это уже пятый кризис с начала рыночных реформ. Такое положение откладывает отпечаток на то, что динамика субъектов малого и среднего бизнеса носит нестабильный контекст. Меры государственной поддержки носят характер антикризисного управления и не направлены на стратегическое развитие субъектов. Вместе с тем нынешнее положение данных субъектов бизнеса можно оценить как критическое. И если система государственного воздействия не перестроится и не будет нацелена на выделение стратегического места субъектов малого и среднего бизнеса в экономике, то в целом не будут выполнены стратегические цели развития нашей страны.

Ключевые слова: кризис, малое и среднее предпринимательство, меры государственной поддержки, оценка эффективности мер государственной поддержки, стратегическое развитие субъектов малого и среднего бизнеса, социально-экономическая жизнь, деловая активность, макроэкономическая ситуация, финансовая поддержка, нормативно-правовое регулирование.

Экономические события последних месяцев, начиная с февраля 2020 г., все больше наталкивают на мысль, что малый и средний бизнес нашей страны напоминает нам трудного подростка, чье детство и становление происходят в постоянно изменчивой среде и зачастую с неблагоприятными факторами. Итоги воздействия пандемии на условия функционирования бизнеса за данный период уже очевидны. Малое и среднее предпринимательство находится в нашей стране в состоянии депрессии.

И хотя настоящий кризис вызван не экономическими причинами, но его последствия воздействуют на все стороны социально-экономической жизни общества, государства и населения. А учитывая его масштабность и затяжной характер, уже сейчас просматриваются его губительные последствия на экономику в целом и деловую активность бизнеса. В 2020 г. как и во всем мире, кроме Китая, мы не наблюдаем роста ВВП. В нашей стране это падение на 3,1 %, падение объемов промышленного производства на 2,9 %, снижение инвестиций в экономику на 4,1 % и снижение розничного товарооборота на эту же цифру¹.

Для малого и среднего предпринимательства наступили трудные времена. И, на наш взгляд, наибольшей актуальностью должны быть научные работы и статьи, посвященные не только оценке эффективности воздействия государственной системы управления на преодоление последствий «карантинной экономики», но самое главное – на перспективы развития этого важнейшего сектора экономики. На данный аспект обращают внимание многие ученые. Так, ряд из них считают, что необходимые меры поддержки должны быть направлены не столько для ликвидации последствий, сколько в большей степени «для дальнейшего результативного социально-экономического развития регионов и страны в целом» [1]. Другие считают, что для малого и среднего бизнеса это время – «время возможностей» для инновационного развития данных субъектов, которое будет определять их будущее и будущее страны [2].

Методологическая актуальность данной статьи направлена на то, чтобы понять закономерности становления малого и среднего бизнеса в нашей стране с учетом кризисных явлений в экономике, для оценки эффективности государственных мер поддержки в таких условиях.

Рассматривая новейшую историю становления малого и среднего предпринимательства, несложно отметить, что их динамика связана с общим экономическим состоянием российской экономики, на которую стабильно влияют факторы как мировой, так и национальной конъюнктуры. И в первую очередь речь идет об экономических кризисах.

¹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Картина деловой активности. <https://www.economy.gov.ru/>

В целом кризисы характеризуются снижением или значительным падением экономических критериев под воздействием каких либо событий [3, с. 113]. Так, к таким основным событиям можно отнести следующий перечень кризисов.

Кризис 1992 – 1995 годов. Этот кризис содержал в себе разрушение и создание новых институциональных форм управления экономикой, и по оценкам специалистов, его можно назвать «институциональным шоком» [4]. Причиной его стали внешние факторы в виде падения экспортных цен и доходов государственного бюджета. И как следствие, ликвидация советской системы управления и создание новых институтов рыночного типа. Именно в это время происходит зарождение институтов малого и среднего предпринимательства и становление системы институционального рыночного управления экономикой.

Мировой кризис 1997–1998 гг., известный как «азиатский кризис», характеризуется тем, что ввиду открытости финансового рынка России из-за экономической либеральной политики государства и либерализации деятельности субъектов экономики, провозглашение принципов которого началось с 1993 г., активно начался наблюдаться масштабный финансовый отток капитала, который был сформирован финансовыми группами и крупным бизнесом за счет внешних заимствований. Его последствия проявились в виде невозможности выполнения нашей финансовой системой своих обязательств. Это привело к обрушению национальной валюты и перекладыванию обязательств государства на плечи бизнеса и населения.

Малое и среднее предпринимательство, по сути, только начавшееся зарождаться, впервые столкнулось с тем, что деятельность в условиях гиперинфляции, обвала национальной валюты, не позволяла развиваться ему в полной объеме. В целом макроэкономическая ситуация провоцировала на уход бизнеса в серую и теневую зоны экономики.

Период российской экономики с 2000 г. по 2007 г. является относительно стабильным, так как Правительству РФ за счет макроэкономической политики удалось сдерживать инфляционные процессы, мотивировать и стимулировать бизнес и макросреду. К тому же этому положению способствовали высокие мировые цены на энергоносители. Этот период можно назвать этапом роста российской экономики. Динамика ВВП в этот период характеризуется цифрами роста от 4,7 до 10 %.

Все это давало оптимистические прогнозы для будущего развития субъектов МСП. И как следствие, положительная динамика роста субъектов малого бизнеса в этот период определялась тем, что их количество выросло с 300 тыс. в 2000 г. и до почти миллиона субъектов МСП.

Мировой долговой кризис 2007 г. характеризуется тем, что российская финансовая система в полной мере ощутила на себе зависимость от мировых финансовых потрясений. Формой данного явления стал массовый отток капитала с российского рынка.

Исходя из того, что наш финансовый рынок оставался открытым, преград для оттока капитала не было. Валютные обязательства финансового и банковского секторов экономики для обслуживания внешних заимствований, которые были набраны в период предыдущего развития, привели к тому, что на внутреннем рынке начался отток финансовых ресурсов, и это привело к значительным трудностям для всех субъектов предпринимательства страны. Мы были свидетелями банковского кризиса, и это в полной мере сказалось на деятельности субъектов МСП.

Основными видами трудностей были:

- Нехватка оборотных средств ввиду денежных разрывов между бизнес-процессами.
- Трудности с получением кредитных средств.
- Рост стоимости валют.
- Начало трудностей с реализацией продукции.

Период 2014 – 2015 годов – это возникновение очередного кризиса. Его причинами стали:

• Падение цен на нефть и газ, что создало значительные трудности для формирования бюджета РФ.

• Введение финансовых санкций против ряда государственных и корпоративных организаций страны.

Данные факты повлияли и на поведение государственных и особенно финансовых органов власти. Это проявилось в том, что:

- Доллар и другие валюты значительно подорожали.
- Увеличилась стоимость кредитных ресурсов.
- Инвестиционный потенциал значительно снизился.
- Сократились потребительские расходы.

И как следствие – снижение темпов роста ВВП.

Далее последствия кризиса проявились в «бегстве капитала» из страны, снижении стоимости национальной валюты и обесценивании рубля. В целом все это привело к обнищанию населения,

изменению потребительских расходов в сторону жизненно важных, к значительному сокращению инвестиций в экономике, «дальнейшему снижению темпов роста и их переходу в отрицательную область» [4]. Так, например, за последующие два года после начала этого кризиса доходы населения сократились на 20 %.

На рис. 1 видно, что в период, начиная с 2014 г., темпы ВВП стали отрицательными и с 2017 г. имеют незначительный рост на уровне статистической ошибки.

Рис. 1. Темпы роста ВВП РФ в период с 1997 по 2017 годы¹

Такое положение, по мнению специалистов, объясняется системными ошибками Правительства РФ. И хотя в стране были условия для более эффективного воздействия на экономику, этого не произошло. К ним можно отнести: отсутствие внешней задолженности, наличие резервного фонда в стране, профицит бюджета и т.д. В то же время за период благоприятных условий не решены были главные проблемы: «медленная диверсификация экономики, высокая вовлеченность государства в экономику, коррупция, слабая законодательная база для бизнес-среды и сокращение численности населения» [5].

Субъекты МСП столкнулись с серьезными трудностями к доступу финансовых ресурсов на кредитном рынке, стали уменьшаться объемы финансирования государственных программ поддержки, и, следовательно, снижается инвестиционная привлекательность многих отраслей экономики. К тому же внешнеэкономические условия меняются в сторону снижения спроса на российскую продукцию [6]. В этот же период банковские структуры снижают объемы потребительского кредитования, что ограничивает спрос на целую важную для потребления группу продуктов, товаров и услуг.

За этот период занятость в малом и среднем бизнесе снизилась на 700 000 рабочих мест.

Период российской экономики 2017 – 2019 гг. можно назвать как период рецессии экономики и период надежд к будущему прорыву. На это нацелены были стратегические документы Правительства РФ и Президента РФ. По мнению ученых [3, с. 115], это время «застоя на этапе рецессии». В эти годы начался поиск новых эффективных форм поддержки и развития субъектов МСП.

Вместе с тем экономическая ситуация выглядела следующим образом. Темпы роста ВВП в 2018 г. составили 2,5 %, в 2019 г. – 1,3 %, и это говорит о том, что по сути дела мы топчемся на месте, так как за этот же период экономики Индии, Китая росли на уровне 6 %, и около 3 % наблюдался прирост экономики США [4]. Достаточно слабыми темпами наращивалось и промышленное производство по сравнению с другими странами. Так, в 2018 и 2019 гг. темпы роста промышленного производства в России составили 3,5 и 2,3 % соответственно, тогда как в Индии – 5,2 %.

В этот период значительно выросли темпы изменения потребительских цен – от 2,9 % в 2018 г. до 4,5 % в 2019 г., что сказалось на изменении потребительского спроса и его структуры. В то же время доходы консолидированного бюджета были профицитными. В табл. 1 показана данная динамика.

¹ Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. ВВП России. Режим доступа. <https://zen.yandex.ru>

Анализ консолидированного бюджета РФ за 2018-2019 гг., млрд руб.¹

Показатель	2018	2019
Доходы бюджета	37320,3	39110,3
Расходы бюджета	34284,7	36995,3
Профицит бюджет	3035,6	2115

Как видно из табл., цифры говорят о том, что в условиях трудностей из выхода политика вывода денежной массы из оборота, наряду с другими мерами Правительства РФ и Центрального банка, не способствует мотивации субъектов предпринимательства страны.

К таким мерам относят:

- С помощью «бюджетного правила» выводить ликвидность из страны, скупая валюту через ЦБ РФ.
- Повышение процентных ставок по кредитам.
- Накапливание резервов у банковской системы, но не в экономике и т.д.

Таким образом, предпринимательство в целом, а малый и средний бизнес, в частности, в то время переживали достаточно серьезные трудности.

К ним стоит отнести:

• Усиливающуюся сложность ведения предпринимательской деятельности ввиду необходимости выполнения нарастающих требований к бизнесу, нарастание конкурентной борьбы за рынки сбыта.

• Дефицит основных факторов бизнеса, сложности доступа к кредитным ресурсам, ограниченный доступ к трудовым ресурсам и земельным ресурсам.

• Активы бизнеса, банков не участвуют в экономическом обороте, их капитализация достаточно низкая.

• Количество желающих идти в бизнес не увеличивается, а, следовательно, нет и предпринимательской деятельности. Компетенция многих предпринимателей в это время оставляет желать лучшего.

• Экономическая и промышленная политика Правительства РФ направлена на создание отраслевых монополий и олигополий, что не способствует созданию здоровой конкурентной среды и развитию бизнеса.

• Усиливается регулятивная политика в отношении МСП [8].

• Конкуренция в экономике России из сфер развития продукта, технологий и рынков сбыта перешла в сферу получения избирательных мер государственной поддержки. Очень много фактов коррумпированного поведения среди управленческого аппарата, подтверждающих данный тезис.

• Важной проблемой бизнеса в этот период являются проблема ограниченного спроса на рынках страны и проблемы со сбытом продукции предпринимателей. Внутренний рынок обезджен. К тому же формируется «экономика доступа», когда малому и среднему бизнесу за участие в сетевом ритейле приходится платить. Т.е. «За саму возможность доступа на рынки в такой экономике приходится платить (приобретать "билет"), а также выполнять избыточные затратные требования» [8].

• И последняя особенность того периода – это то, что в системе управления и поддержки субъектов МСП наблюдается поверхностный подход со стороны федеральных и региональных органов власти. Более 20 лет мы говорим о поддержке и развитии, разрабатываются государственные и региональные программы, расходуются большие государственные ресурсы, а ситуация с МСП не улучшается.

Таким образом, создалась ситуация, когда необходимы решения, опирающиеся на более серьезный и продуманный подход к управлению МСП на основе совместных интересов государства и бизнеса.

Таким образом, можно сделать вывод, что период «докоронавирусного» этапа в нашей стране для субъектов МСП сопровождался достаточно серьезными трудностями и проблемами. По сути дела, только небольшой этап с 2000 по 2007 гг. из 25 лет существования малого и среднего бизнеса способствовал его развитию. Политика регионального управления не дала эффективных результатов, и состояние МСП и в настоящее время можно оценивать как критическое ввиду низкого вклада в экономику страны. К тому же 2020 г. принес нового «черного лебедя» в экономику не только в ви-

¹ Таблица составлена автором на основе [7].

де коронавирусной инфекции, но и резкого падения цен на энергоносители, что привело к снижению наполняемости бюджетных средств.

Уточним в целом механизм управления системой развития малого и среднего бизнеса в нашей стране. Как известно, система управления малым и средним предпринимательством начала формироваться с самых первых шагов создания институтов рыночной экономики. Это были периоды 1993 – 1999 гг., период с 2000 г. и по настоящее время, когда мы наблюдаем формирование системы смешанной экономики с лавиной долей крупного олигархического капитала в экономической системе страны.

В самом общем виде «система регулирования малого бизнеса представляет собой комплексное – экономическое, правовое, организационное обеспечение предпринимательской среды для повышения эффективности бизнеса и его развития в экономике страны, что отражено в нормативно-правовых актах» [9, с. 124 – 154].

На настоящий момент существующие принципы и подходы по управлению МСП состоят в следующем. В первую очередь четко действует система разграничения функций и полномочий в этой системе между федеральным центром и региональными органами власти.

Как видно из представленной табл. 2, система управления имеет трехуровневую структуру. На федеральном уровне на настоящий момент приняты стратегические документы по развитию МСП. Речь идет о «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года» и Плате мероприятий ("дорожная карта") по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г.¹ Цель данных документов – к 2024 г., как промежуточному этапу, планируется довести долю вклада МСП в ВВП страны до 32,5 %.

Таблица 2

Анализ уровней, целей и задач государственной системы управления по поддержке и развитию МСП в РФ²

Уровни управления	Перечень организаций	Функции и задачи
Федеральный уровень	Институт Президента РФ, Государственный совет РФ, Правительство РФ, законодательные органы, министерства и ведомства и т.д.	• Разработка стратегий и концепций развития субъектов МСП на перспективу³. • Разработка и принятие тактических планов по реализации стратегии. • Принятие законов, обеспечивающих деятельность и условия деятельности МСП⁴. • Разработка отраслевых программ по содействию деятельности МСП.
	Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 05.06.2015 № 287 на базе АО «НДКО «АКГ» создано акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства»	• Корпорация выступает системным интегратором мер поддержки малого и среднего предпринимательства. • На базе Корпорации предусматривается формирование единого центра финансово-кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства как массового, так и высокотехнологичного сектора.

¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года. Электронные средства информации. Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа. <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHvEytq7hfPO96.pdf>

² Таблица 2 составлена автором.

³ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года. Электронные средства информации. Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа. <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApXgEiHNaXHvEytq7hfPO96.pdf>

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. № 1764 определяет правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных доходов по кредитам, выданным в 2019 – 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке.

Уровни управления	Перечень организаций	Функции и задачи
	Институт "Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации".	Основные задачи: - Защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. - Осуществление контроля за соблюдением их прав и законных интересов органами государственной власти и органами местного самоуправления. - Участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности и защиты прав субъектов предпринимательства.
	Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ»	Основные задачи организации: - Правовая защита предпринимателей. - Помощь в привлечении финансирования и развитии бизнеса. - Формирование благоприятной бизнес-среды. - Стимулирование развития предпринимательской активности. - Развитие международного сотрудничества.
Региональный уровень	Региональные органы власти, Правительства областей и краев, республик, региональные министерства и департаменты и др.	- Разработка, принятие и реализация программ поддержки развития субъектов МСП. - Разработка, принятие и реализация ведомственных программ и подпрограмм по поддержке МСП. - Практическое исполнение в регионе мероприятий по поддержке субъектов МСП.
	Региональные общественные организации по поддержке малого бизнеса	Представление интересов всех групп предпринимателей в региональных органах власти
Местный уровень	Муниципальные органы власти и органы местного самоуправления	- Разработка, принятие и реализация местных программ по содействию субъектам МСП. - Организация работы на местах по практическому внедрению и реализации всех программных документов и законов.

Что же касается системы управления развитием МСП, то это сложный механизм взаимодействия, находящийся в иерархической зависимости от элементов данной системы. Причем взаимодействие должно оказываться не только сверху вниз (от федерального центра к регионам), но и наоборот.

На рис. 2 представлена общая схема действующей модели поддержки субъектов МСП. Как видно из данного рисунка, обеспечение правового поля деятельности МСП является одной из главных составляющих политики поддержки становления МСП. Заметим, что данное нормативно-правовое регулирование включает в себя не только федеральные правовые акты, но и учитывает региональные особенности за счет федеральной нормативной базы.

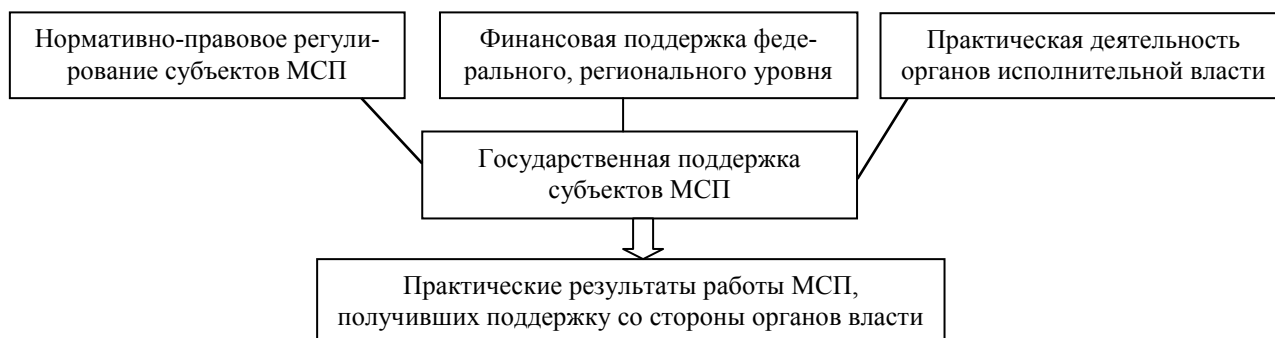

Рис. 2. Общая схема действующей модели поддержки субъектов МСП¹

¹ Рисунок составлен автором.

Не вдаваясь в детализацию всех нормативно-правовых документов по развитию и поддержке малого и среднего предпринимательства, отметим главное: система государственного регулирования МСП в первую очередь опирается на наличие стратегических целей участия субъектов МСП в экономике.

Данная стратегия представлена в специальном документе, принятом Правительством РФ 2 июня 2016 г.¹ Основные направления данного документа в целом дают понимание системы управления развитием МСП. В первую очередь, после анализа истинного неудовлетворительного положения вклада МСП в экономику страны, по сравнению с ведущими зарубежными странами, данная стратегия определяет ориентиры, на которые необходимо нацеливать все мероприятия этого и других подобных документов.

Обозначим ключевые. В первую очередь, опираясь на миссию стратегии, а это – создание конкурентоспособной современной экономики на мировом уровне, определяется место и роль субъектов МСП в реализации данной миссии как одного из главных факторов. Данная роль решается по двум направлениям: активизация инновационной активности субъектов МСП и усиление занятости населения в данном сегменте.

Для этого в Стратегии устанавливаются ориентиры, индикаторы. К ним относят: большую по сравнению с 2014 годом долю МСП в валовом продукте страны в 2,5 раза; повышение в 2 раза производительности труда; доведение до 35 % занятого населения в МСП и активизацию данных субъектов в промышленности, особенно в обрабатывающей.

Таким образом, как видно из данных конкретных целей, планируется значительно увеличить вклад малого и среднего предпринимательства в экономику и в решение социально значимых задач общества. Вместе с тем реализация обозначенных выше целей очень сомнительна. Так, существующая система финансирования показывает динамику уменьшения средств, выделяемых на данный сегмент. Начиная с 2014 г., произошло сокращение с 21 млрд руб. до 5 млрд руб.

Структура финансовой помощи регионам выражена в виде субсидий для целевого использования на помощь малому и среднему бизнесу, и на софинансирование объектов капитального строительства. Так, например, в 2016 г. 11,2 млрд руб. было направлено на субсидирование регионов, из них 0,6 млрд руб. предусматривалось ФНС для ведения реестра МСП, 0,25 млрд руб. на молодежную программу «Ты – предприниматель», 1,66 млрд руб. на софинансирование капитального строительства.

Система распределения субсидий имеет свои особенности. Если в первое время она носила характер неопределенного статуса, речь идет о том, что Правительство в первую половину года на основе конкурсного отбора определяло участников субсидирования, затем передавались субсидии в регионы и последним необходимо было их срочно осваивать до конца года, то с 2015 года система распределения субсидий стала носить другой характер. Учитываются особенности региона, вводятся показатели эффективности работы МСП, усиливается ответственность за неосвоение денежных средств.

Кроме этого, во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 05.06.2015 № 287 на базе АО «НДКО «АКГ» создано акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Это своего рода интегральная организация, которая объединяет и аккумулирует усилия вместе с другими организациями по развитию МСП. Генеральная цель Корпорации – создание рынка предпринимательства и рост среднего класса.

В целом же, можно сказать, что мы наблюдаем новый подход к созданию системы поддержки малого и среднего бизнеса. Этот подход связан с более конкретным наполнением тех мероприятий, которые могут помочь реально бизнесу, а также который использует новую государственную политику: интересы малого и среднего бизнеса «прежде всего».

Вместе с тем, система работает неэффективно. Так, ряд авторов считает, что «налоговая политика 2017 – 2019 годов ориентируется на наполнение бюджета в краткосрочном периоде и не имеет задач стимулирования субъектов экономики, в том числе и в МСП» [10].

Все программы федерального, регионального и муниципального уровня действуют рассинхронизированно, и отсутствуют критерии объективного контроля за определением целей и вклада МСП в экономику. Можно приводить и другие точки зрения.

Коронавирусная пандемия обострила проблемы субъектов МСП. И хотя государство отреагировало на последствия кризиса для МСП в виде ряда мероприятий, можно по крайней мере сделать пока только один вывод: интересы малого и среднего бизнеса и органов власти совпадают не полностью. Совпадение проявляется в понимании того, что государство нуждается в услугах и товарах МСП,

¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года. Электронные средства информации. Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа. <http://static.government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHvetyq7hfPO96.pdf>

в реализации других его функций, и субъекты МСП не могут в одиночку справиться с внешними угрозами без поддержки государства. А несовпадение – в том, что по оценкам самих субъектов МСП, в большинстве своем их перспективы очень расплывчаты.

Подтверждением данных выводов служит анализ оценок эффективности принимаемых мер в отношении субъектов МСП в период с апреля 2020 г. и по настоящее время. По оценкам ряда исследователей, они не сыграли существенной роли в сохранении и поддержке данных субъектов экономики. Так, например [11, с. 16]:

- Объем выпуска товаров и услуг субъектов МСП за первое полугодие 2020 г. по сравнению с таким же периодом снизился на 4,1 %.
- Индекс промышленного производства в июне 2020 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составил 90,6 %, в I полугодии 2020 г. – 96,5 %.
- На 8 % снизился оборот розничной торговли за этот же период.
- Объем платных услуг составил 65,5 %, а официальная численность зарегистрированных безработных выросла в 3,7 раза.

Одной из объективных оценок эффективности принимаемых мер служат социологические опросы предпринимателей о данной ситуации. Например, Торгово-промышленная палата Краснодарского края опубликовала данные опроса субъектов МСП от 16 апреля 2020 г., проведенного в рамках специального проекта «Бизнес-барометр страны» (далее – ББС). В опросе приняли участие 24 632 предпринимателя, из которых 29 % – представители малых предприятий, 66% – представители микропредприятий, 4 % приходится на средние предприятия и 1 % – крупные предприятия [12].

В табл. 3 приведены результаты такого опроса. Как видно из представленного анализа, более половины нуждается в финансовых ресурсах, связанных с соблюдением арендных обязательств, практически столько же жалуются на отсутствие помощи со стороны органов власти, половина бизнеса страдает от снижения объемов продаж, а значит и из-за отсутствия оборотных средств, на зарплату, налоги, обязательства по договорам и т.д.

Таблица 3

**Результаты опроса предпринимателей о проблемах бизнеса
в условиях коронавирусной пандемии¹**

Проблемы	Краснодарский край	Россия
Нечем платить арендные платежи	59	58
Нет возможности воспользоваться мерами поддержки для бизнеса со стороны государства	54	55
Нет возможности работать удаленно, нет технических возможностей	46	47
Спад объемов работ, отсутствие продаж и спроса, потеря клиентов	51	47
Отсутствуют средства для основных платежей – зарплата, налоги, кредиты, обязательства по договорам перед поставщиками, пополнение оборотных средств	41	39
Нет возможности получить разрешение на работу	26	39
Низкая покупательная способность населения	26	36
Большой объем выброса скоропортящейся продукции	23	21
Отсутствие средств защиты для сотрудников	21	20
Нет возможности исполнить государственный контракт	7	6

К другим важным проблемам малого и среднего бизнеса можно отнести нарушение договорных обязательств между контрагентами бизнес-процессов; падение продаж из-за падения спроса населения; невозможность выполнять финансовые обязательства.

Одним из объективных критериев оценки эффективности принимаемых мер служат комплексные оценки состояния деловой активности субъектов МСП. К основным таким можно отнести Индекс Опоры RSBI.

¹ Таблица составлена автором на основе [12].

В самом общем виде Индекс Опоры RSBI фиксирует уровень деловой активности субъектов малого и среднего бизнеса. Данный показатель с января этого года рассчитывается ежемесячно и в самом общем виде отражает и определенную взаимосвязь с динамикой ВВП страны. Уровень показателя колеблется от 0 до 100. Если этот показатель ниже 50 пунктов, то такой уровень характеризует-ся как уровень падения деловой активности. На протяжении последних трех лет активность субъектов МСП варьировалась в пределах максимально значения не выше 55 пунктов. Это означает очень низкую деловую активность. А начиная с апреля 2020 г., она упала до 38,5 пунктов и в сентябре 2020 г. не превысила 50 пунктов, что означает падение и стагнацию активности МСП в масштабах страны.

По видам МСП снижение деловой активности имеет значительную выраженность для субъектов микробизнеса, т.е. тех субъектов, численность которых менее 15 человек. В большей степени «просели» предприятия сферы услуг и торговли. Несмотря на то, что в июле было небольшое оживление в продажах из-за отмены ряда ограничений, в сентябре не произошло компенсации за три предыдущих месяца.

К другим тревожным сигналам состояния МСП стоит отнести:

- Сокращение штата сотрудников.
- Падение выручки продаж.
- Уменьшается доля тех субъектов МСП, которая обращается за кредитами.
- Снижение инвестиционной активности.

Можно этот список продолжать и дальше. Но самым тревожным симптомом служит то, что число позитивных ожиданий у предпринимателей остается очень низким.

Так, по методике оценки Роста МСП, разработанной Институтом экономики роста им. Столыпина П.А. при участии Сбербанка и института уполномоченного при Президенте РФ по защите предпринимательства, положение субъектов МСП еще более удручающе.

Данные Индекса Роста МСП охватывают около 49 % всех субъектов МСП, а также работников, занятых у субъектов МСП. В зависимости от субъекта Российской Федерации выборка составляет от 19 % до 58 %. Индекс Роста МСП варьируется от – 50 до + 50.

Значение этих цифр приведено в табл. 4.

Таблица 4

Значение Индекса Роста МСП и его характеристики¹

-50 ...- 40	-40 ...- 30	-30 ...- 5	-5 ... +5	+ 5 ...+30	+30 ...+ 40	+40 ...+50
Кризис	Депрессия	Спад	Стагнация	Умеренный рост	Расцвет	Взрывной рост

На рис. 3 показана динамика Индекса Роста МСП за второй квартал 2020 г. Как видно из этого рисунка, продолжается его падение.

Если оценивать индекс Роста МСП по Ростовской области, то его показатели следующие. Уровень индекса в 5,3 пункта в 3 квартале прошлого года – это показатель умеренного роста, близкого к стагнации. И несмотря на то, что произошел небольшой рост выручки на 4,2% по отношению к предыдущим периодам, то это увеличение в основном за счет снятия ограничений. Увеличение ФОТ связан со снижением уровня социальных отчислений бизнеса, с 30 до 15 %. А количество работающих в МСП практически не увеличилось.

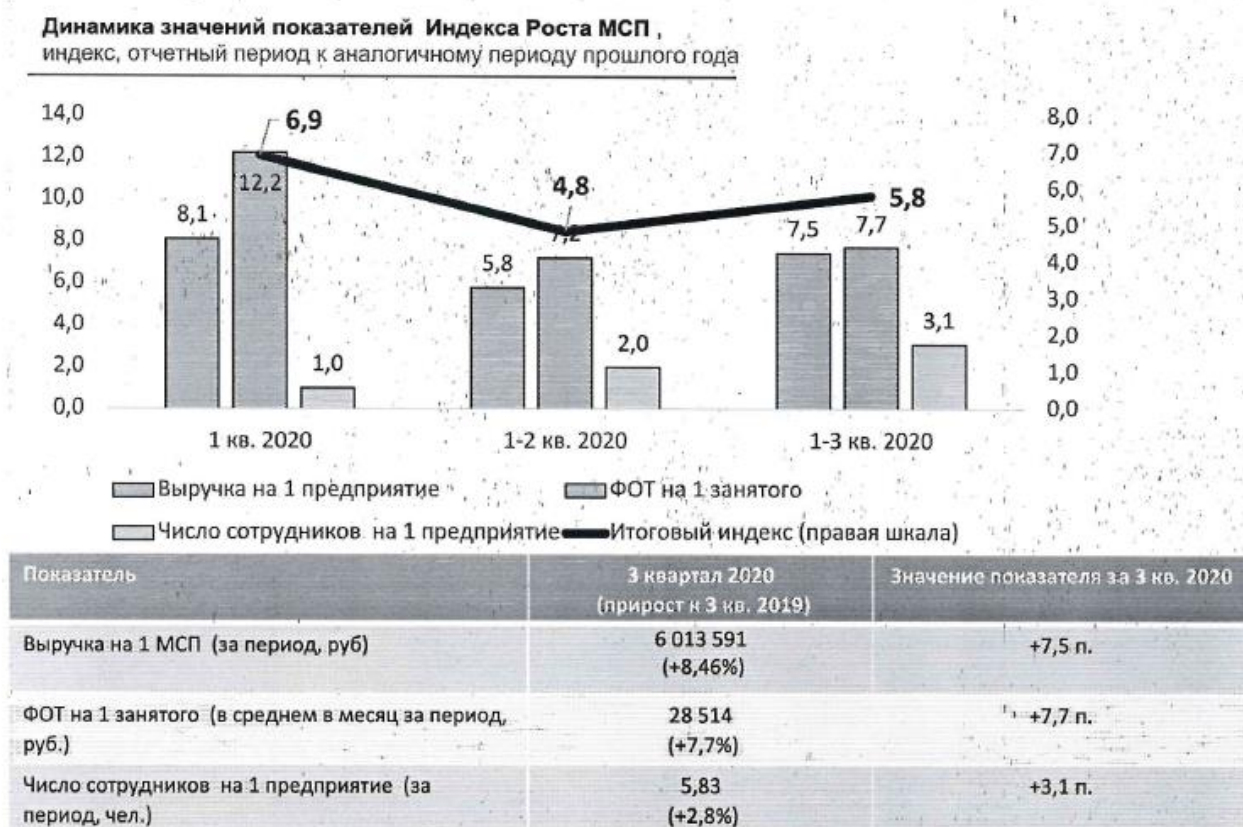
В целом, данные за 3 квартал прошлого года, показывают, что общий индекс в Ростовской области, составляет 5,8 пунктов, что котируется на уровне стагнации малого и среднего бизнеса.

Подведем итоги оценки эффективности принимаемых мер.

В первую очередь, отметим, что, несмотря на то, что МСП имеют несравненные преимущества перед крупным бизнесом, в том числе и в вопросах реагирования на изменения спроса, в нашей стране МСП не удалось в условиях пандемии среагировать на изменения на рынках, и они остаются достаточно уязвимы от внешних экономических угроз.

Во-вторых. Реальная практика показывает, что хотя государство и оказывает МСП помощь, помогает в части финансирования, поддержки занятости, но эффективность таких мер – противоречива. Данное противоречие выражается в том, что хотя и реализуется целый перечень мер в фискальной и денежно-кредитной политике, но данные мероприятия лишь амортизируют кризисные процессы, т.е. смягчают их воздействие и не нацелены на будущее.

¹ Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. ИНДЕКС РОСТА МСП. Индекс развития МСП в регионах. Режим доступа. <https://www.omбудсмен-нн.рф>

Рис. 3. Динамика Индекса Роста МСП в России в 2020 году¹

В-третьих. Государственная политика в условиях кризиса в отношении субъектов МСП должна исходить из того, что необходимо основываться на четких целях экономической политики, быть системными, а также учитывать долгосрочные приоритеты развития. Системность предполагает в первую очередь зависимость политики поддержки МСП не только в сугубо узких отраслях, но и в создании условий мотивации к экономической активности в экономике в целом, особенно в государственной денежно-кредитной политике.

В-четвертых, новый бизнес обладает лучшей способностью инновационного перепрофилирования и способностью осваивать перспективные виды деятельности. Исходя из этого, государственная стратегическая политика обязана предусмотреть включение субъектов МСП в реализацию четвертой промышленной революции и переходу к предпринимательской экономике, которая основана на создании новых компаний, гибкого производства и адаптивного рынка труда, что в итоге может привести к росту индивидуального предпринимательства и количества самозанятого населения.

В настоящий момент малый и средний бизнес сжался, насколько только мог. Весной приняли антиковидные меры, и государство пообещало послабления по налогам. Сейчас же ограничения возвращаются, а помощи нет. Более того, ряд мер, например, отмена ЕНВД, усугубляет ситуацию.

Все эти моменты исходят из того, что в государственной политике явно отсутствует стратегическое видение места малого и среднего бизнеса в будущем экономики страны.

Литература

1. Асалиев А.М., Степанов А.А., Оборин М.С., Гордеева Е.В. Антикризисные меры поддержки экономики России в условиях пандемии: компромиссы власти и бизнеса // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 2 (89). С. 63 – 77.
2. Боровик Д.А., Сбойлова Л.Е. Разработка и реализация бизнес-планов в условиях пандемии вируса COVID-19 // Вестник молодежной науки. 2020. № 3 (25). С. 1.
3. Вакарёв А.А., Виноградов В.В. Этапы экономических циклов через призму экономических кризисов // FORUM Volgoigrad. 2019. № 2 (17). С. 113 – 118.
4. Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная Экономика. 2020. Том 16. 1. С. 7 – 23.

¹ Электронные средства информации. Интернет-ресурсы. ИНДЕКС РОСТА МСП. Индекс развития МСП в регионах. Режим доступа. <https://www.omбудсмен-нн.рф>

5. Брагина А.В., Пилипенко Д.В., Ахмадеев Д.Р. Влияние COVID-19 и вызванного им кризиса на российскую экономику // E-Scio.2020. № 8 (47). С. 9 – 15.
6. Деревщицова Е.О. Финансовый кризис 2014 – 2015 гг.: Последствия и перспективы для России // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 1, part 2, 2016. С. 25 – 28.
7. Минаков А.В., Милославская М.М. Состояние и перспективы развития российской экономики в условиях структурных изменений глобальной экономики // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 288 – 294.
8. Исламов И.З. Проблемы экономического роста российского бизнеса в условиях кризиса мировой экономики // Электронный экономический вестник. № 4 (октябрь – декабрь 2019 г.).
9. Крюкова И.В., Харитонова Н.А. Анализ государственной поддержки малого бизнеса до пандемии, дальнейшие перспективы // E-Scio. 2020. № 6 (45). С. 125 – 154.
10. Головина Т.А., Полянин А.В., Рудакова О.В. Развитие системы государственного стратегического управления предпринимательскими структурами на базе возможностей новой модели цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. №2. С. 13 – 18.
11. Салабутин А.В. Тенденции развития малого и среднего бизнеса в период коронавирусной пандемии // Вектор экономики. 2020. № 8 (50). С. 16.
12. Петровская А.В., Ермакова Ю.С. Малый бизнес в условиях пандемии: проблемы и пути решения // Экономика: теория и практика. 2020. № 2 (58). С. 133 – 139.

Kelarev Vladimir Viktorovich, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: vkelarev@yandex.ru

SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION UNDER CONSTANT CRISES AND VOLATILE BUSINESS ENVIRONMENT Abstract

The emergence of small and medium-sized businesses in current economy is constantly in crisis. At the moment, Russian is going through the fifth crisis since the beginning of market reforms. This situation causes the negative dynamics of small and medium-sized businesses in this unstable context. State support measures are management and do not use the strategic development of economic entities. At the same time, the current situation of the economic entities can be assessed as critical. The article discusses the importance of changes in state system attitude of the problem: it should focus on small and medium-sized businesses as a strategic development of the economy, which is the development goals of Russia.

Keywords: crisis, small and medium-sized enterprises, state support measures, assessment of the effectiveness of state support measures, strategic development of small and medium-sized businesses, socio-economic life, business activity, macroeconomic situation, financial support, regulatory regulation.

References

1. Asaliev A.M., Stepanov A.A., Oborin M.S., Gordeeva E.V. Antikrizisnye mery podderzhki ekonomiki Rossii v usloviyah pandemii: kompromissy vlasti i biznesa // Servis v Rossii i za rubezhom. 2020. T. 14. № 2 (89). S. 63 – 77.
2. Borovik D.A., Sbojlova L.E. Razrabotka i realizaciya biznes-planov v usloviyah pandemii virusa COVID-19 // Vestnik molodezhnoj nauki. 2020. № 3 (25). P. 1.
3. Vakaryov A.A., Vinogradov V.V. Etapy ekonomicheskikh ciklov cherez prizmu ekonomicheskikh krizisov // FORUM Volgoigrad. 2019. № 2 (17). P. 113 – 118.
4. Minakir P.A. Rossijskaya ekonomika: mezhdru krizisami // Prostranstvennaya Ekonomika. 2020. Tom 16. 1. P. 7 – 23.
5. Bragina A.V., Pilipenko D.V., Ahmadeev D.R. Vliyaniye COVID-19 i vyzvannogo im krizisa na rossij-skuyu ekonomiku // E-Scio.2020. № 8 (47). P. 9 – 15.
6. Derevshchikova E.O. Finansovyy krizis 2014 – 2015 gg.: Posledstviya i perspektivy dlya Rossii // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 1, part 2, 2016. P. 25 – 28.
7. Minakov A.V., Miloslavskaya M.M. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossijskoj ekonomiki v usloviyah strukturnykh izmenenij global'noj ekonomiki // Vestnik ekonomicheskoy bezopasno-sti. 2020. № 3. P. 288 – 294.
8. Islamov I.Z. Problemy ekonomicheskogo rosta rossijskogo biznesa v usloviyah krizisa mirovoj ekonomiki // Elektronnyy ekonomicheskij vestnik. № 4 (oktyabr' – dekabr' 2019 g.).
9. Kryukova I.V., Haritonova N.A. Analiz gosudarstvennoj podderzhki malogo biznesa do pandemii, dal'nejshie perspektivy // E-Scio. 2020. № 6 (45). P. 125 – 154.
10. Golovina T.A., Polyanin A.V., Rudakova O.V. Razvitie sistemy gosudarstvennogo strategicheskogo upravleniya predprinimatel'skimi strukturami na baze vozmozhnostej novoj modeli cifrovoj ekonomiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. 2017. №2. P. 13 – 18.
11. Salabutin A.V. Tendencii razvitiya malogo i srednego biznesa v period koronavirusnoj pandemii // Vektor ekonomiki. 2020. № 8 (50). P. 16.
12. Petrovskaya A.V., Ermakova YU.S. Malyj biznes v usloviyah pandemii: problemy i puti resheniya // Ekonomika: teoriya i praktika. 2020. № 2 (58). P. 133 – 139.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ И МОНЕТИЗАЦИЯ ДОХОДОВ КАК ФОРМА РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Китаева Людмила Васильевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru
Ажогова Наталья Николаевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: natochka30-11@yandex.ru

Аннотация:

Статья представляет собой исследование, направленное на выявление единого подхода для формирования сверхдоходов в различных сферах и отраслях, обусловленных монополизацией ресурсов, хозяйственной деятельности и рентоориентированным поведением, созданных с помощью процессов и институтов на наднациональном уровне мировой экономической системы.

Ключевые слова: *прибыль, природная рента, инновационная рента, рентоориентированное поведение, недобросовестная конкуренция, кризисы, монопольная власть, рентные доходы, природные ресурсы.*

Современная теория, исследующая рентные отношения, содержит множество подходов к определению ее сущности, источников, способов присвоения. Однако есть общая платформа, позволяющая использовать эти представления для обоснования возможности интегрировать разные виды ренты у одного субъекта присвоения.

Тезис, который создает общую платформу для исследования, – «не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог», а сама «рента не есть составная часть товаров». Принадлежит он Д. Рикардо [1, с. 437].

Рента – это составная часть цены товара. Если у субъекта есть возможность контролировать цену, то есть возможность повышать ее над издержками производства. У такого субъекта должна быть монопольная власть. Право собственности – первооснова монопольной власти. Собственник факторов производства априори обладает монопольной властью на их использование и на результат производства. Однако наличие монопольной власти можно трактовать достаточно широко. Это не только непосредственно производственная и рыночная категория. Монопольная власть может существовать и в сфере политической, институциональной, социальной. Она может концентрироваться не только у собственника фактора производства, но у всякого субъекта, способного ограничить доступ как к условиям, так и к результату производства. Это может быть государство в лице бюрократии, формальные и неформальные институты. Очевидно, то, что монопольная власть позволяет создавать и удерживать всевозможные ограничения, которые впоследствии продуцируют такие отношения, которые мы называем рентными.

Источником ренты может выступить даже часть прибыли, созданной предпринимателем, или часть заработной платы наемного работника. Это может быть часть национального дохода, созданного гражданами другого государства. Монопольная власть в определенной сфере позволяет перераспределять и изымать некоторую часть дохода, монетизировать в свою пользу. Сам факт изъятия факторного дохода и перераспределения следует рассматривать как трансформацию всякого дохода в «ренту».

Так или иначе, основой поведенческих проявлений в экономических взаимоотношениях между экономическими агентами разного рода, будь то домашнее хозяйство, фирма или государство выступает экономический интерес. В связи с этим осознание внутренних мотивов, определяемых реальными выгодами, выступает побудительным механизмом к определенным действиям с целью присвоить и закрепить источник выгоды. В данном случае речь идет об институционализации рентоориентированного поведения.

Закрепление института формальными и неформальными нормами делает его, как правило, устойчивым и воспроизводимым на протяжении длительного времени. Распределение и перераспределение рентных доходов между различными субъектами лежит в плоскости тех институтов, которые не сколь иницируют, сколько регулируют денежные потоки и таким образом пытаются увеличить объем захватываемой выгоды.

Таким образом, наличие ренты связано с наличием монополии (в том числе и прежде всего собственности) на что-либо: ресурс, продукт, условия производства.

В современной экономической литературе отмечаются следующие взаимосвязанные негативные эффекты «искусственных» рент:

- искажение действий механизмов рыночной конкуренции;
- замедление роста эффективности деятельности экономических субъектов;
- снижение роли ценовых факторов в процессе аллокации экономических ресурсов;
- неэффективное использование экономических ресурсов в условиях преобладания ренто-ориентированного поведения экономических агентов [2].

На международном уровне подобный доход нужно конкретизировать. Государство, использующее монопольное право создавать международное расчетное платежное средство одновременно получает возможность перераспределять и монетизировать в свою пользу различные виды дохода, создаваемые факторами производства в других странах. Возникает понятие «интегрированная рента».

Таблица 1

Сущностные компоненты интегрированной ренты¹

Причина	Монопольное право на ресурс, продукт, условия производства
Условия присвоения	Ограничение конкуренции на международном уровне с использованием всех доступных методов
Источник	Часть сверхдохода, получаемого путем перераспределения доходов в мировом пространстве
Форма присвоения	Монетизация путем эмиссии и продажи денежной единицы, которая используется в качестве мировой валюты

По нашему мнению, можно выделить такие направления интеграции сверхдохода путем перераспределения и монетизации:

1. Перераспределение природной ренты.
2. Присвоение денежной ренты.
3. Рукотворные финансовые кризисы.
4. Монополизация инновационных жизненно важных товаров.

Перераспределение природной ренты происходит как на уровне отдельного государства, так и на международном уровне.

П. Самуэльсон и В. Нордхаус обращают внимание на то, что не все природные ресурсы используются в одинаковой мере. «С экономической точки зрения существует фундаментальное различие между присваиваемыми и неприсваиваемыми ресурсами. Природные ресурсы являются присваиваемыми, когда фирмы или потребители могут присвоить всю выгоду от их использования; примерами являются виноградники или нефтяные месторождения. Природные ресурсы называются неприсваиваемыми, когда связанные с ними издержки или выгоды не достаются владельцам полностью; другими словами, по причине использования этих ресурсов возникают внешние эффекты. Примерами могут служить качество воздуха и климат, которые связаны с внешними эффектами, порождаемыми такими видами деятельности, как сжигание органического топлива» [3].

В контексте сказанного уместно рассмотреть, как происходит перераспределение издержек и дохода (ренты) в процессе добычи и реализации сланцевого газа.

Добыча сланцевого газа порождает множество негативных внешних экстерналий, что означает наличие издержек для третьих лиц. При бурении горизонтальных скважин и использовании ГРП растет сейсмоактивность в связи с изменением структуры недр, загрязняются грунтовые воды, поверхностные воды и почвы. Технология добычи сланцевого газа подразумевает бурение большого количества скважин. В связи большим количеством скважин возникает проблема с выбросами попутного нефтяного газа, в атмосферу выбрасывается метан. Требуются огромные запасы воды.

¹ Составлено авторами.

Для одного ГРП используется от 5000 до 20000 т смеси воды, песка и химикатов, а таких ГРП производится в год десятки на одной скважине. Вблизи месторождений скапливаются большие объемы отработанной загрязненной химическими веществами воды, которая неизбежно попадет в почву. Добыча сланцевого газа приводит к загрязнению грунтовых вод толуолом, бензолом, диметилбензолом, этилбензолом, мышьяком и другими опасными веществами. Высока вероятность и загрязнения радиоактивными веществами, которые будут выноситься на поверхность в результате добычи газа.

Добыча сланцевого газа в некоторых регионах мира экономически эффективна. С 2007 г. добыча сланцевого газа в США и Канаде увеличилась на 700 %. В то же время нет взвешенной оценки того, во что обходится эта добыча населению с точки зрения негативных последствий. По мнению экспертов, в настоящее время не существует систематических исследований о влиянии сланцевых разработок на экологию. Только пять из двадцати четырех американских штатов ведут регулярный публичный учет аварий и происшествий, связанных с добычей газа. Таким образом, снижение издержек и получение сверхдохода, который и есть рента, происходит за счет третьих лиц. В этом случае обычные потребители не получают жизненно важные для жизнедеятельности ресурсы необходимого качества, принимая на себя издержки производства сланцевого газа.

Однако добытый газ необходимо продать в достаточном количестве, чтобы присвоить сверхдоход. Внутренний рынок сбыта достаточно ограничен. Исправить ситуацию можно, расширив рынки сбыта за пределы государства и таким образом присвоить недополученную выгоду. Европейский рынок сбыта позволяет решить проблему. Европа импортирует около 90% необходимой ей нефти и 70% газа.

Сейчас на долю Евросоюза приходится 27% от мирового нефтяного импорта, что в денежном выражении составляет ежегодно 300 млрд. Наибольшую долю нефти и газа – 34% Европа получает из России. Ближний Восток и Африка поставляют 33%, Норвегия – 20% [4]. На США приходится лишь 2% поставок. Очевидно, что увеличение американского экспорта возможно только при сокращении поставок из других стран. Этим можно объяснить активную санкционную политику в отношении «Северного потока-2».

Конкуренция за возможность монетизировать природную ренту проявляется и со стороны покупателей. В ближайшем обозримом будущем нефтедобывающая отрасль подвергнется увеличению налоговой нагрузки уже на мировом рынке, так как в Европе с 2025 года будет введен так называемый углеродный налог. Это не что иное, как перераспределение части ренты в пользу ее потребителей в лице государства.

На Гайдаровском форуме Чубайс отметил необходимость введения подобного сбора в России, а так как он введен не был, то сбор будет попадать в европейский бюджет. «На протяжении последних лет в России шла дискуссия, нужно ли вводить налог для бизнеса на углеродный след, чтобы компенсировать ущерб климату. Согласно Парижскому соглашению по климату, из-за отсутствия местного углеродного регулирования в России компаниям-экспортерам придется платить трансграничный налог ЕС. Налог необходим, чтобы уравнивать европейских производителей и зарубежных, где нет подобных условий по выбросам. Если бы в стране был аналогичный платеж, то ЕС мог бы принять его и не требовать»¹.

Отметим, что не только конкуренция может препятствовать росту поставок сланцевого газа в Европу. В научном сообществе достигнут консенсус в вопросе о том, что энергопереход неизбежен. Драйверами этого процесса выступают:

- высокое влияние экологической повестки для государств;
- развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и водородной энергетики;
- минимизация углеродного следа в глобальных производственных цепочках;
- рост энергоэффективности.

Таким образом, усиление конкуренции на рынке энергоресурсов есть следствие борьбы за возможность перераспределить в свою пользу природную ренту. Формы реализации этой конкуренции, как вполне благородные в виде экологического налога, так и явно агрессивные в виде различных санкций в отношении крупных экспортеров углеводородов (от ограничения доступа к технологиям до мер, направленных на остановку реализации ряда крупных инфраструктурных проектов Турецкий поток, Северный поток-2) [5].

Возможность частичного присвоения и перераспределения природной ренты основана на том, что структурно и содержательно она может распадаться еще на несколько видов внутри

¹ Чубайс заявил о «грубейшей ошибке» властей из-за углеродного налога // РБК: [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2021/6002011b9a79475ffbc92277>

самой себя. Именно поиск специфических частей природной ренты и определение вариантов их распределения между субъектами присвоения вызывает множество споров между учеными и практиками природопользования.

В связи с этим важно отметить, что собственником ресурса может быть как государство, так и частное лицо¹. Поэтому первый уровень распределения рентного дохода возникает при распределении его между собственником и добывающим предприятием. Далее, когда природный ресурс превращается в товар, реализуется на внутреннем и мировом рынке, то включаются в процесс перераспределения рентного дохода другие государства, а также государство-организатор валютных расчетов. И в этом случае природная рента сложно отделима от денежной ренты.

Развитие международной валютной системы привело к тому, что доллар США является основной валютой в расчетах при торговле энергоресурсами. Эмиссия доллара становится эффективным инструментом реализации геополитических и экономических интересов путем использования всех доступных методов, таких как санкции, торговые войны, прямое давление, финансирование оппозиционно настроенных слоев общества. Финансовый капитал приобретает положение главного над реальными факторами производства. Наличие этого преимущества означает возможность изъятия и консолидации доходов, создаваемых в различных сферах экономики. Монетизируется интегрированная рента.

Использование доллара в расчетах позволяет фактически воздействовать на цену энергоресурсов через ограничения и контроль поставок на мировой рынок.

Однако ситуация и в этой сфере начинает меняться не в пользу долларового монополиста. Распространение финансовых технологий блокчейн при расчетах за нефть и другие виды стратегического сырья приводит к тому, что эти сделки оказываются вне контроля со стороны валютных спекулянтов. Эксперты уже оценили величину дохода, который присваивали субъекты долларовой монополии, определив этот доход как «долларовую ренту». Разница в цене, которую заплатил бы Китай за нефть при традиционных расчётах в американской валюте, если сравнивать с реальными платежами по блокчейну, составила около 30%. На такую величину были «оптимизированы затраты по сделке».

Таким образом, появились инструменты, позволяющие реинтегрировать сверхдоход, монетизируемый долларом. Блокчейн в нефтегазовой сфере – это применение смарт-контрактов. Смарт-контракты позволяют повысить прозрачность процессов в логистике, а также еще больше, чем на 40% уменьшить затраты нефтегазовых компаний.

Наднациональные криптовалюты через неконтролируемые Федеральной резервной системой расчётные внебанковские технологии постепенно заменяют доллар и на сырьевом направлении, и в расчётах за другие товары и услуги. США и резервная служба могут получать информацию о сделках, но постфактум. Поэтому и ограничивать эти расчёты через эмбарго на наличные и безналичные доллары не смогут, так как банки в таких сделках не участвуют.

Однако у государства-эмитента международной денежной единицы есть достаточно эффективный инструмент, позволяющий с достаточной периодичностью перераспределять в свою пользу часть дохода, созданного гражданами других государств, интегрируя ренту. Это «управляемые» финансовые кризисы.

Практика демонстрирует регулярность и идентичность этих кризисов, что дает основание рассматривать их как рукотворные.

Логика кризиса такова. Обмен долларов на реальные блага приводит через некоторый промежуток времени (примерно 7 лет) к накоплению долларовой массы за пределами страны-эмитента. Далее включается механизм кризиса.

Первая стадия – рост доходности гособлигаций США. Это позволяет «связать» ими существенную часть эмитированных долларов, выведенных за пределы американской экономики.

Вторая стадия – происходит резкое снижение доходности государственных облигаций, но одновременно запускается искусственный рост стоимости определенных корпоративных ценных бумаг.

Третья стадия – субъекты-кредиторы государства избавляются от низкодоходных государственных облигаций и других держателей доллара конвертировать их в более привлекательные финансовые инструменты частных корпораций. Последующее банкротство участвующих в процессе

¹ В Российской Федерации, согласно ФЗ «О недрах», собственность на недра, в данном случае разведанные полезные ископаемые, принадлежит государству (находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации). Однако, организация добычи природных ресурсов (нефть, газ и др.) может быть реализована как государственной, так и частной компанией.

управляемого кризиса корпораций является завершающей стадией – доллары заменены на бесполезные для держателей акции.

Мировой финансово-экономический кризис – весьма сложный и затратный механизм, который может ударить, в том числе и по национальным компаниям, поэтому альтернативой данного механизма могут выступать завуалированные методы недобросовестной конкуренции вводящиеся под видом санкций и других ограничений по отношению к компаниям страны-конкурента. На наш взгляд, монополизация инновационных жизненно важных товаров выступает в качестве механизма формирующего сверхдоходы одних рыночных субъектов за счет других, так как ведет к переделу рынка с целью уменьшения доли конкурента.

Под монополизацией жизненно важных товаров можно понимать организацию ограничений в производстве и использовании некоторых благ, которые могут существенно улучшить качество жизни граждан конкретной страны, либо в целом всех людей вне зависимости от страны проживания. В одной из предыдущих статей [6] авторы рассматривали механизм формирования и присвоения инновационной ренты в процессе производства вакцины от коронавируса, и определили, что включение инструментов несовершенной конкуренции через дискредитацию российской вакцины приводит к формированию рентного дохода только у компаний, которые одобрены мировым сообществом. Таким образом, не только предприятие, но и государство-родина жизненно важного товара получает дополнительный доход, который может быть использован на восстановление экономики.

Кроме медицинских средств (вакцин, лекарств) в группу жизненно важных товаров можно включить информацию. В частности использование информационных платформ зачастую используется для конкурентной борьбы не только в чисто экономических, но и в политических целях. В частности, в качестве примера можно привести блокировку ряда российских информационных ресурсов на платформе YouTube, которая принадлежит США. В данном случае мы сталкиваемся с так называемой цензурой, которая является формой несовершенной конкуренции в информационном пространстве.

Торговая война США и Китая призвана подорвать экономическую мощь компаний, принадлежащих этим странам. Одной из пострадавших следует назвать компанию Huawei, которую правительство США недавно внесло в «чёрный список» Entity List. Целью данных ограничений выступает утрата возможностей использования Android и сервисов Google в своих смартфонах. «Huawei по-прежнему сможет использовать версии операционной системы Android, доступные по лицензии программного обеспечения с открытым исходным кодом. Сама система ведь свободно доступна для всех, кто желает её использовать. Однако Google прекратит предоставлять техническую поддержку Huawei и вести совместную разработку, и что важнее для рядовых пользователей, Google прекратит предоставлять Huawei возможность использовать её сервисы»¹. Одновременно президент Дональд Трамп подписал распоряжение, запрещающее корпорациям использовать телекоммуникационное оборудование от фирм, представляющих угрозу национальной безопасности, таких как Huawei и ZTE.

Не имеет смысла приводить большое количество конкурентных ограничений, формирующих возможность получать сверхдоход одними субъектами за счет других, стоит лишь подчеркнуть, что это инструмент рентоориентированного поведения, который позволяет, как формировать инновационную (интеллектуальную), так и институционализировать условия его перераспределения.

Таким образом, в ходе исследования различных видов ренты и инструментов ее перераспределения выявляется закономерное расширение количества участников рентных отношений, а также усложнение форм присвоения и перераспределения рентных доходов. Именно это дает возможность формирования направлений исследования, объединяющих разные экономические проблемы на основе единой теоретической платформы.

Литература

1. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогообложения // Антология экономической классики: В 2 т. / Пред и сост. И. А. Столяров. М., 1993. Т. 1. 475 с.
2. *Латков А.В., Беккалиева Н.К.* Концепты ренты и рентоискательства в экономической науке: особенности и динамика // Среднерусский вестник общественных наук. Том 14. 2019. №4. С. 43 – 55.
3. *Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д.* Экономика. М., 1997. 564 с.

¹ *Созинов А.* Болевой приём: Google запретит Huawei использовать Android // 3DNews - Daily Digital Digest [Электронный ресурс] URL: <https://3dnews.ru/987714>. Дата обращения 14.02.2021.

4. Лосев А. Гегемония доллара и перспективы евроизации // [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dollar-i-evro/>
5. Жизнин С.З., Черечукин А.В., Белодедов М.И. Новый этап конкуренции полезных ископаемых в энергетике в период после пандемии // Уголь. 2021. № 1. С. 46 – 49.
6. Китаева Л.В., Ажогина Н.Н., Яблонский К.А. Инновационная рента как объект конкурентной борьбы в мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 108 – 113.

Kitaeva Ludmila Vasilievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ectheory@uriu.ranepa.ru

Azhogina Natalia Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: natochka30-11@yandex.ru

REDISTRIBUTION AND MONETIZATION OF INCOME AS A FORM OF RENT-ORIENTED STATE BEHAVIOR

Abstract

The article is a study aimed at identifying a unified approach to the formation of superannuation in various areas and industries, due to the monopolization of resources, economic activities and rhetorical behavior, created through processes and institutions at the supranational level of the world economic system.

Keywords: profits, natural rents, innovative rents, rhetorical behaviour, unfair competition, crises, monopoly power, rental income, natural resources.

References

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения // Антология экономической классики: V 2 т. / Пред и сост. И. А. Столыров. М., 1993. Т. 1. 475 p.
2. Latkov A.V., Bekkalieva N.K. Koncepty renty i rentoiskatel'stva v ekonomicheskoy nauke: osobennosti i dinamika // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. Tom 14. 2019. №4. P. 43 – 55.
3. Samuel'son P.A., Nordhaus V.D. Ekonomika. M., 1997. 564 p.
4. Losev A. Gegemoniya dollara i perspektivy evroizacii // [Elektronnyj resurs] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dollar-i-evro/>
5. Zhiznin S.Z., Cherechukin A.V., Belodedov M.I. Novyj etap konkurencii poleznyh iskopaemyh v energetike v period posle pandemii // Ugol'. 2021. № 1. P. 46 – 49.
6. Kitaeva L.V., Azhogina N.N., Yablonskij K.A. Innovacionnaya renta kak ob"ekt konkurentnoj bor'by v mirovoj ekonomike // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 4. P. 108 – 113.

МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Малкова Татьяна Борисовна	доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика инноваций и финансов», Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87). E-mail: mtb37@yandex.ru
Танчук Марина Николаевна	магистрант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87). E-mail: mtb37@yandex.ru

Аннотация

В исследовании особое внимание уделено анализу возможных рисков в финансово-хозяйственной деятельности предприятия на примере ОАО «Газпром газораспределение». В исследовании проведен анализ основных финансово-экономических показателей деятельности предприятия на примере одного из филиалов Ивановской области, идентифицированы риски, проведена их оценка по значимости и влиянию. Представлены меры по оптимизации различных рисков на предприятии, разработана программа внедрения мер по оптимизации различных рисков в деятельности предприятия.

Ключевые слова: *риски, система управления рисками, методы оценки рисков, оптимизация рисков, эффективность, оптимизация рисков, фонд страхования от воздействия рисков.*

Актуальность темы исследования заключается в необходимости реализации эффективной системы мер по прогнозированию и оптимизации ущербов от риска в условиях неопределенности, характеризующихся увеличением количества и тяжести техногенных, финансово-экономических, политических и социальных рисков. Риск в современных условиях представляет собой не как какое-то событие, а как состояние экономической системы. При этом предприятия различных отраслей могут столкнуться в своей деятельности с тем, что принимаемые меры по устранению негативных ситуаций повлекут новые неопределенные ситуации. На этом этапе предприятие стремится не только оптимизировать непредвиденные расходы, но и спрогнозировать их и, таким образом, устранить до момента возникновения. Для достижения некоторой сбалансированности необходимо разрабатывать и совершенствовать систему управления рисками уже на стадии планирования своей будущей деятельности на следующие временные периоды [1–2]. С целью снижения негативного воздействия факторов, оказывающих влияние на эффективность управление предприятием, выполнение поставленных планов, требуется создание новых подходов к формированию системы управления рисками.

Анализ рисков проводили на примере филиалов предприятия АО «Газпром газораспределение» город Шуя, где успешно отработана реализация комплекса задач по газификации территорий региона, по эксплуатации газораспределительных сетей и обеспечению их безопасности при подаче газа потребителям. Основным видом деятельности филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуя является транспортировка природного газа. Прочая деятельность также играет не маловажную роль в доходах предприятия.

На рис. 1 представлены виды деятельности, которые входят в раздел «Прочая деятельность предприятия».

За период 2018 – 2019 гг. наблюдается снижение доходов от прочей деятельности на 592,54 тыс. руб. или на 0,56 %. Доходы от основной деятельности за этот же период увеличились на 7,21 % или на 8280,99 тыс. руб. Доходы от прочей деятельности в 2018 году составили 47,84 % от величины всех доходов организации, в 2019 году снизились до 45,96 %¹.

На рис. 1 показано, что основные доходы помимо транспортировки природного газа Общество получает от выполнения строительно-монтажных работ, от обслуживания и ремонта внутридомового газового оборудования.

¹ Официальный сайт АО «Газпром газораспределение Иваново»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gpgr-ivanovo.ru/about/history_reference/ дата обращения 17.10.2020; Официальный сайт ПАО «Газпром»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/investors/corporate-governance/risk-factors/> дата обращения 25.11.2020.

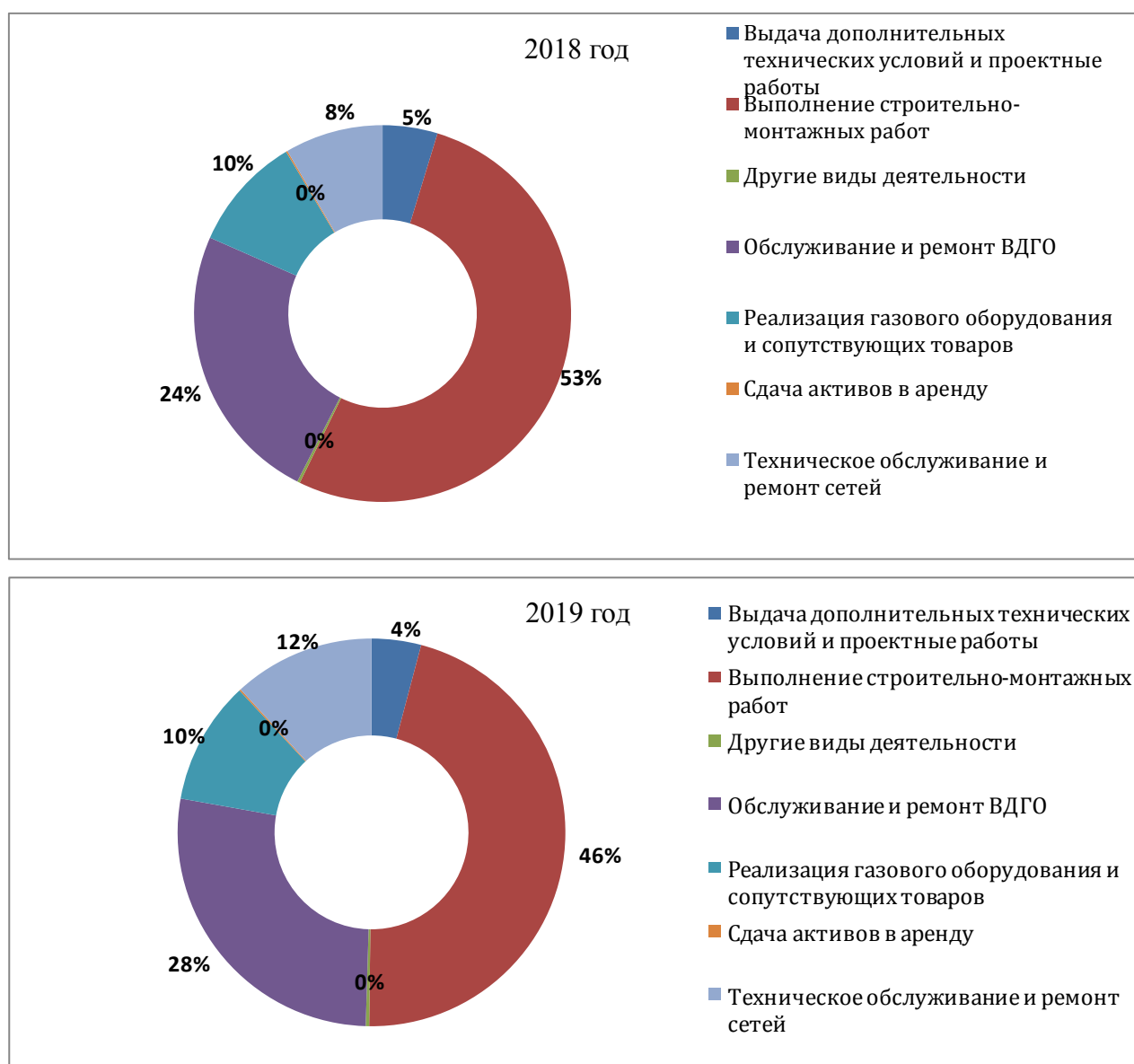

Рис. 1. Структура прочей деятельности филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе в 2018-2019 гг., %¹

Деятельность, связанная с техническим и сервисным обслуживанием газового оборудования, уменьшилась на 8,59 % или на 1673 единицы. Доходы филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе в 2019 году выросли на 7688,44 тыс. руб. относительно предыдущего периода. Наглядно показано изменение рентабельности продаж на рис. 2.

Рентабельность от ВДГО в 2019 году составила 32,72 %, этот показатель вырос на 35,82 % относительно 2018 года. Выручка от ВДГО в 2018 году увеличилась на 1398,22 тыс. руб. или на 5,5 %². При этом себестоимость упала на 1,36 %. На рис. 3 представлена структура себестоимости работ и услуг, предоставляемых филиалом АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе.

Из рис. 3 следует, что в себестоимости наибольшую долю занимают материальные расходы. Незначительную долю в себестоимости занимают амортизация и расходы на отчисления во внебюджетные фонды.

¹ Официальный сайт АО «Газпром газораспределение Иваново»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gpgr-ivanovo.ru/about/history_reference/ дата обращения 17.10.2020; Официальный сайт ПАО «Газпром»: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/investors/corporate-governance/risk-factors/> дата обращения 25.11.2020.

² Там же.

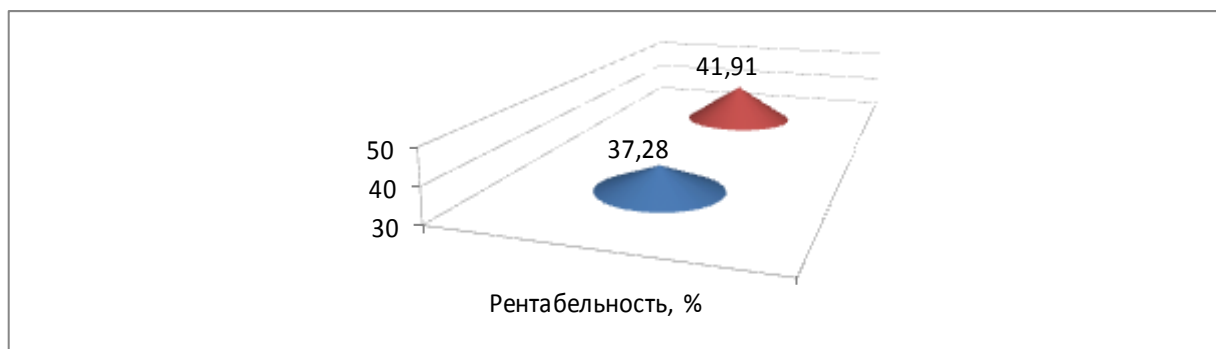

Рис. 2. Рентабельность продаж филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе в 2018-2019 гг., %

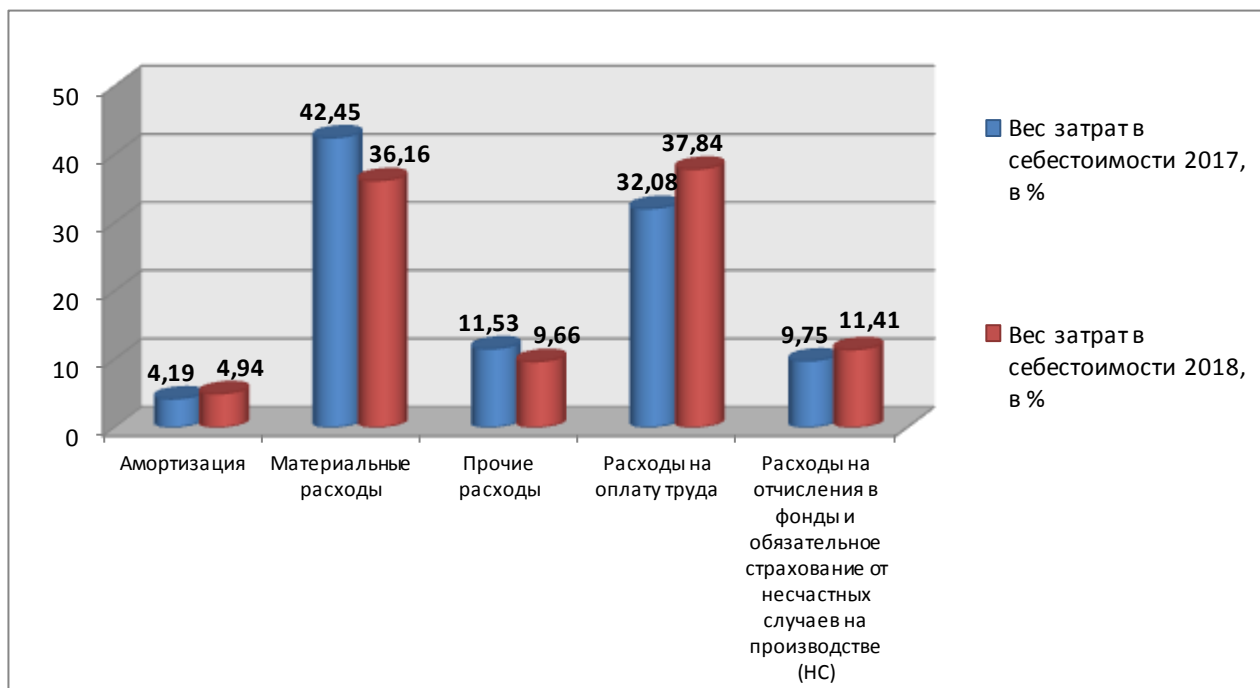

Рис. 3. Структура себестоимости по видам деятельности в 2018 – 2019 гг., %

Анализ основных показателей показал, что доходы филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе в 2019 году выросли на 3,49 % относительно 2018 года. Объем доходов в 2019 году снизился по статье – предоставление дополнительных технических условий и статье – выполнение строительно-монтажных работ. Рост доходов произошёл за счёт увеличения объемов транспортировки природного газа, обслуживания и ремонта внутридомовых сетей, а так же реализации газового оборудования потребителям. Более наглядно прогнозируемая динамика прибыли филиала представлена на рис. 4.

Возможностями компании является дальнейшая прокладка газопроводов в населенных пунктах региона. Угрозами являются применение альтернативных источников, заменяющих природный газ, например, переход на электричество. В ходе оценки и анализа рисков в филиале АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе за период 2018 – 2019 гг. были получены следующие выводы относительно системы управления рисками филиала АО «Газпром газораспределение» в город Шуя.

В перечне всех рисков, угрожающих эффективности деятельности филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе, наиболее опасными являются [2–3]:

- Риск ликвидности;
- Увеличение зависимости от производителей комплектующих изделий;
- Снижение доходов населения.

Предвиденные риски:

- риски, связанные с неоплатой или несвоевременной оплатой по договорам выполнения строительно-монтажных работ;
- нарушение или невыполнение обязательных требований утвержденных стандартов [4].

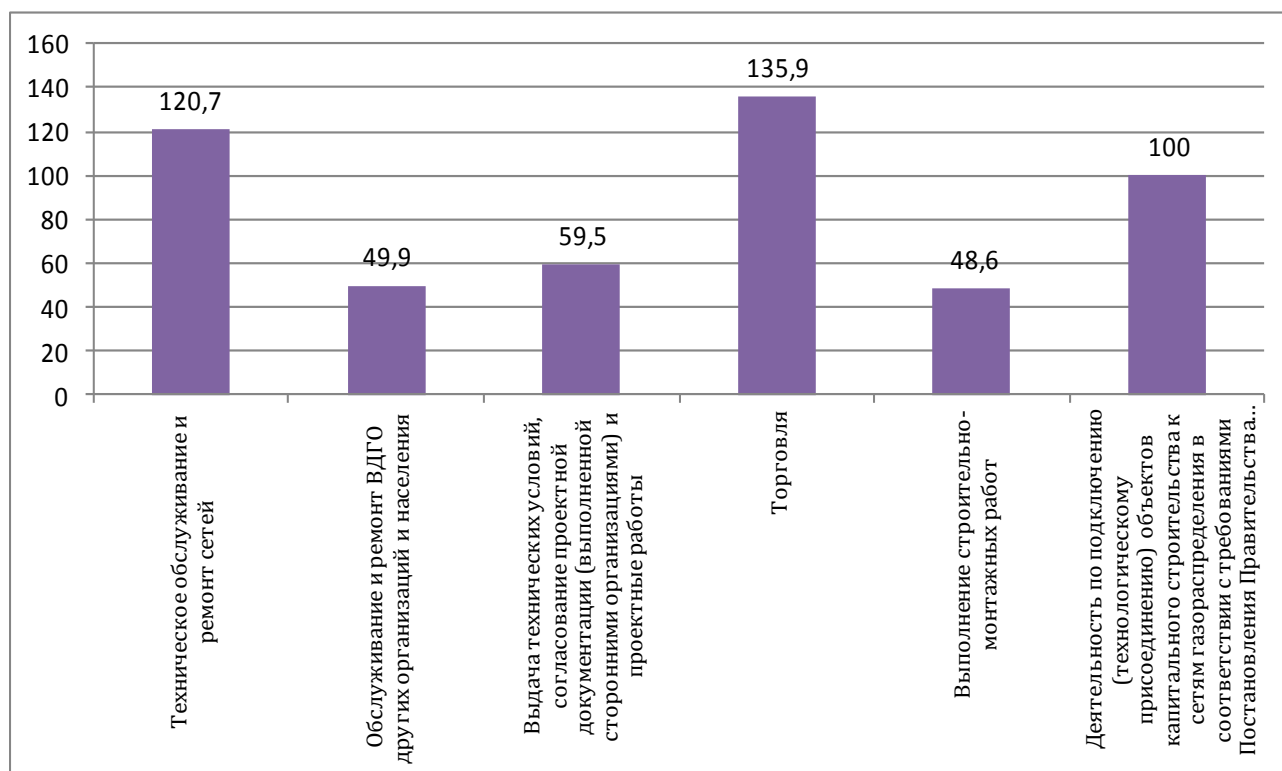

Рис. 4. Прогнозируемые темпы роста прибыли от прочих видов деятельности филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе, %

Непредвиденные риски: обязательства непреодолимой силы; пандемии. Одними из важнейших рисков для предприятия являются информационные риски, к ним можно отнести следующие риски: информационная небезопасность, нецелостность информационных данных; появление в средствах массовой информации и в социальных сетях негативной информации об организации [2–3]. Этот риск связан с наличием следующих факторов: происки недобросовестных конкурентов; рост уровня социальной напряжённости; отключение потребителей природного газа от сети в связи с их продолжительной задолженностью или лиц, которые незаконно потребляют услуги филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе.

Филиал АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе наиболее подвержен влиянию производственных рисков. Основная причина возникновения данных рисков, это старение газопроводов.

Экономический риск также может составлять угрозу для филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе. Этот риск связан с возникновением непредвиденных убытков, невыполнением бюджета доходов и расходов [4–5].

По идентифицированным рискам филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе составим карту рисков на 2020 год (табл. 1).

По составленной карте рисков для филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе наиболее часто встречающимися рисками являются риск нарушения требований охраны труда, риск распространения негативной информации о компании.

Эффективно работающая система управления рисками в АО «Газпром газораспределение» город Шуе неизбежно приведет к снижению вероятности наступления негативных событий и минимизации ущерба от ликвидации их последствий.

Представим схематически на рис. 5, что включают в себя цели разработки и внедрения системы управления рисками в филиале АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе.

С помощью системного подхода составим проект улучшения системы управления рисками в филиале АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе. Представим проект на рис. 6.

Для улучшения системы управления рисками в филиале следует провести такие мероприятия, как:

- повысить требования к защите информации, в целях исключения её утечки из компании;
- наладить взаимосвязь между подразделениями Общества, для уменьшения времени реагирования при наступлении рискованной ситуации;
- мотивировать персонал для повышения их квалификации и ответственности за рискованные ситуации.

Таблица 1

Карта рисков филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе в 2020 г.

Описание	Незначительный	Небольшой	Средний	Высокий	Крайне высокий
Практически достоверно	Риск нарушения трудового законодательства				
Весьма вероятно	Риск нарушения требований охраны труда	Риск распространения негативной информации о компании			
Возможно			Конкурентные риски при выполнении строительно-монтажных работ		
Маловероятно	Риск утечки газа на системах газоснабжения	Риск сбоев в работе информационной системы	Риск несвоевременного обеспечения необходимыми материалами, запасными частями, деталями, приборами, инструментом и проч. ТМЦ	Риски при реализации инвестиционной деятельности	
Крайне маловероятно	Порча движимого и недвижимого имущества на территории производственных баз и участков посторонними лицами	Риск неоплаты или не своевременной оплаты работ или услуг (рост дебиторской задолженности)			

Рис. 5. Цели разработки и внедрения системы управления рисками в филиале АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе

Рис. 6. Алгоритм внедрения системы управления рисками в филиале АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе

Программа управления рисками должна способствовать решению основных задач не только филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе, но и других филиалов региона. На наш взгляд, создание обособленного подразделения по управлению рисками и создание ИТ-платформы по мониторингу и прогнозированию рисков будет способствовать оптимизации рисков на предприятии. Это подразделение будет выполнять функции ситуационного центра, где будет осуществляться не только аккумуляция информации по рискам, но и их мониторинг.

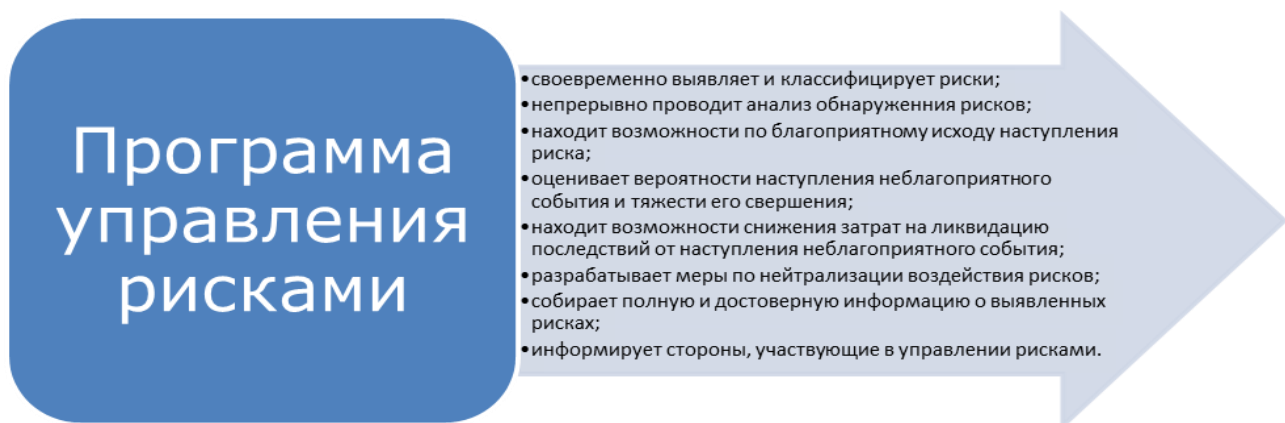

Рис. 7. Основные задачи программы управления рисками филиала АО «Газпром газораспределение» в городе Шуе

Предложенная Программа управления рисками филиала обладает гибкостью, инициативностью, а также эффективностью принятия управленческих решений. Стратегия управления рисками предприятия направлена прежде всего на определение наиболее важных направлений вектора событий риска, как технического, так и иного характера [5–6].

Особое внимание должно быть уделено заблаговременности принятия необходимых мер для предотвращения и оптимизации ущерба, способного оказать существенное влияние на деятельность предприятия, вызвав потери, снижение качества продукта, качества обслуживания потребителей газа, снижение производительности труда персонала. В современных условиях ни служба безопасности, ни внутренний аудит предприятия функции прогнозирования рисков не выполняют в необходимом объеме.

Литература

1. Тараканова Л.А., Цишковский Д.С. Актуальные проблемы понятия и содержания экономической безопасности // Вестник академии знаний. 2018. № 24 (1). С. 198-204.
2. Данилова О.В. Риск-менеджмент в российских компаниях: проблемы, подходы, точки зрения // Экономика и управление: теория и практика. 2018. № 1. С. 32-36.
3. Данов А.А. Классификация рисков // Вестник Тамбовского университета. 2018. № 10 (66). С. 350-354.
4. Авдийский В.И., Кузнецова Ю.А., Дадалко А.В. Управление операционными рисками как фактор обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта: Монография / Под общ. ред. В.А. Дадалко. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 442 с.
5. Бжассо А.А., Пивень И.Г. Методические подходы к обеспечению оценки рисков при определении стратегии развития и эффективности корпоративного управления в современных условиях // Экономика и предпринимательство. № 3 (104), 2019. С. 882-886.
6. Гиروتра К. Оптимальная бизнес-модель: Четыре инструмента управления рисками. М.: Альпина Пабл., 2016. 216 с.

Malkova Tatyana Borisovna, Doctor of Economics, Professor of the Department "Economics of Innovation and Finance", Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation). E-mail: mtb37@yandex.ru

Tanchuk Marina Nikolaevna, Master's Degree in Economics, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (87, Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation). E-mail: mtb37@yandex.ru

METHODS OF RISK OPTIMIZATION IN THE ENTERPRISE

Abstract

In the study, special attention is paid to the analysis of possible risks in the financial and economic activities of the enterprise on the example of JSC Gazprom Gazoraspredelenie. The study analyzes the main financial and economic indicators of the enterprise on the example of one of the branches of the Ivanovo region, identifies the risks, and evaluates their significance and impact. Priority measures to optimize various risks at the enterprise are presented, and a program for implementing measures to optimize various risks in the enterprise's activities is developed.

Keywords: Risks, risk management system, risk assessment methods, risk optimization, efficiency, risk optimization, risk impact insurance fund.

References

1. Tarakanova L.A., Cishkovskij D.S. Aktual'nye problemy ponyatiya i soderzhaniya ekonomicheskoy bezopasnosti // Vestnik akademii znaniy. 2018. № 24 (1). P. 198-204.
2. Danilova O.V. Risk-menedzhment v rossijskih kompaniyah: problemy, podhody, tochki zreniya // Ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika. 2018. № 1. P. 32-36.
3. Danov A.A. Klassifikaciya riskov // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2018. № 10 (66). P. 350-354.
4. Avdijskij V.I., Kuznecova YU.A., Dadalko A.V. Upravlenie operacionnymi riskami kak faktor obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti hozyajstvuyushchego sub"ekta: Monografiya / Pod obshch. red. V.A. Dadalko. M.: NIC INFRA-M, 2017. 442 p.
5. Bzhasso A.A., Piven' I.G. Metodicheskie podhody k obespecheniyu ocenki riskov pri opredelenii strategii razvitiya i effektivnosti korporativnogo upravleniya v sovremennyh usloviyah // Ekonomika i predprinimatel'stvo. № 3 (104), 2019. P. 882-886.
6. Girotra K. Optimal'naya biznes-model': CHetyre instrumenta upravleniya riskami. M.: Al'pina Pabl., 2016. 216 p.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: АКТУАЛЬНА ЛИ ОНА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

**Мартыненко
Татьяна
Васильевна**

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tatianamart@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются признаки и условия, при которых может возникнуть необходимость в использовании мобилизационной экономики. Автор рассматривает угрозы для развития российской экономики, связанные как с внутренними причинами, так и с внешнеэкономическими факторами, которые требуют от правительства принятия мер нейтрализующего характера. В своем исследовании автор опирается на разработки русской школы экономической мысли и духовный подход к общественному развитию. Анализ современного состояния экономики России свидетельствует о сигналах появления некоторых элементов мобилизационной экономики: концентрация и выделение ресурсов на приоритетных, стратегических для страны направлениях, локализация производства наиболее значимых для экономики товаров, усиление государственного регулирования торговли.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, напряженность, угрозы для развития, управление, воздействие, методы, конкурентоспособность, зависимость.

В научной среде в последнее время возобновились дискуссии [1, с. 368-389; 2] о необходимости возврата к мобилизационной экономике¹, которая на протяжении последних ста лет неоднократно использовалась в России. Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что усиливается напряженность в мире, возрастают угрозы для России, на которые нужно находить адекватный ответ.

К таким угрозам можно отнести: попытки изоляции России через введение разного рода непрекращающихся санкций; смена технологических и экономических укладов, приводящая к серьезным структурным сдвигам в экономике; истощение природных ресурсов; все нарастающая гонка вооружений; возникновение военных конфликтов вблизи границ РФ (приток беженцев или непосредственное участие в военных конфликтах); ослабление чувства принадлежности граждан к своей стране и отторжение ее базовых духовных, политических и культурных ценностей, что приводит к размыванию национальной идентичности; формирование вместо иерархических сетевых систем управления, приводящее к деградации управления; вытеснение нравственных критериев правовыми; массированное воздействие на массовое сознание и мотивацию граждан через интернет, телевидение, рекламу и создание глобальной информационно-коммуникационной инфраструктуры управления; формирование управленческих кадров с антироссийским мировоззрением, подверженных влиянию глобальной управленческой элиты; концентрация богатства в руках немногих и невозможность большого количества граждан заработать средства для содержания семьи; подчинение экономики страны через транснациональные корпорации; экспортно-ориентированная модель специализации экономики.

Методами глобализации и негативного воздействия на экономику России являются внедрение чуждых для страны концепций и стратегий развития; разрушение традиционного, ориентированного на воспитание личности образования и формирование вместо этого компетенций.

Результаты такого воздействия на умы молодого поколения наше государство, как ранее украинское, а потом белорусское, пожинают уже сейчас в виде массовых протестов, которые легко организуются через социальные сети. Человек, не умеющий думать, а заточенный на массовое потребление и действующий по алгоритму, очень легко поддается манипулированию, так как у него нет устойчивого мировоззрения.

Методами разрушения традиционной государственности являются также внедрение в государственное и муниципальное управление стандартизации, унификации, регламентации, излишней подотчетности и подконтрольности во всех сферах общественной жизни.

¹ Андрей Иванов. Мобилизационная экономика: какой она может быть? // URL: <https://svpressa.ru/economy/article/102320/> (дата обращения: 20.03.2020).

Создается система тотального контроля над личностью через якобы прогрессивное применение современных технологий: расширяются базы персональных данных, содержащие конфиденциальную информацию о человеке: под контроль государства попадают все платежи человека и его имущество; его увлечения, состояние здоровья и в целом вся социальная жизнь.

Власти в настоящее время отгораживаются от людей через систему «Электронного правительства». Все взаимодействия с чиновниками постепенно переносятся в Интернет через создание портала государственных услуг, который, с одной стороны, упрощает получение любых услуг, но, с другой стороны, если вы станете неугодны любому властному лицу, в лучшем случае вас проигнорируют, а в худшем – получают возможность заблокировать или снимать деньги с вашего счета, как уже и происходит по решению судов, о которых людей даже не уведомляют.

Происходящее на наших глазах разрушение традиционных ценностей, рационализация общественного сознания, разрушение семьи и государства как скрепляющей общество силы, могут привести к хаосу и потере управляемости.

Представители русской школы экономической мысли предупреждали нас, что без «внутреннего, органического единства общества» [3, с. 55], которое С. Франк называл соборностью, невозможно развитие государства и общества. Что настоящая власть должна признаваться большинством населения страны и строиться не на насилии, а на добровольном подчинении.

По мнению Л.А. Тихомирова, жизнеспособность государства зависит от целого ряда факторов: от способности Верховной власти быть нравственной силой и основывать свою деятельность на справедливости; доверие между властью и населением, а также желание, способность и возможность последнего участвовать в управлении государством; умение власти сформировать ответственный, гибкий управленческий класс.

Истощение общества, которое является питательной средой для государства, приведет к разрушению самого государства и анархии. В такой ситуации не поможет никакая мобилизационная экономика [7].

Духовный подход к общественному развитию [4, с.72-74; 8] объясняет процессы, происходящие в экономике и обществе, опираясь на духовно-нравственное понимание хозяйствования, и дает методологические основания для осмысления ситуации, сложившейся в России и в мире на современном этапе.

Все эти моменты необходимо учитывать при разработке мер, как экономического, так и социального характера. В таких условиях перед правительством неизбежно возникает проблема, какую политику должно оно проводить, чтобы нейтрализовать выше названные угрозы и создать условия для дальнейшего развития страны.

Сейчас вопрос стоит так: какие меры позволят России обеспечить ее независимость и целостность, сохранить население и государство в современном динамичном и глобализирующемся мире, что из опыта предыдущих мобилизационных экономик можно использовать в настоящее время?

Так как существует большой разброс мнений по данному вопросу, то следует разобраться, что же понимается под термином «мобилизационная экономика». Одни ученые считают, что это регуляторная политика государства с использованием чрезвычайных целей, мер и средств [5, с. 142–147]. Ключевым в данном определении является слово чрезвычайные.

Проф. В. Катасонов полагает, что для мобилизационной экономики характерна высокая норма накопления основного капитала, находящаяся в диапазоне от 25% до 60%, как было в СССР во время индустриализации, а также минимизация влияния внешних факторов на развитие экономики. Он считает, что для достижения величины данного показателя следует ввести монополию внешней торговли и полный контроль над валютными операциями, необходим также возврат к централизованному управлению и увеличение доли государственных предприятий в сфере производства; переход к полноценному среднесрочному и долгосрочному планированию, а также к натуральным показателям вместо стоимостных.

Есть также понимание мобилизационной экономики, как выбор ключевых направлений развития и концентрация ресурсов на этих направлениях¹. При этом должна быть преимущественная ориентация на внутренние источники ресурсов при решении важнейших для страны задач.

Некоторые авторы [2, с. 7–9] отмечают принципы мобилизационной экономики: выделение главного звена и концентрация здесь ресурсов; достижение поставленной цели любой ценой с преобладанием неэкономических методов; создание единой команды; дискретность; сознательность населения и готовность отказаться от излишнего потребления.

¹ Андрей Иванов. Мобилизационная экономика: какой она может быть? // URL: <https://svpressa.ru/economy/article/102320/> (дата обращения: 20.03.20).

Обобщая выше изложенные взгляды различных авторов на мобилизационную экономику, следует отметить, что ключевым в большинстве определений является контроль государства над важнейшими ресурсами страны, обобществление и огосударствление экономики.

Опыт военных мобилизационных экономик России и Германии в период первой и второй мировых войн говорит о том, что государство в первую очередь берет под свой полный контроль сырьевую базу, обеспечивающую промышленность; осуществляется координация деятельности промышленности с военными ведомствами; принимаются меры поощрения частных компаний, участвующих в военном производстве за счет увеличения размера дивидендов; происходит рост капиталовложений в наиболее важные в военном отношении отрасли экономики, что приводит к изменению структуры отраслей и диспропорциям в их развитии; принудительное перемещение рабочей силы из гражданских в военные отрасли и как следствие нарушение трудового законодательства, использование принудительного труда; нормированное распределение продуктов питания; придание чрезвычайных, а в некоторых вопросах неограниченных полномочий отдельным должностным лицам; реквизиция или полное подчинение правительственному контролю иностранных компаний и ограничение предпринимательской деятельности иностранных подданных; принудительное репрофилирование предприятий, приводящее к нарушению прав частных собственников; централизованное ценообразование; национализация военных предприятий; фактическое введение монополии внешней торговли [6, с. 10–19].

Таким образом, становится очевидным, что в военных условиях на первое место выходит определение специфических, чрезвычайных по своей природе целей развития, преобладание административных или даже принудительных методов управления, многократное возрастание роли государства во всех сферах жизни общества, централизация управления и огосударствление экономики.

В настоящее время, на наш взгляд, в России не стоит вопрос о применении в экономике выше описанной мобилизационной модели, но современные тенденции мирового развития все больше свидетельствуют о возможности этого.

На наш взгляд следует обратить внимание на способность страны самостоятельно развиваться, независимо от мирового рынка. Существует современные исследования, посвященные изучению глобальной конкурентоспособности различных стран¹, включенных в мировую экономику, а вот способности стран выживать в условиях изоляции от мирового рынка, на наш взгляд уделяется недостаточно внимания.

Всемирный экономический форум (World Economic Forum) рассчитывает конкурентоспособность стран на основе открытых статистических данных, и основной упор делает на способность в долгосрочной перспективе поддерживать высокие темпы экономического роста и повышать национальное благосостояние.

Среди факторов, отрицательно влияющих на национальную конкурентоспособность, называются неэффективное управление финансами, наличие инфляции, неразвитая судебная система, низкий уровень образования и квалификации рабочей силы, невозможность доступа к новым технологиям и низкий инновационный потенциал.

Россия в этом рейтинге конкурентоспособности занимает 44 место с индексом 66.7. Отставание от Сингапура с индексом 84,8, занимающего первое место, составляет 18,1 пункта.

Современное состояние российской экономики изложено в докладе, который подготовлен Всемирным банком. В нем отмечается высокая степень зависимости России от глобального рынка. Правительство РФ последнее десятилетие пытается уменьшить зависимость пополнения российского бюджета от внешнеэкономических условий (что фактически означает снижение доли нефтегазовых доходов). Но на данный момент такой независимости достигнуть пока не удалось. В частности, экспорт энергоресурсов по-прежнему составляет более 60% от общей стоимости всего экспорта страны².

Довольно болезненным для современной России является также вопрос о зависимости от иностранных валют. Курс рубля в настоящее время является плавающим, он не определяется Правительством РФ или Банком России, а зависит от рыночных колебаний.

Эксперты отмечают, что в последние годы зависимость рубля от иностранных валют незначительно снизилась, возросла доля рублевых платежей во внешнеэкономических операциях с такими странами, как Индия и Китай. По данным Всемирного банка «с 2013 по 2019 годы доля американского доллара в экспортных расчетах России постепенно снижалась и в 2019 году сократилась до 62%, в то время как в 2013 году она составляла почти 80%»³.

¹ Рейтинг стран мира по индексу глобальной конкурентоспособности // <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index> (дата обращения: 12.02.2021).

² Доклад об экономике России № 44 // URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/189351608098609835/Russia-Economic-Report-44-in-Russian.pdf> (дата обращения: 8.02.2021).

³ Там же.

Однако в настоящее время российский рубль очень сильно зависит от цены на нефть. В феврале 2021 года произошло укрепление рубля по отношению к доллару, которое аналитики связывают с ростом цен на нефть марки Brent до \$63 за баррель¹.

Отрицательное влияние на курс рубля оказывают также такие факторы, как резкие колебания цен на нефть и другие природные ресурсы, высокий отток капитала из страны (с января по сентябрь 2020 г прямые портфельные инвестиции уменьшились на 80%), санкционное давление на Россию, общее ухудшение геополитической ситуации, необходимость пополнения бюджета, снижение экспорта российских товаров и услуг во втором и третьем кварталах 2020 г. на 32% и 26,4% соответственно².

На основании всего вышеизложенного мы можем сделать вывод, что в российской экономике явно присутствуют признаки расширения элементов мобилизационной модели развития: усиление государственного регулирования торговли в начале 2021 года, связанное с резким ростом цен на продовольственные товары (яйца, сахар, подсолнечное масло и др.); рост доли российских производителей в государственных закупках с 49% в 2019 году до 57% – в 2020 и намечаемым на 7% ростом в 2021 году; локализация производства комплектующего оборудования, например судового (рассматривается возможность введения субсидии «на компенсацию части затрат на производство и реализацию пилотных партий опытных образцов судового оборудования»³; расширение объемов российской легкой промышленности с 10% в 2012 году до 30% на начало 2021 года⁴.

Из всех мер мобилизационной экономики в настоящее время наиболее актуальными являются: усиление государственной поддержки промышленности на стратегически важных направлениях, способных обеспечить России конкурентные преимущества; расширение спектра продукции, замещающей импортную продукцию в наиболее значимых отраслях экономики (станкостроение, машиностроение, электроника, двигателестроение и др.); уменьшение зависимости рубля от иностранной валюты в международной торговле.

Литература

1. Черемисинов Г.А. Столетие мобилизационного развития российской экономики // Изд-во Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 368 – 389.
2. Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 571 с.
3. Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. Paris: YMCA Press, 1930. 311 с.
4. Мартыненко Т.В. О сущности духовного подхода к общественному развитию // Научное наследие Саймона Кузнеца и перспективы развития глобальной и национальной экономик в XXI веке: Материалы международного научного симпозиума. (г. Киев). Киев: Национальный университет «Киево-Могилянская академия». 2011. 96 с.
5. Круглый стол: «Мобилизационная экономика: понятие, его границы и содержание» // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 142 – 147.
6. Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. 571 с.
7. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М. Облиздат, 1998. 672 с.
8. Игнатова Т.В., Мартыненко Т.В. Влияние православия на концепцию государственной собственности в русской школе экономической мысли // Философия хозяйства. 2017. № 1 (109). С. 45 – 60.

¹ Рубль следует за нефтью и рискует подвергнуться коррекции вместе с ней // URL: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1029456.html> (дата обращения 19.02.2021).

² Доклад об экономике России № 44, С.12 // URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/189351608098609835/Russia-Economic-Report-44-in-Russian.pdf> (дата обращения: 8.02.2021).

³ Интервью Дениса Мантурова информационному агентству Interfax 09 февраля 2021. Сайт Минпромторга // URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/intervyu_denisa_manturova_informacionnomu_agentstvu_interfax (дата обращения 19.02.2021).

⁴ Денис Мантуров - о лекарствах от COVID-19, ценах на продукты и заказах на MC-21. Сайт Минпромторга // URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/denis_manturov_o_lekarstvah_ot_covid19_cenah_na_produkty_i_zakazah_na_ms21 (дата обращения 19.02.2021).

Martynenko Tatyana Vasilievna, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship; South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tatianamart@list.ru

MOBILIZATION ECONOMY: IS IT RELEVANT FOR MODERN RUSSIA?

Abstract

The article examines the signs and conditions under which it may be necessary to use the mobilization economy. The author examines the threats to the development of the Russian economy, associated both with internal reasons and with external economic factors that require the government to take neutralizing measures. In his research, the author relies on the development of the Russian school of economic thought and a spiritual approach to social development. Analysis of the current state of the Russian economy indicates signals of the emergence of some elements of a mobilization economy: concentration and allocation of resources in priority, strategic directions for the country, localization of production of goods most significant for the economy, strengthening of state regulation of trade.

Keywords: mobilization economy, tension, threats to development, management, impact, methods, competitiveness, dependence.

References

1. CHeremisinov G.A. Stoletie mobilizatsionnogo razvitiya rossijskoj ekonomiki // Izd-vo Saratovskogo un-ta. Nov. seriya. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2017. T. 17. Vyp. 4. P. 368 – 389.
2. Sedov V.V. Mobilizatsionnaya ekonomika: ot praktiki k teorii // Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka: sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii. CHelyabinsk, 28-29 noyabrya 2009 g. / Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. CHelyabinsk: Enciklopediya, 2009. 571 p.
3. Frank S.L. Duhovnye osnovy obshchestva: Vvedenie v social'nyuyu filosofiyu. Paris: YMCA Press, 1930. 311 p.
4. Martynenko T.V. O sushchnosti duhovnogo podhoda k obshchestvennomu razvitiyu // Nauchnoe nasledie Sajmona Kuzneca i perspektivy razvitiya global'noj i nacional'noj ekonomik v HKHI veke: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. (g. Kiev). Kiev: Nacional'nyj universitet «Kievo-Mogilyanskaya akademiya». 2011. 96 p.
5. Kruglyj stol: «Mobilizatsionnaya ekonomika: ponyatie, ego granicy i sodержanie» // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 15 (196). Istoriya. Vyp. 40. P. 142 – 147.
6. Bokarev YU.P. Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii i Germanii v gody pervoj mirovoj vojny. Opyt komparativnogo issledovaniya // Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii HKH veka: sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii. CHelyabinsk, 28-29 noyabrya 2009 g. / Pod red. G. A. Goncharova, S. A. Bakanova. CHelyabinsk: OOO «Enciklopediya», 2009. 571 p.
7. Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost'. M. Oblizdat, 1998. 672 p.
8. Ignatova T.V., Martynenko T.V. Vliyanie pravoslaviya na koncepciyu gosudarstvennoj sobstvennosti v russkoj shkole ekonomicheskoy mysli // Filosofiya hozyajstva. 2017. № 1 (109). P. 45 – 60.

МАЛЫЙ БИЗНЕС РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19

Мошкин Игорь Валерьевич кандидат экономических наук, исполнительный директор ООО «Профессиональные образовательные технологии» (Россия, г. Ростов-на-Дону). E-mail: imoshkin@profedutech.ru
Бабанов Андрей Борисович кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: babanov@uriu.ranepa.ru

Аннотация

Работа посвящена анализу условий работы малого бизнеса в России в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020-2021 гг. Эпидемия COVID-19 оказала влияние все сферы жизнедеятельности человека, обусловила снижение потребительской активности, которая является основным фактором развития малого бизнеса. В рамках настоящего исследования будет сделана попытка оценить влияние государственных мер поддержки малого бизнеса в России, а также определить возможные направления развития ситуации.

Ключевые слова: малый бизнес, Россия, COVID-19, предпринимательство, экономика, государственная поддержка, эффективность, субъекты бизнеса, экспорт товаров.

П. Друкер писал, что «завтра» всегда непохоже на «сегодня» [1, с. 90]. И даже самая мощная компания подвергается риску, если она не работает над своим будущим. В тоже время, ситуация меняется так быстро, что прогнозироваться становится все сложнее. Инструменты и подходы, которые показывали свою эффективность вчера, сегодня уже могут не сработать. Это в наибольшей степени проявилось в условиях кризиса пандемии 2020 года.

В 2020 году распространение коронавирусной инфекции COVID-19 стало новым вызовом, который призван проверить на прочность экономик всех стран, включая Россию. Принятые государством меры по снижению заболеваемости населения оказали негативное влияние на потребительскую активность, которая является основным фактором развития малого бизнеса. В результате введенных ограничений субъекты малого предпринимательства фактически оказались заложником ситуации. С одной стороны, упала выручка, а с другой – необходимо выполнять обязательства по содержанию персонала, уплате налогов, расчетов с контрагентами и др. Кроме этого, снизившиеся мировые цены на нефть и другие экспортируемые Россией товары и услуги не добавляли экономике оптимизма, а с появлением коронавируса, малый бизнес оказался на грани выживания. Таким образом, это привело к формированию условий появления кассовых разрывов, к росту числа компаний, допускающих просрочку платежей. Наиболее пострадавшими оказались сферы, где предполагается прямое взаимодействие с потребителями. Это сферы торговли, бытовых услуг и общественного питания. Сам малый бизнес считает, что в связи выпадающими доходами, государство должно было занять более активную позицию и сосредоточиться на финансовых способах поддержки.

В подобных условиях даже столь сильный аргумент для выживания, как накопленный потенциал, не всегда может помочь найти актуальную сферу деятельности или перестроить свою работу. Накопленный опыт нередко оборачивается слабостью и мешает усвоению новых, непривычных методов выживания. В таких условиях, когда большинство компаний борется за свое место на рынке, находясь в ситуации ограничений, возросшей конкуренции за потребителя, обычные, стандартные инструменты управления, как правило, не помогают.

Как отмечается в исследовании Всемирного банка, пандемия коронавируса окажет негативное влияние и на фундаментальные факторы долгосрочного экономического роста, ослабив его дальнейшие перспективы¹. Это подтверждается различными данными. Так, по данным Росстата, в мае 2020 г. уровень безработицы составил в России около 6,1% (для сравнения – 4,5% годом ранее²). Ожидается, что уровень безработицы по итогам 2020 г. может составить 10% от экономически активного населения, достигнув 9 млн чел.³

¹ [Электронный ресурс] // IMF. 2020 World Economic Outlook Update, June 2020 URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (дата обращения: 5.12.2020)

² [Электронный ресурс] // Росстат. 2020. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 5.12.2020)

³ Кудрин спрогнозировал скачок безработицы в РФ на фоне кризиса до 10% в худшем варианте. [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/706027> (дата обращения: 03.01.2021).

По оценкам Минэкономразвития России, снижение ВВП в 2020 году достигнет 4,5-5%¹. При этом, согласно данным ФНС России, количество субъектов МСП в 2019 году снизилось на 247 тыс. Превышение «смертности» над «рождаемостью» бизнеса наблюдается в стране последние несколько лет [2]. Данных по данному показателю за 2020 год пока нет, но, скорее всего, эта цифра будет выше.

Таким образом, макроэкономический фон для развития малого бизнеса складывается неблагоприятным, нет сильных структур GR-менеджмента, взаимоотношений с государственными органами, которые представляли бы интересы малого бизнеса [3]. Малые бизнес несет серьезные убытки из-за пандемии коронавируса. Потери в 2020 году могут превысить 1 трлн руб. Поскольку субъекты МСП составляют пятую часть экономики России, то потери обернутся снижением ВВП России до 0,9-1,1%.

Однако не все компании малого бизнеса оказались в кризисе. Есть и те, кто смог открыть «окно возможностей» и адаптироваться к новым условиям. Прежде всего, это стало возможным благодаря ускоренной технологической трансформации. Компании, которые активно инвестировали в развитие ИТ и возможности дистанционных технологий для удаленной работы, смогли быстрее настроить свою работу в условиях ограничений. Если ранее удаленно работать могли преимущественно проектные сотрудники, самозанятые и фрилансеры, то в новых условиях, осваивать такой способ организации труда пришлось большинству предпринимателей. В отдельных случаях это позволило получить экономию на арендных платежах и оборудовании. Отдельным компаниям настолько подошла такая система работы, что даже после нормализации, они планируют не возвращаться в традиционный офис. Некоторые компании малого бизнеса смогли даже изменить бизнес-модель, перестроив свою работу. Это привело к развитию компаний и появлению новых, перспективных направлений бизнеса. Например, ограниченность в передвижениях положительно повлияла на спрос в интернет-магазинах и услуги доставки. Интеграция такси в сервисы доставки продуктов и еды позволила существенно расширить зону и временные интервалы доставки (например, «Яндекс.Лавка» начала работать по ночам)². В плюсе оказались и те, кто в условиях коронавируса решил развивать производство средств индивидуальной защиты и антисептиков. Ранее малые предприятия в текстильной и химической отраслях промышленности находились в еще более сложной ситуации [4].

Тем не менее, пострадавших компаний малого бизнеса оказалось больше, чем выигравших. Из доклада бизнес-омбудсмена Бориса Титова пандемия затронула до 67% малых, средних и крупных предприятий, а также ИП в России. Свыше 4 млн компаний и индивидуальных предпринимателей в России пострадали от распространения коронавирусной инфекции и связанных с ним карантинных ограничений³. Несмотря на то, что во второй половине 2020 года, начале 2021 года, строгих ограничений не планируется, общая потребительская активность находится на низком уровне. Не исключено появление новых вызовов, с которыми предстоит столкнуться. Таким образом, бизнесу еще предстоит основная борьба за свое существование.

Тем не менее, провести оценку состояния малого бизнеса в условиях работы в период эпидемии коронавируса становится возможным благодаря регулярным опросам международных и российских аналитических организаций и объединений предпринимателей. Например, по данным счетной палаты России, только в одном из разделов доклада ОЭСР приводится перечень из порядка 40 опросов, которые позволяют сделать вывод о том, что подавляющее большинство субъектов предпринимательства испытывает негативное влияние, вызванное условиями работы в период пандемии COVID-19. В тоже время, многие участники опросов отмечают опасения о закрытии своего бизнеса в ближайшее время. Подчеркнем, что международная организация труда также содействует, своего рода, стандартизации, обеспечивающей релевантное межрегиональное и международное сопоставление состояния малого бизнеса. Она разработала специальные методические рекомендации и формы для того, чтобы различные объединения предпринимателей, государственные институты и иные заинтересованные участники могли проводить свои собственные исследования для более точной оценки ситуации влияния пандемии на условия ведения бизнеса.

Статистические данные по ряду стран, подготовленные Департаментом международного и регионального сотрудничества Счетной Палаты РФ, подтверждают крайнюю озабоченность влияния кризиса на деятельность малых предприятий⁴.

¹ О поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в условиях изменившейся экономической ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. 2020. Дата обновления 27.05.2020. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/msp_covid_19.html (дата обращения: 10.11.2020).

² Ставка на доставку [Электронный ресурс] // Ведомости& 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/06/17/832455-stavka-dostavku> (дата обращения: 10.12.2020).

³ Приложение к докладу президенту РФ COVID-19 последствия для бизнеса и экономики [Электронный ресурс] // РБК. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf>. (дата обращения: 03.01.2021).

⁴ Поддержка МСП в контексте COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации, 2020.

В основе сравнительно более уязвимого положения малого бизнеса в настоящих условиях лежит недостаточная финансовая устойчивость, вызванная падением доходов, недополученных в результате ограничительных мер. Предпринимаемые шаги со стороны государства, направленные, прежде всего, на то, чтобы помочь компаниям справиться с временным, но очень серьезным недостатком ликвидности, помогают бизнесу выиграть время и переформатироваться, чтобы дожить до более благоприятной рыночной конъюнктуры. Считаем, финансовые инструменты являются одним из наиболее востребованных инструментов поддержки. Прямое проектное финансирование, субсидии и программы льготного заимствования представляют основу стабилизации малого бизнеса в условиях кризиса.

В конце марта 2020 года на заседании Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики был одобрен список сфер деятельности, наиболее пострадавших от распространения коронавирусной инфекции. Организации и индивидуальные предприниматели, занятые в этих сферах по основному виду экономической деятельности, получают первоочередную адресную поддержку¹.

Определены девять сфер деятельности:

авиаперевозки, аэропортовая деятельность, автоперевозки;

культура, организация досуга и развлечений;

физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт;

деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма;

гостиничный бизнес;

общественное питание;

деятельность организаций дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений;

деятельность по организации конференций и выставок;

деятельность по предоставлению бытовых услуг населению (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты).

По данным опроса, проведенного ОНФ 22-29 мая 2020 года, 52% опрошенных указали, что ОКВЭД их организации относится к перечню пострадавших отраслей. Большинство субъектов предпринимательства, не попавших в перечень, хотели бы получить меры поддержки, предусмотренные для пострадавших отраслей. Правительство пошло на встречу. Был расширен перечень основных и вспомогательных кодов ОКВЭД, по которым полагалась поддержка.

Однако многие предприниматели, которые обратились за поддержкой, столкнулись с ситуацией, когда операторы, участвующие в реализации мер поддержки, не всегда могли корректно предоставить информацию об условиях. Например, в Ростове-на-Дону, в августе-сентябре 2020 года специалистами одного крупного банка фактически навязывались льготные кредиты под 2%. По условиям программы кредитования под 2% предприятие малого бизнеса могло списать заем и проценты по нему в случае сохранения рабочих мест.

Проблема состояла в том, что на момент выдачи кредитов банки не учитывали информацию о численности сотрудников по состоянию на 1 июня 2020 года. Таким образом, предприниматели, имевшие движения по численности персонала, были обречены на превращение льготного кредита в обычный под 15% годовых и вынуждены вернуть деньги с процентами по полной ставке. Считаем, что аналогичная ситуация была и в других регионах. Во-многом она сложилась из-за неправильно толкования специалистами конкретных банков условий программы, что послужило введением в заблуждение своих клиентов.

Статистика обратившихся за кредитом также демонстрирует негативную динамику – более 66% обратившихся в банк за кредитом получили отказ, что является максимум за последние три года и свидетельствует об ужесточении кредитной политики.

В самый разгар второй волны эпидемии коронавируса было объявлено о реформе системы институтов развития. Во-многом такое решение могло быть вызвано низкой эффективностью работы и распределения ресурсов. По замыслу разработчиков, она позволит сделать их более эффективными и переориентирует на достижение национальных целей развития².

¹ ФНС России [Электронный ресурс]. 2020. Дата обновления 2020. URL:

https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9704633/ (дата обращения: 20.12.2020).

² Оперативное совещание с вице-премьерами 23 ноября 2020/ Москва Об оптимизации институтов развития; об устранении избыточных административных барьеров при реализации инфраструктурных проектов; о расширении перечня онлайн-сервисов для экспортёров. [Электронный ресурс]. 2020. Дата обновления 2020. URL: <http://government.ru/news/40921/> (дата обращения: 12.12.2020).

Недоверие к государственным институтам развития находится у представителей малого бизнеса на высоком уровне. Это объясняется возможной недобросовестностью обеих сторон. Сдерживающим фактором для многих предпринимателей является опасение перед ответственностью за нарушения условий поддержки, которые потенциальными они могут допустить. Для повышения эффективности государственной поддержки требуется внедрение оценочных методов и инструментов, адекватных потребностям малого предпринимательства и органов власти в новых условиях хозяйствования [5].

В новых условиях требуется разработка новой системы институтов развития, обусловленной актуальными требованиями времени. Она должна быть прозрачной и учитывать баланс интересов всех заинтересованных сторон. Соответственно, объявленную реформу институтов развития следует признать своевременной и необходимой. Однако пока государство занимается реформированием и разработкой точечных мер поддержки, бизнес также ищет новые возможности.

В настоящее время пандемия еще не завершена и сколько она будет продолжаться никому не известно. Но уже сейчас проявляются системные изменения в существовании малого бизнеса. Часть компаний смогла гибко перестроиться, изменить систему работы, открыть новые направления. Другие, напротив, пошли по пути минимизации издержек или вовсе закрылись на время пандемии. Так или иначе, как и любой кризис, это приведет к «очищению» рынка, уходу слабых и неэффективных компаний. Те, кто останутся, столкнутся с различными социально-экономическими последствиями, в условиях которых предстоит работать.

Литература

1. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества. М.: Вильямс, 2007. 322 с.
2. Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14. № 2. С. 199–211.
3. Игнатова Т.В., Бабанов А.Б., Шетов А.А. Функциональный спектр GR-менеджмента как фактор реализации антикоррупционной политики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 18–21.
4. Старикова Т.В., Аджигова А.С., Игнатова Т.В. Бюджетные инструменты финансирования текстильной отрасли // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2018. № 5. С. 32–36.
5. Володкевич С.И. Анализ методов оценки эффективности государственной поддержки малых форм предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 8. С. 1679–1692.

Moshkin Igor Valerievich, Candidate of Economic Sciences, Executive Director of Professional Educational Technologies LLC (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: imoshkin@profedutech.ru

Babanov Andrei Borisovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: babanov@uriu.ranepa.ru

RUSSIA SMALL BUSINESS AT THE FACE OF COVID-19 PROLIFERATION

Abstract

The work is devoted to the analysis of the working conditions of small businesses in Russia in the conditions of the spread of a new coronavirus infection COVID-19 in 2020-2021. The epidemic COVID-19 influenced all spheres of human life, caused a decrease in consumer activity. This is the main factor in the development of small businesses. As part of this study, we will assess the impact of state measures to support small businesses in Russia and determine possible scenarios for the development of the situation.

Keywords: small business, Russia, COVID-19, entrepreneurship, economy, state support, efficiency, business entities, export of goods.

References

1. Druker P. Epoha razryva: orientiry dlya nashego menyayushchegosya obshchestva. M.: Vil'yams, 2007. 322 p.
2. Obrazcova O.I., CHepurenko A.YU. Predprinimatel'skaya aktivnost' v Rossii i ee mezhregional'nye razlichiya // Zhurnal Novej ekonomicheskoy associacii. 2020. T. 14. № 2. P. 199–211.
3. Ignatova T.V., Babanov A.B., SHetov A.A. Funkcional'nyj spektr GR-menedzhmenta kak faktor realizacii antikorrupcionnoj politiki // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 1 (92). P. 18–21.
4. Starikova T.V., Adzhikova A.S., Ignatova T.V. Byudzhetye instrumenty finansirovaniya tekstil'noj otrasli // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Tekhnologiya tekstil'noj promyshlennosti. 2018. № 5. P. 32–36.
5. Volodkevich S.I. Analiz metodov ocenki effektivnosti gosudarstvennoj podderzhki malyh form predprinimatel'stva // Kreativnaya ekonomika. 2020. Tom 14. № 8. P. 1679–1692.

АНАЛИЗ ЗАВИСИМОСТИ КОЛИЧЕСТВА РАЗРАБОТАННЫХ ПЕРЕДОВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОТ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Павлюкова
Антонина
Викторовна** доктор экономических наук, доцент, Донской казачий государственный институт пищевых технологий и бизнеса – филиал Московского государственного университета технологий и управления им. К.О. Разумовского (Первый казачий университет) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Семашко, 55);
доцент, Российская таможенная академия, Ростовский филиал (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20).
E-mail: bikova_t@list.ru
- Иванова
Дарья
Евгеньевна** старший преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: d.e._ivanova@mail.ru
- Иванов
Вячеслав
Евгеньевич** преподаватель кафедры огневой и физической подготовки, Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД РФ (347360, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: IvanovRussia@bk.ru

Аннотация

Формирование технологической базы производства и ее систематическое обновление являются важнейшими факторами укрепления конкурентоспособности компаний и одним из ключевых условий устойчивого экономического роста. Вместе с тем распространение в российских регионах передовых производственных решений, определяющих эффективность использования имеющейся ресурсной базы, происходит неравномерно. В статье рассматриваются факторы, влияющие на количество разработанных передовых технологий в России, с целью выявления наиболее значимых и результативных, а также определяется, частные или государственные инвестиции сектора играют решающую роль в развитии наукоемких технологий.

Ключевые слова: инновации, передовые производственные технологии (ППТ), инновационный потенциал, корреляция, моделирование, региональная экономика, регрессионный анализ, система.

Развитие технологий является ключевой целью большинства крупных компаний, ТНК и стран в целом, ибо в условиях современной конкуренции это неотъемлемый элемент достижения высоких показателей производительности при минимальных издержках.

В последние годы наблюдается возрастающий спрос на использование решений, оптимизирующих производственные процессы и значительно повышающие производительность труда и качество выпускаемой продукции или оказанной услуги [1, с. 1].

В период с 2011–2018 гг. число используемых ППТ увеличилось на 33 % и в 2018 г. составило в абсолютном выражении 254,9 тыс. ед. Между тем, управленческие стратегии в Российской Федерации, направленные на внутренние исследования и разработку новых технологий, малозначительны [2, с. 70]. Потребность организаций в передовых производственных технологиях удовлетворяется в основном за счет приобретения технологий в России, около 30% технологий являются внешними (импорт технологий), менее 20 % – организации создают самостоятельно. При отмеченном росте числа внедряемых и используемых ППТ, интенсификации самостоятельной разработки технологий не наблюдается, а доля технологий, приобретаемых за рубежом, напротив, ежегодно растет.

Итак, для исследования используем три показателя, определяем из них два факторных признака и один результативный.

- Финансирования науки из средств госбюджета (x_1);
- Общие затраты частного сектора на инновационную деятельность организаций (x_2);
- Разработанные передовые производственные технологии на территории РФ (y).

Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа¹

Год/фактор	y , (ед.)	x_1 , (млрд руб.)	x_2 , (млрд руб.)
2010	864	237,6	400,8
2011	1138	313,9	733,8
2012	1323	355,9	904,6
2013	1429	425,3	1112,5
2014	1409	437,3	527,5
2015	1398	439,4	1203,6
2016	1534	402,7	1284,6
2017	1402	377,9	1405
2018	1565	420,5	1472,8
2019	1620	489,2	1954,1
Σ	13682	3899,7	10999,3
Ср. значение	1368,2	389,97	1099,93

Таблица 2

Расчетные данные для анализа и составления уравнения множественной регрессии

y^2	x_1^2	x_2^2	$y \cdot x_1$	$y \cdot x_2$	$x_1 \cdot x_2$
746496	56453,76	160640,64	205286,4	346291,2	95230,08
1295044	98533,21	538462,44	357218,2	835064,4	230339,82
1750329	126664,81	818301,16	470855,7	1196785,8	321947,14
2042041	180880,09	1237656,25	607753,7	1589762,5	473146,25
1985281	191231,29	278256,25	616155,7	743247,5	230675,75
1954404	193072,36	1448652,96	614281,2	1682632,8	528861,84
2353156	162167,29	1650197,16	617741,8	1970576,4	517308,42
1965604	142808,41	1974025	529815,8	1969810	530949,5
2449225	176820,25	2169139,84	658082,5	2304932	619312,4
2624400	239316,64	3818506,81	792504	3165642	955945,72
19165980	1567948,11	14093838,51	5469695	15804744,6	4503716,92
1916598	156794,811	1409383,851	546969,5	1580474,46	450371,692
19165980	1567948,11	14093838,51	5469695	15804744,6	4503716,92
1916598	156794,811	1409383,851	546969,5	1580474,46	450371,692

На основе данных, представленных в табл. 2, получим следующую систему уравнений:

$$\begin{cases} 13682,00 = 10a + 3899,70b_1 + 10999,3b_2 \\ 5469695 = 3899,7a + 1567948,11b_1 + 4503716,92b_2 \\ 15804744,60 = 10999,3a + 4503716,92b_1 + 14093838,51b_2 \end{cases}$$

В результате расчета определителей получили следующие значения:

$\Delta = 482131289727,58$;

$\Delta a = 171507526951432,00$, $a = \frac{171507526951432}{482131289727,58} = 355,73$

$\Delta b_1 = 1057118687526,7$, $b_1 = \frac{1057118687526,7}{482131289727,58} = 2,193$

$\Delta b_2 = 69004326710,927$, $b_2 = \frac{69004326710,927}{482131289727,58} = 0,143$

Уравнение примет следующий вид:

$$\hat{y} = 355,73 + 2,193x_1 + 0,143x_2$$

Получаем, что при изменении финансирования науки из госбюджета на 1 млрд. руб. количество разработанных передовых производственных технологий увеличится в среднем в 2,193 раза, а при увеличении общих затрат частного сектора на инновационную деятельность оно увеличится в среднем в 0,143 раза.

¹ Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации, Основные понятия // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov9.htm

Далее определим средние коэффициенты эластичности, предварительно построим уравнение регрессии в стандартизованном масштабе:

$$\begin{aligned}\sigma_{x1} &= \sqrt{156794,811 - (389,97)^2} = 68,68923 \\ \sigma_{x2} &= \sqrt{1409383,851 - (1099,93)^2} = 446,69659 \\ \sigma_y &= \sqrt{1916598 - (1368,2)^2} = 211,2504675 \\ r_{x1x2} &= \frac{450371,692 - 1099,93 * 389,97}{68,68923 * 446,69659} = 0,69849 \\ r_{x1y} &= \frac{546969,5 - 389,97 * 1368,2}{68,68923 * 211,2504675} = 0,92433 \\ r_{x2y} &= \frac{1580474,46 - 1099,93 * 1368,2}{446,69659 * 211,2504675} = 0,80062\end{aligned}$$

Система уравнений примет следующий вид:

$$\begin{cases} 0,92433 = \beta_1 + 0,69849\beta_2 \\ 0,80062 = 0,69849\beta_1 + \beta_2 \end{cases}$$

Решив систему методом определителей, получили формулы:

$$\begin{aligned}\beta_1 &= \frac{0,92433 - 0,80062 * 0,69849}{1 - (0,69849)^2} = 0,71293 \\ \beta_2 &= \frac{0,80062 - 0,92433 * 0,69849}{1 - (0,69849)^2} = 0,30264\end{aligned}$$

С помощью найденных структурных коэффициентов составим уравнение в стандартизованном масштабе:

$$\begin{aligned}t &= 0,71293t_{x1} + 0,30264t_{x2} + \varepsilon \\ b_1 &= 0,71293 * \frac{211,2505}{68,68923} = 2,193 \\ b_2 &= 0,30264 * \frac{211,2505}{446,69659} = 0,143\end{aligned}$$

Построение частных уравнений регрессии

$$\begin{aligned}y_{x1x2} &= 493,018 + 2,193x_1 \\ y_{x2x1} &= 1190,7743 + 0,143x_2\end{aligned}$$

Определение средних коэффициентов эластичности

$$\begin{aligned}\bar{\varepsilon}_{yx1} &= \frac{2,193 * 389,97}{1368,2} = 0,62494\% \\ \bar{\varepsilon}_{yx2} &= \frac{0,143 * 1099,93}{1368,2} = 0,11496\%\end{aligned}$$

Вывод: Таким образом, при изменении финансирования науки из госбюджета на 1% количество разработанных передовых производственных технологий в среднем увеличится на 0,625% при неизменном объёме инвестиций частного сектора, а при увеличении общих затрат частного сектора на инновационную деятельность оно увеличится в среднем на 0,115% при неизменном уровне финансирования науки государством.

$$R_{yx1x2} = \sqrt{0,71293 * 0,92433 + 0,30264 * 0,80062} = 0,949359$$

Вывод: Коэффициент множественной корреляции позволяет нам сделать вывод о том, что связь весьма сильная между результативным и факторными признаками.

$$\begin{aligned}R^2_{yx1x2} &= (0,94936)^2 = 0,90128 \\ \bar{R}^2_{yx1x2} &= 1 - (1 - 0,94936) * \frac{10 - 1}{10 - 2 - 1} = 0,92322\end{aligned}$$

Вывод: Коэффициент детерминации позволяет нам сделать вывод о том, что количество разработанных передовых производственных технологий на территории РФ на 90,13% зависит от объёма финансирования науки из средств госбюджета и общих затрат частного сектора на инновационную деятельность организаций (на 92,32% по скорректированному коэффициенту детерминации).

Частные коэффициенты корреляции

$$r_{yx1x2} = \frac{0,92433 - 0,80062 * 0,69849}{\sqrt{(1 - 0,80062^2) * (1 - (0,69849)^2)}} = 0,85149$$

$$r_{yx2x1} = \frac{0,80062 - 0,92433 * (-0,80734)}{\sqrt{(1 - 0,92433^2) * (1 - (0,69849)^2)}} = 0,56754$$

По числовым значениям частных коэффициентов корреляции делаем следующий вывод, при закреплении факторного признака (общие затраты частного сектора на инновационную деятельность организаций) корреляция равна 0,8515, то есть связь прямая и достаточно высокая. При закреплении факторного признака (финансирования науки из средств госбюджета) на постоянном уровне корреляция равна 0,5675, то есть связь прямая и средняя.

Далее произведем оценку статической значимости уравнения регрессии в целом, используя F-статистику. Выдвигаем нулевую гипотезу о статистической незначимости уравнения регрессии и показателя тесноты связи

$$F_{\text{факт.}} = \frac{0,90128}{1 - 0,90128} * \frac{7}{2} = 31,95462$$

$$F_{\text{табл}} = 4,74$$

Фактическое значение F-статистики больше чем табличное значение, вследствие чего, нулевую гипотезу отвергаем. С вероятностью 95% делаем вывод о статистической значимости уравнения в целом и показателя тесноты связи, которые сформировались под неслучайным воздействием факторов x_1, x_2 .

Регрессионный анализ позволяет сделать следующие заключения: количество разработанных передовых производственных технологий на территории РФ в большей степени зависит именно от уровня финансирования науки из государственного бюджета и рассматривать инвестиции частного сектора в данном вопросе нецелесообразно, потому что они влияют в весьма незначительной степени.

В 2020 году из федерального бюджета Министерству науки и высшего образования РФ было выделено свыше 577 млрд рублей против 489,2 млрд рублей, выделенных в 2019 году. В 2021-2022 годах было запланировано выделение свыше 677 млрд руб. ежегодно, что говорит о примерном увеличении финансирования в среднем на 17%¹.

Следовательно, опираясь на исследование, представленное в статье, можно спрогнозировать спад развития разработанных передовых производственных технологий на территории РФ, связанный с сокращением финансирования средств, выделенных на науку из госбюджета.

Проведенный анализ показал, что самостоятельная разработка технологий не является приоритетной стратегией для большинства регионов страны. Более того, все типы регионов демонстрируют приоритетный характер импорта технологий [3, с. 72].

Постепенно растет спрос на результаты российских разработок, что повышает возможность выхода на рынок технологий научных и образовательных организаций высшего образования при условии формирования устойчивых механизмов трансфера знаний в реальный сектор экономики [4, с. 1225]. Успешные примеры демонстрируют группы развитых регионов с опорой на добывающую и обрабатывающую промышленность и регионы, где есть субъекты-лидеры, обеспечивающие необходимую связку между научной и производственной составляющими [5-7]. Развитие исследований в данном направлении может включать верификацию полученных результатов посредством использования классификаций регионов, сформированных по иным принципам, нежели близость социально-экономических условий.

Литература

1. Власова В.В., Тарасенко И.И., Фурсов К.С. Разработка передовых производственных технологий в 2018 году // Экспресс-информация. НИУ ВШЭ. 2019. № 129(6). С. 1–2. (Цифровая экономика).
2. Иванова Д.Е., Дряев М.Р., Ялов А.М. Формирование экосистемы национальной и региональной экономики как основа успешного функционирования экономики XXI века // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 8. С. 154 – 161.
3. Иванова Д.Е., Дмитриева В.Д. Инновационный потенциал региона как фактор экономического роста (на примере Южного федерального округа). 2017. № 5-2 (44). С. 71 – 74.
4. Бриллиантова В.В., Власова В.В., Фурсов К.С. Технологическое разнообразие и самообеспеченность производства передовыми производственными технологиями в российских регионах // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 4. С. 1224 – 1238.
5. Игнатова Т.В., Иванова Д.Е. Проектный инструмент разработки и реализации стратегии социально-экономического развития // Вестник экспертного совета. 2017. № 1 (8). С. 4 – 10.

¹ Используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации. Основные понятия // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov9.htm

6. Иванова Д.Е., Кадацкая В.В., Лысикова Д.В. Динамика инновационного развития Ростовской области в разрезе Южного федерального округа // Сборник материалов городской научно-практической конференции с международным участием «Молодежная инициатива – 2019». Ростов-на-Дону, 6 декабря 2019. С. 96 – 97.
7. Родионова Е.В., Порядина О.В. Разработка и использование передовых производственных технологий в регионах РФ // Вектор экономики. 2019. № 8 (38). С. 31.

Pavlyukova Antonina Viktorovna, Doctor of Economic Science, Docent, Don Cossack state institute of food technologies and business – branch of Moscow State University of Technology and Management by the name of K.G. Razumovskiy (First Cossack University) (55, Str. Semashko, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Docent, Rostov branch of Russian Custom Academy (20, Budenovskiy pr., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: bikova_t@list.ru

Ivanova Daria Evgenievna, Senior lecturer of Cathedra of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: d.e._ivanova@mail.ru

Ivanov Vyacheslav Evgenievich, teacher of the Department of Fire and Physical Training, Volgodonsk branch of Rostov legal institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (40, Stepnaya St., Volgodonsk, 347360, Russian Federation). E-mail: IvanovRussia@bk.ru

ANALYSIS OF THE DEPENDENCE OF THE NUMBER OF DEVELOPED ADVANCED PRODUCTION TECHNOLOGIES ON THE SOURCES OF FUNDING FOR SCIENCE AND INNOVATION

Abstract

The formation of the technological base of production and its systematic updating are the most important factors for strengthening the competitiveness of companies and one of the key conditions for sustainable economic growth. At the same time, the spread of advanced production solutions in the Russian regions, which determine the efficiency of using the existing resource base, is uneven. The article considers the factors influencing the number of advanced technologies developed in Russia in order to identify the most significant and effective, and also determines whether private or public sector investments play a decisive role in the development of knowledge-intensive technologies.

Keywords: innovation, advanced production technologies, innovation potential, correlation, modeling, regional economy, regression analysis, system.

References

1. Vlasova V.V., Tarasenko I.I., Fursov K.S. Razrabotka peredovyh proizvodstvennyh tekhnologij v 2018 godu // Ekspress-informaciya. NIU VSHE. 2019. № 129(6). P. 1–2. (Cifrovaya ekonomika).
2. Ivanova D.E., Dryaev M.R., Yalov A.M. Formirovanie ekosistemy nacional'noj i regional'noj ekonomiki kak osnova uspeshnogo funkcionirovaniya ekonomiki XXI veka // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2020. № 8. P. 154 – 161.
3. Ivanova D.E., Dmitrieva V.D. Innovacionnyj potencial regiona kak faktor ekonomicheskogo rosta (na primere YUzhnogo federal'nogo okruga). 2017. № 5-2 (44). P. 71 – 74.
4. Brilliantova V.V., Vlasova V.V., Fursov K.S. Tekhnologicheskoe raznoobrazie i samoobespechennost' proizvodstva peredovymi proizvodstvennymi tekhnologiyami v rossijskih regionah // Ekonomika regiona. 2020. T. 16. № 4. P. 1224 – 1238.
5. Ignatova T.V., Ivanova D.E. Proektnyj instrumentarij razrabotki i realizacii strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Vestnik ekspertnogo soveta. 2017. № 1 (8). P. 4 – 10.
6. Ivanova D.E., Kadackaya V.V., Lysikova D.V. Dinamika innovacionnogo razvitiya Rostovskoj oblasti v razreze YUzhnogo federal'nogo okruga // Sbornik materialov gorodskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Molodezhnaya iniciativa – 2019». Rostov-na-Donu, 6 dekabrya 2019. P. 96 – 97.
7. Rodionova E.V., Poryadina O.V. Razrabotka i ispol'zovanie peredovyh proizvodstvennyh tekhnologij v regionah RF // Vektor ekonomiki. 2019. № 8 (38). P. 31.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЧНОСТИ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Петровский Александр Ильич	аспирант, Российский университет транспорта (МИИТ) (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9) E-mail: elbrus007oor@yandex.ru
Капустина Надежда Валерьевна	доктор экономических наук, профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9) E-mail: kuzminova_n@mail.ru

Аннотация

Одной из ключевых характеристик проекта строительства на всем протяжении жизненного цикла является его стоимость, которая может менять свою величину в зависимости от стадии инвестиционно-строительного проекта. Это вызвано тем, что на каждой стадии проекта имеется различное количество исходной информации об объекте строительства, а также применяются разные методы определения стоимости строительства.

Ключевые слова: инвестиционно-строительные проекты, оценка стоимости строительства, экономическая эффективность инфраструктурных проектов, инвестиционный замысел, технико-экономическое обоснование, инвестиции, стоимость строительства, расчет показателей, рыночная экономика.

В настоящее время вопросы определения диапазонов точности оценки стоимости строительства на разных стадиях инвестиционно-строительных проектов в строительной отрасли Российской Федерации и их учета при расчете показателей экономической эффективности являются малоисследованными в научном сообществе. Проведение теоретических и статистических исследований данной проблематики в условиях рыночной экономики являются чрезвычайно актуальными.

Набор последовательных стадий в промежутке между началом и завершением проекта, количество и состав которых зависит от содержания проекта и потребностей управления им, называется жизненным циклом. Проекты различаются по масштабам и сложности, однако, вне зависимости от этого в общем виде их жизненный цикл имеет одинаковую структуру, состоящую из четырех стадий от начала проекта до его завершения¹.

Проект строительства представляет собой систему мероприятий, ориентированных на создание объекта строительства, комплекса объектов производственного или непроизводственного назначения, линейных объектов строительства (автодороги, железные дороги, трубопроводы) в условиях временных и ресурсных ограничений².

Жизненный цикл инвестиционно-строительного проекта включает в себя определенные стадии:

На стадии *инвестиционного замысла* определяется цель инвестиционно-строительного проекта, ориентировочная номенклатура планируемых к строительству объектов, их назначение и мощность, местоположение строительства.

На *предпроектной стадии* формируется так называемая предпроектная документация (обоснование инвестиций (далее – ОБИН), технико-экономическое обоснование (далее – ТЭО) и др.). На предпроектной стадии выполняется комплекс исследований, расчетов и работ, связанных с формированием задач по строительству объекта, определением технико-экономических показателей планируемого объекта, инженерно-техническими изысканиями, анализом возможностей инвестирования, оценкой экономической и социальной целесообразности инвестирования и подготовкой обосновывающих материалов по инвестиционному проекту [1-2].

Следующей стадией жизненного цикла инвестиционно-строительного проекта является *проектная*, на которой разрабатывается проектная и рабочая документация. На данной стадии осуществляется уточнение результатов инженерных изысканий, произведенных на предпроектной стадии. В первую очередь осуществляется подготовка технического задания на разработку проектной

¹ Project Management Institute / Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK) – Четвертое издание / Project Management Institute. – Newtown Square, Pennsylvania 19073-3299 USA. 2008. 463 с.

² ГОСТ Р 57363-2016, национальный стандарт Российской Федерации «Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика)», утвержден Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 16.12.2016 № 2043-ст.

документации (проектно-сметной-документации). Сформированная проектная документация и результаты инженерных изысканий направляются на экспертизу для оценки их соответствия требованиям нормативных-правовых и нормативно-технических документов в строительстве. После получения положительного заключения экспертизы, разрабатывается рабочая документация, состоящая из документов в текстовой форме, рабочих чертежей, спецификаций оборудования и изделий¹.

Далее следует стадия *строительства*, на которой непосредственно осуществляются строительно-монтажные работы, производится установка и монтаж технологического и технического оборудования, а также подключение объекта строительства к наружным инженерным сетям и другие работы в зависимости от специфики строящегося объекта. Производство всех видов работ в процессе строительства осуществляется в строгом соответствии с утвержденной проектной документацией и рабочей, разработанной на ее основе с учетом требований нормативных документов.

После завершения строительства объект вводится в *эксплуатацию*. На стадии эксплуатации осуществляются мероприятия по поддержанию построенного объекта в надлежащем состоянии за счет выполнения работ по текущему содержанию и ремонту объекта.

Заключительной стадией инвестиционно-строительного проекта является *ликвидационная*. Ликвидация объекта подразумевает демонтаж конструкций, сооружений, очистку и восстановление территории или земельного участка, на котором размещался объект. Качественно новое развитие объекта подразумевает вместо ликвидации продолжение его эксплуатации и, следовательно, проведение работ по реконструкции, что является началом нового инвестиционного проекта и соответственно жизненного цикла.

Одной из ключевых характеристик проекта строительства на всем протяжении жизненного цикла является его стоимость, которая может менять свою величину в зависимости от стадии инвестиционно-строительного проекта. Это вызвано тем, что на каждой стадии проекта имеется различное количество исходной информации об объекте строительства, а также применяются разные методы определения стоимости строительства. В настоящее время вопросы оценки стоимости строительства и ее изменения на разных стадиях инвестиционно-строительного проекта, а также влияния этих изменений на показатели эффективности инвестиций в строительство являются малоисследованными и весьма актуальными.

Для оценки экономической эффективности инвестиционно-строительного проекта или участия в нем используются показатели эффективности. Эффективность инвестиционного проекта отражает соответствие проекта целям и интересам его участников. Расчетный период для оценки экономической эффективности охватывает весь жизненный цикл инвестиционно-строительного проекта, от стадии инвестиционного замысла до ликвидационной².

Для целей оценки экономической эффективности инвестиционно-строительных проектов рассчитываются такие показатели, как: чистая приведенная стоимость проекта (NPV), внутренняя норма доходности (IRR) и дисконтированный период окупаемости (DPP) и др. Для расчета указанных показателей необходимо определить стоимость строительства, точность определения которой зависит от стадии инвестиционно-строительного проекта и метода ее определения.

Для определения точности оценки стоимости строительства Международная ассоциация развития стоимостного инжиниринга (МАРСИ) рекомендует применять «Систему классификации стоимостных оценок в целях подготовки проектов, организации контрактной стратегии и строительства в обрабатывающих отраслях промышленности» от 02.02.2005 № 18R-97 (далее – Система)³. В системе определена точность расчетов на основе обобщенного опыта крупных компаний, инвестиционно-строительные проекты которых обычно проходят через несколько стадий уточнения стоимости (рис. 1).

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию».

² Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов, утвержденные Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Государственным комитетом РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике 21.06.1999 № ВК477.

³ Система классификации стоимостных оценок в целях подготовки проектов, организации контрактной стратегии и строительства в обрабатывающих отраслях промышленности от 02.02.2005 № 18R-97, разработанная Международной ассоциацией развития стоимостного инжиниринга (МАРСИ).

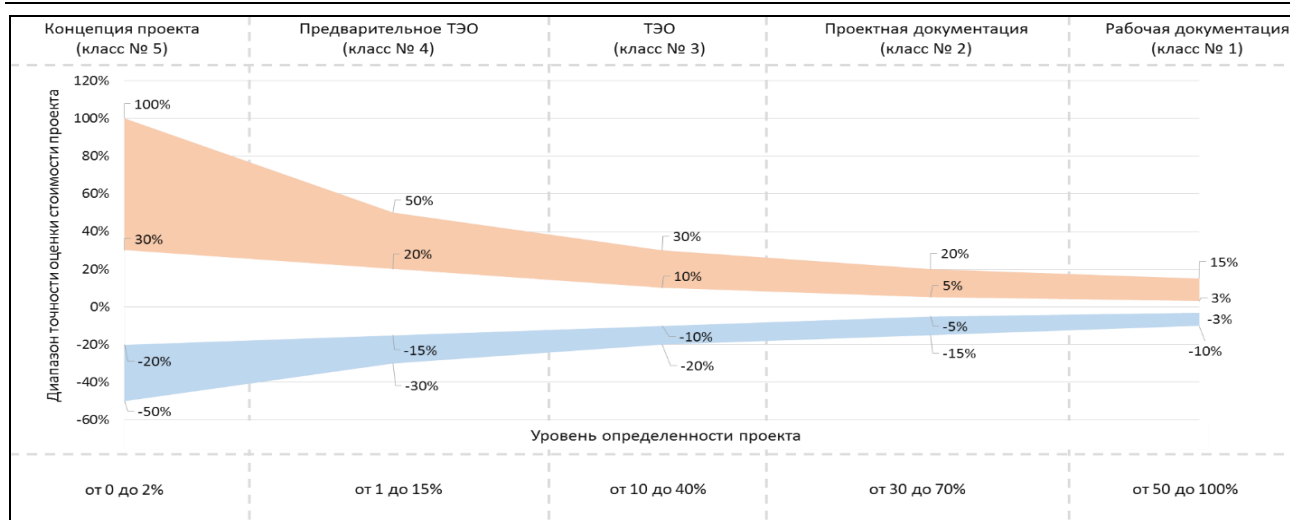

Рис. 1. Классы точности стоимостной оценки строительства
(составлена автором на основании Системы)

Классификация стоимостных оценок опирается на степень определенности мощностных и качественных показателей планируемых к строительству объектов (исходных данных), известных на разных стадиях проекта. На ранних стадиях проекта (стадии инвестиционного замысла и предпроектная), когда проработанность проекта еще недостаточно велика, возможны отклонения по стоимости строительства от фактической более чем на 20-30%. Это объясняется тем, что на ранних стадиях проекта при расчетах стоимости используется ограниченная информации о планируемом к строительству объекте. Например, при планировании строительства железнодорожного моста с материковой части России на остров Сахалин на стадии инвестиционного замысла проекта было известно лишь наиболее узкое место в проливе Невельского, протяженность которого составляет около 6 км, это значит, что предположительно мост может быть такой же длины. Разумеется, такой исходной информации недостаточно для корректного определения стоимости строительства, ведь она не учитывает климатических условий строительства, способов доставки грузов (строительных материалов, оборудования техники и др.), протяженность подходов, высоту моста, позволяющей проходить судам, рельефа и состава дна, что может привести к значительному увеличению стоимости в связи с длиной и количеством свай. И это далеко не все факторы, которые могут оказать существенное влияние на стоимость строительства.

Пятый класс точности стоимостной оценки, предусмотренный Системой, соответствует стадии инвестиционного замысла и используется при перспективном планировании строительства объекта и при его первоначальной оценке. Оценки пятого класса основываются на ограниченной исходной информации об объекте строительства и ориентировочных расчетах стоимости строительства, основанных на статистических данных.

Четвертый класс точности стоимостной оценки соответствует предпроектной стадии, на которой формируются такие обосновывающие материалы к инвестиционно-строительным проектам, как предварительное технико-экономическое обоснование (предТЭО), обоснование инвестиций в строительство, генеральная схема развития сети железных дорог (в случае строительства на железнодорожном транспорте) и другие документы, которые определяют ориентировочные параметры планируемых к строительству объектов, входящих в состав инвестиционного проекта, включая их стоимость, разрабатываемые до начала формирования проектной документации¹. На предпроектной стадии для оценки стоимости строительства применяются метод, основанный на применении укрупненных сметных нормативов и стоимостных показателей объектов, аналогичных по назначению, проектной мощности, природным и иным условиям территории, на которой планируется осуществлять строительство.

Стоимостные оценки третьего класса применяются при разработке бюджета строительного проекта и технико-экономических проекта, которые, однако, могут изменяться на последующих стадиях проекта. Степень инженерной проработанности проекта на данном уровне может достигать 40%. Третий класс оценки в отечественной практике соответствует по уровню проработанности

¹ Порядок разработки, согласования и утверждения проектной и рабочей документации в ОАО «РЖД», утвержденный распоряжением ОАО «РЖД» от 29.06.2019. № 1610/р.

технико-экономическому обоснованию, то есть более позднему этапу предпроектной стадии, предшествующему началу разработки проектной документации, включающему в себя: предварительные технологические, объемно-планировочные, конструктивные решения, расчеты стоимости на основании более детализированных укрупненных нормативов (например, укрупненные нормативы цены конструктивных решений), оценки экономической эффективности и др.

Оценки второго класса точности стадии разработки проектной документации на строительство, которая представляет собой комплекс документов, обосновывающих целесообразность и реализуемость проекта строительства, содержащих материалы в текстовой и графической форме, проектно-сметную документацию и определяющих архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства. Стоимость строительства на данной стадии рассчитывается на основании единичных расценок при базисно-индексном методе определения стоимости строительства, или на основании элементных сметных норм и текущей стоимости строительных ресурсов при ресурсном методе. Уровень инженерной проработанности проекта на данном уровне может достигать 70-80%, в зависимости от технологической сложности проекта, качества результатов технико-экономических изысканий, степени учета непредвиденных расходов и рисков. По завершению данной стадии производится экспертиза проектной документации и результатов инженерных изысканий, после которых могут уточняться проектные решения и, соответственно, стоимость строительства.

И наконец, оценки первого 1-го класса – наиболее детальные – используется при разработке рабочей документации, на основании которой будет осуществляться строительство и закупка строительных материалов, технического и технологического оборудования. Разработка проекта строительства на данном этапе завершается, однако по прежнему сохраняется некоторая неопределенность, так как фактическая стоимость строительства может отличаться от заложенной в рабочей документации, в связи с непредвиденными расходами и изменениями цен на строительные ресурсы и оборудования на протяжении строительного процесса [3].

В строительной отрасли Российской Федерации также существует подобная система классификации стоимостных оценок строительства (рис. 2).

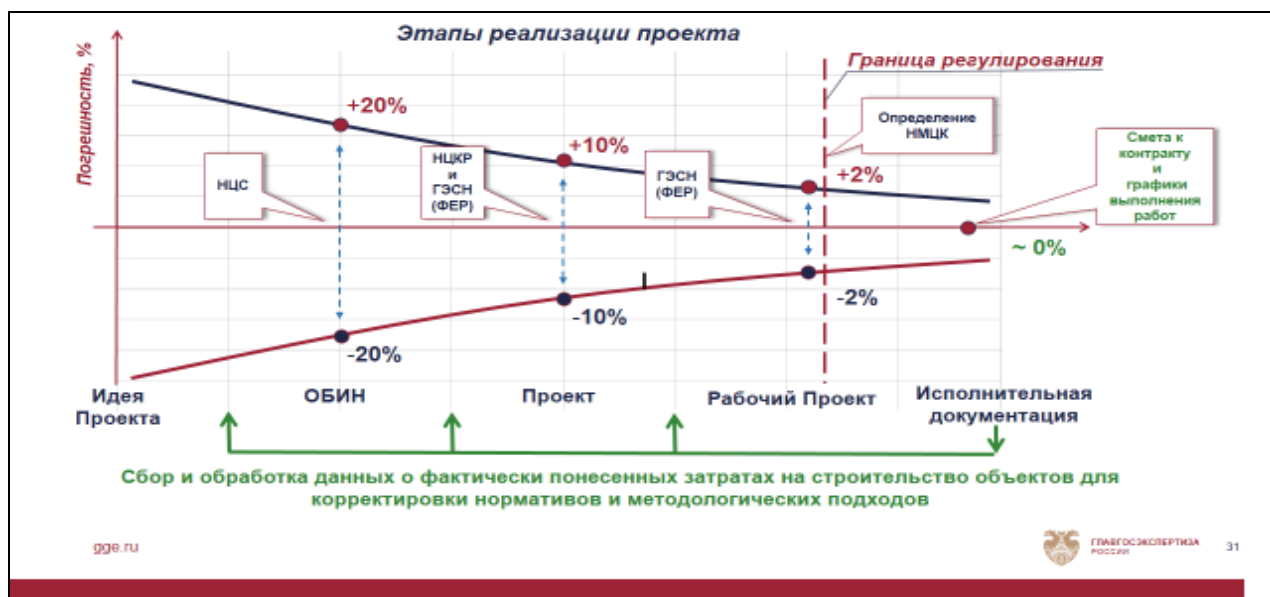

Рис. 2. Рекомендуемая точность оценки стоимости строительства на этапах проектирования¹

В соответствии с перспективной схемой определения сметной стоимости строительства, разработанной ФАУ «Главгосэкспертиза России», ожидаемая точность оценки стоимости строительства также дифференцирована в зависимости от этапа проектирования, детализации и проработки проекта:

1. На этапе «Идея проекта» определение стоимости строительства осуществляется на основании экспертных оценок и стоимостных показателей объектов-аналогов, погрешность составляет более 20 %.

¹ Сайт ФАУ «Главгосэкспертиза России» [Электронный ресурс]: <https://gge.ru>. Дата обр. 19.01.2021

2. На этапе «Обоснование инвестиций» (ОБИН) оценка осуществляется на основании укрупненных нормативов цены строительства (НЦС) с точностью +/-20%;
3. На этапе «Проект» оценка осуществляется на основании укрупненных нормативов цены конструктивных решений (НЦКР) с точностью +/-10%;
4. На этапе «Рабочий Проект» оценка стоимости строительства осуществляется на основании государственных элементных сметных норм (ГЭСН) и федеральных единичных расценок (ФЕР) – точность +/- 2%;
5. На этапе «Исполнительная документация» стоимость строительства уточняется, точность оценки менее 2 %. В результате сбора и обработки данных о фактически понесенных затратах в ходе выполнения строительных работ вносятся корректировки нормативов и методологических подходов.

Вышесказанное подтверждает высокую степень неопределенности инвестиционно-строительных проектов, в особенности стоимости строительства, определяемой при проектировании и проходящей через множество этапов уточнения и изменения стоимостных показателей в зависимости от стадии проектирования и методов определения стоимости строительства. При этом, стоимость строительства является ключевым фактором, оказывающим влияние на качество и достоверность оценки экономической эффективности инвестиционно-строительных проектов.

Литература

1. Аверин А.Н., Понеделков А.В., Попова Е.А., Лопатин Н.Н. Инвестиционная деятельность и муниципально-частное партнерство в социальной сфере муниципальных образований // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 79–83.
2. Игнатова Т.В., Марадудина В.Ф. Критерии и инструменты оценки общественной эффективности проектов государственно-частного партнерства // Известия высших учебных заведений. Социология, экономика, политика. 2016. № 4. С. 7–12.
3. Павлов А.С. Экономика строительства. В 2 ч. Ч. 1: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 314 с.

Petrovskiy Alexander Ilyich, postgraduate student, Russian University of transport (MIIT) (9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: elbrus007oor@yandex.ru

Kapustina Nadezhda Valerievna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian University of Transport (MIIT) (9, Obraztsova str., Moscow, 127994, Russian Federation). E-mail: kuzminova_n@mail.ru

RELATIONSHIP BETWEEN CONSTRUCTION COST ESTIMATION ACCURACY AND COST EFFECTIVENESS OF INVESTMENT AND CONSTRUCTION PROJECTS

Abstract

One of the key characteristics of a construction project throughout its life cycle is its cost, which can change depending on the stage of the investment and construction project. This is due to the fact that at each stage of the project there is a different amount of initial information about the construction object, and different methods are used to determine the cost of construction.

Keywords: investment and construction projects, construction cost assessment, economic efficiency of infrastructure projects, investment plan, feasibility study, investments, construction cost, calculation of indicators, market economy.

References

1. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Popova E.A., Lopatin N.N. Investicionnaya deyatel'nost' i municipal'no-chastnoe partnerstvo v social'noj sfere municipal'nyh obrazovanij // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 9 (88). P. 79–83.
2. Ignatova T.V., Maradudina V.F. Kriterii i instrumenty ocenki obshchestvennoj effektivnosti proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya, ekonomika, politika. 2016. № 4. P. 7–12.
3. Pavlov A.S. Ekonomika stroitel'stva. V 2 ch. CH. 1: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2016. 314 p.

РАЗВИТИЕ ДОЛГОВЫХ ПРОБЛЕМ В СТРАНАХ МИРА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

- Подольская
Татьяна
Валентиновна** кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: podolskayat@uriu.ranepa.ru
- Шкель
Федор
Евгеньевич** кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: shkel-fe@ranepa.ru
- Васюта
Евгения
Александровна** аспирант кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: eug.vasuta2012@yandex.ru

Аннотация

Динамично увеличивающаяся долговая нагрузка большого количества стран мира ставит перед правительствами этих государств проблему эффективного управления внешними заимствованиями. Традиционно в условиях кризисных ситуаций долговые проблемы обостряются в значительной степени. В статье представлен анализ мер обеспечения устойчивости долговой ситуации в государстве. Особое внимание в статье уделено рискам, сформировавшимся в долговой сфере под влиянием негативных процессов, наблюдающихся в экономиках стран мира в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: *внешний долг, пандемия COVID-19, дефолт, управление государственным долгом, Международный валютный фонд, официальные и частные кредиторы, реальный сектор экономики, налогово-бюджетная политика, заемные средства.*

Ограничительные меры, которые правительства государств были вынуждены ввести для сдерживания распространения вируса COVID-19, очень негативно сказались на динамике экономического развития всех стран мира. Резкий спад производства в условиях пандемии потребовал от правительств стран принимать оперативные меры по оказанию различных видов поддержки своим экономикам. Государства пошли на оказание беспрецедентных объемов экстренной поддержки реального сектора. Так, меры налогово-бюджетной политики составили почти 12 трлн долларов США, а объем мер денежно-кредитной политики – 7,5 трлн долларов США¹. В условиях снижения темпов экономического роста мировой экономики в 2020 году, которые по оценке ООН составили -4,3%², и резком снижении объемов доходов бюджетов, государства были вынуждены пойти на осуществление внешних заимствований.

По оценке экспертов Международного валютного фонда (МВФ), в 2020 году мировой государственный долг достигнет рекордно высокого уровня, примерно **100 процентов ВВП** [5]. И это при том, что, как видно из данных таблицы 1, только Китай по итогам 2020 года сохранил положительные темпы экономического роста, то есть имеет экономическую основу для возврата заемных средств. На этом фоне за первое полугодие 2020 года правительства стран с формирующимся рынком выпустили долговые обязательства в твердой валюте на сумму 124 млрд долларов, причем две трети заимствований пришлось на второй квартал [3].

¹ A Year like no other (2020). IMF Annual Report 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа - URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/imf-annual-report-2020-eng.pdf> (Дата обращения - 26.02.2021).

² World Economic Situation and Prospects (2021). UN. New York.

**Рост мирового производства и ВВП отдельных стран мира
(изменение в процентах по сравнению с предыдущим годом), 2020-2022¹**

				Разница в процентах по сравнению с прогнозами WESP 2020 года	
	2020е	2021f	2022f	2020	2021
Мир	-4,3	4,7	3,4	-6,8	2
Развитые страны	-5,6	4,0	2,5	-7,1	2,3
США	-3,9	3,4	2,7	-5,6	1,6
Евро зона	-7,4	4,8	2,7	-9,0	3,1
Япония	-5,4	3,0	1,8	-6,3	1,7
Страны с переходной экономикой	-3,4	3,4	3,0	-5,7	0,9
Россия	-4,0	3,0	2,4	-5,8	1,0
Китай	2,4	7,2	5,8	-3,6	1,3
Развивающиеся страны	-2,5	5,7	4,6	-6,5	1,4
Бразилия	-5,3	3,2	2,2	-7,0	0,9
Индия	-9,6	7,3	5,9	-12,3	0,7
Наименее развитые страны	-1,3	4,9	4,6	-6,4	-0,5

Примечание: е = оценка; f = прогноз.

Но масштабные заимствования создают риск еще более масштабных проблем, в первую очередь в экономиках беднейших стран мира. Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц прогнозирует целую волну долговых кризисов: «Условия низких процентных ставок, стремление финансовых рынков развитых стран навязывать кредиты и расточительные заимствования странам с формирующимся рынком и развивающимся странам привели к тому, что в ряде стран объем накопленного долга превысил возможности по его обслуживанию с учетом масштабов вызванного пандемией экономического спада [10]». Это влечет за собой увеличение количества государств, которые потенциально могут оказаться в тяжелой долговой ситуации и значительно актуализирует проблему повышения эффективности управления внешней задолженностью стран мира.

Управление государственным долгом и грамотное его регулирование – область деятельности уполномоченных органов, чья задача заключается в проведении грамотной политики заемного финансирования: исключение ситуаций неисполнения по заимствованиям, своевременный и полный учет взятых обязательств, возможную реструктуризацию долговых сумм [2, с. 60].

Государства по очень разным причинам довольно часто прибегают к неинфляционным методам воздействия на бюджетный дефицит. Главным инструментом этого воздействия является привлечение дополнительных кредитов на внешнем рынке. Это позволяет странам сглаживать разрывы бюджета и не прибегать к внутренним заимствованиям, которые помимо снижения инвестиционной привлекательности могут привести в краткосрочной перспективе к снижению темпов экономического роста.

Дефицит ресурсов для создания предпосылок необходимого уровня экономического роста также служит причиной, при которой страны вынуждены прибегать к инструментам внешних заимствований. Это также объясняется наличием бюджетного дефицита и несет вместе с собой негативные последствия в виде дополнительных выплат по кредитам и процентам по ним.

В соответствии с руководством МВФ о статистике внешнего долга под категорией «внешний долг» в **широком определении** понимают «непогашенную сумму фактических (а не условных) текущих обязательств резидентов перед нерезидентами экономики, которая требует выплаты (выплат) процентов и/или основного долга в определенный момент (моменты) в будущем [4]». Широко используемое **узкое определение** государственного долга распространяется только на бюджетное центральное правительство.

Рассматривая управление государственными заимствованиями более подробно, можно выделить комплекс мер, возникающих в процессе выработки и реализации заемной политики. Этот комплекс включает следующие основные направления деятельности:

- бюджетное планирование объема государственного долга и расходов на его обслуживание;
- осуществление заимствований и проведение операций с долговыми обязательствами, направленных на оптимизацию структуры госдолга (снижение рисков по долгу) и сокращение расходов на его обслуживание;

¹ World Economic Situation and Prospects (2021). UN. New York.

- организация учета долговых обязательств и операций с долгом, исполнение долговых обязательств в соответствии с платежным графиком;
- поддержание постоянного диалога с инвестиционным сообществом.

Для определения форм и сроков предстоящих заимствований, используется метод планирования. Его суть заключается в оценке влияния привлеченных заимствований на структуру накопленного долга в целом. Также, берут во внимание влияние заимствований на своевременное исполнение взятых обязательств по платежам. Для этого чаще всего используются:

- плановые показатели объемов доходов, расходов и дефицита бюджета;
- объем, структура, стоимость обслуживания и график погашения долга;
- текущая и прогнозируемая конъюнктура финансового (долгового) рынка, определяющая стоимость привлечения заемных средств и другие.

Долговая политика многих стран мира на современном этапе развития экономики основывается на способности противостояния долговым рискам. Эта политика является следствием увеличения рисков по несвоевременному погашению уже принятых на себя долговых обязательств на фоне растущей финансовой нестабильности [1, с. 311].

Причиной возникновения подобной ситуации принято считать несбалансированность расходов и доходов, что и приводит к образованию бюджетного дефицита. Можно выделить ряд факторов (политические, экономические, социальные) результатом действия которых и будет являться образование финансового дефицита. И государства попадают в долговую ловушку или долговую спираль, когда для обслуживания и погашения ранее взятых зарубежных кредитов приходится дополнительно привлекать заемное внешнее финансирование, что только усугубляет сложную долговую ситуацию.

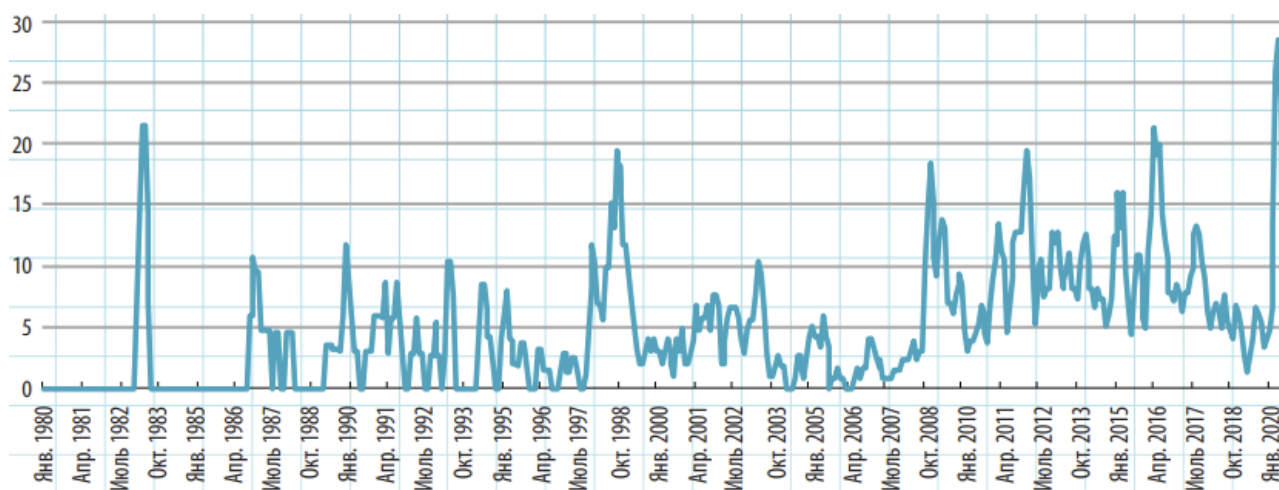
Для недопущения попадания страны в долговую ловушку необходима оценка устойчивости долговой ситуации государства. В соответствии с методикой МВФ уровень государственного долга государства считается устойчивым, если правительство в состоянии выполнить все свои текущие и будущие платежные обязательства, не прибегая к чрезвычайной финансовой помощи или не объявляя дефолт [6, с. 60].

Для обеспечения корректной оценки устойчивости долговой ситуации в государстве необходимо учитывать все виды задолженностей, представляющие риск для государственных финансов. Использование категории государственного долга только в его узком значении может привести к его внезапным увеличениям. В случае, если убыточное государственное предприятие не сможет обслуживать свой долг, то его бремя перейдет на центральное правительство, так как такой долг гарантирован государством. А это в свою очередь приведет к непрогнозируемому ослаблению устойчивости долговой ситуации страны.

В развитых странах и государствах с формирующимся рынком анализ устойчивости долговой ситуации преимущественно сконцентрирован на центральном правительстве. А вот в странах с низкими доходами используется практика полного анализа как государственного, так и гарантированного государством долга. Не менее важным является анализ внешнего долга по признаку субъектности держателей государственного долга. Международные финансово-кредитные организации для целей оценки устойчивости долговой ситуации учитывают масштабы как внутреннего, так и внешнего государственного долга. А вот агентства, занимающиеся оценкой суверенного кредитного рейтинга, в первую очередь рассматривают риск развития долгового кризиса, и анализируют обычно внешний долг государственного сектора.

В условиях пандемии COVID-19 наблюдается волна понижения рейтингов суверенного долга, которая по своим масштабам существенно превышает пиковые значения, наблюдавшиеся в предыдущие кризисы (см. рис. 1). Эта тенденция продолжает сохраняться несмотря на предоставление более льготных условий кредитования центральными банками развитых стран – лидеров мировой экономики. Одновременно операции центральных банков по покупке корпоративных облигаций, осуществляемые для предоставления финансовой поддержки национальным компаниям в развивающихся и переходных экономиках, также негативно отразились на кредитных рейтингах этих государств.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что часто государства могут продолжать получать займы даже при наличии высокого риска дефолта своих экономик. Исследование 89 случаев дефолта с 1827 по 2003 годы выявило, что в преддверии дефолта в качестве типичного явления наблюдается существенный рост объема как внешних, так и внутренних заимствований [9]. Это формирует значимую угрозу экономической безопасности государства, пороговое значение по индикатору которой – «отношение внешнего государственного долга к ВВП» – составляет не более 25%.

Источники: S&P, Moody's, Fitch и Trading Economics

Рис. 1. Понижение рейтингов суверенного долга (суммы долевых значений понижения рейтингов суверенного долга за трехмесячный период, 1980-2020 годы)

В последние годы повышенный уровень долга в странах с низкими доходами и формирующимся рынком вызывает опасения относительно способности государств справляться с такими уровнями задолженности. И если победить коронавирусную инфекцию по прогнозу Всемирной организации здравоохранения человечество сможет за два года¹, то долговые кризисы, спровоцированные пандемией, будут иметь затяжной характер. В среднем процедуры дефолта растягиваются более, чем на семь лет, в течении которых реструктуризация долга осуществляется в несколько раундов. Длительность процессов урегулирования суверенной задолженности наглядно представлена на рис. 2.

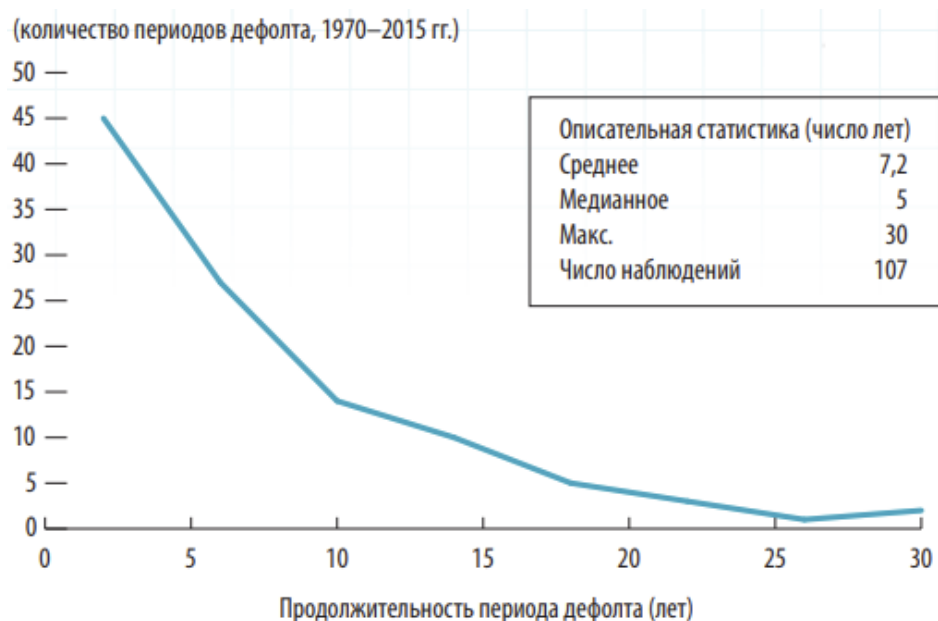

Рис. 2. Длительность процессов урегулирования суверенной задолженности [8]

В сложных условиях пандемии с целью предоставления беднейшим странам финансовой помощи, поддержки и недопущения объявления этими государствами дефолтов, МВФ, Всемирный банк и другие партнеры, включая Группу 20-ти, обратились к кредиторам с призывом приостановить погашение задолженности. Этот мораторий на выплаты по официальному двустороннему долгу, инициатива о приостановлении выплат в счет обслуживания долга, временно освободили

¹ ВОЗ озвучила сроки окончания эпидемии. 22.08.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа - URL: <https://www.vesti.ru/article/2447841> (Дата обращения - 24.02.2021).

беднейшие страны от уплаты многомиллиардных сумм в счет погашения долга. Во многом именно эта мера международных финансово-кредитных организаций позволила беднейшим странам направить финансовые ресурсы на поддержку национальных систем здравоохранения и помощь своим гражданам.

Помимо этого, МВФ дает возможность облегчить бремя задолженности через Тростовый фонд для ограничения и преодоления последствий катастроф (ККРТ). Исполнительный совет МВФ утвердил облегчение бремени задолженности через ККРТ для 29 беднейших и наиболее уязвимых государств-членов по их обязательствам перед МВФ. В результате посредничества МВФ и Всемирного банка многосторонней организации, в том числе Организация Объединенных Наций, обязались продолжить оказание поддержки, а двусторонние партнеры подтвердили свою приверженность введению моратория на выплату задолженности, начиная с 1 мая 2020 г. В октябре 2020 г. мораторий был продлен¹.

Таким образом, если суммировать срок пандемии с объявленным мораторием и усредненный показатель длительности процессов урегулирования суверенной задолженности, то оценочно этот период может занять порядка 10 лет, что приведет к очередному «потерянному десятилетию» в развитии [3, с. 15] и длительным задержкам в урегулировании долга.

При этом нужно учитывать возрастание рисков непогашения задолженности при реструктуризации долга для официальных кредиторов. Несмотря на то, что официальный сектор по международным нормам имеет статус привилегированного кредитора, который обладает приоритетом при погашении долга, частные кредиторы на практике чаще получают значительно большую часть суммы долга при реструктуризации задолженности. На основе анализа соотношения потерь частных и официальных кредиторов в течении последних двухсот лет зарубежные исследователи пришли к выводу, что в большей мере убытки несут правительства [7]. И наблюдаемая ситуация в период пандемии Covid-19 не станет исключением из сложившегося правила.

Подводя итоги можно сказать, что попытки стран сократить последствия пандемии COVID-19 на здоровье граждан и национальные экономики привело к значительному росту уровня государственного долга, что в свою очередь усилит противоречие между выполнением своих задач в области устойчивого развития и сдерживанием факторов уязвимости долговой ситуации.

Литература

1. *Азаркова Л.В., Савосина Ю.Р.* Проблемы эффективности управления государственным долгом / Экономика, бизнес, инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. 2019. С. 311-313.
2. *Люшнина Н.О.* Особенности управления государственным внешним долгом России и крупнейших стран мира // Экономика и менеджмент систем управления. 2013. № 4 (10). С. 59-68.
3. *Bulow J., Reinhart C., Rodoff K., Trebesch C.* The Debt Pandemic // Finance & Development. 2020. September. P. 15.
4. External debt statistics: guide for compilers and users / Inter-Agency Task Force on Finance Statistics. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2014. С. 5.
5. *Georgieva K.* The Long Ascent: Overcoming the Crisis and Building a More Resilient Economy. 06.10.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа - URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/06/sp100620-the-long-ascent-overcoming-the-crisis-and-building-a-more-resilient-economy> (Дата обращения - 26.02.2021).
6. *Hakura D.* What is Debt Sustainability? // Finance & Development. 2020. September.
7. *Horn S., Reinhart C., Trebesch C.* Coping with Disasters: Two Centuries of International Official Lending. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. 2020.
8. *Meyer J., Reinhart M.C., Trebesch C., von Luckner C.* Serial Sovereign Debt Restructurings and Delay: Evidence from the 1930 and 1980s Default Waves. Unpublished, Harvard University, Cambridge, MA. 2020.
9. *Reinhart C.M., Rogoff K.* This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2009.
10. *Stiglitz J.* Conquering the Great Divide // Finance & Development. 2020. September. P. 19.

¹ A Year like no other (2020). IMF Annual Report 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа - URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/imf-annual-report-2020-eng.pdf> (Дата обращения - 26.02.2021).

Podolskaya Tatiana Valentinovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: podolskayat@uriu.ranepa.ru

Shkel Fedor Evgenievich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: shkel-fe@ranepa.ru

Vasyuta Evgenia Aleksandrovna, Master of Department of International Economic Relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: eug.vasuta2012@yandex.ru

DEVELOPMENT OF DEBT PROBLEMS IN THE WORLD IN THE PANDEMIC COVID-19

Abstract

Governments are confronted with the challenge of managing external borrowing effectively in the face of the state debt burden's increase. Traditionally, in situations of crisis, debt problems are aggravated to a large extent. The article presents an analysis of measures to ensure the sustainability of the debt situation in the state. The article focuses on the risks created in the debt sphere under the influence of negative processes observed in the economies during the COVID-19 pandemic.

Keywords: external debt, the COVID-19 pandemic, default, public debt management, International Monetary Fund, official and private creditors, real economy, fiscal policy, borrowing.

References

1. Agarkova L.V., Savosina YU.R. Problemy effektivnosti upravleniya gosudarstvennym dolgom / *Ekonomika, biznes, innovacii. Sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. 2019. P. 311-313.
2. Lyushnina N.O. Osobennosti upravleniya gosudarstvennym vneshnim dolgom Rossii i krupnejshih stran mira // *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya*. 2013. № 4 (10). P. 59-68.
3. Bulow J., Reinhart C., Rodoff K., Trebesch C. The Debt Pandemic // *Finance & Development*. 2020. September. P. 15.
4. External debt statistics: guide for compilers and users / Inter-Agency Task Force on Finance Statistics. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2014. P. 5.
5. Georgieva K. The Long Ascent: Overcoming the Crisis and Building a More Resilient Economy. 06.10.2020 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa - URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/10/06/sp100620-the-long-ascent-overcoming-the-crisis-and-building-a-more-resilient-economy> (Data obrashcheniya - 26.02.2021).
6. Hakura D. What is Debt Sustainability? // *Finance & Development*. 2020. September.
7. Horn S., Reinhart C., Trebesch C. Coping with Disasters: Two Centuries of International Official Lending. National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA. 2020.
8. Meyer J., Reinhart M.S., Trebesch S., von Luckner S. Serial Sovereign Debt Restructurings and Delay: Evidence from the 1930 and 1980s Default Waves. Unpublished, Harvard University, Cambridge, MA. 2020.
9. Reinhart C.M., Rogoff K. This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2009.
10. Stiglitz J. Conquering the Great Divide // *Finance & Development*. 2020. September. P. 19.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РЫНКА ПИТЬЕВОГО ВОДОСНАБЖЕНИЯ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

**Полуянов
Владимир
Петрович**

доктор экономических наук, профессор, Донской казачий государственный институт пищевых технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Семашко, 55). E-mail: PoluyanovVP@rambler.ru

**Полуянов
Евгений
Владимирович**

кандидат экономических наук, эксперт (Россия, г. Ростов-на-Дону).
E-mail: EVPoluyanov@gmail.com

Аннотация

В работе приведена характеристика организации водоснабжения в различных странах. Институциональная структура этого рынка различается между странами по формам собственности, организационно-правовым формам и размерам предприятий. Кроме того, существует целый ряд транснациональных компаний, осуществляющих свою деятельность в сфере водоснабжения и водоотведения. В США превалирует тенденция обобществления, приводящая к сокращению доли частной собственности в отрасли. Мировой тенденцией является централизации компаний внутри национальных экономик. Там, где была провозглашена децентрализация в качестве конечной цели реформ, наблюдается регресс отрасли в своем развитии.

Ключевые слова: система водоснабжения, питьевое водоснабжение, централизованное водоснабжение, индивидуальные источники водоснабжения, малые коммунальные системы, децентрализация управления, формы собственности, организационно-правовые формы, институциональные преобразования.

Постановка проблемы. Бесперебойное обеспечение населения качественной питьевой водой – не только важнейшая обязанность каждого государства, но и неперемное условие обеспечения качества жизни населения. В современных условиях, когда наметившийся дефицит пресной воды становится важным фактором в мировой политике, от государства требуется более пристальное внимание на условия функционирования данного сектора экономики. В этом смысле подходы к организации рынка питьевого водоснабжения в каждой стране достаточно разные. Различия наблюдаются в институциональном плане, организационно-правовых формах организации предприятий, формах собственности поставщиков, организации системы управляющих и контролирующих органов, качестве и стоимости предоставляемых услуг. Различия наблюдаются и в нормативно-правовой базе, проводимой тарифной политике и в других аспектах.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В публикациях отмечается, что во многих странах в целом такое состояние систем централизованного водоснабжения, которое не может удовлетворять современным требованиям. Связано это со многими факторами, в том числе и с необходимостью технического переоснащения существующих систем водоснабжения, и с изменением требованием к качеству питьевой воды в системах централизованного и индивидуального водоснабжения, и с ухудшающейся экологической обстановкой. К этому перечню для Российской Федерации и стран бывшего Советского Союза стоит добавить факторы, связанные с изменением системы управления экономикой в целом и в отрасли, а также с развитием многообразия форм собственности и усиления процессов глобализации, наблюдаемые после разрушения «железного занавеса» [2-3].

Все это требует тщательного изучения мирового опыта и анализа основных факторов, формирующих тенденции современного развития отрасли, с целью выяснения перспектив и направлений осуществления прогрессивных преобразований в отечественном централизованном водоснабжении. Этим объясняется актуальность данной темы.

В Российской Федерации в сфере водоснабжения происходят существенные институциональные изменения. При этом в отрасли развивается разнообразие форм собственности, меняются организационно-правовые формы и размеры предприятий. Весьма важно в данном случае проследить динамику изменения показателей эффективности функционирования не отдельных предприятий, а отрасли в целом. В качестве рабочей гипотезы выдвинута следующая: децентрализация и институциональные преобразования в водоснабжении привели к снижению экономической эффективности функционирования отрасли.

Цель исследования: сравнить институциональные процессы, происходящие на рынке питьевого водоснабжения в различных странах и оценить влияние децентрализации и институциональных преобразований в водоснабжении на полученный результат.

1. Характеристика питьевого водоснабжения в различных странах

В публикациях по данной тематике отмечается, что в настоящее время в различных странах в различной степени население подключено к системам централизованного водоснабжения и водоотведения. Естественно, в городских районах процент охвата населения системами централизованного водоснабжения приближается к 100%, чего не скажешь о сельской местности, где преобладают системы индивидуального водоснабжения.

В Австрии в общей сложности насчитывается около 5500 предприятий коммунального водоснабжения, из которых 49% - городские и канализационные сооружения, 20% - небольшие муниципалитеты, 11% - водные станции и 10% - канализация. Оставшиеся 10% населения Австрии самостоятельно снабжается частными колодцами или источниками [10].

По данным [1], в Армении водоснабжение осуществляется посредством примерно 880 централизованных систем коммунального водоснабжения, в основном находящихся в ведении пяти организованных компаний коммунального обслуживания. Кроме того, в 578 сельских населенных пунктах (из 915) оператором системы водоснабжения выступает сама местная община или муниципалитет.

В бывшей югославской Республике Македония примерно 140 тысяч человек (что составляет около 15% сельского населения или 6,4% всего населения страны) пользуются водой из индивидуальных источников (например, родников, колодцев и т.п.).

В Болгарии питьевой водой обеспечивают 64 поставщика услуг водоснабжения и канализации [10].

В Венгрии примерно 75% из 1650 систем водоснабжения, зарегистрированных в органах управления водными ресурсами, обеспечивают водой менее 5000 жителей каждая. Примерно 0,8% всего населения обслуживаются системами, обеспечивающими водой менее 500 человек, а 15% - системами, обеспечивающими менее 5000 человек. Из общего числа в 317 компаний водоснабжения 192 компании эксплуатируют только одну систему водоснабжения, из них 119 обслуживают менее 5000 человек.

В Германии примерно 20% населения (или около 16 миллионов человек) получают воду от более, чем 3300 маломасштабных коммунальных систем водоснабжения, обслуживающих менее 5000 человек каждая, а примерно 700 тысяч человек берут воду из 185000 частных или деревенских колодцев. В федеральных землях Бавария и Баден-Вюртембург, например, более одной трети населения обслуживается малыми коммунальными системами [1]. В общей сложности в стране насчитывается около 6065 предприятий, занимающихся питьевым водоснабжением. Это в основном небольшие вспомогательные коммунальные предприятия и коммунальные предприятия, управляемые собственниками [10]. В компаниях государственного сектора преобладают специализированные ассоциации, тогда как на вспомогательные муниципальные коммунальные услуги приходится 1 %.

Среди компаний частного сектора в Германии преобладают смешанные государственно-частные компании в форме компании с частным участием. В отличие от питьевого водоснабжения, очистка сточных вод в Германии осуществляется преимущественно коммунальными службами в соответствии с публичным законодательством. Наибольшая доля принадлежит коммунальным предприятиям, а также специализированным водохозяйственным ассоциациям [9].

В Румынии в 2013 году насчитывалось 43 активных региональных оператора - коммерческие компании с государственным капиталом, принадлежащие исключительно органам местного публичного управления, управляемым в соответствии с моделью делегированного государственного управления [10].

Около 25% населения Литвы, составляющего 3,4 миллиона человек, получают воду из индивидуальных колодцев, в основном находящихся в пользовании одной семьи. Из 1918 централизованных систем коммунального питьевого водоснабжения, имеющих в Литве, 6% имеют производительность от 100 до 1000 кубических метров воды в сутки, а 91% - менее 100 кубометров в сутки [1].

Примерно 1000 из 1450 водохозяйственных систем Финляндии относятся к категории маломасштабных систем водоснабжения, действующих в сельских районах, и обслуживают от 50 до 500 жителей. В основном это системы, находящиеся в общинном ведении (обычно кооперативы), но некоторыми малыми системами водоснабжения управляют муниципалитеты. Около 10% населения пользуются частными скважинами или колодцами. Кроме того, частные колодцы являются основным источником питьевой воды для сельских дачных домов.

В Чешской Республике 7,6% населения (или около 780 тысяч человек) получают воду из индивидуальных источников (т.е. домашних колодцев, в хозяйствах с постоянным проживанием). Кроме того, несколько миллионов человек пользуются водой из колодцев в выходные дни или во время отпусков (например, на дачах, в загородных домах для отдыха, в местах организованного

отдыха). Согласно официальным оценкам, в Чешской Республике насчитывается примерно 750 тысяч частных колодцев. В коммунальном водоснабжении из общего числа 4065 зон водоснабжения 93% обслуживали менее 5000 человек, из них 29% обслуживали менее 100 человек, а 51% - от 101 до 1000 чел. [1]. В Республике насчитывается 6700 владельцев и 2800 операторов коммунальной инфраструктуры водоснабжения и канализации. Несмотря на эту фрагментацию, национальные нормативные акты обеспечивают сбор данных и проведение комплексного сравнительного анализа. Эти данные и регулярные отчеты доступны на веб-сайте отраслевого регулятора: www.eagri.cz. За последнее время сектор водоснабжения значительно вырос. Были осуществлены крупные инвестиции. В то же время потребление сократилось на 55%, с 1,25 млн. м³/год до 585 млн. м³/год. Тем не менее, объем потерь воды уменьшился с 17 м³/км/год до всего 3 м³/км/год [10].

В Республике в последние годы число станций очистки сточных вод увеличилось до 3070, охватывая все агломерации с населением более 2000 человек. Кроме того, существуют десятки тысяч небольших станций очистки сточных вод [10].

Более 90% из примерно 2600 систем питьевого водоснабжения в Швейцарии являются маломасштабными системами, которые обслуживают менее 5000 человек. Нынешняя тенденция такова, что с каждым годом растет число объединенных сетей водоснабжения, состоящих из нескольких систем, а число маломасштабных систем водоснабжения, обслуживающих только одну коммуну, снижается.

В Шотландии примерно 144 тыс. чел. (не считая тысяч случайных пользователей, таких как отдыхающие), или 3% всего населения, получают воду из примерно 17500 частных источников.

В Эстонии 16% всего населения получают воду из частных источников (скважин и колодцев), а 59% сельского населения подключены к централизованным коммунальным системам водоснабжения. Из 1235 централизованных систем питьевого водоснабжения, действующих в Эстонии, 107 подают от 100 до 1000 кубических метров воды в сутки и обслуживают примерно 12% всего населения, а 1106 систем подают менее 100 м³ и тоже охватывают около 12% всего населения [1].

По оценкам [4; 5], в США в 2015 году 283 миллиона человек пользовались водой для коммунально-бытовых нужд. Это составляет около 87 процентов от общей численности населения. В отдельных штатах государственная собственность еще больше: в Калифорнии более 37 миллионов человек (96 процентов населения) обслуживается государственными системами водоснабжения, а в Техасе более 26 миллионов человек (95 процентов населения) [5].

В настоящее время в США по данным [7] функционирует около 54 000 общественных систем водоснабжения, подавляющее большинство из которых обслуживают менее 10 000 человек. Эти малые и средние коммунальные предприятия часто сталкиваются с наибольшими трудностями в удовлетворении потребностей инфраструктуры и в удовлетворении стандартов водоснабжения и очистки сточных вод.

Как утверждает в [1], основу водоснабжения в сельских районах таких стран, как Австрия, Азербайджан, Албания, Андорра, Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, бывшая югославская Республика Македония, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Казахстан, Кипр, Кыргызстан, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Молдова, Российская Федерация, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония составляют так называемые маломасштабные системы водоснабжения. Каждая из стран выдвигает свои критерии отнесения систем водоснабжения к маломасштабным.

В табл. 1 приведены отдельные показатели систем водоснабжения и водоотведения в странах Европейского Союза.

Приведенные данные говорят о том, что обеспечение питьевой водой населения и промышленности в разных странах решается исходя из своих собственных представлений о построении системы водоснабжения. Не вызывает сомнений и то, что на данный процесс влияет множество факторов глобального, географического, исторического, экономического, технического, организационного и другого характера. Не обошли отрасль стороной и общемировые тенденции.

Например, в результате процессов монополизации и глобализации на мировом рынке появились и успешно функционируют целый ряд транснациональных корпораций, осуществляющих данные услуги в нескольких странах одновременно. Перечень 10 наиболее крупных в мире компаний приведен в табл. 2.

Таблица 1

**Отдельные показатели систем водоснабжения
и водоотведения в странах Европейского Союза**

№ п/п	Страна	Численность населения	Длина сети питьевой во- ды на душу населения, м.	Длина сети сточных вод на душу населения, м.	Среднее по- требление в жилых поме- щениях, л/чел.	Сред- няя це- на €/m ³
1	Австрия	8543000	9,37	11,28	135	3,67
2	Бельгия	11209000	9,29	2,6	96	4,53
3	Болгария	7128000	...	...	...	...
4	Великобритания	65100000	6,45	6,02	139	3,54
5	Венгрия	10000000	6,74	5,01	95	2,65
6	Германия	81198000	6,94	7,37	122	...
7	Греция	11200000	6,61	4,46	150	1,4
8	Дания	5717014	9,4	15,9	104	9,00
9	Ирландия	4792000	10,6	19,1	130	...
10	Испания	46600000	4,8	3,54	139	1,78
11	Италия	60600000	5,8	4,7	245	1,5
12	Кипр	848300	6,55	5,63	149	2,90
13	Люксембург	590000	7,00	8,0	137	5,5-6
14	Мальта	425000	5,6	3,83	79,36	3,32
15	Нидерланды	16993000	7,01	6,2	126	3,91
16	Норвегия	5190000	8,43	12,2	140	5,7
17	Польша	38486000	7,59	5,4	94,17	2,15
18	Португалия	10325000	11,3	7,2	204	1,82
19	Румыния	19943000	3,5	1,3	136	1,42
20	Сербия	7057000	...	...	...	...
21	Словакия	5427917	5,5	2,4	79	2,4
22	Словения	2065890	15,09	4,33	102,34	2,17
23	Финляндия	5509000	19,4	11	119	5,89
24	Франция	6690000	15	6	143	3,92
25	Хорватия	4203604	7,8	14	150	1,98
26	Чехия	10526284	7,38	4,48	88,5	3,27
27	Швейцария	8420000	7,2	15,4	307	2,1
28	Швеция	10000000	9,2	8,9	140	4,44
29	Эстония	1316000	4,73	4,30	78	3,16

Источник: составлено авторами на основании [10]

Таблица 2

10 крупнейших в мире компаний по водоснабжению

Название (головная компания)	Страна	Абонентов
Suez	Франция	135 000 000
Veolia	Франция	129 000 000
Beijing Enterprises Water	Китай	78 193 095
Shanghai Industrial Holdings	Китай	62 796 935
Beijing Capital	Китай	50 000 000
VA Tech Wabag	Индия	48 430 172
Acciona Agua	Испания	40 555 549
Shenzhen Water	Китай	30 000 000
Sabesp	Бразилия	27 900 000
FCC (Aqualia)	Испания	25 137 500

Источник: составлено авторами на основании: The world's top 50 private water operators. URL: <http://www.spml.co.in/download/media/2019-2020/global-water-intelligence-august-2019-03132.pdf>. (доступ: 22.02.2021)

Из табл. 2 следует, что мировой рынок крупнейших корпораций в области водоснабжения и водоотведения представлен двумя французскими компаниями, четырьмя китайскими, двумя испанскими и по одной индийской и бразильской компаниями.

Таким образом, институциональное разнообразие формирования рынка водоснабжения в различных странах выдвигает задачу сравнительной оценки эффективности его функционирования для того, чтобы выявить факторы ее повышения.

2. Организация питьевого водоснабжения в США

Исторически системы водоснабжения в США изначально принадлежали в основном частным компаниям. Однако ситуация постепенно изменялась и на сегодня, как отмечается в [11], 87% потребителей питьевой воды в США обслуживаются государственными предприятиями. Коммерческие компании в данном секторе в основном небольшие. Исследования показывают тенденцию к увеличению потребителей в государственном секторе и сокращению количества частных поставщиков.

Географически государственное водоснабжение распределено неравномерно. В 25 штатах удельный вес частных компаний составляет менее 10%, тем не менее, в 4 штатах он более 35%. В количественном отношении в государственной собственности находится половина систем водоснабжения, однако это наиболее крупные системы – 90% частных компаний обслуживают менее 3300 абонентов. Кроме того, водоснабжение является основным видом деятельности только для 22,3% частных предприятий [11].

Муниципализация – когда местные органы власти покупают частные системы - является основной причиной сокращения числа частных систем. Местные органы власти часто покупают небольшие частные системы и объединяют их со своими существующими сетями [11].

Тенденция к сокращению доли частной собственности в отрасли объясняется следующими причинами [11]:

- использование подконтрольных государственных систем водоснабжения на своей территории для достижения собственных политических целей;

- более широкие возможности планирования развития территории с учетом защиты природных ресурсов, а также для решения экологических проблем;

- возможности более эффективного использования ресурсов муниципальных поставщиков для решения проблем территорий;

- облегчается решение общих проблем муниципалитета в сфере здравоохранения, защиты населения, транспортных проектов и т.п.

В табл. 3 приведены показатели капитализации крупнейших водоснабжающих компаний США.

Таблица 3

Показатели капитализации крупнейших водоснабжающих предприятий США в 2017 г.

Компания	Рыночная капитализация, млрд. \$	Дивидендная доходность, проц	Прогнозируемый 5-летний среднегодовой рост, проц.	Рост дохода в 2017, проц.	Рост дохода за 10 лет, проц.
California Water Service	2,1	1,68	9,8	36,4	218
Aqua America	6,2	2,33	5	33,8	180
American States Water	2,0	1,86	4	29,8	284
American Water Works	14,4	2,05	7,5	29	417
Companhia de Saneamento Basico do Estado de Sao Paulo, or "Sabesp"	7,2	3,45	10,7	25	71,8
Artesian Resources	0,353 / 0,345	2,45 / 2,51	4	24,1 / 23,9	196 / 79,2
SJW Corp.	1,2	1,49	14	16,2	133
Connecticut Water	0,640	2,24	8	5	195
Middlesex Water	0,611	2,39	2,7	(4,9)	178
York Water	0,411	2,09	4,9	(9,6)	173
S&P 500	--	1,74		21,8	147

Источник: составлено авторами на основании The Best Water Stocks of 2017 -- How the 10 Largest Water Utilities Stacked Up. URL: <https://www.fool.com/investing/2018/01/16/the-best-water-stocks-of-2017-how-the-10-largest-w.aspx/>. (доступ: 22.02.2021)

В [6] дается следующая классификация общественных систем водоснабжения в США:
 муниципальные системы: сельские водные районы; парки передвижных домов;
 нетранзитные некоммерческие водные системы: школы; фабрики; офисные здания;
 переходные некоммерческие водные системы: парки; мотели; рестораны; церкви.

Общественная система водоснабжения – это система, обслуживающая 15 и более домов. Помимо муниципальных систем водоснабжения, эта классификация охватывает также парки мобильных домов и небольшие ассоциации домовладельцев, которые имеют свои собственные системы водоснабжения и обслуживают более 15 домов.

Внетранзитные, некоммунальные водные системы или учреждения, которые имеют свою собственную частную воду. Это системы, обслуживающие в среднем не менее 25 человек, которые не проживают на месте, но одни и те же люди используют воду более 6 месяцев в году. В качестве примера можно назвать школы и фабрики.

Временные общественные системы водоснабжения, не относящиеся к сообществу, представляют собой такие учреждения, как парки и мотели, которые имеют свои собственные системы водоснабжения и обслуживают в среднем не менее 25 человек в день, но эти люди используют воду лишь изредка и в течение коротких периодов времени.

По определению к общественным системам водоснабжения относятся такие, которые обеспечивают физических потребителей водой по трубам или другими средствами транспорта, к которым подключено не менее 15 потребителей услуг или обслуживается в среднем не менее 25 человек и не менее 60 дней в год.

В табл. 4 приведено распределение общественных систем водоснабжения США по размеру в 2015 г.

Таблица 4

**Размер систем водоснабжения
и количество обслуживаемых ими абонентов в 2015 г.**

Количество абонентов на одну систему	Количество систем водоснабжения	Удельный вес, проц.	Обслуживается абонентов, млн чел.	Удельный вес, проц.
< 500	40,529	81,0	23,8	7,0
501-3,300	5,029	10,0	29,5	10,0
3,301-10,000	3,938	8,0	113,4	36,0
> 10,000	0,441	1,0	144,7	47,0
Всего США	49,937	100,0	311,4	100,0

Источник: составлено авторами по [12]

Как следует из приведенных данных, всего 1% систем водоснабжения обслуживает 47% абонентов.

В Соединенных Штатах общественное водоснабжение традиционно находится в собственности и управляется местными органами власти, хотя в последние годы все чаще для обеспечения водоснабжения привлекаются частные компании. Государственные компании обеспечивают 84 % водоснабжения и 98% водоотведения.

Услуги по водоснабжению и водоотведению распределены следующим образом: примерно 53 тыс. водоканалов и 16 тыс. канализационных систем находятся в ведении Агентства по охране окружающей среды США (EPA). Есть несколько крупных частных водоснабжающих компаний, из которых крупнейшей является American Water.

В [7] по результатам анализа факторов, способствующих внедрению частного бизнеса в водоснабжение США, сделан вывод о том, что основная тенденция в последнее время состоит в том, что системы водоснабжения и водоотведения в большинстве своем принадлежат общественному сектору (муниципалитетам или государству), а частные фирмы в основном получают подряды на выполнение определенной части технологически необходимых работ. Единственный фактор, который в определенной степени подталкивает к приватизации в отрасли – огромный объем инвестиций, который в настоящее время требует система водоснабжения США. По некоторым оценкам это 250 млрд. долл. США в ближайшие 30 лет [7].

Статистический обзор, результаты которого приведены в [7], указывает на то, что в США подавляющее большинство систем водоснабжения очень малы: более 87 процентов обслуживают менее 3300 человек на систему.

Изучение структуры собственности позволило обнаружить, что чем меньше размер систем, тем больше доля тех, которые находятся в частной собственности.

В работе [7] указываются общие характеристики небольших систем водоснабжения:

небольшие системы, как правило, проектируются с чрезмерной или максимальной дневной производительностью, в два-четыре раза превышающей суточную производительность (по сравнению с 1,5 раза для более крупных систем);

медианное ежедневное потребление в домашних хозяйствах составляет 660 фунтов в день, медианное потребление на душу населения 230 фунтов в день.

3. Формы собственности предприятий водоснабжения в различных странах

По данным сайта [<https://www.amwater.com/corp/Customers-and-Communities/Water-Learning-Center/the-water-industry>] государственные системы составляют подавляющее большинство коммунальных систем водоснабжения и водоотведения США, составляя примерно 84 процента всех коммунальных систем водоснабжения и примерно 98 процентов всех коммунальных систем сточных вод.

По оценкам [https://www.usgs.gov/mission-areas/water-resources/science/public-supply-water-use?qt-science_center_objects=0#qt-science_center_objects] (доступ: 22.02.2021), в 2015 году 283 миллиона человек использовали воду из государственных источников для домашнего использования. Это составляет около 87 процентов от общей численности населения США.

Статистика распределения предприятий водоснабжения по формам собственности в Германии говорит о снижении удельного веса предприятий государственной формы собственности за счет увеличения удельного веса частных предприятий. По объему предоставляемых коммунальных услуг удельный вес компаний государственного сектора составил 65 процентов, а удельный вес компаний частного сектора - 35 процентов. Что касается производства воды, то на долю компаний государственного сектора приходится 40 процентов, тогда как доля компаний частного сектора составляет 60 процентов [9].

В [8] приводится также краткая характеристика поставщиков услуг водоснабжения по некоторым странам Латинской Америки. По данным [8] в Аргентине национальная компания National Sanitation Works (OSN) была децентрализована до уровня провинции в 1980 году; в Мексике передача услуг муниципалитетам началась в начале 1980-х годов; в Перу филиалы и оперативные подразделения Национальной службы питьевой воды и канализации (SENAPA) были переданы провинциальным и районным муниципалитетам в 1990 году; а в Венесуэле в 1989 году Национальный институт санитарии (ИНОС) был распущен, и услуги были временно децентрализованы для региональных водоканалов, ответственных за процесс передачи услуг муниципалитетам. В результате местные органы власти (в основном на муниципальном уровне) несут ответственность за предоставление услуг в подавляющем большинстве стран или участвуют в них, выступая либо в качестве прямых поставщиков, либо в качестве органа, отвечающего за обеспечение поставок или за мониторинг и надзор за услугами.

В Аргентине преимущественно водоснабжением занимаются компании, напрямую подчиненные местным муниципалитетам.

В Колумбии также в количественном отношении преобладают местные муниципальные компании. Это в основном мелкие предприятия, однако исключение составляют компании, предоставляющие услуги в крупнейших муниципалитетах, таких как Барранкилья, Богота, Кали, Картахена и Медельин.

В Гондурасе также преобладают мелкие муниципальные компании, которые испытывают недостаток технических ресурсов, характеризуются низкой прибыльностью и высокой политизированностью.

В Мексике операторы обычно имеют низкую прибыльность и не в состоянии покрыть свои долги или финансировать новые инвестиции.

Как отмечается в [8], можно привести отдельные примеры эффективного функционирования муниципальных предприятий, однако они обычно ограничиваются крупными муниципалитетами с высоким уровнем доходов. Однако в целом приватизация пагубно влияет на водоснабжение по следующим причинам:

потеря экономии на масштабах производства, которая обычно наблюдается как минимум с 500 тыс. абонентов;

при сильной раздробленности затрудняется контроль регулирующим органом;

снижаются возможности перекрестного субсидирования;

снижение интереса частного бизнеса;

в системах муниципального водоснабжения преобладают политические интересы;

недостаток внимания сельской местности;
снижение уровня защиты источников воды и отсутствие стимулов для контроля загрязнения воды;

недостаток времени для тщательного планирования процесса.

Из 64 поставщиков услуг водоснабжения и канализации в Болгарии [10] 15 операторов на 100% принадлежат государству; 24 оператора на 100% принадлежат муниципалитетам; 15 операторов: 51% в государственной и 49% муниципальной собственности; 8 операторов: 100% частные; 1 оператор: 52% муниципальной собственности, 48% в частной собственности и 1 государственно-частное партнерство «Софийская вода» – 77,1%.

В Румынии региональные операторы и две частные управляемые компании занимают 85% рынка услуг водоснабжения и канализации. Процесс поглощения мелких операторов продолжается со скоростью 1,5% в год [10].

Приведенный обзор в целом подтверждает выводы, ранее сделанные в публикациях авторов [2;3] по данной тематике:

1. Национальные системы водоснабжения в настоящее время, естественно, находятся в разном техническом состоянии и функционируют с разной экономической эффективностью. Но всех их объединяет понимание национальных Правительств в необходимости существенного улучшения инновационного направления развития.

2. Наблюдается тенденция к централизации компаний внутри национальных экономик. Там, где была провозглашена децентрализация в качестве конечной цели реформ, наблюдается регресс отрасли в своем развитии.

3. Доминирующим направлением расширения источников финансового обеспечения инновационных преобразований в отрасли провозглашено государственно-частное партнерство. При этом следует отметить то, что его крайние формы (полная приватизация как и полный отказ от проникновения частной собственности в сферу водоснабжения и водоотведения) нигде в мире еще не доказали своей безусловной эффективности.

4. Процесс глобализации характеризуется усилением влияния в отрасли транснациональных компаний, которые уже сегодня занимают существенную часть рынка услуг водоснабжения и водоотведения. Очевиден рост противоречий между национальными и транснациональными компаниями за контроль над национальными рынками.

Выводы

1. Мировая практика организации водоснабжения свидетельствует о том, что: каждая страна организует обеспечение населения и предприятий питьевой водой, исходя из множества факторов глобального и местного характера, в результате чего в различных странах используются различные подходы и получены разные результаты;

степень обеспечения централизованным водоснабжением в сельской местности в основном хуже, чем в городской;

страны существенно различаются как по формам собственности предприятий, так и по их организационно-правовым формам и размерам;

существенное различие по странам наблюдается и в объемах потребления воды на душу населения, а также в ее стоимости;

на мировом рынке водоснабжения существует целый ряд транснациональных компаний, осуществляющих свою деятельность в сфере водоснабжения и водоотведения.

2. В США на сегодня тенденция обобществления в данной отрасли привела к тому, что небольшое количество государственных компаний обслуживают до 90% населения страны;

процесс обобществления в США осуществляется в данной отрасли в основном в виде муниципализации – когда местные органы власти покупают частные системы и объединяют их со своими существующими сетями;

тенденция к сокращению доли частной собственности в отрасли объясняется следующими причинами:

использование подконтрольных государственных систем водоснабжения на своей территории для достижения собственных политических целей;

более широкие возможности планирования развития территории с учетом защиты природных ресурсов, а также для решения экологических проблем;

возможности более эффективного использования ресурсов муниципальных поставщиков для решения проблем территорий;

облегчается решение общих проблем муниципалитета в сфере здравоохранения, защиты населения, транспортных проектов и т.п.

изучение структуры собственности позволило обнаружить, что чем меньше размер систем, тем больше доля тех, которые находятся в частной собственности;

3. Наблюдается тенденция к централизации компаний внутри национальных экономик. Там, где была провозглашена децентрализация в качестве конечной цели реформ, наблюдается регресс отрасли в своем развитии.

Литература

1. Маломасштабные системы водоснабжения в Европе. Европейская экономическая комиссия организации объединенных наций. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. 2011. 58 с.
2. Полуянов В.П., Полуянова Е.И. Институциональная структура рынка водоснабжения российской федерации // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, предприятие. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 99–101.
3. Полуянов В.П., Полуянова Е.И. Специфика институциональных преобразований в коммунальной инфраструктуре Российской Федерации за 2005-2013 гг. // Научные меридианы-2016 / Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2016. С. 159–163.
4. Dieter A. Estimated Use of Water in the United States in 2015 / Dieter A. Chery, A. Molly Maupin, R. Rodney Caldwell, Melissa A. Harris, Tamara I. Ivahnenko, John K. Lovelace, Nancy L. Barber, and Kristin S. Linsey // U.S. Geological Survey. - Reston, Virginia. - 2018. 6 pp.
5. Dieter, C.A., and Maupin, M.A. (2017) Public supply and domestic water use in the United States, 2015 / C.A. Dieter., M.A. Maupin // U.S. Geological Survey Open-File Report. - 2017. P. 6.
6. Hickey Harry E. Water Supply Systems and Evaluation Methods. Volume II: Water Supply Evaluation Methods/ Harry E. Hickey // FEMA. - 2013. 182 pp.
7. Jacobs Jeffrey. Key Issues and Experience in US Water Services Privatization / Jeffrey Jacobs, Charles Howe // Water Resources Development. 2005. 89-98 pp.
8. Jouravlev Andrei. (2004) Drinking water supply and sanitation services on the threshold of the XXI century / Andrei Jouravlev. - Santiago, Chile. 2004. 64 pp.
9. Profile of the German Water Sector 2015. Bonn: Gas und Wasser mbH. 2015. 84 pp.
10. The governance of water services in Europe. - Luxembourg; Brussels, Belgium: EurEau. The European Federation of National Associations of Water Services. - 2019. - 64 pp.
11. The state of public water in the United. - Washington: StatesFood & Water Watch National Office. - 2018. - 20 pp.
12. U.S. Water Supply and Distribution Factsheet (2020). Center for Sustainable Systems, University of Michigan. Pub. No. CSS05-17.

Poluyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economics, Professor, Don Cossack State Institute of Food Technologies and Business (branch) of the Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University) (55, per. Semashko, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: PoluyanovVP@rambler.ru

Poluyanov Evgeny Vladimirovich, Ph.D. in Economics, expert (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: EVPoluyanov@gmail.com

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF THE DRINKING WATER SUPPLY MARKET IN THE WORLD PRACTICE

Abstract

The paper presents the characteristics of the organization of water supply in various countries. The institutional structure of this market differs between countries in terms of ownership, organizational and legal forms and sizes of enterprises. In addition, there are a number of multinational companies operating in the water supply and sanitation sector. In the United States, the prevailing trend is socialization, leading to a reduction in the share of private property in the industry. The global trend is the centralization of companies within national economies. Where decentralization was proclaimed as the ultimate goal of reforms, the industry regressed in its development.

Keywords: *water supply system, drinking water supply, centralized water supply, individual water supply sources, small communal systems, decentralization of management, forms of ownership, organizational and legal forms, institutional transformations.*

References

1. Malomasshtabnye sistemy vodosnabzheniya v Obshcheevropejskom regione. Evropejskaya ekonomicheskaya komissiya organizacii ob"edinennyh nacij. Vsemirnaya organizaciya zdavoohraneniya. Evropejskoe regional'noe byuro. 2011. 58 p.
2. Poluyanov V.P., Poluyanova E.I. Institucional'naya struktura rynka vodosnabzheniya rossijskoj federacii // Upravlenie i ekonomicheskaya bezopasnost': strana, region, predpriyatie. Cbornik nauchnyh statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. P. 99–101.
3. Poluyanov V.P., Poluyanova E.I. Specifika institucional'nyh preobrazovanij v kommunal'noj infrastrukture Rossijskoj Federacii za 2005-2013 gg. // Nauchnye meridiany-2016 / Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2016. P. 159–163.
4. Dieter A. Estimated Use of Water in the United States in 2015 / Dieter A. Shery, A. Molly Maupin, R. Rodney Caldwell, Melissa A. Harris, Tamara I. Ivahnenko, John K. Lovelace, Nancy L. Barber, and Kristin S. Linsey // U.S. Geological Survey. - Reston, Virginia. – 2018. 6 pp.
5. Dieter, C.A., and Maupin, M.A. (2017) Public supply and domestic water use in the United States, 2015 / C.A. Dieter., M.A. Maupin // U.S. Geological Survey Open-File Report. - 2017. P. 6.
6. Hickey Harry E. Water Supply Systems and Evaluation Methods. Volume II: Water Supply Evaluation Methods/ Harry E. Hickey // FEMA. – 2013. 182 pp.
7. Jacobs Jeffrey. Key Issues and Experience in US Water Services Privatization / Jeffrey Jacobs, Charles Howe // Water Resources Development. 2005. 89-98 pp.
8. Jouravlev Andrei. (2004) Drinking water supply and sanitation services on the threshold of the XXI century / Andrei Jouravlev. - Santiago, Chile. 2004. 64 pp.
9. Profile of the German Water Sector 2015. Bonn: Gas und Wasser mbH. 2015. 84 pp.
10. The governance of water services in Europe. - Luxembourg; Brussels, Belgium: EurEau. The European Federation of National Associations of Water Services. – 2019. – 64 pp.
11. The state of public water in the United. – Washington: StatesFood & Water Watch National Office. 2018. – 20 pp.
12. U.S. Water Supply and Distribution Factsheet (2020). Center for Sustainable Systems, University of Michigan. Pub. No. CSS05-17.

**РОЛЬ ОППОЗИЦИИ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.
НЕЗДОРОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И МЕТОДЫ ЕГО ВЛИЯНИЯ НА МАССЫ**

Григорян Давид Кромвелович	кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: davo-davo23@mail.ru
Малянова Карина Петровна	кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, Ростовский юридический институт МВД России (344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83). E-mail: kari_rostov@mail.ru
Меликян Арнольд Гаррикович	магистрант факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: melikyan.arnold@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены оппозиционные движения в Российской Федерации в период с 2012 по 2021 годы. Анализ производится с помощью изучения исторических процессов, протекающих в XIX и XX веках. Рассмотрены основные термины «оппозиционность», «оппозиция» и «контрэлита» в разрезе текущих событий политических изменений страны. Приводятся примеры негативного воздействия на массовое сознание и сравнение политического процесса с «игрой». Отражена специфика текущей российской контрэлиты и пути формирования ее эффективной деятельности, а также методы государственного воздействия.

Ключевые слова: контрэлита, оппозиция, политический процесс, митинг, гражданское общество, либерализм, либерал-консерваторы, псевдодекабристы, реформаторы, масс-юзеры, демократия.

Либерализм в Российском обществе является не традиционной чертой. Наше государство и общество, со времен своего основания, придерживалось консервативных взглядов, собственной культуре и политической традиции. Этническая составляющая, особенности быта, многонациональность – все это, с точки зрения теории политологии, основ регионоведения и экономики, делает наше общество особенным, но сложным для обеспечения государственной безопасности и стабильности.

Проводить анализ роли оппозиции в современном Российском обществе довольно сложно, однако, в контексте политической теории, практики и международных отношений это вполне возможно. Стоит отметить тот факт, что оппозиционность и оппозиция это два разных этапа создания контрэлит. Оппозиционность – это отношение человека, оппозиция – это объединение людей, групп людей или политических сил, имеющих конечной целью достижение власти. С точки зрения политологии, в цивилизованном обществе, оппозиция достигает власти путем выдвижения альтернативных идей, получением поддержки народа и победы на выборах [1].

С 2012 года на территории нашей страны оппозиция действовала открыто и представляла собой группировку политических сил (партий и организаций), которые предлагали собственные программы, бойкотировали заседания Государственной Думы и устраивали согласованные митинги, конечным итогом которых было принятие резолюции или народного обращения. Целью всегда было одно – обратить внимание власти и направить четко сформулированную претензию или предложения по решению конфликтных вопросов.

Существует ошибочное мнение, что либерализм – это полная свобода личности. Неограниченность ее прав и возможность самостоятельно диктовать власти те правила, по которым необходимо «играть». Либерализм в понимании современной молодежи – это беспредельная свобода личности. Однако это самое большое заблуждение. Российские политологи единственные, кто еще в 2014 г. сформировали на первый взгляд невозможное понятие: «консервативный либерализм» [2]. Суть его заключается в термине: «свобода личности заканчивается там, где начинается свобода общества». Иными словами, российский либерализм здраво оценивает возможности политической системы, желания общества и интересы отдельной личности.

В последнее время в нашей стране вновь заговорили о контрэлите. Стоит сразу отметить, что протекающие в данный момент процессы, инициированные контрэлитой, говорят о нездоровом либерализме. Это не просто оппозиция как часть политической элиты, не получившая поддержку большинства, а некий политический класс или группа, которая не способна сформировать принципиально новые идеи относительно развития общества.

Понятие «контрэлита» появилось в России на рубеже XIX–XX вв. О формировании нового движения (а вернее нового понятия), впервые заявил в своих трудах писатели Н.В. Соколов, И.С. Тургенев и другие. Путь российской контрэлиты был достаточно сложным. В разное время она представляла из себя формирования отщепенцев, разночинцев, нигилистов интеллигенции, нон-конформистов, инакомыслящих, диссидентов, народоборцев, декабристов и иных движений по подобному типу. Итог один – элита развития превращается в элиту застоя, отменяя политический плюрализм, здоровую конкуренцию и вводя механизмы двойной морали [3].

С 2014 года по 2021 год в России заметно набирает оборот псевдолиберальное движение, которое на данный момент влияет на массовое сознание неокрепшей молодежи. Однако стоит отметить, что, проводя анализ данной контрэлиты через призму политической теории, мы сталкиваемся с рядом несоответствий самому термину «оппозиция», лидер которой так активно пытается убедить население страны в собственной правоте [4].

Во-первых, новая форма мнимой «оппозиции» не предлагает альтернатив действующей системе. Отсутствует программа действий и элементарных предложений по корректировке важнейших сфер жизнедеятельности государства и общества. Во-вторых, «оппозиция» использует не демократические механизмы воздействия на власть и прямо нарушает установленный в стране закон. В-третьих, лидер «оппозиции» намеренно подстраивает события под удобную форму трактования. Таким образом можно сделать вывод, что целью текущего движения является не политическая борьба, а нарушение стабильности государства и угроза государственной безопасности. Стоит также отметить, что лидер группировки действует исключительно в собственных интересах, а не в интересах общества, что само по себе не является смыслом «либерального» [5].

В последние годы «оппозиция» и «контрэлита» используются на международной арене как средство политического воздействия и фактической войны с государством, пусть и латентной. Яркими примерами являются дестабилизация ситуации в Украине, Грузии, Армении и Беларуси. Это пошаговая программа по захвату политических сил, децентрализации государства, разрушения экономики и создания почвы для интервенции. Важнейшим ресурсом подобной деятельности являются социальные сети и иные ресурсы сети «Интернет».

Фактически происходит расшатывание государственного строя, настраивание народа против власти методами открытых провокаций и влияния на молодежь, пропаганда неуважения истории Родины и подмена понятий. Как следствие, государство вынуждено защищаться и ставить интересы общества выше интересов личности.

За последние несколько лет заметен рост иностранных инвестиций и анонимных пожертвований на счета «оппозиции» и «контрэлиты» нашей страны, как показано в табл. 1¹.

Таблица 1

Финансирование иностранных инвестиций и анонимных пожертвований на счета «оппозиции» и «контрэлиты» в России

Страны	2018	2019	2020	2021
США	\$2 млн.	\$5 млн.	\$25 млн.	\$40 млн.
Германия	\$ 0,1 млн.	\$ 0,1 млн.	\$ 0,2 млн.	\$0,2 млн.
Соединенное королевство	\$1 млн.	\$6 млн.	\$8 млн.	\$10 млн.

¹ Электронный источник информации, расположен по ссылке [https://www.fontanka.ru/2020/10/02/69490405/], дата обращения к источнику 22.02.2021.

Есть ли в современной России контрэлита? Разумеется, по неким формальным или внешним признакам, мы можем подумать, что действующая на территории Российской Федерации группировка является контрэлитой. Однако анализируя ее признаки нынешняя «оппозиция» больше подходит под определение «иностранный агент». Она не является достойной альтернативой действующей власти, так как не предлагает ничего и выводит на улицы людей не за конкретную программу, а против конкретной личности или политического строя. Подобное расценивается не иначе как угроза государственной безопасности, искусственно создаваемая извне. Это движение даже нельзя назвать политической элитой, которая бы могла повторить путь дореволюционной, пореформенной (1861) контрэлиты.

В любом демократическом обществе оппозиция – это инструмент ограничения и совершенствования политической системы с помощью альтернативных предложений, взглядов, идей, личностей [6]. Ее основные функции: сигнально-нормативная, корректировка курса, стимулирование инноваций. Таким образом, мы можем сделать вывод, что группировка, действующая на данный момент в России, оппозицией власти не является.

Нельзя не отметить тот факт, что государству требуются перемены, на текущий момент граждане страны взволнованы политическими процессами и фактически ожидают, что в скором времени назреет реакция власти и грядущие перемены. Однако они должны быть проведены мирным путем и с использованием демократических методов воздействия на власть. Более того, они должны быть инициированы «изнутри», а не «извне». Большинство граждан вышедших на последние митинги были замотивированы не как «поддерживающие оппозицию», а как «уставшие». Иными словами, государству необходимо предпринять шаги по устранению социальных проблем и реформировать систему власти в ближайшее время [7].

Удачным сейчас является формирование настоящей оппозиции и здорового либерализма, который сможет оказать содействие действующей власти в разработке нового альтернативного курса и поддержанию государственной стабильности. Возможно создание искусственной оппозиции или иного механизма, объединяющего народные волнения и направляющего его в русло содействия в реформировании [8].

Как утверждал поэт-сатирик Ювенал: «Panem et circenses» (хлеба и зрелищ). Как ранее было отмечено, политический процесс представляет собой игру. За многие годы существенных изменений в пирамиде Маслоу не произошло. Развитие институтов гражданского общества базируется на данных принципах, как и общественные волнения. Все эти инструменты используют политтехнологи, создавшие «новую российскую оппозицию», которая не соответствует запросам населения, но прямо соответствует запросам наших зарубежных партнеров [9].

Манипуляция на подмене понятий, вольная трактовка федерального закона и формирование образа любящих друг друга кумиров молодежи (псевдодекабристов) позволяет эффективно влиять на сознание массового обывателя, далекого от понимания системы государственного управления, самой сути политики и принципов политологии. К сожалению, необходимо признать, что война ведется в социальных сетях и государство вовремя не заполнило информационный вакуум, которым пользуются «оппозиционеры». Власть уступила самый серьезный ресурс для влияния на современное поколение и не внесла системной ясности в умы молодежи о причинах и последствиях тех или иных решений.

В целом контрэлите можно разделить на три группы. Первая группа – это агенты, не участвующие или косвенно участвующие в политике. Они являются приспособленными или неприспособленными к системе в целом и существуют по принципу: «живи и дай жить другим». Всегда встроены в политический процесс. Примерами являются новые региональные чиновники, крупный и средний бизнес, лидеры общественных объединений.

Вторая группа представляет из себя обиженных или невстроенных в процесс. Это одна из сильнейших групп, которая включает в себя интеллектуалов, не допущенных к власти, служащих. Они участвуют в политико-сетевых проектах и представляют из себя некую «Лигу избирателей». К ним относится тип Навального А.А., которые считают себя наследниками ультралибералов 90-х гг.

Третья группа – это агрессивные. За ними стоят «масс-юзеры», которые апеллируют базовыми ценностями. К ним относятся Удальцов С.С., Пономарев И.В., Яшин И.В. и Кралин В.Л.

Ближе всего к контрэлите стоят вторая и третья группа. Однако в последнее время все «оппозиционеры» просто требуют ухода Путина В.В. и его окружения превращаясь в субэлиту. Общей программы развития страны у «оппозиции» нет. Метод один – моральный протест и доведение его до политического протеста. Но в 2021 году политический протест перестал совпадать с социальным протестом граждан. В свою очередь несостоятельность лидеров «оппозиции» и отсутствие конкретного плана привели к стихийной потере сторонников.

Очевидно одно, Россия сейчас находится в поиске своей новой элиты или на этапе ее развития. Текущая политическая оппозиция не может стать этой элитой, так как не соответствует ее критериям. Особую роль в становлении гражданского общества и в развитии новой политической системы сыграет этос новой контрэлиты, которая сформирует новые идеалы и новые принципы государственного управления [10].

Хоть и по мнению российских либерал-консерваторов необходимо ставить приоритеты общества выше приоритетов личности, нам необходимо объединить две данные концепции и постараться удовлетворить как личность, так и общество. В противном случае, граждане станут более манипулятивны и подвержены стихийной реакции на возникающие раздражители.

Перспективы развития текущей оппозиции в сознании людей весьма низкие, так как поддержка держится исключительно на недовольстве общим политическим курсом, а не поддержки самой оппозиции. Таким образом, государству необходимо ответить на несформированное (результат митингов не был принят в резолюции) мнение населения и разработать новые формы взаимодействия общества и власти, а также пересмотреть текущий политический и экономический курсы. Что касается «оппозиции Навального А.А.» - каждый должен иметь право на справедливый суд, но и обязан нести всю полноту ответственности перед действующим законодательством, каким бы оно не было. *Dura lex, sed lex* (закон суров, но это закон).

Литература

1. *Короткевич Р.В.* Политическая оппозиция // Вестник МГУЛ. Лесной вестник. 2017. 2017. № 5. С. 82 – 89.
2. *Тимофеева Л.Н.* Власть и оппозиция в России: проблемы политического дискурса (К «совершеннолетию» российской оппозиции) // Власть. 2007. № 4. С. 3 – 9.
3. *Тимофеева Л.Н.* Контрэлита современной России: кто она и чего хочет? / Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Том 1. Ростов н/Д., 2013. С. 293 – 304.
4. *Тарусин П.В.* Роль и перспективы российской контрэлиты в обновлении правящего режима // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 247 – 274.
5. *Живитченко А.А.* Основные концепции взаимодействия элиты и контрэлиты / Государство и общество в современной политике. Сб. научных статей. Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга". 2018. С. 11 – 115.
6. *Крицкая А.А., Великодная И.В., Горбачева Ю.В.* Элитологические и кадровые аспекты взаимодействия власти и бизнеса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71). С. 122 – 125.
7. *Афанасьев М.А.* Правящая элита России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4. С. 28 – 38.
8. *Гревцева Г.Я.* Концепция гражданского воспитания: методологические аспекты // Гражданское образование: российский и зарубежный опыт: коллективная монография. Челябинск: Изд-во Челябинский государственный институт культуры, 2016. С. 45 – 71.
9. *Крицкая А.А.* Инновационная составляющая политики обеспечения кадровой безопасности современной России / Автореферат дис. ... канд. полит. наук. ЮРИУ РАНХиГС. Ростов-на-Дону, 2015.
10. *Понеделков А.В., Старостин А.И.* Российские элиты на рубеже XX–XXI веков: Особенности генезиса, взаимодействий и позиционирования во власти / Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2004. С. 96 – 115.

Grigoryan David Kromvelovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: davo-davo23@mail.ru

Malyanova Karina Petrovna, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Criminology and Operational-Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (83, Eremenko St., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation). E-mail: kari_rostov@mail.ru

Melikyan Arnold Garrikovich, Master of Political Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: melikyan.arnold@mail.ru

**ROLE OF THE OPPOSITION AND THEIR LEADERS IN RUSSIAN SOCIETY.
UNHEALTHY LIBERALISM AND ITS INFLUENCE ON THE MASSES**

Abstract

The article considers opposition movements in the Russian Federation in the period 2012 to 2021. The analysis is carried out using the study of historical processes taking place in the XIX and XX centuries. The main terms "oppositionism," "opposition" and "counter-elite" are considered in the context of the current events of the political changes of the country. Examples of negative impact on mass consciousness and comparison of the political process with the "game" are given. The specifics of the current Russian counter-elite and the ways of forming its effective activities, as well as methods of state influence, are reflected.

Keywords: counter-elite, opposition, political process, meeting, civil society, liberalism, liberal conservatives, pseudo-Decembrists, reformers, mass users, democracy.

References

1. Korotkevich R.V. Politicheskaya oppozitsiya // Vestnik MGUL. Lesnoj vestnik. 2017. 2017. № 5. P. 82 – 89.
2. Timofeeva L.N. Vlast' i oppozitsiya v Rossii: problemy politicheskogo diskursa (K «sovershennoletiyu» rossijskoj oppozitsii) // Vlast'. 2007. № 4. P. 3 – 9.
3. Timofeeva L.N. Kontrolita sovremennoj Rossii: kto ona i chego hochet? / Elitologiya Rossii: so-vremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy Pervogo Vserossijskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem. Tom 1. Rostov n/D., 2013. P. 293 – 304.
4. Tarusin P.V. Rol' i perspektivy rossijskoj kontrolity v obnovlenii pravyashchego rezhima // Vlast' i elity / Gl. red. A.V. Duka. T. 1. SPb.: Intersocis, 2014. P. 247 – 274.
5. ZHivitchenko A.A. Osnovnye koncepcii vzaimodejstviya elity i kontrolity / Gosudarstvo i obshchestvo v sovremennoj politike. Sb. nauchnyh statej. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr "Nauchnaya kniga". 2018. P. 11 – 115.
6. Krickaya A.A., Velikodnaya I.V., Gorbacheva YU.V. Elitologicheskie i kadrovye aspekty vzaimodejstviya vlasti i biznesa // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2016. № 4 (71). P. 122 – 125.
7. Afanas'ev M.A. Pravyashchaya elita Rossii: obraz deyatel'nosti // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1996. № 4. P. 28 – 38.
8. Grevceva G.YA. Koncepciya grazhdanskogo vospitaniya: metodologicheskie aspekty // Grazhdanskoe obrazovanie: rossijskij i zarubezhnyj opyt: kollektivnaya monografiya. CHelyabinsk: Izd-vo CHelyabinskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2016. P. 45 – 71.
9. Krickaya A.A. Innovacionnaya sostavlyayushchaya politiki obespecheniya kadrovoj bezopasnosti sovremennoj Rossii / Avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk. YURIU RANHiGS. Rostov-na-Donu, 2015.
10. Ponedelkov A.V., Starostin A.I. Rossijskie elity na rubezhe HKH–XXI vekov: Osobennosti genezisa, vzaimodejstvij i pozicionirovaniya vo vlasti / Vlastnye elity sovremennoj Rossii v processe politicheskoy transformacii. Rostov n/D.: Izd-vo SKAGS, 2004. P. 96 – 115.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В КНР: ОПЫТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ковалев Андрей Андреевич кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43). E-mail: kovalev-aa@ganepa.ru

Князева Екатерина Юрьевна аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., 57/43). E-mail: elynth@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается китайский опыт применения системы социального кредита и всеохватного мониторинга социального поведения и политических настроений народных масс. Такие попытки всеобщего контроля предпринимают правительства многих стран в современную эпоху разгула терроризма и обострения межкультурных противоречий, но современная КНР, синтезировавшая основы социалистической общественно-экономической формации с элементами свободного предпринимательства, применяет систему социального кредита не только в карательных и фискальных целях, но и как действенный способ поощрения законопослушных граждан.

Ключевые слова: *система социального кредита, цифровая реальность, социальные гарантии, зарубежный опыт, общественно-экономическая формация, современное государство, государственное управление, философия политики, информатизация, интернет, умный город.*

Современный мир часто называют постиндустриальным обществом, правила игры в котором уже давно диктует цифровая реальность, созданная высокими технологиями, безоговорочно подчинившими себе все социокультурное бытие [1]. И жить вне этой цифровой среды, а тем более вырваться из нее практически невозможно. Ныне становится очень легко контролировать общество и собирать информацию – как об отдельных людях, так и о социальных процессах, обо всех перипетиях индивидуального и социального бытия в интернете. Не важно, где человек живет и чем занимается профессионально или в свободное время. Если он однажды заходит в сеть, то он обречен навечно попасть в ее паутину. Великая формула Рене Декарта «Я мыслю – следовательно, существую» [2] превратилась в броский слоган постмодернистской экзистенции «Я в сети – следовательно, я существую».

Интернет – в той или иной степени – стал неотъемлемой частью жизни многих людей по всему миру. Это – непреложный факт реальности. Одновременно с осознанием этого факта современные государства неизбежно будут стремиться усиливать свое политическое господство над людьми, уравнивая ощущение иллюзорной внутренней свободы в сети с реальным ощущением всеобщего контроля над важнейшими сферами бытия. Государства не могут контролировать повседневную жизнь и реальные поступки каждого отдельного гражданина в целях безопасности, но в цифровой среде высказывания людей и их мысли контролировать довольно легко – до такой степени, что на ум приходят не только пророчества Дж. Оруэлла из великого романа «1984», но и провидческие произведения Р. Бредбери, А. Азимова и Р. Шекли.

Идеи философа Мишеля Фуко о достижении дисциплины через всеобщее наблюдение и всеохватный контроль, высказанные им еще в книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975), являются прекрасным примером для того наталкивающего на размышления обстоятельства, что в настоящее время для правительств современных государств нет необходимости использовать насилие и силу для достижения социального послушания [3]. Правительства используют современные технологии для получения исчерпывающих знаний о гражданах, тем самым ставя их в ситуацию дисбаланса системы власти/знаний. Хотя демократические правительства на словах декларируют уважение прав человека и стараются не вмешиваться в частную жизнь граждан, на деле граждане любого современного государства – вне зависимости от формы правления или особенностей политического режима – всегда контролируются в цифровой среде. Особенно – в социальных сетях, где легче всего мгновенно собрать информацию о людях – их желаниях, предпочтениях и интересах.

Как сказал Фуко, современное государство получает свою власть, собирая информацию о жизни людей [4]. Не только недемократические правительства держат граждан под контролем, но и в самопровозглашенном оплоте либеральной западной демократии – США – политический контроль над людьми поставлен на научную основу с учетом новейших достижений социальной психологии.

Правительства во всем мире уже давно занимаются социальным мониторингом и выяснением политической благонадежности. При проведении эффективного социального мониторинга в Китайской Народной Республике большую роль играет продуманная система социального кредита, которая позволяет не только держать граждан в экономической зависимости, но и наблюдать за ними в политическом и социокультурном отношении.

К изучению системы социального кредита в отечественной научной литературе практически не обращались, а основные животрепещущие вопросы, связанные с этим социальным феноменом, обсуждались в зарубежных и отечественных СМИ¹. Цель данной статьи – осветить наиболее актуальные проблемы системы социального кредита с точки зрения политологии и философии политики как составной части социальной философии. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: 1) уяснить происхождение и социально-политическую сущность системы социального кредита; 2) выявить цели системы социального кредита; 3) оценить особенности реализации проекта социального кредита; 4) обозначить проблемы, которые могут возникнуть в процессе дальнейшего существования системы социального кредита. Методы данного исследования включают компоненты историко-логического, структурно-функционального и системного анализа.

Под системой социального кредита понимают не этимологически схожее с ним и введенное еще в первой половине XX столетия экономистом и инженером Клиффордом Дугласом понятие «социального кредита» (Social Credit или сокращенно Socred) [5], использующееся в социально-экономической сфере, а систему оценки деятельности граждан, их социальной и политической благонадежности, складывающаяся в Китайской Народной Республике в течение последних десяти лет. Китайцы называют эту систему «пиньинь», и смысл ее чаще всего передают как «система социального доверия» или «социальный рейтинг».

Время противостояния двух общественно-политических систем прошло со времени распада Советского Союза, но если наша Родина продала право своего социалистического первородства за сомнительного качества «похлебку» западных либеральных свобод, то Китайская Народная республика за последние три десятка лет демонстрирует впечатляющие результаты умелого применения синтеза основ социалистической общественно-экономической формации с элементами свободного предпринимательства. Концепция рейтингования развивается там полным ходом, а система социального кредитования служит цели государственного контроля над людьми. Но Китай, как социалистическое государство, во многом стремится увеличить власть и авторитет правительства, не только контролируя граждан, но и предоставляя им значительные социальные преференции за достойное социальное поведение.

Технологические инициативы побудили китайское правительство разработать политическую основу для решения проблемы доступа широких народных масс к информации и подлинной цифровой революции. Все это позволяет осуществлять вмешательство в жизнь людей в невиданных ранее масштабах. Китайское правительство называет эту систему «социальным кредитом». Название системы звучит красиво, ибо связано с благородным понятием «доверие». Правительство предоставляет гражданам преимущества и устраняет выявленные недостатки в соответствии с их оценками, полученными с помощью информации, собранной в рамках этой системы.

Обратимся к вопросу происхождения системы социального кредита. Система социального кредита – это система оценки социальной целостности и гражданской зрелости, введенная китайским правительством в 2014 г. По плану разработчиков, такая система должна быть обязательной

¹ Герасюкова М. Большой брат следит за тобой, китаец. Газета.ru. URL:

https://www.gazeta.ru/tech/2017/12/05/11033858/chinese_brother.shtml (дата обращения: 21.01.2021);

Гордеев А. Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга / РБК. URL:

<https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 21.01.2021); Auf

dem Weg in die IT-Diktatur / Deutschlandfunk Kultur. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/chinas-sozialkredit-system-auf-dem-weg-in-die-it-diktatur.979.de.html?dram:article_id=395126 (дата

обращения: 21.01.2021); Lee F. China: Die AAA-Bürger / Zeit Online. URL:

<https://www.zeit.de/digital/datenschutz/2017-11/2Fchina-social-credit-system-buergerbewertung>

(дата обращения: 21.01.2021).

и охватывать все общество в Китае. Эта система построена на ранжировании поведения граждан на основе их потребительского выбора, кредитной истории, личных отношений и даже индивидуальных привычек для определения их политической и социальной благонадежности.

В соответствии с этой новой системой, все китайские граждане и компании должны быть оценены по четырем основным направлениям: административные дела, коммерческая деятельность, социальное поведение и отношения с правоохранительной системой. Для действенного функционирования система социального кредита оснащена новейшими высокотехнологичными системами наблюдения. Камеры наблюдения снабжены системой распознавания лиц, сканирования тела и геотрекинга, чтобы постоянно следить за каждым гражданином.

Всеохватывающий цифровой расчетный и присвоенный каждому гражданину социальный кредитный рейтинг должен отражать не только финансовую надежность человека, но и его моральность, честность и надежность. Эта система похожа на систему баоцзя, память о которой все еще живет в душе китайского народа. До 1949 года, то есть до провозглашения КНР, существовала система административно-полицейской организации крестьянских дворов в особые единицы. В наши дни, как и тогда, правительство собирает информацию о гражданах – только сегодня этот сбор осуществляется с помощью различных цифровых сред и путем сотрудничества с несколькими китайскими компаниями.

Китайское правительство сотрудничает с восемью основными компаниями в Китае. Существует также более 200 миллионов замкнутых камер, и все они подключены к одной всеобщей сети. Камеры замкнутого контура контролируют поведение людей на улице. Эти восемь компаний имеют свою собственную систему социального рейтинга. На данный момент правительство наблюдает за тем, как восемь китайских компаний выпускают свои собственные баллы «социального кредита» в рамках утвержденных государством пилотных проектов. Это коммерческие компании, среди которых *Sesame Credit* (финансовое крыло Alibaba; является крупнейшей в мире онлайн торговой платформой *Алиэкспресс*), *WeChat* (крупнейшая социальная платформа в Китае), *Baihe* (социальная сеть знакомств в Китае), *Tencent* (инвестиционная компания) и т.д.

Наиболее эффективными являются две компании: WeChat и Alibaba. WeChat имеет около 1,08 миллиарда активных пользователей в месяц и имеет свою собственную рейтинговую систему в главной китайской социальной сети. *Sesame Credit* (карта *Alipay*) – это крупнейший интернет-магазин. Таким образом, потребительские интересы и социальные предпочтения более 70% китайского общества могут контролироваться этими двумя компаниями, WeChat и Alibaba.

Главная цель системы социального кредита, которую китайское правительство последовательно привносит в китайское общество, – это не только обеспечение больших преимуществ собственным гражданам, проявившим социальную активность и политическую благонадежность. Главная цель состоит в том, что китайское правительство хочет контролировать этнические группы и эвентуальных политических противников. Правительство характеризует эти группы как «ненадежные». Когда китайское правительство заговорило об этой системе, оно впервые применило ее на практике в провинции Синьцзян, где живут в основном уйгуры, казахи и киргизы. Это – проблемная провинция для китайского правительства, и все новые технологии, которые призваны контролировать граждан, в первую очередь внедряются именно здесь. Председатель КНР Си Цзиньпин консолидировал власть с помощью системы последовательных действий, которая выдавалась за попытку искоренить коррупцию, но также была нацелена на уничтожение политических противников, которые могли подорвать политическую стабильность в стране.

Гражданин-благоприобретатель в результате действенного функционирования системы социального кредита облегчает правительству возможность контролировать китайское общество в целом. Получающие кредит граждане поддерживают социалистические ценности и выражающую эти ценности китайскую Коммунистическую партию. По мнению китайского правительства, цель системы социального кредита состоит в том, чтобы «приносить пользу гражданам, заслуживающим доверия, и ограничивать передвижение и деятельность тех, кто не заслуживает доверия». Поясняется, что «в настоящее время в пробных системах будут обслуживаться те, кто имеет «хороший социальный кредит», чтобы получить VIP-лечение, качественное обслуживание в отелях, аэропортах, при поступлении в университет или получить более дешевые кредиты» [6]. Более того, китайская онлайн-активность процветает, что заставляет китайское правительство обращать на нее все большее внимание. Ведь цифровой мир и интернет не имеют границ, а в эпоху глобализации свобода передвижения по миру несет в себе определенные риски. Это в полной мере продемонстрировала вспыхнувшая в Китае пандемия, которая в рекордно короткие сроки была разнесена жителями Поднебесной по всему миру.

Обратимся к особенностям реализации проекта социального кредита. Чтобы система социального кредита была полностью функциональной, оператор должен собирать всевозможную информацию, включая, но отнюдь не ограничиваясь нижеперечисленным: профессию, виды покупаемой продукции и уклонение от уплаты налогов. Эти фрагменты информации, так называемые «большие данные» (Big data), собираются с помощью камер наблюдения, истории приложений смартфонов и других различных средств и обычно хранятся в одном месте (концентрация информации). Эта концепция представляет собой обоюдоострый клинок; сбор такого огромного количества информации относится к управлению по преимуществу силовыми и фискальными методами, одновременно выступая в качестве катализатора распространения цифровой жизни. Это формирует основу для создания и функционирования «умных городов», где информация и технологии интегрируются в обычную жизнь, чтобы сделать инфраструктуру и общественные услуги более интерактивными.

С другой стороны, концентрация важнейшей информации в одном месте делает уязвимой ее сохранность и ставит под угрозу секретность собранных сведений, требуя более надежной системы управления собранными данными. Поэтому считается, что проект «умные города» в Китае основан на многоперспективной модели виртуальной цифровой реальности, в которой интеграция данных разбивается на несколько уровней, включающих правительственный уровень, городской уровень, организационный уровень и бизнес-уровень. На первый взгляд рассеивание риска кажется постепенным процессом, однако на самом деле это облегчает цифровизацию вещей, поскольку процесс происходит на всех уровнях управления. Другими словами, распределяя задачи между различными «этажами власти», они готовят себя к тому, чтобы более эффективно приспособиться к наступающей цифровой эре.

Сама идея системы социального кредита впервые была предложена в 2007 году, и с тех пор ее реализация идет очень быстрыми темпами. Местные органы власти и частные компании разрабатывали свои собственные версии системы «социального рейтинга» [7]. Тем не менее, проведенные ими разработки и исследования создали прочную основу для легко расширяемой вглубь и вширь модели, действенно служащей правительственной системе при помощи объединения усилий, предпринимаемых различными службами. Таким образом, сбор необходимых данных о гражданах стал проще в количественном и качественном отношении. Визуализация новейшей технологии системы социального кредитования проводится китайской транспортной полицией, где они используют распознавание лиц для идентификации пешеходов, связывая эту информацию с именем, социальным идентификатором, адресом и их рейтингом.

Другим примером является интеграция прочих ранее существовавших систем, таких как кредитные баллы, в социальных сетях гражданина. Это ускоряет внедрение информации, предоставляя системе социального кредитования уже хорошо разработанную базу данных. Китайское правительство играет активную роль в этом процессе. Зарождение системы социального кредита само по себе носило оттенок коммерческого начинания, и было продиктовано стремлением предоставлять лучшие товары путем анализа потребностей потребителей, повышать качество услуг и т.д. Переход от экономической сферы к этической и социально-политической был четко обозначен на шестом пленарном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, когда в сферу охвата системы решили включать «государственный кредит, коммерческий кредит, социальный кредит и судебный кредит» [8].

Основная часть системы социального кредитования – это алгоритм, который определяет, что хорошо, а что плохо. Линия, проведенная этим алгоритмом, должна быть правдоподобной, следуя сегодняшним нормам права и морали. Система работает по принципу вычета очков, где оценка каждого гражданина начинается с равного количества очков, но впоследствии эти баллы могут быть аннулированы или сокращены вследствие социальной неблагонадежности. Примеры такого «плохого поведения» включают: агрессивное вождение, покупку слишком большого количества видеоигр, курение в зонах для некурящих и размещение фальшивых новостей в соцсетях.

В некоторых крайних случаях плохое поведение отслеживается даже в цифровом мире. Perfect World, китайская компания-оператор игр, объявила, что они объединятся с Alibaba, чтобы игроки регистрировали свои идентификационные номера карт и кредитные счета Alibaba, чтобы потенциально наказывать за мошеннические действия в игре. Хотя в настоящее время это происходит только на уровне частного сектора, весьма вероятно, что в будущем правительство будет владеть этой системой и использовать ее предельно широко, принимая во внимание тот сильный контроль, который оно уже имеет над интернетом в Китае. Более низкие социальные рейтинги могут привести к всевозможным неудобствам, таким как запрет на проезд в общественном транспорте, снижение скорости домашнего интернета, попадание в черный список и т.д.

Алгоритм должен функционировать так, чтобы было возможно определить и классифицировать любое поведение, демонстрируемое человеком. Однако эта основная часть системы может быть предвзятой и создавать сегментацию и неравенство, в зависимости от людей, стоящих за созданием данного алгоритма. Люди на этих должностях могут управлять системой, принимая во внимание лишь собственные интересы. Кроме того, в списке плохих поступков, таких как “плохое вождение”, не указывается точное действие, из которого может быть вычтен балл при оценке человека. Таким образом, алгоритм представляет собой сложную структуру, состоящую из предвзятости создателя, намерений правительства и этических представлений. Кажущиеся неестественными критерии свидетельствуют о том, что постепенно происходит злоупотребление системой социального кредитования. Порой искусственно и намеренно создается социальное неравенство.

Тем не менее, система социального кредита все еще сохраняет свою популярность. Согласно исследованию, 80 % китайских интернет-пользователей положительно относятся к кредитной системе, активно внедряемой правительством страны [9]. Одной из причин этого была необходимость в надежной платформе, служащей оценке граждан огромной страны и их социальным бенефициариям.

Система социального кредита может стать для некоторых людей наиболее надежным и безопасным инструментом карьерного роста и социального лифта, но только в том случае, если они будут способны извлечь из нее реальную выгоду. Как только они столкнутся с «темной стороной», с негативными составляющими этого перманентного наблюдения и контроля, вполне вероятно, что их мнение изменится. Увидев плюсы и минусы системы социального кредита, будут ли другие демократические страны по-прежнему заинтересованы в реализации схожих проектов? С другой стороны, само понятие «демократия» в современном мире настолько аморфно и расплывчато, что даже применительно к современным США определение «демократическое государство» в его исконном значении народовластия может быть применено с трудом.

Социальный мониторинг был неотъемлемой частью деятельности китайского правительства, и в последние годы он стал нормой для различных уровней власти в провинциях, городах и районах, которые стали включать наблюдение за общественным мнением в свою повседневную работу. Китайцы ценят общественное благо выше индивидуальных прав. Кроме того, граждане привыкли к тому, что государство вмешивается в их жизнь, особенно в цифровом мире (например, цензура на иностранные СМИ и приложения). Даже в этих условиях китайцы всегда находили выход в технологическом развитии, будучи сегодня признанными как граждане одной из тех стран, которые имеют самое сильное влияние на весь остальной мир. Фундаментальное различие в социальной структуре привело Китай к технологическому отрыву от западного мира.

Другой проблемой является продолжающийся рост городского населения. Внедрение кредитной системы якобы должно было создать гармоничное общество путем установления культуры искренности и честного образа мыслей, как неоднократно заявляло правительство. Однако мы знаем, что это не единственная цель, а скорее эффективный контроль над быстро растущим населением.

Внедрение социального кредита и мониторинга в городских районах стало действенным методом по двум основным причинам: приучение людей к системе, применяя ее первоначально к большому количеству людей, и сбор огромного количества информации сразу в густонаселенной области. Исследования показывают, что городское население Китая, по прогнозам, удвоится к 2030 году, причем большинство будут составлять внутренние мигранты из сельских районов [10–11]. Увеличение численности городского населения послужит лишь катализатором для более быстрого и эффективного сбора данных. Кроме того, тот факт, что большинство мигрантов прибывают именно в такие урбанизированные районы, подразумевает простоту сбора данных, поскольку они уже являются частью правительственной базы данных, начиная со дня своего рождения.

Каковы основные проблемы, могущие возникнуть в процессе дальнейшего существования системы социального кредита? На сегодняшний момент база данных для системы социального кредита создается только из китайских граждан, а это означает, что иностранцы освобождаются от процедуры социального рейтингования (однако цензура сама по себе действует). Это имеет смысл, поскольку неразумно оценивать кого-то, кто проживает в Китае лишь в течение короткого периода времени, будь то турист или экспатриант. Они также не получают никаких долгосрочных льгот, таких как льготные кредиты.

В то время как иностранцы, посещающие Китай, могут быть освобождены от социального мониторинга, это отнюдь не означает, что они вовсе не контролируются. У них просто еще нет кредитного рейтинга. Может быть создана база данных этого человека, причем сам человек ничего об этом не знает. Могут записываться поведенческие паттерны туриста или иностранного работника для анализа поведения таких потребителей, с другой стороны.

Система социального кредита всегда может превратиться в мощное оружие для контроля над каждым человеком в стране, независимо от того, откуда он родом. Китайское правительство может выследить этого человека, проанализировать его действия, и если такой анализ покажет какие-либо признаки и элементы социальной или политической неблагонадежности или потенциальной опасности, то человеку может быть запрещен повторный въезд в страну. Возможно, контроль китайского правительства над иностранными гражданами в своей стране может показаться излишним, но такой контроль в современную эпоху разгула терроризма характерен не только для авторитарных государств, но и для либеральных демократий.

Тем не менее вероятность того, что эта ситуация станет реальностью, очень высока, что вызывает некоторые опасения в международном сообществе [12–13]. Ограничивая даже поведение иностранцев, общество всеобщего надзора может ускорить свой путь к всеохватному тоталитаризму. Централизация информации, собираемой с помощью системы социального кредита, эквивалентна централизации политической власти, особенно когда цифровизация осуществляется на всех уровнях управления. Экстенсивное развитие системы социального кредита может изолировать Китай от остального мира, создавая огромный разрыв между Поднебесной и другими странами. Этот разрыв, в конечном итоге, может даже привести к вопросу о базовой социальной структуре нации, если другие страны не решатся последовать примеру Китая и полностью контролировать людей в цифровом мире.

Подведем итоги. В наши дни большая часть связей между людьми, вещами и социальными силами осуществляется через цифровой мир. Поэтому цифровизация привычных вещей, процессов и услуг неизбежна, и это то, что мы все должны принять как элемент объективной реальности, как данность. Существует множество различных интерпретаций для этого быстро меняющегося мира, в котором Китай предпринял то, что ранее можно было рассматривать как почти экстремальный шаг, создав систему социального кредита. Ныне эта система признается многими как нечто само собой разумеющееся, как закономерный этап в развитии глобализирующегося мира, охваченного противоречиями между цивилизациями и культурами.

Имеющая значительные перспективы цифровая модель виртуальной реальности ускоряет цифровизацию с различных сторон. Кредитная система была впервые создана для того, чтобы создать гармоничное общество, где люди повсеместно соблюдают нормы морали и права. Однако имеющаяся согласованность действий между частными компаниями и правительством предполагает иную цель системы: она разрабатывает средства эффективного контроля над 1,4 миллиардами граждан гигантской страны.

Используя преимущества ранее существовавшего контролируемого общества наряду с ростом популярности цифровизации, система социального кредита отслеживает каждое движение, действие и слово индивида, а затем ставит ему оценку в виде «балла». Более высокий балл можно получить за такое поведение, как покупка подгузников (показывает ответственность родителей перед ребенком) и донорская сдача крови.

С другой стороны, плохое поведение включает в себя такие чисто человеческие и порой вполне простительные грехи, как мошенничество в онлайн-игре, употребление слишком большого количества алкоголя, бесцельное хождение по улицам и т.д. Люди с более высокими баллами или образцовые граждане получают множество преимуществ, такие как отсутствие необходимости платить депозиты за услуги обмена (автомобили, велосипеды), VIP-обслуживание в аэропорту и т.д. К гражданам с более низкими баллами будут относиться противоположным образом: у них будет более медленная скорость интернета, будут ограничения на покупку билетов на поезд и самолет. Возможен даже публичный позор, например, размещение фотографии нарушителя моральных и правовых норм на рекламном щите. К слову отметим, что если бы – следуя китайскому примеру – фотография Михаила Ефремова как возможного источника социальной опасности вовремя появилась на московских улицах, не было бы смерти невинного человека по вине талантливого, но деградировавшего актера.

Грань между «хорошим» и «плохим» несколько условна; люди, стоящие за системой, в конечном счете, получают право определять правила для регулируемого ими сообщества, что может привести к злоупотреблению властью. Кроме того, поскольку некому следить за самим алгоритмом, было бы трудно обнаружить какое-либо неправильное поведение или неисправность самой системы. Это, по сути, удобная черта для зарождающейся диктатуры.

Как только система социального кредита будет полностью реализована, люди начнут прииспосабливаться к соответствующему поведению, например, не подвергать сомнению ничего, ибо это может привести к понижению их кредитных баллов. Люди хотят получить более высокие баллы, поэтому они будут соблюдать правила, установленные правительством. Правительство,

надеясь сохранить способность контролировать своих граждан, создаст больше правил, которые не связаны с этикой или моралью, а скорее призваны подчеркивать преданность и лояльность к правительству страны.

Важным компонентом системы социального кредита является сбор данных. Власти должны были выбрать пилотные места для пробного запуска системы, чтобы эксперимент мог одновременно охватывать большое количество людей и эффективно собирать данные. Поэтому были выбраны городские районы. Городские жители также извлекали из этого выгоду; многие из преимуществ высокого балла были релевантны городской среде обитания, такие как прокат, транспортные преимущества и более легкое поступление в высшее учебное заведение. Тот факт, что уровень одобрения системы выше в городских условиях, также показывает предпочтение, которое система социального кредита принимает с точки зрения местоположения.

В сущности, в социалистическом Китае не отказались от идеи В.И. Ленина, впервые высказанной им в классической работе «Государство и революция» и впоследствии повторенной в статье «Как нам организовать соревнование»: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для «налаживания», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым является вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну» [14].

В целом, государственная система «социальный кредит» в Китае пока введена экспериментально в отдельных регионах и городах, но, власти видимо, не собираются останавливаться на достигнутых результатах. Эту систему часто называют «политикой» или «идеологией использования данных», чем «системой». Она сосредоточена на сборе информации и создании ограничений, способствующих надёжному поведению граждан и наказанию тех, кто не заслуживает полного доверия. С 1 мая 2018 года были введены ограничения для граждан и предприятий с низкой степенью социальной надёжности. После 2020 года систему социального кредита планируют ввести в Китае повсеместно.

Суть в том, что китайский опыт применения системы социального кредита и всеохватного мониторинга собственного народа не является чем-то из ряда вон выходящим и экстраординарным в эпоху, которую американцы часто называют «после 9.11». Политическая слежка за гражданами страны и иностранцами применялась всегда и во всем мире, а новые качественные масштабы она приняла после обострения угрозы терроризма и выхода противостояния современных цивилизаций на новый уровень.

Но социалистический Китай не только осуществляет социальный мониторинг граждан, но и предоставляет им значительные социальные гарантии, которых оказались лишены граждане современной России, пережившие тридцать лет назад бесперспективный во всех отношениях бросок в капитализм первоначального накопления со всей его социальной беспросветностью и всеобщим обнищанием народных масс. КНР, синтезировавшая основы социалистической общественно-экономической формации с элементами свободного предпринимательства, применяет систему социального кредита не только в карательных и фискальных целях, но и как действенный способ поощрения законопослушных граждан. Блага и достижения социализма нужно не только ценить, но и защищать. Видимо, одним из средств такой защиты мыслится и система социального кредита в Китайской Народной Республике.

Литература

1. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Берковский В.А. Философия постиндустриального общества: глобализационно-цивилизационный аспект развития: монография. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2017. 293 с.
2. Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб: П.П. Сойкин, ценз. 1903. 61 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 383 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Ст. и интервью 1970-1984. М.: Праксис, 2002.
5. Clifford D. The Monopoly of Credit. Bloomfield Books, 1979. 118 p.
6. Giesecke M. The Social Credit System in China. Leadership in the Digital Age. GRIN Verlag, 2018. 32 p.
7. Bunker R. China's Securing, Shaping, and Exploitation of Strategic Spaces: Gray Zone Response and Counter-Shi Strategies: A Small Wars Journal Pocket Book. Xlibris Corporation, 2019. 244 p.
8. Ding A., Panda J. Chinese Politics and Foreign Policy under Xi Jinping: The Future Political Trajectory. Routledge, 2020. 384 p.
9. Кларк Д. Alibaba: история мирового восхождения от первого лица: [о Джеке Ма]. М.: Э, 2017. 240 с.
10. Медведев Р.А. Подъем Китая: [что такое социализм по-китайски?]. М.: Астрель, 2012. 318 с.

11. Wu P. Population Development Challenges in China: Family Planning Policy and Provincial Population Difference. Springer Nature, 2020. 241 p.
 12. Schoppa K. Revolution and Its Past: Identities and Change in Modern Chinese History. Routledge, 2019. 504 p.
 13. Bealinger A. Foreign Aid: Control, Corrupt, Contain? Nova Publishers, 2006. 117 p.
 14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33: Государство и революция. М.: Политиздат, 1967. 433 с.
-

Kovalev Andrey Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Sredny Prospekt V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation). E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Knyazeva Ekaterina Yuryevna, Post-graduate Student of the Department of State and Municipal Administration, North-Western Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Sredny Prospekt V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation). E-mail: elynth@inbox.ru

SOCIAL CREDIT SYSTEM IN CHINA: EXPERIENCE OF POLITICAL ANALYSIS

Abstract

The article examines the Chinese experience of applying the social credit system and comprehensive monitoring of social behavior and political moods of the masses. Such attempts at universal control are made by the governments of many countries in the modern era of rampant terrorism and aggravation of inter-civilizational contradictions, but the modern PRC, which synthesized the foundations of the socialist socio-economic formation with elements of free enterprise, uses the social credit system not only for punitive and fiscal purposes, but also as an effective way to encourage law-abiding citizens.

Keywords: social credit system, digital reality, social guarantees, foreign experience, socio-economic formation, modern state, public administration, philosophy of politics, informatization, internet, smart city.

References

1. Baklanov I.S., Baklanova O.A., Berkovskij V.A. Filosofiya postindustrial'nogo obshchestva: globalizacionno-civilizacionnyj aspekt razvitiya: monografiya. Stavropol': SEKVOJYA, 2017. 293 p.
2. Dekart R. Razmyshleniya o pervoj filosofii. SPb: P.P. Sojkin, cenz. 1903. 61 p.
3. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem Press, 2019. 383 p.
4. Fuko M. Intellekturny i vlast': St. i interv'y u 1970-1984. M.: Praksis, 2002.
5. Clifford D. The Monopoly of Credit. Bloomfield Books, 1979. 118 p.
6. Giesecke M. The Social Credit System in China. Leadership in the Digital Age. GRIN Verlag, 2018. 32 p.
7. Bunker R. China's Securing, Shaping, and Exploitation of Strategic Spaces: Gray Zone Response and Counter-Shi Strategies: A Small Wars Journal Pocket Book. Xlibris Corporation, 2019. 244 p.
8. Ding A., Panda J. Chinese Politics and Foreign Policy under Xi Jinping: The Future Political Trajectory. Routledge, 2020. 384 p.
9. Klark D. Alibaba: istoriya mirovogo voskhozhdeniya ot pervogo lica: [o Dzheke Ma]. M.: E, 2017. 240 p.
10. Medvedev R.A. Pod "em Kitaya: [chto takoe socializm po-kitajski?]. M.: Astrel', 2012. 318 p.
11. Wu P. Population Development Challenges in China: Family Planning Policy and Provincial Population Difference. Springer Nature, 2020. 241 p.
12. Schoppa K. Revolution and Its Past: Identities and Change in Modern Chinese History. Routledge, 2019. 504 p.
13. Bealinger A. Foreign Aid: Control, Corrupt, Contain? Nova Publishers, 2006. 117 p.
14. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 33: Gosudarstvo i revolyuciya. M.: Politizdat, 1967. 433 p.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Кузина Светлана Ивановна	доктор политических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры уголовного права и криминалистики, Донской государственный технический университет (344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1). E-mail: svivk@yandex.ru
Пастухов Тарас Юрьевич	аспирант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: taras-88ll@mail.ru

Аннотация

Исследование посвящено проблеме истории политического проектирования национальной идеи как отражения общественного договора. России, находящейся в состоянии политической турбулентности последние двадцать лет, необходим общественный договор консолидирующего свойства, способный стать национальной идеей, с которой было бы согласно все российское общество. Важной целью исследования является рассмотрение процессов конструирования идей, на основании которых возможно появление общественного договора как консенсуса в выработке общественного согласия между разными социальными группами, а также между властью и обществом.

Ключевые слова: национальная идея, общественный договор, политический проект, история политического проектирования, государственность, социально-политические противоречия, консолидация общества, социально-политическая жизнь, абсолютизм.

Социально-политической жизни современных обществ присущ плюрализм идей, религий, интересов, убеждений, составляющих ту часть общественного сознания масс, которая может стать мощным фактором в политических процессах трансформации и развития современной мировой системы. Целеполагание жизнедеятельности индивидов, групп, наций формируется на основе общепризнанной или национальной идеи, приобретающей высокую социально-политическую значимость как для элит, так и для масс народа.

Российская национальная идея, осознание необходимости которой два последних десятилетия декларируется в принимаемых стратегиях развития государства, сталкивается с глубокими социально-политическими противоречиями как внутреннего, так и внешнего характера. Основная задача национальной идеи – это консолидация российского общества на пути дальнейшего развития России, укрепления ее суверенитета, государственности, обеспечения национальной безопасности страны. Формулировка национальной идеи – это миссия национальной элиты, содержание ее должно быть принято всеми слоями общества, независимо от уровня доходов, национальности, религии и других многообразных идентификационных параметров россиян, некоего общественного договора между всеми. Элита уже предлагала обществу в последние годы проекты национальной идеи – «суверенной демократии», «модернизации» и других, не имевших успеха, и так и не ставших национальной объединительной идеей россиян.

Представляется полезным для исследования процессов конструирования идей, на основании которых возможно появление общественного договора как консенсуса в выработке общественного согласия между разными социальными группами, и, что очень важно – между властью и обществом, обратиться к истории политического проектирования в этой области.

Самые заметные новации на пути проектирования теории общественного договора можно отнести к XIV-XV векам. Наступала эпоха изменений в социально-политической сфере, получившая название Эпохи Возрождения. Резко вспыхнул интерес интеллектуалов того времени к античным трудам, актуализировав рационалистический подход к отношениям между правителями и народом. Был провозглашен светский характер высшей власти, а монарх объявлен представителем народа. Большим политическим проектом по десакрализации власти, послужившим основой для дальнейших либеральных мировых идеологий, стали труды М. Падуанского, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Г. Гроция, Д. Локка, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье и др. [1].

Н. Макиавелли, мыслитель XVI века, своими «революционными взглядами» на природу и механизмы власти подготовил благоприятную почву для дальнейшего проектирования теории

общественного договора как общенационального консенсусного конструкта общественных отношений. Он развивал тему десакрализации власти, сокращая дистанцию отчуждения правителя и общества, делая механизмы управления прозрачными в целях укрепления власти государя (или в целях повышения эффективности государственного управления, в современной терминологии). Публично утверждая в своей работе «Государь» необходимость для государя быть, когда нужно, «лисом», а, когда нужно, «львом», Макиавелли предлагал политический проект повышения эффективности управления государством [2]. Этот проект заключался в открытости и динамичности управления, требующего постоянной работы, мониторинга социально-политической ситуации, гибкой реакции на изменения путем внесения корректировок в схему и политику управления.

Необходимо помнить о персонифицированном подходе в XVI-XVII веках к истории: история государств рассматривалась через историю действий монархов, а не через историю социальных институтов или народов.

Ренессанс, или эпоху Возрождения, сменило Новое время, строившее в XVII-XVIII веках свои концепции и принципы в парадигме теорий естественного права и общественного договора. Сторонники естественного права говорили и писали о естественных правах людей на защиту своих потребностей на основе принципов общей воли и разума. Главной же «заслугой» проекта научной мысли Нового времени стал сформулированный принцип удовлетворения потребностей людей с одновременным соблюдением прав и свобод каждого. Однако проекты политической мысли Нового времени были одновременно достаточно дифференцированы, – наиболее яркими из них стали абсолютизм, радикализм и либерализм.

Абсолютистский вариант политического проекта Нового времени отражал общественный договор между сувереном и гражданами, согласно которому граждане передают свои права суверену на управление ими. Одним из основателей абсолютистского варианта общественного договора являлся Т. Гоббс, который в работе «Левиафан» (в древнееврейской мифологии – многоголовое чудовище, обладающее большими размерами и силой) именем Левиафан называет государство [3]. Гоббс настаивал на том, что, так как люди эгоистичны, и каждый из них заботится об удовлетворении только собственных интересов и жаждет власти, то без единоличного управления ими монархом общество погрузится в пучину «войны всех против всех». Поэтому для выживания общества людям необходимо сильное государство, обладающее мощью Левиафана, превышающей суммарную силу всех подданных монарха (т.е. государства, государственной, верховной власти).

Но для осуществления абсолютной власти необходимо, чтобы люди согласились ограничить определенные свои потребности во имя общего блага, безопасности и порядка. Власть же берет на себя управленческие, организационные функции для реализации общих целей. Общество платит цену общественного договора, беря на себя обязательство по соблюдению правил повиновения правителю, а тот обеспечивает всеобщие безопасность и защиту каждого. Если основная часть общества согласна на такой общественный договор, приносящий стабильность и понятные всем правила общежития, это можно рассматривать национальную идею, обладающую консолидирующим потенциалом.

Гоббс допускает и определенные отступления от абсолютного повиновения, например, если приказ монарха угрожает жизни подданного, в этом случае подданный может послушаться правителя. Но он также оправдывает репрессивные действия правителя в случае массовых насильственных протестов населения. Таким образом утверждается неограниченное могущество власти, на поддержание которой необходимо наличие больших ресурсов.

Абсолютизм развивал и богослов XVII века Ж.-Б. Боссюэ, который, как служитель Церкви, продолжал рассматривать власть монарха с позиций теологии и видел в ее проявлениях Божью волю. Тем не менее, он поддерживал воззрения Аристотеля и Гоббса, признавал в них разумное начало, настаивал на моральной стороне власти, которая заботится о живущем во грехе народе [4–5].

С абсолютистским политическим проектом общественного договора не соглашались авторы либерального проекта общественного договора, противостоящие абсолютной власти одного человека над всеми, что противоречит естественным правам и неотъемлемым потребностям человека. Общественный договор, утверждали Дж. Локк [6] и другие представители либерализма, – это передача прав граждан еще одному актору политической системы – государству. Объем передаваемых прав государству должен быть ограничен функциями, которые обязана выполнять государственная машина управления для организации жизни общества. Основная цель либерального проекта: защита права частной собственности, свобод и прав людей, что, безусловно, не могло не найти поддержки в обществе, достаточной для того, чтобы стать национальной идеей, разделяемой большинством. А предлагаемый либералами плюрализм и политическая конкуренция в борьбе за власть позволяли сохранить правила борьбы в рамках закона. Поэтому принцип разделения власти на три независимые ветви, контролируемые на основе права друг друга, стало принципом демократизации общества, сохраняющим востребованность обществом и свою действенность по настоящее время.

Что обусловило сохранение ценностей либерализма в такой мере, что стало основой конституций многих государств. Защита прав каждого человека, обеспечиваемая государством, создающим условия для их реализации, составляет ту привлекательную основу либерализма, которая поддерживается большой массой людей, и что не может их не объединять и мобилизовать для воплощения в жизнь либерального проекта как общественного договора.

Новое время знаменито и тем вкладом в гуманитарную мысль, который сделал Ш.-Л. Монтескье [7]. Он обосновал обеспечение свободы человека через республиканскую форму правления в государстве. Республика означала представительство граждан в органах управления государством, что обеспечивало легитимность власти. Характеризуя режимы власти, он выделил монархию и деспотию. И при этом оговаривался, что республиканская, представительская форма, ее эффективность во многом зависит от политической ситуации в каждом конкретном государстве.

Главной заслугой либерального проекта в развитии теории общественного договора является установление категорий легитимности власти, как выражения доверия народа, верховенства права и разума.

Ж.Ж. Руссо раскрыл основы общественного договора на основе такого принципа, как легитимность власти, которую, как он утверждал, нельзя передать по наследству, как корону монарха. Он отвергал представительную форму правления, считая, что только прямое участие граждан в управлении (соуправление) стирает статусные границы между правителями и управляемыми и поможет принимать политические решения во имя всеобщего блага. Однако мыслитель не нашел однозначного ответа на вопрос, кто же будет выражать общую волю с учетом противоречивости интересов индивидов. Поэтому он вынужден был признать необходимость подчинения отдельных индивидов решениям, принимаемым по воле большинства. Что опять приводит к ситуации, когда личность должна подчиниться государству, во имя общего блага и стабильности организации общественной жизни [8].

Безусловно, политический проект Нового времени по утверждению верховенства права, разделению властей, рационализации общественной жизни и необходимости ограничения всевластия государства, общественного контроля деятельности властных структур после многовековой деспотии абсолютизма стал всеобщей консолидирующей и мобилизующей идеей устройства общества.

Распространение либеральных принципов в политическом общественном сознании как конструкта управления и устройства социального организма закономерно привело к политическим проектам XIX-XX веков, сохраняющих свое влияние на массовое сознание до сих пор. Одной из заметных тенденций в изменениях общественного договора между правящими элитами и обществом стал контроль над сознанием масс. Начиная с XIX века мировоззренческие теории получили не только широкое развитие, но и разветвились по нескольким, порой противоречивым направлениям, разделяя массы на противников каждой теории и ее сторонников. Политическое проектирование приобрело программный характер, принятый появившимися и множившимися политическими партиями и движениями, привлекающими на свою сторону обширные социальные группы (электорат) в борьбе за власть. Феномен политического проектирования разных форм общественного договора отслеживается от времени Великой французской революции до нашего времени.

Рассматривая эволюцию теории общественного договора, можно выделить основные особенности теории, которые выделяли эту концепцию из ряда других предложенных научной мыслью концепций, позволяющих констатировать наличие в ней неких общечеловеческих культурных кодов, позволяющих понять этот феномен: теория общественного договора остается общепризнанной на протяжении последних веков, так как основывается на простейших условиях, с которыми согласны все граждане.

Прежде всего необходимо отметить ее прогрессивный характер, что означает наличие потенциала развития и адаптивные способности переходить от одного исторического периода к другому, развиваясь одновременно с человечеством. Теория общественного договора находит своих сторонников в разных общественных науках, так, философы рассматривают договор в качестве механизма, укрепляющего отношения управляемых и управляющих; правоведы находят в нем подтверждение естественных прав человека и гражданина; в политических науках общественный договор трактуется как форма легитимации власти. Особенно значимо идея общественного договора проявилась в Новое время в противостоянии с уходящей средневековой доктриной о божественной легитимности власти и, способствуя процессу ее десакрализации, предложила свой путь легитимации – через договор о делегировании полномочий власти от общества.

И наиболее близкий к современности этап совершенствования теории общественного договора отличается разработкой вечной проблематики концепта справедливости. Так, на протяжении веков, с развитием общественной и научной мысли, менялись и представления о справедливости и ее соотношения с законами государства. Если исходить из античных постулатов, то справедливостью

в ту эпоху считалось соблюдение законов, установленных государством. На исходе Средних веков, при переходе права от естественной теории к гражданскому состоянию, центральной идеей справедливости становится равенство всех участников договорных отношений перед законом. И уже в настоящее время общественно-научный дискурс определяется утверждением, что право должно соответствовать представлениям о справедливости.

За прошедшие века было создано много теорий, которые возможно концептуально объединить в некие глобальные структуры. Например, известные теории М. Фуко и П. Бурдьё можно объединить в один политический социалистический проект исполнения общественного договора [9–10]. Такие глобальные структуры можно рассматривать как некий план, рецепт, содержащий стратегии развития, направления, но в то же время свидетельствующий о том, что политически спроектировать можно все, что угодно.

Современный глобальный мир и мировая геополитика расширяют круг проектов до не представляемых ранее сфер, таких частных, к примеру, как семья. Политизация всех сфер общественной жизни рождает множественные дискуссии, не приводящие к единому выводу, такие, как: что первично в общественной жизни, экономика или политика.

Не все глобальные проекты как общенациональные идеи выдерживают проверку на исторической дистанции. Как это произошло с коммунистическим проектом, который не смог представить успешную экономическую систему, не смог адаптироваться к меняющимся мировым условиям и тенденциям, политический правящий класс перешел в фазу вырождения, а тотальное принуждение во всех сферах общественной жизни тормозило научно-техническое развитие.

Одним из проектов национальной идеи в парадигме общественного договора в современной России стал политический проект нациестроительства, объединивший несколько направлений, нацеленных на собирание разных этносов страны в некое воображаемое сообщество, объединенное осознанием общей национальной российской идентичности. Российская нация представляет собой сложный культурный конгломерат, сочетающий в себе различные национальные и религиозные особенности народов, входящих в ее состав. Но при всем многообразии культурных составляющих общий код российской нации базируется на ценностях, которые разделяют все народы России. Это общая история, военные потери в Великой Отечественной войне, образование, опыт строительства общего дома, общая реальность, общая территория. Базовая историческая культура российской нации сочетается и обогащается самобытностью каждого этноса и каждой религии.

Стратегические цели развития и преумножения богатств России, защита ее суверенитета как единой нации можно с уверенностью назвать идеей, разделяемой гражданами страны, а также основой общественного договора между всеми слоями общества, независимо от статуса или политических предпочтений.

Серьезное влияние на концепцию общественного договора в его ипостаси национальной идеи в России оказала информационная эпоха с ее характеристикой быстрого обмена институционально значимой информацией. Медиа-сфера в системе общественных отношений обособилась в такой степени, что стала способна формулировать свой общественный договор.

Проникновение в общественную жизнь идей публичной демократии, усложнение процедуры представительства и легитимации власти, развитие коммуникационно-технологической сферы актуализировали интерес к теме общественного договора. Информационная сфера стимулировала поиск устойчивой парадигмы, которая способствовала бы реагировать на изменяющуюся действительность, отвечать на вызовы и угрозы.

Возникла необходимость формулировки национальной идеи, способной объединить и удержат российское общество в созидательном русле под угрозой деструктирующих процессов, таких, как экономические кризисы, международные санкции, терроризм, геополитическая конкуренция, рост протестов. Осознание элитой растущей необходимости предложить обществу новый общественный договор выразилось в легковесные предложения строительства «суверенной демократии» или «модернизации», понимаемой политико-административной элитой лишь в технологическом плане. Но поиск продолжается, о чем свидетельствует появляющиеся периодически в медиапространстве предложения обсудить идею «Общественный договор – 2030» как идею сотрудничества государства, гражданского общества и бизнеса [11] или Новый общественный договор, основанный на концепции «мир для всех и все для мира» [12].

Конструирование национальной идеи как эффективного общественного договора между субъектами общественных отношений в условиях современной массовой политической и экономической турбулентности – в контексте интеграции российской нации, представляет собой актуальную задачу, имеющую не только научное, но политическое значение.

Литература

1. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней, 2-й том. СПб.: Петрополис, 1997. 368 с.
2. Макиавелли, Н. Государь. М.: Рипол, 2018. 296 с.
3. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
4. Денисюк Н. Жак Бенинь Боссюэ // Отдых христианина. 1916. № 5/6. С. 73-94.
5. Денисюк Н. Жак Бенинь Боссюэ // Отдых христианина. 1916. №7/8. С. 125-148.
6. Локк, Дж. Соч. в 3-х т., Т.1. М.: Мысль, 1985. 623 с.
7. Монтескье, Ш.Л. О духе законов. М.: Рипол, 2018. 690 с.
8. Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2018. 146 с.
9. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 450с.
10. Бурдьё, П. Социология политики. М.: «Socio-Logos», 1993. 333 с.
11. Понеделков, А.В., Кузина, С.И., Черкасова, Т.П. «Общественный договор-2030» – современный институт реализации взаимодействия государства, общества и бизнеса // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. №3. С. 132–142.
12. Новый общественный договор / Институт социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова; под редакцией А.В. Щербакова, Л.А. Колесовой, В.Г. Буданова. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/novyy-obshchestvennyy-dogovor> (дата обращения 30.12.2020)

Kuzina Svetlana Ivanovna, Doctor of political science, Professor of Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Don state technical University (1, Gagarin square, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: svivk@yandex.ru

Pastuhov Taras Yurjevich, Postgraduate of Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tapac-88ll@mail.ru

NATIONAL IDEA THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF SOCIAL CONTRACT

Abstract

The research is devoted to the problem of the history of political design of the national idea as a reflection of the social contract. Russia, which has been in a state of political turbulence for the past twenty years, needs a social contract of a consolidating nature that can become a national idea with which all Russian society would agree. An important objective of the research is to examine the processes of design ideas, based on which the possible emergence of the social contract as a consensus of public consent between different social groups and between government and society.

Keywords: *national idea, social contract, political project, history of political design, statehood, socio-political contradictions, consolidation of society, socio-political life, absolutism.*

References

1. Reale D., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei, 2-j tom. SPb.: Petropolis, 1997. 368 p.
2. Makiavelli, N. Gosudar'. M.: Ripol, 2018. 296 p.
3. Gobbs T. Levafan. M.: Mysl', 2001. 478 p.
4. Denisyuk N. ZHak Benin' Bossyue // Otdyh hristianina. 1916. № 5/6. P. 73-94.
5. Denisyuk N. ZHak Benin' Bossyue // Otdyh hristianina. 1916. №7/8. P. 125-148.
6. Lokk, Dzh. Soch. v 3-h t., T.1. M.: Mysl', 1985. 623 p.
7. Montesk'e, SH.L. O duhe zakonov. M.: Ripol, 2018. 690 p.
8. Russo ZH. Ob obshchestvennom dogovore ili principy politicheskogo prava. M.: YUrajt, 2018. 146 p.
9. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M.: «Ad Marginem», 1999. 450p.
10. Burd'e, P. Sociologiya politiki. M.: «Socio-Logos», 1993. 333 p.
11. Ponedelkov, A.V., Kuzina, S.I., CHerkasova, T.P. «Obshchestvennyy dogovor-2030» – sovremennyy institut realizatsii vzaimodejstviya gosudarstva, obshchestva i biznesa // Vestnik VolGU. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. №3. P. 132–142.
12. Novyy obshchestvennyy dogovor / Institut social'no-ekonomicheskogo prognozirovaniya im. D.I. Mendeleeva, Sretenskij klub im. S.P. Kurdyumova; pod redakciej A.V. SHCHerbakova, L.A. Kolesovoj, V.G. Budanova. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/novyy-obshchestvennyy-dogovor> (data obrashche-niya 30.12.2020)

ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЛНЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

**Островский
Сергей
Викторович**

кандидат философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

**Лобова
Лариса
Александровна**

младший научный сотрудник, Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69); преподаватель кафедры философии и методологии науки, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

**Тованчова
Елена
Николаевна**

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2); младший научный сотрудник, Институт междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69). E-mail: just_ien@mail.ru

Аннотация

В статье представлена попытка концептуальной сборки на платформе системных представлений о современной глобализации и наблюдаемой глобальной динамике. Актуальность данной статьи заключена в идеях и подходах, обусловленных всеускоряющимся формированием «третьей волны» глобализации и государствообразования и релевантных им механизмов глобальной и национально-государственной регуляции и управления.

Ключевые слова: глобализация, государствообразование, мир-системный анализ, коннектография, государство, центр-периферия, деглобализация, геополитическая динамика, политическое управление.

Со второй половины XX века (после окончания второй мировой войны) резко институционализировался процесс государствообразования. Следует указать на две основных волны этого процесса, которые сопряжены с волнами глобальной динамики, центрами которых выступают, соответственно, биполярная и однополярная глобальная система. Системообразующее воздействие первой волны государствообразования было ориентировано на три, так называемые «Матрицы государствообразования» (народная демократия, ориентированная на социальное государство и соответствующий «Полис» мирового развития; конкурентная демократия, ориентированная на свободный рынок и дистанцию от него государственных институтов, патронируемые «запарными партнерами» и их военно-политическими партнерами; неприсоединение, пытающееся занять нейтральные позиции по отношению к основным полюсам мировой динамики. Вторая волна обусловлена кризисом и разрушением одного из глобальных полюсов.

Соответственно, шаги по монополизации влияния на государствообразующие процессы со стороны оставшегося «полиса» интенсифицировали и расширили фронт диффузии моделей и образцов государственного строительства и политического управления. В то же время как бы в законсервированно-самобытном состоянии осталась внеполюсная агрегация «неприсоединившихся государств». Распад СССР и развал его партнерской системы стал эпицентром второй волны государствообразования. Соответственно, был запущен целенаправленный процесс трансфера образцов и технологий государственного строительства и политического управления применительно к более чем трем десяткам новых и обновленных государств.

В постсоветской России, начиная с 1991-1993 гг. данный процесс был оформлен в формате основного закона страны-Конституции Российской Федерации. Глобально-политический контекст

был сопряжен с влиянием (прямым и косвенным), направленным на укрепление соответствующих конституционных российских институтов, норм и ценностей. Однако данный исторический интервал оказался недолгим (порядка 15-20 лет) и вступил в фазу аутентичной модели политического конституционирования. Ее основная направленность – полиазимутное движение к полному государственному суверенитету и его укрепление (военно-политического, экономического, социокультурного). Разработки и принятие поправок к действующей Конституции оформило ее новую редакцию и поставило комплексную проблему политической экспозиции и закрепление нового формата политического управления.

Основные направления и шаги по решению этой проблемы пока недостаточно ясны, но повестка последующих действий обозначена. Следовательно, суть сформировавшейся политико-управленческой проблемы: экспозиция основных направлений формирования новой системы политического управления РФ и ее институциональной и политико-технологической платформы.

В статье ставится проблема выявления детерминантов и механизмов формирования новой волны глобализации на фоне первичной феноменологии деглобализационных процессов (квазидеглобализации), усугубленной современной пандемической картиной (COVID-19), а также коррелирования с этим глобальной управленческой системы.

Углубленный анализ вторичных феноменологических проявлений современной глобальной динамики обращает внимание на такие значимые признаки новой волны глобализации как формирование многополюсного мира локальных цивилизаций, подготовка третьей волны глобализации с новой глобальной коннект-границей и признаками технологических укладов; формирование третьей волны государствообразования и возрастание роли принципа глобальной субсидиарности; переход к новому формату глобального управления и регулирования международных отношений в системе локально-цивилизационной и государствообразующей диатропики.

Так же как мир эволюционировал от вертикально интегрированных империй к горизонтально взаимосвязанным странам, сегодня он преобразуется в глобальную сетевую цивилизацию, чья карта соединительных коридоров заменит традиционные карты с национальными границами. Каждая континентальная зона уже превращается во внутренне интегрированный мегарегион (Северная Америка, Южная Америка, Европа, Африка, Аравия, Южная Азия, Восточная Азия) со свободной торговлей в сочетании с интенсивными связями между его процветающими городами-государствами.

Кроме того, карты взаимосвязей лучше отражают геополитическую динамику супердержав, городов-государств, транснациональных корпораций и виртуальных сообществ всех видов, так как они конкурируют за ресурсы, рынки и умы.

Указанные тенденции представлены в современной системе гуманитарно-научной рефлексии и аналитики эскизно и противоречиво. И прежде всего требуется их концептуальная сборка на платформе системных представлений о современной глобализации и наблюдаемой глобальной динамике. Актуальность концентрированной репрезентации предлагаемых в статье идей и подходов обусловлена всеускоряющимся формированием «третьей волны» глобализации и государствообразования и релевантных им механизмов глобальной и национально-государственной регуляции и управления. Что позволяет сформировать и выверить в итоге аутентичные для современной России стратегии развития и учета новой системы глобальных рисков и угроз для ее безопасности. В связи с чем необходимо обратить внимание на:

Анализ государствообразующих процессов и их последствий во второй половине XX века начале XXI века.

Выявление базовых детерминантов формирования биполярного глобального мира и их проактивно-генерирующего воздействия на формирования трех кластеров государствообразования.

Репрезентация Второй волны глобализации, генезиса однополярного мира и его монополярного воздействия на процесс государствообразования.

Определение основных источников и направлений воздействия и трансфера норм, ценностей, и государствообразующих институтов и технологий Постсоветской России.

Репрезентация основных дискурсов, определяющих предпосылки новых подходов к государствообразованию в современной России.

Что касается методологии исследования, то важными в данной работе выступает институциональный подход, сопряженный с системным методом и сравнительным методом, которые используются для выявления взаимосвязи различных политических отношений в рассматриваемой области.

Использование комплекса аналитических инструментов позволяют сфокусироваться на выработке новых подходов к интерпретации роли ценностей и смыслов в процессах современного

государствообразования, в том числе и допущения исследований, связанных с идеей стирания государственных границ.

Немаловажное значение в методологии исследования в области политических процессов занимают труды по моделированию. В этом плане используется опыт разработки социально-политических моделей в зарубежных исследованиях Дж. Форрестера, Т. Скочпола, С. Липсета, Р. Стивенсона, Д. Дзоло и др. авторов, где инновационная их нацеленность определяется концептуализацией ряда предлагаемых идей и подходов.

Определенным шагом вперед стало фундаментальное Параг Ханна «Коннектография. Будущее глобальной цивилизации» (М., Манн, Иванов и Фербер, 2019), в котором автор репрезентирует с информационно-сетевых позиций контуры мира новой волны глобализации. В коннектографическом и управленческом аспекте – репрезентацией моделей глобальной регуляции и управления в рамках второй и зарождающейся третьей волны глобализации [1, с. 5-30].

В своей работе Параг Ханна вводит термин «коннектография» и обозначает это понятие как более важное, чем традиционная политическая география. Хотя, Хэлфорд Маккиндер, сто лет назад призывал государственных деятелей ценить эту науку и учитывать ее при разработке государственных стратегий, но не становиться ее рабом [2].

Освоение человеком земного шара привело к тому, что сегодня уже не осталось неоткрытых земель; каждый квадратный метр обследован и нанесен на карту. Небеса переполнены самолетами, спутниками, беспилотниками; атмосфера загрязнена выбросами углекислого газа, пронизана радиолокационными и телекоммуникационными сигналами. По этому поводу достаточно емко высказался ученый-эколог Вацлав Смил «.. как сильно мы должны быть впечатлены ...масштабностью и сложностью глобального материального сооружения, воздвигнутого современной цивилизацией с середины XIX века, как и непрерывными материальными потоками, необходимыми для его эксплуатации и поддержания» [3, р. 157].

Объекты мегаинфраструктуры не укладываются в рамки природных или государственных границ, а их нанесение на карту показывает, что эра деления мира по политическим признакам (юридически признанным границам) уступает место его делению по признакам функциональным (в зависимости от его фактического использования), то есть формальный мир юридически признанных политических границ сменяется реальным миром функциональных связей. Границы показывают деление по политическим причинам, а инфраструктура – связи в рамках функциональной географии. По мере того, как связывающие нас линии заменяют разделяющие нас политические границы, функциональная география становится важнее политической.

Однако, не является ли такая функциональная география демонстрацией мир-системного анализа Иммануила Валлерстайна, где в центре глобального мироустройства находятся три региона: высокоразвитое ядро, нищая периферия и буферная полупериферия. В процессе взаимодействия, которых происходят периодические кризисы, последний из которых приходится на конец XX в.

«В качестве основной единицы анализа Валлерстайн рассматривает «мировую систему» как целостное единство трех сфер человеческой деятельности: экономической, политической и социокультурной, тесное переплетение которых обеспечивает развитие единого социального организма» [4, с. 49].

Касаясь вопроса об отношениях центра и периферии, американский политолог Рейно попытался смоделировать весь спектр отношений, которые могут существовать в отношениях центр-периферия на разных уровнях. Он переходит от ситуации абсолютного господства к ситуации обращения потоков, когда старая периферия становится центром, а старый центр-периферией. В основе этой системы лежала эксплуатация природных ресурсов, поскольку именно регион, производящий природные ресурсы, стал центром, а все остальное идет на пользу ранее доминировавшему региону, который стал центром в конце этого процесса.

Может сложиться ситуация с оттоком природных богатств, капитала и переселения людей трудоспособного возраста в доминирующий регион. Центр истощает все богатства, и мы имеем полностью доминирующую периферию. Наихудшая ситуация-это ситуация доминирующей периферии, а затем заброшенной периферии, которая не обязательно основана на разграблении природных ресурсов, но которая не является необходимой для развития центра.

В первом случае преобладает периферия, но она необходима центру, потому что обладает природными богатствами. Во втором случае происходит отток богатства, но не необходимого для развития центра. Эта периферия и доминирует, и игнорируется.

Затем мы приходим к ситуациям интегрированных периферий, потому что начинается относительное распределение по отношению к этой периферии. Это все еще дисбаланс, но поддерживается желанием поддерживать эту периферию на определенном уровне развития и посылает ей

определенное количество ресурсов. Эти возвращения могут быть очень важны, потому что мы находимся в фазе, когда происходит присоединение периферии. Осуществляется переход от господства к аннексии, и когда происходит аннексия, начинается поддержка периферии. Во-вторых, существуют этапы реального развития периферии, что приводит к ситуации почти равенства между центром и периферией.

Однако же в своем исследовании Параг Ханна утверждает, что созревающая глобальная сеть цивилизаций в перспективе может сократить загрязнение окружающей среды, неравенство и даже преодолеть геополитическое соперничество. Опираясь на наше представление об устройстве мира политолог выясняет какое взаимодействие наиболее значимо? Говоря о том, что когда страны мыслят функционально, а не политически, они сосредоточиваются на оптимизации использования земли, труда и капитала, территориальном размещении ресурсов и выходе на глобальные рынки. Объекты инфраструктуры, обеспечивающие связи между странами, невзирая на государственные границы, приобретают особые свойства, становясь чем-то большим, чем просто автомагистраль или линия электропередач. Они превращаются в некие символы мира без границ. Такие связующие объекты инфраструктуры приобретают особый статус, легитимность, объясняемые их совместным строительством и использованием, и в результате становятся более реальными, чем закон и дипломатия.

Профессор Йельского университета Келлер Истерлинг называет это «внегосударственным управлением»¹. Новым девизом будущего должны стать слова «Связанность – это судьба» [1], так как в таком случае связанность приобретает геополитическое значение, поскольку меняет роль и значение границ. Составляя карты на основе функциональной географии – транспортные маршруты, энергосети, финансовые системы, передовые оперативные базы, интернет-серверы, – мы также наносим на них точки, где будет осуществляться управление. И системе по сути все равно, какая сила будет осуществлять его в наибольшей степени, но именно эта сила станет самой влиятельной.

Отображение расширяющейся сети объектов инфраструктуры интересно еще и потому, что не учитывает суверенных границ. Эти связующие линии устанавливаются сейчас, в отличие от случайных или произвольных границ, проведенных некогда в прошлом. Многие ученые считают политические границы определяющими, исходя из представлений, что территория – основа власти, государство – единица политического устройства, а национальная идентичность – источник лояльности населения, и только государственная власть способна навести порядок в стране. Таким образом повсеместное распространение связанности способно привести к краху этих представлений? Получается что, такие факторы, как децентрализация (передача властных полномочий в регионы), урбанизация (рост и влияние городов), смешение рас (генетическое смешение населения в результате массовой миграции), мегаинфраструктура (новые трубопроводы, железные дороги и каналы, преобразующие географию) и цифровая связь (появление новых форм сообществ), потребуют создания более сложных карт, что определяет особый интерес к данному исследованию и приложению к изучению государствообразующих процессов.

На развитие государствообразования в определенной степени влияют процессы глобализации и региональной интеграции, которые могут играть как интегративную, так и разрушительную роль. Глобализация и интеграция определенно способствуют более тесному взаимодействию государств и субъектов вне государства, их объединению в транснациональные и глобальные сети, которые построены на различных каналах взаимозависимости (торговля, политика, безопасность, окружающая среда и социокультурные связи и т. д.).

Указанный выше спектр общих методов и подходов позволит сфокусироваться на исследовании многоуровневого процесса современных трансформаций, формирующихся на рубеже смены волн глобализации.

Литература

1. Ханна, Параг. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации/ Параг Ханна; пер. с англ. Э. Кондуковой; [науч. ред. Р. Хусаинов, В. Шульпин]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
2. Jihyun Kim. Territorial Disputes in the South China Sea: Implications for Security in Asia and Beyond/Strategic Studies Quarterly Vol. 9, No. 2 (SUMMER 2015).
3. Vaclav Smil. Making the Modern World: Materials and Dematerialization (MIT Press, 2007).
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

¹ Юлия Громова. Прочитали за вас: эссе medium design. Келлер Истерлинг. Режим доступа: <https://strelkamag.com/ru/article/prochitali-za-vas-esse-medium-design-keller-isterling>

Ostrovskiy Sergey Viktorovich, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

Lobova Larisa Aleksandrovna, Junior Researcher of Institute for Interdisciplinary Research on Global Processes and Glocalization, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Lecturer of Department of Philosophy and Methodology of Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: lora.lobova2009@yandex.ru

Tovanchova Elena Nikolaevna, Candidate of Political Science, Associate Professor of State and Municipal Administration, Rostov State University of Railway Transport (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation); Junior Researcher of Institute for Interdisciplinary Research on Global Processes and Glocalization, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: Just_ien@mail.ru

STATE-FORMING PROCESSES. METHODOLOGY OF THE STUDY

Abstract

The article presents an attempt at conceptual assembly on a platform of systemic ideas about modern globalization and observed global dynamics. The relevance of this article lies in ideas and approaches arising from the increasing formation of the "third wave" of globalization and state formation and the mechanisms of global and national-state regulation and management relevant to them.

Keywords: *globalization, state formation, annexation, world-system analysis, connectography, state, center-periphery, deglobalization, geopolitical dynamics, political governance*

References

1. Hanna, Parag. Konnektografiya. Budushchee global'noj civilizacii/ Parag Hanna; per. s angl. E. Kondukovoj; [nauch. red. R. Husainov, V. SHul'pin]. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019.
2. Jihyun Kim. Territorial Disputes in the South China Sea: Implications for Security in Asia and Beyond/Strategic Studies Quarterly Vol. 9, No. 2 (SUMMER 2015).
3. Vaclav Smil. Making the Modern World: Materials and Dematerialization (MIT Press, 2007).
4. Vallerstajn I. Mirosistemnyj analiz: Vvedenie / per. N. Tyukinoj. M.: Izd. dom «Territoriya budushchego», 2006. 248 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Петрова Светлана Владиславовна	доктор политических наук, декан юридического факультета, профессор кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет (354008, Россия, г. Сочи, ул. Политехническая, 7). E-mail: solus46@mail.ru
Сидорова Анна Вячеславовна	магистрант факультета экономики и процессов управления, Сочинский государственный университет (354000, Россия, г. Сочи, ул. Пластунская, 94). E-mail: restless-spirit2015@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий в политический и избирательный процессы в Российской Федерации в условиях изменения ситуации в мире, в том числе в результате распространения коронавирусной инфекции. Рассматриваются преимущества процесса информатизации, а также вызовы и угрозы, возникающие в результате его развития.

Ключевые слова: *цифровизация, информатизация, политический процесс, избирательный процесс, дистанционное электронное голосование, публичное пространство, социальные отношения, цифровые технологии, избирательные участки.*

Процессы цифровизации и, связанные с ними, трансформации общественного, политического и в целом публичного пространства характеризуются множеством факторов, которые генерируют множество факторов, оказывающих существенное влияние на систему социальных отношений. Но, в целом, это влияние пока носит недостоверный характер, т.к. мы видим возникающие сложности соединения новых цифровых технологий с реальными практиками отдельных индивидов и групп, не готовых часто воспринимать подобного рода обстоятельства.

Пока мы наблюдаем в большей степени относительно нерегулярные и несистемные последствия присутствия элементов цифровизации в традиционных общественных отношениях (идеальным примером этого выступают различного рода онлайн-петиции, которые постепенно вытесняют сборы подписей на бумаге, но статус, которых для принятия решений по-прежнему остается под большим вопросом) [1]. Но вместе с этим, процесс цифровизации постепенно проникает во все сферы общественных отношений и это требует особого внимания и отдельной темы для изучения, поскольку все то, что относительно недавно казалось новым – сегодня уже является реальностью, особенно после определенных событий «пандемической эпохи».

Политическое измерение цифровизации актуально не только изменением формата политических отношений, а скорее формированием нового качества социальных связей, которое возникает в результате изменения соотношения между классическими формами коммуникаций и новыми, виртуальными и цифровыми технологиями. Массовое внедрение в политические процессы социальных сетей и других цифровых механизмов (онлайн-голосование, петиции в сети Интернет) меняет не только внутривнутриполитические процессы, но и в целом мировую политику. Здесь есть несколько относительно важных моментов:

1. Формирование нового типа политика-популиста, некоего лидера общественного мнения, имеющего огромную популярность в сети и поддерживаемого различными общественными организациями, социальными сетями, электронными СМИ и т.п. (пример А. Навального в свете событий начала 2021 года в России).

2. Формирование нового типа «цифровой» легитимности, когда официальные данные выборов постоянно пересматриваются в сети и сравниваются результаты голосования на избирательных участках и интернет-платформах, кстати, как правило, не в пользу первых.

3. Использование новых инструментов внешнеполитической конкуренции через прямые коммуникации крупных геополитических игроков с антиправительственными организациями в интересующих странах («твиттер-дипломатия»), транслирование идей «цветных революций» в сознание относительно инертных масс населения и подогревание их недовольства собственными правительствами и руководством государства.

Конечно, сейчас цифровизация проникает на все базовые уровни общественных отношений: образование (онлайн-обучение), здравоохранение (телемедицина), культура (виртуальные музеи),

экономика (интернет-торговля и онлайн-банкинг) и т.п., что вызывает необходимость правового регулирования этих процессов.

Национальная «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.»¹, широко обсуждавшийся «пакет Яровой», формирование российской доменной зоны, конфликтные ситуации, периодически случающиеся между властью и отдельными организациями в сети (мессенджер Telegram) говорят нам о попытках нашего государства найти свои ориентиры в процессе цифровизации публичного пространства.

Цифровизация политики – это отдельный процесс, который следует отличать от политики цифровизации, как действий, направленных на процесс развития цифровых технологий. Цифровизация же политики показываем нам устойчивый процесс перехода политики в новые реалии пространства интернета и превращения его в наиболее значимый источник информации и средство коммуникации для современного человека [2].

Цифровизация политики в своем нынешнем виде берет начало с процесса включения политических акторов в число как активных, так и пассивных пользователей сети.

На уровне государства происходит трансформация активной политических процессов в сторону информатизации. Начало было положено принятием Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»² в 2006 году, в соответствии с которым электронные обращения стали рассматриваться в качестве одного из проявлений права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Механизм обращения через электронные средства открыл широкие возможности для получения оперативной обратной связи, но в то же время показал определенные проблемы такого канала коммуникаций, в частности, возникновение проблем кибербезопасности. Самой распространенной и простой формой использования сетевого пространства является использование собственных официальных порталов, мобильных приложений и т.п.

Сегодня, помимо технических возможностей, имеющихся в арсенале государства и других политических акторов, появилось большое количество сетевых форм артикулирования политических интересов: форумы, блоги, чаты, социальные сети), которые позволяют активно конструировать новые политические реалии через массовое социальное взаимодействие. Главными свойствами этой реальности часто являются анонимность и вненормативность, что создает новый формат политических отношений.

Анонимность часто предполагает использование формальных имен и изображений для профиля, что позволяет совершенно по-другому выражать свои мысли и взгляды в сетевом пространстве, не ограничивая себя в выражении эмоций, радикальных выражений и т.п. Одной из форм анонимности выступает практика применения искусственно созданных акторов (ботов), которые способны действовать в рамках определенного алгоритма и функционировать на равных с реальными участниками политического процесса. В период избирательных кампаний именно они могут стать активными аттракторами неких политических сил, генерируя и внедряя определенные политические взгляды в массовое сознание. Боты часто выступают в качестве инструментов конструирования новой социальной реальности, преподнося в нужном русле противоречивую информацию или создавая определенный информационный фон для политика или партии.

Вненормативность цифровой среды создает условие, при котором отсутствует единый центр юрисдикции. Это – часто применение различных неконтролируемых средств типа троллинга, хакерства, создания различных вредоносных программ, что способствует проявлению широкой сетевой проблемы – роста экстремизма и радикализма в сети.

Противоречивость трансформации сетевых форм политической реальности создает новые модели не только артикуляции политических интересов, но и необходимость изменения деятельности со стороны государства.

Конкурентное взаимодействие в сетевом пространстве сегодня разворачивается активными темпами и становится одним из ключевых факторов политической конкуренции. Так, практически все политические партии России имеют свои аккаунты в сети Инстаграм и присутствуют в остальных

¹ Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28.05.2019 г. №9)

² Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ.

социальных сетях, все чаще рассматривая их ведение в качестве неперемennого атрибута участия в публичной политике [3].

Особую роль в этом сыграло распространение коронавирусной инфекции, в результате чего мировое сообщество столкнулось с необходимостью формирования дистанционных политических технологий. В Российской Федерации именно для избирательной системы это стало первым серьезным испытанием, своего рода проверкой на прочность и жизнеспособность в новых условиях.

В 2020 году в новых условиях прошли две серьезные кампании: Всероссийское голосование по поправкам в Конституцию и большое количество выборов в различных регионах в единый день голосования.

Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ были внесены дополнения в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которые закрепили основы правового регулирования проведения электронного голосования в дистанционном формате¹. Таким образом, электронное голосование производится без использования бумажного бюллетеня, но с явкой в территориальную избирательную комиссию либо участковую комиссию для проведения этой процедуры.

В законе говорится, что по решению Центральной избирательной комиссии избиратели могут реализовать свое активное избирательное право по почте либо посредством дистанционного электронного голосования² (п. 15 ст. 64 ФЗ). Тем не менее, пока нет четкого механизма проведения дистанционного электронного голосования с использованием специального программного обеспечения и технических средств.

24 мая 2020 г. Российская газета выпустила статью прямой речи председателя ЦИК Эллы Памфиловой о том, как будет внедряться дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в России. Она отметила, что свойство «бесконтактности» ДЭГ является критически важным, т.к. отсутствует необходимость физического контакта между участниками избирательного процесса [4].

Элла Памфилова также обратила внимание, что внедрение новых информационных дистанционных технологий в избирательный процесс потребует больших усилий: «...на федеральном уровне потребуется создать мощную сетевую и вычислительную инфраструктуру, которая сможет работать под высокой нагрузкой...».

Мы видим, что государство начинается активную работу в этом направлении. Федеральными законами от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»³ и № 151-ФЗ «О продлении на 2020 год эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴ было определено провести эксперимент по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в пилотных регионах – город федерального значения Москва, а также Ярославской и Курской областях.

Информационный портал «Газета.ру» 19 сентября 2020 года опубликовал статью об итогах проведения дистанционного голосования в Единый день голосования 13 сентября 2020 г. «Эти выборы, вероятно, определили будущее избирательной системы России» – так определили успех ДЭГ в выборах в Ярославской и Курской областях. Положительную оценку дали министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Максют Шадаев, президент «Ростелекома» Михаил Осеевский, первый зампрединсателя Координационного совета при ОП РФ по общественному контролю за голосованием, руководитель рабочей группы по общественному наблюдению за электронным

¹ Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 21. Ст. 3233.

² Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

³ Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3231.

⁴ Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 151-ФЗ «О продлении на 2020 год эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 21. Ст. 3230.

голосованием Александр Малькевич: «Успешное проведение пилотных проектов по ДЭГ в Москве и Нижегородской области, а также на довыборах в Госдуму в Курской и Ярославской областях и довыборах муниципальных депутатов в Москве позволяет думать о дальнейшем масштабировании системы на другие регионы» [5].

О необходимости внедрения ДЭГ все чаще говорят сами избиратели, т.к. это существенным образом упрощает возможность реализации собственного права голоса.

02 декабря 2020 года на заседании ЦИК России была принята за основу концепция создания новой цифровой платформы. Ранее ЦИК России анонсировала отказ от устаревшей системы ГАС «Выборы»¹. Новая цифровая система планируется к применению уже на выборах 2021 года, а полный переход на нее уже в 2022 году. Как сообщает ТАСС «ЦИК вместе с Минцифры и ПАО «Ростелеком», начиная с конца 2019 года, осуществляют планомерную, системную, глубокую работу в этом направлении, в первую очередь, по разработке концепции создания цифровой платформы новой версии ГАС «Выборы». Совместная работа по ее проектированию велась весь 2020 год»² и будет естественно продолжаться дальше. Вскоре, таким образом, мы сможем увидеть новые формы реализации избирательного процесса в соответствии с требованиями времени и, к сожалению, пандемических условий.

Использование сетевых механизмов приобретает активный характер сетевого взаимодействия и в международной политике, между субъектами международных отношений. Поэтому все чаще говорится в так называемой цифровой дипломатии, которая является инструментарием национальной политики государств в цифровом пространстве, а также позволяет усилить роль различных неправительственных организаций и межгосударственных объединений для придания значимости внешней политики государства и лоббирования его интересов на международной арене.

Цифровая трансформация сегодня все больше затрагивает практически все сферы политической жизни: цифровая демократия, как форма свободного волеизъявления граждан, принимающих участие в голосовании на определенной цифровой платформе; цифровая бюрократия, как доступность получения услуг в рамках определенного сервиса; цифровая дипломатия, как возможность осуществлять международные контакты в неформальном режиме и, например, электронная визовая поддержка.

Процессы цифровизации сегодня являются перманентными на всех уровнях жизнедеятельности общества. Политические процессы не исключают изменений, направленных на трансформацию всего социального пространства вокруг. И в этом, конечно же, есть как свои плюсы, так и минусы.

Литература

1. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. 2019. № 6. С. 6–28.
2. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 46–63.
3. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. 2019. № 2. С. 92–106.
4. Мисливская Г. Новая реальность. Прямая речь Элла Памфилова – о том, как будет внедряться в России дистанционное электронное голосование [Электронный ресурс] // Российская газета – Федеральный выпуск № 110 (8164). URL: <https://rg.ru/2020/05/24/ella-pamfilova-o-tom-kak-budet-vnedriatsia-distancionnoe-elektronnoe-golosovanie.html>, (Дата обращения 20.01.2021 г.).
5. Тимофеев А. Выборы онлайн: россиянам понравилось дистанционное голосование. Эксперты и граждане считают, что за голосованием через интернет будущее [Электронный ресурс] // Газета.ру. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/17_a_13253869.shtml (Дата обращения 20.01.2021 г.).

¹ ЦИК анонсировал отказ от системы ГАС «Выборы» [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/735910> (Дата обращения 20.01.2021 г.).

² ЦИК принял за основу концепцию новой цифровой платформы, которая заменит ГАС «Выборы» [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/10149283> (Дата обращения 20.01.2021 г.).

Petrova Svetlana Vladislavovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University (7, Polytechnic St., Sochi, 354008, Russian Federation).
E-mail: solus46@mail.ru

Sidorova Anna Vyacheslavovna, Master Student of the Faculty of Economics and Management Processes, Sochi State University (94, Plastunskaya St., Sochi, 354000, Russian Federation).
E-mail: restless-spirit2015@yandex.ru

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL AND ELECTORAL PROCESS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract

The article discusses the issues of introducing digital technologies into the political and electoral processes in the Russian Federation, in the context of a changing situation in the world, including as a result of the spread of coronavirus infection. The advantages of the informatization process, as well as the challenges and threats resulting from its development are considered.

Keywords: digitalization, informatization, political process, electoral process, remote electronic voting, public space, social relations, digital technologies, polling stations.

References

1. Kon'kov A.E. Cifrovizaciya politicheskikh otnoshenij: grani poznaniya i mekhanizmy transformacii // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. T. 12. 2019. № 6. P. 6–28.
2. Halin V.G., CHernova G.V. Cifrovizaciya i ee vliyanie na rossijskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2019. № 10. P. 46–63.
3. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Upravlenie politicheskim kontentom v social'nyh setyah v period predvybornoj kampanii v epohu postpravdy // Polis. 2019. № 2. P. 92–106.
4. Mislivskaya G. Novaya real'nost'. Pryamaya rech' Ella Pamfilova – o tom, kak budet vnedryat'sya v Rossii distancionnoe elektronnoe golosovanie [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta – Federal'nyj vypusk № 110 (8164). URL: <https://rg.ru/2020/05/24/ella-pamfilova-o-tom-kak-budet-vnedriatsia-distancionnoe-elektronnoe-golosovanie.html>, (Data obrashcheniya 20.01.2021 g.).
5. Timofeev A. Vyборы onlajn: rossiyanam ponravilos' distancionnoe golosovanie. Eksperty i grazhdane schitayut, chto za golosovaniem cherez internet budushchee [Elektronnyj resurs] // Gazeta.ru. – Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/17_a_13253869.shtml (Data obrashcheniya 20.01.2021 g.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА: К ИРОНИИ ОДНОГО КОНЦЕПТА

**Поцелуев
Сергей
Петрович**

доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: spotselu@mail.ru

**Курбатов
Андрей
Владимирович**

студент, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: and.kurbatov2012@yandex.ru

**Маник
Анастасия
Сергеевна**

студент, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42).
E-mail: manicknastya@yandex.ru

Аннотация

Целью данной статьи является анализ цензурной функции политической корректности. По мнению авторов, данный вопрос требует, прежде всего, концептуального прояснения, поскольку квалификация политкорректности как цензуры для многих неочевидна и даже парадоксальна. Опираясь на концепты «невидимой цензуры» П. Бурдьё и «символической власти» Т. Ван Дейка, авторы показывают, каким образом расширяется понятие политической цензуры, охватывая и практику политической корректности. С другой стороны, рассматривается, каким образом феномен и концепт политической корректности по мере своей эволюции сближается с цензурными практиками. Отдельное внимание в статье уделяется дискурсивным особенностям политкорректности как разновидности символической политической цензуры; сверх того, оцениваются социально-политические риски, связанные с этим явлением.

Ключевые слова: политическая корректность, политическая цензура, символическая цензура, публичный дискурс, когнитивная цензура, мистическая партиципация, табуизация, эвфемизм, лингвистический конструктивизм, перформативность, политический эскапизм.

Введение. Несмотря на то, что концепция политической корректности изначально была задумана как «способ, позволяющий воздерживаться от выражений, взглядов, и действий, которые могут являться оскорбительными для других членов общества»¹, прошлогодний «памятникопад» в США и аналогичные акции в других странах ярко продемонстрировали узость такой трактовки «политической корректности». Ведь требование снести памятники и переименовать улицы ссылается как раз на «неполиткорректность». Идеологи низовой войны с артефактами исторической памяти говорят, к примеру, об «институциональном» расизме, который эти артефакты легитимируют уже своим присутствием. Неполиткорректным объявляется сам термин «раса». И вот уже либеральным немецким депутатам это кажется достаточным основанием, чтобы убрать «нехороший» термин из «Основного закона» Германии. Хотя первоначально он был внесен туда как раз для того, чтобы грядущие поколения страны не забывали о расовом безумии Третьего рейха². Стремительное превращение политкорректности из моральной нормы в карательную практику стало столь очевидным в наши дни, что даже рядовые журналисты пишут о ней как о «бездонном цензурном болоте»³. В любом случае, с политической корректностью на наших глазах совершается довольно злая историческая ирония, и это делает необходимым более глубокое осмысление данного феномена.

«Политкорректность»: форма политической цензуры или норма политической порядочности? В научной литературе существует огромное количество определений политической корректности, причем угол рассмотрения такой проблематики зависит как от дисциплинарной, так

¹ Political correctness // Cambridge Dictionary // URL:

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения: 06.07.2020).

² SPD, FDP und Linke wollen "Rasse"-Begriff im Grundgesetz streichen // ZEIT ONLINE. Juni 10, 2020 // URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-06/grundgesetz-streichung-rasse-begriff-spd-fdp-gruene-deutsche-verfassung> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергнувшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

и политической ориентации авторов. С одной стороны, филологами были предложены вполне позитивные русскоязычные версии термина «political correctness» – «языковой такт», «коммуникативная корректность», «политическая грамотность» – с целью разграничить лингвистическую проблему от целого комплекса политических, этических и философских аспектов [1]. С другой стороны, нет недостатка и в русскоязычных определениях данного концепта, отмечающих его негативную функцию – как «практику прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп» [2].

В любом случае, квалификация политкорректности как вида цензурного запрета не является открытием последних лет; она характерна (в той или иной мере) для многих критических оценок данного явления. Известный британский журналист Ник Коэн связывает с феноменом политкорректности характерный для нашего времени социальный тип лицемеров, которые проклинают других за их сексистский, расистский, гомофобский и т.п. язык, но при этом не делают ничего, чтобы бороться с реальной несправедливостью. Такие люди «будут приветствовать политическую корректность, потому что это дает им новые возможности для запугивания и контроля»¹. В том числе, цензурного контроля. Причем с виду мягкая цензура политкорректности действует в некотором смысле жестче цензуры прямой, поскольку политкорректность предполагает, что отдельные слова запрещаются не потому, что они оскорбительны, но лишь из-за того, что они *могут таковыми кому-то показаться* ².

Примером упреждающего действия политкорректной цензуры может служить запрет сказок «Красная Шапочка», «Спящая красавица» и др. в библиотеке школы «Табер» в Барселоне как эффект ревизии на предмет «скрытого сексизма», проведенной неправительственной организацией «Ассоциация пространства и досуга»³. Политкорректность тем самым не только игнорирует существенность различия между детским и взрослым интеллектом; ей безразлично и то, что толкование одной и той же книги людьми разной культуры, воспитания и идеологических убеждений может отличаться настолько, что ответственность за эти интерпретации не возьмёт на себя ни один автор [3].

Здесь можно отметить две крайние позиции, которые сходятся в своей идеологической ангажированности, правда, полярной направленности.

Так, сербский автор Бобана М. Анжелкович из консервативного по духу аналитического центра «Katehon» вводит понятие «замаскированной цензуры», усматривая суть последней в передаче функций политической цензуры от государственных органов к неофициальным неправительственным учреждениям, осуществляющим ее под вывеской борьбы за права человека, в особенности, социальных меньшинств⁴. Но с трактовкой политкорректности как формы политической цензуры категорически не согласны многие либерально настроенные авторы. Так, Стивен Сингер, гражданский активист из США, заявляет, что «политкорректность – это не цензура, а порядочность»⁵. Приписывание же политкорректности цензурного статуса есть для американского публициста эффект чисто консервативной позиции. Однако сведение Сингером политической цензуры к прямой цензуре государственных органов явно противоречит даже широко известному понятию «мягкой цензуры». С другой стороны, не каждый согласится с тезисом, что «давление, оказываемое лоббистами политической корректности, хуже, чем традиционная цензура и даже расистская пропаганда»⁶. Одним словом, серьезная и научная дискуссия о цензурной роли политической корректности еще далека от завершения.

¹ Cohen N. Political correctness: How censorship defeats itself // The Spectator. January 28, 2015. // URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2015/01/political-correctness-how-censorship-defeats-itself/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Wilson J. Political Correctness Is Censorship // Libertarians. June 20, 2020 // URL: <https://alibertarianfuture.com/libertarians/political-correctness-is-censorship/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Barcelona school removes 200 sexist children's books // The Guardian. April, 18. 2019 // URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/apr/18/barcelona-school-removes-200-sexist-childrens-books> (дата обращения: 12.12.2020).

⁴ Andjelkovic B.M. Falsehood of Political Correctness and Censorship in Disguise // Katehon. 02.03.2018. // URL: <http://katehon.com/article/falsehood-political-correctness-and-censorship-disguise> (дата обращения: 12.12.2020).

⁵ Singer S. Political Correctness Isn't About Censorship — It's About Decency // HuffPost. April 04, 2017 // URL: https://www.huffpost.com/entry/taking-back-your-name-the-pros-and-cons-of-political_b_58e3f976e4b09dbd42f3db2a (дата обращения: 12.12.2020).

⁶ Andjelkovic B.M. Falsehood of Political Correctness and Censorship in Disguise // Katehon. 02.03.2018. // URL: <http://katehon.com/article/falsehood-political-correctness-and-censorship-disguise> (дата обращения: 12.12.2020).

Символическая цензура как разновидность неформальной политической цензуры. Тип политической цензуры, разновидностью которого является контроль публичного дискурса посредством политической корректности, мы будем называть в данной работе *символической цензурой*.

Обычно в публичном (во многом рекламно-пропагандистском) дискурсе видят лишь навязывание какой-то информации, не замечая, что она одновременно выступает в роли «блокирующего устройства» [4, с. 203]. И то, что на публике сознательно замалчивается рекламой и пропагандой, политически не менее значимо, чем то, что ею сознательно там продвигается. Эти два момента – пропагандистское продвижение и блокирование определенных смыслов – суть моменты одного дискурсивного процесса. На этот аспект символической цензуры в свое время обратил внимание У. Липпман, назвавший PR-агента одновременно «цензором и пропагандистом», несущим при формировании новостей ответственность не перед общественностью, а перед своим работодателем [5, с. 322].

Еще ближе к понятию символической цензуры располагается концепт «невидимой цензуры», предложенный П. Бурдьё в его анализе телевизионного дискурса с его дискурсивными манипуляциями и «символическим угнетением». Эта цензура невидима из-за того, что граница между цензурным и подцензурным не маркирована жестко, здесь имеет место взаимный обмен ролями. Причем такая цензура анонимна – «она не осознается как таковая и не есть реализация чьей-либо воли» [6, с. 62]. Но так понятая невидимая цензура рискует раствориться в общем массиве идеологических практик, выступая лишь их метафорой.

В этой связи надо отметить две методологические крайности в понимании политической цензуры, которые следует исключить для корректного толкования феноменов *символической цензуры*. Первая крайность состоит в редукции цензуры к полицейской блокировке определенных текстов. Вторая – в отождествлении политической цензуры с действием политической идеологии.

Концепт символической цензуры понимает под политической цензурой установление барьера не просто между текстом и отдельным человеком, но «между обществом и событием» [5, с. 61-62]. При этом в символической цензуре сохраняются следующие отличительные признаки любой цензуры: надзор за содержанием и распространением информации; недопущение распространения идей и сведений, признаваемых нежелательными; в отношении подцензурного дискурса реализуется преимущественно (хотя и не исключительно) вертикальная (монологическая), а не горизонтальная (диалогическая) позиция; субъект цензуры (цензор) осуществляет свою практику целенаправленно, он так же идентифицируем, как и объект цензуры, даже если сама цензура невидима невооруженным глазом.

Вместе с тем, в символической политической цензуре некоторые моменты классического понятия цензуры меняются существенно. Во-первых, происходит сдвиг в объекте цензурирования: теперь это не столько определенный символ, сколько смысл, который может быть навязан любым символам (текстам), причем не только реальным, но и потенциальным. Во-вторых, в символической политической цензуре государство не рассматривается в качестве ее единственного субъекта; в роли последнего выступают и другие релевантные политические игроки со своими специфическими адресными группами. Сверх того, существенно возрастает роль самоцензуры.

Можем ли мы отнести к символической цензуре упомянутую Бурдьё «невидимую» политическую цензуру на ТВ? Фактически в «невидимой цензуре» французский социолог соединил два вида цензуры, которые в литературе различаются как разные способы воздействия на СМИ со стороны властных субъектов: «неформальная цензура», «мягкая цензура» и «самоцензура» [7, с. 147]. Причем, если в понятие неформальной цензуры включаются требования согласовывать материалы для публикации и нелегальный запрет на распространение той или иной информации, то под мягкой цензурой подразумеваются методы финансового (материального) воздействия на авторов: субсидии, льготы, дотации, дополнительные доходы и т.п.

Чтобы обеспечить прибыль, собственники медиа осуществляют политический контроль над медийным контентом, но делают это косвенно, через соответствующую кадровую политику и отбор в «символическую элиту», которая «контролирует типы дискурсов, темы, тип и объем информации, осуществляет подбор и корректирование аргументов и определяет характер риторических операций» [8, с. 56]. И уже эта элита устанавливает свои правила и символы «политкорректности», которые тележурналисты в условиях резервной армии безработных предпочитают соблюдать в «добровольно-принудительном» порядке.

Символическую цензуру мы рассматриваем как проявление неформальной цензуры на уровне дискурса и символическими средствами самого дискурса. При этом непосредственным субъектом такой цензуры выступают символические элиты. За этой практикой всегда стоит реальный политический актор, который преследует четкую властную стратегию – не допустить в публичное пространство определенные смыслы, выражаемые определенными символами.

Именно к так понятой символической цензуре мы и относим и практику политической корректности, хотя эта практика не исчерпывается лишь символической цензурой, а эта последняя – только политической корректностью. Отметим теперь ряд специфических черт символической цензуры посредством политкорректности.

Политкорректность как вид символической цензуры. Прежде всего следует отметить *комбинированный характер политкорректной цензуры*: в ней совмещаются, дополняя друг друга, как неформальные, так и формальные практики цензурирования. По словам немецкого политического социолога А. Диракиса, политкорректность действует как цензура в различных формах: субъективно (через морально мотивированную самоцензуру), интерсубъективно (как психологическое давление со стороны окружающих) и объективно (посредством правовых норм, административных правил, профессиональных инструкций и т.п.)¹. Если субъективно-интерсубъективное воздействие политкорректности относится к неформальным цензурным практикам, то объективное – к хорошо известной цензуре со стороны государственных органов.

В пользу комбинированного действия политкорректной цензуры говорят многие прецеденты полицейской реакции на нарушение норм политкорректности. Так, к одному британскому докеру явилась полиция, после того, как местный «сотрудник по вопросам сплоченности общин» обвинил его в совершении «инцидента на почве ненависти против трансгендерных людей». И это всего лишь на том основании, что 53-летний отец семейства сделал ретвит шуточного стихотворения, в котором спрашивалось, можно ли считать трансгендерных женщин женщинами в биологическом смысле².

Неформальная часть политической цензуры посредством политической корректности относится нами к символической цензуре в оговоренном выше смысле. Но и здесь случай политкорректности имеет свою специфику, которую следует прояснить хотя бы в общих чертах.

И первое, на что следует указать, и что, по-видимому, отличает цензуру политкорректности от некоторых других практик символической цензуры, – это специфическая архаичность, присущая ее запретам. Конечно, любая цензура есть запрет. Однако если формальная цензура не исключает диалог между цензором и автором цензурируемых текстов (своего рода дискурсивный «торг» между ними), то в случае непolitкорректных символов такой диалог исключен по умолчанию: речь вообще не идет о правильной интерпретации символа, но само тело символа должно быть вынесено за пределы публичного пространства, и точка. В этом смысле безусловность запрета, предполагаемого политической корректностью, чем-то сродни табу.

В свое время Л. Леви-Брюль усматривал специфическую черту первобытного мышления в том, что для него минимальное значение имеет естественная причинная зависимость между событиями и явлениями. А происходит так потому, что место упомянутой зависимости в архаическом сознании занимает то, что французский антрополог называл «мистической партиципацией». Для мышления, которому она свойственна, «изображение так же живет, так же может быть благодатным или страшным, как и воспроизводимое и сходное с ним существо, которое замещается изображением» [9, с. 40]. Когда в Британии тысячи людей подписывают петицию с требованием закрыть одно из старейших изданий страны «The Guardian», потому что оно было основано рабовладельцем, а во время Гражданской войны в США якобы очерняло президента Авраама Линкольна, отменившего рабство, – эту мотивацию злопамятно-политкорректных британцев еще можно попытаться понять. Но как объяснить мотивы тысяч американцев, которые подписывают петицию с требованием снести в Бостоне памятник этому самому президенту-освободителю?³. Объяснение для данного требования, конечно, самими протестующими тоже выдвигается, только вот понять его рационально гораздо труднее, чем в британском случае. «Мемориал эмансипации», изображающий стоящего Линкольна с вытянутой рукой над темнокожим человеком на коленях и со сломанными оковами на запястьях, должен быть уничтожен, поскольку в теле этого символа освобождения многим мерещатся мотивы рабства: ведь бывший раб все еще на коленях, все еще ниже своего освободителя. Изначальная логика этого образа, призванная запечатлеть как раз момент самого освобождения, причем назидательным образом для потомков, для протестующих просто не существует. И за этим

¹ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

² Tominey C., Walsh J. Man investigated by police for retweeting transgender limerick // The Telegraph News. January 24, 2019 // URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/01/24/man-investigated-police-retweeting-transgender-limerick/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Settembre J. Petition to remove Boston statue of Lincoln standing over a slave garners thousands of signatures // Fox News. June 16, 2020 // URL: <https://www.foxnews.com/us/petition-to-remove-boston-statue-of-lincoln-standing-over-a-slave-garners-thousands-of-signatures> (дата обращения: 12.12.2020).

стоит своего рода мистическая партиципация, в которой памятник отождествляется не только с его «неполиткорректными» создателями, но и с самим Линкольном как его референтом. Сам памятник буквально *виноват* в том, что он внушает смысл, обратный тому, который он *должен внушать* (по замыслу его ниспровергателей). И за это преступление символ (памятник) должен быть наказан. Вина Линкольна здесь так же иррациональна, как и вина, к примеру, режиссера Квентина Тарантино, который осквернился уже тем, что герои самого антирасистского его фильма «Джанго Освобожденный» посмели более сотни раз нарушить табу, произнеся слово «ниггер»¹. Похожие примеры можно множить до бесконечности, и не только из американской политической жизни.

Понимание запрета в политкорректной цензуре не является, конечно, полным аналогом архаического табу; скорее, здесь можно говорить о квазиархаической табуированности определённых терминов и смыслов, выступающей одним из проявлений современного идеологического сознания. Политкорректный дискурс, как и любая современная идеология, предполагает, в отличие от чистой архаики, теоретическую рефлексию с набором базовых концептов. Так, в политкорректном дискурсе движения BLM центральным понятием выступает упомянутый «институциональный расизм», известный также под именами «системный» и «структурный» расизм. Этот концепт возник сравнительно давно [10], но свой звездный час пережил летом 2020 года, максимально упростившись до практического резюме: «Доказательства расовой иерархии этой страны видны повсюду. Давайте же уничтожим ее во всех ее жестоких проявлениях!»².

К специфике идеологической параноидности политкорректной цензуры. Современная медийная среда существенно усиливает конструктивистско-суггестивные возможности идеологического языка. В современных обществах он становится таким же вездесущим, как и камлание шамана в архаическом коллективе родственников. Тем самым усиливается такая его черта идеологического дискурса, причем не только тоталитарного, как параноидность, на которую в свое время указывала Ханна Арендт [11, с. 593]. На примере политкорректной цензуры мы видим, как это проявляется в наши дни, когда эпоха тоталитарных идеологий, казалось бы, уже миновала. Параноидность идеологии политкорректности хорошо заметна как раз в ее роли символической цензуры. За этим стоит дискурсивный механизм, который в когнитивном плане самодостаточен подобно языковому клише; он представляет собой триединство конструирования, вменения и осуждения запретного смысла.

Стремление политкорректности менять наше восприятие социальной действительности через изменение языка, которым она обозначается, основано на том, что исследователи традиционно называют «лингвистическим конструктивизмом», для которого, выражаясь терминами Л. Витгенштейна, границы моего языка есть границы моего мира. По этой причине политическую корректность часто связывают с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа. И подобно тому, как у всякого языка есть своя картина мира, у политической корректности есть своя социальная онтология и даже историческая память, насквозь мифологизированная и политизированная. Страдания жертв угнетения (колониального, расового, сексуального и т.п.) абсолютизируются в этой онтологии до таких же вселенских масштабов, как и вина прошлых притеснителей-преступников. В результате стирается грань между прошлыми и будущими, реальными и потенциальными жертвами и палачами; их различие становится моральным абсолютом.

К специфике символической цензуры политкорректности относится то, что конструирование запретного смысла уже предполагает его вменение социальному актору, подлежащему публичному порицанию. Более того, запретный смысл потому и конструируется, чтобы реализовать это порицание. А. Диракис говорит в данном случае о присущей дискурсу политкорректности «перформативности суждений», когда слова имеют статус действия, и когда «наречение уже исключает, а исключение уже угрожает»³. Но в отличие от речевых актов, естественных для живого языка, политкорректная перформативность имеет квазимагическую идеологическую подоплеку: расизм и прочие сущности, которые цензурирует политкорректность, есть для нее не просто слова, но воплощение диффузного и вездесущего Зла, которое действует не по законам здравой логики, а по принципам мистической партиципации.

Далее, речь идет о политизации, поскольку символам вменяются политически опасные смыслы. При этом подозрение активистов политкорректного дискурса в причастности символов

¹ Квентина Тарантино обвинили в расизме // RN. 17.06.2020 // URL: <https://rusnext.ru/news/1592381224> (дата обращения: 12.12.2020).

² Bridges K.M. The Many Ways Institutional Racism Kills Black People // Time. June 11, 2020 // URL: <https://time.com/5851864/institutional-racism-america/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

к экстремистским идеологиям мгновенно оборачивается уверенностью в этой причастности, а эта последняя – в необходимость порочные символы наказать (уничтожить). Отсюда неудивительно, что любая (даже чисто внешняя и случайная) причастность к запретным символам оказывается также причастностью к запретным идеям. Тарантино причастен к расизму, потому что герои его фильма произносят слово «ниггер». Отечественным случаем обратного по смыслу политкорректного вменения может служить заявление главы Союза женщин России Е. Лаховой о том, что радужные цвета на рекламных щитах и само название российского производителя мороженого «Радуга» могут косвенно напоминать о флаге ЛГБТ¹. Этот пример, однако, ничуть не лучше или хуже претензий к названию мороженого «Эскимо», в котором западные адепты политкорректности узрели унижение эскимосов.

Вменение здесь ссылается не на моральную норму (потому что оценивается не реальный поступок, а лишь манифестация языковых символов), не на аргументы и факты для отнесения к статье закона, а просто на факт предъявления запретного символа, который – и это важно – отождествляется с запретным действием.

Осуждение как отмеченный нами третий элемент идеологической параноидности политкорректности выходит далеко за рамки морального порицания. Оно является наказанием в тройном смысле, поскольку к моральной оценке здесь добавляется судебное разбирательство и даже внесудебная расправа. Последняя представлена не только как физическое насилие, как например, во время погромов под знаменем BLM; гораздо чаще это значит потерю работы, контрактов, прибыли, авторитета и т.п. Западные медиа полны материалов с описанием такого рода случаев. Известная тележурналистка Мегин Келли была уволена с телеканала NBC News после ее фразы о гриме blackface, который традиционно использовался в театральных постановках для высмеивания афроамериканцев. Причем ничего расистского в самой-то фразе не было: просто Келли заметила, что использование такого грима сейчас допустимо во время Хэллоуина, где оно лишено расистских коннотаций.

Таким образом, вначале конструируется запретный смысл символа, отвязанный от его семантики в реальных жизненных контекстах: языковая игра с этим символом останавливается, подобно тому, как, по словам Х. Арендт, «стабилизируется» индивид в тоталитарных системах. Слова как бы изымаются из их естественного обращения в языке и помещаются в дискурсивный «лагерь» с тотальным надзором – подобно тому, как террор «заменяет правовые границы и каналы коммуникаций между людьми поистине стальными скрепами, которые так сильно стягивают их, что людское многообразие как бы исчезает в одном человеке гигантских размеров» [11, с. 604]. В обоих случаях действует принцип потенциальной, а не реальной вины, но с позиции самой политкорректной цензуры данного различия не существует.

Специфика политкорректности состоит, помимо прочего, в том, что ее эффективность в качестве политической цензуры оценивается по когнитивному критерию: насколько людей заставляют мыслить и чувствовать «так, как надо». Соответственно, контроль идет здесь гораздо дальше отдельных слов или смыслов; запрещенными оказываются определенные способы познания как такового. В этом смысле цензура посредством политкорректности перетекает в когнитивную политическую цензуру, которая означает блокировку таких базовых когнитивных способностей, как концентрация внимания, связное мышление, память и т.д.². В случае политкорректности цензура ослабляет прежде всего способность связно и логично судить о происходящем. Заметим: даже не критично мыслить, выдвигая какое-то альтернативное видение, а просто высказывать суждения, уважающие элементарную логику.

Известный американский журналист Мэттью Тайбби рассказывает в одной из своих глубоких публикаций³ историю своего коллеги Ли Фанга (Lee Fang), инвентивного журналиста из американского издания «The Intercept». Тот пытался как раз судить о происходящих под флагом BLM погромах с позиции здоровой логики: «Почему жизнь чернокожего имеет значение только тогда, когда ее забирает белый?». Этого рассуждения было достаточно, чтобы один из коллег Ли Фанга публично объявил его расистом из-за непонимания сути «институционального расизма».

¹ Производитель мороженого «Радуга» отверг предположения о флаге ЛГБТ // RT на русском. 03.07.2020 // URL: <https://russian.rt.com/russia/news/761192-morozhenoe-raduga-proizvoditel> (дата обращения: 12.12.2020).

² Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of cognitive censorship as an effect of “new media” // Dilemas contemporáneos: educación, política y valores. Año VII, Edición Especial Febrero 2020 // URL: <https://www.dilemascontemporaneoseduccionpoliticaayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/2186/2241> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Taibbi M. The American Press Is Destroying Itself. A flurry of newsroom revolts has transformed the American press // Reporting by Matt Taibbi, Juni 13, 2020 // URL: <https://taibbi.substack.com/p/the-news-media-is-destroying-itself> (дата посещения: 12.12.2020)

Тайбби обращает внимание на цензурный потенциал концепта «токсичной культуры рабочего места», который требует от сотрудников самоцензуры, исключаящей в дискурсе любой повод для обвинений в неполиткорректности. А в языке такие поводы легче всего связываются с риторическими средствами, тропами. Получается, что политкорректность цензурирует саму способность мыслить выразительно, нестандартно. Мало того, что М. Келли лишилась работы только из-за прикосновения к табуированной теме; одну совершенно неизвестную женщину уволили после того, как она появилась на вечеринке в честь Хэллоуина в гриме blackface, чтобы высмеять упомянутую Мегин Келли¹. Обычный человек хотел изобразить пародию, а получилось преступление под этикеткой «системного расизма». А редактор «Philadelphia Inquirer» Стэн Вишовски был вынужден покинуть свой пост, лишь утвердив заголовок «Здания тоже имеют значение». Здесь объектом цензуры стала «слишком креативная» метонимия.

Но главной когнитивной жертвой политкорректной цензуры стал комический элемент публичного дискурса, и здесь налицо известные параллели с тоталитарным контролем. М. Тайбби, проанализировав жесткую цензуру со стороны движения BLM языковых игр, свойственных любой сатире и юмору, приходит к выводу, что «основной характеристикой нынешнего политического климата является полное отсутствие чувства юмора в любом направлении»². При этом нарушитель норм политкорректности уже не может ограничиться простым пояснением, что его неправильно поняли. И даже простого извинения мало – теперь необходимо покаяние за осквернение святыни, за нарушение табу.

Политические риски символической цензуры посредством политкорректности. Политическая корректность является лишь частью фундаментальной проблематики, с которой столкнулось современное общество. Немало исследователей пишут об угрозе нового тоталитаризма (диктатуры «мирового олигархата», «нового средневековья» и т.п.), которая, помимо прочего, вырисовывается на пересечении мутирующего в духе политкорректности либерализма и новых коммуникативных технологий. Даже не склонные к мудрствованиям и левым сантиментам западные журналисты констатируют: в 40-х годах прошлого века Оруэлл с ужасающей точностью описал то, что происходит сегодня; «страшно смотреть, как разрушают памятники, как людей за малейшую оговорку увольняют, как переписывают книги – в точности как предсказывал Оруэлл»³. Но даже если не разделять совсем пессимистического взгляда на будущее, трудно не признать, что политкорректность в ее функции политической цензуры создает ряд рисков для стабильного демократического порядка.

Прежде всего, многие западные интеллектуалы отмечают слабость и зачастую иллюзорность политкорректности в качестве средства предотвращения социальных конфликтов. Американский психолог Стивен Пинкер пишет в этой связи о «бегущей дорожке эвфемизмов» [12, с. 151-152], когда каждое изменённое (смягченное) слово впитывает в себя все негативные ассоциации от предыдущего. Для того, чтобы новые термины не получали такой «багаж», необходимо изменение общественного отношения к самому обозначаемому объекту, а слово должно объективно отражать эти изменения – иначе процесс может длиться до бесконечности. Аналогичную позицию в рамках фем-дискурса о специфике «языка ненависти» транслирует и Джудит Батлер, представительница постструктурализма. По её мнению, реконтекстуализация слов и явлений намного больше отразится на фактическом состоянии общества, чем лексические ограничения на уровне государства [13].

Но политкорректность не только ограничена в реализации своей позитивной функции; в роли цензуры она создает ряд дополнительных негативных эффектов. Прежде всего, такая цензура усиливает культуру либерального «двоемыслия».

¹ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

² Taibbi M. The American Press Is Destroying Itself. A flurry of newsroom revolts has transformed the American press // Reporting by Matt Taibbi, Juni 13, 2020 // URL: <https://taibbi.substack.com/p/the-news-media-is-destroying-itself> (дата посещения: 12.12.2020)

³ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

Западные обозреватели пишут о «шторме лицемерия» в связи с движением BLM¹. Когда летом 2020 года протестовали активисты этого движения, либеральные издания выходили с заголовками вроде «Двадцать семь полицейских получили ранения во время мирных антирасистских протестов в Лондоне»², и никто из активистов не замечал в этих заголовках очевидного абсурда.

Политкорректное лицемерие делает хорошую услугу любому популисту, который благодаря критике такого лицемерия легко предстает перед аудиторией своим парнем, рубящим правду-матку об «этих там, наверху». Так, президентские выборы 2016 года в США показали, что поведение кандидата, открыто игнорирующего нормы политической корректности и позволяющего себе использование провокационных и оскорбительных выражений, не только привлекает к себе внимание широкой публики, но и находит отклик у значительной ее части. Д. Трамп утверждал тогда, что Б. Обама и Х. Клинтон «поставили политкорректность выше здравого смысла»³. Эта стратегия, дополненная апелляцией к простым и понятным каждому американцу концептам (безопасность, экономический рост, доступная медицинская помощь и т.д.), помогли Трампу победить на выборах.

Облегчая дорогу популистам в сфере публичного дискурса, политкорректная цензура, с другой стороны, создает риск вытеснения инвентивной журналистики, стремящейся докопаться до сути вопросов и донести ее до сведения широкой общественности. Но правда, как известно, многим режет слух и колет глаза, а потому далеко не всегда вписывается в охранительное воображение политкорректности. Если же излагать ее на языке только мягких и нейтральных символов, это будет уже полуправдой, то есть дезинформацией. Тогда выключается действие принципа «более информированная публика будет принимать лучшие решения». Оно как бы незаметно подменяется другим принципом: «Правильно информированная публика будет принимать правильные решения». Загоняя суждения о реальных социальных проблемах в рамки эвфемизированной лексики, политкорректность заслоняет доступ к адекватному пониманию окружающей действительности. А это поощряет политический эскапизм, желание граждан держаться подальше от политики как минного дискурсивного поля, где любое неосторожное слово чревато утратой моральной и деловой репутации.

Однако самый главный риск, который создает политкорректность, и который стал очевиден на улицах западных городов летом 2020 года, заключается в том, что она превращается в «новую форму социального радикализма»⁴, который угрожает главной ценности, ради обеспечения которой политкорректность, собственно, и задумывалась – гражданскому миру. Эта угроза связана сразу с несколькими моментами.

Во-первых, это радикализм манихейского видения социального мира, где есть абсолютный злодей (большинство) и его вечная жертва (меньшинство), причем меньшинство заранее и во всем право. Такая позиция поощряет нетерпимость к альтернативным идеям под видом легитимации действий против мнимого «тоталитаризма большинства». Как бы иронически обращая токвилевский концепт «деспотии большинства», политкорректность по факту стремится воплотить его в жизнь.

Далее, принцип существования политической корректности в политическом дискурсе можно сравнить с процессом, который описывается законом Грешема в экономической науке, согласно которому плохие деньги вытесняют хорошие, если они имеют одинаковую цену. Аналогичная вещь может происходить и в дискурсивном пространстве: из публичных дискуссий в условиях политкорректности, видя выражение достаточно радикальных взглядов, могут выходить участники, имеющие умеренную позицию. Это происходит, в том числе и потому, что для таких людей серьезной угрозой является так называемая «репутационная девальвация» или социальный остракизм, а также следующая за ними потеря профессиональных возможностей. Именно поэтому публичный политический дискурс часто оказывается более поляризованным, чем реальное распределение общественного мнения.

Политической радикализации способствует и упомянутая квазиархаическая перформативность статуса речи в политкорректной цензуре, поскольку последняя может оправдать физическое

¹ Brown A. Hypocrisy Storm. The Guardian facing calls to 'shut down' over founder's use of slaves and siding against Lincoln in US Civil War // The Sun. 15 Jun 2020 // URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11864739/lincoln-guardian-shut-down/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Wootton D. Fury over the BBC's hypocritical coverage of violent protests is real // The Sun. June 8, 2020 // URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11811735/fury-bbc-hypocritical-coverage-violent-protests/>

³ Weigel M. Political correctness: How the right invented a phantom enemy // The Guardian. November, 30, 2016 // URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/30/political-correctness-how-the-right-invented-phantom-enemy-donald-trump> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

принуждение, реагируя на речевой акт как на акт физический. Описанная выше картина мира, стоящая за перформативным пониманием языка в политкорректности, напрямую способствует радикализации, поскольку воображаемые смыслы, которая она конструирует и вменяет в цензурируемый ею дискурс, изначально конфронтационные. Тем самым политкорректность в роли символической цензуры реализует ироническое обращение своей исходной миссии: стремясь упростить, умиротворить и деполитизировать публичный дискурс ради предотвращения политических конфликтов, она сама становится фактором их провокации.

Закключение. Движение BLM актуализировало вопрос о том, следует ли политическую корректность квалифицировать как вид политической цензуры. Утвердительный ответ на данный вопрос можно обосновать, рассматривая политическую корректность как разновидность символической цензуры. Символическая цензура – это совокупность главным образом неофициальных, но также полуофициальных и реже официальных запретов, общим отличительным признаком которых является табуирование символических значений, рассматриваемых теми или иными коллективными социально-политическими акторами в качестве этически недопустимых и политически провокационных.

Политкорректность соединяет в себе два типа цензуры: формальную (административно-правовую) и символическую как разновидность неформальной цензуры. В своей неформальной части символическая цензура посредством политкорректности обнаруживает черты архаического мышления с присущим ему принципом мистической партиципации и табуизацией нежелательных для публикации смыслов. Этот момент усиливается теоретической рефлексией на основе базовых концептов вроде «институционального расизма», что соответствует общей специфике идеологического дискурса. Этой же специфике отвечает и параноидный момент политкорректной цензуры, реализующийся как триединство конструирования, вменения и осуждения запретного смысла. В силу данной специфики символическая цензура посредством политкорректности снижает интеллектуальный уровень публичных дискуссий, поощряя дискурсивный режим казарменного единообразия и бюрократической бесстрастности. Тем самым превращение политкорректности в политцензуру есть пример иронической инверсии исходных функций дискурса: запрет на клеветнические и стигматизирующие высказывания в адрес реально притесняемых меньшинств, призванный обеспечить социальный мир, оборачивается жесткой политической цензурой, наносящей вред гражданскому просвещению и поляризующей публичное пространство.

Литература

1. Лукичева М.В. Политкорректность по-немецки // Педагогическое образование в России. 2015. №10. С. 151 – 156.
2. Шарапова И.В., Кобенко Ю.В. История возникновения понятия "political correctness" и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. 2014. № 10 (151). С. 46 – 50.
3. Nimon M. Fiction, political correctness and teacher-librarians // Access. 1993. Vol. 7. No. 2. P. 19 – 21.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.- СПб.: Медум, Ювента, 1997. 312 с.
5. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
7. Бондарик Е. Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе // Вестник общественного мнения. 2018. №1-2 (126). С. 145 – 152.
8. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1999. 608 с.
10. Miller J.L., Garran A.M. The Web of Institutional Racism // Smith College Studies in Social Work. March 2007. No. 77(1). P. 33 – 67.
11. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
12. Линкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
13. Dhawan N. Meinungsfreiheit, Hassrede und die Politiken der Zensur // Feministische Studien. 2018. № 2/18. S. 322-334.

Potseluev Sergey Petrovich, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: spotselu@mail.ru

Kurbatov Andrei Vladimirovich, student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: and.kurbatov2012@yandex.ru

Manik Anastasia Sergeevna, student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: manicknastya@yandex.ru

POLITICAL CORRECTNESS AS POLITICAL CENSORSHIP: TOWARDS THE IRONY OF ONE CONCEPT

Abstract

The purpose of this article is to analyze the censorship function of political correctness. According to the authors, this issue requires, first of all, conceptual clarification, since the qualification of political correctness as censorship is not obvious to many and is even paradoxical. Based on the concepts of "invisible censorship" by P. Bourdieu and "symbolic power" by T. van Dijk the authors show how the concept of political censorship expands to include the practice of political correctness. On the other hand, it examines how the phenomenon and concept of political correctness converges with censorship practices as it evolves. Special attention is paid to the discursive features of political correctness as a kind of symbolic political censorship; moreover, the socio-political risks associated with this phenomenon are assessed.

Keywords: *political correctness, political censorship, symbolic censorship, public discourse, cognitive censorship, mystical participation, tabooization, euphemism, linguistic constructivism, performativity, political escapism.*

References

1. Lukicheva M.V. Politkorrektnost' po-nemecki // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. №10. P. 151 – 156.
2. SHarapova I.V., Kobenko YU.V. Istoriya vozniknoveniya ponyatiya "political correctness" i sposoby ego interpretacii // Vestnik TGPU. 2014. № 10 (151). P. 46 – 50.
3. Nimon M. Fiction, political correctness and teacher-librarians // Access. 1993. Vol. 7. No. 2. P. 19 – 21.
4. Horkkhajmer M., Adorno T.V. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M.- SPb.: Medium, YUventa, 1997. 312 p.
5. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 p.
6. Burd'yo P. O televidenii i zhurnalistike. M.: Fond nauchnyh issledovaniy "Pragmatika kul'tu-ry", Institut eksperimental'noj sociologii, 2002. 160 p.
7. Bondarik E. Svoboda informacii: neformal'nye praktiki regulirovaniya SMI v sovremennom rossijskom politicheskom processe // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2018. №1-2 (126). P. 145 – 152.
8. Van Dejk T. Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 p.
9. Levi-Bryul' L. Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-press, 1999. 608 p.
10. Miller J.L., Garran A.M. The Web of Institutional Racism // Smith College Studies in Social Work. March 2007. No. 77(1). P. 33 – 67.
11. Arendt H. Istoki totalitarizma. M.: CentrKom, 1996. 672 p.
12. Pinker S. CHistyj list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya. M: Al'pina non-fikshn, 2018. 608 p.
13. Dhawan N. Meinungsfreiheit, Hassrede und die Politiken der Zensur // Feministische Studien. 2018. № 2/18. P. 322-334.

ТРЕНДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

- Черкасова
Татьяна
Павловна** доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru
- Шутов
Михаил
Васильевич** аспирант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: michaelshutov@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена описанию трендов политической конкуренции в рамках партийной системы Российской Федерации. Авторы выделяют два тренда политической конкуренции в России постсоветского периода, а также дают им научную дефиницию, что является принципиально новым подходом в изучении конкурентной среды в политической сфере. Также в работе выводится формула: изменение вектора развития политической конкуренции происходит при изменении типа партийной системы. Для доказательства данного тезиса за основу берется теория социальных размежеваний Липсета и Роккана и отечественного исследователя Ю.Г. Коргунюка. Эмпирическая часть исследования базируется на финансовых показателях партии как основных факторах, образующих тип партийной системы. На основе статистических данных предпринята попытка спрогнозировать характер функционирования партийной системы, в том числе политической конкуренции, на ближайший избирательный цикл.

Ключевые слова: *тренд, партийная система, политическая конкуренция, тренды политической конкуренции, теория «социальных размежеваний», картелизация партийной системы, институт парламентаризма, партийная организация, органы государственной власти.*

Понятие «тренд» уходит корнями в экономическую теорию и определяется как направление движения. Данное понятие относится преимущественно к экономическому анализу, определяющему направление движения ВВП, цен, рынка облигаций и других показателей. Допуская тот факт, что экономика как сфера общественных отношений является базисом такой сферы общественных отношений, как политика, мы можем применить данное понятие и к ее надстройке. Ввиду того, что политика – это такая же многогранная сфера, то нам как исследователям необходимо остановиться на ее конкретном проявлении. В рамках исследуемого предмета нас интересует конкретно тренд политической конкуренции.

В рамках данной научной работы под трендом политической конкуренции понимается динамика электоральных предпочтений под воздействием различных фундаментальных факторов, о чем уже отмечалось ранее [5]. Прежде чем говорить об этих факторах, необходимо выделить следующий тезис: определение состояния партийной системы в настоящем и вектора ее развития (тренда), формирующего будущее, является одной из важнейших задач современной политологии, решение которой достигается путем сравнения института парламентаризма во времени и пространстве.

Мы разделяем точку зрения, транслируемую С. Липсетом и С. Рокканом, в части, где фундаментальными причинами изменения партийной системы в целом, в том числе и характера политической конкуренции, служат так называемые «размежевания», лежащие в основе становления различных партийных систем [2]. По мнению авторов, «размежевания» – это сложившиеся в обществе социальные конфликты, результатом которых является появление того или иного типа партийной системы в Западной Европе.

Тем не менее, как справедливо отмечает Ю.Г. Коргунюк, с наступлением процесса «волн демократизации» в Южной Европе в 1970-1980-х годах, а затем в Центральной и Восточной Европе в 1980-1990-х годах ситуация начала кардинально меняться, что не укладывалось в формулы Липсета-Роккана [3].

Объединив научные позиции Липсета-Роккана и Коргунюка, можно представить факторы изменения партийной системы в целом, в том числе и трендов политической конкуренции, в виде таблицы (табл. 1).

**Факторы изменения трендов политической конкуренции
(Липсет-Роккан, Коргунюк)**

Авторы, придерживающиеся концепции «политического размежевания»	Наименование фактора «размежевания»	Временной интервал, взятый за основу научного исследования	Географический ареал научного исследования
С. Липсет, С. Роккан	между центром и периферией	вторая половина XIX века – 60-е гг. XX века	Северная часть Западной Европы
	между церковью и государством		
	между земельной аристократией и предпринимателями-промышленниками		
	между собственниками и наемными работниками		
Ю.Г. Коргунюк	электоральные размежевания	Автор не дает четкого пояснения по этому вопросу, но, следуя контексту научных исследований, можно определить следующий интервал: 70-е гг. XX века – н.в.	Южная, Центральная и Восточная Европа
	политические размежевания		

Исходя из табл. 1, видно, что Ю.Г. Коргунюк внес значительный вклад в теорию социальных размежеваний путем экстраполяции западноевропейской модели на политическую действительность Центральной, Южной и Восточной Европы. В качестве эмпирической базы электоральных размежеваний автор использует данные выборов по пропорциональной избирательной системе, где факторный анализ служит корреляцией полученных «сырых» статистических данных. Что касается политических размежеваний, то в данной части исследования автор применил метод анализа документов, детально изучая уровень активности политических партий в Российской Федерации. Также примечателен тот факт, что Ю.Г. Коргунюк проводит масштабные исследования российской партийной системы, начиная с ее современного воплощения (1991 года), что дает значительную теоретическую и практическую научную базу в данной области исследования.

Также нельзя не отметить тот факт, что именно Ю.Г. Коргунюк стал одним из первых российских политологов, который ввел в научный оборот понятие «хаотичной» партийной системы, подробно описав функционирование представительного органа государственной власти в 1991–2001 гг. [4]

Второй тренд политической конкуренции в рамках сложившейся партийной системы складывался в Российской Федерации постепенно, начиная с 2001 года, заканчивая 2014–2016 гг. Данный временной промежуток можно охарактеризовать как становление и функционирование конкуренций электоральных объединений в рамках «картельной» партийной системы.

Чтобы подтвердить выдвинутый нами тезис, обратимся к работам Р. Каца и П. Мэира, исследователям Кембриджского университета и авторам термина «картельная партия». В одной из многочисленных публикаций по данной теме [2] авторы определяют картельную партию как тип партии, возникший в демократических политических системах, отличительными признаками которой являются:

- деполитизация партийной организации в стороны технократического управления;
- межпартийное соглашение (сговор);
- взаимопроникновение партии и государства;
- конкуренция сводится не к программной составляющей, а к театрализованной стороне политики, так называемой «демократии зрительного зала»;
- организация политической партии изначально направлена на получение дотации со стороны государства;
- дистанцирование партийной организации от решения актуальных проблем, присущих тому или иному государству;
- важнейшие вопросы государственного уровня принимаются путем договора между законодательной и исполнительной властью.

Стоит отметить, что подобная дефиниция является уникальной, так как с достаточно большой точностью адаптируется как на страны Западной Европы, так и на страны Восточной Европы. Проецируя вышеуказанное определение на российскую партийную действительность, можно доказать состоятельность позиции кембриджских ученых. В этой связи показателен эвфемизм, который часто употребляется как в органах государственной власти, так и в различного рода СМИ, где термин «партийный картель» заменяется термином «системная оппозиция».

Новый тренд, который взял свое начало в 2001 г., положил начало профессионализации политической деятельности: народное представительство конкретных социальных групп модифицировалось в общую направленность партийной программы. Более того, появилась необходимость денежного финансирования не только со стороны членов политических партий, но и от сторонних инвесторов (НКО, юридические лица и др.).

Еще одним подтверждением существования картельных партий в России может послужить изучение вопроса об их государственном финансировании. Согласно Закону «О политических партиях», политические партии, участвовавшие в выборах депутатов Государственной Думы РФ и набравшие за свои списки кандидатов более 3% голосов избирателей, имеют право получать ежегодное государственное финансирование, которое постепенно увеличивалось, начиная с 2006 г., заканчивая 2016 г. динамика изменения государственного финансирования политических партий представлена в виде таблицы (табл. 2)¹.

Таблица 2

**Динамика ежегодного государственного финансирования политических партий
(денежная сумма за один голос)**

Год	Стоимость одного голоса, руб.
2006	5
2009	20
2012	50
2015	110
2016	152

Из табл. 2 видно, что стоимость одного голоса, поданного за политическую партию, увеличилась в 30 раз. Данное финансирование определяется в результате полученных голосов избирателей и умножается на определенную сумму денег.

Проанализировав опубликованные сводные финансовые отчеты на официальном сайте Центральной избирательной комиссии, можно констатировать, что государственное финансирование политических партий постоянно возрастает. Результаты проведенного нами анализа указаны в табл. 3².

Таблица 3

**Процент государственного финансирования политических партий
от общего избирательного фонда**

Год/ политическая партия	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»
2007	5,4%	8,2%	6,6%	-
2008	24%	41%	26%	7%
2009	27%	53%	81%	27%
2010	36,36%	50,38%	82,71%	24,81%
2013	92%	80,6%	39,5%	72,6%
2014	52%	80%	22%	83%
2015	68,6%	89,3%	74,5%	86,3%
2016	43,2%	63,2%	62,2%	43,8%
2017	79,9%	80%	96%	74,5%
2018	60,2%	89,2%	97,6%	80,5%
2019	62%	76%	95%	88%

¹ Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 N 95-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс

² Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации / Финансовые отчеты политических партий [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/finance/>

Из табл. 3 видно, что основная часть финансовых средств политических партий так называемой «системной оппозиции» состоит из государственных дотаций в период между избирательными циклами. В свою очередь, процентное содержание государственного финансирования существенно падает во время избирательных циклов, что объясняется финансированием политических партий различными коммерческими структурами, которые инвестируют свой капитал в целях лоббизма.

Для большей наглядности вышеизложенного тезиса составим сводную таблицу, которая наглядно показывает, как изменялось государственное финансирование основных политических партий Российской Федерации в денежных величинах (табл. 4).

Таблица 4

**Объем государственного финансирования политических партий
(2010–2019 гг.), млрд руб.**

Год	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Итого
2010	0,894	0,161	0,113	0,108	1,276
2011	0,894	0,161	0,113	0,108	1,276
2012	2,585	0,891	0,477	0,493Р	4,446
2013	1,708	0,664	0,404	0,459	3,235
2014	1,800	0,698	0,424	0,482	3,404
2015	3,570	1,386	0,843	0,957	6,756
2016	3,570	1,386	0,843	0,957	6,756
2017	4,340	1,067	1,051	0,498	6,956
2018	4,340	2,383	1,683	0,498	8,904
2019	4,340	1,067	1,051	0,498	6,956

В завершение статьи попытаемся дать политический прогноз на электоральный цикл 2021 года с точки зрения модификации партийной системы. Анализ эмпирической базы в виде экономической и правовой составляющих партийной системы указывает, что после выборов в Государственную Думу Российской Федерации VIII созыва, которые пройдут в 2021 г., партийная система только усилит свои картельные позиции. Это объясняется тем, что после выборов в Думу прошлого (седьмого) созыва финансирование политических партий «за один поданный голос» увеличилось на 27%. Подобное положение очевидно устраивает как «партию власти», так и «системную оппозицию», финансовое существование которой зависит от государственных безвозмездных поступлений в интервале 76–95%.

Тем не менее, прошедшие выборы в представительные органы государственной власти некоторых субъектов Российской Федерации показали существование общественного запроса на обновление партийной элиты. Именно с этим связан успех недавно созданной политической партией «Новые люди», которая получила региональные депутатские мандаты в пяти регионах (рис. 1).

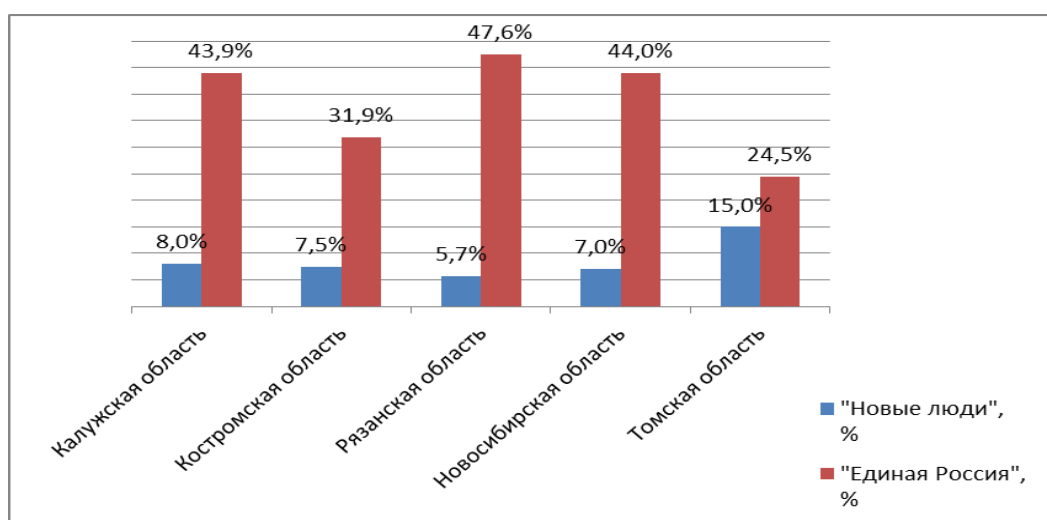

Рис. 1. Результаты политических партий «Новые люди» и «Единая Россия» на выборах в региональные представительные органы 2020 г.¹

¹ Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации / Финансовые отчеты политических партий [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cikrf.ru/politparty/finance/>

Анализируя данные, показанные на рис. 1, можно сделать вывод, что у партии есть хорошие шансы получить федеральные депутатские мандаты, количество которых будет зависеть от их избирательной кампании, а также планов политического картеля на счет конкретной партии. С большой долей вероятности можно сказать, что «Новые люди» потеснят позиции «Справедливой России», рейтинг которой стремительно падает. Не исключен факт, что «Справедливая Россия» в скором времени расформируется путем присоединения к «партии власти». Подобная мысль возникает по той причине, что данная электоральное объединение не стало выдвигать своего кандидата на выборы Президента России в 2018 г.

Подобный вывод подтверждает и то, что политические партии получают дополнительное финансирование за результаты своих кандидатов на президентских выборах, что увеличило бюджет КПРФ и ЛДПР в 2018 г. на 55 % и 38 % соответственно. Учитывая тот факт, что финансирование «Справедливой России» снизилось в два раза относительно прошлого электорального цикла, участие их кандидата в выборах президента 2018 г. существенно улучшило бы финансовое положение партии. Именно поэтому можно предполагать, что положение данной партии близко к расформированию. Исходя из вышеуказанных посылов, можно утверждать, что в рамках тренда в картельной партийной системе можно наблюдать зарождение так называемого «субтренда», направленного на обновление партийной элиты.

Литература

1. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction // Party systems and voter alignments: Crossnational perspectives. N.Y.; L.: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967. P. 1–64.
2. Кац Р.С., Мэйр П. Картельная партия: возвращение к ТЕЗИСУ (перевод) // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77–112.
3. Коргунок Ю.Г. Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202–224.
4. Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, МПГУ. 2007. 543 с.
5. Шутков М.В. Особенности политической конкуренции регионального уровня на примере субъектов РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 284–290.

Cherkasova Tatiana Pavlovna, Doctor of Economic Science, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Shutov Mikhail Vasilievich, Post-Graduate Student of the Faculty of Political Science, South Russian Institute of management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: michaelshutov@mail.ru

POLITICAL COMPETITION TRENDS IN MODERN RUSSIA

Abstract

This article describes the trends of political competition within the party system of the Russian Federation. The authors identify two trends of political competition in Russia of the post-Soviet period and give them a scientific definition. One is a fundamentally new approach to the study of the competitive environment in politics. The scientific work derives the following formula: the change in the vector of development of political competition occurs when the type of party system changes. To prove this thesis, the theory of social divisions proposed by Lipset and Rokkan, as well as the Russian researcher Yu.G. Korgunov, is taken as a basis. The empirical part of the study is based on the financial indicators of the party as the main factors that form the type of party system. Based on statistical data we shall try to predict the nature of the functioning of the party system, including political competition, for the next election cycle.

Keywords: trend, party system, political competition, trends of political competition, theory of "social divisions", cartelization of the party system, institution of parliamentarism, party organization, state authorities.

References

1. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction // Party systems and voter alignments: Crossnational perspectives. N.Y.; L.: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967. P. 1–64.
2. Кас Р.С., Мэйр П. Картельная партия: возвращение к ТЕЗИСУ (перевод) // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77–112.
3. Коргунок Ю.Г. Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202–224.
4. Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, МПГУ. 2007. 543 с.
5. Шутков М.В. Особенности политической конкуренции регионального уровня на примере субъектов РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 284–290.

РАЗВИТИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИЗМА

Ярошенко Галина Васильевна кандидат политических наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

Курневский Алексей Сергеевич студент факультета управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: kurenevskii.alexey@mail.ru

Аннотация

В рамках исследования детерминизма в вопросах развития различных стран мира сформировалось несколько школ научной мысли: географический детерминизм, культурно-исторический детерминизм и институциональная школа экономического развития. В настоящей статье авторами рассматриваются каждая из них с точки зрения исторических и научных аспектов. При этом основной идеей стал анализ этих школ применительно к России и в этом отношении характеристика проблемы детерминизма как определяющей при ответе на вопрос, почему у России не получилось войти в число наиболее успешных стран мира.

Ключевые слова: детерминизм, Россия, культура, история, география, институциональный подход, демократия, политика, социально-экономическое развитие.

В современном мире популярна фундаментальная дискуссия – почему одни страны процветают в социально-экономическом отношении, а другие нет. Важным вопросом здесь является, что люди и страны должны сделать, чтобы добиться успеха, и наоборот – какие институты и действия приводят к тому, что прогресс задерживается, страны застревают в ловушке бедности, неравенства и почему у многих не получается. Это проблема является в некотором смысле вершиной политэкономической науки, так как для своего раскрытия требует профессиональные знания истории народов как минимум за последние несколько тысяч лет, а также владение хотя бы базовыми технологическими трендами и понимание отраслевых взаимосвязей от средневековой до современной экономики.

В рамках исследования поставленных вопросов сформировалось несколько школ научной мысли: географический детерминизм, культурный детерминизм, экономический детерминизм (институциональная школа) [1, с. 12-13.] Детерминизм – это учение об определяемости одних событий или состояний другими, в более общем виде – о взаимосвязи и взаимообусловленности всех явлений и процессов реальности¹.

Мы рассмотрим каждую из названных школ подробнее ниже, ровно как и проанализируем некоторые современные проблемы Российской Федерации в их границах, но в начале нам представляется необходимым дать краткую характеристику места России в мире сегодня. И лучше всего нам помогут это сделать несколько важнейших всемирных рейтингов стран, а именно позиция нашей страны в них.

Так, например, по объёму ВВП по итогам 2019 г. Россия заняла 12 место в мире согласно Годовому отчёту МВФ 2019². Национальная валюта Рубль является фундаментально слабой по причине действующих санкций и риска возникновения новых, а также в связи с неразвитостью экономики, а именно – исключительно сырьевой направленности и возникающей вследствие этого чрезмерной зависимости от цен на сырьё и в целом темпов развития мировой экономики. Важным фактором также здесь является постоянный отток капитала из национальной экономики, продолжающийся практически ежегодно (за исключением 2006, 2007 гг.). С 1994 г. суммарный отток капитала из нашей страны составил 766 млрд. долл.³

¹ Детерминизм. Большая российская энциклопедия. [Электронная версия] URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/1949854> (дата обращения: 07.11.2020).

² Годовой отчёт МВФ 2019: наш взаимосвязанный мир. [Электронный ресурс] URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2019/eng/assets/pdf/imf-annual-report-2019-ru.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).

³ Отток капитала из России: Статистика по годам 1994-2018. [Электронный ресурс] URL: http://fincan.ru/articles/28_ottok-kapitala-iz-rossii-ctatistika-po-godam/ (дата обращения: 07.11.2020).

Россия заняла 43 место в рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума¹. В докладе The Global Competitiveness Report 2019 эксперты назвали финансовый сектор самым проблемным для нашей страны, выделив в рамках которого трудности доступа к дополнительному финансированию для субъектов малого и среднего предпринимательства, проблему неработающих кредитов, доля которых достигла 10 %, а также несоответствие рынка российских акций масштабу экономики страны.

Россия заняла 49 место в индексе Человеческого развития ООН по итогам 2019 г.² Это комплексный показатель, который учитывает здравоохранение, образование, социальное равенство, экономическое развитие и в целом факторы, способствующие достойному качеству жизни в современном мире. Иными словами, он показывает, насколько люди могут быть сытыми, здоровыми, образованными, свободными в своих действиях и решениях в той или иной стране мира.

По уровню демократизации власти и общества – самому успешному политическому движению современности – Россия заняла 135 место в мире по итогам 2019 г.³

Таким образом, Российской Федерации нет среди богатых и успешных стран мира ни в одном из глобальных рейтингов, учитывающих положительные тенденции развития государств. Это говорит нам о том, что у нашей страны всё впереди, имеются большие перспективы развития и процветания в будущем. И, чтобы двинуться вперёд и добиться прогресса, в первую очередь, необходимо осознать – почему этого не получилось сделать до сих пор. И проанализировать этот вопрос мы предлагаем в рамках упомянутых выше научных школ, рассматривающих факторы успешности или неразвитости тех или иных стран мира.

Сторонники школы географического детерминизма придерживаются позиции, что определяющим фактором развития той или иной страны является её географическое положение и климатические условия. К наиболее серьёзным последователям данной теории относится американский исследователь Джаред Даймонд, книга которого «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», переведенная в 2009 году на русский язык, имела в нашей стране большой успех. В книге автор прямо указывает, что развитие государства напрямую зависит от того, на каком континенте оно находится, и факторах исторического формирования этой территории и климата на ней.

В отечественной науке популярной стала книга российского публициста Андрея Паршева «Почему Россия не Америка», которая также развивает основные тезисы школы географического детерминизма. В частности, в книге за основу взято достаточно популярное убеждение о том, что России сложно развиваться из-за сурового климата. Однако, мы предлагаем обратиться к фактам: во-первых, все «холодные» страны мира, кроме России, являются успешными рыночными демократиями, более того, такие страны как Норвегия, Швейцария, Финляндия, Дания, Исландия, Канада лидируют в мировых рейтингах успешности, человеческого развития, победы над коррупцией. Во-вторых, если, например, проанализировать рейтинг американских штатов по ВВП на душу населения, мы можем заметить простую тенденцию: в лидерах находятся и всегда находились в основном северные штаты⁴.

Таким образом, мнение о том, что холодный климат тормозит развитие государства и требует какой-то особенной модели правления, является мифом, который не выдерживает критики.

Здесь мы переходим к анализу следующей теории, которая возникла в рамках школы культурного детерминизма. Это мнение о том, что культурные ценности и традиции лежат в основе экономического развития, уровня благосостояния и судеб народов в целом. Базовая идея о культуре как фундаменте развития государств была изложена ещё Максом Вебером в его работе «Протестантская этика и дух капитализма». Культурный детерминизм – это система взглядов, которая рассматривает культурные факторы организации нашей жизни, сложившиеся на протяжении всего исторического развития народа. В число наиболее передовых и ярких школу культурного детерминизма выдвинула книга «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец

¹ The Global Competitiveness Report 2019. // World Economic Forum URL:

http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

² Human Development Index Ranking, 2019. // United Nations development programme Human Development Report. [Электронный ресурс] URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2019-human-development-index-ranking> (дата обращения: 07.11.2020).

³ The Democracy Index 2019 // The Economist Intelligence Unit. [Электронный ресурс] URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ List of U. S. states and territories by GDP per capita. // Bureau of Economic Analysis. Retrieved 8 June 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bea.gov/> (дата обращения: 07.11.2020).

мультикультурализма» американского экономиста Лоуренса Харринсона, которая ввело в оборот категорию культурного капитала как совокупность ценностей, верований и установок, ведущих общество к всестороннему развитию и процветанию.

Культурный капитал тесно связан с образованностью общества и свободой в развитии с предоставлением со стороны государства всех возможностей для этого. Культура, безусловно, основана также на субъектах и институтах, её формирующих, поддерживающих и развивающих, поэтому мы считаем правильным продолжить рассмотрение школы культурного детерминизма вместе с институциональным подходом, сущность которого заключается в том, что в основе социального благополучия и экономического развития общества и государства лежат решения управляющих институтов и их субъектов. Мы убеждены в том, что эти две научные теории непосредственно связаны между собой и считаем, что условия формирования властных институтов напрямую зависят от сложившихся культурных особенностей общества, как и наоборот – сформировавшиеся властные институты влияют на появление новых тенденций преобразования и развития культурного капитала.

И здесь нам представляется необходимым рассмотреть один факт из нашей истории: в рамках сложившегося и действующего на протяжении всей истории нашей страны абсолютизма не были созданы социальные и экономические институты, которые работали бы на процветание общества. Так, во времена правления Николая I в кругах правящей элиты преобладал страх перед так называемым созидательным разрушением.

Австрийский экономист Йозеф Шумпетер рассматривал созидательное разрушение как процесс преобразования экономической структуры предприятия в рамках описания жизненного цикла компании. Созидательное разрушение предполагает постепенное обновление структуры изнутри с целью создания новой совершенной системы [2]. Наложив эту теорию на институт государства, мы можем рассматривать созидательное разрушение как необходимый элемент прогресса, развития общества и элементов государственного управления. В первой половине XIX века такой процесс мог быть порожден развитием промышленности и железных дорог, повышением доли пролетариата, улучшением социальных условий жизни и в целом повышением благосостояния народа. Заметным противником прогресса в то время был граф Егор Канкрин. Будучи министром финансов Российской империи в 1823–1844 годах, он сознательно ограничивал развитие. Так, например, заняв должность, он тут же остановил проект поддержки развития промышленности, начатый прошлым министром, запретил промышленные выставки, отказался от развития железнодорожного сообщения, потому что считал это предметом роскоши. Главной целью политики Канкринна было поддержание традиционных политических опор режима – помещичьей аристократии, патриархального и аграрного общественного уклада. Такие взгляды были продиктованы страхом перед созидательным разрушением – тем, что экономические изменения (потенциальное масштабное развитие) повлекут за собой изменения политические [1]. В итоге, из-за разрушительных действий министра Россия на несколько десятилетий отстала от участия в международной промышленной революции и прогрессе, который был в целом связан с развитием транспорта и новых средств производства.

Институциональная школа предполагает, что главным условием развития государства является формирование необходимых для этого политических и экономических институтов и прогрессивного социокультурного фундамента в обществе. Общеизвестными факторами развития государства в современном мире в этом аспекте считаются: эффективные инклюзивные институты власти, действующие от имени народа и исключительно ему во благо, верховенства права, политические и экономические свободы, развитые институты самоорганизации общества, оптимальное разграничение полномочий между государством и обществом, развитые, цивилизованные формы обратной связи между государством и обществом (демократия в политике и рынок в экономике) [3, с. 358].

На протяжении всех исторических эпох в нашей стране большинство из названных элементов эффективной модели управления, как правило, отсутствовали. Такая система организация власти постоянно обрекала её на неверные решения, достижения краткосрочных результатов чрезмерной ценой, однако, даже если не рассматривать древнюю историю, а провести, например, анализ деятельности Ивана Грозного, Петра I, Николая I, И.В. Сталина, то мы получим очевидный вывод – отказ от развития инклюзивных институтов, приверженность аристократическим интересам и централизация власти неизбежно заканчивается трагедией для общества. Политическая и экономическая несвобода неизбежно обрекают его на стагнацию, даже остановку в развитии и отставание в будущем. Например, именно это произошло с советским обществом в 60-80-е гг. XX века. Распад СССР в 1991 году и национальные конфликты на постсоветском пространстве являются следствием сформировавшегося национально-государственного устройства Советского союза [4].

Институциональная школа за основу берёт тезис «все страны когда-то были нищими и неэффективными, но одни смогли сформировать развитие институты, которые двинули их вперёд, а другие так остались бедными и загнивающими». Например, Англия ещё 500 назад была абсолютно отсталой европейской периферией, где не было ничего. Но граждане осознавали необходимость преобразований и потребовали гражданских и политических свобод, была Хартия Вольностей, был создан один из первых Парламентов. В итоге Англия стала лидером промышленной революции и одной из успешных стран в мире сегодня и политически, и экономически.

И здесь мы говорим о проблеме детерминизма. Будь то географический детерминизм, культурный или экономический, все они базируются на теории, что не нужно ничего делать, будущее того или иного общества неизменно зависит от территориально-климатических, культурных или исторических факторов, и на него никак нельзя повлиять. Подобные взгляды широко распространены в нашем обществе.

Мнением о том, что Россию невозможно преобразовать в одно из самых успешных государств в мире из-за исторических и территориальных проблемных факторов, порождает некоторое безразличие к настоящему и будущему нашей страны. Эти утверждения не выдерживают не малейшей проверки историей, наоборот – на протяжении всего становления современного развитого политического мира было ясно одно: будущее того или иного общества зависит исключительно от него самого.

Литература

1. Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
2. Дмитриев С.Г. О становлении теории «Созидательного разрушения» // Креативная экономика. 2011. № 12. С. 46–50.
3. Данилов А.Г. Россия на перекрёстках истории XIV–XIX вв. СПб.: Алетейя, 2014. 440 с.
4. Григорян Д.К., Крицкая А.А., Зейдьяев А.У., Курневский А.С. Трансформация советской политической элиты: особенности и уроки // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 3А. С. 146–152.

Yaroshenko Galina Vasilievna, Candidate of Political Science, Associate Professor, South Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

Kurenevsky Alexey Sergeevich, Student of the Faculty of Management, South Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kurenevskii.alexey@mail.ru

DEVELOPMENT OF RUSSIA: THE PROBLEM OF DETERMINISM

Abstract

Within the framework of the study of determinism in the development of various countries of the world, several schools of scientific thought have been formed: geographical determinism, cultural and historical determinism, and the institutional school of economic development. In this article, the authors consider each of them from the point of view of historical and scientific aspects. At the same time, the main idea was to analyze these schools in relation to Russia and, in this regard, to characterize the problem of determinism as determining the answer to the question why Russia failed to become one of the most successful countries in the world.

Keywords: *determinism, Russia, culture, history, geography, institutional approach, democracy, politics, socio-economic development.*

References

1. Daron Adzhemoglu, Dzheyms A. Robinson. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. M.: AST, 2015. 693 p.
2. Dmitriev S.G. O stanovlenii teorii «Sozidatel'nogo razrusheniya» // Kreativnaya ekonomika. 2011. № 12. P. 46–50.
3. Danilov A.G. Rossiya na perekrestkakh istorii XIV–XIX vv. SPb.: Aleteyya, 2014. 440 p.
4. Grigoryan D.K., Kritskaya A.A., Zeydlyayev A.U., Kurenevskiy A.S. Transformatsiya sovetskoy politicheskoy elity: osobennosti i uroki // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2020. T. 9. № 3A. P. 146–152.

УДК 314.5

DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-233-236

**LIFE WORLD OF YOUNG FAMILY IN SPACE OF MULTICULTURAL REGION:
SUSTAINABILITY AND RISKS OF DISINTEGRATION**

- Artamonova Yana Viktorovna** Candidate of Sociology, lecturer at the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: janaserduchenko@mail.ru
- Gafiatulina Natalya Khalilovna** Candidate of Sociology, Associate Professor, Doctoral Candidate at the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Abstract

The paper discusses an urgent topic of sociological analysis - the stability of the life world of a young family in a multicultural environment. The transformation processes of modern society have a significant impact on the formation of the value attitudes of young people, which are reflected in the changing attitudes of young people towards family and family behavior. It has been found that the volatility and the riskiness of the modern world force young people to adapt to modern reality, to build the family's behavior in such a way as to keep its life world intact. It can be concluded that overcoming the risk of disintegration of the life world of a young family should occur through risk reflection on the part of such agents as family, education, government and public organizations, mass media, as well as young spouses themselves. It is evident that such a comprehensive risk-reflection can make the life world of a young family stable.

Keywords: *life world, values, attitudes, young people, young families, risk, life-world of a young family, family behavior.*

The development of modern society largely depends on the development of such a socio-demographic group as youth. Changes in the social environment entail changes in the views of modern young people on social reality. Since modern Russian society is going through a huge number of socio-economic, political and socio-cultural transformations, young people are forced to re-construct social reality based on these changes. The attitude of young people to the social institution of the family is also being transformed, which in turn leads to the emergence of new models of family behavior. For the majority of young people, the family becomes an instrumental value [1], informal marriages (cohabitation) are currently not denied by young people [2], and when choosing a family model, young people most often focus on a two-child family model, but in reality, the one-child model of a young family prevails [3].

The issues of youth are relevant among modern researchers [4]. Particular importance is attached to such a direction in the study of youth as the attitude of young people towards the family and the problems of a young family. Analysis of the relevant research works proves the popularity of this direction. Analyzing the problems of a young family, scientists investigate life strategies, lifestyle, value orientations and attitudes of a young family [5, 6, 7]. Considering a young family and its problems, researchers turn to the reproductive behavior of a young family and the social health of spouses [8, 9]. The aspects considered by scientists relate to a complex concept - the life world of a young family.

According to D. B. Vorontsov and A.V. Vorontsova, the current situation in Russian society is characterized by the presence of many unfavorable factors affecting the increase in the number of risks of family breakdown. While considering risk groups in two aspects: 1) risks at the society level due to violation of generally accepted social rules and norms; 2) risks at the level of an individual, when family members do not have the normal living conditions required for a full life and development; it was concluded that the risks for the family (including the young family) are "such factors of life in society, which cause negative consequences in one way or another, violation of the functions of the family, as well as threats to the social, financial and / or physical safety of the family (or its individual members), emanating from specific people or society as a whole" [10].

The volatility and riskiness of the modern world force young people to adapt to modern reality, to build family behavior in such a way as to keep its life world intact. In risk - taking environment, an urgent issue is aimed at considering the stability of the life world of a young family and preventing the risks of its breakdown.

By recreating social reality, people endow it with their own interpretations. A. Schütz gives the following definition of social reality – it is the sum of objects and events that can be observed in the socio-cultural world in the form interpreted by people living everyday life among other people associated with them by many relationships and interactions [11]. Transformations of social reality also cause changes in the views of young people on its objects.

Concerning the life world of a young family, we note that this is "a subjective model of social reality, reflecting the ideas of young spouses about the family, their family values, attitudes and practices determined by factors of the macro and micro social environment" [12].

The structure of the life world includes young spouses (actors), the social environment with hidden risk-generating factors of impact on the life world, value orientations and attitudes of young spouses, as well as the social behavior of a young family.

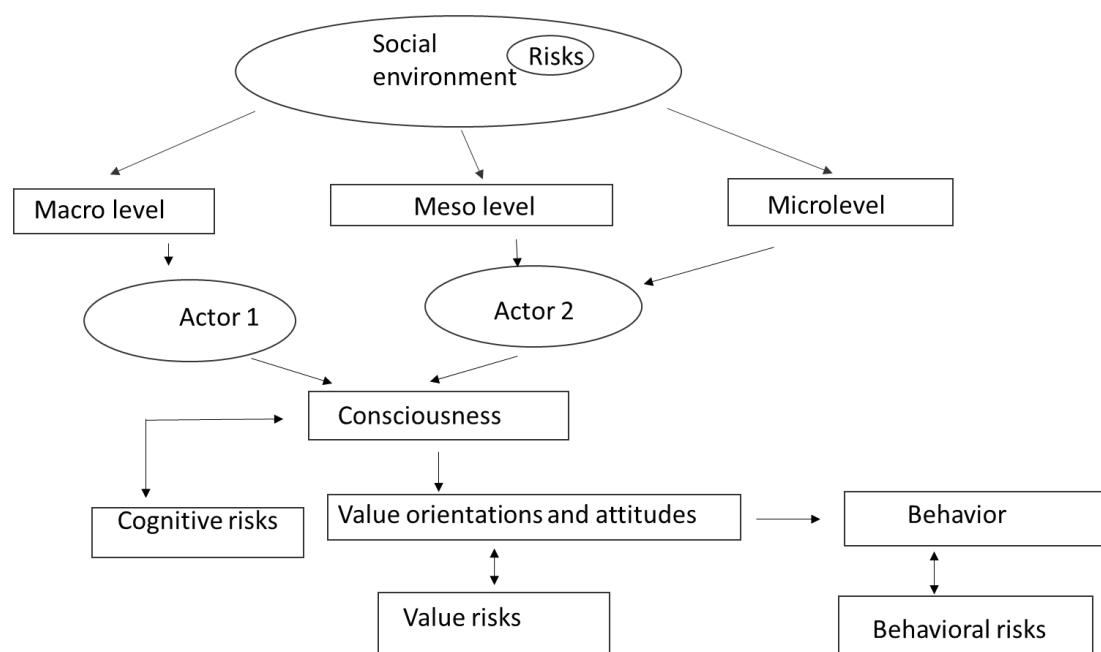

Figure: 1. Structure of the life world of a young family (based on the concept of the sociology of life by Zh.T. Toshchenko and the riskological concept of Yu.A. Zubok)

The life world of a young family is based on traditional models of family behavior, if there is stability in the development of society. But, as we have already emphasized, Russian society is a risky space that contains a conflict potential for absolutely all components of the life world, and can have a significant impact on the stability of the life world, and sometimes lead to its disintegration.

As part of this work, we turn to the life world of a young family in a multicultural space, since, in our opinion, a multicultural environment is more risky. To measure the life world of a young family, we used indicators shown in Figure 2.

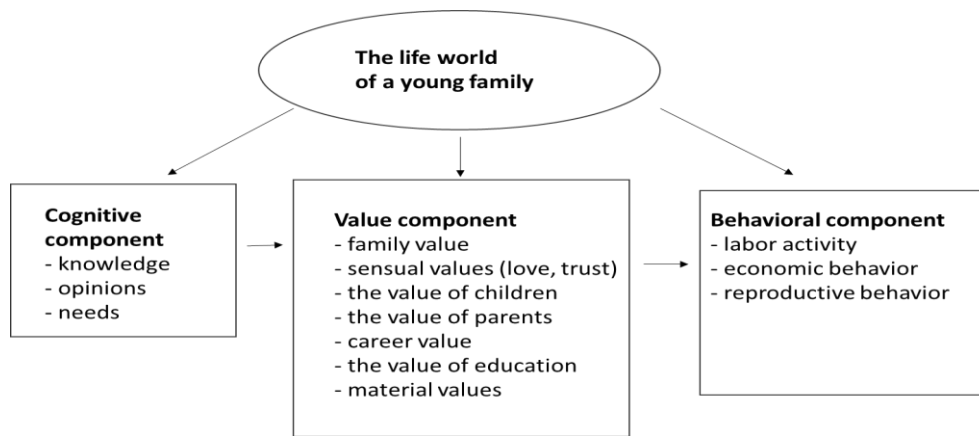

Figure: 2. Structure of measuring the life world of a young family

Having analyzed the data obtained in the course of the sociological research "Life World of Young Family in Rostov Region", we can assert that the life world of a young family contains the following risks: cognitive risks, value risks and risks associated with the behavior of young spouses.

Due to the fact that young spouses surveyed noted that at present the level of knowledge of young people about family and family relations tends to decrease, there are risks of a cognitive order. Young families attributed this kind of risk to a decrease in the level of family culture (10.4%), low protection in terms of family and juvenile law (2.8%), as well as a loss of religiosity (2.7%).

Value risks are associated with the devaluation of the family, its transition from terminal to instrumental value. In the Rostov region, young spouses noted a tendency towards the destruction of family values, although in general the stability of family values and traditions is typical for the Rostov region. The results of the conducted empirical research emphasize the traditional views of young spouses on the form of family relations (89.2%) and the main motives for creating a family are love (90%) and children (17%).

During the survey, young families also noted that they face behavioral risks. Risks of changes in the behavior of spouses are associated with the transformation of the quality and lifestyle of young spouses. Such changes entail changes in the behavior of young people. The discrepancy between the cognitive-value ideas of young spouses and real social practices causes behavioral risks. About 20% of respondents are afraid of the risk of economic instability, which cause risks associated with reproductive behavior (16.9%). A large number of spouses noticed the dependence of the reproductive attitudes of the spouses on the financial situation of the young family. In addition, young families indicated that there are gender contradictions in household behavior. Modern young women very rarely act only in the role of a homemaker; they actively participate in economic activities and provide for their families on an equal basis with men, therefore, they demand from men a fair division of household duties, which sometimes causes conflict situations.

The analyzed data show that the sources of destruction of the life world of a young family in a multicultural region are cognitive, value and behavioral risks. Cognitive and value risks entail behavioral risks of destroying the life of a young family. In this regard, the search for sustainable development of the life world of a young family in a multicultural region should be based on the strategies aimed at overcoming the risks of destruction of the life world within the cognitive, value and behavioral components of the life world structure.

That is, the formation of a sustainable life world of a young family in the space of a multicultural region requires young spouses to have a conscious understanding of the risks, as well as the ability to prevent them. The behavior of a young family must be reflected at the level of spouses. In addition to risk-reflection at the level of spouses, such a procedure should also be carried out by social systems, which will help reduce the risks of disintegration of the life world of a young family [12, 13, 14].

Risk reflection is manifested in macro-strategies and micro-strategies of the cognitive, value and behavioral order. Micro-strategies and macro-strategies for minimizing and overcoming risks are based on the activities of the following agents: family, education, government and public organizations, the media.

Thus, the stability of the life world of a young family depends on quality reflection on the part of all the agents involved. Such measures make it possible to achieve successful activities aimed at supporting young families and family policy. In turn, it is evident that risk reflection on the part of young spouses is very important and urgently necessary, which will enable the young spouses themselves to actively participate in the development of programs aimed at supporting young families.

References

1. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). In 2 volumes. Vol. 1. Ed. 2nd, rev. and add. Moscow: New Chronograph, 2016. 416 p.
2. Roshchina Ya. M., Maltseva M.A. Informal marriage in Russia in 2000–2014 [Electronic resource] // Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics (RLMS HSE). 2016. Issue. 6. URL: https://www.hse.ru/data/2016/07/28/1118935935/Vestnik%20RLMS-HSE_2016.pdf (accessed 06 December 2019).
3. Demographic forecast until 2030 [Electronic resource] Federal State Statistics Service URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_127253911207 (accessed 06 December 2019).
4. Russian youth in the mirror of sociology. By the results of many years of research: [monograph] / Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Moscow: FNISTS RAN, 2020, pp. 10–11.
5. Rostovskaya T.K. Creation of a student family: motivation and life strategies of members of young student families (results of an all-Russian interuniversity study) // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after Lobachevski N.I. Series: Social Sciences. 2015. No. 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-studencheskoy-semi-motivatsiya-i-zhiznennye-strategii-chlenov-molodyh-studencheskih-semey-itogi-vserossiyskogo> (accessed 17 January 2021).
6. Presnyakova-Osipova I.V. The image and quality of family life // Power. 2013. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-i-kachestvo-zhizni-semi> (accessed 17 January 2021).
7. Sorokina E.S. Life strategies of a young family: a sociological analysis. Abstract. Diss. Cand. Sociol. Sciences. M., 2007. 21 p.
8. Khairullin R.R., Soloviev M.M. Factors of reproductive behavior of a young family: Orthodox values // VEPS. 2015. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-reproduktivnogo-povedeniya-molodoy-semi-pravoslavnye-tsennosti> (accessed 17 January 2021).
9. Gafiatulina N.Kh., Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Social health of a young family: indicators and assessment levels // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 8–9.
10. Vorontsov D.B., Vorontsova A.V. Social risks affecting the modern family // Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. 2014. No. 45, pp. 35–40.
11. Schutz A. Selected: A world glowing with meaning. M., Russian political encyclopedia 2004, p. 55.
12. Serdyuchenko Ya.V. The life world of a young family: features of formation and risks of destruction (based on materials from the Rostov region): author. Diss. Cand. Sociological sciences 22.00.04 / Serdyuchenko Ya.V., Rostov-on-Don, 2018.
13. Gafiatulina N.Kh., Kasyanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Russian society in self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic. Monograph. Moscow, 2020. 178 p.
14. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., Efimova V.M., Yaksa N.V., Luginina A.G., Prokhorenko O.N. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. 2020. T. 9. № 4. C. 830–845.

Артамонова Яна Викторовна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).

E-mail: janaserduchenko@mail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна, кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).

E-mail: gafiatulina@yandex.ru

ЖИЗНЕННЫЙ МИР МОЛОДОЙ СЕМЬИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА: УСТОЙЧИВОСТЬ И РИСКИ РАСПАДА

Аннотация

Авторы работы затрагивают актуальную тему социологического анализа – устойчивость жизненного мира молодой семьи в поликультурном пространстве. Трансформационные процессы, которые происходят в современном обществе, оказывают существенное влияние на формирование ценностных установок молодежи, которые отражаются на изменении взглядов молодых людей на семью и семейное поведение. На основе проведенного анализа авторы статьи отмечают, что изменчивость и рискогенность современного мира подталкивают молодых людей приспосабливаться к современной реальности, выстраивать поведение семьи так, чтобы сохранять ее жизненный мир в целостности. Среди рисков жизненного мира выделены: когнитивные, ценностные, поведенческие риски. По мнению авторов, преодоление рисков распада жизненного мира молодой семьи должно происходить за счет риск-рефлексии со стороны таких агентов, как семья, образование, государственные и общественные организации, СМИ, а также самих молодых супругов. Именно такая комплексная риск-рефлексия сможет сделать жизненный мир молодой семьи устойчивым.

Ключевые слова: жизненный мир, ценности, ценностные ориентации, социальные установки, молодежь, молодая семья, риск, жизненный мир молодой семьи, семейное поведение.

ПАНДЕМИЯ И СИСТЕМА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР КАК ФАКТОР ТРАВМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Касьянов Валерий Васильевич доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Кубанский государственный университет (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149).
E-mail: culture@kubsu.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Вакула Иван Михайлович доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83)
E-mail: mvarula@gmail.ru

Аннотация

Цель статьи – проанализировать социально-психологическое влияние пандемии и введенных системы ограничительных мер на травматизацию социального здоровья населения. В числе ограничительных мер рассматриваются: самоизоляция; требования к соблюдению санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее за собой определенные формы социального расслоения; требования к соблюдению социального дистанцирования; перевод на удаленный режим работы. Авторы приходят к выводу о том, что пандемия нанесла серьезную травму социальному здоровью многих слоев российского населения, усугубляя их неравенство.

Ключевые слова: социальное здоровье, пандемия, система ограничительных мер, население, травма, самоизоляция, социальное дистанцирование, расслоение, удаленный режим работы.

Пандемия, вызванная COVID-19, и связанные с нею введенные ограничительные меры, а также алармистский информационный фон с навязчивым повторением негативных событий в совокупности, оказали серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и привели к социальным изменениям, несущим преимущественно негативный характер.

Опираясь на теорию социальных изменений, которая была разработана П. Штомпкой, сами социальные изменения несут в себе травму, поскольку идет нарушение среды, которая была привычна для человека. В свете таких изменений трансформируются и ценности человека. Наибольшую озабоченность всех слоев населения вызывают проблемы, сопряженные с ухудшением состояния социального здоровья. Эти проблемы на фоне повышенного информационного давления и возрастания социального напряжения, так или иначе, являются следствием введенных ограничений по предотвращению распространения нового вируса.

Как указывает А.К. Дегтярев, для современного российского социума характерно «возникновение травматогенных идентичностей», отражающихся на социальном здоровье населения, которое проявляется «в негативной идентификации, переходе идентичностей на социальный микроуровень, ограничениях идентификационного притяжения семьей, кругом близких, коллегами по работе» [1, с. 28].

Из-за того, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала распространение новой коронавирусной инфекции пандемией, были предприняты ограничительные меры, связанные с закрытием границ, запретом транспортного сообщения, требованиями социального дистанцирования, переводу на удаленный режим работы и пр. Причем большой «проблемой становится гуманность принимаемых стратегий» и система ограничительных мер в борьбе с COVID-19 по отношению к населению [2, с. 505] в рамках целостности его системы «человек – окружающий мир».

По совершенно справедливому мнению южно-российских ученых Ю.Г. Волкова и В.И. Курбатова, пандемия изменила «все стороны функционирования каждого государства, каждого социального института, каждого человека» [3, с. 18]. Действительно, пандемии приводят к возникновению социально-психологических стрессоров, изменению поведенческих реакций и травматизации

социального здоровья многих групп населения, даже относительно стабильных и не относящихся к разряду уязвимых.

Семантическое наполнение категории «социальное здоровье» довольно разнообразно и детерминировано междисциплинарными подходами к его научной интерпретации. В силу того, что целью данной публикации является рассмотрение системы ограничительных мер в условиях пандемии как фактора травматизации социального здоровья населения, в качестве методологической базы мы обозначим лишь тот спектр подходов, который будет соответствовать цели нашего исследования.

Так, в рамках данной статьи особый интерес для нас представляют социоцентрированные интерпретации социального здоровья населения, основанные на ценностно-нормативном, социально-адаптивном и функциональном подходах, в рамках которых социальное здоровье – это:

- качество, которое относится к разряду интегративных и включает в себя ценностные ориентации человека и поведения. Здесь отражается социально приемлемое поведение человека и способы его саморегуляции при изменении социальной реальности [4, с. 93];
- жизненная удовлетворенность личности/группы нормами социальных связей и отношений [5];
- факторы социальной среды, которые не позволяют человеку дезадаптироваться и влияют на гармоничное развитие личности [6];
- мера социальной активности, преобразующей деятельности и эффективного функционирования в социуме [7].

Социальное здоровье, согласно комплексному подходу М.В. Мореву, – это основной указатель для «здоровья общественного, поскольку является показателем уровня адаптации личности к социуму» – с одной стороны, и «социума – к существующим условиям и вызовам социальной реальности» – с другой. И такого рода травматогенным вызовом для социального здоровья является новая коронавирусная реальность со всеми вытекающими из нее мерами ограничительного характера в условиях «чрезвычайной ситуации» (ЧС) [8, с. 23].

Само звучание фразы «чрезвычайное положение» или «чрезвычайная ситуация» уже является стресс продуцирующей для общественности, поскольку является крайней мерой, применяемой «для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации. К обстоятельствам введения чрезвычайного положения относят, в т.ч. и эпидемии, повлекшие человеческие жертвы или ущерб здоровью и окружающей среде» [9, с. 144]. Это действительно «крайняя мера, ограничивающая свободу передвижения граждан по территории страны, усиливающая ответственность за правонарушения» [9, с. 144].

Итак, какая система ограничительных мер была введена?

Во-первых, в т.н. первую волну население было вынуждено прибегнуть к самоизоляции и уединению в своих домовладениях, квартирах и прочих местах проживания. Под самоизоляцией, как вынужденной мерой, понимается социальное явление, когда «происходит отторжение человека или социальной группы от окружающих людей или других групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и отношений» [10]. Самоизоляция привела к появлению новых социальных норм и рисков социокультурной травматизации, к ухудшению социального иммунитета в целом, и социального здоровья, в частности [11].

У населения серьезным социальным стрессором, связанным с введением режима самоизоляции, и отразившимся на его социальном здоровье, послужили следующие факторы: отсутствие социальной поддержки или социальных связей; страх за собственное благополучие и благополучие близких и коллег, которые рискуют заразиться; противоречия, которые возникают при соблюдении установленных нормативными документами порядком и желанием оказать поддержку другим лицам; нарушение здорового образа жизни, в частности, выполнять комплекс физических упражнений, правильно питаться и получать активный отдых; возможность оптимально выполнять свои социальные функции и реализовывать «свой потенциал через социальные связи, социальный статус и роль в решении индивидуальных и общественно значимых задач» [7, с. 75].

Во-вторых, требования к жесткому соблюдению санитарно-эпидемиологических правил, связанных с тотальным ношением лицевых масок, что повлекло за собой новые формы социального расслоения: т.н. COVID-диссидентство и COVID-настороженность.

Среди населения COVID-диссидентов, в свою очередь, также произошло расслоение на два вида: на бытовом (обывательском уровне) – «ничему не верю», «все это пропаганда» и на интеллектуальном (осмысленном уровне) – «это нарушение прав и свобод», «не хотим подчиняться государству», «это произвол» и пр.

Среди COVID-настороженного населения характерно выполнение всех предписаний, соблюдение всех ограничительных мер, наблюдается изменение общечеловеческих ценностей по причине восприятия другого человека как потенциального носителя вируса, представляющего угрозу жизни и здоровью. Так, сформировались разные тренды социального поведения и социального восприятия: подозрительность, раздражительность, агрессия, ненависть по отношению к нарушителям, COVID-диссидентам. Обе формы появившегося расслоения населения, на наш взгляд, являются наглядным образцом травматизации социального здоровья, поскольку такого рода расслоение отразилось на системе ценностных ориентаций в сознании населения, которые дают возможность «выявить специфику проявления социального здоровья в поведении и ценностных ориентациях личности, принадлежащей к данной социальной общности» [4, с. 93].

В-третьих, повсюду введены меры по ограничению свободы передвижения, социальному дистанцированию.

Именно на понятии «социальная дистанция» целесообразно остановиться с тем, чтобы понять ее травматичное смысловое значение для социального здоровья российского населения. Впервые данный термин был введен американским социологом Э. Богардусом в 1925 г., а позже в книге Э.Т. Холла «Молчаливый язык» (1959) было указано, что основой, которая служит для разделения межличностного пространства, является социальная дистанция (от 1,2 м. до 3,6 м.). Данная дистанция предназначена для деловой коммуникации.

В новой коронавирусной реальности термин «социальная дистанция» приобрел несколько иной смысл. В настоящее время под социальной дистанцией подразумевают санитарно-эпидемиологические меры немедикаментозного характера, которые направлены на замедление распространения инфекции. Одной из главных целей социальной дистанции является снижение контактов между людьми, что ведет к снижению вероятности контактов между инфицированными и неинфицированными.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предложила практику социального дистанцирования называть термином «физическое дистанцирование», ибо, по мнению представителей ВОЗ, социальное дистанцирование подразумевает чувство оторванности от близких, глубоко травмирует психическое и социальное здоровье; и в сложившихся обстоятельствах крайне важно, чтобы население не чувствовало себя изолированным от общества. Как отметил социальный психолог Джамиль Заки, отсутствие физического контакта и человеческой связи, так или иначе, способно нанести ущерб социальному и психологическому здоровью¹.

Неизбежно увеличившаяся социальная дистанция между людьми, как ограничительная мера, привела к травматизации и социального, и психического здоровья: «общество заполучило своеобразное обсессивно-компульсивное расстройство – теперь все постоянно моют руки». Частые встречи, которые проводились в формате оффлайн, переводятся в формат онлайн, «живое общение перестает казаться столь необходимым: раньше нужна была причина для переноса дел в онлайн, теперь нужно объяснять, зачем встречаться лично»².

В-четвертых, то, что человек предположительно имел контакт с кем-то из инфицированных накладывает определенные ярлыки. Например, в ситуации, которая связана с COVID-19 социальная стигматизация и дискриминационное поведение наблюдается по отношению к людям определенного этнического происхождения и национальности, и тех, кто является контактным.

Как подчеркивается в официальном источнике «Охрана труда в условиях пандемии. 2020», люди, которые на рабочем месте не могут избегать социальных контактов, подвержены высокому риску заразиться, из-за чего они выступают в качестве объекта стигматизации. Такие ситуации могут привести к исключению таких людей из различных сообществ³.

Данный факт отражен и в статье С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец, Е.В. Листопадовой и М.В. Сокольской «Социальная стигматизация в период пандемии». Авторы отмечают, что если раньше стигматизации подвергалась та часть населения, которая страдала определенными психосоциальными расстройствами, алиментарным ожирением, нетрадиционной ориентацией и прочими явными девиациями, то в период пандемии «стигматизации стали подвергаться даже те, у кого просто

¹ ВОЗ предложила заменить термин «социальное дистанцирование». [Электронный ресурс] https://news.rambler.ru/community/44046310/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

² Посткарантинный мир. [Электронный ресурс] <https://lenta.ru/articles/2021/01/01/coronavirus/>

³ Охрана труда в условиях пандемии. 2020. [Электронный ресурс] <https://docviewer.yandex.ru/view/18275625/>.

обнаруживаются легкие признаки простуды. Что же касается заболевших COVID-19, их близких, соседей, а также врачей, то эти категории людей сегодня нередко оказываются в эпицентре социально-агрессивного поведения окружающих» [12, с. 13], поскольку в заболевших видят главную причину вынужденной самоизоляции и других ограничительных мероприятий [13, 14].

Иными словами, изменился нравственно-нормативный опыт социального взаимодействия в изменившихся условиях среды, что привело к возникновению дезадаптации и нарушению гармоничного развития личности, поскольку каждый человек (вне зависимости от его образования, социального статуса), оказался в ситуации нарушенных социальных отношений с ранее привычным миром. Это все относится к неблагоприятным последствиям и травматизации социального здоровья населения.

В-пятых, перевод на удаленный режим работы, а также отмена массовых мероприятий, а позже (во вторую волну) введенный во многих регионах комендантский час для баров, кафе и ресторанов также в совокупности оказали неблагоприятное влияние на социальное здоровье многих трудоспособных групп населения. По мнению Л.В. Колпиной, люди, которые обладают поддержкой близких и социального окружения, в эмоциональном плане чувствуют себя более благополучными, кроме того, «люди, включенные в разнообразные сети общения, обычно имеют больше причин для активного применения своего интеллектуального потенциала, тем самым развивая его» [7, с. 78]. В то время как население, привыкшее планировать свою жизнь, «выбирать способы взаимодействия с социальным окружением, в один момент оказались в ситуации фрустрированных возможностей» [15, с. 183].

Согласно эмпирическим исследованиям И.О. Логиновой выявлено, что специфика жизни населения в условиях пандемии «конституирует нарушенные отношения человека с миром: возникают затруднения в отношении изменений социальных условий жизни»; «человек не успевает за происходящими внешними изменениями»; «свобода жизненных проявлений находится в угнетенном состоянии», что свидетельствует о дезадаптации и нарушении гармоничного развития личности/группы [15, с. 187].

В целом, пандемия нанесла серьезную травму социальному здоровью многих слоев российского населения, усугубляя их неравенство, в частности:

- молодежи, у которой и без того уязвимое (или маргинальное) положение, неполная занятость, высокий уровень безработицы, отсутствие собственных доходов, неопределенность в выборе будущей профессии, неопределенность жизненного мира молодой семьи [16, 17]. Как подчеркивает И.Э. Соколовская, молодежь теперь самостоятельно вынуждена отбирать достоверные информационные источники, а также «о возможности включения в различные неформальные группы по интересам» [18, с. 49];
- женщин, у которых нагрузка труда возросла, а размер оплаты труда сократился; обязанности по уходу за детьми из-за закрытия школ и садов возрастают; а также при переводе на удаленный режим работы возникает ролевой конфликт при выполнении и совмещении профессиональных и домашних обязанностей;
- пожилых людей, которых отнесли к группе повышенного риска и полностью перевели на удаленный режим работы и ужесточили требования в рамках ограничительных мер, что повлекло за собой (по оценкам специалистов) явные проблемы на уровне психического и социального здоровья (чувство тревоги и одиночества, страх потерять работу, агрессия, социофобии, суицидальное поведение и пр.) [19, с. 9];
- групп уязвимых работников (мигрантов, самозанятых, сдельщиков), у которых отсутствует доступ к механизмам оплачиваемого отпуска или отпуска по листу временной нетрудоспособности и которые в меньшей мере защищены обычными традиционными механизмами социальной защиты [20].

Невзирая на то, что часть мирового сообщества старается противостоять социокультурной травматизации, связанной с пандемией и системой ограничительных мер, российские и зарубежные ученые полагают, что, по всей вероятности, травматические расстройства социального и психического здоровья населения усугубятся [21, 22].

Таким образом, мировая пандемия COVID-19, сопряженная с быстрым ухудшением эпидемиологической обстановки и травматизацией социального здоровья, являются новыми вызовами для всего общества. Эти вызовы ставят новейшие срочные задачи перед государством для усиления социальной работы в различных сферах жизнедеятельности общества, направленной на минимизацию более углубившихся неравенств и возникших травматических расстройств для социального здоровья населения.

Литература

1. Дегтярев А.К. Социокультурная травма в формировании российской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С. 26–35.
2. Яценко О.Ю. Пандемия как глобальный вызов: социально-экономический и правовой тезаурус // Образование и право. 2020. №4. С. 504–507.
3. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42). №2. С. 17–32.
4. Кулиш В.В., Матвеева Н.А. Социальное измерение здоровья молодежи: проектирование показателей комплексного социологического исследования // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 6. С. 89–102.
5. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальное здоровье и социализация человека. СПб., 2005. 166 с.
6. Троицкая С.И. Здоровье человека как социокультурный феномен (философско-антропологический аспект): дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 196 с.
7. Колпина Л.В. Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. №2. С. 73–81.
8. Морев М.В. Угрозы самодостаточности в контексте российских тенденций социального здоровья // Вестник Тюменского государственного университета. 2019. Т. 5. №2. С. 20–38.
9. Сыропятова С.Б., Алланина Л.М. Правовое регулирование национальной безопасности и жизнедеятельности в условиях пандемии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 1. С. 139–147.
10. Николаева Е.Д., Чеджемов Г.А. Как социальная самоизоляция в условиях пандемии повлияет на состояние общества // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №4 (44).
11. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И. Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.
12. Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопадова Е.В., Сокольская М.В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25.
13. Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19. Монография / Москва, 2020.
14. Касьянов В.В., Власова В.Н., Гафиатулина Н.Х. Пандемия как социальная трагедия для российского населения: обострение системы неравенств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №1.
15. Логинова И.О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19 // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2020. №2 (52). С. 183–196.
16. Сердюченко Я.В. Жизненный мир молодой семьи: особенности формирования и риски разрушения (на материалах Ростовской области). Автореф. дисс... канд. соц. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2018. 38 с.
17. Вакула И.М., Загутин Д.С. Модели девиантного поведения молодежи и его профилактика: социально-правовой аспект // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 42–46.
18. Соколовская И.Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 46–54.
19. Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии. 2020. Т. 120. № 5. С. 7–15.
20. Вакула И.М., Загутин Д.С. Современные вызовы социализации молодежи в контексте национальной безопасности. М., 2018.
21. Horesh D., Brown A.D. COVID-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12(4). P. 331–335.
22. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.

Kasyanov Valery Vasilievich, Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of chair of history of Russia, Kuban State University (149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation). E-mail: culture@kubsu.ru

Gafiatulina Natalya Halilovna, Candidate of Sociological Science, Associate Professor of Chair of Region Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: gafiatulina@yandex.ru

Vakula Ivan Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (83, Eremenko st., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation). E-mail: mvarula@gmail.ru

PANDEMIC AND THE SYSTEM OF RESTRICTIVE MEASURES AS A FACTOR OF INJURY TO THE SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION

Abstract

The purpose of this article is to analyze the socio-psychological impact of the pandemic and the introduced system of restrictive measures on traumatizing the social health of the population. Among the restrictive measures are considered: self-isolation; requirements for compliance with sanitary and epidemiological rules, which entailed certain forms of social stratification; social distancing requirements; transfer to a remote mode of operation. The authors conclude that the pandemic has seriously damaged the social health of many sections of the Russian population, exacerbating their inequality.

Keywords: social health, pandemic, system of restrictive measures, population, trauma, self-isolation, social distancing, stratification, remote work.

References

1. Degtyarev A.K. Sotsiokul'turnaya travma v formirovaniy rossiyskoy identichnosti // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2013. №3. P. 26–35.
2. Yatsenko O.Yu. Pandemiya kak global'nyy vyzov: sotsial'no-ekonomicheskii i pravovoy tezaurus // Obrazovanie i pravo. 2020. №4. P. 504–507.
3. Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Sotsiologiya pandemii: otechestvennye i zarubezhnye stsenarii i trendy poslekoronavirusnogo mira // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2020. T. 9 (42). № 2. P. 17–32.
4. Kulish V.V., Matveeva N.A. Sotsial'noe izmerenie zdorov'ya molodezhi: proektirovanie pokazateley kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2017. T. 8. № 6. P. 89–102.
5. Zobov R.A., Kelas'ev V.N. Sotsial'noe zdorov'e i sotsializatsiya cheloveka. SPb., 2005. 166 p.
6. Troitskaya S.I. Zdorov'e cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen (filosofsko-antropo-logicheskii aspekt): diss. ... kand. filos. nauk. SPb., 2004. 196 p.
7. Kolpina L.V. Sotsial'noe zdorov'e: opredelenie i mekhanizmy vliyaniya na obshchee zdorov'e: obzor literatury // Sinergiya. 2017. №2. P. 73–81.
8. Morev M.V. Ugrozy samodostatochnosti v kontekste rossiyskikh tendentsiy sotsial'nogo zdorov'ya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 5. №2. P. 20–38.
9. Syropyatova S.B., Allanina L.M. Pravovoe regulirovanie natsional'noy bezopasnosti i zhiznedeyatel'nosti v usloviyakh pandemii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2020. № 2. T. 1. P. 139–147.
10. Nikolaeva E.D., Chedzhemov G.A. Kak sotsial'naya samoizolyatsiya v usloviyakh pandemii povliyaet na sostoyanie obshchestva // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. 2020. №4 (44).
11. Gafiatulina N.Kh., Kas'yanov V.V., Samygin S.I. Sotsial'nyy immunitet rossiyskogo obshchestva v usloviyakh ugrozy koronavirusa: riski sotsiokul'turnoy travmatizatsii // Gumanitarniy Yuga Rossii. 2020. T. 9. № 2. P. 147–158.
12. Turkulets S.E., Turkulets A.V., Listopadova E.V., Sokol'skaya M.V. Sotsial'naya stigmatizatsiya v period pandemii // Sotsiodinamika. 2020. № 5. P. 11–25.
13. Gafiatulina N.Kh., Kas'yanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I. Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh samoizolyatsii. Sotsial'nye efekty i posledstviya pandemii COVID-19. Monografiya / Moskva, 2020.
14. Kas'yanov V.V., Vlasova V.N., Gafiatulina N.Kh. Pandemiya kak sotsial'naya tragediya dlya rossiyskogo naseleniya: obostrenie sistemy neravenstv // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2021. №1.
15. Loginova I.O. Osobennosti ustoychivosti zhiznennogo mira lyudey v period pandemii COVID-19 // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2020. №2 (52). P. 183–196.
16. Serdyuchenko Ya.V. Zhiznennyy mir molodoy sem'i: osobennosti formirovaniya i riski razrusheniya (na materialakh Rostovskoy oblasti). Avtoref. diss... kand. sots. nauk. Yuzhnyy federal'nyy universitet. Rostov-na-Donu, 2018. 38 p.
17. Vakula I.M., Zagutin D.S. Modeli deviantnogo povedeniya molodezhi i ego profilaktika: sotsial'no-pravovoy aspekt // Filosofiya prava. 2019. № 1 (88). P. 42–46.
18. Sokolovskaya I.E. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory udovletvorennosti studentov v usloviyakh tsifrovizatsii obucheniya v period pandemii COVID-19 // Tsifrovaya sotsiologiya. 2020. T. 3. № 2. P. 46–54.
19. Mosolov S.N. Problemy psikhicheskogo zdorov'ya v usloviyakh pandemii COVID-19 // Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii. 2020. T. 120. № 5. P. 7–15.
20. Vakula I.M., Zagutin D.S. Covremennyye vyzovy sotsializatsii molodezhi v kontekste natsional'noy bezopasnosti. M., 2018.
21. Horesh D., Brown A.D. COVID-19 response: Traumatic stress in the age of Covid-19: A call to close critical gaps and adapt to new realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12(4). P. 331–335.
22. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., et al. (2019). The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296–305.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Пономарев Игорь Евгеньевич кандидат социологических наук, профессор,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69).
E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Барсуков Сергей Владимирович преподаватель, Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ) (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 69). E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Аннотация

В настоящее время проблема сохранения здоровья – актуальная для всех слоев населения. В связи с данным фактом научный интерес исследователей различных областей знания обращен к вопросам здоровья и здоровьесбережения. В рамках данной статьи авторы обращаются к проблеме формирования здоровьесберегающей компетенции у студентов вуза на занятиях по физической культуре. Авторы статьи отмечают, что здоровьесберегающая компетенция помогает обучающимся формировать здоровый образ жизни и становится одним из основных факторов, влияющим на активную жизненную позицию и долголетие человека в целом. Акцент авторов работы делается на том, что формирование здоровьесберегающих компетенций достигается за счет реализации программы по физической культуре на основе сочетания общепедагогических и специфических методов физического воспитания. Также отмечено, что включение данных методов в образовательный процесс неразрывно связано с компетентностью самого преподавателя: ценностное отношение к здоровью, создание и поддержание благоприятного эмоционального климата на занятиях, и грамотное сочетание современных методов при реализации рабочей программы дисциплины по физической культуре.

Ключевые слова: здоровьесбережение, здоровьесберегающие технологии, студенчество, вуз, физическая культура, культура здоровья, здоровый образ жизни, педагогические технологии, жизненная позиция.

Полноценная и активная жизнь человека связана с крепким здоровьем. Здоровье позволяет человеку развиваться, активно работать и реализовывать свои жизненные стратегии.

В настоящее время проблемы сохранения и укрепления здоровья особо актуальны для современного населения, так как отмечается снижение уровня здоровья, что фиксируется в многочисленных отечественных исследованиях. Большой массив данных о снижении здоровья населения России фиксируется в процессе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹. Согласно статистическим данным, на конец 2019 года отмечался прирост заболеваемости населения России², а в связи с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки из-за распространения новой коронавирусной инфекции в течение 2020 года ситуация обострилась еще больше. Таким образом, все более становится очевидным, что тема формирования здоровьесберегающих компетенций весьма актуальна и значима на сегодняшний день.

Из анализа данных, размещенных на сайте Федеральной службы государственной статистики, видно, что также наблюдается снижение состояния здоровья молодого поколения³. В связи с чем, наиболее значимо уделять внимание сохранению и укреплению здоровья молодежи, особенно студенческой молодежи, так как крепкое здоровье и здоровый образ жизни позволяют молодым людям активно развиваться в сфере профессиональной деятельности.

Формирование здоровьесберегающего поведения и культуры здоровья в сознании студенческой молодежи является не только вопросом медицины, но и педагогической и социологической науки. Именно в вузе необходимо создать такую образовательную среду и все необходимые условия, чтобы у студентов вырабатывалось здоровьесберегающее поведение. В связи с применением

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>

² Федеральная служба государственной статистики. Здравоохранение. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

³ Там же.

компетентностного подхода в рамках обучения по программам высшего образования выработать здоровьесберегающее поведение студентам помогают здоровьесберегающие компетенции.

Таким образом, цель данной работы – рассмотреть формирование здоровьесберегающей компетенции у студентов вуза на занятиях по физической культуре.

Актуальность затрагиваемой в рамках данной статьи проблемы очень высока для современного общества – это подчеркивается огромным количеством научных исследований в области здоровья и здоровьесбережения. Помимо исследований, посвященных динамике здоровья населения, существуют работы, направленные на выявление социальных причины ухудшения здоровья россиян [1]. Социальное здоровье выступает важным индикатором общественного развития, что вызывает неподдельный интерес исследователей [2]. Особую значимость исследователи придают социальному здоровью студенческой молодежи [3], отмечая, что на формирование социального здоровья российской молодежи влияют такие рискогенные факторы, как «столкновение с социально деструктивной информацией, риски нарушения основных функций социализации, девальвация системы ценностей, риск формирования инфантильной безответственной личности; коммуникационные риски, снижение общего культурного уровня; формирование Интернет-зависимости; риски возникновения агрессивных форм поведения» [4]. В некоторых работах фиксируется недостаточная физическая и спортивная активность студенческой молодежи и рассматриваются механизмы популяризации физической культуры и спорта в массовом сознании обучающихся [5–7]. Также в рамках данной статьи следует обратиться к работам, где раскрываются особенности здоровьесберегающей деятельности в образовательных учреждениях [8–9]. Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе занимают важное место в исследованиях здоровья студенческой молодежи [10–11]. Данные технологии позволяют устанавливать гармоничные отношения между образовательной средой и студентами.

Несмотря на то, что интерес исследователей активно обращен к здоровьесберегающим технологиям в образовательном процессе, недостаточно исследована проблема формирования здоровьесберегающей компетенции у студентов высших учебных заведений в процессе занятий по физическому воспитанию.

Как мы уже отметили, основу благополучия человека составляет его физическое здоровье и высокий уровень стрессоустойчивости. Идеи об оздоровлении человеческого организма волновали ученых еще с античных времен и вызывают интерес сейчас.

По определению, которое дает Всемирная организация здравоохранения, здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов¹. То есть, здоровый человек не только не имеет какие-либо физические недуги и недомогания, а также обладает стабильным психоэмоциональным и соматическим состоянием. Исходя из этого, для того, чтобы быть здоровым, человеку необходимо следовать здоровому образу жизни, а значит формировать здоровьесберегающее поведение.

Касаясь образовательной среды, речь о которой идет в данной статье, у студентов здоровьесберегающее поведение формируется путем освоения здоровьесберегающей компетенции, которая вырабатывается при реализации прежде всего такой дисциплины, как физическая культура.

Здоровьесберегающее поведение представляет собой совокупность действий, которые направлены на формирование, укрепление и сохранение здоровья человека [12]. Здоровьесберегающее поведение помогает выработать культуру здоровья, воспитать осознанное отношение человека к своему здоровью. Для студенческой молодежи выработка здоровьесберегающего поведения является одной из приоритетных задач, в реализации которой обучающимся помогают образовательные учреждения.

Содержание образовательных программ, которые реализуются на базе высших учебных заведений, должно соответствовать Федеральному государственному образовательному стандарту или собственному образовательному стандарту вуза по тому или иному направлению подготовки. Каждый из стандартов в качестве обязательного компонента учебного процесса включает блок по физической культуре и спорту².

В рамках дисциплин по физической культуре и спорту перед образовательным учреждением стоят следующие задачи:

- формирование у студентов вуза понимания о том, что занятия физической культурой и спортом социально значимы для населения, объяснения роли занятий физическими упражнениями

¹ Как ВОЗ определяет здоровье? URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/frequently-asked-questions>

² Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/89>

в гармоничном становлении развитой личности и влияния физической культуры на подготовку к трудовой деятельности;

- популяризация физической культуры и спорта среди студентов, активное вовлечение студенческой молодежи в физкультурно-оздоровительную деятельность;
- повышение общей физической подготовки студентов и развитие важных физических характеристик для выполнения профессиональной деятельности;
- активное развитие у студентов вуза потребности, направленной на физическое самосовершенствование, выработку социальных установок на здоровый образ жизни и стремление к здоровьесберегающему поведению посредством формирования сознательного использования средств физической культуры;
- обучение студентов основам безопасности при самостоятельных занятиях физическо-оздоровительной деятельностью.

Решение перечисленных задач позволяет сформировать у студенческой молодежи универсальные здоровьесберегающие компетенции, которые выражены в умении сохранять высокий уровень физической подготовки для того, чтобы выполнять успешную трудовую деятельность; в способности самостоятельно применять методы физического развития и воспитания для повышения адаптационных резервов организма и укрепления здоровья, к достижению должного уровня физической подготовленности, чтобы участвовать в профессиональной деятельности; в выработке способности использовать методы и средства познания для интеллектуального развития студенческой молодежи.

Сформированные здоровьесберегающие компетенции представляют собой характеристику, которая включает представления о здоровом образе жизни, ценностном отношении к своему здоровью и здоровью окружающих людей, мотивацию к физкультурно-оздоровительной деятельности, выработку навыков и умений для укрепления здоровья, а также готовность нести ответственность за собственное здоровье.

При реализации рабочей программы по физической культуре используются общепедагогические и специфические методы физического воспитания.

Словесный и наглядный методы входят в общепедагогический метод. Например, данные методы используются при изложении преподавателем нового материала, здесь же учитываются и словесные оценки, комментарии и замечания. Совместно со словесным методом преподаватель использует наглядный метод. Наглядный метод – это показ упражнений, различных техник и тактических действий.

Специфические методы физкультурно-воспитательной деятельности: методы строго регламентированного упражнения, игровой и соревновательный методы. Данные методы позволяют составить нагрузку по объёму и интенсивности.

Игровой метод – игровая форма физических упражнений, которая необходима для совершенствования двигательной активности обучающихся. Игровой метод развивает быстроту реакции, координацию движений и пространственную ориентацию, воспитывает у студентов такие нравственные качества, как чувство взаимопомощи и сотрудничества, коллективизм, инициативность и вырабатывает устойчивый интерес к занятиям физической культурой и спортом.

Соревновательный метод позволяет задействовать студентов в физическую активность через соревнования. Соревновательный метод позволяет создать определенный эмоциональный и физиологический фон, который позволит человеку максимально проявить функциональные возможности организма человека.

Сочетание перечисленных методов опирается на здоровьесберегающие и информационно-коммуникативные технологии, а также технологии личностно-ориентированного подхода и дифференцированного физкультурно-оздоровительного образования.

Безусловно, огромную роль при формировании здоровьесберегающих компетенций у студентов на занятиях по физической культуре играет компетентность преподавателя. Каждому преподавателю дисциплины «Физическая культура» необходимо владеть знаниями о физиологических процессах, об индивидуальном и социальном здоровье, а также научно-гигиенических основах образовательного процесса. Сам преподаватель должен транслировать ценностное отношение к здоровью, создавать благоприятный эмоциональный климат на занятиях и пользоваться современными методами при реализации рабочей программы дисциплины по физической культуре: обсуждение и дискуссия, обучающие игры, «визуализация», метод проектов, проблемный метод (при ознакомлении с оздоровительными системами физического воспитания, подборе комплексов физических упражнений).

Здоровьесберегающие компетенции у студентов формируются не только в рамках обязательных занятий по физической культуре, но и в процессе факультативных групповых занятий, направленных на формирование культуры здоровья, а также при обеспечении рационального соблюдения режима труда и отдыха.

Таким образом, проанализированный нами материал, показывает, что проблема формирования здоровьесберегающих компетенций для студентов вузов на занятиях по физической культуре является весьма актуальной, так как здоровьесберегающее поведение позволяет молодым людям получить знания и умения в области сохранения и укрепления своего здоровья. Основываясь на этом, российская система образования вузов одной из приоритетных целей ставит выработку у студентов здоровьесберегающих компетенций. Достижение данной цели осуществляется за счет реализации программы по физической культуре на основе сочетания общепедагогических и специальных методов физического воспитания. Включение данных методов физического воспитания в образовательный процесс неразрывно связано с компетентностью самого преподавателя, которому необходимо транслировать ценностное отношение к здоровью, создавать благоприятный социально-психологический климат на занятиях и грамотно применять современные методы физического воспитания в учебном процессе.

Литература

1. Журавлёва И.В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 163–176.
2. Гафиагулина Н.Х. Социальное здоровье личности в контексте теории социологического органицизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 22–25.
3. Гафиагулина Н.Х., Шевченко А.М., Самыгин С.И. Социальное здоровье студенческой молодежи с позиций концепции адаптации и адаптационных ресурсов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 30–33.
4. Касьянов В.В., Гафиагулина Н.Х., Самыгин С.И. Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 21–26.
5. Виленский М.Я. Здоровый образ и стиль жизни студента: методологический анализ // Педагогическое образование и наука. 2009. № 3. С. 15–18.
6. Пономарев И.Е., Бутенко Т.В. Механизмы популяризации физической культуры и спорта в сознании российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 35–38.
7. Пономарев И.Е., Нагорных В.Н. Роль физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта в формировании жизненных стратегий российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 94–97.
8. Заринова А.И. Реализация здоровьесберегающих технологий в современном образовательном учреждении // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-zdorovieberegayuschih-tehnologiy-v-sovremennom-obrazovatelnom-uchrezhdenii> (дата обращения: 27.12.2020).
9. Ирхин В.Н., Ирхина И.В., Никулина Т.В. Здоровьеориентированная воспитательная система куратора студенческой группы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovieorientirovannaya-vozpitatelnaya-sistema-kuratora-studencheskoy-gruppy> (дата обращения: 27.12.2020).
10. Ивахненко Г.А. Здоровьесберегающие технологии в российских вузах // Вестник института социологии. 2013. № 6. С. 100–111.
11. Формирование заинтересованности у студентов технического вуза к занятиям физической культурой / Е.А. Мальгинова [и др.] // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 101–102.
12. Халилова А.Ф., Матвеев Г.В. Психолого-педагогические аспекты формирования здоровьесберегающей деятельности у студентов вузов // Казанский педагогический журнал. 2019. Т. 134. В. 3. С. 138–143.

Ponomarev Igor Evgenyevich, Candidate of Sociology, Professor, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

Barsukov Sergey Vladimirovich, Teacher, Rostov State University of Economics (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ponomarev.igor54@gmail.com

FORMATION OF HEALTH-SAVING COMPETENCES OF UNIVERSITY STUDENTS IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES

Abstract

Currently, the problem of maintaining health is relevant for all segments of the population. In connection with this fact, the scientific interest of researchers in various fields of knowledge is directed to the issues of health and health preservation. Within the framework of this article, the authors address the problem of the formation of health-preserving competence among university students in physical culture lessons. The authors of the article note that health-saving competence helps students to form a healthy lifestyle and becomes one of the main factors influencing an active life position and longevity of a person as a whole. The authors of the work emphasize that the formation of health-preserving competencies is achieved through the implementation of a physical culture program based on a combination of general pedagogical and specific methods of physical education. It was also noted that the inclusion of these methods in the educational process is inextricably linked with the competence of the teacher himself: the value attitude to health, the creation and maintenance of a favorable emotional climate in the classroom and a competent combination of modern methods in the implementation of the work program of the discipline in physical culture.

Keywords: health preservation, health preservation technologies, students, university, physical culture, health culture, healthy lifestyle, pedagogical technologies, living position.

References

1. Zhuravleva I.V. Pochemu ne uluchshaetsya zdorov'e rossiyan? // Vestnik Instituta sotsiologii. 2013. № 6. P. 163–176.
2. Gafiatulina N.Kh. Sotsial'noe zdorov'e lichnosti v kontekste teorii sotsiologicheskogo organitsizma // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 5. P. 22–25.
3. Gafiatulina N.Kh., Shevchenko A.M., Samygin S.I. Sotsial'noe zdorov'e studencheskoy molodezhi s pozitsiy kontseptsii adaptatsii i adaptatsionnykh resursov // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 8. P. 30–33.
4. Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Kibersotsializatsiya kak riskogennyy faktor vliyaniya na sotsial'noe zdorov'e rossiyskoy molodezhi v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 6. P. 21–26.
5. Vilenskiy M.Ya. Zdorovyy obraz i stil' zhizni studenta: metodologicheskiy analiz // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2009. № 3. P. 15–18.
6. Ponomarev I.E., Butenko T.V. Mekhanizmy populyarizatsii fizicheskoy kul'tury i sporta v soznanii rossiyskoy molodezhi // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 1. P. 35–38.
7. Ponomarev I.E., Nagornyykh V.N. Rol' fizkul'turno-ozdorovitel'noy deyatel'nosti i sporta v formirovani zhiznennykh strategiy rossiyskoy molodezhi // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 2. S. 94–97.
8. Zaripova A.I. Realizatsiya zdorov'esberegayushchikh tekhnologiy v sovremennom obrazovatel'nom uchrezhdenii // Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-zdoroviesberegayushchih-tehnologiy-v-sovremennom-obrazovatel'nom-uchrezhdenii> (data obrashcheniya: 27.12.2020).
9. Irkhin V.N., Irkhina I.V., Nikulina T.V. Zdorov'eorientirovannaya vospitatel'naya sistema kuratora studencheskoy gruppy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovieorientirovannaya-vospitatelnaya-sistema-kuratora-studencheskoy-gruppy> (data obrashcheniya: 27.12.2020).
10. Ivakhnenko G.A. Zdorov'esberegayushchie tekhnologii v rossiyskikh vuzakh // Vestnik instituta sotsiologii. 2013. № 6. P. 100–111.
11. Formirovanie zainteresovannosti u studentov tekhnicheskogo vuza k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy / E.A. Mal'ginova [i dr.] // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. № 5. P. 101–102.
12. Khalilova A.F., Matveev G.V. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty formirovaniya zdorov'esberegayushchey deyatel'nosti u studentov vuzov // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2019. T. 134. V. 3. P. 138–143.

**ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Рамазанов Рашид Омариевич кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела социологии, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: rashram@yandex.ru

Аннотация

Возрождение религии в постсоветский период закономерно способствовало формированию в массовом сознании населения потребности в получении религиозных знаний, что обусловило появление в современном российском обществе автономно существующего конфессионального образования, соответственно, и исторически существовавших религиозных школ разного уровня (мактабы, медресе, исламские университеты). Эмпирические данные показывают, что опрошенные эксперты, родители и ученики примечательных школ подчеркивают необходимость функционирования в настоящее время в обществе мактабов, причем для этого имеются самые различные аргументации, в частности, преобладает тезис о возможности получения правильных знаний об исламе, наравне с возможностью противодействия распространению радикальной идеологии, особенно в молодежной среде. Кроме того, респонденты подчеркивают роль мактабов в ознакомлении человека с основами мусульманского вероисповедания, интеграции мусульман в поликонфессиональное российское общество и что немаловажно выступают препятствием на пути радикализации сознания, потому что выполняет воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность. Кроме того, в установках опрошенных наблюдается позитивное отношение к возможности введения курса теологии в образовательную систему (как среднего, так и высшего звена), что вызывает определенную тревогу на фоне происходящих в религиозной сфере деструктивных процессов.

Ключевые слова: ислам, исламская идентичность, исламские школы, религиозное образование, религиозная сфера, религиозность, религиозное возрождение, мусульманское образование, примечательная школа, мактаб, теология, мусульманские образовательные учреждения.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Активное развитие исламского образования в Российской Федерации началось в постсоветский период на волне перестройки и гласности, которые на первых порах своего провозглашения были позитивно восприняты населением, но впоследствии в массовом сознании в отношении этих явлений больше превалировало негативное отношение и оценка. Разумеется, не декларируемая, а фактическая свобода совести, возможность открыто выражать и демонстрировать свои религиозные убеждения и взгляды были заметными в общественной жизни Российского государства, но при этом религиозное возрождение имело и деструктивные проявления, например, в форме распространения в обществе идей религиозного экстремизма, радикализации и т.д.: «Каждая серьезная социальная или идеологическая проблема в разные времена проявляется в различных формах. Реальная жизнь высвечивает новые грани и аспекты старых проблем, порождает конфликты и противоречия, носящие как объективный, так и субъективный характер. В полной мере это касается и проблем, связанных с религиозностью в жизни россиян ...» [1, с. 286].

Вместе с религиозным ренессансом, которым религиоведы обозначают возросшее влияние вероучения и духовенства в современном российском обществе, закономерно возникла потребность людей в получении религиозных знаний и религиозного образования. Для удовлетворения этой потребности начали возрождать религиозное образование в регионах, население которых исповедуют мусульманское вероучение. Так широкое распространение получили исламские учебные заведения разного уровня – примечательная школа (мактаб), медресе и исламские высшие учебные заведения (институты, университеты), которые массово начали появляться в каждом населенном пункте, не говоря о крупных городах. Ради справедливости следует отметить, что исламское образование в истории Российского государства имеет богатую историю. Кроме того, усилению значимости исламского фактора способствовала активизация роли религиозной идентичности [2], повышение роли конфессионального компонента в настоящее время, причем для данного процесса имеется основа, на которую указывают отечественные исследователи [3-4].

Проблема религиозного образования и само конфессиональное образование стали предметом исследования для таких ученых, как К. Айнутдинова, А.М. Галимов, Н. Ковальчук, К.И. Насибулло, Р.Р. Шангараев, Г.Ю. Хабибуллина, В. Якупов и др. [5-11], которые досконально проанализировали имеющиеся в этой сфере вопросы и установили ориентированность верующего населения независимо от возраста, гендерной принадлежности и образования получать основы мусульманского вероучения.

Как известно каждая образовательная система зиждется на определенной идее, которая дополняется иными компонентами, т.е. «фактически эти представления и понятия и формируют основы образования... Естественно, исламская система образования также базируется на целом ряде специфических оснований, восходящих к исламскому представлению относительно вышеупомянутых вопросов» [12, с. 29].

Эмпирическая база. Социологический опрос по изучению состояния образовательного процесса в примечетских школах Дагестана был проведен в 2020 г. в городах Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и сельских районах (Ботлихский, Буйнакский, Казбековский, Хасавюртовский) республики. Родители – 255 чел., ученики – 444 чел., эксперты – 59 чел.

Результаты исследования

В период религиозного ренессанса, в данном контексте исламского, проблема формирования, точнее организации качественного исламского образования представляется особенно значимой на фоне возросшей активности как мусульманского духовенства, так и стремления самих людей получить базовые знания об исламском вероучении. Иными словами, «демократизация общества конца XX в. привела не только к реализации принципов свободы слова, печати и собраний, но и сняла фактический запрет на свободу совести. Начался процесс стихийного возрождения религиозного сознания. 1990-е – начало 2000-х гг. стали периодом бурного развития исламских институтов. Неотъемлемой частью этого сложного и неоднозначного процесса явилось создание сети мектебов, средних и высших исламских учебных заведений, укрепление их учебно-материальной базы, комплектование педагогическими кадрами и многое другое» [13, с. 5].

Изучение исламского образования в современном Дагестане закономерно вызывает ряд вопросов, например, насколько востребованы мактабы в нашем обществе, какая необходимость в их существовании, какую функцию они выполняют, насколько они распространены и вообще какое отношение у дагестанцев к этим школам. Эти и другие вопросы нашли отражение в анкете исследования. Результаты опроса, показывающие потребность в мактабах приведены на следующей таблице (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, нужны ли в современном Дагестане примечетские школы?» (%)

Варианты ответов	Эксперты	Родители	Ученики
да, чтобы обучаемые получали правильные знания об исламе	74,6	73,1	83,2
да, чтобы избежать в сознании обучаемых появления радикальных идей	13,6	17,0	9,0
да, если обучение происходит под контролем органов, призванных контролировать образовательный процесс (программы обучения, методика обучения, предметы обучения и т.д.)	3,4	2,4	5,3
да, при условии, что обучение ведется на основе образовательных программ, одобренных учреждениями ответственными за мусульманское образование (Духовное управление мусульман Дагестана)	6,8	2,0	2,5
нет, содержание процесса обучения в примечетских школах противоречит светскому характеру нашего общества	0	0,4	0
нет, в примечетских школах преподают исключительно религиозные науки и они могут формировать в сознании подрастающего поколения идею о превалирующей роли ислама во всех сферах общества	–	2,0	–
нет, в примечетских школах учат не признавать государственные законы и официальную власть	–	1,5	–
нет, в примечетской школе формируется неуважительное отношение к другим религиям	–	3,1	–
нет, потому что они не обучают детей параллельно школьному светскому	0	2,0	0
нет, так как они бесконтрольны государству	–	1,2	0
так или иначе – «да»	71,2	53,8	0
и «да» и «нет»	3,4	4,3	0

Данные опроса показывают, что участники всех трех опросов однозначно разделяют тезис, что в современном дагестанском обществе есть потребность в мактабах, чтобы обучаемые получали правильные знания об исламе. Кроме того, 17,0 % родителей, 13,6 % экспертов за существование примечетских школ, ибо они могут противостоять появлению радикальных идей в общественном сознании молодежи.

По всей совокупности в установках экспертов и родителей можно наблюдать отсутствие разночтений – обе группы выступают за функционирование мактабов с самыми разными аргументами. При этом обращает на себя внимание мнение, хотя и небольшой части экспертов (6,8 %), которая подчеркивает необходимость контроля, но здесь следует обратить внимание на такой факт – обучение ведется на основе образовательных программ, одобренных учреждениями ответственными за мусульманское образование (Духовное управление мусульман Дагестана), т.е. они хотят поставить исламское образование под контроль ДУМД, но не официальной светской власти. Данные опроса по образованию показывают, что 29,9 % родителей со средним, 12,2 % экспертов и 21,5 % родителей со средним специальным, 82,9 % экспертов и 21,3 % родителей с высшим образованием, а также 42,9 % экспертов с высшим религиозным обозначают необходимость функционирования примечетских школ, чтобы обучаемые получали правильные знания об исламе.

Также вариант ответа, что наличие мактабов в Дагестане позволит избежать появления в сознании обучаемых радикальных идей отметили 33,3 % экспертов со средним, 50,0 % средним специальным и 16,7 % с высшим образованием. Данный тезис разделяют 10,4 % родителей со средним, 20,0 % средним специальным, 11,3 % высшим образованием. По 25,0 % экспертов со средним и средним специальным, 100,0 % с высшим образованием, а также 2,6 % родителей со средним, 3,1 % средним специальным подчеркивают необходимость в примечетских школах, но при условии, что обучение в них будет осуществляться под контролем органов, призванных контролировать образовательный процесс.

Если посмотреть данные опроса по признаку образования учеников, то положительно существование примечетских школ в Дагестане оценивают 81,4 % со средним, 85,7 % средним специальным и 88,3 % высшим образованием, потому что надеются на получение правильных знаний об исламе; 11,2 % со средним, 3,2 % средним специальным и 6,7 % высшим образованием полагают, что мактабы будут преградой на пути распространения радикальных идей. За осуществление обучения под контролем органов, призванных контролировать образовательный процесс (программы обучения, методика обучения, предметы обучения и т.д.) выступают 4,9 % учеников со средним, 7,9 % средним специальным и 5,0 % высшим образованием.

Суммирование вариантов ответа (так или иначе «да») показывает, что в той или иной степени необходимость существования мактабов подчеркивают 10,5 % экспертов и 51,9 % родителей со средним, 18,4 % экспертов и 44,6 % родителей со средним специальным, 71,1 % экспертов и 57,5 % родителей с высшим образованием. По разным причинам против выступают 1,3 % родителей со средним, 6,2 % средним специальным и 7,5 % высшим образованием. Вариант ответа при условии, что обучение ведется на основе образовательных программ, одобренных учреждениями ответственными за мусульманское образование (Духовное управление мусульман Дагестана) разделяют 1,3 % родителей со средним, 1,5 % средним специальным и 2,5 % высшим образованием, а также 50,0 % экспертов с высшим образованием. Против мактабов выступают 2,6 % родителей со средним образованием, считая, что они не обучают детей параллельно школьному светскому и 3,1 % со средним специальным образованием подчеркнули, что примечетские школы бесконтрольны государству.

Установление необходимости мактабов в современном дагестанском обществе требует выявления функций примечетских школ (см. табл. 2).

Эмпирические данные показывают, что в целом как эксперты, так родители и сами ученики примечетских школ считают, что самая важная роль мактабов заключается в том, что они (примечетские школы) позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего представителя мусульманства.

Если посмотреть данные опроса по образовательному признаку, то положительная оценка – примечетские школы позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина дана 80,1 % учеников, 40,0 % экспертов, 20,8 % родителей со средним, 79,4 % учеников и 30,3 % родителей со средним специальным, 91,5 % учеников, 69,2 % экспертов и 16,0 % родителей с высшим образованием. По возрасту этот вариант ответа разделяют 29,7 % обучающихся до 20 лет, 41,0 % от 20 до 40 лет, 41,7 % от 40 лет и выше.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, какую роль выполняют примечетские школы (мактабы) в настоящее время?» (%)

Варианты ответов	Эксперты	Родители	Ученики
положительную, примечетские школы позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина	66,1	75,3	82,0
положительную, примечетские школы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество	6,8	13,7	33,9
положительную, примечетские школы являются барьером к проникновению экстремистских исламских идей и вносят вклад в обеспечение национальной безопасности Российского государства	16,9	2,0	25,5
положительную, примечетская школа вовлекает слабоверующих в ислам, укрепляет веру у мусульман, расширяет мусульманское сообщество	11,6	3,1	30,7
положительную, примечетская школа осуществляет воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность	32,6	1,6	25,5
положительную, примечетская школа формирует религиозную (исламскую) идентичность	2,3	1,3	22,6
отрицательную, обучение в примечетских школах формирует исключительно религиозное мировоззрение и мировосприятие у учеников	3,4	2,0	0
отрицательную, в примечетских школах отсутствует обучение детей параллельно светским наукам и больше упор делается на освоение религиозных знаний	0,2	2,0	0
отрицательную, обучение в примечетских школах не контролируется официальными органами власти (Министерство образования, Комитет по делам религий, РайОНО, ГорОНО и т.д.), поэтому могут формировать у обучаемых установки религиозной нетерпимости, идеи религиозного экстремизма	2,3	2,6	0
отрицательную, примечетская школа лишает обучаемого возможности свободно мыслить и навязывает ему догматические знания	3,4	2,6	0
В целом положительную	52,5	54,1	–
В целом отрицательную	11,9	4,7	–
Положительную и отрицательную	6,8	2,4	–

Вариант ответа – «положительную», примечетские школы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество – подчеркивают 19,7 % учеников в интервале от 20 до 40 лет и 22,9 % от 40 лет и выше, а также 8,9 % учеников и 9,1 % родителей со средним, 9,5 % учеников и 10,6 % родителей со средним специальным, 5,1 % учеников и 12,3 % родителей с высшим образованием. Роль мактабов в расширении мусульманской общины и укреплении исламской веры обозначена 4,5 % учеников и 3,9 % родителей со средним, 3,7 % родителей с высшим образованием, 34,8 % учеников до 20 лет, 26,2 % от 20 до 40 лет и 18,0 % от 40 лет и выше; положительную роль примечетских школ в осуществлении воспитательной и религиозно-просветительской деятельности подчеркнута 21,3 % учеников до 20 лет, 11,5 % от 20 до 40 лет и 12,5 % от 40 лет и выше, причем 5,2 % в первой, 1,6 % во второй и 4,2 % в третьей группе считают, что мактабы способствуют формированию религиозной идентичности.

Средний показатель положительной оценки мактабов среди экспертов и родителей составляет больше 50 %, но можно отметить, что среди экспертов больше отрицательно характеризующих функции примечетских школ, по сравнению с родителями.

В настоящее время в обществе отчетливо звучат голоса тех, кто выступает против усиления роли религиозных лидеров, впрочем, как и религии в целом, потому что люди, придерживающиеся атеистических взглядов, оказались своего рода изгоями [14, с. 267]. В социалистический период наблюдалась повсеместная демонстрация неверия, а в настоящее время можно встретить поголовное приобщение к религиозным учениям, причем широкое распространение получили разного рода религиозные общины, имена духовных лиц которых довольно часто фигурируют в криминальных хрониках.

В авторском опросе был задан вопрос: «В последнее время в государственных структурах все чаще говорят о необходимости введения теологии (учение о Боге) как учебной дисциплины в вузы, общеобразовательные школы. Как Вы к этому относитесь?». Вариант ответа положительно отметили 52,5 % родителей, среди них 42,9 % со средним, 35,3 % средним специальным и 39,7 % высшим образованием, потому что дети должны быть верующими. Положительно к введению в вузы и общеобразовательные школы теологии, если посещение уроков будет добровольным, относятся 36,5 % родителей, по образовательному признаку – 33,9 % опрошенных имеющих среднее, 33,3 % среднее специальное и 44,4 % высшее образование. При этом 5,0 % родителей выбрали вариант отрицательно с аргументацией того факта, что школа должна оставаться светской, из них 3,6 % имеют среднее, 5,9 % среднее специальное и 4,8 % высшее образование.

Вариант ответа «отрицательно», так как есть родители, которые не согласятся на религиозное воспитание своих детей, по всему массиву отмечено не очень большой частью опрошенных (3,0 %), среди них 1,8 % со средним, 2,0 % средним специальным и 1,6 % высшим образованием. Далее 2,5 % родителей настроены отрицательно, так как это нарушает положение закона об отделении церкви от государства: 3,9 % со средним специальным и 3,2 % высшим образованием. Можно сказать, что исламский ренессанс запустил глубокие корни в общественное сознание населения, поэтому опрошенные положительно оценивают роль религии и введение религиозного компонента в образовательный процесс.

Данные опроса, которые положительно оценивают возможность введения теологии в светское образование, объясняются тем, что на данный вопрос ответили в основном родители, чьи дети обучаются в мактабах, следовательно, в установках родителей закономерно существование позитивного отношения к религиозному образованию в целом, хотя мотивация у них может быть самой различной.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что опрошенные эксперты, родители и ученики однозначно выступают за функционирование мактабов в нашей республике, при этом их необходимость эти когорты объясняют тем, чтобы обучаемые имели возможность получать правильные знания об исламе.

Потенциал примечетских школ эксперты, родители и ученики усматривают в их возможности противостоять формированию в сознании обучаемых радикальных идей. Обозначение необходимости существования мактабов эксперты, родители и ученики дополняют положением, что они выполняют положительную роль, ибо позволяют знакомить людей с основами исламского учения и дают правильные знания об исламе, воспитывают настоящего мусульманина. Опрошенные ученики примечетских школ в основном отметили положительную роль мактабов, в частности, во-первых, мактабы обеспечивают сохранение мусульманского сообщества и помогают рядовому мусульманину интегрироваться в поликонфессиональное российское общество, во-вторых, являются барьером к проникновению экстремистских исламских идей и вносят вклад в обеспечение национальной безопасности Российского государства, в-третьих, вовлекает слабоверующих в ислам, укрепляет веру мусульман и расширяет исламскую общину, в-четвертых, осуществляет воспитательную и религиозно-просветительскую деятельность, в-пятых, формирует религиозную (исламскую) идентичность.

В целом опрошенным характерна позитивная оценка деятельности примечетской школы. Кроме того, в массовом сознании родителей имеет место позитивное отношение к возможности введения теологии (учение о Боге) как учебной дисциплины в вузы и общеобразовательные школы. Видимо, такая картина объясняется тем, что в опросе в основном участвовали родители обучающихся в мактабах, поэтому вполне закономерны ответы поддерживающих проникновение исламского учения в светские учебные заведения, несмотря на обозначение автономности школы и религии на законодательном уровне.

Также нужно обратить внимание на такой факт – при положительном восприятии возможности введения теологии в светскую образовательную систему, родители при этом подчеркивают важность соблюдения принципа добровольности, что может свидетельствовать об их косвенном неприятии данной учебной дисциплины в высших учебных заведениях и общеобразовательных школах.

Литература

1. Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. Религиозность в жизни россиян в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 286 – 302.
2. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.
3. Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Русские мусульмане в поле российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. 466 с.
4. Сабирова Г.А. Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 543 с.
5. Айнутдинова К. Проблематика развития мусульманского образования в России и в Средней Азии // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 2(4). С. 5 – 14.
6. Галимов А.М., Насибуллов К.И. Развитие системы управления качеством профессионального религиозного мусульманского образования: опыт Татарстана // Образование и саморазвитие. 2010. № 5 (21). С. 82 – 88.
7. Ковальчук Н. О состоянии системы мусульманского образования в России // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 2(4). С. 15 – 18.
8. Шангареев Р. Проблемы религиозного образования: состояние учебно-методического обеспечения мусульманских религиозных учебных заведений (медресе) Республики Татарстан // Минбар. Исламские исследования. 2011. № 2(8). С. 4 – 16.
9. Хабибуллина Г.Ю. Исламское образование. Инновационные процессы в конфессиональном образовании. В 2-х частях. Учебное пособие (для студентов, углубленно изучающих историю и культуру ислама). М., 2007.
10. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала, 2009.
11. Якупов В. Соотношение религии и общества в духовном образовании // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции (Казань, 13 октября 2004 г.). Казань, 2005.
12. Мохаммад-Таги Месбах-Йазди. Основы и принципы образования в исламе // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 1(3). С. 29 – 39.
13. Айнутдинова К. Проблематика развития мусульманского образования в России и в Средней Азии // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 2(4). С. 5 – 14.
14. Шахбанова М.М., Шахбанов А.М. Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития юга России. Всероссийская научно-практическая конференция «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов н/Д., 2007. С. 265 – 267.

Ramazanov Rashid Omarievich, Ph.D. in Political Science, Researcher of the Department of Sociology, Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Science (75, Yaragskogo St., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation).
E-mail: rashram@yandex.ru

SCHOOL AT THE MOSQUE IN MODERN DAGESTAN SOCIETY: BASED ON SOCIAL RESEARCH

Abstract

The revival of religion in the post-Soviet period naturally contributed to the formation in the mass consciousness of the population of the need for religious knowledge, which led to the emergence in modern Russian society of an Autonomous confessional education, respectively, and historically existing religious schools of various

levels (maktabas, madrasahs, Islamic universities). Empirical data show that the interviewed experts, parents and students of schools at the mosques emphasize the need for maktabas to function in society at the present time, and there are a variety of arguments for this, in particular, the thesis that it is possible to obtain correct knowledge about Islam, along with the possibility of countering the spread of radical ideology, especially among young people. In addition, respondents emphasize the role of maktabas in familiarizing people with the basics of the Muslim faith, integrating Muslims into a multi-confessional Russian society, and, importantly, they act as an obstacle to radicalization of consciousness, because they perform educational and religious-educational activities. In addition, the attitudes of the respondents show a positive attitude to the possibility of introducing the theology course into the educational system (both middle and high-level), which causes some concern against the background of destructive processes taking place in the religious sphere.

Keywords: Islam, Islamic identity, Islamic schools, religious education, religious sphere, religiosity, religious revival, Muslim education, school at the mosque, Maktab, theology, Muslim educational institutions.

References

1. Mchedlova M.M., Kofanova E.N. Religioznost' v zhizni rossiyan v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa // Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik / Otв. red. M.K. Gorshkov. Vyp. 8. M.: Institut sotsiologii RAN, 2009. P. 286 – 302.
2. Shakhbanova M.M. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnosti dagestanskikh narodov v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. Makhachkala: ALEF, 2016. 358 p.
3. Gavriloв Yu.A., Shevchenko A.G. Russkie musul'mane v pole rossiyskoy identichnosti // Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik / Otв. red. M.K. Gorshkov. Vyp. 7. M.: Institut sotsiologii RAN, 2008. 466 p.
4. Sabirova G.A. Musul'manskіe identichnosti i diskursivnaya traditsiya islama v postsovetsoy Rossii // Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskіy analiz vzaimodeystviya i dinamiki / Pod redaktsіey A.B. Gofmana. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. 543 p.
5. Aynutdinova K. Problematika razvitiya musul'manskogo obrazovaniya v Rossii i v Sredney Azii // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2009. № 2(4). P. 5 – 14.
6. Galimov A.M., Nasibullov K.I. Razvitie sistemy upravleniya kachestvom professional'nogo religioznogo musul'manskogo obrazovaniya: opyt Tatarstana // Obrazovanie i samorazvitie. 2010. № 5 (21). P. 82 – 88.
7. Koval'chuk N. O sostoyanii sistemy musul'manskogo obrazovaniya v Rossii // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2009. № 2(4). P. 15 – 18.
8. Shangaraev R. Problemy religioznogo obrazovaniya: sostoyanie uchebno-metodicheskogo obespecheniya musul'manskikh religioznykh uchebnykh zavedeniy (medrese) Respubliki Tatarstan // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2011. № 2(8). P. 4 – 16.
9. Khabibullina G.Yu. Islamskoe obrazovanie. Innovatsionnye protsessy v konfessional'nom obrazovanii. V 2-kh chastyakh. Uchebnoe posobie (dlya studentov, uglublenno izuchayushchikh istoriyu i kul'turu islama). M., 2007.
10. Shakhbanova M.M. Etnokonfessional'nye osobennosti Respubliki Dagestan // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009. Sbornik nauchnykh trudov / Otв. red. Yu.N. Abdulkadyrov. Makhachkala, 2009.
11. Yakupov V. Sootnoshenie religii i obshchestva v dukhovnom obrazovanii // Sistema musul'manskogo religioznogo obrazovaniya u tatar: istoriya, problemy, perspektivy. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan', 13 oktyabrya 2004 g.). Kazan', 2005.
12. Mokhammad-Tagi Mesbakh-Yazdi. Osnovy i printsipy obrazovaniya v islame // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2009. № 1(3). P. 29 – 39.
13. Aynutdinova K. Problematika razvitiya musul'manskogo obrazovaniya v Rossii i v Sredney Azii // Minbar. Islamskie issledovaniya. 2009. № 2(4). P. 5 – 14.
14. Shakhbanova M.M., Shakhbanov A.M. Osnovnye napravleniya politiki gosudarstva v uregulirovanii mezhetnicheskikh i mezhnatsional'nykh konfliktov // Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya yuga Rossii. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sistemnye issledovaniya sovremennogo sostoyaniya i puti razvitiya Yuga Rossii (priroda, obshchestvo, chelovek)». Rostov n/D., 2007. P. 265 – 267.

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ

**Шахбанова
Мадина
Магомедкамиловна**

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский
федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия,
Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75).
E-mail: madina2405@mail.ru

**Ремиханова
Рамила
Идрисовна**

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
истории Отечества, Дагестанский государственный технический
университет (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
пр. Имама Шамиля, 70). E-mail: reramila@yandex.ru

**Шихалиева
Дагмара
Сергеевна**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный технический университет
(367026, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала,
пр. Имама Шамиля, 70). E-mail: anabella.07@bk.ru

Аннотация

Религия является одним из важнейших факторов в жизненных установках населения, особенно конфессиональный компонент важен для носителей исламского вероучения. Эмпирические данные свидетельствуют, что опрошенное городское население в различных жизненных ситуациях опирается на собственные религиозные убеждения и заповеди вероисповедания. При этом установлено, что в идентификационных процессах маркер религия занимает одну из ключевых позиций, хотя сравнение результатов исследования по годам демонстрирует уменьшение веса индикатора религия, впрочем, как и иных признаков. Результаты исследования показывают, что массовому сознанию опрошенного городского населения Дагестана характерно обозначение важной функции религиозного компонента в личной жизни человека, причем на данный факт указывают опрошенные независимо от типа религиозности и отношения к религии (верующий/неверующий).

Ключевые слова: религия, ислам, город, городское население, горожане, городская среда, полирелигиозный, религиозная идентичность, религиозность, индикаторы идентичности, этноконфессиональная идентичность, дагестанские народы, ритуальное поведение.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Проблема религиозной идентичности и религиозного поведения, интенсивность ритуального поведения, активность проявления конкретно взятого типа религиозности у населения и ряд других вопросов религиозной тематики актуализирован в постсоветский период на фоне кардинальных трансформаций российского общества, которые наряду с социально-экономической сферой закономерно затронули и мировоззренческую область, поэтому данный аспект представляется важным для изучения в рамках гуманитарного раздела.

Постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов, к числу которых относятся процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает... усиливается актуальность изучения процесса секуляризации населения социологическими методами» [1, с. 95].

К исследованию религиозной идентичности могут быть применимы, используемые для исследования идентичности социальной идентичности общие подходы [2, с. 158]. В рамках исследования религиозной идентичности заслуживают внимания труды А.С. Ваторопина, К.С. Дивисенко, Е.А. Кублицкой, С.Д. Лебедева, Р.А. Лопаткина, С.В. Рыжовой, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова и других исследователей, которые рассматривают феномен религиозности [3–11]. В последнее время в научной литературе появились новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д. Таковой является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности и она подробно рассмотрена В.Б. Исаевой [12].

Таким образом, краткий обзор научных разработок религиозности в целом, свидетельствует о важности изучения религиозной сферы, ибо она по своей природе является довольно противоречивым явлением, через нее, вернее, сквозь конфессиональные взаимоотношения проявляются

межрелигиозная, более того, и межнациональная толерантность, от состояния в данной области зависит стабильность и позитивный климат в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве, каковым является российское общество.

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и ритуального поведения горожан проведен 2020 г. в городах Дагестана (Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт). N – 563. Кроме того, в статье дается сравнительный анализ эмпирического исследования 2014 г. по исследованию специфики религиозной самоидентификации дагестанских народов. Опрос проведен в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

Результаты исследования

Религия является частью традиционного культурного наследия, поэтому ее функция наиболее ярко проявляется в русле формирования как конфессиональной, так и этнической идентичности. Более того, на примере мусульманских народов можно наблюдать их отождествление, что прослеживается через этноконфессиональную самоидентификацию индивида. Следовательно, вряд ли допустимо связывать повышение значимости исламской идентичности исключительно с потребностью в устойчивых культурно-цивилизированных характеристиках в жизни индивида и общества [13, с. 134], при этом игнорируя наблюдающуюся в современном российском обществе культовую активность населения.

Как известно, наряду с такими индикаторами определения национальной принадлежности (национальный язык, этнокультура, этнические традиции и обычаи, историческая территория, историческая память и т.д.), маркер «религия» является одним из важнейших этнообъединяющих параметров, более того, выполняет важнейшую функцию в консолидации этнической общности. Придание религиозному компоненту большей значимости в идентификационных процессах обуславливает появление такой формы ассоциации как этноконфессиональная, более того, исследования показывают, что население независимо от своего отношения к вероисповеданию (верующий / неверующий) подчеркивает важность религиозной принадлежности и религиозных постулатов. Иными словами, установление выраженности религиозной идентичности у городского населения Дагестана и места конфессиональной самоидентификации в структуре социальной идентичности закономерно требует определения маркеров ее воспроизводства.

Исследование значимости религиозной идентичности в структуре типов социальной идентичности закономерно требует определения «веса» маркера религия при воспроизводстве этнической идентичности городского населения республики (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки сближают Вас с представителями Вашего народа?» (% , вторая цифра – опрос 2014 г.)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убеденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убеденно неверующий	Всего:
Национальный язык	55,6	49,1	44,2	31,6	11,1	49,3/65,4
Национальные традиции и обычаи	51,2	57,9	41,9	31,6	22,2	52,2/70,1
Совместная жизнь на определенной территории	28,8	26,6	25,6	0	27,8	26,4/42,2
Религия	52,7	41,7	14,0	5,3	11,1	41,4/54,1
Национальная литература, творчество, музыка	14,1	21,4	25,6	31,6	11,1	19,1/29,1
Национальная одежда, жилище, быт	10,2	12,2	4,7	15,8	16,7	11,2/10,5
Историческая территория моего народа	11,2	20,7	23,3	10,5	16,7	16,9/25,4
Общность характера, схожесть поведения	22,0	20,3	20,9	15,8	16,7	20,7/28,5
Историческое прошлое	25,4	26,6	18,6	26,3	16,7	25,2/31,8
Ничего не объединяет	2,0	1,1	4,7	26,3	44,4	4,0/2,2

При формулировке данного вопроса преследовалась цель: а) определить значение и вес параметра «религия» среди этнопризнаков, б) активность собственно этнических признаков в процессе воспроизводства религиозной идентичности городского населения Дагестана. Эмпирические данные показывают, что для опрошенного городского населения важнейшим этноопределителем

выступает «национальные традиции и обычаи», отмеченный большей частью респондентов; на второй позиции располагается маркер национальный язык, который является одним из ключевых идентификаторов для одной второй части респондентов.

Далее на третьей позиции располагается маркер «религия», который имеет существенное значение для каждого второго опрошенного по всему массиву; анализ по типу религиозности показывает, что по сравнению с подмассивами колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, среди самоидентифицирующихся как убежденно верующие и верующие закономерно больше доля обозначающих значимость данного индикатора.

Также обращает на себя внимание тот факт, что одна девятая часть, ассоциирующаяся как убежденно неверующие, подчеркнула данный признак. Далее одна треть респондентов во всех подгруппах отмечает индикатор «совместная жизнь на определенной территории», каждый четвертый опрошенный, независимо от типа религиозности указывает на «историческое прошлое», одна пятая часть респондентов отмечает индикаторы «общность характера, схожесть поведения» и «национальная литература, творчество, музыка», причем доля отметивших последний признак заметно больше в подгруппе неверующих (одна треть) и колеблющихся (каждый четвертый). При этом одна пятая часть верующих и каждый седьмой в подгруппе убежденно верующих обозначили вариант ответа «национальная литература, творчество, музыка», хотя в исламской религии имеет место неприятие музыкального сопровождения любых мероприятий. Так, в последние годы можно наблюдать трансформацию отношения населения, например, к проведению тех или иных торжественных мероприятий, в частности, в современном дагестанском обществе распространение получило проведение свадеб без музыки, т.е. так называемые «мавлидные свадьбы», причем можно встретить позитивное отношение к ним со стороны молодого поколения.

В сравнении с иными параметрами, вес индикаторов «национальная одежда, жилище, быт» и «историческая территория моего народа» существенно меньше, который может быть обусловлен тем, что не только в сельской, но и в городской местности не только молодое, но и взрослое поколение предпочтение отдает исламской форме одежды (у женщин хиджабы, у мужчин – свободная форма одежды). В массовом сознании встречается критический подход, порой и осуждение ношения женщиной хиджаба с мотивацией, что на территории Дагестана, даже в дореволюционный период такая форма облачения женщины не имела распространения. Разумеется, это новшество, пришедшее с территории первоначального распространения ислама, и здесь наблюдается слепое копирование не только внутренней, но и внешней стороны последователя ислама.

В рамках изучения значимости конкретно взятого идентификатора в процессе воспроизводства этнической идентичности городского населения было проведено сравнение результатов социологического опроса 2014 г. [14] с данными 2020 г. Их сопоставление показывает существенное изменение значимости индикаторов воспроизводства этнической идентичности: эмпирические данные 2014 г. констатируют разительное отличие процентного соотношения практически всех маркеров: так, по-прежнему на первом месте располагается признак «национальные традиции и обычаи», втором – «национальный язык», третьем – «религия», т.е. ранговые места этих признаков не поменялись, но процентные показатели в опросе 2020 г. заметно уменьшились.

Анализ ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» по социально-демографическим параметрам показывает, что на важность национальных традиций и обычаев указывает больше половины респондентов в возрастных подгруппах «до 20 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше», в то время как в остальных возрастных интервалах разделяет данное суждение каждый второй опрошенный. При этом 56,4 % опрошенных в разрезе «до 20 лет», 48,2 % «от 20 до 30 лет», 45,0 % «от 30 до 40 лет», 41,0 % «от 40 до 50 лет», 55,2 % «от 50 до 60 лет» и 60,0 % «от 60 лет и выше» обозначили значимость национального языка в процесс собственной самоидентификации. Но при этом можно наблюдать противоречивое поведение респондентов: так, если в вопросе «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» опрошенные подчеркивали значимость своей конфессиональной принадлежности (71,0 %), а результаты на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности в наибольшей степени?» предпочтение отдавали республиканскому типу идентичности (40,5 %), то религия практически для всех возрастных подгрупп выступает значимым индикатором воспроизводства этнической идентичности: 51,3 % в разрезе «до 20 лет», 43,8 % «от 20 до 30 лет», 35,7 % «от 30 до 40 лет», 34,9 % «от 40 до 50 лет», «от 60 лет и выше» (53,3 %) и можно отметить заметное отличие в возрастном интервале «от 50 до 60 лет» (29,9 %).

Кроме того, исследование выявило отсутствие последовательности в позициях респондентов старшего поколения, в частности, «от 40 до 50 лет» (69,9 %), «от 50 до 60 лет» (56,7 %) и «от 60 лет и выше» (76,7 %), в установках которых доминирует значимость религиозной принадлежности.

Иными словами, опрошенным, отмечая роль конфессиональной принадлежности, одновременно характерно уменьшать значение маркера религия, хотя и рассматривают ее как составную часть своей национальной культуры. Далее признак «национальная литература, творчество, музыка» важен для респондентов старшего поколения: 22,9 % «от 40 до 50 лет», 26,9 % «от 50 до 60 лет» и 26,7 % «от 60 лет и выше» и менее востребован в массовом сознании молодежи.

Индикатор историческое прошлое обозначена 27,4 % опрошенных в разрезе «до 20 лет», 27,7 % «от 20 до 30 лет», 24,0 % «от 30 до 40 лет», 22,9 % «от 40 до 50 лет», 43,3 % «от 60 лет и выше» и таковых в подмассиве «от 50 до 60 лет» всего 14,9 %. Данные опроса по образовательному признаку констатируют отсутствие заметных отличий в обозначении роли этнических традиций и обрядов: с 52,8 % респондентов с базовым средним до 53,9 % высшим образованием. В подгруппах с низким образовательным статусом процентные показатели обозначающих статус национального языка, в сравнении с имеющими высокий образовательный уровень закономерно меньше и варьируется в пределах от 44,4 % с базовым средним до 51,3 % опрошенных с высшим образованием. Признак «религия» как индикатор воспроизводства этнической идентичности обозначен каждым вторым опрошенным в подмассиве имеющих среднее и среднее специальное образование, одной третью респондентов базовым средним и высшим образованием. С ростом образовательного уровня увеличивается доля, обозначающих роль национальной литературы, творчества и музыки в идентификационном процессе с 19,7 % опрошенных со средним до 21,0 % респондентов с высшим образованием. Переменная «национальная одежда, жилище, быт» отмечена одной десятой долей во всех подгруппах, за исключением подмассива с базовым средним образованием.

Таким образом, для опрошенного городского населения Дагестана важнейшими параметрами этнической идентичности являются собственно этноопределители (национальный язык, этнокультура, историческая память, территория проживания и т.д.). Эмпирические данные констатируют значение маркера «религия» в идентификационном процессе. Вместе с тем, сопоставление данных опросов 2014 и 2020 гг. свидетельствует о переменах в установках горожан. Более того, результаты исследования показывают, что тип религиозности не играет существенной роли при формировании системы приоритетности того или иного признака, несмотря на отсутствие в исламе дефиниции «этнос», при значимости понятия «умма» основанное именно на религиозной принадлежности человека. Более того, предположение о значимости индикатора религия, в сравнении с иными элементами воспроизводства этнической идентичности, эмпирическими данными не подтверждается: по результатам опроса установлено, что на обозначение приоритетности религиозного компонента в идентификационном процессе существенное влияние оказывают социально-демографические признаки (возраст, образовательный уровень, отношение к религии и т.д.).

Определение индикаторов воспроизводства этнической идентичности предполагает установление роли и места религии в повседневной жизни городского жителя Дагестана, поэтому респондентам был задан вопрос «Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?». Вариант ответа «очень важная» отмечена 43,0 % респондентов по всему массиву, по типу религиозности, как и следовало ожидать, выделяются подгруппы самоидентифицирующиеся как убежденно верующие (73,2 %), хотя в подмассиве верующих доля таковых существенно меньше (31,0 %). Далее суждение «важную» отметили 19,0 % убежденно верующих, 50,9 % верующих, 34,9 % колеблющихся и что примечательно – 15,8 % неверующих и убежденно неверующих (16,7 %). При этом в жизни 44,2 % опрошенных из подмассива колеблющихся, религия выполняет не очень важную функцию и почти в 2 – 3 раза меньше доля таковых в подгруппе неверующих (26,3 %) и убежденно неверующих (16,7 %). Статистически небольшая доля респондентов в подмассиве убежденно верующих и верующих придерживается позиции «никакую» – 1,5 % и 3,0 %, соответственно, и количество таковых ожидаемо больше среди неверующих (36,8 %) и убежденно неверующих (61,1 %).

По мнению авторов, уровень образования респондента, впрочем, как и сама городская среда выполняют ключевую роль в процессе формирования мировоззренческих установок человека. Чем ниже уровень образования респондентов, тем больше среди них подчеркивающих важную функцию религии в своей жизни: больше половины опрошенных в подмассиве со средним специальным, одна вторая часть имеющих базовое среднее и среднее образование в противоположность респондентам с высоким уровнем образования (38,0 %). Кроме того, в подгруппе с высшим образованием, в сравнении с остальными, больше обозначающих «важную роль» религии в повседневной жизни человека (38,4 %). Далее, 11,1 % опрошенных с базовым средним, 14,2 % средним, 10,1 % средним специальным и 11,8 % высшим образованием считают, что религия выполняет «не очень важную роль» в их жизни, более того, 11,1 % респондентов с базовым средним образованием отметили суждение «никакую».

Анализ по возрастному признаку показывает, что с повышением возраста опрашиваемого существенно снижается доля разделяющих тезис об «очень важной роли религии в их повседневной жизни» – 52,1 % «до 20 лет», 53,3 % «от 20 до 30 лет», 40,3 % «от 30 до 40 лет», 30,1 % «от 40 до 50 лет», 28,4 % «от 50 до 60 лет», 36,7 % «от 60 лет и выше». Эмпирические данные показывают увеличение количества респондентов, которые подчеркивают незначительную функцию вероисповедания в своей жизни с 7,7 % в интервале «до 20 лет» до 20,9 % в разрезе «от 50 до 60 лет». Далее, одна восьмая часть из последней подгруппы и каждый десятый в разрезе «от 50 до 60 лет» отметил вариант ответа «никакую». Таким образом, проведенный анализ по социально-демографическому признаку и типу религиозности показывает, что в повседневной жизни городского жителя религия играет важную роль, несмотря на то, что в иных вопросах респонденты несколько снижали роль конфессионального компонента в идентификационных процессах.

Установление места и роли религии в повседневной жизни горожанина закономерно требует более глубокого изучения его вербального и невербального поведения, ибо, по мнению автора, актуализируется выявление соответствия между декларируемым поведением (как должно быть) и реальным (как есть в реальности) [15] (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соотносите ли Вы свои действия в различных жизненных ситуациях с Вашими религиозными убеждениями или заповедями Вашей религии?» (%)

Варианты ответов	При принятии любого решения я принимаю во внимание предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения	Для меня никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения
<i>Отношение к религии</i>		
Убежденно верующий	93,7	3,4
Верующий	76,4	11,4
Колеблющийся	46,5	34,9
Неверующий	15,8	68,4
Убежденно неверующий	5,6	77,8
<i>Возраст</i>		
До 20 лет	79,5	14,5
От 20 до 30 лет	80,3	10,2
От 30 до 40 лет	73,6	17,1
От 40 до 50 лет	77,1	13,3
От 50 до 60 лет	64,2	17,9
От 60 лет и выше	70,0	20,0
<i>Образование</i>		
Базовое среднее	69,4	19,4
Среднее	74,0	18,9
Среднее специальное	79,8	9,2
Высшее	76,0	14,4
Всего:	76,1	14,4

Результаты исследования показывают, что для большей половины опрошенных в подгруппах убежденно верующих и верующих большое значение имеют предписания вероисповедания в повседневной жизни; аналогичной позиции придерживается и одна вторая часть респондентов из подмассива колеблющихся. При этом вполне закономерна установка в массовом сознании неверующих и убежденно неверующих, которые изначально не ориентированы на соблюдение религиозных норм в повседневной жизни.

Хотя, ради справедливости следует отметить, что одна шестая часть в подгруппе неверующих, впрочем, как и статистически небольшая доля самоидентифицирующихся как убежденно неверующие при принятии любого решения принимают во внимание предписания в целом вероисповедания, а также свои собственные религиозные взгляды и убеждения. Существование такой установки объясняется тем, что в ответах на вопрос «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?» больше половины опрошенных в обеих подгруппах выбрали 2 позиции: а) «нравственного человека, независимо от своего отношения к вере» (24,5 %) и б) «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (40,4 %), т.е. для данной когорты более важны нравственные

установки, правила и предписания, чем само вероучение, хотя очень сложно, если не сказать практически невозможно, отделить понимание нравственности в светском значении от ее толкования в религиозном аспекте. Как известно, любая религия разработала моральные установки и поведение индивида в различных социальных сферах, хотя и с определенными нюансами.

Анализ по возрастному признаку показывает, что, по сравнению с другими подмассивами, позиция «при принятии любого решения я принимаю во внимание предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения» отмечена большей частью в возрастных подгруппах до 30 лет и меньше всего таковых в подмассиве «от 50 до 60 лет»; также с повышением образовательного уровня увеличивается доля придерживающихся данного суждения. Но при этом, доля подчеркивающих незначимость религиозного мировоззрения и вытекающих из него правил и предписаний больше в подгруппе с базовым средним образованием и возрастной когорте «от 60 лет и выше» (каждый пятый).

Если позицию старшего поколения можно объяснить их возрастом, вернее тем, что они выросли при политической системе с превалированием атеистической идеологии, то несколько странным выглядят установки подгруппы с низким образовательным уровнем, ибо это поколение, растущее при доминировании религиозного фактора, в данном контексте исламского вероучения, в современном дагестанском обществе.

Полученные эмпирические данные в определенной степени подтверждают одно из положений концепции деприватизации религии Х. Казановы – «отделение церкви от государства и политического общества не является универсальным принципом, пригодным для всех», ибо «деприватизация религии и вхождение религии в публичную сферу оправданы в том случае, если право на частную жизнь и свободу совести не подвергается сомнению, без чего нет ни демократического государства, ни гражданского общества» [16, с. 142].

Таким образом, опрошенные независимо от отношения к религии, возраста, образовательного статуса обозначили, во-первых, очень важную роль религии в повседневной жизни, более того, они в своем поведении ориентированы при принятии любого решения базироваться на предписаниях исповедуемого вероучения, а также на личных религиозных взглядах и убеждениях, поэтому «религиозность современного человека выступает не столько синонимом принадлежности его к одной из культур-контрагентов (конфессиональной) в противовес другой (светской), сколько знаком его принадлежности к обеим данным культурам» [17, с. 162].

Иными словами, результаты исследования позволяют обозначить религиозную культуру как одного из индикаторов измерения религиозности человека, ибо она влияет на формирование его религиозного сознания, определяет активность/пассивность культового поведения, кроме того, тип религиозности «вынуждает» человека опираться на религиозные правила и положения в повседневной жизни. Кроме того, можно привести понятие «культурная религиозность», когда человек обозначает себя последователем определенного вероучения, но при этом не следует его культовым предписаниям, хотя и ориентируется на мировоззрение своего вероисповедания.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования установлено, что для респондентов важными маркерами воспроизводства этнической идентичности являются следующие параметры: национальный язык, национальные традиции и обычаи, совместная жизнь на определенной территории, этнокультура, национальная одежда, жилище, быт, историческая территория своего народа, общность характера, схожесть поведения, историческое прошлое). Религия как маркер занимает в данной иерархии третье ранговое место, пропустив вперед «национальные традиции и обычаи» и «национальный язык». Сравнительный анализ эмпирических данных 2014 и 2020 гг. констатирует наличие определенных изменений в массовом сознании городских жителей. Авторская гипотеза о ведущей роли маркера «религия» в процессе воспроизводства этнической идентичности результатами исследования не подтвердилась, более того, можно утверждать, что отношение респондентов к религии (верующий – неверующий) не оказывает практически никакого влияния на формирование иерархии индикаторов.

Результаты исследования показывают, что для подавляющей части опрошенного городского населения Дагестана религия в повседневной жизни выполняет ключевую роль, причем на данный факт не влияют ни уровень образования, ни возраст, ни отношение к религии. Более того, больше половины опрошенных в различных жизненных ситуациях учитывают свои мировоззренческие установки и соотносят их с ключевыми постулатами исповедуемого вероучения. Такая позиция, видимо, обусловлена тем, что для опрошенного городского населения при осуществляемой в настоящее время в современном дагестанском обществе Муфтиятом деятельности, даже при существовании в массовом сознании негативного отношения, религиозность и принадлежность

определенной конфессии становятся ключевыми факторами самоидентификации. Более того, обозначение своего отношения к религии (верующий/неверующий) не всегда вытесняет человека из исламской общины, несмотря на то, что он сам автоматически выдавливает религиозный компонент из собственного социально-когнитивного пространства, при одновременном осознании религии как чисто внешней характеристики. Ассоциирование респондентов с определенным типом религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) способствует религиозной инкультурации и интенсивности процесса вовлечения человека в религиозное пространство.

Литература

1. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95 – 103.
2. Александрова Е.А., Хухлаев О.Е. Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 156 – 164.
3. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 84 – 92.
4. Дивисенко К.С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84 – 100.
5. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96 – 107.
6. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95 – 103.
7. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.
8. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 44 – 63.
9. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 272 с.
10. Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.
11. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М.: Изд-во РАГС, 1996. 252 с.
12. Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 39 – 50.
13. Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.
14. Шахбанова М.М. Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих // Исламоведение. 2015. Т. 6 № 3 (25). С. 85 – 96.
15. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.
16. Руткевич Е.Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 132 – 161.
17. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragskogo St., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

Remikhanova Ramila Idrisovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of the Fatherland, Dagestan State Technical University (70, Imam Shamilya Av., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: reramila@yandex.ru

Shihaliyeva Dagmara Sergoevna, Candidate of Philosophy Sciences, Docent of Department of Philosophy, Dagestan State Technical University (70, Imam Shamilya Avenue, Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: anabella.07@bk.ru

RELIGIOUS COMPONENT IN THE MASS CONSCIOUSNESS
OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN: THE ROLE AND IMPORTANCE

Abstract

Religion is one of the most important factors in the life attitudes of the population. Empirical data show that the surveyed urban population of the Republic in various life situations relies on their own religious beliefs and the commandments of the professed faith. In addition, in identification processes, the religion marker occupies one of the key positions, although a comparison of the results of the study by year shows a decrease in the weight of the religion indicator, however, as well as other signs. In the mass consciousness of the urban population of Dagestan, there is a designation of the important role of the religious component in a person's personal life, and this fact is indicated by respondents regardless of the type of religiosity and attitude to religion.

Keywords: religion, Islam, city, urban population, citizens, urban environment, polyreligious, religious identity, religiosity, identity indicators, ethno-confessional identity, Dagestan peoples, ritual behavior.

References

1. Kublitskaya E.A. Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95 – 103.
2. Aleksandrova E.A., Khukhlaev O.E. Osobennosti religioznoy identichnosti u buddistskoy molodezhi (na primere studencheskoy molodezhi Respubliki Kalmykiya) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2017. T. 19. P. 156 – 164.
3. Vatoropin A.S. Religioznyy modernizm i postmodernizm // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 11. P. 84 – 92.
4. Divisenko K.S. Religioznye znaniya, ubezhdeniya, praktiki v strukture zhiznennogo mira // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2011. № 4. P. 84 – 100.
5. Kublitskaya E.A. Osobennosti religioznosti v sovremennoy Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. № 4. P. 96 – 107.
6. Kublitskaya E.A. Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95 – 103.
7. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskakh «rubikona» // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.
8. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2017. Tom 23. № 3. P. 44 – 63.
9. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religiovedenie. M.: Mysl', 1985. 272 p.
10. Yablokov I.N. Sotsiologiya religii. M.: Mysl', 1979. 182 p.
11. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie) / Otv red. F.G. Ovsienko, M.I. Odintsov, N.A. Trofimchuk. M.: Izd-vo RAGS, 1996. 252 p.
12. Isaeva V.B. Teoriya deprivatsii kak instrument izucheniya netraditsionnoy religioznosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9. P. 39 – 50.
13. Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa / Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. M.: Al'fa-M, 2009. 272 p.
14. Shakhbanova M.M. Religioznost' i kul'tovoe povedenie dagestanskikh veruyushchikh // Islamovedenie. 2015. T. 6 № 3 (25). P. 85 – 96.
15. Shakhbanova M.M. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnosti dagestanskikh narodov v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. Makhachkala: ALEF, 2016. 358 p.
16. Rutkevich E.D. Religiya v global'nom prostranstve: podkhody, opredeleniya, problemy v zapadnoy sotsiologii // Vestnik Instituta sotsiologii. 2017. T. 8. № 1. P. 132 – 161.
17. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskakh «rubikona» // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.

**О ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАТРАТ
НА РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Дубина аспирант кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, Южно-Российский
Юлия институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
Юрьевна и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: dubina.yuliya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются существующие методы оценки эффективности системы здравоохранения с учетом затрачиваемых экономических ресурсов для достижения социально-экономического эффекта. В работе проанализированы нормативно-правовые документы, регламентирующие оценку деятельности в сфере здравоохранения на различных уровнях, предложены подходы к анализу эффективности финансовых затрат на развитие здравоохранения.

Ключевые слова: *здравоохранение, методология оценки, оценка эффективности, экономические ресурсы, медицинские услуги, качество услуг, доступность услуг, социальные потери, аудит эффективности.*

На современном этапе развития общества особое значение придается здоровью населения как одному из основных экономических ресурсов [1]. Базовым сектором экономики, благодаря которому осуществляются вложения в человеческий капитал, выступает здравоохранение [2].

Одним из приоритетных направлений социальной политики любого государства является развитие здравоохранения, поскольку достижение глобальных стратегических целей неразрывно связано с улучшением показателей здоровья нации, оказывающих влияние на эффективность трудовой деятельности, воспроизводство человеческого капитала, темпы социально-экономического развития страны в целом.

Реформа системы здравоохранения по оптимизации расходов за счет закрытия большого числа больниц и расширения использования высокотехнологичных медучреждений оказалась неэффективной, что признается и официальными лицами страны. Низкий уровень эффективности системы здравоохранения препятствует поддержанию и улучшению здоровья населения, что, несомненно, создает предпосылки возникновения в долгосрочном периоде угроз экономического роста страны. В связи с этим, вопросы совершенствования экономики здравоохранения обсуждаются и исследуются учеными и практиками данной отрасли.

Качество человеческого капитала, оказывающее вклад в ВВП и влияющее на развитие экономики страны, зависит от здоровья населения, в связи с чем необходимо поддерживать уровень системы здравоохранения, способной не только своевременно реагировать и решать возникающие проблемы, связанные со здоровьем нации, но и обеспечивать эффективную организацию работы.

На сегодняшний день система оценок эффективности здравоохранения закреплена на федеральном уровне Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.12.2020 №2299 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», а также Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 №1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Тем не менее, критерии и индикаторы оценки уровня доступности и качества оказываемых медицинских услуг, представленные в указанных программах, не совпадают, в связи с чем стоит проблема выбора показателей эффективности работы отдельных медицинских учреждений и региональной системы здравоохранения в целом [3].

В частности, целевые показатели преимущественно отражают распространенность информации о том или ином учреждении здравоохранения, доступность получения медицинских услуг, время ожидания их получения, уровень удовлетворенности пациента, основанный скорее на доброжелательности и вежливости, чем на компетентности работников медицинской сферы [4].

В связи с этим, остается открытым вопрос регулирования финансовых потоков в сфере здравоохранения, а также оценки работы системы в целом при соизмерении затрачиваемых на различные направления ресурсов с получаемыми результатами.

Важным инструментом регулирования бюджетного процесса в сфере здравоохранения является соизмерение результатов, как запланированных, так и полученных в результате деятельности, при помощи использования определенных индикаторов, отражающих приоритетные направления расходования направляемых на развитие здравоохранения средств.

В связи с тем, что оценка качества оказываемых медицинских услуг носит субъективный характер, в медицинской сфере невозможно гарантировать результаты и полное выполнение программ. Кроме того, показатели эффективности системы здравоохранения напрямую зависят от обстоятельств, влияющих на развитие данной системы, и носят стихийный характер. Поэтому в такой ситуации особенно важно добиться максимальной эффективности использования всех доступных ресурсов для обеспечения надлежащего уровня качества оказываемой медицинской помощи.

В соответствии со стратегией развития здравоохранения в Российской Федерации на протяжении длительного времени формируется рынок медицинских услуг, в частности, принимаются и реализуются различные территориальные программы государственных гарантий, привлекаются внебюджетные источники финансирования, лечебно-профилактические учреждения также оказывают платные услуги, при этом самостоятельно распоряжаясь заработанными средствами.

Ввиду недостаточно высокого качества управления медицинскими учреждениями и их финансовой нестабильности, на сегодняшний день актуальной остается проблема оценки экономической эффективности системы здравоохранения.

При оценке эффективности в экономическом анализе принято рассматривать соотношение результатов экономической деятельности того или иного субъекта хозяйствования с затратами.

Важным инструментом регулирования бюджетного процесса в сфере здравоохранения является соизмерение результатов, как запланированных, так и полученных в результате деятельности, при использовании определенных индикаторов, с помощью которых можно выявить приоритетные направления расходования на развитие здравоохранения средств.

Использование конечных социально-экономических показателей и формальных критериев, таких, как размер конечного фонда, количество койко-дней при оценке эффективности деятельности здравоохранения, давно утратило свою актуальность в современных условиях финансирования отрасли. На сегодняшний день при анализе экономических показателей необходимо учитывать влияние социально-экономического ущерба, возникающего в результате заболеваемости населения, который может привести к временной или постоянной нетрудоспособности, смертности, в соотношении с расходами на охрану здоровья граждан. Выявление классов заболеваний, которые влекут за собой негативные последствия, позволит своевременно распределить ресурсы и добиться максимальной эффективности путем снижения уровня социальных потерь.

В условиях ограниченности ресурсов необходимо определять актуальные стратегические и текущие направления развития на основе установления приоритетов медиками, экономистами, политиками. При этом, для достижения стратегических целей, установленных органами власти РФ, финансирование здравоохранения необходимо рассматривать как процесс использования ресурсов для улучшения здоровья населения, увеличения продолжительности жизни. Оценивание организованной медицинской помощи позволит выявить, насколько условия финансирования способствуют увеличению результативности при лечении и профилактики болезней. Такая оценка включает 3 группы показателей, представленные на рис. 1. Оценка каждого из показателей проводится на различных уровнях: на макро-, мезо-, и микроуровне, что дает целостную картину о текущей ситуации. Каждый из применяемых на практике методов анализа эффективности затрат может быть использован на различных уровнях.

Существуют различные методики анализа эффективности использования финансовых средств и других ресурсов в здравоохранении, разработанные отечественными исследователями в рамках программ общественного сектора. В своих работах Дуганов М.Д. рассматривает некоторые из них и осуществляет расчеты на примере финансового обеспечения системы здравоохранения Вологодской области.

Метод «затраты-результативности» позволяет оценить степень развития национальной системы здравоохранения в результате использования бюджетных средств и ресурсов из внебюджетных источников при реализации различных программ здравоохранения.

Данная методика основывается на расчете индекса Т «стоимость-эффективность», то есть сопоставлении расходов и социальных потерь вследствие преждевременной смертности населения от болезней, поскольку к задачам национальной системы здравоохранения относится увеличение продолжительности жизни населения.

На основе анализа результаты группируются в зависимости от соотношения показателей затрат и социальных потерь:

- 1) низкие затраты – низкие потери;
- 2) низкие затраты – высокие потери;
- 3) высокие затраты – низкие потери;
- 4) высокие затраты – высокие потери [5].

Группировка позволяет сделать соответствующие выводы о дефиците ресурсов или о неэффективном их использовании, необходимости перераспределения ресурсов между различными направлениями расходования или увеличения финансирования с целью максимизации полезности.

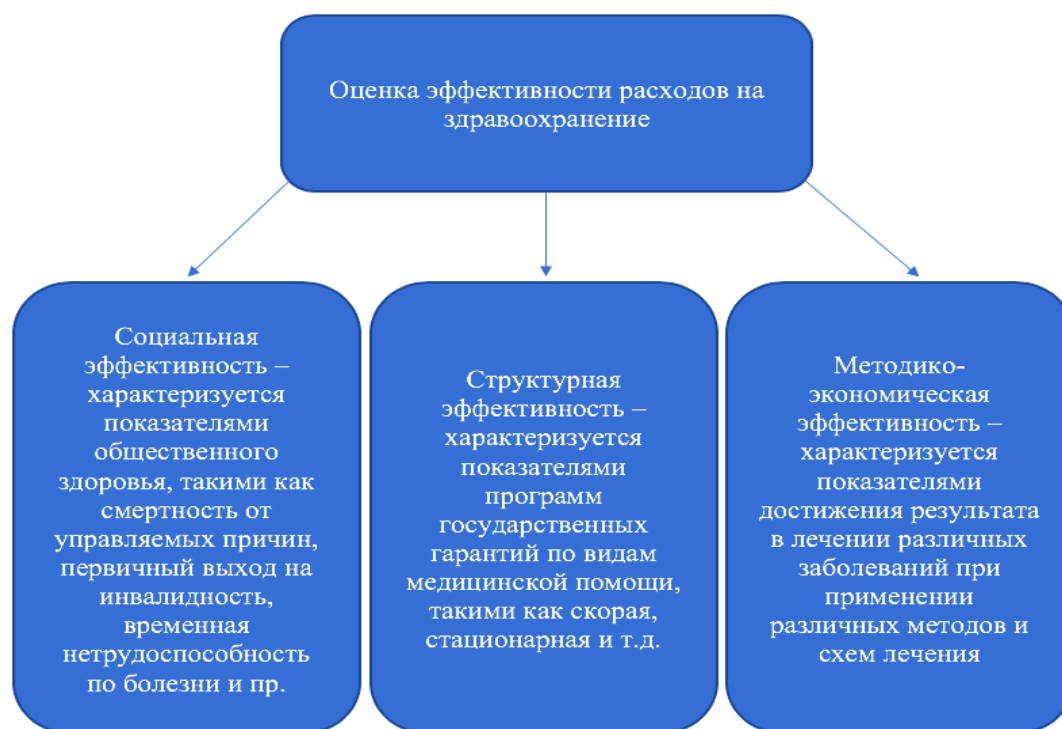

Рис. 1. Группы показателей, используемые для оценки эффективности расходов на здравоохранение

Таблица 1

**Сравнительные характеристики применяемых в здравоохранении
методов анализа эффективности затрат¹**

Метод	Характеристика	Уровень применения	Показатели результата
Анализ минимизации затрат	принятие решения осуществляется на основе выбора наиболее дешевого варианта	применяется на отраслевом уровне при реализации региональных программ внедрения технологий, а также на уровне учреждений при приобретении оборудования, выборе лекарственных препаратов	Сумма сэкономленных средств
Метод «затраты-результативность»	сравнение вариантов расходов на различные по степени достижения конечного результата цели	на макро- и мезоуровне сопоставляются различные программы (лечение кардиологических заболеваний, профилактика туберкулеза и т.д.), имеющие единую цель (продление жизни населения)	Специфические показатели (сокращение числа дней нетрудоспособности)
Метод «затраты-выгода»	сравнение затрат на реализацию программы со сложившейся экономией	анализируются все уровни (при предоставлении кредита на приобретение оборудования)	Денежный эквивалент
Метод «затраты-полезность»	отражение результата в некотором сводном неденежном показателе в результате оценки коэффициентов полезности экспертным путем	применение не распространено ни на одном из уровней организации системы здравоохранения, но метод используется при проведении отдельных научных исследований, т.к. многие результаты оказания медицинских услуг невозможно выразить в денежном измерении	Совокупность коэффициентов продолжительности жизни и качества добавленных лет жизни

Рассматривая особенности регионального здравоохранения в Российской Федерации, Яшина Н.И. и Емельянова О.В. в своих исследованиях выделяют эффективность государственного финансового обеспечения системы здравоохранения.

В качестве показателей выступают коэффициенты, отражающие затраты на здравоохранение, в частности уровень финансирования за счет бюджета и средств фонда обязательного медицинского страхования. При расчете коэффициентов выявляется удельный вес или относительная часть финансирования здравоохранения на уровне субъекта РФ с учетом субвенций из Федерального

¹ Составлено автором на основе данных [5].

Территориальному Фонду обязательного медицинского страхования, из федерального бюджета субъекту РФ, а также расходы консолидированного бюджета РФ [6].

В качестве показателей объема государственных гарантий предлагается использовать коэффициенты П1, П2 и П4:

$$\begin{aligned}
 \text{П1} &= \frac{\text{Сумма субвенций из бюджета ФФОМС,} \\ &\quad \text{направленных в бюджет ТФОМС субъекта РФ}}{\text{Численность застрахованных лиц в субъекте РФ}} \\
 \text{П2} &= \frac{\text{Сумма субвенций из федерального бюджета РФ} \\ &\quad \text{на здравоохранение, направленных в бюджет субъекта РФ}}{\text{Численность населения в субъекте РФ}} \\
 \text{П4} &= \frac{\text{Расходы на здравоохранение консолидированного бюджета} \\ &\quad \text{субъекта РФ}}{\text{Численность населения в субъекте РФ}}
 \end{aligned}$$

Данные показатели позволяют оценить обеспеченность населения гарантированной гражданской РФ медицинской помощи в рамках Фонда обязательного медицинского страхования, а также средств бюджетной системы, направляемых на развитие сферы здравоохранения.

В качестве показателя обеспеченности экономики региона субвенциями из бюджета ФФОМС предлагается использовать коэффициент П3, который отражает федеральные вложения в развитие регионального здравоохранения. Сохранение и улучшение здоровья населения в данном случае выступает элементом производительных сил общества, а, следовательно, способствует развитию экономики региона [7].

$$\text{П3} = \frac{\text{Сумма субвенций из бюджета ФФОМС,} \\ \text{направленных в бюджет ТФОМС субъекта РФ}}{\text{ВРП субъекта РФ}}$$

Также важными показателями могут служить коэффициенты, отражающие уровень заработной платы работников, занятых в медицинском секторе. Превышение заработной платы медицинских работников средней оплаты труда по региону отражает приоритетную значимость развития данной сферы в сравнении с другими отраслями в определенный период развития экономики. Кроме того, для медицинских сотрудников должны создаваться материальные стимулы для работы, в том числе для привлечения молодых специалистов и повышение квалификации и профессионализма у работников со стажем.

Несмотря на существующую систему показателей социально-экономического эффекта развития здравоохранения, основной проблемой остается оценка эффективности использования средств в данной сфере [8]. Соотношение финансовых ресурсов фондов и бюджетов различных уровней, а также уровень исполнения национальной программы развития здравоохранения в каждом регионе не позволяет в полной мере оценить достижение целей и выполнения задач здравоохранения, к которым относится сохранение численности населения, улучшение здоровья и благополучия.

Состояние, в котором находится отечественное здравоохранение на современном этапе, требует создания системы управления, позволяющей обеспечить стабильное и полноценное развитие данной сферы. Для реализации высокоэффективных организационных и финансово-экономических мероприятий, целесообразного распределения и эффективного использования финансовых ресурсов, необходимо использовать в качестве инструмента законодательно регламентированную систему показателей и индикаторов эффективности медицинской деятельности, с помощью которых становится возможным получение наиболее точной и достоверной оценки состояния как отдельных субъектов, так и системы здравоохранения в целом.

На государственном уровне должна быть выработана методика проведения аудита эффективности, включающая ряд социально-экономических показателей. При принятии решений о бюджетном финансировании программ развития здравоохранения и внесении поправок в закон о бюджете на основе такой методики станет возможным снизить смертность в рамках заболеваний государственного масштаба, а также при возникновении экстренных ситуаций, таких, как вспышки эпидемии, пандемии, оперативно перераспределять средства и ресурсы, сократить суммы дополнительных ассигнований из бюджета, что, несомненно, снизит риски, связанные явлениями, остро сказывающимися на экономике страны.

Литература

1. Яшина Н.Д., Емельянова О.В., Малышева Е.С., Прончатова-Рубцова Н.Н. Методология оценки эффективности государственного финансирования здравоохранения в России / Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. М.: Издательский дом «Финансы и Кредит», 2018. С. 13 – 26.
2. Лобачев В.В. Эффективное управление региональной системой здравоохранения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)». Курск, 2018.
3. Кораблев В.Н., Дементьева Е.Л. Система показателей оценки эффективности медицинской помощи в здравоохранении // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2014. № 4. С. 94–98.
4. Сергеева Н.М. О подходах к оценке эффективности функционирования медицинских организаций / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. М.: ООО «НИЦ Академия Естествознания», 2017. № 2-1. С. 72–76.
5. Дуганов М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды. М.: ИЭПП, 2007. С. 27–40.
6. Яшина Н.И., Богомолов С.В. Методика определения результативности деятельности лечебно-профилактических учреждений на основе комплексной оценки стандартизированных результативно-производственных показателей // Финансы и кредит. 2010. № 7. С. 29–35.
7. Целоусова С.А., Пенкин Н.П., Муравьева Н.П. Углубленный анализ заболеваемости как основа разработки организационных и лечебно-профилактических мероприятий по ее снижению // Труды Ижевской государственной медицинской академии. Сборник научных статей. Ижевск: Ижевская государственная медицинская академия, 2009. С. 36–38.
8. Соколов А.А., Артеменко Д.А. Трансформация общественного здравоохранения России: анализ сбалансированности // Финансы и кредит. 2017. № 42 (762). С. 2498 – 2510.

Dubina Julia Yuriyevna, Aspirant of Department of the Taxation and Accounting, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: dubina.yuliya@yandex.ru.

ON APPROACHES TO COST-EFFICIENCY ASSESSMENT OF THE HEALTHCARE SECTOR DEVELOPMENT

Abstract

The article discusses the existing methods of assessment the efficiency of the health system, taking into account the economic resources spent to achieve a socio-economic effect. There have been analyzed the regulatory and legal documents regulating the assessment of activities in the field of healthcare at various levels, and identifies approaches to analyzing the effectiveness of financial costs for the development of healthcare.

Keyword: *healthcare, methodology of assessment, assessment of the efficiency, economic resources, healthcare services, quality of services, service availability, social losses, audit of efficiency.*

References

1. Yashina N.D., Emel'yanova O.V., Malysheva E.S., Pronchatova-Rubtsova N.N. Metodologiya otsenki effektivnosti gosudarstvennogo finansirovaniya zdravookhraneniya v Rossii / Bukhgalterskiy uchet v byudzhethnykh i nekommercheskikh organizatsiyakh. M.: Izdatel'skiy dom «Finansy i Kredit», 2018. P. 13 – 26.
2. Lobachev V.V. Effektivnoe upravlenie regional'noy sistemoy zdravookhraneniya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk po spetsial'nosti 08.00.05 «Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaystvom (regional'naya ekonomika)». Kursk, 2018.
3. Korablev V.N., Dement'eva E.L. Sistema pokazateley otsenki effektivnosti meditsinskoy po-moshchi v zdravookhraneni // Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya Dal'nego Vostoka Rossii. 2014. № 4. P. 94–98.
4. Sergeeva N.M. O podkhodakh k otsenke effektivnosti funktsionirovaniya meditsinskikh organizatsiy / Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. M.: ООО «NITs Akademiya Estestvoznaniya», 2017. № 2-1. P. 72–76.
5. Duganov M.D. Otsenka effektivnosti raskhodov na zdravookhranenie na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh // Nauchnye trudy. M.: IEPP, 2007. P. 27–40.
6. Yashina N.I., Bogomolov S.V. Metodika opredeleniya rezul'tativnosti deyatel'nosti lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniy na osnove kompleksnoy otsenki standartizirovannykh rezul'tativno-proizvodstvennykh pokazateley // Finansy i kredit. 2010. № 7. P. 29–35.
7. Tselousova S.A., Penkin N.P., Murav'eva N.P. Uglublennyy analiz zaboлеваemosti kak osnova raz-rabotki organizatsionnykh i lechebno-profilakticheskikh meropriyatiy po ee snizheniyu // Trudy Izhevskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii. Sbornik nauchnykh statey. Izhevsk: Izhevskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya, 2009. P. 36–38.
8. Sokolov A.A., Artemenko D.A. Transformatsiya obshchestvennogo zdravookhraneniya Rossii: analiz sbalansirovannosti // Finansy i kredit. 2017. № 42 (762). P. 2498 – 2510.

**ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ЖИЗНЕННЫХ ПРОЕКТАХ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

Косач аспирант, Южно-Российский государственный политехнический
Геннадий университет (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Россия, г. Новочеркасск,
Евгеньевич ул. Просвещения, 132). E-mail: ccar@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье в контексте практической востребованности региональной экономики рассматривается предпочтительная трудовая занятость обучающихся современного технического университета, расположенного на значительном удалении от столичного региона. Автором определены статистически значимые предпочтения в жизненных проектах студентов технического высшего учебного заведения Южного федерального округа, подчеркивается актуальность вовлечения молодежи в производительную деятельность с целью укрепления трудового потенциала российских регионов за счет эффективной адаптации выпускников профессиональных образовательных учреждений. Согласно проведенному авторскому исследованию, выпускники технических высших учебных заведений в 2020 году рассматривают множество стратегий занятости, что подтверждает высокую мобильность молодежных трудовых ресурсов. Концепция автора состоит в ежегодной углубленной социальной диагностике и экспертизе предпочтений российских студентов на рынке труда для выработки практических мер управляющего воздействия на формирование профессиональных предпочтений и стратегий занятости молодых инженерно-технических кадров со стороны отделов по профориентации и трудоустройству вузов, бизнеса, органов исполнительной и законодательной власти.

Ключевые слова: социум, молодежь, стратегии занятости, жизненные проекты, предпочтительная занятость, прекаризация, социальная диагностика, карьерные предпочтения, образовательные организации.

Введение

Современный рынок труда характеризуется дисбалансом спроса и предложения [1], а также стихийностью ценообразования в области оплаты труда для различных категорий работников, особенно из числа молодежи. В сложившихся условиях выпускникам высших учебных заведений приходится сталкиваться с отсутствием оптимальных, научно обоснованных стратегий выбора карьерных предпочтений, а также многовариативностью возможностей самореализации. Согласно анализу, проведенному Ю. А. Зубок, В. И. Чупровым [2], значительная доля молодежи сталкивается с проблемой нереализованных ожиданий и в сфере образования, и в сфере труда.

Значимость обеспечения комфортных условий для осознанного выбора молодежью профессии определена в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию РФ в январе 2020 г.¹

Президент Российской Федерации указывает на необходимость как ежегодного увеличения контрольных цифр приема студентов в российские образовательные организации, так и включения заинтересованных работодателей в становление и стратегическое развитие высших учебных заведений в регионах страны.

Отсюда следует, что данные, полученные в результате социологического опроса выпускников Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (далее – ЮРГПУ(НПИ)), являются своевременными и имеют практическую пользу для органов местного и государственного управления разных уровней.

Методика социологического опроса

В период с ноября по декабрь 2019 г. автором исследования совместно с управлением по взаимодействию с работодателями ЮРГПУ (НПИ) проведен полуформализованный опрос обучающихся по направлениям бакалавриата выпускного курса. Респондентам были предложены открытые и полужакрытые вопросы, направленные на фиксацию у респондентов трудового стажа и его направленности, а также выявление их предпочтений в трудовой деятельности и приемлемого уровня оплаты труда.

В опросе приняло участие 884 выпускника всех факультетов ЮРГПУ (НПИ), что составляет 94 % всех завершающих обучение в 2019 г. Эти данные позволяют сделать вывод о надежности,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

статистической достоверности и достаточности эмпирической базы и ее репрезентативности, так как практически проведен сплошной опрос. Оставшиеся 6 % (56 респондентов) были исключены из выборки в процессе ее ремонта в рамках коррекции резко выделяющихся ответов. Полученные данные не следует признавать характерными для всех обучающихся в вузах Южно-Российского региона, поскольку они отражают мнение выпускников одного из ведущих инженерно-технических вузов Юга России. Вместе с тем, полученные данные и репрезентативность выборки позволяют объективно оценивать предпочтения всей генеральной совокупности выпускников технического вуза, расположенного на значительном удалении от столичного региона.

Распределение респондентов в разрезе факультетов ЮРГПУ (НПИ) представлено в табл. 1, округление относительных значений производилось до 2 знаков после запятой.

Таблица 1

Распределение респондентов по факультетам

Факультет	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Информационных технологий и управления	139	15,72
Механический	82	9,28
Строительный	60	6,79
Технологический	115	13,01
Геологии, горного и нефтегазового дела	96	10,86
Энергетический	265	29,98
Инноватики и организации производства	127	14,37
ВСЕГО:	884	100

Учитывая то, что в российских университетах активно представлены представители иностранных государств, стоит отметить гражданскую принадлежность выпускников (табл. 2).

Таблица 2

Гражданство респондентов

Гражданство	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Российская Федерация	834	94,34
Таджикистан	5	0,57
Туркменистан	1	0,11
Украина	44	4,98
ВСЕГО	884	100

Таким образом, в исследовании приняли участие в большей степени граждане России, при этом, согласно Распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 января 2015 года N 7-р (с изменениями от 17 мая 2018 года) «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики»¹, количество респондентов, оканчивающих обучения по приоритетным специальностям – 601 человек, что составляет 68 % от общего числа опрошенных (студенты факультета информационных технологий и управления, механического, технологического и энергетического факультетов). 283 респондента обучаются на неперспективных специальностях (32 %). Что касается возрастной дифференциации, то доминирующие 540 (61,09 %) респондентов оказались 1997 года рождения, 196 (22,17 %) родились в 1998 году, 97 (10,97 %) – в 1996 году, 28 (3,17 %) – в 1995 году, 16 (1,81 %) – в 1994 г. Оставшиеся 7 человек (0,79 %) относятся к иным возрастным группам. Данное распределение объясняется типичным возрастом окончания высшего учебного заведения в России.

К менее значимым характеристикам опрошенных можно отнести такие параметры, как наличие водительского удостоверения (55,1 % имеет, 44,9 % не имеет), а также опыт работы на персональном компьютере: 67 (7,58 %) выпускников отнесли себя к начинающим, 392 (44,34 %) к рядовым пользователям компьютера, 352 (39,82 %) к опытным пользователям, и 73 (8,26 %) к опытным пользователям.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 января 2015 г. N 7-р «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики» (с изменениями от 17 мая 2018 г.).

респондента считают себя программистами. Таким образом, можно сделать вывод о высоком уровне компьютерных способностей и проникновении информационных технологий в жизнь выпускников.

Прежде чем перейти к вопросам предпочтений выпускников технического вуза, стоит отметить, что 480 (54,3 %) опрошенных не имели опыта официального трудоустройства, 233 (26,36 %) имели опыт трудоустройства по специальности, отличной от получаемой, и только 171 (19,34 %) ответили, что в их трудовой книжке имеется запись о работе по получаемой в вузе специальности. Полученные данные в целом соотносятся со сведениями государственной статистики и свидетельствуют о низких возможностях для обучающихся трудоустроиваться на условиях вторичной занятости (совмещения с очной формой обучения) во время учебы в вузе согласно своей профессии.

Данные, отражающие предпочтения выпускников, представлены в табл. 3. Респондентам было предложено выбрать несколько (не более трех) вариантов ответов.

Таблица 3

Предпочтения трудоустройства выпускников

Вариант ответа	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Хотели бы найти работу по своей специальности	226	25,57
Согласны работать не по специальности	237	26,81
Имеете работу по специальности, которая вас удовлетворяет	64	7,24
Планируете службу по контракту в силовых структурах	71	8,03
Будете испытывать трудности при трудоустройстве	40	4,52
Получаете второе высшее образование	48	5,43
Собираетесь продолжить обучение в магистратуре	387	43,78
Собираетесь продолжить обучение в аспирантуре	25	2,83
После выпуска подлежите призыву в армию	35	3,96
Другое	18	2,04

Таким образом, лишь 226 (25,57 %) выпускников готовы связать свою жизнь с будущей профессией, а 64 (7,24 %) человека удовлетворены имеющейся работой по специальности. Но стоит отметить, что лица, ответившие о том, что планируют продолжить обучение, а также те, кто получает дополнительное образование и подлежат призыву в армию (суммарно 495 (56 %) человек) могут в будущем кардинально увеличить этот показатель.

В табл. 4 представлены ответы респондентов на вопрос о желаемой области деятельности, а в табл. 5 желаемый характер работы. Наиболее привлекательными областями деятельности оказались производство и информационные технологии, что соответствует как профилю технического вуза, так и перечню приоритетных направлений. О данном факте также свидетельствует и желаемый характер работы в производственно-практической и организационно-управленческой сферах. Однако высокий абсолютный показатель предпочтения организационно-управленческой сферы показывает высокий уровень амбиций выпускников, так как рынок труда в современной России не готов предложить выпускникам руководящие должности в первые 5 лет после трудоустройства [3]. Также, вызывает озабоченность, что 90 выпускников (10,2 %) высказались о безразличии к области своей деятельности, данная группа и является основой для формирования такого явления, как прекаризация [4]. Стоит отметить, что респонденты выбрали в среднем 2,6 варианта ответов, вместе с тем, безразличные к предпочтительной области занятости выбрали только 1 вариант.

Таблица 4

Мнения о предпочтительной области деятельности

Вариант ответа	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Наука	157	17,76
Образование	136	15,38
Производство	503	56,90
Финансы	182	20,59
Информационные технологии	221	25,00
Реклама	102	11,54
Маркетинг и менеджмент	165	18,67
Торговое дело	152	17,19
Безразлично	90	10,18

Желаемый характер работы в ответах студентов

Вариант ответа	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Производственно-практическая	471	53,28
Научно-исследовательская	165	18,67
Информационно-аналитическая	154	17,42
Организационно-управленческая	376	42,53
Рекламно-информационная	107	12,10
Иное	17	1,92

Одним из важнейших факторов молодежной занятости является региональная дифференциация [5]. В табл. 6 отражены обработанные результаты ответов респондентов о планируемом регионе продолжения трудовой деятельности.

Таблица 6

Мнения о планируемом регионе трудоустройства

Вариант ответа	Абсолютное значение (чел.)	Относительное значение (%)
Ростовская область	356	40,27
ЮФО, СКФО, Р. Крым	130	14,71
Москва	27	3,05
Санкт-Петербург	12	1,36
Регионы Сибири	30	3,39
За пределами РФ	3	0,34
Затруднились ответить	326	36,88

Полученные данные свидетельствуют о низкой трудовой мобильности современных выпускников высшего учебного заведения технической направленности, почти 55 % опрошенных предпочли бы остаться на Юге России. Показатель «затруднившихся ответить» (36,88 %) подтверждает ранее сделанный вывод о росте прекаризации в слое современной российской молодежи. При этом, фиксируется крайне низкий уровень желающих переехать за пределы России, что не соответствует публикациям российских средств массовой информации и ряда исследований [6].

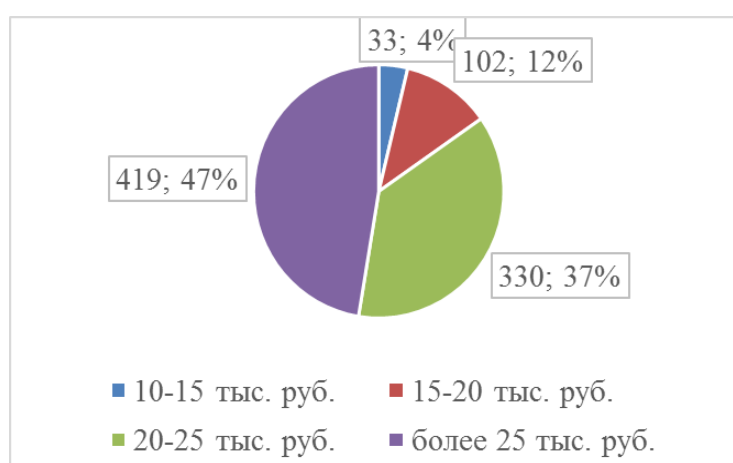

Диаграмма 1. Ответы о желательном уровне начальной заработной платы

На диаграмме 1 наглядно приведены значения желательного уровня начальной заработной платы для выпускников ЮРГПУ (НПИ). Как показывают данные, 419 (47,4 %) респондентов не готовы рассматривать начальный уровень дохода ниже 25 тыс. руб., и только 33 (3,73 %) ответивших готовы довольствоваться суммой, не превышающей 15 тыс. руб. В целом, данные опроса показывают высокий уровень притязаний среди выпускников.

Напоследок, хотелось бы учесть наиболее значимый фактор при выборе работы (диаграмма 2).

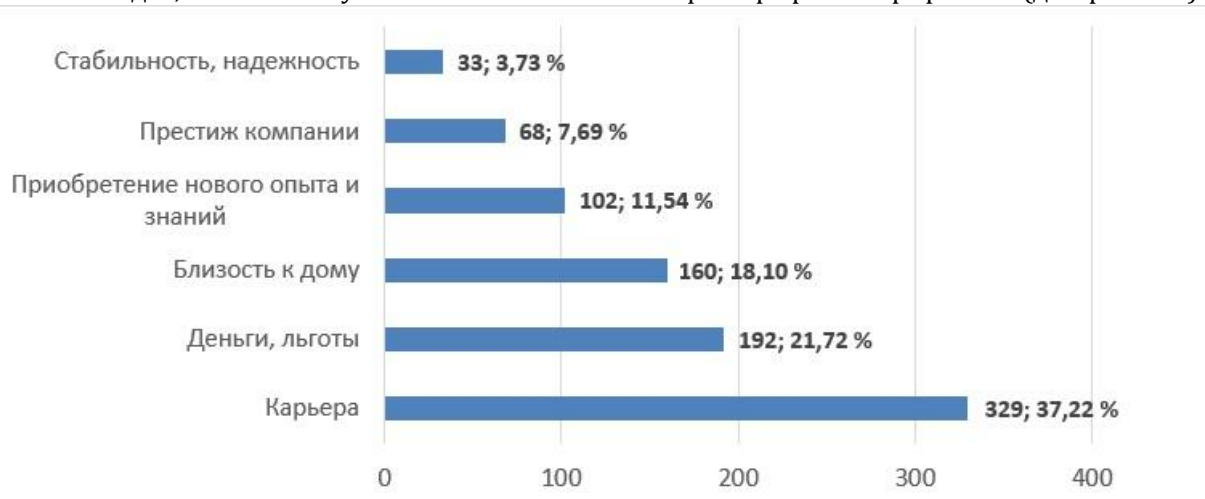

Диаграмма 2. Мнения о факторах, определяющих выбор занятости

Полученные данные показывают, что главными приоритетами при выборе занятости является возможность построения карьеры, а также денежное довольствие и льготы. Наименее важными факторами оказались стабильность и надежность, которые были актуальны в предыдущее десятилетие. Стоит отметить, что пандемия коронавирусной инфекции 2020 г., которая привела к существенным экономическим проблемам во всем мире, может существенно скорректировать приоритеты выпускников, поэтому продолжение данного исследования очень значимо для практической социологии.

Заключение

Таким образом, на основе полученной социологической информации можно сделать вывод о том, что предпочтительная занятость в жизненных проектах обучающихся технического университета, расположенного на значительном удалении от столичного региона, довольно сильно расходится с теми данными, которыми пользуются органы исполнительной власти в своей деятельности. Формирование в массовом сознании российских граждан гипотезы о том, что молодежь стремится уехать из страны в данном исследовании не подтвердилась, однако, надо сделать ссылку на то, что данный опрос проводился в южном регионе и не может характеризовать обстановку во всем государстве. Вместе с тем, результаты опроса выявили тревожную тенденцию прекаризации среди российской молодежи, которая при интенсификации данного процесса может привести к спаду экономического потенциала региона в виду отсутствия гарантированного притока высококвалифицированных молодых кадров. Данные, полученные в исследовании, могут быть использованы в практической деятельности органами исполнительной власти для корректировки своего управляющего воздействия на рынок молодежного труда.

Литература

1. Кулагина Е.В. Рынок труда и образования в России: дисбаланс спроса и предложения // Россия и современный мир. № 3 (80). 2013. С. 117 – 126.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13 – 41.
3. Супрунов А.К. Рынок труда в современной России // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.12.2020).
4. Гасюкова Е.Н. Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 6 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekarizatsiya-kontseptualnye-osnovaniya-factory-i-otsenki> (дата обращения: 03.12.2020).
5. Янченко Е.В. Рынок труда: анализ региональной дифференциации // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 36 (411). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-analiz-regionalnoy-differentsiatsii> (дата обращения: 03.12.2020).
6. Голубкова И.В. Управление трудовой мобильностью в России // Концепт. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-trudovoy-mobilnostyu-v-rossii> (дата обращения: 05.12.2020).

Kosach Gennady Evgenyevich, Postgraduate Student, South Russian State Polytechnic M.I. Platov University (NPI) (132, Prosveshcheniya St., Rostov-on-Don, 346428, Russian Federation).
E-mail: ccar@mail.ru

PREFERRED EMPLOYMENT OF THE TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS IN LIFE PROJECTS (BASED ON THE SOCIOLOGICAL SURVEY)

Abstract

In the article, in the context of the practical relevance of the regional economy, the preferred employment of students of a modern technical university, located at a considerable distance from the capital region, is considered. The author identified statistically significant preferences in the life projects of students of a technical higher educational institution of the Southern Federal District, emphasizes the relevance of involving young people in productive activities in order to strengthen the labor potential of Russian regions through the effective adaptation of graduates of professional educational institutions. According to the author's research, graduates of technical higher education institutions in 2020 are considering a variety of employment strategies, which confirms the high mobility of youth labor resources. The author's concept consists in an annual in-depth social diagnostics and examination of the preferences of Russian students in the labor market in order to develop practical measures of management influence on the formation of professional preferences and strategies for the employment of young engineering and technical personnel from the departments for career guidance and employment of universities, business, executive and legislative authorities.

Keywords: society, youth, employment strategies, life projects, preferred employment, precarization, social diagnostics, career preferences, educational organizations.

Reference

1. Kulagina E.V. Rynok truda i obrazovaniya v Rossii: disbalans sprosa i predlozheniya // Rossiya i sovremennyy mir. № 3 (80). 2013. P. 117 – 126.
2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Zhiznennye strategii molodezhi: realizatsiya ozhidaniy i sotsial'nye nastroyeniya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2020. № 3. P. 13 – 41.
3. Suprunov A.K. Rynok truda v sovremennoy Rossii // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-v-sovremennoy-rossii> (data obrashcheniya: 03.12.2020).
4. Gasyukova E.N. Prekarizatsiya: kontseptual'nye osnovaniya, faktory i otsenki // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2015. № 6 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekarizatsiya-kontseptualnye-osnovaniya-faktory-i-otsenki> (data obrashcheniya: 03.12.2020).
5. Yanchenko E.V. Rynok truda: analiz regional'noy differentsiatsii // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2015. № 36 (411). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-analiz-regionalnoy-differentsiatsii> (data obrashcheniya: 03.12.2020).
6. Golubkova I.V. Upravlenie trudovoy mobil'nost'yu v Rossii // Kontsept. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-trudovoy-mobilnostyu-v-rossii> (data obrashcheniya: 05.12.2020).

**АНАЛИЗ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Первякова аспирант кафедры теоретической социологии и методологии
Раиса региональных исследований Института социологии и регионоведения,
Николаевна Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160). E-mail: pervya.com@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована важность взаимодействия гражданского общества и органов государственной власти Донецкой Народной Республики, рассмотрена деятельность Общественной палаты ДНР, ее роль как одного из субъектов влияния общественности на власть. Проведен сравнительный анализ Общественной палаты Российской Федерации в системе общественного контроля и Общественной палаты ДНР. Доказана необходимость работы таких организаций на территории Донецкой Народной Республики с целью наладить диалог между гражданским обществом и действующими органами государственной власти. Определены основные виды поддержки в развитии третьего сектора правительством РФ, обоснована необходимость заимствования российского опыта для организации и осуществления общественного контроля за регуляцией деятельности органов государственной власти ДНР.

Ключевые слова: общественная палата, гражданское общество, общественный контроль, некоммерческая организация, третий сектор, миграция, Донецкая Народная Республика, самозанятое население, интеграция Донбасса.

Год 2014 стал переломным для жителей Донбасса. Образование и провозглашение Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) привело к появлению множества проблем. Первые несколько лет особое внимание уделялось именно военной обстановке, экономической блокаде со стороны Украины, гуманитарным поставкам из Российской Федерации, спасению жизней, попавших под обстрелы жителей региона, большим уровнем миграции людей за пределы ДНР. Ситуация постепенно изменялась с реализацией основных функций государственного управления. Руководство Республики планировало принятие нормативно-правовых актов, регламентирующих жизнедеятельность страны, организовывало множество мероприятий по осуществлению образовательной программы, медицинской помощи, снабжения различными видами энергии, реконструировало инфраструктуру и прочее. Усилиями чиновников была налажена выплата пенсионного обеспечения, социальных пособий, нуждающимся категориям граждан, многие предприятия возобновили свою работу. Была разработана и принята законодательная база для осуществления предпринимательской деятельности, появилась возможность для работы самозанятого населения, на этом фоне стала развиваться налоговая, таможенная системы. Таким образом, была реализована мотивационная функция управления. Бесчисленное множество нитей, идущих к России, обуславливает создание интеграционных с Российской Федерацией актов. Эти решения подкреплялись мнениями граждан ДНР, считающих интеграцию Донбасса оптимальным вариантом развития региона¹ [1, с. 1748-1756].

В 2015 году по данным центра социологических исследований «Особый статус» и Центра социологического мониторинга «Инициатива» 53,9% из числа опрошенных пожелали вхождения ДНР в состав Российской Федерации. К 2017 году количество желающих увеличилось до 56%, при этом 31,7% респондентов считают, что политика России направлена на присоединение территорий Донбасса к РФ, при чем 38,8% респондентов верят, что это произойдет в 2022 году².

После относительной стабилизации ситуации в молодом государстве, внимание населения все больше уделялось работе органов государственной власти. Многочисленные обращения граждан по решению личных и общественных наболевших вопросов, недостатки в работе чиновников, недовольство работающего населения вынудило людей к объединению в группы на основе единых интересов.

¹ Данные соцопроса как повод задуматься [Электронный ресурс]// ОО «Патриотические силы Донбасса» [веб-сайт]. URL: <http://patriot-donetsk.ru/10663-dannye-socoprosta-kak-povod-zadumatsya.html> (дата обращения 04.06.2020).

² Цуканов М.В. 26% населения поддерживают независимость ДНР, 50% — хотят в Россию [Электронный ресурс]// ИА REGNUM: [веб-сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2263484.html> (дата обращения: 04.06.2020).

Население ДНР нуждалось в новой платформе для осуществления общественных интересов и решения проблемных ситуаций. Народ, так или иначе, требовал ответственности от государственных органов за обстановку, сложившуюся в ДНР. Общественный контроль стал набирать обороты сначала над исполнителями на местах, позже над законодателями по тем или иным нормативно-правовым актам. Основное недовольство назревало в кругах предпринимателей ввиду больших рисков собственных средств, люди встречали ужесточение требований к деятельности самозанятого населения критикой органов государственной власти и требованиями непременно организовать совместную деятельность по нормотворчеству для предотвращения конфликтных ситуаций. Таким образом, общество не зная определений и понятий, интуитивно стало заниматься проверочными и оценочными мероприятиями регуляции деятельности власти имущих т.е. осуществлять общественный контроль. В свою очередь государственная власть, проанализировав сложившуюся ситуацию, приходит к выводу, что данный процесс не обратим, и инициирует создание на территории ДНР, по примеру РФ, Общественной палаты ДНР (далее – ОП ДНР)¹.

Работа главного субъекта общественного контроля должна была повысить эффективность деятельности органов государственного управления, позволить укрепить диалог между властью и обществом. Изучив деятельность ОП ДНР за 2019 год можно констатировать следующие моменты: работа ОП ДНР направлена на взаимодействие с законодательной и исполнительной властями ДНР.

18 членов ОП ДНР закреплены за профильными Комитетами Народного Совета ДНР, которые активно принимают участие в законотворческой деятельности ДНР и совместно проводят экспертизы значимых для граждан законопроектов. При этом ни один проект не опубликован на сайте ОП ДНР, жители не имеют возможности ознакомления с важными для них актами и тем более внесение поправок, замечаний и рекомендаций. На общественные слушания по обсуждению норм регулирования отдельных видов хозяйственной деятельности не приглашены предприниматели и работники, осуществляющие данную деятельность, так были проигнорированы интересы субъектов хозяйствования, деятельность которых является ключевой для пополнения бюджета ДНР. По информации, представленной на официальном сайте ОП ДНР, касательно информированности гражданского общества об ОП ДНР, основных задачах и функциях, осуществлении общественного контроля, свидетельствует о низкой популярности и скудном развитии данного явления. Страницы в социальных сетях «ВКонтакте» насчитывает 421 подписчика, «Facebook» – 440, Телеграмм канал ОП ДНР – 547 подписчиков², что является показателем низкой заинтересованности населения в деятельности организации.

Многие члены, в том числе руководящий состав ОП ДНР, в период с 2014 по 2018 гг. были задействованы в политической жизни Республики, занимали должности в органах исполнительной и законодательной власти, что вызывает недоверие граждан к ним, как политически заинтересованным участникам. Этими же людьми был реализован проект «Народный контроль», в рамках которого, группа из активного населения городов и районов совершала проверочные мероприятия на местах общественной торговли (рынки, магазины) с целью выявления недобросовестных предпринимателей по ценообразованию и ведению торговой деятельности. Таким образом, жители Республики проверяли и публично освещали в СМИ, по их мнению, о достоинствах и недостатках ведения предпринимательской деятельности таким же жителями³.

В сентябре 2019 года состоялся круглый стол по вопросам развития предпринимательства, в котором приняли участие депутаты Народного Совета, члены Комитета по бюджету, финансам и экономической политике, представители Министерства доходов и сборов, Инспекции по защите прав потребителей, Федерации профсоюзов, Общественной палаты, общественного движения «Донецкая Республика», и представители примерно 5000 предпринимателей ДНР членов профсоюзных организаций. По состоянию на 1 января 2020 года в Реестре статистических единиц Главстата ДНР поставлено на учет более 71 тыс. предпринимателей, что свидетельствует о массовости и необходимости создания комфортных условий для развития предпринимательской среды в Республике⁴. Предприни-

¹ Заявление Главы ДНР Дениса Пушилина о создании Общественной палаты ДНР 20.02.2019 Донецкой Агентство Новостей / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dan-news.info/official/zayavlenie-glavy-dnr-denisa-pushilina-o-sozdanii-obshhestvennoj-palaty-dnr.html> (дата обращения 22.02.2019).

² Медиаактивность общественной палаты. Доклад о работе Общественной палаты ДНР за 2019 год / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://opdnr.ru/doklad-o-rabote-obshhestvennoj-palaty-za-2019-god/> (дата обращения 25.10.2020).

³ Народный контроль ДНР / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://oddr.info/projects/nk/> (дата обращения 25.10.2020).

⁴ МЭР озвучило число зарегистрированных предпринимателей. 20.01.2020 by nmv in 1 Новость, Экономика / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dnr-live.ru/glavstat-ozvuchil-chislo-zaregistrirovannyih-predprinimateley/> (дата обращения 25.10.2020).

матели озвучили целый ряд вопросов, касательно ведения бизнеса на территории Республики, вопросы взаимодействия с исполнительными органами, вопросы правоприменительной практики и прочее.

По состоянию на октябрь 2020 г. участники со стороны гражданского общества не дождались ответов и реальных результатов решений на поставленные проблемные вопросы, что свидетельствует о назревании конфликтных ситуаций и нарастающего недовольства со стороны потребителей государственных услуг. Неоднократное участие членов первичных профсоюзных организаций в общественных собраниях с представителями государственных структур по обсуждению нормативно-правовых актов, разработке и принятию управленческих решений по улучшению предпринимательской сферы, урегулированию конфликтных ситуаций приводило к положительным результатам. К сожалению, профсоюз является чуть ли не единственной площадкой для отстаивания общественных интересов и осуществления общественного контроля за регуляцией деятельности органов государственной власти ДНР. Население Республики нуждается в альтернативных платформах общественной деятельности. Примером для жителей ДНР несомненно является Российская Федерация.

Неоспоримый интеграционный процесс в Россию свидетельствует о важности развития гражданского общества, его активности и вовлеченности в государственные дела. В сравнении с ДНР Россия имеет колоссальный опыт привлечения граждан в управленческую среду, как на муниципальном уровне, так и на федеральном. Информация на официальном сайте Общественной палаты РФ (далее – ОП РФ) дает исчерпывающий перечень сфер деятельности. Практически во всех направлениях члены ОП РФ принимают активное участие. На наш взгляд, особенно важными является поддержка некоммерческих организаций, которые в том числе занимаются общественным контролем деятельности государственных органов, экспертизой законодательных документов на стадии проектов, вопросами развития малого и среднего бизнеса, вопросами защиты социальных прав граждан, совершенствования законодательства и др.¹

Перспективы формирования общественного контроля в ДНР начинали обсуждать в профильном Комитете Народного Совета по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений еще в марте 2017 года. К сожалению, несмотря на компетенцию Комитета по вопросам подготовки законов правового положения и деятельности некоммерческих организаций, сотрудничества с общественными объединениями, профсоюзами и другими организациями, по состоянию на октябрь 2020 года не разработана нормативная база для деятельности некоммерческих и неправительственных организаций².

Развитию малого и среднего бизнеса в ДНР, как и в РФ, несомненно должно быть уделено значительное внимание. Для ДНР это важнейший элемент экономики, во многом определяющий темпы экономического роста, без которого не может гармонично развиваться государство, тем более, что градообразующие предприятия ДНР находятся на стадии «выживания» из-за ряда причин, таких как отсутствие достаточных рынков сбыта, неконкурентной цены, ограниченной возможности ввоза сырья, утечки рабочей силы и административного персонала³. После 2014 года предприятия не освобождаются от налоговых льгот, не разрабатывается законодательная база по развитию предпринимательства, государством не выделяется финансирование проектов, в бюджет не заложены средства на «стартапы».

Информация по предоставлению в публичный доступ нормативного акта об утверждении бюджета Республики является закрытой, в том время, как официальный сайт Государственной Думы РФ предоставляет законодательную базу, в том числе и касательно Бюджета РФ. Некоммерческие, неправительственные организации, общественные движения, граждане имеют возможность ознакомиться с нормативной базой и через обращения к субъектам общественного контроля с целью внесения предложений и корректировок в общественно значимые решения⁴.

В России уделяется огромное внимание развитию третьего сектора, в том числе и с использованием международного опыта [2, с. 3-6], регистрации социально ориентированных некоммерческих

¹ Направления деятельности Общественная палата Российской Федерации / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.oprf.ru/1449/2133/> (дата обращения 25.10.2020).

² Народный Совет Донецкой Народной Республики 14.03.2017 / [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dnrsovet.su/v-profilnom-komitete-obsudili-perspektivy-formirovaniya-obshhestvennogo-kontrolya-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения 25.10.2020).

³ О развитии малого бизнеса в Республике / [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2474:komp-mn-mal-biz-090217&catid=40&Itemid=665 (дата обращения 25.10.2020).

⁴ Объекты законотворчества Государственная Дума Российской Федерации / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/lawmaking/> (дата обращения 25.10.2020).

организаций (далее – НКО), учету, созданию реестров – это свидетельствует о приоритетности социально значимых проблем, и желании государства решать их совместно с НКО. По данным Министерства Юстиции РФ, всего в России в начале 2020 года было зарегистрировано более 213 тыс. НКО, из которых 198,8 тыс. подлежат госнадзору – 90 тыс. общественных объединений, в том числе 53 политические партии и 2,9 тыс. их структурных подразделений, 31 тыс. религиозных организаций и 91 тыс. других НКО, включая семь отделений международных организаций, иностранных НКО¹. Кроме того, господдержке подлежит обновленный 24 сентября 2020 реестр НКО. Организации получают следующие виды поддержки от государства:

1) освобождение от налогов, авансовых платежей по налогам (за исключением НДС), страховых взносов в государственные внебюджетные фонды за 2 квартал 2020 г.;

2) освобождение от уплаты аренды, а также отсрочка по аренде государственного, муниципального или коммерческого имущества;

3) расширение налоговых стимулов участия в благотворительности юридических лиц для организаций, вошедших в реестры. Юридические лица, оказывающие благотворительную помощь некоммерческим организациям, получают налоговые льготы (в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»);

4) льготные кредиты по ставке 2 %².

Исходя из анализа осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти Донецкой Народной Республики и Российской Федерации несомненным остается факт важности и целесообразности развития третьего сектора любого государства. Некоммерческие социально ориентированные, неправительственные организации являются хорошим подспорьем в осуществлении государственным сектором своих функций. Вовлечение большого количества людей в участие таких организаций влечет положительный эффект в виде необходимых и значимых законодательных актов, решении важных социальных и гуманитарных вопросов. Немало важным является законодательное закрепление деятельности третьего сектора, определение понятий общественного контроля, сферы его влияния, основных функций и агентов. Поддержка и регламентация участия НКО в общественном контроле является одним из этапов повышения эффективности деятельности государственных органов, повышения качества принимаемых управленческих решений, повышения уровня жизни населения и развития гражданского общества в целом.

Анализ осуществления общественного контроля в ДНР показал, что желание граждан участвовать в управлении государством присутствует, но находится в неразвитом виде. Отсутствуют стимулы со стороны государства в поддержке активных граждан, недостаточна информированность населения о сущности общественного контроля, ограничен выбор платформы для объединения и вовлечения в процесс принятия управленческих решений. В случае, если человек не является членом профсоюза либо не является предпринимателем, он лишен возможности участия в общественной организации для отстаивания своих интересов, но может осуществить личное обращение с предложением в государственные структуры. Возможно предположить, что данная инициатива и будет реализована, но вероятность быть услышанным и добиться положительного результата, по нашему мнению, существует всё-таки через общественные объединения и организации.

Опыт Российской Федерации в законодательном закреплении, организации, популяризации и осуществлении общественного контроля по сравнению с ДНР представлен. Руководству Республики в рамках интеграционных процессов следует использовать решения РФ для повышения качества управления государством и улучшения имиджа ДНР. Система общественного контроля за органами государственной власти России не идеальна, но стремление законодателя и общественных деятелей максимизировать положительный результат деятельности субъектов общественного контроля приводит к развитию демократии и укреплению позиции России в мире. Обоим государствам важно поддержать инициативы в сфере общественного контроля, идущие «снизу» от населения и создать такие условия для самоорганизации в системе общественно-государственного взаимодействия, которые смогут гарантировать обществу реальную обратную связь, но при этом выстроить четкую политику от поддержки до противодействия по критерию общественного интереса.

¹ Минюст: Количество НКО в России за три года снизилось Информационный портал о выборах: Выбор народа / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/160211-minjust-kolichestvo-nko-v-rossii-za-tri-goda-snizilos.html> (дата обращения 25.10.2020).

² Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Министерство экономического развития Российской Федерации / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=104> (дата обращения 25.10.2020).

Литература

1. Первякова Р.Н. Интеграция в Россию – оптимальный путь развития Донбасса // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник VI Всероссийского социологического Конгресса, (Тюмень, 14-16 октября 2020 г.). М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 6003 с.
2. Гриб В.В. Общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации как участники общественного контроля: российский и зарубежный опыт. Аналитический портал: отрасли права 11.05.2016 / [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17091> (дата обращения 25.10.2020).

Pervyakova Raisa Nikolaevna, Post-graduate student of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: pervya.com@mail.ru

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC CONTROL OF THE ACTIVITIES OF THE STATE AUTHORITIES OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article analyzes the importance of interaction between civil society and public authorities of the Donetsk People's Republic, considers the activities of the Public Chamber of the DPR, its role as one of the subjects of public influence on the government. A comparative analysis of the Public Chamber of the Russian Federation in the system of public control and the Public Chamber of the DPR is carried out. The necessity of the work of such organizations on the territory of the Donetsk People's Republic in order to establish a dialogue between civil society and the acting government bodies has been proved. The main types of support in the development of the third sector by the government of the Russian Federation are determined. The necessity of borrowing Russian experience for the organization and implementation of public control over the regulation of the activities of state authorities of the Donetsk People's Republic is substantiated.

Keywords: public chamber, civil society, public control, non-profit organization, third sector, migration, Donetsk People's Republic, self-employed population, integration of Donbass.

References

1. Pervyakova R.N. Integratsiya v Rossiyu – optimal'nyy put' razvitiya Donbassa // Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov. Sbornik VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo Kongressa, (Tyumen', 14-16 oktyabrya 2020 g.). M.: ROS; FNISTs RAN, 2020. 6003 s.
2. Grib V.V. Obshchestvennye ob"edineniya i inye negosudarstvennye nekommercheskie organizatsii kak uchastniki obshchestvennogo kontrolya: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt. Analiticheskiy portal: otrasli prava 11.05.2016 / [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17091> (data obrashcheniya 25.10.2020).

БАРЬЕРЫ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА

Понамарёв Александр Борисович аспирант Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: kalvarus94@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются основные барьеры достижения институтом сити-менеджмента общественной состоятельности, то есть соответствия реальным практикам управления поставленным целям и признания их результатов местным сообществом. Автор выделяет 4 основных препятствия, не позволяющих институту сити-менеджмента функционировать эффективно: отсутствие механизмов горизонтальной координации, низкая квалификация кадров, институциональные барьеры и имитационные практики. Эти препятствия объясняются неoinституциональной теорией, предполагающей наличие механизмов неформального сопротивления инновациям формальных процедур управления. По мнению автора, проблемы российского сити-менеджмента связаны с несовпадением формальных и реальных практик муниципального управления, а их решение лежит в профессионализации муниципальной службы и повышении ее престижности.

Ключевые слова: сити-менеджмент, муниципальное управление, неoinституционализм, имитационные практики, институциональные барьеры, управленческая эффективность, местное самоуправление, кадровое обеспечение, профессиональный уровень.

Институт сити-менеджмента в настоящий момент существует в социальной реальности, характеризующейся состоянием институциональной неустойчивости. Она актуализируется тогда, когда у социальных акторов разнятся целевые ориентации, что приводит к несоответствию реальных практик работы целевым. Эта проблема напрямую связана с попыткой федеральной власти изменить основные принципы работы местной и переориентировать их на достижение реальных результатов, повышение профессионального уровня управленцев и рационализацию принятия управленческих решений.

Институт сити-менеджмента призван скачкообразно повысить качество работы муниципальной власти и основным его средством является замена процедуры легитимации главы местной администрации. Всенародно избранные мэры почти повсеместно были заменены на назначенных по контракту сити-менеджеров, обладающих высоким профессиональным уровнем, обеспечивающимся принципом разделения политики и управления. Однако изменение порядка вступления главы местной администрации в должность не принесло результатов, так как потребители муниципальных услуг, согласно эмпирическим исследованиям, не почувствовали роста качества жизни [1, с. 58].

В последние годы отмечается рост публикаций по проблеме сити-менеджмента, однако в большинстве случаев он рассматривается как идеальная модель, исследователи не используют потенциал неoinституционального подхода и редко применяют его для объяснения проблем института сити-менеджмента. [2, с. 238] Научный дискурс, посвященный институту сити-менеджмента, поляризован на два лагеря – противников новой формы муниципального управления и ее сторонников. Стоит отметить, что большинство специалистов оценивает перспективы российского сити-менеджмента сдержано или скептически.

Так, по мнению А.В. Дятлова и В.В. Ковалева, институт сити-менеджмента является импортированной из США формой муниципального управления, которая не имеет социально-политических оснований в Российской Федерации и объясняют это тем, что отечественная социальная реальность не соответствует той, которая необходима для полноценного функционирования института сити-менеджмента [3, с. 35].

А.Н. Неустроев критикует институт сити-менеджмента за его антидемократичность, фактически лишившую население муниципальных пространств рычагов влияния на городскую политику [4].

И.В. Выдрин позиционирует сити-менеджмент как формализацию попыток достроить властную вертикаль до местного уровня [5, с. 67].

Сторонники сити-менеджмента видят в нем достаточно высокий потенциал к повышению эффективности работы муниципального управления и считают, что он призван стать новой

формой организации власти, соответствующей современным требованиям объединить в себе власть, науку и бизнес-сообщество. Таких взглядов придерживаются А.А. Михеев, Е.А. Шутникова [6, с. 75].

Стоит отметить, что взгляды сторонников сити-менеджмента держатся лишь на умозрительных заключениях о том, что модель сити-менеджмента эффективно показала себя в западных странах, следовательно, должна хорошо работать и в российских реалиях. Мы не согласны с подобной позицией и считаем, что имплементированные зарубежные системы управления сопряжены с социально-экономическими рисками и требуют комплексного научного осмысления через интеграцию важных для социологии управления элементов: юридических, управленческих и социологических. Достигнуть этой цели можно, опираясь на неинституциональный подход к рассмотрению работы формальных институтов и выявления общественной состоятельности института сити-менеджмента. Под ней понимается соответствие реальных практик управления поставленным целям и признание их результатов местным сообществом.

Так как институт сити-менеджмента ориентирован на предоставление муниципальных услуг, то основными акторами, которые смогут оценить результаты его работы, будут являться потребители муниципальных услуг, иными словами, жители городов. В рамках этой работы мы предпримем попытку взглянуть на проблемы института сити-менеджмента через призму новой теории институтов и объяснить их в контексте социологии управления. Итак, перейдем к рассмотрению основных барьеров достижения институтом сити-менеджмента общественной состоятельности и определим их влияние на реализацию политико-административного и социально-экономического потенциала сити-менеджеров.

Корень проблем современного российского муниципального управления, согласно новой теории институтов, объясняется принципом *path dependence* (зависимость будущего от прошлого). [7, с. 455] Это означает, что управленческая эффективность сити-менеджеров детерминирована управленческими практиками их предшественников, принципами, стоявшими за принятием управленческих решений и результатами, на которые ориентировались управленцы прошлого. Институт сити-менеджмента заменил традиционную (мэрскую) форму муниципального управления, которая, в свою очередь, пришла на смену советской.

Отметим, что мэрская форма организации муниципального управления существовала недостаточно долго для того, чтобы придать управленческим практикам, осуществляемым в ее рамках, устойчивость и системный характер. Согласно концепции институциональной эволюции Д. Норта, институт состоит из трёх главных элементов: неформальных ограничений, формальных правил и механизмов принуждения [8, с. 74].

Вмешательство в организацию труда муниципальных служащих повлечет за собой неформальное сопротивление субъектов управленческого труда, не принимающих новые принципы организации труда или не умеющих работать в их рамках. На практике это означает, что федеральная власть навязала местной модели сити-менеджмента, подразумевающую изменение основных принципов работы и их оценки, что, конечно же, не может быть мгновенно принято на неформальном уровне, зачастую определяющим качество работы всего института. Муниципальные служащие и управленцы, работающие в настоящий момент, неформально организуют свой труд руководствуясь устаревшими принципами и инновации в работе будут встречены неформальным сопротивлением, приводящим к снижению эффективности работы. Препятствия эффективной работы сити-менеджмента укоренились в приверженности местной власти старым принципам организации труда, противоречащим современной социально-экономической повестке. Остановимся на каждом из них подробнее.

Первым барьером является вопрос встраивания муниципальной власти во властную вертикаль без предоставления реально работающих инструментов горизонтальной координации. Советское муниципальное управление не стояло перед необходимостью стремиться к фактическому повышению эффективности управленческих практик и оптимизации затрат, так как обладало серьезной экономической подушкой в виде средств, получаемых от государственной власти. Имелась возможность заморозить рост цен на жилищно-коммунальные услуги и содержать аппарат чиновников и управленцев.

Централизация экономических ресурсов в руках государственной власти, вертикально спускающей их на муниципальный уровень, не актуализировала перед городской администрацией проблем оптимизации трат. Вопрос взаимодействия с бизнес-сообществом и крупными инвесторами также не был актуален для советской модели муниципальной власти, так как социалистический строй не предполагал существования частных инвесторов и крупных предприятий.

Советская система муниципального управления была встроена во властную вертикаль, следовательно, почти все вопросы должны были согласовываться с государственной властью и партией. Но даже такая вертикаль власти имела механизмы горизонтальной координации в виде местных советов. Наличие таких органов позволяло сосредоточить внимание на проблемах местного сообщества и отодвинуть спущенные сверху государственные задачи на второй план. Работало это следующим образом: директор градообразующего предприятия мог в своем отчете указать, что предприятие показало меньшую прибыль и прирост выпуска продукции из-за решения местного совета улучшить жилищные условия работников. Представители политической элиты регулярно встречались на сессиях местного совета и посещали партийные мероприятия, на которых коммуницировали с иерархами коммунистической партии. Это, в свою очередь, означало, что они приписаны к местной первичной партийной организации и являлись подотчётными ей, что заставляло всех низовых руководителей внимательно относиться к проблемам, возникавшим на уровне района или города.

Исходя из вышеописанного, можно прийти к выводу, что советская система муниципального управления характеризовалась вертикальностью, но имела механизмы горизонтальной координации, позволяющие поставить проблемы местного сообщества на первый план и тем самым компенсировать отрицательные последствия встраивания в вертикаль власти. Эта система позволяла местной власти не выходить из-под крыла государственной, но оставляла ей определенную степень автономности в распределении ресурсов.

Проблема встраивания местной власти во властную вертикаль обострилась после реформ 1990-х годов, когда механизмы горизонтальной координации утратили силу. Новый режим унаследовал от старого принцип вертикальности власти, но утратил возможность компенсировать её негативные последствия. Например, полиция осталась централизованной, но потеряла механизм привязки её задач к локальным проблемам. Школы и больницы принадлежат регионам, но распоряжения, данные на федеральном уровне, обладают намного более высоким приоритетом. Городская власть фактически утратила функции координации, так как для условного начальника районного отдела полиции или директора школы поступающие сверху требования более приоритетны, чем местные проблемы.

Бюрократизация местных органов власти, при относительной децентрализации и расширении полномочий власти на местах, достигла новых высот и оказывает серьезное негативное влияние на потенциал муниципальной власти в решении проблем местного населения. Децентрализация экономики реализовалась относительно легко за счет механизма приватизации, однако в контексте муниципального управления нельзя сказать, что на смену диктату партийных органов пришла сильная местная власть, имеющая возможность отвечать за школы, медицину, благоустройство и охрану общественного порядка.

Вторым барьером является низкая квалификация управленческих кадров и муниципальных служащих. Это означает, что руководители, имевшие опыт работы при советском режиме и работающие вплоть до реформы сити-менеджмента не имели опыта, необходимости и мотивации привлекать частный капитал в муниципалитеты. В настоящий момент перед каждым сити-менеджером стоит задача по активизации своих организационных способностей и социальных связей для привлечения предпринимателей к сотрудничеству посредством различных форм взаимодействия, в том числе муниципально-частного партнерства.

Однако сити-менеджер большинства муниципальных образований вынужден работать с муниципальными служащими и руководителями подразделений, не имеющими профильного образования и понимания работы рыночных механизмов. Это также объясняется низким престижем государственной и муниципальной службы, определяющим низкую оплату труда, влияющую на мотивацию сотрудников. Внесение изменений в порядок вступления на должность главы муниципального образования, фактически, является лишь вершиной айсберга, так как ни один управленец не сможет эффективно работать без квалифицированной команды.

Третьим препятствием является наличие институциональных барьеров. Они связаны с правоприменением некоторых важных нормативных актов, например закона о муниципально-частном партнерстве и его стыковке с антикоррупционным законодательством, позволяющим правоохранительным органам трактовать работу с предпринимателями как фаворитизм и усмотреть в этом конфликт интересов.

Одной из главных задач сити-менеджеров является привлечение частного капитала в муниципалитет посредством включения частного сектора экономики в поддержку городской инфраструктуры. Однако на практике это является труднореализуемым, так как попытка привлечь

предпринимателя к совместной работе привлекает внимание прокуратуры и может повлечь за собой разбирательства, связанные с обвинениями сити-менеджеров в неправомерных действиях. Это приводит к тому, что сити-менеджеры из соображений собственной безопасности снижают активность поиска частных партнеров. Очевидно, что подобное давление правоохранительных органов вредит продуктивной работе городских управляющих по реализации одной из главных целей современного муниципального управления.

Все вышеописанные барьеры обуславливают распространение имитационных практик на уровне муниципального управления.

Предшествующие практики управления, допускающие к работе низкоквалифицированных и немотивированных муниципальных служащих вкупе с проблемами правоприменения инструментов сити-менеджеров и отсутствием механизмов горизонтальной координации, приводят нас к пониманию того, что в муниципальном управлении очень часто наблюдаются имитационные практики. Под ними понимается, как следует из названия, имитация успешной деятельности, формально соответствующая требованиям, но не достигающая фактических результатов или достигающая их не в том объеме, который необходим для улучшения качества жизни населения. Эта проблема формирует барьеры научного осмысления проблем института сити-менеджмента, так как актуализирует диссонанс формальной и практической реальности, в которой пребывает муниципальное управление.

Вышеприведенные проблемы сити-менеджмента не позволяют городским управляющим и их подчиненным работать в полную силу и достигать необходимых показателей, что ставит их перед необходимостью принимать решения, концентрирующиеся на удовлетворении интересов федеральной власти, но не оказывающих значительного влияния на исполнение институциональной цели – повышения качества жизни населения муниципальных пространств.

Итак, основными препятствиями эффективной работы сити-менеджмента являются: отсутствие механизмов горизонтальной координации, низкоквалифицированные кадры и институциональные барьеры. Наличие этих препятствий определяет необходимость прибегать к имитационным практикам, мешающим продуцированию реальных результатов успешной деятельности сити-менеджеров. Все эти проблемы, так или иначе, связаны с предыдущими управленческими практиками, актуальными для советской организации муниципальной власти и подлежат целенаправленному решению посредством повышения престижности муниципальной службы, профессионализации должностей муниципальной администрации и формирования работающих механизмов горизонтальной координации, позволяющих отдавать приоритет проблемам местного сообщества.

Литература

1. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Нечушкин А.Ю., Дементьев С.А., Понамарев А.Б. Институт сити-менеджмента (в поисках административной эффективности). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2019. 210 с.
2. Попов А.В., Дятлов А.В. Проблемы реализации идеи сити-менеджмента в системе муниципальной власти Российской Федерации: научная рефлексия на осмысление проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 235 – 241.
3. Ковалев В.В., Чигрин В.А. Политико-административные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4. № 2. С. 30 – 38.
4. Неустроев А.Н. Институт сити-менеджера в РФ: за и против // European Science. 2015. № 5(6). С. 28 – 31.
5. Выдрин И.В. Сити-менеджеры в системе управления муниципальными образованиями // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 2. С. 67–70.
6. Михеев А.А., Шутикова Е.А. Социальные проблемы урбанизации и сити-менеджмент на этапе постмодерна // Право и управления. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 73 – 78.
7. William M. Dugger (1995). Douglass C. North's New Institutionalism. *Journal of Economic Issues*, 29:2, pp. 453-458.
8. D.C. North Institutions, institutional change and economic performance. *Cambridge University Press*, 1990. 152 p.

Ponamaryov Alexander Borisovich, Postgraduate student at the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: kalvarus94@gmail.com

BARRIERS TO ACHIEVING THE PUBLIC SOLVENCY OF THE INSTITUTION OF CITY-MANAGEMENT

Abstract

The article considers the main barriers to achieving public solvency by the institution of city-management i.e. compliance of actual management practices with the set goals and recognition of their results by the local community. The author identifies 4 main barriers that do not allow the institution of city-management to function effectively: the lack of horizontal coordination mechanisms, low qualification of personnel, institutional barriers and imitation practices. These obstacles are explained by the neo-institutional theory, which suggests the presence of mechanisms of informal resistance to innovations of formal management procedures. According to the author, the problems of Russian city-management are related to the mismatch between formal and real practices of municipal management, and their solution lies in the professionalization of municipal service and increasing its prestige.

Keywords: city-management, municipal government, neo-institutionalism, imitative practices, institutional barriers, path dependence, managerial efficiency, local government, staffing, professional grade.

References

1. Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Nechushkin A.Yu., Dement'ev S.A., Ponamarev A.B. Institut siti-menedzhmenta (v poiskakh administrativnoy effektivnosti). Rostov n/D.: Fond nauki i obrazovaniya, 2019. 210 p.
2. Popov A.V., Dyatlov A.V. Problemy realizatsii idei siti-menedzhmenta v sisteme munitsipal'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii: nauchnaya refleksiya na osmyslenie problemy // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 11. P. 235 – 241.
3. Kovalev V.V., Chigrin V.A. Politiko-administrativnye osnovaniya dlya modeli «siti-menedzhmenta» v sisteme rossiyskogo munitsipal'nogo upravleniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. 2018. T. 4. № 2. P. 30 – 38.
4. Neustroev A.N. Institut siti-menedzhera v RF: za i protiv // European Science. 2015. № 5(6). P. 28 – 31.
5. Vydrin I.V. Siti-menedzhery v sisteme upravleniya munitsipal'nymi obrazovaniyami // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2011. № 2. P. 67 – 70.
6. Mikheev A.A., Shutikova E.A. Sotsial'nye problemy urbanizatsii i siti-menedzhment na etape postmoderna // Pravo i upravleniya. KhKhI vek. 2015. № 2 (35). P. 73 – 78.
7. William M. Dugger (1995). Douglass C. North's New Institutionalism. Journal of Economic Issues, 29:2, pp. 453 – 458.
8. D.C. North Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press, 1990. 152 p.

О ПОРЯДКАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСУЛЬТАТИВНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РФ. ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ?

Туманян магистрант, Национальный исследовательский
Гарник Томский государственный университет (634029, Россия, г. Томск,
Вагинакович ул. Советская, 59). E-mail: tumangar@mail.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты исследования порядков формирования общественных советов при законодательных органах власти субъектов Российской Федерации. Подробно описываются существующие практики во всех субъектах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Мы приходим к выводу о существовании серьёзных проблем в осуществлении описанных выше процедур. Существующие практики полны возможностей для назначения в составы общественных советов аффилированных и лояльных лиц. И всё это несмотря на наличие довольно сложных и многоуровневых конкурсных процедур в некоторых регионах (существуют нормативные оговорки и «лазейки», которые буквально перечёркивают положительные характеристики передовых практик). Сложившаяся ситуация, когда большинство органов общественного контроля формируются и назначаются органами власти, которых они должны контролировать, в корне неверна и нелогична.

Ключевые слова: Общественный совет, общественный контроль, субъект РФ, граждане, государственное управление, менеджмент, региональные практики, законодательные органы власти, федеральный округ.

Существующий кризис доверия акторов к представительной демократии [1], который углубляется от различных общественных трансформаций [2] предопределяет 2 пути решения данной проблемы: первый путь — это активное внедрение в управленческую практику элементов прямой демократии с предоставлением гражданам больших прав для решения насущных проблем [3]; второй путь – это вовлечение граждан в процессы публичного управления с предоставлением контрольных и экспертных функций, а также «дозированной» возможностью принимать участие в процессах принятия решений [4]. Оба варианта имеют как положительные, так и отрицательные последствия и могут быть использованы в зависимости от институциональной обстановки в стране и уровня развития гражданского общества.

Необходимо помнить о том, что новые управленческие стили и технологии возникают в зависимости от соответствующих трансформаций в обществе и являются ответом на вызовы и угрозы исторической эпохи [5]. Усиление демократических механизмов в управлении требует становления соответствующей политической культуры [6].

На наш взгляд, на сегодняшний день самым оптимальным на территории РФ может быть использование второго пути. Эффективный парламентаризм является институциональным механизмом обеспечения интересов акторов [7] и предполагает сочетание нескольких демократических форм, ведь всегда существует необходимость сохранения устойчивых связей органа власти и населения [8]. Но для реализации столь масштабных изменений и внедрения новых практик на федеральном уровне, необходимо рассмотреть региональные практики. И если в западной части России, которая приближена к «центру», инновации публичного управления внедряются раньше, то будет интересно рассмотреть опыт субъектов РФ, находящихся на территориях Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДФО).

С целью анализа были рассмотрены нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность общественных советов при законодательных органах власти субъектов РФ. Был проанализирован 21 субъект РФ. Анализ выявил, что при 12 законодательных органах власти в той или иной форме существуют общественные советы. Данные представлены в табл. 1.

Из табл. 1 видно, что, практически в половине исследуемых субъектов РФ отсутствуют общественные советы при законодательных органах власти. В 6 из 10 субъектов СФО функционируют общественные советы. Более печальная ситуация в ДФО, где общественные советы присутствуют только в 4 субъектах из 11. В 2 субъектах отсутствуют общественные советы, но присутствуют иные общественные консультативные органы, мы также рассмотрим их практики.

Общественные советы при законодательных органах власти СФО и ДФО

№	Субъект РФ	Название законодательного органа	Общественный совет при законодательном органе власти
Субъекты Сибирского федерального округа			
1	Алтайский край	Алтайское краевое Законодательное Собрание	Отсутствует
2	Иркутская область	Законодательное Собрание Иркутской области	Присутствует
3	Кемеровская область	Совет народных депутатов Кемеровской области	Присутствует
4	Красноярский край	Законодательное Собрание Красноярского края	Отсутствует, но есть аналогичный общественный орган
5	Новосибирская область	Законодательное Собрание Новосибирской Области	Присутствует
6	Омская область	Законодательное Собрание Омской Области	Присутствует
7	Томская область	Законодательная Дума Томской области	Присутствует
8	Республика Алтай	Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай	Присутствует
9	Республика Тыва	Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва	Отсутствует
10	Республика Хакасия	Верховный Совет Республики Хакасия	Отсутствует
Субъекты Дальневосточного федерального округа			
11	Амурская область	Законодательное Собрание Амурской области	Отсутствует
12	Республика Бурятия	Народный хурал Республики Бурятия	Отсутствует
13	Еврейская автономная область	Законодательное Собрание Еврейской автономной области	Отсутствует, но есть аналогичный общественный орган
14	Забайкальский край	Законодательное Собрание Забайкальского края	Возможность создания предусмотрена в НПА, общественный совет отсутствует
15	Камчатский край	Законодательное Собрание Камчатского края	Отсутствует
16	Магаданская область	Магаданская областная Дума	Присутствует
17	Приморский край	Законодательное Собрание Приморского края	Отсутствует
18	Республика Саха (Якутия)	Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)	Присутствует
19	Сахалинская область	Сахалинская областная Дума	Присутствует
20	Хабаровский край	Законодательная Дума Хабаровского края	Присутствует
21	Чукотский автономный округ	Дума Чукотского автономного округа	Отсутствует

В данном исследовании мы рассмотрим порядки формирования общественных советов и уровень полномочий, которыми они наделяются. Исследование двух перечисленных параметров мотивируется необходимостью выявления возможностей аффилированности общественных советов с законодательными органами, а также необходимостью исследования реальности (не номинального существования) возможностей и механизмов влияния общественных советов на законо-

творческий процесс. Для начала рассмотрим уровень наделения полномочиями общественных советов (данные – в табл. 2).

Таблица 2

Формы полномочий общественных советов в СФО и ДФО

Субъект РФ	Форма полномочий
Еврейская автономная область	Совещательная деятельность. Экспертно-аналитическое обеспечение законотворческой и иной нормотворческой деятельности.
Иркутская область	Консультативная деятельность. Содействие законодательной деятельности и взаимодействие между общественными организациями и Законодательным собранием.
Кемеровская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль. Обеспечение учета потребностей и интересов граждан РФ, защита их прав и свобод и прав общественных объединений при осуществлении государственной политики в части, относящейся к сфере деятельности Совета народных депутатов Кемеровской области. Осуществление общественно-го контроля за деятельностью Совета народных депутатов.
Красноярский край	Совещательная деятельность. Предварительное рассмотрение проектов законов Красноярского края. Рассмотрение вопросов, связанных с социально-экономическим развитием края, реализацией крупных инвестиционных проектов, решением социально значимых проблем.
Магаданская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.
Новосибирская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.
Омская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.
Республика Алтай	Совещательная деятельность. Обеспечение взаимодействия между Государственным Собранием - Эл Курултай Республики Алтай и общественными объединениями. Присутствует отдельные возможности для реализации общественного контроля.
Республика Саха (Якутия)	Консультативно-совещательная деятельность.
Сахалинская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.
Томская область	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.
Хабаровский край	Консультативно-совещательная деятельность. Общественный контроль.

Из табл. 2 видно, что в большинстве субъектов РФ общественные советы при законодательных органах власти занимаются консультативно-совещательной деятельностью. Знания членов общественных советов используются, как экспертные мнения. Некоторые общественные советы отвечают за взаимодействие законодательного органа власти с общественными объединениями и иными органами власти. Основной упор делается на использование знаний членов общественных советов в законотворческом процессе. К сожалению, только 7 из 12 общественных советов наделены функциями общественного контроля за деятельностью законодательного органа власти. А общественный контроль, как известно – является одним из важнейших факторов развития гражданского общества [9]. Но, даже без контрольной функции они способны иметь существенное влияние на законотворческий процесс в регионах. Что, в принципе, возможно только в случае искоренения возможности конфликтов интересов и аффилированности общественных советов и законодательных органов власти. В данном случае необходимо рассмотреть порядки формирования общественных советов.

В Еврейской автономной области существует довольно закрытый порядок формирования общественных советов при законодательном органе. Положение устанавливает лишь то, что состав Совета утверждается постановлением Законодательного Собрания. А его председателем является председатель Законодательного Собрания. Подобное положение обеспечивает множество возможностей для противоречивой, номинальной и закрытой деятельности.

В Иркутской области, напротив, действует довольно продуманная система конкурсного отбора, которая ограничивает возможности для злонамеренных манипуляций. Персональный состав Общественного совета формируется на конкурсной основе из числа граждан РФ, выдвинутых общественными объединениями (за исключением политических партий), иными некоммерческими организациями и органами общественной самодеятельности. Круг участников отбора ограничивается теми же требованиями, что установлены к кандидатам в члены Общественной палаты (в Федеральном законе от 4 апреля 2005 года N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации").

К участию не допускаются лица, которые являются представителями органов государственной или муниципальной власти. Официально назначается Конкурсная комиссия, в состав которой входит по одному члену из каждой парламентской фракции, председателем комиссии назначается председатель Законодательного Собрания Иркутской области. Новоназначенные члены Совета сами выбирают из своего числа председателя и секретаря. В НПА прописаны все шаги конкурсных процедур, существует норма, обязывающая публиковать в сети Интернет решения конкурсной комиссии. Единственным моментом, на который мы можем обострить своё внимание – это состав конкурсной комиссии, а вернее, наличие в ней видных представителей депутатского корпуса, которые могут действовать в своих интересах.

В Кемеровской области действует интересная практика формирования Общественного совета. Совет народных депутатов передаёт право конкурсного отбора Общественной палате Кемеровской области. Что в свою очередь на порядок уменьшает возможности для конфликта интересов. Кроме того, отсутствует необходимость аффилированности кандидата с тем или иным общественным объединением для выдвижения. Круг участников отбора ограничивается теми же требованиями, что установлены к кандидатам в члены Общественной палаты (в Федеральном законе от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации"). К участию не допускаются лица, которые являются представителями органов государственной или муниципальной власти. Примечательна формулировка следующего требования к кандидату: отсутствие конфликта интересов, связанного с осуществлением деятельности члена общественного совета. Председатель Общественного совета и его заместитель избираются на первом заседании, членами Совета. Ответственный секретарь назначается председателем законодательного органа власти и не входит в состав Общественного совета. Анализируя практику Кемеровской области, складывается картина, где законодательный орган власти полностью пытается пресечь возможности для вероятного конфликта интересов.

Закрытая процедура формирования Совета реализуется в Красноярском крае. Состав Совета формируется по предложениям председателей комитетов Законодательного Собрания и утверждается распоряжением председателя. Председатель законодательного органа назначает председателя, заместителя и президиум Совета. Отсутствуют требования и ограничения к членам Совета. Подобное Положение обеспечивает множество возможностей для: конфликтов интересов, давления на деятельность и аффилированность членов Совета.

В Магаданской области Общественный совет формируется из членов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, выдвинутых решением соответствующих коллегиальных органов, либо правомочных глав организаций. Круг участников отбора ограничивается теми же требованиями, что установлены к кандидатам в члены Общественной палаты (в Федеральном законе от 4 апреля 2005 года N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации"). К участию не допускаются лица, которые являются представителями органов государственной или муниципальной власти. Конкурсным отбором занимается профильный комитет областной Думы, специальная конкурсная комиссия не назначается. Председатель, его заместитель и секретарь Общественного совета избираются из числа членов Общественного совета открытым голосованием. В Магаданской области также существует проблема возможной аффилированности членов Общественного совета с представителями депутатского корпуса. Члены контролирующего органа назначаются членами контролируемого.

В Новосибирской области объективность практики формирования общественного совета может ставиться под сомнение. Процедура закрыта и создаёт почву для дальнейшего конфликта интересов. Правом выдвижения кандидатов в состав Общественного совета обладают председатель Законодательного Собрания и депутатские фракции. Председатель имеет право выдвижения одной кандидатуры, а депутатские фракции двух. Круг участников отбора ограничивается требованиями, установленными к кандидатам в члены Общественной палаты (в Федеральном законе от 4 апреля 2005 года N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации"). К участию не допускаются лица, которые являются представителями органов государственной или муниципальной власти. Конкурсным отбором занимается специальная конкурсная комиссия, НПА не указывают на то, кто может входить в её состав и на каких условиях. Члены Общественного совета сами избирают председателя и секретаря. Из процедуры формирования Совета становится ясно, что существует возможность аффилированности его членов с представителями депутатских объединений. Выдвижением и назначением членов органа общественного контроля занимаются представители контролируемого органа, данный факт может таить в себе множество проблем, рисков и чрезмерной лояльности.

В Омской области также довольна закрытая и конфликтоопасная процедура формирования Общественного совета. В НПА указывается лишь то, что Общественный совет формируется Советом Законодательного Собрания. По данному вопросу принимается распоряжение Председателя Законодательного Собрания Омской области. Председатель и секретарь Общественного совета избираются из числа его членов. НПА не раскрывают подробностей конкурса, не устанавливают ограничений

для кандидатов, не обозначают субъектов выдвижения. Объективность данной практики может ставиться под сомнение. Закрытая процедура назначения членов контролирующего органа представителями контролируемого также таит множество рисков.

Процедура формирования Общественного совета в Республике Алтай сконцентрирована в руках председателя Государственного Собрания. Он занимается формированием Общественного совета (хотя и с учётом предложений общественных объединений), его руководством в роли председателя и даже определяет периодичность заседаний. НПА не устанавливают ограничений к членам Совета, не дают конкретики в вопросах выдвижения и не раскрывают подробностей конкурса. Определяется, что существует должность заместителя председателя Общественного совета, но НПА не раскрывают процедуру, неизвестно, граждан на неё назначают парламентарии или избирают члены Общественного совета. В данном случае мы можем видеть полнейшую зависимость Общественного совета от председателя Парламента и закрытость его формирования и деятельности, что таит в себе очень большое количество возможных рисков, конфликтов интересов и возможностей для аффилированности к парламентариям.

Описываемая выше ситуация полной зависимости от главы законодательного органа субъекта РФ идентична для Республики Якутия. Состав Общественного совета утверждается председателем Государственного Собрания, он же является председателем Общественного совета. НПА не устанавливают ограничений к членам Совета, не дают конкретики в вопросах выдвижения и не раскрывают подробностей конкурса. НПА устанавливают, что существует должность ответственного секретаря Общественного совета, но другая конкретика отсутствует (неизвестен характер утверждения на должность: назначаемая или избираемая). Устанавливается, что Председатель вправе реорганизовать или ликвидировать Общественный совет по своему усмотрению. Как и выше, можно говорить о полнейшей аффилированности, большом количестве рисков и возможных конфликтов интересов.

Полностью противоположная ситуация в Сахалинской области. Состав Совета формируется на основании предложений общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, зарегистрированных на территории Сахалинской области. Выдвижение происходит по принципу «одна организация – один кандидат». К главным ограничениям для кандидатов относятся обязательное наличие высшего образования и отсутствие ограничений, установленных частью 4 статьи 13 Федерального закона "Об основах общественного контроля в Российской Федерации". Сахалинская областная Дума проводит довольно прогрессивную практику конкурсного отбора. Конкурсный отбор двухуровневый. После сбора всех заявок происходит проверка достоверности и правильности составления документов с рассмотрением на заседании постоянного комитета Сахалинской областной Думы по государственному строительству, регламенту и местному самоуправлению. Допущенные заявки выносятся на рассмотрение Сахалинской областной Думы, где депутаты голосуют отдельно по каждой заявке. Кандидат считается избранным, если за него проголосует большинство от числа депутатов областной Думы.

В случае, если депутатами избрано в Общественный совет больше лиц, чем допущено по Положению, то назначаются те граждане, которые набрали наибольшее количество голосов. В случае равного распределения голосов депутатов за того или иного кандидата устраивается процедура перевыборов, назначается лицо получившее большинство голосов. Председателя и заместителя председателя Общественного совета избирают из числа его членов. Существует оговорка, что кандидатов на данные должности может рекомендовать председатель Областной Думы, но данная норма носит рекомендательный характер. Рассмотрев опыт Сахалинской области можно говорить о высоком уровне организации отбора членов Общественного совета. Несмотря на то, что конкурсные процедуры проводит Областная Дума, она организует процедуру многоуровневого отбора и открытого голосования по каждой кандидатуре членами всего депутатского корпуса, что в разы снижает возможности злоупотреблений и конфликтов интересов.

Сложная многоуровневая процедура конкурсного отбора проводится в Томской области. Кандидатуры в состав Общественного совета выдвигаются Общественной палатой, депутатскими фракциями и депутатами, не входящими в состав той или иной фракции. Основными ограничениями для участия в конкурсном отборе можно выделить обязательное наличие высшего образования и отсутствие препятствующих членству в составе Общественного совета обстоятельств, установленных частью 4 статьи 13 Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Предварительное рассмотрение предложений по кандидатурам в состав Общественного совета осуществляется комитетом Законодательной Думы по законодательству, государственному устройству и безопасности. Комитет проверяет кандидатуры на соответствие формальным требованиям и достоверности представленной информации. По итогам конкурсного отбора Комитет может: Рекомендовать кандидата в состав Общественного совета; Сообщить о соответствии кандидата формальным требованиям и возможности его дальнейшего участия в конкурсе; Направить

заявку кандидата на рассмотрение в профильный комитет Думы в соответствии со сферой деятельности кандидата; Снять с рассмотрения кандидатуру, не соответствующую формальным требованиям. Профильные комитеты также проводят отбор кандидатов, они могут приглашать на свои заседания кандидатов и субъектов их выдвижения.

По итогам проведенных процедур они также составляют рекомендации и направляют их в Совет Законодательной Думы. Из числа рекомендованных комитетами кандидатур Совет Думы по итогам их рассмотрения отбирает необходимое для формирования состава Общественного совета количество кандидатов и принимает решение о включении их в проект постановления об утверждении состава Общественного совета и его резерва. В дальнейшем, кандидаты назначаются в состав Общественного совета только в случае, если проект постановления Думы об утверждении состава Общественного совета и резерва кандидатов в состав Общественного совета принимается большинством голосов от числа избранных парламентариев. Председатель Общественного совета избирается из состава его членов на первом заседании. Практика Томской области также хорошо продумана и сводится к минимизации возможных злоупотреблений и конфликтов. Единственным отрицательным моментом, на который можно обострить своё внимание является возможность выдвижения кандидатов в состав Общественного совета только парламентариями и Общественной палатой.

Данный факт может полностью перечеркнуть все достоинства сложной конкурсной системы, так как, априори будут выдвигаться кандидаты, аффилированные с парламентариями. Политическая сила, имеющая большинство голосов в Законодательной Думе, сможет назначить в состав Общественного совета лояльных граждан, причём, это будет законно и в рамках, действующих НПА. Следует отметить, что ситуация усугубляется отсутствием нормирования количества выдвигаемых кандидатов от одного субъекта выдвижения.

Сложная конкурсная система практикуется также в Хабаровском крае. Правом выдвижения кандидатур в состав общественного совета обладают общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, осуществляющие свою деятельность в пределах территории края, краевые отделения общероссийских общественных объединений, председатель Думы, постоянные комитеты Думы и различные депутатские объединения. Ограничения к кандидатам определены частью 4 статьи 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Предварительное рассмотрение предложений и конкурсный отбор проводит постоянный комитет Законодательной Думы по вопросам государственного устройства и местного самоуправления. По итогам рассмотрения кандидатур составляется проект постановления с содержанием предварительного списка лиц, назначаемых в состав Общественного совета. Проект постановления утверждается большинством депутатов, присутствующих на заседании Законодательной Думы. Председатель и секретарь Совета избираются из его состава на первом заседании. В данном случае отрицательные моменты также тесно связаны с большим влиянием парламентариев на конкурсный процесс и их участием в выдвижении и формировании Общественного совета.

Рассмотрев практики формирования общественных советов при законодательных органах власти субъектов РФ можно говорить о существовании глубокой проблемы непрозрачности и закрытости данных практик. Существует множество преград к формированию независимого общественного органа и это несмотря на то, что обществу необходима тотальная демократизация системы политического управления [10]. Необходимо отметить проблему сильного влияния глав законодательных органов на Общественные советы, что говорит о существовании кризиса персонализации власти и формировании предпосылок для антидемократических манёвров [11].

Существующие практики полны возможностей для назначения в составы общественных советов аффилированных и лояльных лиц. И всё это несмотря на наличие довольно сложных и многоуровневых конкурсных процедур в некоторых регионах (существуют нормативные оговорки и «лазейки», которые буквально перечёркивают положительные характеристики передовых практик). Важное значение для поддержания высокого уровня доверия акторов к государству имеют институты общественного контроля [12]. Сложившаяся ситуация, когда большинство органов общественного контроля формируются и назначаются органами власти, которых они должны контролировать, в корне неверна и нелогична. Действие подобных систем способно вызывать общественное недовольство, укоренять недоверие к органам власти и тормозить развитие «здорового», «реального» и «эффективного» гражданского общества.

Литература

1. *Offe C.* Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. №3. P. 14 – 27.
2. *Mingo I., Faggiano M.P.* Trust in Institutions Between Objective and Subjective Determinants: A Multilevel Analysis in European Countries // *Social Indicators Research*. 2020. №3. P. 815 – 839.

3. Бронников И.А. Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. №1. С. 64 – 78.
4. Туманян Г.В. О взаимосвязи протестного движения и использования технологий соуправления в законодательных (представительных) органах власти городов федерального значения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 285 – 290.
5. Заикин А.А. Представительная демократия как пространство политической борьбы. Управленческое консультирование. 2016. № 3. С. 8 – 13.
6. Денисов Ю.В. Реализация непосредственной демократии в России // Вестник ЗабГУ. 2018. № 3. С. 50 – 62.
7. Олейник И.И. Парламентаризм в системе народного представительства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 11 – 22.
8. Коновалова Л.Ю. Соотношение парламентаризма с принципом демократической государственности: вопросы конституционно-правовой теории // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №5. С. 7 – 23.
9. Огнева Е.А. Общественный контроль как фактор развития гражданского общества // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. №2. С. 51 – 62.
10. Криворотова Г.А. Кризис представительной демократии в системе политического управления в современном обществе: теоретические проблемы исследования // Социум и власть. 2011. № 2. С. 33 – 36.
11. Ferrajoli L. The crisis of democracy in the era of globalization // Law and justice in a global society. 2005. №5. P. 53 – 59.
12. Агibalов Ю.В. Общественный контроль: практика, проблемы, направления совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 2. С. 57 – 73.

Tumanyan Garnik Vaginakovich, Master student, National Research Tomsk State University (59, St. Sovetskaya, Tomsk, 634029, Russian Federation). E-mail: tumangar@mail.ru

ON THE PROCEDURES FOR THE FORMATION OF ADVISORY BODIES UNDER THE LEGISLATIVE AUTHORITIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION. IS IT POSSIBLE CONFLICT OF INTEREST?

Abstract

The article presents the results of a study of the procedures for the formation of public councils under the legislative authorities of the constituent entities of the Russian Federation. The existing practices in all subjects of the Siberian and Far Eastern federal districts are described in detail. We come to the conclusion that there are serious problems in the implementation of the procedures described above. Existing practices are full of opportunities to appoint affiliates and loyalists to public councils. And all this despite the presence of rather complex and multilevel competitive procedures in some regions. The current situation, when the majority of public control bodies are formed and appointed by the authorities, which they must control, is fundamentally wrong and illogical.

Keywords: public council, public control, constituent entity of the Russian Federation, citizens, public administration, management, regional practices, legislative authorities, federal district.

References

1. Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // Daedalus. 2017. №3. P. 14 – 27.
2. Mingo I, Faggiano M.P. Trust in Institutions Between Objective and Subjective Determinants: A Multi-level Analysis in European Countries // Social Indicators Research. 2020. №3. P. 815 – 839.
3. Bronnikov I.A. Krizis predstavitel'noy demokratii i novye praktiki grazhdanskogo aktivizma // PolitBook. 2018. №1. P. 64 – 78.
4. Tumanyan G.V. O vzaimosvyazi protestnogo dvizheniya i ispol'zovaniya tekhnologiy soupravleniya v zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organakh vlasti gorodov federal'nogo znacheniya // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2020. № 3. P. 285 – 290.
5. Zaikin A.A. Predstavitel'naya demokratiya kak prostranstvo politicheskoy bor'by. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2016. № 3. P. 8 – 13.
6. Denisov Yu.V. Realizatsiya neposredstvennoy demokratii v Rossii // Vestnik ZabGU. 2018. № 3. P. 50 – 62.
7. Oleynik I.I. Parlamentarizm v sisteme narodnogo predstavitel'stva // Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2019. № 1. P. 11 – 22.
8. Kononova L.Yu. Sootnoshenie parlamentarizma s printsipom demokraticheskoy gosudarstvennosti: voprosy konstitutsionno-pravovoy teorii // Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2017. № 5. P. 7 – 23.
9. Ogneva E.A. Obshchestvennyy kontrol' kak faktor razvitiya grazhdanskogo obshchestva // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2019. №2. P. 51 – 62.
10. Krivorotova G.A. Krizis predstavitel'noy demokratii v sisteme politicheskogo upravleniya v sovremennom obshchestve: teoreticheskie problemy issledovaniya // Sotsium i vlast'. 2011. № 2. P. 33 – 36.
11. Ferrajoli L. The crisis of democracy in the era of globalization // Law and justice in a global society. 2005. №5. P. 53 – 59.
12. Agibalov Yu.V. Obshchestvennyy kontrol': praktika, problemy, napravleniya sovershenstvovaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 2. P. 57 – 73.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФИИ Т. ГОББСА

Цанав аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Бачуки (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9).
Зурабиевич E-mail: tsanava.bach@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к интерпретации философских текстов и особенно к интерпретации политической философии Т. Гоббса. Автор выделяет два ключевых подхода к интерпретациям текстов: логико-философский и историко-лингвистический. Под первым понимаются методологии, в рамках которых предпринимается логическая реконструкция учения либо путем изучения идей - единиц методологией истории идей А. Лавджоя или прочтение классических текстов в особой манере Л. Штрауса в поисках скрытой доктрины. Историко-лингвистический подход объединяет методологии, возникшие в политической науке в период «лингвистического поворота»: в рамках этих подходов предполагается реконструкция либо контекста появления учения, либо реконструкция смыслов понятий, используемых учением. Философия Гоббса была объектом изучения для представителей как первого, так и второго подхода. Автор приходит к выводу, что современная интерпретация текстов Гоббса должна быть основана на интегральной методологии, объединяющие элементы обоих подходов.

Ключевые слова: *Томас Гоббс, учение о Левиафане, история идей, интеллектуальная история, концептуальная история, политическая философия, интерпретация текстов, политическое учение, политическая наука.*

В современной политической философии можно выделить историко-лингвистический и логико-философский подходы к интерпретации философских текстов. Первый подход основан на том, что исследователь рассматривает политическое учение как текст, созданный передавать и аргументировать определенные идеи в семантическом контексте, в то время как исследователи второго мыслят учение как совокупность идей и истин. Сторонники историко-лингвистического подхода, являясь достойными наследниками лингвистического поворота, смотрят на политическое учение через определенную языковую парадигму, понимание которой зависит от методологических установок различных исследовательских школ.

Стоит отметить, что также существуют иные подходы к интерпретации текстов разработанные в рамках герменевтики, постструктурализма и постмодернизма, тем не менее они в данной статье не рассмотрены в силу их научной неоднозначности, а в случае последних двух из-за их глубокого скептицизма по отношению к проекту традиционной интерпретации текстов исследователями в области гуманитарных наук [7, p. 90].

В рамках историко-лингвистической парадигмы большую исследовательскую ценность, представляют различные «национальные» варианты исторической семантики, в особенности Кембриджская школа интеллектуальной истории во всем ее многообразии подходов. Сторонники логико-философского подхода, в первую очередь, стремятся к пониманию внутреннего логического смысла, который заключен в тексте или в текстах. Такой подход совмещает как монографическое изучение идей одного автора, так и диахронный анализ сходных идей целой группы авторов, имплицитно или эксплицитно относя их к одной идейной традиции или порождая определенный «изм». Более того, такой подход позволяет некоторым авторам утверждать спорный тезис о наличии скрытой доктрины в трудах философов или философа. В рамках этого подхода мы проанализируем подходы Л. Штрауса и А. Лавджоя.

Программа исследования истории идей А. Лавджоя заключается в ином взгляде на классическую историю философии. «Обращаясь к истории философских доктрин, она проникает в застывшие и незыблемые системы и, в своих собственных целях, делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas)» [4, с. 9]. Лавджой акцентирует внимание на конфигурацию этих идей в разных учениях, рассматривая их как цельные диахронные элементы философских доктрин, в которых за текстовым фасадом скрываются логические или псевдо логические и аффективные привычки. Историк идей, по Лавджою, должен обращать внимание на идеи, которые принимаются за само собой разумеющиеся, на доминирующие диалектические мотивы, от которых зависят метафизические предпосылки мышления,

различные виды метафизического пафоса и философская семантика неоднозначности наиболее важных понятий учения или периода времени.

Самым важным в этой методологии с точки зрения нашего исследования является то, что благодаря ей открывается возможность посмотреть на доктрины отдельно взятых мыслителей, в учениях которых встречаются сходные идеи-единицы, как на темпорально разделенные идейные конструкции, имеющие совокупность общих понятийных элементов, но отражающих иные интеллектуальные и социально-политические контексты. Это позволит реконструировать конфигурацию идей-единиц на широких исторических пластах, и разрешит говорить об определенной традиции мысли и ее имманентной эволюции.

По замечанию Лавджоя, «обращаясь к целой серии вероучений и течений, объединяемых одним именем, как и в каждом из них по отдельности, необходимо проникнуть по ту сторону видимой цельности и тождественности, дабы за скорлупой удерживающей ее как целое, увидеть подлинное единство, рассмотреть представления в каждом конкретном случае действительно движущие идеи» [4, с. 12]. Однако этот подход исследует лишь динамику и изменение идей-единиц, принимая само собой разумеющимся статичность языковых понятий.

Манера интерпретации текстов Л. Штрауса лишь до известной степени может быть названа программой исследования или методологией. Это связано с развиваемым им учением об эзотерической манере письма и прочтения философских текстов. Он начинает развивать свою мысль, с тезиса, что свобода публичных дискуссий подавлена и заменена принуждением, настраивающим весь публичный дискурс на взгляды, которые правительство одобряет [10, р. 22]. В свою очередь, возникает проблема с той группой людей, которые могут мыслить независимо и свободно, несмотря на подавление. Более того, Штраус полагает, что свободномыслящий человек, «действуя с осмотрительностью, может публично высказывать свои взгляды и оставаться невредимым. Он может даже выразить их письменно, не подвергаясь опасности, если он умеет писать между строк» [10, р. 24]. Таким образом, страх перед преследованием со стороны государственной и общественной ортодоксии порождает особую манеру письма и литературы.

Штраус принимает за аксиому о возможности подобной коммуникации между свободно-мыслящими людьми следующее утверждение: «не думающие люди – невнимательные читатели, а думающие люди – внимательные читатели», и заключает: «автор, который хочет обратиться только к мыслящим людям, должен писать таким образом, что смысл его книги мог бы быть понят только очень внимательным читателем» [10, р. 25]. Эти предположение, по мнению Штрауса, базируется на «связи между поиском истины (философия или наука) и обществом; Философия или наука – наивысшие занятия человека – являются попыткой заменить убеждение о «всех вещах» знанием «всех вещей»; однако убеждения – это элемент общества; поэтому философия или наука это попытка разложить элемент, которым общество дышит, и поэтому эта попытка подвергает общество опасности. Поэтому философия или наука должны оставаться у меньшинства, а философы и ученые должны уважать убеждения, на которых опирается общество» [9, р. 64].

Таким образом, правильное понимание значения текстов доступно лишь немногим, тем, кто может сквозь написанные слова увидеть истину. А сама истина является единственной, и ее публично не высказывает ни один достойный человек потому, что она может задеть большинство, а задетые естественно склонны задевать тех, кто высказывал неприятные истины [10, р. 36].

В этой связи, особый интерес для интерпретации Гоббса представляет оговорка Штрауса, что существует историческая корреляция между преследованием и письмом: во-первых, обсуждаемая книга должна быть написана в эпоху преследования, и, во-вторых, если автор, обладающий здравым рассудком и превосходным знанием ортодоксии, как бы мимоходом противоречит их предпосылкам или следствиям, которые он до этого эксплицитно признал, то можно признать отвержение им ортодоксальной системы в целом [10, р. 32].

В случае Гоббса, творчество которого как раз приходится на период гражданских потрясений и преследований, а также учитывая уникальность его мышления по сравнению с современниками, этот посыл представляется довольно интересным, учитывая то, что Штраус, оговорив, что для такой интерпретации пригодны скорее классические тексты, специально акцентирует внимание на Гоббсе, касаясь философов середины XVII в., которые стремились положить конец идейным преследованиям [10, р. 33].

Тем не менее, в позиции Штрауса существуют значительные изъяны. Во-первых, его учение об эзотерическом письме и манере читать находится в остром противоречии с любой попыткой интерпретации с опорой на исторический контекст – при таком понимании история не только не даст правильного понимания текста, но и может быть источником неправильных прочтений.

Во-вторых, замыкая интерпретацию на самом себе, ученый не в силах удержаться от соблазна привнести в текст предрассудки и логические привычки своего времени, а также последующие идеологические aberrации, что не повысит качество объективности исследования.

В-третьих, оговорка о существовании некой тайной доктрины не дает никаких точных методологических указаний, что признает и сам Штраус, отвечая на похожий упрек следующими словами: «это сомнение вполне оправдано, прежде всего, для любого исследования: не существует метода, который мог бы быть неправильно понят или использован» [9, р. 66]. Как следствие, такой подход оставляет интерпретатору больше надежду на то, что он один из «избранных», кто может распознать истинный смысл между строк, чем пригодную программу для исследования. И действительно, в этом смысле само приобщение к группе «свободномыслящих» выглядит как акт принятия парадигмы «друг-враг». Соответственно «врагом» является тот, кто рассматривает политику и тексты прошлого не аутентично, но с некими историцистскими намерениями [3, с. 337].

Подводя итог, стоит сказать, что, судя по всему, перед Штраусом не стояла задача осуществление более точной интерпретации. Скорее его манера интерпретации была выдумана, чтобы возбудить интерес к политической философии, учитывая, открытую неприязнь Штрауса к истории и политической науке. Например, он пишет: «историки рано или поздно будут вынуждены оставить самодовольство, с которым они заявляют о знании того, что именно думали многие мыслители, чтобы признать, что мысль прошлого гораздо более загадочна, чем сейчас считают, и начать задаваться вопросом: действительно ли доступ к исторической истине не такой сложный как к философской» [9, р. 75]. Однако нельзя не признать противоречивость и неоднозначность его идеи, не говоря уже о том, что в силу развиваемой им доктрины об эзотерическом письме и тайной учении само наследие Штрауса подозревается в возможном эзотерическом толковании.

Одним из ключевых направлений в рамках историко-лингвистического подхода является Кембриджская школа. В первую очередь, стоит отметить ее отличие от немецкого варианта понятийной семантики. По замечанию М. Рихтера различие между английским и немецким подходами к исторической семантике основано на том факте, что они уходят корнями в разные совокупности национального политического опыта и практик, также как и их разные традиции написания истории, философии, истории философии и философии истории [6, р. 125]. Тем не менее, они разделяют общее стремление к исторической точности интерпретаций; более объективному пониманию взаимосвязей между текстом и историческим контекстом.

В рамках Кембриджской школы выделяют два основных направления, возглавляемые К. Скиннером и Дж. Пококом. Общей методологической посылкой для них несмотря на их разную интерпретацию лингвистического поворота, является понимание необходимости контекстуализации исследуемых текстов, поскольку тексты, программы, доказательства существуют и функционируют не сами по себе, а только в связи со смысловыми структурами [1, с. 13]. Нельзя понять текст, не изучив лингвистический контекст. Ориентация этих подходов на лингвистические уровни, анализ тезисов которых открывает их верифицируемость, позволяет им претендовать на звание логики научного открытия.

Внутри Кембриджской школы выделяют контекстуалистов и конвенционалистов: первые «вдохновленные Пококом и утверждающие, что смысл текста вытекает из парадигмы или языка, которому он принадлежит; и последние вдохновленные Скиннером, настаивающим на том, что для понимания текста мы должны поместить его в контекст современных ему условностей и споров» [2, с. 115]. При этом контекстуалисты настаивают на том, что для интерпретации неважна личность автора. «Покок позволяет авторам прокрадываться на историческую сцену, но лишь для того, чтобы затем свести их роль к роли рупора парадигм, задающих концептуальные рамки писания текстов» [2, с. 117].

Историк – согласно Пококу – «должен подходить к истории политической мысли общества, наблюдая, во-первых, за тем, какой существовал модус критики и защиты легитимности политического поведения, за символами или принципами, к которым они ссылались, и в каком языке и какими формами аргументов они стремились достичь своей цели» [5, р. 16]. Ключевым в данном подходе является то, что история политических идей, история политической мысли, взятую как активность, может быть очень удобно рассмотрена как история политического языка или языков [5, р. 26].

Таким образом, смыслы текстов, закладываемые их авторами, зависят от образов мышления, которые существовали в их обществах. И то, что они могут сказать зависит «от теоретических структур, к которым им предоставляют доступ их сообщества» [2, с. 116]. Эти структуры, которые обобщенно именуются дискурсом, и являются главным объектом анализа контекстуалистов. Подобная позиция рассмотрения политического текста как элемента нечто тотального и гораздо

более протяженного лингвистического пласта интеллектуальной истории будет крайне полезна для нашего исследования.

Конвенционалисты в свою очередь базируют свой подход на том, что исследование должно начинаться с «выяснения значения и, следовательно, тематики, высказываний, в которых мы заинтересованы, а затем обратиться к дискуссионному контексту их возникновения, чтобы определить, как именно они связываются или относятся к остальным высказываниям по этой же тематике. Если мы преуспеем в распознавании контекста с достаточной аккуратностью, то, в конце концов, сможем прочесть, что писатель или говорящий, в котором мы заинтересованы, делал, произнося это высказывание» [8, p. 116].

Истинный смысл текста, таким образом, может быть найден в анализе взаимодействия авторского текста и его идейного контекста. Иначе говоря, «мы должны ухватить и явный, и скрытый смысл; явный смысл вкладывается в него разумом и отношением автора, а скрытый смысл исходит от устоявшихся условностей, которые определяют то, как автор создавал текст» [2, с. 118].

Также важно иметь в виду мотивы и намерения автора: «чтобы узнать интенции необходимо знать такие факты как шутил ли автор, был ли серьезным или ироничным – в общем, какой речевой акт он осуществлял в том, что написал; чтобы узнать мотивы, необходимо знать, что побуждало эти отдельные речевые акты, отдельно от их характера и статуса правдивости как высказывания» [8, p. 96]. Объектом исследования, таким образом, является не столько авторский текст, сколько преобладающие конвенции, регулирующие обращение с вопросами и темами, с которыми текст обеспокоен [8, p. 101-102]. Скиннер обосновывает свой подход тем, что любой акт коммуникации всегда будет включать часть установленного положения по отношению к существующему разговору, и чтобы понять, что было сказано, мы должны установить, какое именно положение было включено [8, p. 86].

Подход Кембриджской школы особенно важен для настоящего исследования не только в силу неоспоримых достижений в области интеллектуальной истории Нового Времени и Ренессанса, но и как своего рода цензор по отношению к другим подходам. Так, Скиннер справедливо критикует методологию идей-единиц Лавджоя за потерю контакта идей с агентом, совершающим высказывание [8, p. 85], и в том числе Штрауса за необоснованный тезис о наличии у основных философов когерентной и герметично закрытой системы, которую эти философы не построили или даже не стремились ее построить [8, p. 68]. Применительно к Гоббсу это означает возможность исправить некоторые исторические неточности в изложении и понимании его учения. Однако наибольшую ценность у конвенционалистов для нас представляет анализ интеллектуального климата современников Гоббса, и их реакция на его труды.

В соответствии с описанными выше подходами, можно прийти к выводу, что их можно совместить, разграничив вопросы, на которые они должны отвечать. По сути, перед исследователем стоит два вопроса, первый носит исторический характер, а второй философский. Первый звучит так: как возможно наиболее точно проинтерпретировать текст по отношению к тому смыслу, который в него вкладывал автор и его современники? Второй вопрос заключается в том, какие идеи мы можем извлечь из текста и зачем? Применительно к философии Т. Гоббса, данная постановка вопроса означает необходимость изучения как исторического контекста появления учения о Левиафане, так и изучения внутренней логики философской системы мыслителя в особенности взаимоотношение политической философии и натурфилософии.

Литература

1. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии / История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5 – 21.
2. Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении / История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 155 с.
3. Гуторов В.А. Современный либерализм и политическая философия (дилеммы позиции Джона Ролза) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2012. Вып. 3. С. 47 – 57.
4. Лавджой А. Великая Цепь Бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 368 с.
5. Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays in theory on method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.
6. Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. - Oxford: Oxford University Press, 1995. 204 p.
7. Skinner Q. The foundations of modern political thought. Vol.1 The Renaissance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 306 p.

8. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 227 p.
9. Strauss L. On a forgotten kind of writing // Chicago Review, Vol. 8, No. 1 (Winter - Spring, 1954). P. 64 – 75.
10. Strauss L. Persecution and the art of writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 205 p.

Tsanava Bachuki Zurabievich, Postgraduate, Saint-Petersburg State University (7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation). E-mail: tsanova.bach@gmail.com

MODERN APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THOMAS HOBBS'S PHILOSOPHY

Abstract

The article examines the modern approaches of philosophical texts interpretation and especially interpretation of Thomas Hobbes's philosophy. The Author highlights two key approaches of philosophical texts interpretation: logic-philosophical and history-linguistic. The former encompasses the methodologies which undertake a logical reconstruction of doctrines through unit-idea methodology of A. Lovejoy or reading of classical texts in a way of L. Strauss suggests finding a hidden doctrine. History-linguistic approach encompasses methodologies which are emerged during «linguistic turn»: within these approaches were undertaken the reconstruction of meanings through the context or conceptual history. Hobbes's philosophy was the object of studies for many methodologies of these two approaches for former as well as for latest. Author concludes that contemporary interpretation of Hobbes's texts should be based in integral methodology which will unite the two approaches.

Keywords: Thomas Hobbes, doctrine of Leviathan, history of ideas, intellectual history, conceptual history, political philosophy, interpretation of texts, political doctrine, political science.

References

1. Bedeker Kh.E. Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kul'turologii / Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 5 – 21.
2. Bivir M. Rol' kontekstov v ponimanii i ob'yasnenii / Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 155 p.
3. Gutorov V.A. Sovremennyy liberalizm i politicheskaya filosofiya (dilemmy pozitsii Dzhona Rolza) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. 2012. Vyp. 3. P. 47 – 57.
4. Lavdzhoy A. Velikaya Tsep' Bytiya. M.: Dom intellektual'noy knigi, 2001. 368 p.
5. Pocock J.G.A. Political Thought and History. Essays in theory on method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 279 p.
6. Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. - Oxford: Oxford University Press, 1995. 204 p.
7. Skinner Q. The foundations of modern political thought. Vol.1 The Renaissance. - Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 306 p.
8. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 227 p.
9. Strauss L. On a forgotten kind of writing // Chicago Review, Vol. 8, No. 1 (Winter - Spring, 1954). P. 64 – 75.
10. Strauss L. Persecution and the art of writing. Chicago: The University of Chicago Press, 1988. 205 p.

ФОРСАЙТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Чебан магистрант, Национальный исследовательский Томский
Виктория государственный университет (634029, Россия, г. Томск,
Александровна ул. Ленина, 36). E-mail: viktoriya.alexandrovna@inbox.ru

Аннотация

В статье раскрывается роль форсайта (стратегического предвидения), как передовой технологии современного публичного управления. Современный мир динамичен и находится в процессе бесконечных изменений, которые так или иначе влияют на общественные отношения и деятельность государственного аппарата. Существующее на сегодняшний день государственное стратегическое предвидение развивалось от практики информирования стратегических советников по национальной безопасности до помощи государственным служащим в осмыслении важнейших вызовов будущего, характеризующихся неопределенностью и более длинными временными горизонтами. Малая распространённость предвидения как социальной технологии связана с тем, что политики и специалисты в области государственного управления не смогли эффективно и influentially использовать форсайт для перспективного выстраивания стратегий будущего.

Ключевые слова: форсайт, стратегическое планирование, управление, предвидение, гражданское участие, государство, правительство, аналитическая информация, стратегии будущего.

Общество динамично и находится в процессе постоянных трансформаций. И если одни изменения можно отследить на ранних стадиях и использовать аналитическую информацию для выстраивания эффективной публичной политики, то другие сложно предугадать и должным образом подготовиться к их последствиям. В данном контексте особую роль приобретает стратегическое предвидение государственным аппаратом будущих общественных изменений. Рассматривая практики современного публичного управления, мы можем обратиться к социальной технологии форсайт (стратегическое предвидение). Исследования будущего – это мультидисциплинарная область, которая объединяет дисциплинарную информацию посредством обсуждений и дискуссий [1].

Стратегическое предвидение имеет свои корни как довольно эзотерическая, но методичная практика, возглавляемая футуристами и планировщиками бизнес-сценариев. Форсайт разрабатывался долгие годы на основе практик консультирования правительства, политиков и корпоративного управления. За последние десятилетия он получил своё развитие благодаря прикладным исследованиям и появлению новых трансдисциплинарных методологий. В частности, государственное стратегическое предвидение развивалось от практики информирования стратегических советников по национальной безопасности до помощи государственным служащим в осмыслении важнейших вызовов будущего, характеризующихся неопределенностью и более длинными временными горизонтами. Малая распространённость предвидения, как социальной технологии, связана с тем, что политики и специалисты в области государственного управления не смогли эффективно и influentially использовать форсайт для перспективного выстраивания стратегий будущего [2].

Форсайт можно определить, как процесс творческой оценки, который применяет имеющиеся знания и прогнозный анализ к потенциальному будущему. Осуществление такого процесса может управляться и реализовываться внутри органа власти или внешней организации. Актуальность форсайт технологий возрастает с переходом современного общества в «эпоху неопределённости» [3], с активным и нестабильным протеканием множества изменений.

На сегодняшний день форсайт является наиболее эффективной технологией, которая способна обнаруживать возникающие тенденции на ранних стадиях и предвидеть возможные сценарии развития проблем в будущем. Данная технология даёт государству возможность «играть на опережение», тем самым действовать проактивно, а не устранять последствия очередных кризисов. Всякое эффективное планирование должно включать в себя сценарии стратегического предвидения с возможными вариантами развития событий [4]. Имея отработанные и действенные практики форсайта, мы имеем возможность построения более устойчивого будущего, подготовленного к различным кризисам и потрясениям.

Форсайт-сессии, как правило, имеют хорошую гибкость. Они могут быть организованы как для стратегического предвидения будущего целой страны или региона, так и для осуществления предвидения на уровне определенной отрасли, органа власти, либо отдельного его структурного подразделения. Чем шире область применения форсайт сессии, тем сложнее организация её проведения и ниже эффективность. Стратегическое предвидение на национальном и субнациональном

уровне довольно проблемно и требует больших усилий [5]. Порой, результаты форсайта могут быть непредсказуемыми, а малейшие социетальные трансформации могут изменить весь ход планирования. Именно поэтому необходимо организовывать процессы непрерывного проведения форсайт-сессий и мониторинга социетальных изменений. Хотя, стоит отметить, что новые или менее зрелые программы, как правило, ориентированы на результаты и не связаны с политическим циклом, тогда как, более зрелые программы менее эффективны, поскольку в их реализацию могут вмешиваться внешние силы, что связано с тем, что форсайт сессии могут совпадать с политическими циклами и становится стратегическими элементами в борьбе элит [6].

Развитие информационно-коммуникационных технологий, трансформация поведенческих моделей и моделей коммуникации, с их активным переходом в онлайн пространство, где широко используются социальные сети, и возрастает активность приложений-мессенджеров, задаёт новые порядки для современного публичного управления. Органы власти постепенно понимают необходимость следования тенденциям новой социальной коммуникации и наращивают своё присутствие в онлайн среде. И если отбрасывать такие факторы, как повышения уровня удовлетворенности граждан деятельностью власти и уменьшение трат на PR мероприятия, онлайн присутствие органов власти в первую очередь облегчает коммуникацию с гражданами, делает ее быстрее и дешевле. Кроме того, развитие блокчейн-технологий, их использование в ключевых информационных сферах и повышенный уровень безопасности данных, даёт новый толчок к сотрудничеству, как для граждан, так и для государства [7].

Решается одна из главнейших проблем стратегического предвидения на национальном и субнациональном уровнях, а именно – легче вовлечь акторов в форсайт сессии, которые проходят онлайн [8].

В случае, если форсайт-технология не трансформируется и не принимает очертания, соответствующие ожиданиям акторов, то она «увядает» и постепенно погибает [9]. Создаётся необходимость постоянного поддержания жизнеспособности технологии и её модификации в соответствии с ожиданиями граждан (участников сессий).

Во взаимозависимом и сложном мире редко какие сферы государственной политики могут ограничиваться планированием и мониторингом строго своей сферы деятельности. Анализ и планирование становятся междисциплинарными и разнонаправленными. Многие правительства осознали, что сосредоточение внимания на одной проблеме зачастую недостаточно при устранении возникающих угроз и возможностей. Поэтому они начали экспериментировать со стратегическим предвидением, которое сознательно выходит за традиционные границы областей политики и государственных ведомств. В авангарде форсайта на государственном уровне стояли такие страны, как: Великобритания, Сингапур и Нидерланды.

Анализ опыта ведущих стран, широко использующих в своей деятельности различные технологии современного публичного управления и руководствующихся новой позицией в обществе независимых акторов, показал, что форсайт становится неотъемлемым и эффективным механизмом государственной политики. Различают два основных направления влияния на публичную политику форсайт технологий [10]:

- Форсайт информирует государственный аппарат и политические круги, предоставляя более систематические знания о соответствующих тенденциях и событиях в активно трансформирующейся среде;
- Форсайт действует как движущая сила рефлексивных процессов взаимного социального обучения среди государственных служащих и политиков, которые стимулируют формирование общих видений публичной политики.

Форсайт-технологии способны влиять не только на политические круги, но и на общественность. В первую очередь, необходимо отметить тот факт, что они создают своеобразные общественные ценности. Граждане, уверенные в своей «нужности» и чувствующие сопричастность к тем или иным трансформациям, являются столпами гражданского общества. Не секрет, что в странах с развитыми партисипативными практиками хорошо развито волонёрское движение, больше гражданских активистов и равнодушных граждан [11]. Форсайт – это способ познания для граждан и потенциальное средство инклюзивного государственного управления в демократическом обществе [12].

Стратегическое предвидение развивает ряд компетенций, необходимых для: прогнозирования будущих стратегий, информирования об альтернативах планирования и стратегических вариантах развития событий, посредством применения экспертных, доказательных, творческих и диалоговых методов. Методы предвидения позволяют делать упреждающие рассуждения и формальные предположения о развитии или кризисах в будущем, они способны облегчить принятие текущих ситуационных решений.

Рассмотрим разнонаправленные политики использования Форсайт-технологий в государственном планировании. Важно помнить, что акторы эффективно участвуют в партисипативных практиках только в случае, если государство серьёзно настроено в их реализации. Также, должна создаваться «культура участия», где граждане по собственной инициативе вовлекаются в деятельность различных партисипативных практик.

Существует тенденция снижения вертикальной зависимости партисипативных практик от органов власти, создаётся ситуация горизонтальной интеграции, сотрудничества актора и государства, где акторы становятся субъектами принятия решений. Но, в большинстве случаев технологии соучастия «спускаются сверху» компетентными органами. Некоторые правительства предпочитают неформальные практики, встроенные в культуру, в то время как другие предпочитают более научные методы и планирование многообразных сценариев.

К примеру, в Финляндии при государственной поддержке, у широкой общественности сформировалось «мышление предвидения» или «форсайт мышление». Организовываются много-раундовые дискуссии, которые собирают вместе на регулярной основе политиков, административных чиновников и экспертов с целью заглянуть в будущее на следующие 50 лет. Реализация данных дискуссионных раундов позволила правительству Финляндии проанализировать и принять стратегические решения в вопросе создания профессий будущего, состоялись эффективные эксперименты над политикой минимального дохода для граждан.

Основательно подошли к созданию культуры форсайт сессий в Сингапуре. Там была создана культура открытого стратегического предвидения. Государство систематически поощряет свободный и открытый обмен стратегическими знаниями и мнениями между общественностью и заинтересованными сторонами, а также профильными экспертами.

Проблема политического вмешательства в форсайт сессии была решена в Индии и Японии. Там были созданы компактные централизованные подразделения, занимающиеся организацией полного цикла реализации форсайт технологий. Таким образом, благодаря полной автономии подразделений, занимающихся форсайт сессиями, удалось избежать возможные конфликты интересов в дальнейшем.

В случае нехватки ресурсов для проведения форсайт сессий можно прибегнуть к примеру Бразилии, где их реализацией занимаются внешние исполнители.

Серьезные инициативы по форсайту всегда включают в себя процессы с использованием нескольких методов и обычно расширяют любое исследование на различные сценарии и пути их развития. Различают следующие группы прогнозов [13]:

- Социальные.
- Технологические.
- Экономические.
- Экологические.
- Политические.
- Ценностные.

Современные форсайт-исследования обычно разрабатывают перспективы (например, прогнозы на будущее), которые опираются на методы, выходящие за рамки типичных сценариев и анализов тенденций. Исследования стратегического предвидения обязательно основываются на нестандартных предложениях или спекулятивных прогнозах о возможном или предпочтительном будущем. Действительно, многие идеи стратегического предвидения возникают из воображения и рассуждений о возможном будущем с использованием и объединением различных форм аргументации и жизненного опыта.

Стратегическое предвидение основывается на интерпретирующих и абстрактных рассуждениях на основе неоднозначных и часто предварительных данных. Большая часть предвидения, включая анализ тенденций, не поддается экстраполяции из «веских доказательств», таких как количественные и качественные исследования, либо статистические данные [14]. Предположения о преемственности тенденций, которые мы можем наблюдать сегодня, проистекают из когнитивных предубеждений, но форсайт считает экстраполяцию крайне ошибочной.

Именно возможность рассматривать самые невероятные на первый взгляд варианты развития событий делает форсайт технологии особо актуальными и предположительно популярными в краткосрочной перспективе. Правительствам необходимо мыслить дальновидно, приобретать соответствующие компетенции и разрабатывать эффективные процессы прогнозирования для подготовки к непредвиденным изменениям в окружающей среде. Существует необходимость создания культуры стратегического предвидения, как в странах, описанных в данной статье.

Литература/References

1. *Komp-Leukkunen K.* What life-course research can contribute to futures studies // *Futures*. 2020. № 124. Abstract № 102651
2. *Roberge I., Dinning B.* Foresight: Constructing futures in public administration. // *Canadian Public Administration in the 21st Century*. 2013. Boca Raton, FL: CRC Press. P. 24.
3. *Ratcliffe J., Ratcliffe L.* Anticipatory leadership and strategic foresight: Five 'linked literacies' // *Journal of Futures Studies*. 2015. №1. P. 1–18.
4. *Burinskiene M., Rudzkiene V.* Future insights, scenarios and expert method application in sustainable territorial planning // *Technological and Economic Development of Economy*. 2009. №1. P. 10–25.
5. *Vargas-Lama F., Osorio-Vera F.* The Territorial Foresight for the construction of shared visions and mechanisms to minimize social conflicts: The case of Latin America // *Futures*. 2020. №123. Abstract № 102625.
6. *Janzwood S., Piereder J.* "Mainstreaming" foresight program development in the public sector // *Foresight*. 2019. №5. P. 605–624.
7. *Schulz K.A., Gstrein, O.J., Zwitter A.J.* Exploring the governance and implementation of sustainable development initiatives through blockchain technology // *Futures*. 2020. №122. Abstract № 102611.
8. *Reez N.* Foresight-based leadership // *Decision-making in a growing AI environment*. 2021. № 1. P. 323–341.
9. *Inayatullah S.* Foresight in challenging environments // *Journal of Futures Studies*. 2018. №4. P. 15–24.
10. *Habegger B.* Strategic foresight in public policy: Reviewing the experiences of the UK, Singapore, and the Netherlands // *Futures*. 2010. №1. P. 49–58.
11. *Vella A., Nicole C.* Creating Public Value Through Collaborative Governance—Case Study: The Strategic Development of the Bays Precinct, Sydney Transformation Plan // *World Sustainability Series*. 2018. № 1. P. 305–325.
12. *Bryson J.M., Crosby B.C., Bryson J.K.* Understanding strategic planning and the formulation and implementation of strategic plans as a way of knowing: The contributions of actor-network theory // *International Public Management Journal*. 2009. №2. P. 172–207.
13. *Durst C., Durst M., Kolonko T., Neef A., Greif F.* A holistic approach to strategic foresight: A foresight support system for the German Federal Armed Forces // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. №97. P. 91–104.
14. *Miller R.* Futures literacy: A hybrid strategic scenario method // *Futures*. 2007. №4. P. 341–362.

Cheban Victoria Alexandrovna, Master Student, National Research Tomsk State University (36, St. Lenin, Tomsk, 634029, Russian Federation). E-mail: viktoriya.alexandrovna@inbox.ru

FORESIGHT AS A TECHNOLOGY OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract

The article reveals the role of foresight (strategic foresight) as an advanced technology of modern public administration. The modern world is dynamic and is in the process of endless changes that in one way or another affect social relations and the activities of the state apparatus. Today's state strategic foresight has evolved from the practice of informing strategic national security advisers to helping civil servants to comprehend the most important future challenges, characterized by uncertainty and longer time horizons. The low prevalence of foresight as a social technology is due to the fact that politicians and specialists in the field of public administration were unable to effectively and effectively use foresight for the prospective building of strategies for the future.

Keywords: *foresight, strategic planning, management, civic participation, state, government, analytical information, future strategies.*

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

**доктор юридических наук, профессор
ВОРОНЦОВ Сергей Алексеевич
(1.11.1948 – 13.03.2021)**

13 марта после тяжелой болезни скончался профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС **Сергей Алексеевич ВОРОНЦОВ**.

Сергей Алексеевич родился в донской столице 1 ноября 1948 г. После окончания средней школы № 22 поступил в Ростовский государственный университет путей сообщения, закончив его по специальности «Электромеханик». С 1973 по 1974 год служил в Советской Армии. После окончания службы обучался на Высших курсах КГБ при СМ СССР (г. Минск). Окончил их в 1977 году по специальности «Оперативный работник».

С 1977 года по 2009 год служил в органах КГБ-ФСБ России, прошел путь от оперуполномоченного, до заместителя начальника Управления ФСБ по Ростовской области, от лейтенанта до полковника, имел государственные и высшие ведомственные награды, ветеран боевых действий, почетный сотрудник контрразведки России. Параллельно со службой занимался научной деятельностью. Был избран депутатом Ростовской-на-Дону городской Думы третьего созыва.

Кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Опубликовал более 150 научных работ по проблемам борьбы с экстремизмом, терроризмом, коррупцией, организованной преступностью, а также по проблемам эволюции и политологии.

В 2019 году в структуре Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва) был создан научно-учебный центр противодействия коррупции. По приглашению ректора Академии Владимира Мау Сергей Алексеевич возглавил подразделение и организовал масштабную системную работу по развитию научной и образовательной деятельности РАНХиГС, совершенствованию методологической работы, направленной на унификацию образовательного процесса по образовательным программам дополнительного профессионального образования.

Профессор Воронцов был востребованным экспертом, харизматичным оратором и пользовался большой популярностью у студентов и слушателей.

Коллектив Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС выражает искренние соболезнования родным и близким Сергея Алексеевича.

**Дирекция ЮРИУ РАНХиГС
Редколлегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»**

доктор экономических наук, профессор

МИНАЕВА Елена Вячеславовна

(28.12.1967 – 16.02.2021)

Елена Вячеславовна МИНАЕВА известна коллективу ученых РАНХиГС как член редколлегии журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки». Она являлась автором учебных пособий с грифом Минобразования, монографий, более 50 статей в ведущих рецензируемых журналах, принимала участие в работе диссертационного совета РАНХиГС по экономическим наукам в Южно-Российском институте управления как официальный оппонент и научный руководитель соискателей. Ее творческая, принципиальная позиция была особенно ценна для нас как позиция яркого представителя московской школы производственного менеджмента, теории агроэкономики, экономики предприятий пищевой промышленности.

Елена Вячеславовна прошла трудовой путь в научно-педагогической сфере от аспиранта до доктора экономических наук, профессора. Она дала дорогу в науку и управленческую профессию многим молодым людям. После защиты в 2002 г. докторской диссертации на тему: «Организационно-экономические проблемы развития хлебопродуктового комплекса России: теория и практика» по специальности 08.00.05 (экономические науки) продолжила работу в Московском государственном университете технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), где возглавляла кафедру «Экономика и управление народным хозяйством». С 2018 года работала профессором кафедры экономики Российского государственного университета правосудия.

Мы всегда будем помнить Елену Вячеславовну как обаятельную и красивую женщину, доброго и душевного человека, опытного и открытого педагога, пользовавшегося любовью и уважением коллег и студентов. Ее отличали объективность и доброжелательность, высокая трудоспособность и глубокий профессионализм.

Редакционная коллегия выражает искренние соболезнования родителям, супругу, дочери, всем родным и близким Елены Вячеславовны.

***Редколлегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»***

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

доктор исторических наук, профессор
СЕРГЕЕВ Владимир Никитович
(23.04.1942 – 4.03.2021)

Коллектив ЮРИУ РАНХиГС понес тяжелую утрату – скончался наш уважаемый коллега, известный ученый-историк **Владимир Никитович СЕРГЕЕВ**. После окончания Ростовского государственного университета он посвятил свою профессиональную деятельность высшей школе, преподаванию и научным исследованиям истории государственного управления на Юге России: в 1989 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Крах мелкобуржуазной демократии на Дону, Кубани и Тереке (1917 – 1920 гг.)». Является автором более 50 статей в ведущих рецензируемых журналах, свыше 10 учебников и учебных пособий с грифом Минобразования.

Владимир Никитович Сергеев как профессор кафедры теории и истории государства и права с 2005 г. участвовал в формировании «Антологии памятников права народов Кавказа». Его научная и учебно-организационная деятельность с 1990 г. по 2015 гг. в качестве проректора СККЦ при Правительстве РФ и Северо-Кавказской академии государственной службы при Президенте РФ, профессора кафедры получила признание в присвоении почетного звания «Заслуженный профессор Северо-Кавказской академии государственной службы» и награждении Почетной грамотой Министерства образования РФ.

В нашей памяти Владимир Никитович Сергеев останется благородным и открытым человеком, объективным и плодотворным ученым, опытным и талантливым учителем многих поколений студентов и слушателей.

Дирекция ЮРИУ РАНХиГС и Редакционная коллегия выражают искренние соболезнования супруге, дочери, всем родным и близким Владимира Никитовича.

*Дирекция ЮРИУ РАНХиГС
Редколлегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

- аннотация 10-12 строк;

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

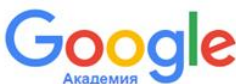
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1. 2021

Выход в свет 30.03.2021. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 994-21

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru